

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

Государственный архив Российской Федерации

Российский государственный архив социально-политической истории

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Издательство «Политическая энциклопедия»

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски *(Jörg Baberowski)*,
Л. Виола *(Lynn Viola)*,
А. Грациози *(Andrea Graziosi)*,
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс *(Hélène Carrère d'Encausse)*,
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис *(Robert Service)*,
Л. Самуэльсон *(Lennart Samuelson)*,
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик *(Sheila Fitzpatrick)*,
М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк

История сталинизма

Дебаты

Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы

Материалы
VI международной
научной конференции
Киев, 10–12 октября 2013 г.

ЕЛЬЦИН ЦЕНТР

РОССПЭН
Москва
2014

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)
С69

С69 **Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы** : Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М. : Политическая энциклопедия ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – 686 с. – (История сталинизма. Дебаты).

ISNB 978-5-8243-1929-3

В сборник вошли материалы международной научной конференции «Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы», состоявшейся в Киеве в октябре 2013 г. Конференция, шестая из цикла «История сталинизма», была посвящена одной из наиболее актуальных историографических и политических проблем современности. Кровопролитные войны, дезинтеграция ряда государств по национальному признаку, межнациональные конфликты и столкновения, угрожающие стабильности и целостности мира, постоянно напоминают о принципиальной важности и сложности национального вопроса. При этом политическая практика и многочисленные научные исследования исходят из того, что национальные противоречия и этнические конфликты обусловлены не только текущими условиями и событиями, но и в значительной мере историческим наследием. Это заставляет внимательнее относиться к изучению такого явления, как исторический опыт. Развитие советских наций и национальной политики в 1920–1950-х гг., несомненно, составляет важную ее часть.

В конференции приняли участие специалисты из России, Германии, Украины, США, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Литвы, Эстонии, Франции, Израиля, Беларуси, Узбекистана, Венгрии, Азербайджана.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

Конференция состоялась и настоящее издание подготовлено благодаря финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-1929-3

© Коллектив авторов, 2014
© Политическая энциклопедия, 2014

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ст. Кульчицкий

СТАТУС ТИТУЛЬНЫХ НАЦИЙ В ПСЕВДОФЕДЕРАТИВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ СССР НА ЭТАПЕ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО СТРОЯ (1917–1938 гг.)

От начала Второй мировой войны и до конституционной реформы М. Горбачева советский строй оставался таким, каким сложился за первые два десятилетия ленинско-сталинских преобразований. Поэтому столь важно разобраться в сущности этих преобразований. Глубина их воздействия на мировую историю в немалой степени определялась тем, что сущность советского строя была противоположной его внешним формам по основным параметрам – политическим, социально-экономическим и национальным.

Действительно, советская власть в первом приближении была рабоче-крестьянской властью. На деле, однако, она вырождалась в олигархическую диктатуру с тенденцией перерастания в деспотию. Социально-экономические преобразования приводили, как утверждалось, к переходу частной собственности на средства производства в руки общества. Фактически же общество оказывалось экспроприированным, а частная собственность под видом общенародной переходила в руки политических олигархов, которые завладели государством. Наконец, Советский Союз выглядел как содружество равноправных союзных республик, а фактически являлся сверхцентрализованным унитарным государством.

Титульной называют нацию, которая дала имя государству. Поскольку в Советском Союзе оказалось немало титульных наций, уже одно это заставляет не ограничиться столь простым определением. Определить статус советских наций можно лишь при условии выяснения отношений между государством и его многонациональным обществом. Начинать нужно с выяснения природы государства, которое создали вожди большевиков.

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс так определяли действия рабочего класса после победы пролетарской революции: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь

капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»[1]. Здесь поражает определение: «государство, т. е. пролетариат, организованный как господствующий класс». Выходит, что основоположники марксизма смешивали общности с иерархической структурой (армия, партия, государство) с бесструктурными (класс, общество, нация). Смешивание принципиально различающихся общностей приводило к тому, что рекомендации революционного марксизма повисали в воздухе. В том числе и та рекомендация, реализация которой означала появление коммунизма. «Коммунисты, – говорили они, – могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»[2].

«Манифест Коммунистической партии» появился за несколько недель до начала революций 1848 г. Всем известна его первая строка: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма». После этих революций призрак коммунизма в Западной Европе исчез, но в 1917 г. появился в Восточной Европе под влиянием объективных обстоятельств. К ним следует отнести остроту отношений между царским государством и обществом, крестьянами и помещиками, пролетариатом и буржуазией, а также ситуацию мировой войны. Миллионы разобщенных условиями производства и политически неорганизованных крестьян были мобилизованы в армию, т. е. превратились в структурированную и вооруженную общность, способную противостоять самодержавно-помещичьему строю. Советы солдатских и рабочих депутатов являлись самой мощной силой в российской революции. Именно они сыграли решающую роль в свержении самодержавия. Революция была общенародной, но и в феврале, и в октябре 1917 г. она оказалась в первую очередь советской. В ходе октябрьского переворота большевики завоевали власть только потому, что отказались на время от коммунистических лозунгов и взяли на вооружение советские.

Призрак коммунизма появился в России весной 1917 г. В «Апрельских тезисах» В. Ленин сформулировал для большевиков на период после взятия власти четыре задания: переименовать партию в коммунистическую; принять коммунистическую партийную программу; объединить родственные партии других стран в Коммунистический интернационал; создать государство-коммуну.

Большевистские теоретики разделили российскую революцию на Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социали-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 446.

[2] Там же. С. 438.

стическую, после чего объединили октябрьский переворот со своей коммунистической революцией. На деле, однако, российская революция началась в феврале 1917 г. и угасла с разгоном Учредительного собрания в январе 1918 г. Призрак коммунизма начал насыщаться плотью и кровью (причем большой кровью!) с весны 1918 г. Ленину понадобился год, чтобы повернуть страну, которая не ведала, что с ней делают, на путь строительства коммунизма.

Коммунистическое строительство осуществлялось традиционным для России методом «революции сверху». Царское правительство достигало желаемого результата в модернизации страны путем подражания апробированным на Западе образцам. Руководители партии большевиков стремились провести модернизацию принципиально иным путем. Их теоретический арсенал заключался в идеи двухфазного коммунизма. Первая фаза, которую назвали социализмом, отличалась от полного коммунизма способом *распределения* материальных благ: при социализме – по труду, при коммунизме – по потребностям. По способу *производства* материальных благ основоположники марксизма не усматривали различий между социализмом и коммунизмом. Социализм в их представлении был обществом, лишенным частной собственности и товарно-денежных отношений. Такое представление о социализме было и у руководителей партии большевиков вплоть до 1933 г. Лишь натолкнувшись на глубокий кризис, И. Сталин прекратил попытки заменить товарооборот продуктообменом и отодвинул задачу ликвидации товарно-денежных отношений на вторую, вполне утопическую, фазу коммунизма.

Сказанное выше является фоном при рассмотрении национальной политики Кремля, в центре которой находился концепт титульной нации. Для вождей большевизма национальная политика всегда оставалась на втором плане, ибо они взяли на себя неподъемную тяжесть реализации коммунистической утопии. Натолкнувшись на коллапс, В. Ленин отступил к новой экономической политике, и лишь потом замаскировал свою предыдущую политику концептом военного коммунизма, т. е. коммунизма навязанного войной. Натолкнувшись на такой же коллапс, И. Сталин объявил социализмом те преобразования, которые были осуществимы.

Очевидно, на все времена останется самым фундаментальным исследованием советского строя в период его становления 20-томный корпус монографий бирмингемской историко-экономической школы в составе Эдварда Карра, Роберта Дэвиса и Стивена Уиткрофта. Однако они, как и другие исследователи, упустили из виду, что создание советского строя выходило за рамки естественноисторического процесса. В предисловии к российскому изданию монографии «Годы голода» Уиткрофт заметил, что они с Дэвисом «не нашли свидетельств того, что советская власть осуществляла программу геноцида против

Украины»[3]. Спору нет, такой программы не было, но существовала принятая в 1919 г. программа РКП(б), которой руководствовались и Ленин до 1921 г., и Сталин до 1933 г.

Следует перейти к характеристике коммунистического государства, которое К. Маркс и Ф. Энгельс считали «пролетариатом, организованным как господствующий класс». В. Ленин определял его как государство-коммуну, или государство коммуны[4]. В первый день пребывания в революционном Петрограде он сформулировал лозунг «Вся власть – Советам!» Свою диктатуру вождь большевиков намеревался облечь в форму советского рабоче-крестьянского государства, ибо знал, как совместить копившийся веками стихийный экстремизм народных низов с доктринальным экстремизмом революционного марксизма.

Ленин называл пролетариат «классом в себе», который может в собственной среде выработать только тред-юнионское сознание. Превратить рабочих в «класс для себя» должна была организация революционеров, руководимая интеллигенцией. Такой организацией была, как он считал, только партия большевиков. Он называл ее «партией нового типа», и был прав: эта партия функционировала, в отличие от всех других, по принципу «демократического централизма». Партийная масса должна была безусловно подчиняться своим руководителям разных уровней, а руководители – вождям.

Роль и место своей партии и советов в системе государственной власти Ленин впервые определил в ноябре 1905 г. Он заявил тогда, что считает «нецелесообразным требовать от Совета рабочих депутатов (речь шла о Петербургском совете. – *Ст. К.*) принятия социал-демократической программы и вступления в Российскую социал-демократическую рабочую партию»[5]. Зная нацеленность большевистского вождя на завоевание власти, трудно представить себе, что он хотел отстранить свою партию от Петербургского совета, который готовился стать революционным правительством. Советы он рассматривал как управленческую структуру, неразрывно связанную с собственной диктатурой. Каким образом достигалась искомая неразрывность?

Во-первых, надо было организационно отделить советы от партии большевиков. Во-вторых, требовалось обеспечить безраздельный контроль за советами со стороны этой партии. Большевики должны были вытеснить из советов конкурентные партии и наполнить их со-

---

[3] Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 12.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 116; Т. 36. С. 264.

[5] Там же. Т. 12. С. 63.

бой, а также сочувствующими им беспартийными депутатами. Следовательно, партия большевиков начинала существовать в двух формах: как политическая партия, которая осуществляла под вывеской диктатуры пролетариата собственную диктатуру, а точнее – диктатуру вождей; как советы, которые формировались путем регулируемых парткомами выборов и имели весомые управленческие функции. Диктатура вождей опиралась на власть, прораставшую из народной толщи, но от народа совершенно независимую.

Термином «государство-коммуна» Ленин воспользовался лишь дважды. Компартийно-советский тандем стали именовать Советской властью (вопреки орфографии – с большой буквы). Сомневаться в ее народности было невозможно: свои кадры она брала из народных низов. Рабоче-крестьянское происхождение стало знаком высшего социального качества, подобно тому, как ранее таким знаком было дворянское происхождение.

Система власти окончательно сложилась в ходе сталинских преобразований. Общественные организации горизонтального типа, на базе которых формируется гражданское общество, были либо уничтожены, либо вертикализированы, т. е. перестроены по принципу «демократического централизма». Партийная и советская вертикали власти укоренялись в народной толще при помощи «приводных ремней» – разветвленной сети советов, комсомола, профсоюзов, множеством общественных организаций. Партия большевиков тоже превратилась в «приводной ремень», когда из нее выделилась внутренняя партия начальников – номенклатура. Вспомогательная вертикаль госбезопасности укоренялась в обществе миллионами секретных сотрудников (сексотов). Советское общество получило внутренний скелет, вследствие чего стало вести себя как иерархизированная структура типа партии или армии. В отличие от государств традиционного, тоталитарного или демократического типа, которые были отделены от своих обществ по определению, государство коммунистического типа погружалось в собственное общество всеми институтами, что придавало ему колоссальную силу.

Ленинский штурм сопровождался гражданской войной, и большевики постарались, чтобы эта война приобрела самые острые формы. Но они не были готовы одновременно противостоять национально-освободительному движению. Наоборот, они стремились взять угнетенные народы себе в союзники, чтобы одолеть сопротивление крупных собственников.

Успех в восстановлении распавшейся империи обеспечивался двойственной природой советской государственности – симбиозом управленческой власти советов, которая определялась конституциями, с диктатурой парткомов, которая в конституциях не фигурировала. Устанавливая советскую власть в национальных окраинах, вожди

большевиков были готовы предоставить им даже статус независимых государств. Ведь каждое советское государство по партийной линии подчинялось единому центру.

Ленин знал, что его стратегия более эффективна, нежели примитивный силовой курс белогвардейских генералов на восстановление «единой и неделимой» России. Выступая перед военными моряками в декабре 1917 г. он подчеркнул: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»[6].

Создаваемые в национальных регионах советы владели той же полнотой управленческой власти, как и советы в центральной России. Если организация власти по социальному признаку базировалась у большевиков на принципе «демократического централизма», то систему управления в национальных регионах следовало дополнить чем-то другим, чтобы исключить возникавшую для центра угрозу отторжения. Чем-то другим стал принцип политизации этничности, положенный в основу административно-территориального деления страны.

Ленинский Совнарком создавал в нероссийских губерниях национальные административные единицы. Они получали, за исключением районного уровня, название той национальности, которая составляла в них большинство населения. Желая казаться сторонниками наиболее радикального решения национального вопроса, вожди большевиков объявляли титульными все этносы, которые были этим большинством. Образовалась иерархия этносов, определяемая административно-территориальным делением. Во главе иерархии оказались русские. Титульные нации второго порядка образовали союзные республики, третьего – автономные республики, четвертого – национальные округа, пятого порядка – национальные районы. В Украине титульными нациями были украинцы (в границах УССР), молдаване (в границах Молдавской автономии), а также представители шести других национальностей – в границах национальных районов (русские, греки, болгары, поляки, немцы и евреи). Люди одной и той же национальности считались представителями титульной нации в границах собственных административных образований и представителями национального меньшинства – вне этих границ. Статус русских в Украине был двояким. Официально они считались

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115.

национальным меньшинством в пределах республики. Неофициально вожди большевиков считали русских титульной нацией общесоюзного масштаба.

Великорусский шовинизм долгое время рассматривался как главная опасность в национальном вопросе. Однако в ходе острого кризиса 1932–1933 гг. руководители партии стали считать главной опасностью национализм, снабдив его приличествующим прилагательным – «буржуазный». На приеме высших руководителей партии и государства в Кремле 2 мая 1933 г. Сталин встал на стул (тогда микрофонов не было) и произнес тост, в котором прозвучала такая фраза: «Русские – это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира»[7]. Эти слова произносились тогда, когда достигла пика смертность крестьянского населения в трех хлебопроизводящих регионах страны, вызванная карательной конфискацией всего продовольствия, причем гибли от голода не только украинцы в своей республике и на Кубани, не только немцы в своей поволжской республике, но и миллионы русских крестьян.

Об этом следует помнить, когда мы пытаемся определить реальную значимость наивысшего статуса представителей русской национальности в иерархии советских титульных наций. Советские граждане независимо от национальности, социального положения и занимаемой должности, вплоть до должности члена Политбюро ЦК ВКП(б), были одинаково бесправными перед дьявольским изобретением Ленина – государством-коммуной.

Опытным полигоном в формировании национальной политики для Кремля всегда была Украина. Рассмотрев в декабре 1919 г. вопрос «О Советской власти на Украине», VIII Всероссийская конференция РКП(б) записала в своей резолюции: «Члены РКП(б) на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и разговаривать во всех советских учреждениях на родном языке»[8]. Принцип «учиться и разговаривать на родном языке» Ленин отстоял в настолько откровенной полемике с русскими большевиками, что свою речь на партконференции решил не публиковать. Она не опубликована доныне[9].

Народы, которым руководители РКП(б) позволили жить в формально независимых республиках, а после образования СССР получить формальное право на выход из федерации, были титульными

---

[7] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1117. Л. 10. URL: http://Sovdoc.rusarchives.ru; Фонд Сталина: URL: http://Sovdoc.rusarchives.ru

[8] В. І. Ленін про Україну. Київ, 1969. Ч. 2. С. 359.

[9] См. об этом: Кульчицький С. В. Реставрація Української СРР // Нариси історії Української революції 1917–1921 років. Київ, 2012. Кн. 2. С. 325–326.

нациями с государственным статусом. Центробежные настроения у них подавлялись партийными комитетами, которые были проводниками диктатуры вождей. Другие титульные нации удовлетворялись принципом «учиться и разговаривать на родном языке». Разница между титульными нациями союзных республик и всеми другими состояла в том, что первым препятствовала стать полноценными нациями партийная диктатура, а все прочее являлись этнонациями даже по официальному статусу. Украинцы в Советском Союзе имели на начало 30-х гг. три разных статуса: представителей титульной нации в УССР, претендентов на титульную нацию в случае объединения с УССР половины уже украинизированных районов Северного Кавказа, и национального меньшинства – во всех прочих регионах.

Кумулятивный эффект от соединения принципов «демократического централизма» и политизации этничности превращал Советский Союз из федерации равноправных республик в страну имперского типа с наивысшей степенью централизации власти. Политический режим не зависел ни от партии, которую он подмял под себя, ни от общества, которому оставалось безропотно выбирать в советские органы власти кандидатов от «блока коммунистов и беспартийных». Не зависел он в сталинские времена и от номенклатуры, которую постоянно тасовали ротациями или репрессиями, чтобы она не пускала корни в населении, стремясь к меньшей зависимости от высших инстанций.

Наличие многих титульных наций не подрывало привилегированного положения русских, которые не считали себя национальным меньшинством в любом регионе СССР. Не нужно, однако, переоценивать привилегий русских в вертикализированном обществе, которое было поглощено государством-коммуной. Следует признать, что олигархический центр отражал, прежде всего, русские национальные интересы. Об этом свидетельствовали безуспешные попытки правительства Украины увеличить территорию республики за счет прилегавших российских земель с преобладавшим украинским населением. С другой стороны, Российской Федерации не позволили создать в Москве или Ленинграде партийно-советский центр, равновеликий тем, который имели другие союзные республики.

Наличие нескольких титульных наций в каждой союзной республике с вертикализированной системой, встроенных в массу населения государственных структур, препятствовало формированию политической нации. Как известно, политической нации в другой системе координат соответствует гражданское общество, т. е. совокупность созданных самими гражданами организаций, которые объединялись по горизонтали и не зависели экономически и политически от государства. В СССР гражданское общество не могло возникнуть в силу того, что у населения почти полностью отсутствовала частная

собственность на средства производства. Жалкие остатки частной собственности под другими названиями оставались только у сельских товаропроизводителей.

Концепт титульной нации требовал осуществлять кампанию коренизации, т. е. укоренения советской власти в границах национальной административно-территориальной единицы. Эта кампания способствовала развитию культуры титульных наций, хотя вожди рассчитывали лишь на укоренение своей власти. Формула коренизации власти была изложена Сталиным в докладе на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г.: «Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, – необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, права, обычаи, быт нерусских национальностей»[10].

Компания коренизации власти развернулась практически одновременно с образованием Советского Союза. Оказалось, однако, что коренизация была двуликим Янусом. С одной стороны, она содействовала укоренению советской власти в национальных регионах. С другой стороны, она способствовала подъему национального самосознания нерусских народов, которые получили статус титульных наций. Этот подъем стимулировался элементарной дерусификацией, производившей глубокое впечатление на «местных людей» (как выражался Сталин). Достаточно упомянуть своеобразный культ, окружающий в украинской историографии личность одного из основателей большевизма Николая Скрыпника. Другим примером перекоса в оценке коренизации является «идея империи положительной деятельности» Терри Мартина[11].

Подъем национального самосознания народов проявлялся в их стремлении превратить декларативную советскую федерацию в нечто реальное. Это вызывало глухое, а с начала 30-х гг. и – открытое противодействие со стороны власти. Руководитель КП(б)У, немец по происхождению, Эммануил Квиринг находился в Украине так долго, что смог убедиться, насколько эффективно принцип «учиться и разговаривать на родном языке» вдохновлял «местных людей» на сопротивление имперскому центру. Еще в начале июня 1923 г. он обозначил потенциальную угрозу, которую несла с собой национальная политика Кремля: способность коммунистической украинизации перерастать в петлюровскую[12]. Именно «петлюровская» украинизация способствовала национальному возрождению, т. е. действовала

[10] Сталин И. Сочинения. Т. 5. С. 240–241.

[11] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». М., 2011.

[12] Там же. С. 119.

вразрез с намерениями режима возвратить титульные нации в состояние этноса. Постановление ЦК ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря 1932 г. прекращало «легкомысленную, не вытекающую из культурных интересов населения, не большевистскую “украинизацию” почти половины районов Севкавказа»[13]. В этом постановлении украинизация уже официально расщеплялась на «большевистскую» и «петлюровскую». Прекращение активно поддержанной населением кампании украинизации ликвидировало перспективу возникновения на половине территории Северо-Кавказского края второй в границах СССР Украины. Объединение этих двух Украин было явно нежелательным для Сталина и его команды.

Третьим компонентом принципа политизации этничности, наряду с концептом титульной нации и кампанией коренизации власти, была государственная фиксация национальной принадлежности человека, т. е. «пятая графа» советских анкет. Во внутренних паспортах, которые вводились для населения городов и новостроек с 1933 г., эта графа оказалась уже на четвертом месте, после фамилии, имени и отчества. Чтобы удерживать общество под жестким контролем, государству полагалось знать две основные характеристики своих граждан: социальное происхождение и национальность.

Различение граждан по признаку национальности было важным не само по себе, а только в соединение с принадлежностью к титульной нации. Преследуемые в Украине за «буржуазный национализм», украинцы часто спасались в России, где переставали быть представителями титульной нации, т. е. утрачивали свой политический статус. Опасными для власти были только украинцы со статусом титульной нации.

Государство сумело ликвидацией горизонтальных связей между людьми и глубоким проникновением в толщу общества партийной, советской и чекистской вертикалями власти исключить возникновение любых неконтролируемых организаций. Имея миллионы глаз и ушей в обществе, оно знало о действительных настроениях граждан и реагировало на них созданием фантомных организаций из инакомыслящих с последующим их репрессированием. Однако украинцы и без всяких организационных связей осознавали себя нацией, а не этносом. Социальный взрыв первой половины 1930 г., который заставил Сталина на полгода прекратить коллективизацию, был стихийным, но на территории Украины в нем постоянно звучали лозунги национальной революции 1917–1920 гг. Новый социальный взрыв в

[13] Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ., 1990. С. 292.

республике, который назревал в 1931–1932 гг. на фоне общесоюзного голода, был предотвращен генсеком созданием ситуации абсолютного голодания.

Репрессивные действия против украинской титульной нации центральная власть маскировала подчеркнутой украинофилией. Сталинский наместник в УССР П. Постышев преследовал национальную интеллигенцию, одетый в украинскую вышитую сорочку. Когда местные аппаратчики истолковали репрессии 1933 г. как прекращение кампании украинизации, он немедленно пресек попытки ограничить права титульной нации. Очередной демонстрацией показательной украинофилии был перевод в 1934 г. республиканских органов власти из Харькова в национальную столицу украинского народа – Киев.

Постоянное пребывание в эпицентре сталинских репрессий глубоко отразилось на способности украинского народа противостоять государству-коммуне. На переломе 80-х и 90-х гг., когда системный кризис советского строя достиг апогея, не Украина, а Россия оказалась той республикой, которая разрушила псевдофедеративный государственный строй СССР.

Р. Г. Суни

СОВЕТСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ: ЕДИНСТВО ПРОТИВОРЕЧИЙ

Я начну с утверждения о том, что нации представляют собой «аффективные сообщества» в той же мере, в какой они являются «воображаемыми сообществами», и о том, что национальная идентификация наблюдается не только у людей, которые имеют общие интересы, но также и у тех, с кем ощущается особая связь, – некоторого рода «сходство» и привязанность, отличающиеся от тех чувств, которые испытываются к представителям других наций. Помимо реального или фиктивного сходства этнических групп, нации основываются на различного рода воображаемых отношениях: общности происхождения и предков, общей истории и судьбы, крови или культуры, веры в духовное единство народа или, как в Соединенных Штатах, общей приверженности политическим принципам, которые образуют мощный культурный синтез. Признаки общности варьируются; они являются избирательными, переменчивыми и часто устоявшимися. К ним относятся: язык, религия, соматические признаки, пища, стили, модели воспитания детей, соответствующее выражение эмоций и т. д. Все это, однажды сказанное, кажется абсолютно очевидным, однако именно эмоциональную сторону формирования нации, а не когнитивную, рациональную или стратегическую, часто обходят вниманием или вовсе о ней забывают в большинстве научных работ по социологии наций.

Мой аргумент заключается в том, что социальные общности – всякого рода группы, социальные классы, этнические принадлежности, нации, национальные государства, даже империи – работают наиболее эффективно, когда эмоции, которые испытывают к ним люди, действуют особым образом и с определенной интенсивностью. Каким образом они ощущаются и как они переживаются, в свою очередь является вопросом, как они запоминаются и как передаются. Мы живем историями, которые рассказываем о себе и о других. Поскольку индивидуальная или даже коллективная память может быть несовершенной, эти истории и то, как мы помним наш опыт, являются мощной системой координат, которые как раз принимают новые очертания и

стимулируют наши эмоциональные связи с людьми и политическим организованным обществом, в котором мы живем.

В фундаментальном труде Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» в главе «Патриотизм и расизм» отражается взгляд, наиболее всего наводящий на размышления. В ней автор предупреждает, что «сомнительно, чтобы социальное изменение или трансформированное сознание сами по себе могли исчерпывающим образом объяснить *привязанность л*юдей к продуктам своего воображения, или – если вспомнить вопрос, поставленный в начале этого текста, – почему люди готовы отдать жизнь за эти мысленные образы?»[1] Далее он предполагает, что «прогрессивные интеллектуалы-космополиты» (так называемые европейские марксисты) должны двигаться дальше, настаивая «на чуть ли не патологическом характере национализма, который коренится в страхе и ненависти к Другим, что он сродни расизму», и помнить, «что нации внушают любовь, причем нередко до основания пропитанную духом самопожертвования»[2]. В противоположность сторонникам политической науки, пытающимся сократить понятие нации до рационального расчета, Андерсон настаивает на эмоциональных связях внутри нации. Политическая любовь, отмечает он, выражается через «терминологию родства (“motherland” – родина, “*Vaterland”– отчизна, “patria” – отечество*) или лексикой, относящейся к понятию “родной дом” (“*heimat”*или “*tanah air* [“земля и вода”; выражение, обозначающее у индонезийцев родной архипелаг])»[3]. Эти идиомы обретают силу, т. к. обозначают, что человек связан с природой, это неизбежно, и является тем, что нельзя выбирать, и к чему нельзя относиться беспристрастно. «Семья традиционно воспринималась как территория бескорыстной любви и солидарности», и таким же образом «для большинства обычных людей, к какому бы классу они не принадлежали, суть нации состоит в том, что в нее не вкладывают никакого корыстного интереса. Именно по этой причине она может требовать жертв»[4]. Как утверждает Андерсон, то, что дает основание для принесения в жертву самого дорогого, – отдать жизнь за родину, – «приходит только с идеей чистоты, через фатальность», а не через личный или материальный интерес[5]. Что бы ни говорили теоретики о конструируемости наций тем, кто им верит, нации являются примордиальными, они существовали с самого на-

[1] Anderson Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 1991. P. 141.

[2] Ibid.

[3] Ibid. P. 143.

[4] Ibid. P. 144.

[5] Ibid.

чала как данность и представляют собой органическое единство. Это не рациональный выбор, а эмоциональный акцент.

Язык, на который часто ссылаются как на первоисточник народности, показан Андерсоном не только как средство определения понятий и коммуникации, – «фатальности языкового разнообразия человечества», – но также как фундамент примордиальности, поскольку никто «не может назвать дату, когда родился тот или иной язык[6]. Каждый смутно проявляется из бесконечного прошлого» и «ничто, как язык, эмоционально не связывает нас с умершими»[7]. Язык обеспечивает неразрывность и уединенность; его нельзя отнять путем имперских завоеваний. Он впитывается с молоком матери и остается с человеком до конца жизни, являясь важным средством, при помощи которого «воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее».[8] Привязанности и принадлежности, обнаруживаемые в языке, в истории, в памяти и в воображении являются теми источниками, из которых возникают и сохраняются воображаемые сообщества.

В основном нации представляют собой современные формы политических сообществ, которые состоят из людей, предполагающих, что в силу некоторых общих характеристик, будь то язык, религия, общность происхождения или исторический опыт, – они имеют право на самоопределение, право управлять собой и обладать их предполагаемой «национальной» родиной. Несмотря на то, что группы, похожие на нации, существовали на протяжении всей истории, нация как форма общества в своем полностью сформированном виде стала главной формой национально-политической идентификации только с развитием «дискурса о нации» в ранний современный период (приблизительно с XVII до начала XIX в.), с которого берет начало соответствующая легитимизация политической власти в результате признания ее «народом», образующим «нацию». В этот момент культура, чаще всего этническая, но иногда гражданская и политическая, становится базисом для политических прав и законности государственной власти.

Именно в период, который мы могли бы назвать «моментом нации»: во время революций в конце XVIII в. и социальных потрясений в начале XIX в., в период бунта романтизма против рациональных ценностей Просвещения возник дискурс о нации, была зафиксирована примордиальная национальная идентичность определенного круга лиц. Со скандальным разрывом между европейскими колониями и

[6] Ibid. P. 43. (Скорее всего, это опечатка. Следует читать С. 143 – *прим. пер.*)

[7] Ibid. P. 144, 145.

[8] Ibid. P. 154.

метрополиями, начавшимся с американской революции, идея нации как новая политика, наделенная правами самоуправления, проникла в язык политики. Несмотря на то, что ей предшествовала риторика нации, народный суверенитет и сопротивление абсолютной монархии во время славной английской революции 1688 г., вызов нации, выразившийся в разрыве с традициями и старыми формами политической легитимации, обрел, силу во время французской революции[9]. Приблизительно в то же время возникло понятие «нация» как сообщество людей с общей культурой, устремлениями и со своим политическим багажом в качестве субъекта в описании исторических процессов. В начале XIX в. государственные деятели и представители интеллигенции в Европе учились говорить на «национальном языке». Концепция нации стала общей в политическом языке, несмотря на то, что ее смысл был разнообразным, нестабильным и часто оспариваемым. Ее развитие зависело от амбиций авторов.

Я фокусируюсь на этом моменте происхождения в конце XVIII и начале XIX в., т. к. мне кажется, что это явилось стечением обстоятельств, в значительной степени предопределенных пробужденным интересом к эмоциям и фактическим опытом отдельных лиц и групп людей, обладающих каскадом родственных эмоций. Ученые давно заметили тесную связь между эмоцией и национализмом XIX в., возникшим в том виде в эпоху романтизма. Для Гердера, во многих отношениях являющегося автором национализма, чувство (Gefühl) было средством для размышления и понимания. Посредством языка чувство постигало реальность с такой оперативностью, которой не могло постигнуть сознание. Люди и мир были объединены чувством, которое затем можно было выразить словами, однако сначала каждое понятийное обозначение включало эмоциональное отношение к миру. Поэзия и музыка были не только прекрасными представлениями о мире, но для Гердера это средство понимания его посредством «логики эмоций». «Поэт, – говорил он, – является творцом народа вокруг себя: он показывает им мир, и у него в руках их души, которые он ведет в тот мир»[10].

---

[9] Pincus S. Nationalism, Universal Monarchy and the Glorious Revolution // State/Culture: State-Formation after the Cultural Turn /ed. G. Steinmetz. Itaka, London: Cornell University Press, 1999. P. 182–210; Hunt L. Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1984. P. 123–125; Sewell W. H., Jr. The French Revolution and the Emergence of the Nation Form // Revolutionary Currents: Transatlantic Ideology and Nationbuilding, 1688–1821 / eds. M. Morrion, M. Zook. Rowman and Littlefield, 2004. P. 91–125.

[10] Цит. по: Johann Gottfried von Herder // Encyclopedia Britannica. Chicago: William Benton, 1970. Vol. 11. P. 418. С тех пор как историки и теоретики обратили внимание на социологические установки, сделавшие возможным понятия нация и национализм:

Начиная с середины XIX в. национальная идентичность истолковывалась в основном как единственная, унитарная, идентичность, а не многообразие понимания самих себя, вписанных в длинную историю и привязанных к определенной территории. Переход к национальному, произошедший вместе с конструктивной трансформацией, которая привела к изменению традиционных классификаций идентичности, возможно, был чисто случайным. Но однажды появившись, нация как форма стала движущим средством преодоления психологических кризисов идентичности раннего Нового времени и современности. Сила такой идентичности заключается в широком транснациональном дискурсе о нации, который объясняет территориальное владение и статус государства тем, кто предъявляет преимущественные и эксклюзивные требования, основанные на языке, культуре или расе. Как новая форма политической легитимизации, нация привнесла культуру вместе с решительным политическим требованием самоуправления, которое, в конечном счете, получило официальное одобрение в истории о прошлом. Опыт обнаружения далеких предков, длинной родословной в истории королей, сыновей, получавших власть на основании связи с отцами, конечно, относится к ранним формам политической легитимизации, по крайней мере, к Библейским временам, если не еще к более раннему периоду.

В мире соперничающих за территорию или политическую власть такие генеалогические или примордиальные утверждения являлись практическим и даже необходимым разрешением трудностей, связанных с обоснованием преимущественных и эксклюзивных требований к недвижимому имуществу в разных странах мира. Открытое признание фактической фабрикации прошлого или конструированной природы национальной гомогенности подорвало бы предполагаемую це лостность и единство тела народа, обладающего

разрушение старых культурных систем и идентичностей, социальная мобильность и социальные связи, развитие печатного капитализма, практика абсолютистских форм бюрократии, война и мобилизация народа, – мы обнаруживаем эмоции любви, гордости страха и негодования, в обязательном порядке вставляемые в повествования чаще всего без распознавания. Позаимствовав у Фридриха Ницше, Лиа Гринфелд использует термин *«ressentiment»* (чувство злобы и обиды – *прим. пер.*) как центральную тему в своем грандиозном исследовании 5 национальных характеров. «*Ressentiment*» представляет собой «физиологическое состояние в результате подавляемых чувств зависти и ненависти (экзистенциальная ненависть) и невозможности удовлетворения этих чувств». Основываясь на сопоставимости основных параметров субъекта и объекта при их фактической неравности, понятие *ressentiment* «поощряло партикуляристскую гордость и ксенофобию, предоставляя эмоциональную пищу для зарождающегося национального чувства и поддерживая его, когда оно ослабевало» (Greenfeld L. Nationalism Five Roads to Modernity. Cambridge, MA, London: Harvard University Press, 1992. P. 15–16).

полномочиями в на стоящее время. Националист не может быть конструктивистом! Кроме того, поскольку этнические и религиозные сообщества донациональной эпохи не четко соотносятся с современными нациями, а сами нации в своей основе являются изменчивыми категориями, примордиализм и эссенциализм выполняют трудную работу по материализации нации. Как потрудились продемонстрировать нам конструктивисты, в действительности идентичности могут быть меняющимися, устоявшимися, ситуационными, однако в реальном мире политики участники действуют так, как будто они являются неизменными по причине инструментального разума (своего рода «стратегический эссенциализм») и эмоционального удовлетворения. Так же, как идея о семье, форма нации обеспечивает четкие границы сообщества, внутри которого социальные продукты могут быть распределены соответствующим образом. Не случайно народно-демократические формы политической организации общества совпали с распространением дискурса о нации, который наделил полномочиями простых людей, определил источники права управлять народом и установил границы инклюзивности и эксклюзивности, в пределах которых могут быть распределены привилегии и поощрения.

В таком случае национальная идентичность начинается с эмпатических привязок к тем, кто состоит в группе, и дистанцирования и отличия от тех, кто находится вне ее. Вместе с тем можно возразить, что все коллективы, все группы любой жизнестойкости требуют аффективных связей среди своих членов. Отличия заключаются в сущности в стиле, в рассуждении и значении, придаваемым этим эмоциональным связям в нациях, этнических и прочих группах и государствах. Общие нарративы связывают членов нации вместе в созданном сообществе, – и в дискурсе о нации это легитимизирует право народа управлять собой посредством избранных ими лидеров, которые похожи на них самих. Факторы риска для группы являются угрозой для индивидов, которые идентифицируются с этой группой. Тревоги, обиды, страхи и ненависти могут быть отнесены к этой коллективной идентичности. Они создают эмоциональный характер группы, из них возникают специфические эмоциональные реакции, когда испытываются соответствующие раздражители. Из этих состояний и эмоций возникают тенденции к прогнозируемым действиям. При определенных обстоятельствах может случиться конфликт или насилие. Эти аффективные сообщества, которые мы называем «нациями», с их сопутствующими полномочиями людей и возможной приверженностью к демократической политике, их очевидным успехам при мобилизации народных армий для военных действий, – в начале XX в. оказались наиболее серьезной угрозой для тогдашних распространенных форм государственного устройства, династических монархий и империй.

Империя – это государственное устройство, основывающееся на покорении, на разнице между правящим классом общества и его субъектами и подчинением отдаленных районов имперскому центру. Оправданная властью правителя и претендующая на божественное благоволение и династические права, империя требует покорности и преданности. Несмотря на то что она может желать любви властителя, она этого не требует. В отличие от аффективных сообществ, которые мы называем «нациями», империи имеют совершенно иную эмоциональную валентность. Изначально империи не основываются на чувствах общности и братства *(fraternité)* или горизонтальной равноценности (é*galité*). Пожалуй, разница между правителем и подчиненными, обеспеченная законом, является в империи нормой. В прошлом страх и благоговение перед правящим владетельным князем являлись неотъемлемыми чертами в арсенале политической власти. Московские правители видели себя в роли отцов, защищавших своих подданных, русских или нерусских, которые предполагали эмоциональную связь между правителем и подчиненными. Отец мог быть *батюшкой* своему народу, но отношения отцов к детям, особенно строгих отцов, в большой степени отличается от идеальных отношений между братьями и сестрами[11]. Как продемонстрировал Ричард Вортман в своей работе по царским ритуалам, отдаленность власти от народа, а не родство и семейные связи, отличали империю и дифференцировали ее от государства-нации будущих веков[12]. Даже модели государственного правления были иностранными: Византия и монгольские ханы, – иностранное происхождение давало превосходство. Когда в 1905 г. (подходящая и общепринятая дата) это ощущение патернализма и защиты было утеряно, не имея сильных связей с нацией на месте, империя оказалась еще более уязвимой к притязаниям радикалов, имеющих конкурирующие точки зрения о том, как следует править Россией.

История царизма – это история империи, которая время от времени занималась сотворением нации, однако ее практика национализации государства всегда находилась в напряжении со структурами и дискурсами об империи. Царизм никогда не создавал нацию, т. е. *аффективное сообщество* якобы равенства и братства на территории всей империи или даже не привил ощущение нации среди основного

[11] Личная беседа Валери Кивельсон с автором.

[12] «Выражая политическое или культурное превосходство правителя, иностранные характерные черты имели позитивное значение, а отечественные черты – нейтральную или негативную» (Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy // From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 6).

ядра российского населения, несмотря на то, что ему удавалось вызывать огромную лояльность важных представителей элиты страны и оживленную дискуссию о народе (people, nation) и народности (nationness, nationality) среди представителей русской интеллигенции от славянофилов и панславов до ярых антисемитских реакционных писателей. Сторонник империи стремился препятствовать, если не ниспровергать все, что было связано с национальным, т. к. национальное разрушало стабильность и легитимность иерархического и дифференцированного имперского государства, которое в том виде, в каком оно существовало, основывалось на присущих ему несправедливостях, натурализованных различиях и ощущении, что вышестоящий имел право управлять подчиненными без их согласия. Как показал Александр Моррисон, русские не смогли «развить подлинную форму имперского гражданства»[13], но в отличие от заокеанских империй, жесткие сословные иерархии, различные права, обязанности и привилегии, а также гораздо более репрессивные, даже драконовские правила по отношению к перифериям (см. карательные экспедиции 1905–1907 гг.), не говоря уже об обширных территориях империи, недостаточности средств коммуникации и транспорта, недоразвитой системы образования и низкого уровня грамотности создали проблему когерентности и солидарности, являющуюся идеальным показателем наций, которая была чрезвычайно трудноразрешимой для русских. В то время как Московское государство и имперская Россия преуспели в объединении ключевых регионов своей империи, о которых часто упоминается как о *«внутренних губерниях»,* в единую национальную принадлежность, иной административный опыт, плотность местных этнических групп и влияние политики поселений сохраняли и усугубляли разницу между русским ядром и нерусскими перифериями. В последние годы своего существования династия становилась все в большей степени некомпетентной и даже вероломной. Т. к. русские терпели поражения и огромные потери в Первой мировой войне, хрупкая аура легитимности была снята с императора и его супруги, которые повсеместно воспринимались далекими от России, даже чужаками. То, что в давнем прошлом представлялось династии обретением своей достойной роли, их отличием от народа, теперь становилось фатальным обязательством. Патриотизм элиты, разрушенный нерусский национализм и усталость крестьян от невыносимого приношения себя в жертву по непонятным для них причинам объединились в смертельной схватке, чтобы подорвать монархию.

[13] Morriswon A. Aryanism, Asianism and Imperial Citizenship // Материалы конференции по Национальной идентичности в Евразии I: идентичности и традиции. Оксфордский университет, 22–24 марта 2009 г.

Принципы империи, легализированная дифференциация и неравенство были несовместимы с современными идеями о демократическом представительстве и эгалитарном гражданстве, которые владели вниманием интеллигенции и представителей городского сообщества. Когда монархия не выдержала испытаний войны, исчезли последние источники проявления народной любви и легитимности.

Советская история

Для большинства публики, а также для специалистов по русской / советской истории, история краха Советского Союза оказывается параллельной истории царизма: крушение империи под неизбежным натиском национализма, хрупкость транснациональной советской идентичности, разрушенной мощными эмоциональными связями этнонационализма, для развития которых или, в более общепринятом изложении, их подрыва советские люди так много сделали на протяжении более семидесяти лет.

Со времен *гласности* существовала борьба общественности за значение и память о советском опыте. Моя собственная точка зрения заключается в том, что мы недооценивали связующих элементов – политических, культурных и *эмоциональных,* – которые превратили СССР в довольно сплоченное государство вплоть до последних лет его существования. Поскольку отдельные свидетельства разнятся в значительной степени, я буду спорить, что советские граждане часто подвергались идентификации с этническими группами или нацией, к которой они были официально приписаны, и с Советским Союзом, как с родиной или отечеством. Скорее чем обычное западное представление об этническом индивиде, противостоящем русифицированному советскому режиму, в одной из трактовок “homo islamicius” против “homo soveticus” мы видим специфически советскую субъективность, которой удалось оценить этническую культуру человека, впитать и даже сохранить ценности и нормы советской жизни. Интенсивность идентификации с СССР сильно отличалась. Например, она была высокой у русских и армян, но в других случаях, в таких как у эстонцев и многих грузин, – глубоко враждебной. Однако свидетельство этих относительно позитивных эмоциональных взаимоотношений может быть получено по причине продолжительной ностальгии многих людей в Украине, Белоруссии, Центральной Азии, Молдавии и России о прошлом и сожаление о развале Союза. Возможно, этнонация являлась семьей, а дружба народов была выражением официальной сентиментальности и принятия желаемого за действительное, однако люди чувствовали принадлежность к Советскому Союзу, готовность защищать его, умереть и убить за него, и воспринимать его как роди-

ну. Советские власти и творческая интеллигенция успешно ковали эмоциональную связь для нескольких поколений: сначала для революции и Гражданской войны – для плана по созданию нового мира, затем для Ленина и Сталина, олицетворявших советский проект, а позже для победы над фашизмом. Это была гражданская культура, которая связывала людей с широкими пространствами и высоким статусом власти. Позже многие почувствуют себя обманутыми в том, что их судьбы основывались на ложных представлениях и неосведомленности о происходящем, о чем они не знали или не пытались знать. Эта амбивалентность выражена в постсоветском стихотворении Е. Евтушенко:

Прощай наш красный флаг...
Ты был нам брат и враг.
Ты был дружком в окопе,
Надежной всей Европе,
но красной ширмой ты
загородил ГУЛАГ
и столько бедолаг
в тюремной драной робе.
Прощай наш красный флаг...
Ты отдохни,
приляг,
а мы помянем всех,
кто из могил не встанет.
Обманутых ты вел
на бойню,
на помол,
но и тебя помянут –
ты был и сам обманут.

Одной из многочисленных ироний советской истории является то, что государство, которое различными способами демонстрировало черты империи, в действительности по прошествии длительного времени создало нечто наподобие мультинационального государства-нации с помощью интернационалистической идеологии, своего самопровозглашенного исторического плана построения социализма и привлечения интереса нерусских людей к национальности. Как в любой империи верховная власть принадлежала только центру – коммунистической элите, метрополии советской империи. Русской и нерусской периферией правили во имя собственной партийной *mission civilisatrice* (цивилизаторской миссии), которая подобно политике французских и португальских зарубежных империй подняла бы их на более высокий уровень цивилизации и даже более амбициозно стремилась создать общую культуру, в данном случае советскую, в

которой народы СССР пришли бы к сближению, и, возможно, в конечном счете слились бы в единый советский народ, свободный от национализма и многих национальных черт. Существовало два плана, которые кажутся противоречивыми (можно сказать диалектическими): стимулирование этнонациональной культуры нерусских людей (коренизация) вкупе с этнонациональными территориями и захватом государственности, а также окультуривание, интегративная программа модернизации «отсталой» крестьянской страны с верой в то, что социалистическая форма воплощения обеспечит однородность многих разных социальных и этнических групп. Советский Союз был в то же время государством-империей и государством наций. Остается открытым вопрос, который требует дальнейшего изучения: стал ли СССР своего рода нацией; насколько глубокими были эмоциональные узы, которые связали вместе различные народы в единое аффективное сообщество?

Противоречия между империей и многонациональным государством наций никогда не были полностью разрешены. Они внесли свою лепту в глубокие структуральные проблемы и дискурсивную путаницу, которой знаменуется советский опыт. В то время как окончательный крах советской системы и последующая отмена Союза (два разные, но связанные между собой явления) в первую очередь, были результатом необдуманных решений и практик верхушки коммунистической партии, лежащая в основе этнонациональная структура обеспечивала способности и возможности, которые в момент чрезвычайной уязвимости помешали попыткам Горбачева создать более демократическое и децентрализованное государство и способствовали преобразованию в пятнадцать (или более) независимых республик.

Мое гипотетическое предположение заключается в том, что создание советской нации не было линейным процессом. Национальная интеграция испытывала взлеты и падения. В довоенные годы достижение хороших результатов такого грандиозного плана было преждевременным. Однако большевики очень рано поняли необходимость создания нового грандиозного исторического нарратива, который был нужен для советского эксперимента. Символы царского режима были сокрушены и заменены не национальными социалистическими символами. Первым памятником, построенным новым режимом, был трогательный постамент, украшенный именами великих социалистов европейской истории: конечно, Маркса, но и Прудона, Лассаля, Кропоткина и других, которые недолго пробыли в советском пантеоне. В действительности, первые десять лет представители советской власти, пожалуй, за исключением энтузиастов коммунистической партии, гораздо больше были заняты национальной реставрацией и реконструкцией, а не эффективным достижением транснациональной формы советской национальной идентичности. В 30-е гг. Ста-

лин начал подобный интегративный проект, завершившийся экстремальным вариантом нерусской национализации. Он ознаменовался ленинцами и годами нэпа, нападками на местный и буржуазный национализм, чисткой первого поколения национал-коммунистов, концентрацией государственной власти в Москве и навязыванием формы Великого Русского Советского патриотизма – советского по форме, русского по содержанию, – на страну в целом. Торжественные празднования превратились в гигантскую советскую индустрию, при этом перемены в политике требовали воздвижения, а позднее и снесения памятников. Подъем коллективизации, опустошительный голод, и великая чистка разделили население на множество проигравших и небольшое число победителей с противостоянием и конфликтом лояльностей[14]. Но нация постепенно заменила класс как главный символ. Поправляя Маркса и Энгельса, в 1931 г. Сталин утверждал, что пролетариат теперь имеет отечество.

Такие ученые как Джеффри Хоскинг, Ян Хубертус и Рональд Григор Суни акцентировали внимание на слабости русской национальной идентичности в имперский период именно в первые десятилетия XX в. Ленинцы активно препятствовали русскому национализму во времена нэпа, и уже в 30-е гг. людей могли наказать за «великий русский шовинизм». В своем труде о мнении населения в 1930-е гг. Сара Дэвис отмечает хрупкость чувства русской национальной принадлежности среди простых рабочих и крестьян и его словесное выражение в первую очередь в кулуарах при контакте с другими, такими как евреи и армяне[15]. В то время как русские в своих пословицах и песнях выражали этническую гордость и ощущение уникальных черт русского характера или внутреннюю враждебность к евреям и к остальным, более широкая идентификация с абстрактной нацией оставалась аморфной. Все же приписывание национальности, ее фиксированность во внутреннем паспорте после 1932 г. превратились в нечто более конкретное, что ранее считалось более расплывчатой идентификацией[16].

---

[14] Гарвардский проект по советской социальной системе предоставляет превосходный и легкодоступный путь к рассмотрению отношения народа и интеллигенции к результатам сталинской национальной политики. URL: http://hcl.harvard.edu/collections/hp/index.html

[15] Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, propaganda, and Dissent, 1933–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 88–89.

[16] Существует много литературы о советском паспорте, а также о приписывании национальности. Напр., см.: Shearer D. Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1953 // Journal of Modern History. LIIVI. 4. December 2004. P. 835–881; Yuri Slezkine. The USSR as a Communal Appartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. LIII. 2. Summer

Сталинские 30-е гг. были временем формирования «национального большевизма», как называет его Дэвид Брандербергер (вслед за диссидентом-коммунистом М. Н. Рютиным), – внедрения «нового прагматизма» в советскую идеологию, которая «в итоге сделала выбор на русоцентричной форме этатизма, как наиболее эффективном способе стимулирования построения государства и лояльности народа к режиму»[17]. Это новое направление, нативистское, даже националистское, не было нацелено на «продвижение русского этнического интереса... даже... на воспитание максимально доступного популистского чувства *советской* социальной идентичности посредством инструментального использования призывов русоцентричного направления»[18]. Бранденбергер аргументирует, что намерением Сталина и его приверженцев было «стимулировать немного больше чем просто чувство лояльности к партии и государству между 1931-м и 1956-м гг.», но они невольно генерировали «массовое чувство национальной идентичности в советском обществе», которое «оказалось достаточно продолжительным и пережило распад СССР»[19].

В своих кампаниях власть использовала язык эмоций. «Советский патриотизм – это пламенное чувство безграничной любви, – было написано в передовице газеты "Правда" в 1935 г., – беззаветной преданности своей родине, глубокой ответственности за ее судьбу и оборону, которая как вешняя вода струится из глубин нашего народа». По приказу Сталина новая советская история должна была быть насыщенной героями и событиями и не содержать абстракций, которые были характерны для школы историографии М. Н. Покровского.

Понятие «дружба народов» было представлено в советском словаре в декабре 1935 г., частично дополнив термин «братство» (brotherhood). Терри Мартин приводит доводы, что «дружба народов» заменила «империю положительной дискриминации» 1920-х гг. и начала 1930-х гг., чтобы стать новой конституцией СССР, воображаемым сообществом советского государства. По словам Мартина,

---

1994. P. 414–452; Eley G., Suny R. G. Becoming National, A Reader. New York: Oxford University Press, 1996. P. 203–238; Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford University Press, 1933; Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2001; Brown K. The Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

[17] Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian national identity, 1931–1956. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. P. 2.

[18] Ibid. P. 4.

[19] Ibid. P. 9.

старый лозунг «братство» сохранял марксистское понятие классового конфликта, при этом «дружба народов» подчеркивала доверие, которое развивалось между представителями разных национальностей и в особенности между национальными меньшинствами, преодолевавшими недоверие, имевшее место к русским раньше[20]. Мое собственное ощущение заключается в том, что эти два термина по-разному использовались для различных целей. При том, что понятие «братство» подразумевает бóльшую близость, оно также включает в себя иерархию между старшими и младшими братьями, и каждый осознавал, которая из наций скоро станет старшим братом (older brother)[21]. По сравнению с дружбой сокращение понятия родственных связей имело преимущество акцентирования на равенстве между советскими людьми. Друзья, в конечном счете, равноценны по отношению друг к другу. Их отношения состоят из доверия, преданности, зависимости, привязанности и взаимности. Равенство и иерархия были сведены вместе (диалектически!) в тосте Сталина 8 ноября 1938 г.: «Старая Россия превратилась в сегодняшний СССР, где все люди одинаковы... Среди равных наций, сословностей и областей СССР, наиболее советской и наиболее революционной является русская нация»[22]. Дружба также не является изначальной, независимой от воли связью, но однажды выбранная, представляет собой акт обязательства, сознательной психической деятельности, познавательного процесса, который нуждается в постоянной поддержке, работе над ним и защите от пренебрежения, ослабления или, в худшем случае, предательства.

Национализация и политическая интеграция сосуществовали (также с диалектической точки зрения) с новым акцентом на русские национальные темы и непрерывным стимулированием национальности (если не национализма) нерусских народов. Конечно, называя что-либо диалектическим, противоречия и напряжения, присущие этому, не устраняются. Сталинская концепция советского патриотизма, являющаяся откровенно русоцентричной, делала попытки не опуститься до этнонационализма, тем не менее границы между патриотизмом и национализмом были не только расплывчатыми, но их невозможно было даже начертить. Дискуссии о значении этих двух понятий не затихали в течение всего советского периода, но без четкого разрешения проблемы (в Армении это называлось «hairenasirutiun» и было приемлемым, а понятие «azgasirutiun» – нет). Часто указывалось, что во время войны советизм уступил свое место во имя русского

[20] Советский патриотизм // Правда. 19 марта 1935 г. Цит. по: Brandenberger D. Указ. соч. P. 28.

[21] За эти идеи я признателен работе Тома Хукера о дружбе 1930-х гг.

[22] Brandenberger D. Указ. соч. P. 284.

национализма, но данной формулировке недостает специфического слияния этих двух понятий, которые ознаменовали те годы. В своей первой речи по случаю годовщины большевистской революции в 1941 г. Сталин сказал «нации», что «вы должны черпать вдохновение из доблестного примера наших великих предшественников», – и далее стал называть их: «Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов, Михаил Кутузов». Безусловно, русские, но защитники отечества. Здесь присутствовал грузин на русском языке с акцентом, назвавший этих военных полководцев «нашими предшественниками». Они были не только прообразом этнических русских, но и всего советского народа в целом. Почти на протяжении всего военного времени риторические образы из российского прошлого смешивались с советским прошлым и настоящим. На известном советском плакате Кукрыниксов изображения Невского, Суворова и Чапаева звали красноармейцев вперед[23]. Солдаты, мужчины и женщины шли на смертельное сражение, выкрикивая: «За Родину, за Сталина!» Наднациональный, но русифицированный патриотизм был трансплантирован в ленинский интернационализм, заменивший классовый элемент новым преимущественным правом, имевшим место в прошлом России. Партийный лидер Щербаков высказал предположение журналисту-новеллисту Илье Эринбургу: «Бородино ближе, чем Парижская Коммуна»[24].

Война была помехой и средством ускорения, невыносимого жертвоприношения и выдающегося триумфа. Советские историки и партийные руководители ожесточенно боролись за «правильную» формулировку советского патриотизма и запретного национализма. По трактовке Жданова (1936 г.), царская Россия как «жандарм Европы» и «тюрьма народов», во всяком случае, была «меньшим злом» для нерусских. Гордость за русское прошлое стала нерушимой гордостью, несмотря на то, что такие историки, как Панкратова А. М., пытались возвысить воинственные черты нерусских. Киностудии в национальных республиках производили свои собственные версии, существовавшие наряду с «Александром Невским»: «Давид Бек» в Армении, «Георгий Саакадзе» в Грузии и «Богдан Хмельницкий» в Украине. В итоге не было принято ясного решения, и задача примирения национальной истории с историей Российской империи оказалась непреодолимой. В своем исследовании украинской историографии Сергей Екельчик делает заключение: «Было много пострадавших от этого сожительства: историки мало чего достигли, идеологи не могли

[23] «Мы, внуки Суворова, дети Чапаева, искренне сражаемся, смело колем штыки». Кукрыниксы, 1941. Илл. в книге Бранденбергера «Национал-большевизм». С. 117.

[24] Эринбург И. Люди, годы, жизнь. С. 322; Brandenberger D. Указ. соч. P. 150.

полностью контролировать написание и обучение истории, а учителя, по-видимому, бились за то, чтобы вселить в своих учеников гордость за прошлое своей нации и высокую оценку русских имперских достижений[25]. Но «поскольку критическое положение периода 1941–1943 гг. исправилось, партийная идеология вновь обратилась к чрезвычайной версии периода после 1937 года в отношении этнического первенства русского народа в советском обществе», идеология, которая, приходит к выводу Бранденбергер, «возникла со времен войны в еще более русоцентричной и этатической форме, чем была до начала вооруженного конфликта»[26]. Как провозгласил Сталин в своем знаменитом тосте в мае 1945 г., русские люди были «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза, руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны...» и у нее «имеется ясный ум, стойкий характер и терпение»[27].

Дневники, письма и официальные сводки свидетельствовали, что война усилила национальные чувства как русских, так и нерусских людей, а этническая гордость часто сопровождалась этнической враждебностью к другим. Существовало новое проявление вседозволенности по отношению к антисемитизму во время и после войны, которое распространилось во время антикосмополитической кампании и «дела врачей»[28]. В особых случаях, таких как в Западной Украине или Балтийском регионе, недавно включенных в состав Советского Союза, национализм был направлен против Советов. Но было бы неправильным делать заключение, что все формы партикуляристского национализма противопоставлялись более широкому советскому патриотизму. Длительное воздействие последствий войны во многом сказалось на высокоэффективной политической и эмоциональной интеграции советской и национальной форм идентификации. Советский Союз стал отечеством (fatherland) и даже родиной (motherland). Оказалось легко формировать представления и испытывать лояльность одновременно к этно-нации и к СССР, но более трудно отделять одно от другого. Победа укрепила и возвеличила советский режим и Сталина. История действительно оказалась на их стороне, но когда плоды победы были отвергнуты капиталистическим Западом, когда возникло ядерное оружие, чувство незащищенности и страха, гордость и вера усилили чувства

[25] Yekelchyk S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Russian Historical Imagination. Toronto: University of Toronto Press, 2004.

[26] Ibid. P. 130, 131.

[27] Цит. по: Ibid. P. 130–131.

[28] Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the fate of the Bolshevik Revolution. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 114–122.

многих по отношению к la patrie en danger («отчизне в опасности» – *прим. пер.*). Словно для того чтобы подчеркнуть разницу с ранним интернационализмом, сталинское руководство конца 1940-х гг. превратило ксенофобию в проявление лояльности к социалистическому отечеству. Нативистское чувство гордости объединилось с глубокой враждебностью к Западу.

Метод исследования в послевоенный период включал в себя строго ограниченные нерусские формы национализма (по всей видимости, Сталин говорил режиссеру Сергею Эйзенштейну: «Мы должны преодолеть возрождение национализма, который мы испытываем ко всем [нерусским] народам»)[29], распространение исторического нарратива Российской империи, являющегося основой советского патриотизма и использование фактов сражений и победу в Великой Отечественной войне для укрепления паннациональной идентификации с Советским Союзом. Разные истории нерусских были жестко подчинены русскому нарративу. В 1948 г. Коммунистическая партия Армении обвинила ученых в «идеализации исторического прошлого Армении». Три года спустя она подвергла жесткой критике роман «Искры» писателя XIX в. Раффи, который всего лишь 4 года назад одобрила к переизданию. Сталинская Россия / СССР – эти два термина равнозначно использовались в конце 1940 – начале 1950-х гг., – была империей наций с русскими в качестве имперской нации, но в отличие от царской империи Советский Союз под руководством Сталина усердно и систематически работал над созданием аффективного сообщества. С интернационалистской и эгалитарной идеологией он преуспел в создании такого сообщества. Однако в империи советское сообщество сосуществовало с национальными сообществами.

Советский государственный гимн, утвержденный в 1944 г. и заменивший «Интернационал», четко резюмирует национальный патриотический синтез:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь!
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

ПРИПЕВ:
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

[29] Brandenberger D. National Bolshevism. P. 187. [Нерусским] было добавлено Бранденбергером.

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Национальность была реальностью, которую со времен Ленина национальная политика советской власти превратила в конкретную. Формально она уступала советскому патриотизму, но тесная связь советизма с Россией преподнесла сотням миллионов советских граждан дилемму примирения их этнонациональных связей с их наднациональными формами лояльности. Некоторые, например эстонцы, просто отвергли Советский Союз, равно как и Россию, и жили исключительно в своем собственном этническом сообществе. Другие же, как сотни тысяч армян, которые жили или переселились в Россию и в другие республики, ассимилировались в русско-советскую культуру и, несмотря на то, что по паспорту они не изменили своей национальности, они фактически стали «русскими» по языку, культуре и отношению. Через одно или два поколения они вступили в смешанные браки, и даже по паспорту их идентификация становилась невозможной. Между этими двумя полюсами были и другие, которые метались туда-сюда между идентичностями или создавали гибридные идентичности, и в зависимости от ситуации при некоторых обстоятельствах становились советскими, а в других – представителями этнических групп. Национальность была настолько мощным индикатором в позднем советском обществе, что он неизбежно использовался в качестве инструмента, например, для продвижения по политической или социальной лестнице внутри национальной республики или при эмиграции из Советского Союза (евреев, немцев, корейцев и других).

При воспроизведении своеобразия своей собственной нации в советской империи, многие русские воспринимали весь Советский Союз как свою вотчину (т. к. при отсутствии российских республиканских учреждений, эту функцию выполняли всесоюзные институты), одновременно с этим жалуясь на то, что русские находились в положении подчиненных и эксплуатируемых по отношению к нерусским национальностям. Ицхак Брудный (Yitzhak Brudny) писал: «Русское население вообще, и русские националисты в частности существенным образом рассматривают СССР как русское государство-нацию, а не как империю. Они настаивали на том, что проблемой СССР было то, что он не был достаточно русским»[30]. Русская самоидентификация

[30] Yitzhak Brudny. Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. P. 7.

и национальная чувствительность строилась не только на привилегированном статусе «herrenfolk» или «имперской нации», но также на *неприязни,* которую многие русские испытывали по отношению к нерусским народам с зеркально противоположным статусом. Советский Союз представлял собой странную империю, в которой народы периферии, по мнению многих, жили лучше и обладали большими преимуществами, чем народ метрополии.

Брудный практически делает различие между формальным «национализмом» советского государства, целью которого было включение всех народов СССР в состав воображаемого сообщества «советский народ», и русским нациообразующим национализмом, возникшим в последние десятилетия Советского Союза. Он способствовал созданию исключительно этнической русской нации и со временем мог бы составить конкуренцию гражданскому национализму ельцинского периода, который предложил гражданскую российскую нацию[31]. История, которую Брудный рассказывает о возникновении постсталинского русского национализма, весьма интересна. В первую очередь, в начале и в середине 1950-х гг., по инициативе журнала «Новый мир» очеркисты-деревенщики изображали разруху русской деревни с присущей им критикой сталинского наследия и с ностальгией оценивали крестьянские традиции и ценности, находившиеся под угрозой исчезновения. Солженицынская Матрена была одновременно и жертвой и героиней – идеализированным символом России. Хотелось бы заметить, что это схематическое представление общественной сферы в Советском Союзе было связано с хрущевской кампанией десталинизации и лишь относительно являлось националистическим. Но эта умеренная критика со стороны поэтов и политических писателей была дозволена режимами Хрущёва и Брежнева, несмотря на то что политические писатели были вынуждены уйти в самиздатовское подполье. Поскольку марксистская идеология утратила свою мобилизационную силу и ее методы ведения политики свелись к администрированию, брежневский режим нашел поддержку для возрождения сельского хозяйства путем включения националистов в допустимую область выразительных средств. Партия разрешила им контролировать союз русских писателей и публиковать свои работы в толстенных журналах типа «Молодая гвардия» и «Наш современник». Либеральные и консервативные националисты вскоре объединились в более радикальных националистов, противостоявших либерализации советской политики, и посвятили себя этатизму. Однако националистов трудно было приручить, и при Андропове их

[31] Ibid. P. C. 7–8.

деятельность приостановилась. Даже когда они наслаждались мерой государственной поддержки, все равно культурная политика национализма не шла дальше интеллигентских дискуссий, и когда в годы правления Горбачева снова возникло гражданское общество, националисты не имели успеха на арене массовой политики. Альянс консервативных и радикальных националистов потерпел поражение на выборах 1990 г. во время съезда народных депутатов РСФСР.

Только теперь стало очевидным, что индустриализация и урбанизация в капиталистическом или социалистическом варианте по сравнению с ожиданиями марксизма и теории либеральной модернизации приводит к избавлению от национальных различий и конфликтов. В Советском Союзе сохранилась не только национальность, но и усовершенствовалась власть, сплоченность представителей различных национальностей и элиты. Национальные идентичности представлялись как нечто материальное и примордиальное. Вроде бы равные в многонациональном государстве-нации, в действительности советские националисты жили в постоянном состоянии превосходства или находились в невыгодном положении в зависимости от того, кем они являлись. Русские могли быть привилегированными в центре, но не обязательно в Армении или в Грузии. Армяне процветали в Армении, а если знали русский язык и культурно ассимилировались, то жили хорошо России и в других республиках. Но именно из-за своей этнической принадлежности находились в невыгодном положении в Грузии и Азербайджане. Различия и иерархии во власти, доступ к различным социальным продуктам разоблачали истинный характер Советского Союза как империи. Вместо того чтобы покончить с межэтнической враждебностью, социальная мобилизация обострила межэтническое соперничество за ограниченные социальные ресурсы, тогда как урбанизация и образование привели к «повышенному национальному самосознанию и растущему национальному сепаратизму среди более социально мобилизованных членов каждого национального сообщества»[32]. Русификация возникла как спонтанно, так и в результате правительственных программ. Однако в некоторых союзных республиках (примечательно, что именно в балтийских, кавказских и в Украине) местные интеллектуалы защищали и развивали свою собственную культуру и язык.

Процесс соединения советского патриотизма и лояльности с какой-либо этнической нацией так и не завершился и оставался хрупким, а иногда слабым. Т. к. Хрущёв и, в особенности, Брежнев разрешили национал-коммунистам оставаться во власти на долгие

[32] Kaiser R. J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 248.

годы, в нерусских республиках возникла сильная элита. В последние десятилетия советской власти националисты испытывали беспрецедентную степень местной автономии, результатом которой стали панибратство, коррупция и разрешительная политика в отношении к местному национализму. Например, в Армении были воздвигнуты памятники геноциду 1915 г., христианскому мученику Вартану Мамиконяну, в честь битвы в Сардарабаде против турецких захватчиков в 1918 г., и даже воину-националисту генералу Андранику. Казалось, национальная гордость заняла почетное место выше конформности к советским идеологическим предпочтениям. В Грузии, на главной улице – на проспекте Руставели, стоял памятник двум дореволюционным поэтам – Илье Чавчавадзе и Акакию Церетели, которые были общеизвестными националистами, безусловно, не социалистами.

Крах марксистского мировоззрения, уже потасканного и истрепанного, особенно среди молодежи, оставил идеологический вакуум, который быстро заполнился наивной и проникнутой романтикой верой в чудеса демократии, капитализма и национализма. Готовый к использованию национализм в поздние советские и постсоветские времена был на службе у политиков от Ельцина до Путина. Но вместо позитивных эмоций любви и гордости, аффективно доминантное положение концентрировалось на зависти, чувстве обиды, беспокойстве из-за краха России как великой державы, унижении от признания поражения перед Западом, возмущении отношением к России и русским неблагодарных бывших советских республик. Победа во Второй мировой войне оставалась оживляющим моментом для ощущения заслуженного величия России, ее потерянного престижа и мощи. Однако народный национализм в России не завладел широкой публикой, а оставался явлением, ограниченным кругом интеллектуалов, некоторых политиков и довольно изолированных групп оппозиционеров на отчужденной окраине.

В других постсоветских республиках, – в нескольких самых маленьких республиках, – особенно в Балтийском регионе, Молдавии и на Кавказе, а также в Западной Украине национализм в определенные моменты оказался мощным. Но он не охватил мусульманские республики или Белоруссию. Путь к капитализму и демократии оказался тяжелым и трудным, и даже бывшие коммунисты быстро облачились в этнонациональные одежды, чтобы остаться у власти. Они осуществляли националистические программы с целью усиления чувства нации в своих новых государствах. Однако обучение языкам и патриотические истории являются только началом создания аффективного сообщества. Принимая во внимание общее благо, хищнические правительства в большинстве постсоветских государств никогда не действовали в национальных интересах. Результаты выборов подтасовывались или оказывались украденными; использо-

вался произвол для сохранения старой элиты у власти; политическая линия часто задумывалась с целью удовлетворения покровителей и защитников, а не населения. Семьдесят лет советской власти представляются как отклонение, как деформация, которая должна быть полностью исправлена для восстановления разных наций на их правильном и здоровом пути к цивилизации. Российские руководители и многие представители интеллигенции отказались от мира, в котором выросли, мира который они знали по опыту, и вплоть до середины 1970-х гг. являвшегося одним из прогрессивных и целенаправленных общественных укладов, несмотря на все репрессии, мирское несовершенство и продажность. Вместо этого они привели страну в мир непредсказуемости, коррупции и криминала, экономических трудностей, военной слабости и стремительного упадка России, от статуса великой страны к израненному, униженному, усеченному государству. С течением времени российская и постсоветская рыночная экономика превратилась в специфическую пиратскую форму капитализма, которая создала для большинства бедность, а для меньшинства баснословное богатство. Перед лицом реставрированного авторитаризма демократические чаяния за пределами Балтийских республик умирали медленной смертью.

Несмотря на то что в 1990-е гг. многие демократические и западные ценности получили у русских большое одобрение, уничтожение советской системы ценностей резко разделило страну на тех, кто поддерживал генеральное направление экономических и политических изменений, инициированных Горбачевым и Ельциным, и на тех, для кого отказ от советского прошлого как подлинной части российской истории и традиции означал отстранение от перестройки нации. Люди, которые боролись и страдали ради этой системы, неожиданно оказались недовольными, дезориентированными маргиналами, размахивающими красными флагами. Возврат к символам и институтам досоветского прошлого – двуглавому орлу, имперскому флагу, православной церкви, перезахоронение последней царской семьи (хотя [пока еще] не восстановление гимна «Боже царя храни») создали негативный резонанс среди бывших *«совков»,* не говоря о двадцати процентах русского населения, которые не являлись ни православными, ни этническими русскими[33].

[33] *«Совок»* (мн. ч. *«совки»*) в буквальном смысле означает *«совок для мусора»*, но в последний советский период оно передавало значение негативного отношения к кому-то или чему-то «советскому». Так стало называться амбивалентное отношение к советскому человеку. Последнюю дискуссию на эту тему см.: Страшный Г. «Что такое совки?», где написано: «Совки. Откуда пошло это слово? Говорят, что один советский режиссер в 70-х годах снял фильм. Ему премию дали. Большую, государственную. Он с друзьями накупил дорогого коньяка, и стали они искать, где его выпить. А дело было

Интеллигенты и политики полемизируют по вопросу, что составляет русскую нацию и государство, следует ли восстановить бывший союз или ограничить его до Великого, Малого и Белорусского, образующего республику русскоговорящих или до многонационального государства, в котором «русский» понимается как этнический русский и как российский гражданин[34]. Как доказывает Марк Басин, евразийство является основной реакцией на крах империи, и как демонстрировал Александр Титов, его популярность в 1990-е гг. может быть объяснена советскими ценностями[35]. Писатели от таких либералов, как Ципко, до евразийцев, таких как Сергей Лавров и Лев Гумилев, сожалели о падении Советского Союза, о потере страны, с которой они идентифицировались, несмотря на свои глубокие личные раны, от которых они так много страдали.

До известной степени Путин привел в порядок ценное наследие, доставшееся ему от Ельцина. Пользуясь преимуществом высоких цен на нефть, ему удалось сформировать коалицию широкого спектра от коммунистов до националистов, за исключением дискредитировавших себя либералов. Там, где Ельцин попытался похоронить коммунистическое прошлое, как если бы его никогда не существовало, Путин объединил гордость советских достижений с реформами, которые положили конец командной экономике и монополии коммунистической партии. Как неолиберал во внутренней политике и твердый реалист в международных делах, он восстановил красный флаг для вооруженных сил и советский национальный гимн (хотя и в новом звучании), возродив символы, которые до сих пор создают (эмоциональный – *прим. пер.*) резонанс у многих людей. Советский Союз никогда не был в полном смысле государством-нацией и никогда не мог быть этнонациональным государством. Он оставался империей даже когда Горбачев тщетно пытался трансформировать его в многонациональное государство путем удаления из советской структуры имперских элементов. Однако в этой империи, в противо-

---

в воскресенье, когда все закрыто. Наконец, забрались в детский садик, сели на бортик песочницы. Там, в песке, нашли детский набор из лопаточек, формочек и стали из него пить коньяк дорогой. Режиссеру достался маленький детский совочек. Пьет он, пьет, а потом вдруг как скажет: “А ведь живем мы все, ребята, в совке”. Эту историю рассказывал сам режиссер по телевизору. Имя режиссера не помню». URL: http://www.grisha.ru/zapiski/26.htm

[34] Tolz V. Conflicting Homeland Myths and Nation-State Building in Postcommunist Russia // Slavic Review. Vol. 57. No. 2. Summer 1998. P. 268, 289, 293–294.

[35] Bassin M. Eurasianism from Trubetskoi to Dugin; Titov A. Lev Gumilev and the Rebirth of Eurasianism. Статьи были представлены на конференции по национальной идентичности в Евразии I: идентичности и традиции. Университет Оксфорда, 22–24 марта 2009 г.

положность царской, строители советского государства смогли заложить фундамент аффективного сообщества – супраэтническую связь между разными национальностями и советскую деловитость в целом. Гордость достижениями социализма, боль за жертвы сталинизма и мировая война сочетались с любовью к двойственной родине и желанием принести себя в жертву за общее будущее. Советские народы имели этническую и национальную идентичность, и для многих национальное распространялось на Советский Союз как на родину, как на гражданскую идентичность. Иногда и то и другое поддерживало друг друга при напряженных отношениях; в другое время то и другое состязалось и даже подрывало друг друга. Широкая советская гражданская идентичность уступала, но только при чрезвычайных обстоятельствах. Возникла этника, и ей тогда пришлось разрешать свои разногласия при создании наций в новых постсоветских государствах. Как и многие другие идентичности, идентификация с советским планом оказалась хрупкой в период гласности и перестройки, когда старые истины коренным образом были реконцептуализированы, а теперь превратились в горькую ностальгию.

В позднем постсоветском анекдоте говорится о молодом червяке, задающем своему отцу вопрос о жизни:

«Отец, – говорит молодой червяк, – каково жить в яблоке?»

«О, сын, – отвечает отец, – жить в яблоке прекрасно; оно сочное, хрустящее, вкусное».

«Отец, – спрашивает сын, – каково жить в апельсине?»

«О, сын, жить в апельсине невероятно, его жидкость – это источник радости, это Калифорния».

«Но, отец, тогда почему мы живем в дерьме?»

«Сын! Есть такая вещь как родина!»

Г. Костырченко

ДОКТРИНА «СТАРШЕГО БРАТА» И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АНТИСЕМИТИЗМА В СССР В СВЕТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА В 1930-е гг.

Сталинская этнополитическая перестройка

Ровно сто лет тому назад с 23 сентября по 28 октября Киевский окружной суд рассматривал дело Менделя Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве русского мальчика Андрея Ющинского. И хотя присяжные вынесли тогда оправдательный вердикт и пострадавшего от антисемитского навета Бейлиса освободили, тем не менее факт инспирирования этого скандального процесса властями вкупе с идейно близкими им ультраправыми общественно-политическими организациями («Союз Русского народа» и др.) явился провозвестием той катастрофической смуты, которая поразила Россию спустя четыре года. Правда, новые правители страны – возглавлявшиеся Лениным большевики – сразу объявили себя защитниками угнетавшихся царизмом нацменьшинств, которые они не только уравняли в правах с русскими, но и в чем-то даже поставили в привилегированное положение. Однако властный наследник Ленина Сталин не только свел на нет либеральные в духе «позитивной дискриминации»[1] этнополитические начинания своего предшественника, но и, развернув затем масштабный террор в этой сфере, так обострил ситуацию, что полностью выправить ее не удалось за все время существования Советского Союза, крах которого во многом и произошел потому, что сдетонировал «национальный вопрос» – эта политическая мина замедленного действия.

[1] Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 63–80.

Осуществляя в 1930-е гг. коренную ревизию так называемой ленинской национальной политики, Сталин, как представляется, находился под влиянием следующих политических моментов:

– разразившаяся в конце 1920-х гг. в глобальной экономике «великая депрессия» и начавшееся тогда постепенное сползание человечества в пучину новой мировой войны способствовали осознанию Сталиным жизненно важной необходимости государственно-политической консолидации СССР, призванной на фоне проявленной капитализмом слабости явить миру убедительную парадигму советской социалистической мощи; по сути программным явилось выступление Сталина 4 февраля 1931 г. на первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, на которой он, в общем-то, прозорливо заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[2];

– борясь за укрепление собственной единоличной власти, Сталин больше не желал оставаться на равных с другими советскими вождями и, как когда-то первый консул Французской республики Наполеон, вожделел абсолютной власти императора; политическая нестабильность в стране, которая искусственно нагнеталась самим Сталиным, благоприятствовала исполнению его честолюбивых планов, ибо тяжелые времена всегда взыскуют авторитарного лидера;

– будучи изощренным и циничным политиком, Сталин вполне осознал к концу 1920-х гг., что евреи и другие нацменьшинства, на которые сделал ставку Ленин (уподобился «возлюбившему» немцев Петру I), уже успешно выполнили возложенную на них историческую миссию – своей поддержкой помогли большевикам удержать власть и запустить механизм социальной модернизации страны, в том числе и ее этнической основы в лице русских;

– возникновение у Сталина того серьезного опасения, что инициированная им в 1923 г. политика «коренизации» кадров национальных республик может обернуться там этнонациональным сепаратизмом; особенно его тревожила Украина, руководство которой уже со второй половины 1920-х гг. подозревалось в заигрывании с местной культурной элитой и скатывании на позиции буржуазного национализма; в связи с этим, думается, достаточно будет лишь обозначить ключевые имена и сюжеты: историк-академик Михаил Грушевский, нарком просвещения Александр Шумский, его противостояние с Лазарем Кагановичем, преемник Шумского и давний критик сталинской «автономизации» (1922 г.) Николай Скрыпник, чью фана-

[2] Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 39.

тичную приверженность украинизации Сталин квалифицировал как национал-уклонизм и «грехопадение», писатель-коммунист Николай Хвылевой, который покончил с собой, как и Скрыпник, арестованные в 1929 г. ученые-лингвисты Сергей Ефремов и Андрей Никовский, которых наряду с прочим обвинили в том, что, обновляя словарь живого украинского языка, они изъяли из него слова «малоросс» и «хохол», но включили – «жид»; впрочем, все это были мелкие придирки, тогда как главным потаенным стимулятором данного прессинга на политико-культурную элиту Украины был параноический страх Сталина «потерять Украину»; именно это словосочетание он использовал в письме Кагановичу от 11 августа 1932 г., убеждая того, что в «Украинской компартии... обретается не мало гнилых элементов... прямых агентов Пилсудского»[3];

– в преддверии новой мировой войны советского вождя все чаще тревожил призрак «лоскутной» Австро-Венгрии, развалившейся в результате предшествовавшего глобального политического катаклизма, о чем он неслучайно вспомнил, презентуя в конце 1936 г. проект новой конституции[4]; чтобы застраховать свою империю от подобной гибельной перспективы, Сталин и запустил тогда механизм лингвистической гомогенизации полиэтнического советского общества, действовавший на основе русской этнокультурной доминанты; хотя эта языковая политика и несла на себе определенный шовинистический налет той классической русификации, которая проводилась в период правления Александра III и которую Сталин познал, обучаясь в Горийском духовном училище, тем не менее она была обусловлена не столько идеологической причиной (как это было в царской России), сколько сугубой прагматикой и не содержала элементов явного административного насилия; насаждая языковое единообразие в этнически разнородном обществе, Сталин в условиях приближавшейся войны наверняка пытался главным образом поднять управленческую эффективность государства и укрепить национально-социальную сплоченность общества; даже такой ярый политический оппонент Сталина, как Л. Д. Троцкий отмечал, что тот использовал русский язык не как средство национального угнетения, а как инструмент управленческой централизации[5]; при этом ставилась задача не обрусения иноэтнического населения, а его советизации на русской лингвистической основе; и русские культурно деэтнизировались (советизировались) даже интенсивней, чем другие «социалистические

---

[3] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001. С. 273–274.

[4] Правда. 26 ноября 1936.

[5] Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 142–148.

нации»; ведь РСФСР, в отличие от других союзных республик, не имела ни национальной компартии, ни комсомола, ни даже академии наук.

Доктрина «старшего брата»

Кардинально преобразуя советскую государственность, Сталин апеллировал в идейном плане к исторической парадигме имперской российской государственности, прелюдией к которой послужила ранее сформулированная им теория построения социализма в отдельно взятой стране. Та заменила изрядно поблекшую и обветшавшую установку на мировую революцию, которая в значительной мере выработала к концу 1920-х гг. свой пропагандистский ресурс, да и явно ассоциировалась с преданным анафеме Троцким. Собственно, суть предпринятой Сталиным идеологической перестройки заключалась в замене ленинского большевистского интернационализма так называемым советским патриотизмом, который должен был обеспечить «морально-политическое единство» советского общества и сплочение его вокруг общенародного вождя. На упомянутой конференции 1931 г. Сталин торжественно объявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»[6].

Смену идеологических парадигм в СССР – интернационалистской на советско-патриотическую – предопределило то важное обстоятельство, что в глобальном соперничестве трех макроидеологий – либерализма, коммунизма и национализма – последний стал уверенно доминировать. К концу 1934 г. диктатура Сталина оформилась окончательно. В отличие от Ленина, он видел себя не столько всемирным коммунистическим лидером, сколько претендовал на роль правителя, тотально подчинившего себе как аппарат власти, так и общество в целом, во всем его социальном и национальном многообразии.

В конкретной интерпретации Сталина патриотическая идея представляла собой нечто эклектичное, амбивалентное, причудливым образом соединявшее в единое целое коммунистическую догматику и парадигму русского исторического величия. Из этих двух «неслиянных» идейных источников им было почерпнуто лишь то, что обеспечивало укрепление милитаризованной и чиновно-аппаратной государственности и консолидацию общества вокруг всевластного

[6] Сталин И. В. Указ. соч. Т. 13. С. 39.

вождя, и, наоборот, решительно отброшено все мешавшее достижению этой цели. Из прошлого был значительно больше востребован дух самодостаточности и изоляционизма старой Московии, чем западничество Петра Великого. При категоричном осуждении русского либерализма, с удивительной похожестью возрождались полицейско-бюрократические порядки периода царствования Николая I, так характеризовавшиеся М. Е. Салтыковым-Щедриным: «Время было глухое и темное. Правительство называли «начальством», а представление о внутренней политике исчерпывалось выражениями: «ежовые рукавицы» и «канцелярская тайна»[7].

Весной 1936 г. Сталин был официально объявлен «отцом народов» СССР[8]. А выступая 25 ноября на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, вошедшем в историю как грандиозный пропагандистский спектакль под названием «Принятие сталинской Конституции», он торжественно возвестил о победе «ленинской национальной политики» в СССР, который «есть свободный союз равноправных наций»[9]. На самом деле под таким словесным соусом состоялись своего рода тайные похороны прежней этнополитической стратегии большевиков, основополагающим принципом которой был политически необходимый для них на первых порах приоритет прав нацменьшинств над правами русского большинства.

Подлинную ленинскую национальную политику[10] Сталин завуалировано подменил своей теорией «старшего брата», которая провозглашала (но фактически не обеспечивала!) этнополитическое главенство русских. Конкретная ее суть сводилась к следующему: поскольку русские и по занимаемой ими территории и по численности доминируют над другими народами СССР, а также лидируют в культурно-историческом и экономическом плане, они призваны (как это было и до 1917 г.) исполнять миссию государствообразующего народа, а посему им поручалась роль «руководящей силы Советского Союза»[11].

---

[7] Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. М., 1980. С. 553.

[8] Правда. 12 апреля 1936.

[9] Правда. 26 ноября 1936.

[10] В конце 1922 г. Ленин так сформулировал квинтэссенцию этой изначальной большевистской политики: «...Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359).

[11] Именно так выразился Сталин на приеме в Кремле по случаю победы в Великой Отечественной войне 24 мая 1945 г., поднимая тост за здоровье русского народа (Правда. 25 мая 1945 г.).

В передовице «Правды» от 1 февраля 1936 г. провозглашалось: «В созвездии союзных республик первой величиной является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. И первым среди равных является русский народ». То, что он был автором новой национально-государственной доктрины, Сталин подтвердил 7 ноября 1937 г., когда заявил в своем близком окружении: «Среди равных наций государства и стран в СССР самая советская, самая революционная – это русская нация»[12].

Однако отнюдь не любовь к русским заставила холодного прагматика Сталина так их словесно возвеличить. Исходя из того, что этот народ был одной из наиболее многочисленных и великих мировых наций, он резонно посчитал его наиболее подходящим материалом для строительства своей империи, способным, подобно цементу, надежно скрепить воедино все ее этносы. Всякое другое историческое предназначение русских, особенно то, что ставило во главу угла отстаивание ими прав на собственную национальную и культурно-религиозную самобытность, Сталин решительно отвергал как антиимперское, репрессивно пресекая в зародыше.

Этнополитическая составляющая сталинской модели государственности имела строго иерархическую схему, в которой наверху стояли русские, уровнем ниже – украинцы, еще ниже – белорусы. Затем по нисходящей следовали другие народы, имевшие собственную государственность в виде союзных республик. Следующий по значимости «блок» составляли так называемые титульные народы автономных республик и т. д., вплоть до самой последней ступени этой этнопирамиды, которую занимали экстерриториальные национальные меньшинства, в том числе и евреи, чья автономия на Дальнем Востоке носила исключительно пропагандистско-символический характер. Характерно, что советское сокращение «нацмен» именно с середины 1930-х гг. стало приобретать уничижительно-пренебрежительный, а в просторечии и ругательный смысл.

Наблюдая за таким «обимпериванием» ленинского «проекта СССР» образца 1922 г., некоторые интеллигенты еврейского происхождения пребывали в растерянности. Некий искусствовед В. Блюм сетовал в письме Сталину на то, что со второй половины 1930-х гг. в советской пропаганде стали проступать черты «старого буржуазного и расистского оборончеств». Этот адепт ленинского интернационализма искренне недоумевал: «Почему сейчас так много идет разгово-

[12] Застольные речи Сталина: Документы и материалы / сост. В. А. Невежин. М., 2003. С. 151.

ров о силе русского оружия в прошлом, которое служило средством закабаления и угнетения других народов?»[13]

Одним из логических следствий сталинской государственно-патриотической перестройки стали предпринятые в ходе «большого террора» массовые репрессии по так называемым национальным линиям, в ходе которых пострадали главным образом диаспоры враждебных СССР стран-лимитрофов, в том числе Польши, Финляндии и Литвы.

Генезис госантисемитизма

Главной предпосылкой официального аппаратного антисемитизма, собственно, и явилась описанная выше сталинская патриотизация власти, существенно повысившая градус ее этнонационализма, который по аналогии с законом сообщающихся сосудов корреспондирует обычно с антисемитизмом.

Основным социальным движителем госантисемитизма стала сформировавшаяся к началу 1930-х гг. новая генерация советской бюрократии, в которой превалировала молодежь «рабоче-крестьянского» происхождения. Она стремилась к властным вершинам, но там бал правили управленцы «первого призыва», вступившие в партию или еще до революции, или сразу после нее и заменившие в свое время в сфере управления старых русских чиновников, объявивших бойкот советской власти. Отнюдь неслучайно кульминация этого возникшего внутри правящей страты кадрового конфликта поколений совпала с «большим террором» 1937–1938 гг., инициированным Сталиным, дабы в том числе избавиться от не желавшей ему беспрекословно повиноваться аппаратной «ленинской гвардии». Одновременно он сделал ставку на молодых и более манипулируемых в силу «советского воспитания» бюрократов. Их сознание не было обременено ортодоксальным коммунистическим интернационализмом, как, впрочем, и вообще какой-либо идейностью, романтическому идеализму «старших товарищей» они противопоставили цинизм и беспринципность парвеню. Пробиваясь наверх на волне «большого террора» и проходя таким образом сталинскую школу аппаратного выживания, многие молодые управленцы пропитались духом конформизма, и готовы были на многое ради карьерного успеха и сопутствовавших ему материальных благ. К тому же эта аппаратная генерация, состоявшая по преимуществу из уроженцев

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 348. Л. 63–77.

русских деревень, оптимально соответствовала взятому Сталиным курсу на идеологическую перестройку в духе советского патриотизма. Если в 1930 г. почти 70 % секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий были партийцами с дореволюционным стажем, то в 1939 г. эти посты более чем на 80 % были укомплектованы лицами, вступившими в партию после смерти Ленина, а среди секретарей райкомов и горкомов таковых уже было более 93 %[14].

Политика государственного антисемитизма, которая в малых дозах стала практиковаться Сталиным уже вскоре после «большого террора», была в чем-то созвучна ему, особенно в том, что она, используя более мягкие методы, продолжила чистку номенклатурных кадров ленинской интернациональной закваски, среди которых, как известно, было немало евреев. Сбылось тем самым пророчество видного монархиста-антисемита Василия Шульгина, написавшего следующее еще в 1927 г.: «Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запьет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют. Так было и с нами: классом властителей. Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз “из жидов”. Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже “избацают”»[15].

Из документов Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б) – органов, ведавших назначением и перемещением руководящих кадров, – видно, что примерно с 1938 г. в святая святых партии – аппарате ЦК прекратились кадровые назначения чиновников еврейского происхождения, а с конца того же года, т. е. с началом советско-германского сближения, оттуда стали исподволь устранять тех из них, кто уцелел после «большого террора». Причем увольняли под благовидными предлогами, и, как правило, с последующим трудоустройством на менее значимые, но относительно престижные должности в наркоматы и другие государственные учреждения, откуда, впрочем, их через несколько лет вымыла следующая более мощная волна чистки по «пятому пункту».

---

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 696. Л. 185; Там же. Оп. 118. Д. 206. Л. 117–152; XVI съезд ВКП(б): Стенограф. отчет. М.; Л., 1930. С. 52; XVIII съезд ВКП(б): Стенограф. отчет. М., 1939. С. 149.

[15] Шульгин В. В. Три столицы. Путешествие в красную Россию. Берлин, 1927. С. 135–137.

Роль Сталина

Следует особо отметить, что подспудный антисемитский тон кадровым чисткам конца 1930-х гг. задавал непосредственно Сталин. Это подтверждал впоследствии Л. М. Каганович. Когда тот, будучи в 1939 г. наркомом путей сообщения, представил в Кремль список кандидатов на руководящие должности в своем ведомстве, Сталин из-за обилия в нем еврейских фамилий его забраковал, сославшись на следующее наставление Ленина: «Товарищ Сталин! Запомните раз и навсегда и зарубите себе на носу, батенька: если у вас начальник – еврей, то зам. непременно должен быть русским! И наоборот!»[16] Сталин несомненно лукавил. Ведь советовать подобное Ленин мог, только опасаясь роста и без того сильного на заре советской власти общественного антисемитизма. Тогда как Сталин, вспомнив об этом эпизоде двадцатилетней давности, отказал Кагановичу уже по другой причине: не потому, что боялся спровоцировать взрыв антиеврейских настроений – это исключалось в полностью контролировавшемся им обществе – а просто он считал, по словам Молотова, что на «высокие посты надо допускать в основном русских, украинцев и белорусов»[17]. Назначая в мае 1939 г. того же Молотова наркомом иностранных дел, Сталин, который шутливо именовал его Молотовштейном[18], приказал: «Убери из наркомата евреев». «Слава Богу, – вспоминал Молотов, – что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи... И каждый за собой целый хвост тащил»[19].

Характеризуя сформировавшуюся к началу 1940-х гг. позицию Сталина по «еврейскому вопросу», Никита Хрущёв впоследствии отмечал, что Сталин формально боролся с антисемитизмом «как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму»[20].

Имея в виду предвоенный период, дочь Сталина Светлана писала, что «в те годы он еще не высказывал свою ненависть к евреям так

---

[16] Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 99–100.

[17] Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 276.

[18] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг. (Сб. док.) / сост. Л. Кошелева, Л. Роговая, О. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 169.

[19] Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым... С. 274.

[20] Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 56, 59.

явно, – это началось у него позже, после войны, но в душе он никогда не питал к ним симпатии»[21].

Роль аппарата

Если Сталин был вдохновителем и мозгом новой («этнизированной») номенклатурной политики, то ее аппаратным сердцем и колыбелью официального антисемитизма являлся образованный в 1934 г. Отдел руководящих партийных органов (ОРПО), который возглавлял молодой и достаточно способный аппаратчик Георгий Маленков. Именно в недрах этой цековской структуры в конце 1938 г. (27 ноября) был рожден ключевой, как представляется, документ – справка «О засоренности аппарата Наркомздрава СССР». В ней группа медработников, преимущественно евреев, по явно этническому признаку причислялась к категории «лиц, не заслуживающих политического доверия», что было впервые в практике работы аппарата ЦК. Давая понять вышестоящему начальству, что именно позволило обвинить этих людей в кадровом неблагополучии в медицинском ведомстве, рядом с их фамилиями уточнялось: «еврей», «еврейка»[22].

В начале 1939 г. ОРПО был преобразован в Управление кадров, которое, будучи своего рода аппаратным монстром, ведало всеми назначениями, увольнениями и перемещениями руководящих чиновников – от наркомов до директоров совхозов. К этому управлению, которое опять же возглавил ставший тогда секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, и перешла эстафета главного генератора государственного антисемитизма в стране. Вторым по значимости проводником этой политики стало образованное тогда же Управление пропаганды и агитации ЦК, которому Сталиным были приданы все атрибуты исполненного имперским духом высшего идеологического ведомства. Руководить этой бюрократической махиной Сталин поручил «человеку» Маленкова Георгию Александрову[23], яркому представителю новой плеяды карьерных партаппаратчиков, воспитанных в духе абсолютной преданности Сталину.

---

[21] Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 124.

[22] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 36. Л. 213.

[23] Александров не только отлично разбирался в хитросплетениях сталинской национальной политики, но и педантично ей следовал. Когда после состоявшегося в Киеве 29 ноября 1943 г. митинга по случаю освобождения города от гитлеровцев его участники направили в Москву текст торжественного адреса «Украинский народ – великому русскому народу», Александров запретил его публиковать, мотивируя тем, что «всеми признано, что русский народ является старшим братом в семье народов Советского Союза» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 190. Л. 25–42).

Именно из недр идеологического ведомства партии 11 апреля 1941 г. вышел весьма примечательный документ, намекавший на «засоренность» академического Института мирового хозяйства и мировой политики кадрами еврейского происхождения. И хотя о «еврейском засилье» в документе по понятным причинам прямо не говорилось, тем не менее его скрытый антисемитский подтекст был очевиден[24].

* * *

Итак, к началу 1940-х гг. сталинский антисемитизм, который начиная с середины 1920-х гг. (в ходе борьбы с партийной оппозицией) лишь изредка использовался в тайной агитации против политических соперников в борьбе за власть (партийно-пропагандистский антисемитизм), был окончательно «пересажен» на номенклатурную почву, благодаря чему обрел статус систематической государственной политики.

Главную роль в генезисе официального антисемитизма сыграл фактор единовластия Сталина. Этот политический момент имел как объективную, так и субъективную составляющие. Первая проявилась в том, что антисемитизм стал системным явлением, производным от политического режима Сталина, точнее, от таких его несущих конструкций, как руссоцентричная модель национальной политики и идеология осажденной крепости, насаждавшая политический изоляционизм и ксенофобию. Если в нацистской Германии официальный антисемитизм носил самодовлеющий характер, то в СССР он служил средством укрепления единовластия Сталина и был следствием социально-политической автаркии страны. После смерти «вождя народов» режим власти в стране хоть и отказался от прежних репрессивных крайностей, однако принципиально не изменился. Вот почему антисемитизм – пусть и в значительно меньшей концентрации – продолжал присутствовать во власти вплоть до конца 1980-х гг.

Следует особо отметить, что официальный антисемитизм в многонациональном и декларативно интернационалистском Советском Союзе никогда не носил, в отличие от мононациональной нацистской Германии, тотально-репрессивного характера и развивался медленнее, и не имел легитимного статуса. В отличие от Гитлера, Сталин не был идейным антисемитом. Если нацистское «окончательное решение» («Endlösung») предусматривало полное физическое уничто-

[24] Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. (Россия. XX век: Документы) / сост. Г. В. Костырченко. М., 2005. С. 24–26.

жение евреев, то сталинская «еврейская политика» ставила во главу угла ассимиляцию, изначально считавшуюся в марксистской теории объективным и потому прогрессивным явлением. Официальному антисемитизму в СССР была присуща латентная, «изподтишковая» тактика, использовавшая в качестве прикрытия риторику о «коренизации» кадров, которая в свою очередь прокламировала номенклатурный приоритет представителей «титульной» национальности. Негласность и дозированность сталинского антисемитизма исключали возможность осуществления массовых репрессивных антиеврейских акций.

I. «ИМПЕРИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ». КОРЕНИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АВТОНОМИИ 1920-х гг.

Ю. И. Шаповал

АЛЕКСАНДР ШУМСКИЙ: СУДЬБА НАРКОМА В ИМПЕРИИ «ПОЗИТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ»

Об Александре Яковлевиче Шумском, одном из самых ярких и противоречивых деятелей политической истории Украины XX в., наркоме образования Украины в 1924–1927 гг., в современной Украине знают мало. До определенной меры он поныне – таинственная фигура. Многие его поступки еще предстоит «дешифровать» и надлежащим образом интерпретировать исследователям.

Происхождение и путь в революцию

Он появился на свет 21 ноября 1890 г. в селе Турчинка на Житомирщине. То ли наученный суровой советской анкетной практикой, то ли по каким-то другим мотивам, но свое подлинное происхождение Шумский скрывал – написал, что происходит «из семьи батрака». На самом деле его отец Яков Данилович работал лесничим у помещика Михаила Муравьева. Последний, известный на Житомирщине крупный и просвещенный землевладелец, кстати, основал железнодорожную станцию. Кроме земли, владел он еще и лесами. Как раз для транспортировки леса по железной дороге и нужна была ему станция, которая сегодня называется Новая Боровая, а раньше называлась Турчинка. Известно, что, по крайней мере, три поколения предков Александра Шумского были священниками.

Иногда пишут, что образование у Шумского – два класса церковноприходской школы. Это не соответствует действительности. Профессиональная школа, которую он закончил в 1906 г. в селе Салы, имела два уровня. Обучение продолжалось пять лет. Основными предметами были русский язык, Закон Божий, арифметика, чистописание, церковное пение. Кроме того, ученики получали начальные знания по географии, русской истории, природоведению. Уровень знаний был таким, что позволил Шумскому экстерном сдать экзамены за среднюю школу, получить аттестат зрелости в Москве и учиться в университете.

Перед тем он успел поработать на мощных в то время на Житомирщине лесопильных заводах Готесмана и Брохмана. Еще в молодости Шумский выучился на техника-мелиоратора, работал и землемером. В 19 лет он присоединяется к рабочему движению. Здесь, в районе Коростень-Чернихово, он впервые принимает участие в забастовке на заводе, где работал.

В 1911 г. Шумский едет в Москву. Не имея достаточно средств на учебу, он посещает вечернее отделение первого в России демократического вуза – Народного университета имени Шанявского. Однако из университета Шумский уходит. Его все больше вовлекает в свой водоворот революция. В Москве он входит в кружок социалистов-революционеров. В конце 1916 г. по дороге из Петрограда в Киев его задерживают с нелегальной литературой, арестовывают, а затем отправляют на фронт, непосредственно в район боевых действий. В 1917 г. начинается его движение вверх по политической лестнице. Его симпатии на стороне украинских социалистов-революционеров, эсеров, которые с 1917 г. в Украине – фактически наиболее влиятельная политическая сила, самый крупный соперник большевиков.

От эсера до боротьбиста

Первая мировая война ускорила процесс «из крестьян – в нацию», и для многих одетых в военные мундиры крестьян в окопах впервые встал украинский национальный вопрос.

Во время февральской революции 1917 г. в России А. Шумский избирается делегатом корпусного, армейского, а затем и фронтового съездов солдатских комитетов. В конце ноября 1917 г. его включили в состав Центрального комитета Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР). Его избирают в парламент Украины – Украинскую центральную раду (УЦР). Впоследствии он – один из наиболее авторитетных лидеров левого течения этой партии – так называемых боротьбистов. Название это происходит от названия газеты «Боротьба», которую издавали левые эсеры.

Левые эсеры – члены УЦР – имели свое мнение по поводу политики тогдашнего руководства Рады. Похоже, именно в этот момент А. Шумский делает принципиальный выбор: ему не импонируют деятели Рады. Они много говорят и мало действуют, провозглашают, возможно, и правильные законы, но не реализуют их.

Его и его товарищей по фракции в Центральной Раде (Василь Элан-Блакитный, Михаил Полоз, Гнат Михайличенко и др.) прежде всего не удовлетворяла аграрная политика УЦР. Они требуют отмены частной собственности на землю, установления «государственного рабочего контроля» над промышленностью и т. д. Всего того,

что провозгласили большевики, придя к власти в конце 1917 г. Итак, А. Шумский и его друзья не за власть Центральной рады, а за власть советов.

16 января 1918 г. в большом зале Киевского педагогического музея, где заседала УЦР, вместе с шестью левыми эсерами Александр Шумский был арестован. Арестован как сторонник сотрудничества с большевиками. Составили комиссию, и комиссия выяснила, что большевики – в случае своей победы – кое-кому из мятежников якобы пообещали должности в будущем правительстве.

Как и другие арестованные, А. Шумский находился не в тюрьме, а в стенах педагогического музея: мятежников просто закрыли в клубе УЦР. И неизвестно, как сложилась бы судьба арестованных, если бы не наступление войск Михаила Муравьева на Киев. Вот что писала об этом эсеровская газета «Боротьба»: «В четверг 25 января заседания открылось в 3 часа 20 минут. Председателем М. Грушевский. Все заседание шло под непрерывные взрывы гранат и шрапнели... Большевистская пушка достаточно пристрелялась... и гранаты стали попадать в дом Педагогического музея. Депутаты сейчас же вышли... и под снарядами разошлись по домам... Той же ночью большевики заняли Киев».

Итак, за свою позицию Шумский мог расплатиться жизнью. Однако судьба улыбается ему. Когда М. Муравьев начал штурм Киева, разбежались не только тогдашние народные избранники, но и охрана. Шумский с товарищами просто сбежал. А вскоре по партийным делам он переехал в Житомир. Здесь он формирует структуры боротьбистов и окончательно превращается в лидера этой партии, которая должна, по его твердому убеждению, быть украинской по характеру и оттеснить большевиков.

Итак, Шумский принимал участие в заговоре против УЦР. Вот здесь бы и заклеймить его как пробольшевистского деятеля, но не все так однозначно. Советская власть еще не означает большевистско-московская. В 1918 г. он характеризует присутствие большевиков в Украине как «наскок». Позже он скажет: «Наша постановка – отдельная Украинская Социалистическая Советская Республика, подчиненная общему Федеративному советскому центру». Заметим: не ОДНА республика, в которую войдут другие, а федерация ОТДЕЛЬНЫХ, НЕЗАВИСИМЫХ республик. Это – политический идеал боротьбистов. Это – идеал Шумского, который был одним из основателей Украинской коммунистической партии (боротьбистов), которая возникнет из течения боротьбистов позднее, в августе 1919 г.

В Житомире Шумский издавал боротьбистскую газету «Молот». Здесь же заседал Волынский земельный комитет, главой которого избрали Шумского. Итак, побыв во власти законодательной, то есть в Центральной Раде, и даже приняв участие в подготовке земельного

закона, он оказался во власти исполнительной, которая землей распоряжалась. Кстати, у Шумского тогда уже была семья: жена Людмила, учительница, и трое детей: девочка и двое мальчиков.

Тем временем политическая ситуация изменяется. В апреле 1918 г. немцы, приглашенные УЦР для спасения от большевиков, ее разогнали. К власти приходит бывший царский генерал, а ныне гетман Павел Скоропадский. Левые эсеры решают продолжать борьбу в подполье. Теперь Шумский против гетманщины, которую трактует как монархическую и буржуазную. На Житомирщине он организует антигетманское движение. Именно тогда в доме у родителей в селе Турчинка его едва не арестовали представители гетманской Державной стражи и немцы. Он чудом спасся, хотя его могли попросту убить.

Вскоре гетманщину сменяет Директория. Шумский вновь в борьбе. Позже он напишет: «После падения гетмана Директория созвала в Киеве съезд “Трудовых Советов”. Будучи на нелегальном положении, я прошел на этот съезд, получил слово под чужой фамилией и расконспирировал себя лишь на трибуне, когда меня уже нельзя было лишить слова без политического скандала. Долго, однако, мне не удалось говорить. Меня стянули с трибуны, побили и осудили на расстрел за изобличение политики Директории... Съезд был расколот и сорван. А жизнь моя уцелела благодаря счастливой случайности».

Усилия Шумского оказались ненапрасными. Боротьбисты превратились в серьезную силу, которая претендовала на политическую гегемонию в Украине. Кто-то сказал, что политика – это искусство возможного. Похоже, боротьбисты считали: политика – искусство невозможного. Например, в 1919 г. они хотели (и имели для этого военные силы) захватить Киев, войти туда первыми, раньше большевиков, чтобы подчеркнуть, кто на самом деле должен быть первым в Украине. Большевики понимают: у них появился реальный конкурент.

В феврале 1920 г. боротьбисты обращаются к высшей руководящей инстанции компартий всего мира – к Исполнительному комитету Коммунистического Интернационала с просьбой принять их в Коминтерн. Боротьбисты стремятся быть равными с большевиками на международном уровне. Они вместе с коммунистами всего мира, они с Москвой, но стремятся к отдельному, независимому статусу.

Заволновался лидер большевиков Владимир Ленин. Тогда же в феврале 1920 г. он пишет секретную резолюцию о необходимости уничтожения боротьбистов как политического течения. Тем не менее публично большевики декларируют: «Настоящим коммунистическим элементам боротьбистов никто не препятствует вступить в ряды КПУ (большевиков)».

Перед Шумским возникла дилемма: либо противостоять большевикам, либо идти им на поклон. Ведь боротьбисты моментально теря-

ли статус отдельной украинской партии и превращались в членов областной структуры Российской компартии. Учитывая популярность и силу боротьбистов, Шумский со своими единомышленниками изобретает новую стратегию: «Мы вольемся, разольемся и зальем большевиков!» Записка такого содержания, написанная на русском языке Василием Эланом-Блакитным, ходила среди делегатов последнего, «прощального», съезда боротьбистов.

Весной 1920 г. партия боротьбистов входит в КП(б)У (или, как тогда говорилось, «объединяется») и передает ей большое количество руководящих украинских кадров. Тем не менее «объединение» не было массовым: из 15 тыс. боротьбистов в Коммунистическую партию приняли чуть более 4 тыс. Уже осенью 1920 г. при перерегистрации КП(б)У почти все они были исключены из ее рядов, а после партийной чистки в августе 1921 г. боротьбистов в КП(б)У осталось 118 человек. Итак, никого боротьбисты не залили. Шумский, который вместе с Блакитным являлся сторонником слияния с большевиками, по сути, принес выпестованную им партию в жертву. И здесь вопрос: зачем он это сделал? Ради чего? На что рассчитывал?

Во время военных действий Шумский занимается мобилизацией человеческих и хозяйственных ресурсов. С этой целью в апреле 1920 г. выезжает в Полтавскую губернию, а в июне – в Одессу, возглавляет губернские революционные комитеты, позднее входит в состав реввоенсовета 12-й армии. Бурлит война. И в этой трагической симфонии для Александра Шумского звучит своя, совсем не трагическая, нота. Его женой стала Евдокия Гончаренко. К тому времени ей исполнилось 22 года. Шумскому – 30. У них рождается сын Ярослав.

Тем временем Шумский возглавляет Киевский губернский революционный комитет, входит в состав советской делегации на Рижских переговорах о мирном договоре с Польшей в октябре 1920 г. А вскоре они оказываются в Варшаве. Там Шумский в 1921–1923 гг. возглавляет Полномочное представительство Украинской Социалистической Советской Республики.

Битва за «украинизацию»

С началом 1920-х гг. большевики вынуждены идти на определенные компромиссы с обществом. Они отменяют непопулярный «военный коммунизм» и переходят к новой экономической политике (нэп). Следующим шагом становится образование в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Украина получает статус пусть и формальной, но государственной единицы. Это – отдельная администрация, территория, государственные и обществен-

ные структуры. В 1923 г. начата политика «коренизации», а значит и «украинизации». Для А. Шумского, который верит, что не большевики, а боротьбисты должны руководить Украиной, это шанс.

Политику «украинизации» выдумали не украинские «националисты» и не «национал-коммунисты», скажем, такие как Шумский и Хвылевой. Первые попытки «украинизации» начались еще в период Украинской Народной Республики. Теперь большевикам, которые пришли к власти под лозунгами социальными, пришлось реагировать и на прежние национальные требования, которые остались со времен УНР и Директории. И вот родилась политика под общим названием «коренизация». Она пришла из московского центра. Решение о ней принял XII съезд РКП(б) весной 1923 г. Для большевиков это – не стратегия, а тактика. Тактика «коренизации» коммунизма на нерусских окраинах.

По переписи населения 17 декабря 1926 г., в Украине жило более 29 млн человек, из них украинцев – более 23 млн, русских – 2 млн 700 тыс., евреев – более 1,5 млн человек. Украинский язык признали родным более 22 млн, русский – около 4,5 млн. В городах Украины украинский признали родным почти 2 млн человек, в селах – более 20 млн.

Вопрос: кого собственно «украинизировать»? Прежде всего – чиновников, партийно-государственный аппарат, который в основном состоял не из украинцев. Недаром же в 1923 г. на XII съезде РКП(б) Бухарин по составу назвал Компартию большевиков Украины русско-еврейской.

Первого октября 1924 г. Шумского назначают народным комиссаром образования Украины. Наркомат образования, а значит, прежде всего, нарком отвечал, по меньшей мере, за три сферы. Во-первых, это проведение «украинизации» учебных заведений – от школ до вузов. Во-вторых, обеспечение того, чтобы украинский язык был языком не только народа, но и стал языком всего созданного большевиками в Украине государства, всех его структур, делопроизводства, языком партийно-государственного аппарата. В-третьих, это развитие украинской культуры и культур других народов в Украине.

С Шумским – однопартийцы, Николай Гринько, Василий Элан-Блакитный, Михаил Яловый – «бывшие», или «националы». Так именуют боротьбистов и выходцев из других политических партий большевики, «руководящее русское меньшинство», как скажет о них Шумский. Один из заместителей Шумского – Петр Солодуб (вторым был эстонец Ян Ряппо) не был боротьбистом, но публично заявлял, что с 1923 г. украинская государственность не укрепляется, а наоборот, ограничивается. В системе наркомата работал и молодой экономист Михаил Волобуев. Шумского со временем объявят отцом

так называемого шумскизма, а Волобуева сделают основателем так называемой волобуевщины.

Проведение «украинизации» стало ключевым делом Александра Шумского как наркома образования. Но не все было просто. «Украинизация» породила особый жанр – так называемые украинизационные анекдоты. Вот один из них:

Сидят за разговором двое «украинизированных».

– Ну и трудное это наречие малороссийское!

– Это не наречие и не междометие, а предлог...

– Предлог?

– Предлог, предлог... Чтобы нас выкинуть из службы.

Не хотят чиновники и партаппаратчики украинизироваться – фактически все за украинизацию, но на практике очень и очень малый эффект. И здесь на помощь пришел деятель, который вскоре сыграл фатальную роль в судьбе Александра Шумского.

В 1925 г. ЦК КП(б)У возглавил 32-летний еврей с Киевщины Лазарь Каганович. «Каганович заправляет в партии», – так говорили о нем в Украине в середине 1920-х гг.[1] Каганович вначале содействовал проведению «украинизации» в тех пределах, которые этой политике отводил Сталин. Тем не менее процесс начинает выходить из-под партийного контроля. Культура приобретает черты духовной индустрии. Формируется национальная урбанистическая культура. Появляются нормальные издательства. Литературная продукция и периодика получают значительно более широкую, чем когда-либо, аудиторию. Возрос уровень образования этой аудитории. В литературе появляется большое количество писателей и интеллектуалов, чья деятельность отмечена небывалой вспышкой творческой активности. Возникает разнообразие стилевых направлений, многочисленные творческие группировки.

Николай Хвылевой (Фитилев), которого сами писатели признают лидером тогдашнего культурного процесса, своими эпатажными памфлетами провоцирует дискуссию. При поддержке Шумского и других чиновников она выходит за рамки литературы. В среде украинских политиков и интеллектуалов все более отчетливо формируется мысль, ярко сформулированная Михаилом Полозом: «Выросла нация до такой степени, когда ей пора по экономическим предпосылкам и по ее культурному уровню выходить на арену государственной жизни».

---

[1] Энергичный, требовательный, эффективный в осуществлении сталинской воли Каганович пробудет в рядах большевистской партии 80 лет. Его смерть в конце июля 1991 г., накануне коллапса Советского Союза и краха Компартии, воспринимается как символ конца старой эпохи и начала кардинальных перемен.

Это пугает московских руководителей и сталинского эмиссара Кагановича, но вдохновляет Шумского: по его твердому убеждению, «украинизация» должна была решающим образом повлиять на становление украинской нации. В октябре 1925 г. он обращается к Сталину, с которым был знаком со времен Гражданской войны, с просьбой дать украинцам возможность самим себе избирать лидеров. Он резко критикует стиль руководства Лазаря Кагановича, уличая его в авторитарных методах и непоследовательности «украинизационных» усилий.

20 апреля 1926 г. Шумский еще раз был у Сталина, напомнил о своем видении ситуации. Результатом стало сталинское письмо от 26 апреля 1926 г. членам партийного «синклита» – Политбюро ЦК КП(б)У во главе с Кагановичем. Последний смертельно оскорблен и разворачивает кампанию против Шумского, обвиняет его в формировании «национального уклона».

– А почему вы так не любите слово малороссы? – спросил однажды Шумского «всеукраинский староста» Григорий Петровский. Ответ был следующий:

– Почему я не люблю шкурнический изменнический тип малороссийства? Да потому что он во все века был беспринципным, холуйским и предательским. Потому что сейчас он называет себя коммунистом, кричит об интернационализме, но шкура его малороссийская прежняя.

Прошло время, и вдруг Петровский напомнил Шумскому о том давнем разговоре: «Имейте в виду. Партия никогда не простит вам “малороссов”. Вы за это обязательно поплатитесь».

Расплата

Сначала Лазарь Каганович лично не участвовал в полемике с Шумским. Он делал это руками своих адептов, руками малороссов. А в полемике этой в ход пошли «вечные» аргументы – и о «насильственной украинизации», и о притеснениях русскоязычного населения. Однако вскоре генсек ЦК КП(б)У переходит в атаку. В 1926 г. на заседании Политбюро он фактически обвиняет Наркомат образования в украинском национализме, поскольку, дескать, ущемлялись права национальных меньшинств в Украине. В начале 1927 г. Каганович констатирует невероятный развал в работе Наркомата образования. Не дожидаясь официального увольнения, амбициозный Шумский подает заявление об отставке. В феврале 1927 г. его вытесняют из Украины.

В начале того же года в защиту Александра Шумского публично выступил Карл Максимович, один из руководящих деятелей Компар-

тии Западной Украины (КПЗУ). Его позицию поддержало большинство Центрального Комитета КПЗУ. Деятели КПЗУ запротестовали против отзыва Шумского из Украины даже на заседании Коминтерна. Это был настоящий бунт на корабле, ведь КПЗУ, т. е. украинские коммунисты, в польской Восточной Галиции финансировались из московских источников. КПЗУ со временем уничтожат по сталинскому указанию. А Шумского в начале 1927 г. направляют в Москву в распоряжение ЦК ВКП(б). Вскоре он окажется в Ленинграде.

В июле 1927 г. один из бывших руководителей Украинской УНР Владимир Винниченко, который из своей эмигрантской дали наблюдал за расправой над Александром Шумским и его единомышленниками, записывает в своем дневнике: «Сепаратизм не сепаратизм, а довольно интересное и отрадное явление: ЦК КП(б)У жалуется Исполкому Коминтерна на группу членов своей партии во главе с Шумским, которая хочет силой украинизировать национальные меньшинства на Украине, которая не доверяет партии в национальной политике, которая стремится, очевидно, к действительной самостоятельности и называет других “малороссами”, “ренегатами”. Я этого ждал давненько уже».

Тем временем Шумского в Ленинграде назначили ректором Института народного хозяйства. Впоследствии он будет ректором Ленинградского политехнического института. Однако он не исчезает с украинской орбиты. Он остается центром тяготения, к нему постоянно едут его единомышленники. Даже критически настроенный к нему Петр Солодуб вдруг констатирует: «Идеологически мы становились все ближе и ближе. Шумский мне как-то заявил: “Года через два-три нас вернут на Украину”...»

Свое изгнание Шумский объяснял тем, что в Украине временно господствуют пророссийские силы. Он оставался оптимистом и убеждал друзей: «Через год-два они... сами увидят, что натворили, будучи оторванными от украинской стихии (в лице крестьянства, интеллигенции)...» Он не терял надежды на то, что ему предоставят возможность вернуться на ответственную политическую работу.

Этого не произойдет. 13 мая 1933 г., в тот самый день, когда Николай Хвылевой покончит самоубийством в Харькове, Шумского арестуют. Это произойдет на станции Толмачево Лужанского района Ленинградской области.

Против Шумского выдвинули бессмысленное обвинение в участии в «Украинской военной организации» («УВО»). И с этого момента Шумский понял: ему самому придется бороться за собственную реабилитацию. Так и будет в течение последующих лет.

Это отдельная, подчас просто фантастическая история. Шумский не подписал ни одного фальшивого протокола. С первых дней ареста он атакует следователей, доказывая, что все обвинения против него

сфабрикованы. Протесты Шумского, настойчивые требования публичной реабилитации приносят невероятный результат: он вырывается из «страны мук и отчаяния» – из Соловков. 10 декабря 1935 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР его дело пересмотрено. Теперь дорога стелется в Красноярск, где его ждет 10-летняя ссылка.

Сравнительно недавно мне первому из исследователей пришлось изучить дело-формуляр на Шумского, заведенное в 1940 г. Фактически это материалы ежедневной слежки за очень больным Шумским в Красноярске, а потом в Саратове. Они свидетельствуют: власть не доверяла ему ни в чем. Под сомнение было поставлено даже то, действительно ли он болен, а он в течение шести лет был прикован к больничной койке.

Его жена Евдокия Гончаренко помогала ему, но сама попала в ссылку в Саратов в апреле 1935 г. За ней следили, подозревая в связях с бывшими эсерами. Ее уничтожили в 1937 г. Убили за слова, за фразу: «Это – единственная книга, в которой положительно поданы дети интеллигенции». Речь шла о повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Евдокию Гончаренко обвинили в том, что она дискредитировала советскую литературу. Результатом стал расстрел. Их сына Ярослава Шумский в последний раз видел в 1933 г. В 1937 г. мальчик остался один. Они никогда больше не встретились. Ярослав Шумский был мобилизован и погиб в 1942 г. под Москвой.

Экстерминация

Шумский пишет протесты, реагирует на текущие события. Он напоминает о себе, он раздражает власть. Его не убили, как других соловецких узников из Украины в урочище Сандармох в Карелии. Но вскоре решили уничтожить как бы вдогонку.

18 октября 1945 г. Шумский, услышав по радио выступление первого секретаря ЦК КП(б)У Никиты Хрущёва, пишет Сталину в прямом смысле слова судьбоносное письмо. Вот отрывок из него: «Люди малороссийского типа, о котором я имел случай говорить еще в 1926 году, всегда тянут раболепно-льстивую и вредную канитель о “старшем русском брате” и его помощи “младшему брату” – украинскому народу. На таком принципиальном фундаменте строится подчинение и угнетение одного народа другим, а не их союз и равенство.

Но Никита Хрущёв в своем малороссийско-лирическом экстазе... забыл о благодарности украинского народа русскому и за что же? Оказывается, за ясный ум, стойкий характер и твердую волю русского народа... Это оскорбительно и унизительно для украинского народа.

Что же тогда представляет собой народ, от имени которого это говорится – украинский народ?..

Да за эту речь Никиту Хрущёва надо немедленно прогнать с его поста. Это оскорбление чести и достоинства украинского народа, это позор... Это линия национально-политической кастрации украинского народа. Линия превращения Украины в политически аморфное тело – в Малороссию.

Против этого я поднимаю свой голос протеста».

Послевоенный культ Сталина достигает апогея, а Шумский протестует. Он мог молчать, но не молчал. Когда ему разрешили выехать в Саратов, Шумский в знак протеста пытался дважды покончить жизнь самоубийством – 16 и 18 июля 1946 г. Спецслужба расценила это как вызов и политический протест. Кроме того, откуда-то у чекистов появились сведения (неподтвержденные впоследствии), что Шумский формирует вокруг себя оппозицию.

23 августа 1946 г. глава госбезопасности СССР Виктор Абакумов в записке на имя Сталина попросил согласия на ликвидацию Шумского (на этой ликвидации больше всего настаивали Георгий Маленков и Лазарь Каганович). На записке, которая хранится по сей день в Москве, примечание: «Доложено т. Сталину лично. Наше предложение утверждено». Павел Судоплатов разработал план ликвидации Шумского (называлось это «План операции “Хорек”»), который Абакумов утвердил 6 сентября 1946 г.

Тем временем Шумскому, наконец, разрешили вернуться в Украину, о чем он мечтал все годы неволи. Это было последнее его путешествие. Судоплатов и члены спецгруппы вошли ночью в купе, в котором ехал Шумский. Ему зажали рот, а известный врач-убийца из МГБ Г. Майрановский сделал смертельный укол.

Так закончил свой жизненный путь нарком Александр Шумский в империи «позитивного действия». Судьба этого бывшего боротьбиста свидетельствует, что не следует создавать иллюзий относительно упомянутой империи. Ее «позитивное действие» было весьма ограниченным и подчинялось безжалостной политической конъюнктуре.

Т. Ю. Красовицкая

ОТ СТОЛЫПИНСКОЙ К СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ (1905 – КОНЕЦ 1920-х гг.)

В современном российском общественном сознании серьезное внимание привлечено к двум историческим персонам – П. А. Столыпину и И. В. Сталину. Их деятельность увязывается с проектами модернизации страны, по разным причинам нереализованным или недореализованным. Имеет смысл выявить в них общее и особенное, ограничившись аспектом мультикультурного образовательного пространства. Это тем более актуально для современных задач модернизации России с учетом вхождения ее в постиндустриальное общество, с одной стороны, и возрождающимся вниманием к мировым религиям – с другой.

В начале XX в. взаимосвязь традиции с модернизацией в образовательном пространстве России являла сложную картину. Наука привлекла внимание к концептуализации и интерпретации процессов осовременивания, которые позволили бы их тематизировать и проблематизировать. Тем более что носители традиций обладали рассудком и волей, живой реакцией на интеллектуальную эволюцию – важными ресурсами модернизации. «Они были слабы по знаниям, но сильны духом – это уже представляло совершенно новый мир», утверждал Дж. Валиди[1]. Но что возьмут они из хранилищ традиций в будущее, оставалось загадкой.

Светские знания становились фактором социального выживания и благополучия. Индустриальные вызовы, демонстрировавшие, что общество становилось более секуляризованным, уловили и мировые конфессии. Реформаторы из религиозных структур начали вводить светские знания в образовательные практики. Лингвисты поддержали опыт моделирования школ на базе родных языков, множа интерес к культурно-исторической уникальности российского образовательного пространства. В разной степени остро стояли две не вполне со-

[1] Валиди Дж. «У меня разногласия с соввластью» // Эхо веков. 1996. № 1–2. С. 150–173.

впадающие, даже противоречивые, цели: идеологическая и научно-объективная.

Язык перемещался в центр внимания публицистики, гуманитарных наук и политики. Важным аспектом стал резкий всплеск национализма. Он обусловил необходимость выбрать путь движения к индустриализму. Для русскоязычной (государственной) школы – это вестернизация или опора на собственный культурный ресурс. И тот и другой путь для нерусских этносов вел к элиминации собственно этнического. Этнические различия начали восприниматься как эталон и элемент мироздания, и как механизм поступательного движения от прошлого к будущему.

В нерусских средах появились локальные лидеры. Трудность получения «университетских» знаний выделяла и превращала их в харизматиков. В российских и зарубежных университетах значимость идеологических конструктов, их действенность они определяли и насыщали символически. Подчеркивалась необходимость сознательно активизировать внутренние потенции народов. «Россия – страна многих народностей и культур, в ней заложены самые прочные основы для “разнообразия в единстве”. Очевидно, каждая народность имеет право и должна проявить свой национальный дух, свою индивидуальность, свое культурное творчество; имеет право и должна свободно... устраивать свою духовную и материальную жизнь, насколько... не действует во вред другим народностям и не пытается нарушить государственное единство», – писал бурятский деятель Ц. Жамцарано. Татарский историк Дж. Валиди выделял особую роль школы: «В истории татар, вероятно, не было такого глубоко волнующего народную душу вопроса, как вопрос обновления школы, поставленный новометодистами. Он был предметом спора больше четверти века». Еврейский историк С. Дубнов писал: «Старая наша школа – хедер и иешива – воспитывала только еврея, а не человека, да и “еврея” воспитывала крайне односторонне, действуя только на его религиозное чувство или религиозное мышление. Новая общеобразовательная школа, наоборот, совершенно забывает о “еврее” и воспитывает только “человека”... Воспитание разъевреило молодежь, оно должно ее теперь объевреить. Школа... должна теперь сделаться... орудием национализации». Р. Суни уловил, что «образование было одной из тех областей, в которых национальность начала обозначать дифференциацию российского общества»[2].

---

[2] Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критик // Сибирские вопросы. 1907. № 24. С. 16; Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. М., 1998; Валиди Дж. Указ. соч. С. 150–173; Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 9–72.

Выбор цели и путей модернизации школы увязывался с решением не только педагогических проблем, но и с выбором исторического пути, общественного строя, формы государственности. Столыпин сделал ставку на объективную потребность стандартизации системы образования. Но на базе русскоязычного ресурса. Однако ей противостояла позиция о важности использовать языковые ресурсы других народов.

С трибун Государственной думы, политических партий категории «национальный интерес» придан особый вес, часто не принимая во внимание достаточность культурных ресурсов. Законодательные акции правительства воспринимались в имперском духе. В остром противостоянии рациональные аргументы не учитывались обеими сторонами. Апелляция к национальным интересам в сфере образования связывалась с пониманием места конкретной нации под солнцем в данный момент и на перспективу. Обращаясь к имперскому центру, реформаторы обосновывали легитимность своих прав, опирались на философскую, историческую, политическую традиции, применяемую Российской империей относительно религии, но переносили теперь ее на «нацию», на ее долг связать прошлое с будущим.

Нация же трактовалась преимущественно в этническом смысле, национальные интересы рассматривались как устремления и чаяния конкретного народа в многонациональном государстве. П. А. Столыпину же было ближе понимание нации как политического образования, в формировании ее важную роль и должна сыграть государственная школа. Но его проект, главной целью которого была стандартизация образовательного пространства, по сути, не преодолевал, а, напротив, усиливал этническую нагрузку (русским языком). Острота, с которой он встречен и в русской интеллектуальной среде, свидетельствовала о слабости планируемого механизма реализации, принимая во внимание и собственные нужды, и численность нерусских этносов. Но курс, взятый Столыпиным, свидетельствовал о *возможности рассматривать государство и нацию как два сосуществующих актора общественно-политического дискурса*.

Однако они стали непримиримыми антиподами. П. А. Столыпин подверг административному преследованию модернистские практики, особенно татарских джадидов. Он опасался влияния на них интеллектуальных зарубежных центров, особенно, Османской империи, Тибета – на буддистов. У иудеев усилилось внимание к идее Израиля, хотя интеллектуальным центром оставалась Европа, в большей степени – Германия. И модернизаторы, и традиционалисты были настроены агрессивно. Они питались из источников с различным потенциалом культурной ассимиляции имперского, а также исламского, буддийского, иудаистского самоутверждения и выступали в манифестной форме. Их взаимоотношения с имперской адми-

нистрацией влияли на метаморфозы в ходе крушения империи и их развитие после 1917 г.

Этнические элиты, наращивая практики, начинали ценить их потенциал выше религиозных канонов и, тем более, широких имперских целей. В ответ имперские идеологи и политтехнологи окрестили эти практики «пантюркизмом», «панисламизмом», «панмонголизмом», «сионизмом», особенно опасаясь «тюркского культурного реванша». Придание проблеме геополитического измерения стимулировало мобилизацию этничности. Обращение к родным языковым ресурсам создало «рынок языков». Имперские идеологи раскалывали реформаторские движения, противопоставляя одни их сегменты другим. И надо признать, им это удалось. Но и реформаторы вложили в раскол вполне сравнимые с официальным лагерем усилия.

Столыпинский проект, открыв для себя этничность, противопоставил ей опасный вариант официального государственного национализма. Борьба приобрела необычайную остроту. Она породила многие парадоксы, сложные мировоззренческие и нравственные коллизии. Перемены рождали новые понятия и представления, одновременно действуя и в обратном направлении, сохраняя почву традиционализма. Но в государственной школе, хотя и воспринимавшейся как владычество русских, множился приток молодых иудеев, мусульман, буддистов.

Процесс носил далеко не линейный характер, тенденции и размежевания, и смешения характерны вплоть до конца 1920-х гг. В условиях этнического многообразия страны дробился профессиональный потенциал, но множились политические амбиции. Они реализовались в конструировании национальной мифологии, легитимации права узкого круга элиты выступать от имени нации. Выбор разводил не только по разным политическим лагерям, а после 1917 г. по разные стороны баррикад. Национальные элиты, сформированные в борьбе, главным образом, за школу на родных языках, в грядущих геополитических подвижках встали на путь небескорыстного использования взрывоопасного потенциала растущей этнической нетерпимости.

Новый опыт проявился в освоении отдельных элементов современных практик. Рациональные знания как ценности лишь начинали доминировать в содержании образования, но в более чем 20 тыс. традиционных школ они оставались вне государственных рамок контроля.

К 1917 г. сложилось сложнейшее соотношение сепаратизма, автономизма, федерализма и централизма. В Гражданскую войну эти идеи стали объектом манипуляции со стороны и этнических элит, и политиков центра. Наркомнац, возглавляемый Сталиным, занимался проблемами компетенции центра и национальных территорий, понимаемых как непосредственная задача национальной политики. В него вливались как образованные представители этнических элит, пре-

имущественно протобуржуазные, родоплеменные, так и разночинские, из бедняков, воспринимая идеи большевистского модернизма на поверхностном уровне. Большевики были вынуждены осмыслить место этнокультурной специфики в модернизации. К концу 1920-х гг. оформился механизм ее реализации в рамках мобилизационной, интернационалистской, социально-классовой доктрины. Он использовал собственные административные, образовательные, пропагандистские и репрессивные ресурсы.

В отличие от Столыпинского проекта модернизации школы большевистский проект заимствован у европейского и американского опыта. Многое объявлено архаичным и ненужным. Начался широкомасштабный эксперимент. Дореволюционные практики обучения на родных языках перенаправлены в советскую школу, но их требовалось встроить в новую идеологию. До конца 1920-х гг. Сталин действовал в рамках шедшего эксперимента.

Став на путь обучения на родных языках, которого опасался Столыпин, Сталин сохранил стратегию его подхода. Главными и для него стали контроль над содержанием светских знаний, разделение конфессиональной и общеобразовательной школы. Централизация школ стала мощным административным ресурсом, усилилась идеологизация знаний (особенно гуманитарного блока)[3]. Заняв кабинеты власти, национальные элиты встали перед дилеммой размена профессионального ресурса на ресурс властный, осваивая «серию постулатов и действий, формулируемых и инициируемых активистами социального пространства»[4].

В 1920-е гг. основной вектор поведения элит не без колебаний и сомнений направлен на увязку советского проекта школы с реальным уровнем развития языков, наличием учителей, учебных пособий, но более – с разнородностью мировоззрений и ценностей. «Традиционных», опирающихся на повседневный контекст, и большевистской, абстрактной доктрины с эсхатологической настроенностью на будущее общество. Руководители автономий подыскивали струны, которые настроили бы этническое самосознание на восприятие новой идеологии. Подходы их были социально-прогрессистскими. Но политики центра и национальных образований разного ранга в одном доктринальном пространстве создавали различные дискурсы модернизации школьной сферы.

Делая ставку на этничность, Сталин, в отличие от Столыпина, отказался рассматривать религию в качестве социального явления, пре-

---

[3] Красовицкая Т. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. М., 2003.

[4] Тишков В. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

следуя прагматические цели укрепления коммунистического режима. Но конфессии в кризисном контексте искали адекватные ответы на взаимосвязь социального служения с меняющимися социальными отношениями, проектированием властью нового общества. Несмотря на характерную для первой половины 1920-х гг. грозную риторику, нарастание идеологической экспансии, практически сохранялась дореволюционная численность традиционных школ.

Советский режим в 1920-е гг., будучи антирелигиозным и антинационалистическим, не был антинациональным. А. И. Микоян, руководивший Северокавказским крайкомом ВКП(б), имел основания заявить в 1925 г.: «Самое интересное то, что Советская власть создает нации, Советская власть помогает оформиться отдельным племенам в нации»[5].

Прилагались серьезные усилия в создании современных институтов и форм культурной деятельности. В первую очередь, введение современного образования, разработка систем письма на родных языках. В декабре 1926 г. Валидов суммировал: «Тюркская жизнь столкнулась с техникой и культурой Европы. Место мечтаний и воображений заняла действительность, религия уступила место статистике, науке, ученики и софисты бросили религиозные школы, ушли в советские школы, техникумы и сельскохозяйственные институты. И как через рентгеновские лучи обнаружились все болезни и недостатки Востока»[6].

В целом, Сталин, не возражая против привнесения в советский континуум национальных характеристик, оценивал их как второстепенные. В этом контексте как мешающие модернизации оценивались институты и инструменты, которые складывались у народов на базе собственных культурных традиций. Традиционное воспринималось как отсталость. В упрощенном смысле процессы рассматривались двояко: с одной стороны, как борьба с «излишествами» самопознания различных этнических сообществ, в том числе с «академическим эгоизмом», с другой – как этап введения народов в более широкое и, как считал он, более культурное пространство. Социальная инженерия способна защитить общество от эксцессов национализма, она выступит «внешней рамкой» реализации субъективной воли личностей, действующих от имени партии, ее идеологии, ее политических целей. Она подавалась как деятельность, направленная на включение нерусских этносов в строительство социализма (процесс модернизации). Общие цели, таким образом, достигались: идеологическое содержание политики «центра» определяло содержание исторического про-

[5] ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Л. 8.

[6] Мухамметдинов Р. Ф. Нация и революция. Казань, 2002. С. 150.

цесса. Этнические отличия учитывались при осуществлении тех или иных преобразований, хотя вопрос об этнокультурной автономности постепенно элиминировался ссылкой на то, что Страна Советов строилась как сверхнациональное государство. Она считала себя преемницей Просвещения и лидером Прогресса. Все, годившееся для советского строительства, вовлекалось в его сферу и приветствовалось. Тех, кто сопротивлялся, Сталин клеймил буржуазными, феодально-байскими пережитками, отвергал, позже – репрессировал. Но «красногвардейская атака» (инвариант Столыпинского способа давления на традицию) не дала положительных результатов, что объясняется и слабостью педагогического концепта советской школы. Инициированное им постановление ЦК ВКП(б) 1931 г. «О начальной и средней школе» подвергло эксперименты 1920-х гг. резкой критике как «легкомысленное методическое прожектерство, насаждение в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных», ведших «фактически к разрушению школы»[7].

ЦК ВКП(б) в постановлениях «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25 августа 1932 г.) и «Об учебниках для начальной и средней школы» (12 февраля 1933 г.) потребовал от Наркомпроса создать единую стандартизованную систему образования, стабильные программы и учебники. Устранив традиционные школы как конкурентов школы советской, выдавив «либеральничающие» с ними этнические элиты, Сталину удалось перевести систему образования, содержание образования под полный контроль государства. Этого не добился Столыпин.

Коллективизация лишила население возможности содержать традиционную школу. На средства, получаемые от лишения его результатов своего труда, вводилось всеобщее обучение. Возмущение перекрыло переключение внимания населения к элементарному выживанию. В течение 1933–1937 гг. в СССР открылось более 20 тыс. новых школ. К концу 1930-х гг. в государственной школе обучалось свыше 35 млн учащихся. Всеобщее образование увеличило степень социальной мобильности общества.

Общественно-политические изменения глобального характера диктовали изменения отношений власти и общества и в этноязыковой сфере. Важность функционально-коммуникативной однородности родных и «государственного» языков, их оснащенности современными средствами функционирования, в первую очередь, графикой становятся понятнее с учетом необычайных генетических и структурно-типологических различий языков. Первые инициативы

[7] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. М., 1974. С. 156–161.

о необходимости реформы графики письма шли непосредственно из Наркомнаца, Сталин лично поддержал руководителей Азербайджана и северокавказских автономий, начавших движение к латинизации график, замене арабского алфавита латинским. Позднее, в конце 1920-х гг. он начал гонения на «арабистов» и лидеров республик, считавших, что замена арабицы латиницей отбросит народы назад в культурном отношении (Татария, Казахстан), и на чрезмерно «ретивых латинистов» (У. Алиев и др.).

В последнее время оценки лингвистов сводятся к тому, что ошибки, допущенные в 1920-е гг. в ходе реформы графики, отразились на этноязыковой идентичности российских народов. Подход историков к латинизации графики и, в целом, к языковой политике представляет лингвистический аспект проблемы как ошибки практик тех лет: невнимание к грамматике, бессистемность и случайность в терминологической работе и т. д. Но оценки «перекрываются» успехами в ликвидации неграмотности, в развитии школьного образования. Унификация графики оценивалась как поступательное развитие «социалистических национальных культур». В 1920-е гг. лингвисты оценивали реформу сдержанней, подвергали сомнению ее целесообразность[8].

В основу языковой политики положено стремление к удовлетворению потребности идентичности этносов. С этой точки зрения политика *принципиально отличалась* от Столыпинской: власть старалась основывать модернизацию школы на положительной мотивации. Каждый мог пользоваться материнским языком и овладевать на нем высотами мировой культуры. К внедрению новых технологических инструментов толкали не только очевидная цель разорвать связь с конфессиями и их институциями, но социально-функциональная ограниченность языков. И то и другое вполне укладывалось в понимание модернизации. Каким бы значимым ни был культурный потенциал арабского, ивритского, старо-монгольского письменного наследия, его социальная функциональность и продуктивность ограничивались социальным порядком традиционного общества и были достоянием узкого круга образованной элиты. Какими бы талантливыми ни были реформаторы, их энтузиазма и возможностей было недостаточно для просвещения массы простых людей, не говоря о более сложных ресурсоемких аспектах их жизнеобеспечения. Сталин поддержал «вторжение» в модернизацию график, мобилизовал специалистов и государственные структуры для решения остро стоящих

[8] Красовицкая Т. Ю. Сталин и Луначарский: борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917–1929 гг.) // Rozprawy z dziejow oswiaty. 2001 T. XLVIII. P. 73–129.

вопросов. Главным фактором, определявшим дискурс «традиция или модернизация», стал тот, что осмысливался в контексте советского существования и развития. Относительно школ достаточно свидетельств о трудностях обучения на латинице. Важнее то, что она оставалась изолированной от своего континуума морем кириллицы. Увеличила ли латиница социально-функциональные возможности языков, вопрос открытый. Имеющиеся данные не дают оснований для положительного ответа[9].

Для этого аспекта советского проекта в 1920-е гг. характерен недостаточный учет социолингвистического аспекта: верилось в возможность вывести все истины из одного умозрительного источника, перестроить человеческую мысль, исходя из рационального принципа. Но идеология, оставаясь философской наукой, исследующей, хотя и оригинальными методами, традиционные метафизические проблемы, «не превращается в лингвистику или математическую логику, хотя много раз кажется, что это вот-вот произойдет»[10].

Перевод график на латиницу соотносился с картезианскими традициями «универсальной грамматики». Они проявлялись в проектах создать идеально прозрачный и подходящий для всех языков алфавит. Социолингвистические работы А. Г. Горнфельда, ученика А. А. Потебни, А. М. Селищева, С. Карцевского (вскоре эмигрировавшего) только начинали появляться, имели пионерский характер. Ни специальные методы исследования, ни процедуры обработки материала еще не были выработаны, да и особенности этой области языкознания оставались не вполне осознанными, хотя и очевидна попытка противостоять риторическим иллюзиям политиков. Революции казались генератором языковых инноваций, осуществляющих дискредитацию старого лингвистического капитала. Специальные лингвистические труды лишь начинали прилагаться к этнологии, она же начинала ощущать на себе идеологическое давление. Вскрыть системную корреляцию языковой структуры и структуры социальной, обнаружить каузальные связи в том или ином направлении науке еще предстояло. Сталин, считавший, что для формирования современного языка большое значение имеет политическая идея, сумел навязать науке скептическое, в лучшем случае, снисходительное отношение к социологическим аспектам языка, позволяя несколько расширенное понимание соответствующих проблем. Лингвисты, участвуя в латинизации, делились на две группы: а) считающих ее частью политики

[9] Красовицкая Т. Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX в. – 1920-е годы)». М., 2012.

[10] Зенкин С. Идеология языка. Заметки о теории // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 342–350.

насильственной атеизации; б) сторонников реформирования алфавита с целью создания букв, адекватно отражающих фонетику. Такое отношение позволяло экстраполировать решение реформы письма на языковую ситуацию в стране, на ход модернизации в целом.

Процессы приобретали всеобщий характер, распространяясь на другие сферы образовательных практик, включая систему ценностей, модели поведения, адаптационные стратегии личности. Динамика изменения социокультурной среды превышала исторические аналоги. Она требовала отказаться от бессмысленных, по мнению власти, уже опасных, по мнению населения, норм, ценностей, социальных позиций, моделей повседневного существования, формируемых традиционной школой. Процессы аутентичного восприятия новых культурных институций, отношение к типу рациональности протекали сложно.

Модернизация не стала самоподдерживающимся, самопрогрессирующим процессом. Новые политические элиты и элиты научные, обладающие большим уровнем информированности и, как следствие, возможностью сравнения, искренне пытались ориентироваться на модернизацию. Для системы образования она стала частью процессов, получивших название «догоняющей», использовала часть инокультурного опыта, экзогенные факторы. Слабой оставалась сфера профессиональных технологий. Решающим стало не соответствие целей и ценностей, а сочетание ценностей и ресурсов в образовательном процессе. Нормативно-ценностная система автохтонной социокультурной традиции испытывала давление неаутентичного характера новых мировоззренческих ценностей. Игнорировались механизмы традиции формировать согласие по поводу основ жизни и ее цели. Религию не только недооценили как механизм легитимации результатов процесса, ее исключили из него. Новым источником и механизмом легитимации стал родной язык, один из структур этничности. Он, как эндогенный фактор развития инноваций, испытывал жесткую конкуренцию со стороны факторов экзогенных (идеологических). В ходе репрессий в конце 1920–1930-е гг. пострадали и другие акторы инноваций – этнические элиты. Их влияние к рубежу 1920–1930-х гг. сломлено. Сталин приступил к рекрутингу новой элиты мобилизационного типа. В целом советская модернизация оказалась весьма болезненной для людей. Реализация культурных советских образцов и типов деятельности сопровождалась серьезными конфликтами: вооруженными восстаниями, репрессиями элит, сформировавшихся до 1917 г. Но низшие классы, хотя и несли бремя издержек, получали преимущества цивилизации. Правда, уже в 1930-е гг. исследователи как важную выделили проблему маргинальной культуры. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что идеологический дискурс избирал проекты модернизации *насильственного* характера. Определен-

ные группы / личности, помимо своей воли, оказались в роли маргиналов, к приобретению маргинальной культуры вело неприятие целей, идеалов, способов достижения результатов.

Остается открытым вопрос: в какую сторону будет двигаться национальная культура в условиях, когда существует разновекторная направленность в ней? Оценка процесса модернизации нерусских этносов, все еще находящихся на стыке традиции и современности, носит преимущественно негативный смысл. Культурные утраты заслоняют ее положительные стороны, обесценивают цели, ценности и достижения. Позиция критиков диктуется сослагательным предположением гипотетической возможности более мягкой, гуманной и терпимой стратегии модернизации. В такой оценке присутствует и неизбежный мотив межэтнического и межцивилизационного конфликта модернизаторов с модернизируемыми. Нередки обвинения в сознательной их денационализации. В концептуализации этого подхода насилие приобрело гораздо более значимый смысл, чем смысл самой модернизации.

Избрание Сталиным, как и Столыпиным, государства в качестве ценности, а не в качестве инструмента, дает неожиданные последствия. Если государство – инструмент, то естественно приспосабливать его к тому, что требует человеческая эволюция. Это же инструмент. А если это ценность, его нельзя менять. В результате оба проекта модернизации выводили на отчужденное отношение с таким государством. Такова конфликтная основа обоих проектов российских модернизаций.

У тех, кто принимал стратегические решения, оставался выбор вариантов. Действуя по ситуации, исходить из комплекса факторов – идеологических, прагматических, геополитических, оценки межэтнических отношений в регионе, реакции на мусульманском и буддийском Востоке, в Европе и в Америке. Сам феномен модернизации понимался как поле столкновения и противостояния мировых религий, их культур и Модерна, открывшего путь этничности. Сталин предпочел рубить «гордиев узел». Идея социальной реформации мировых религий – своего рода подарок Запада миру России. Соединившись с местными традициями, обычаями и менталитетом, их структурами, «подарок» превратился в идеологический и политический бумеранг уже процессам глобализации и постиндустриализма.

Современная ситуация удивительным образом напоминает первую треть XX в. Проблема Модерна остается жизненной проблемой России. Очевидно, что оба проекта – и Столыпинский, и Сталинский – не создали систему образования как базу, готовящую к освоению его содержания.

Л. Д. Якубова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ: ОПЫТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ В УССР

В исторической судьбе этнических меньшинств, и тех, которые в течение столетий проживали на территории Украины, и тех, что оказались здесь во время Первой мировой войны, этап становления советской власти занимает особое место. В том, что касается содержания и интенсивности этнополитических и этнокультурных трансформаций, эпоха коренизации не имеет аналогов в советской, а, возможно, и всемирной истории. Годы коренизации стали временем ожесточенной борьбы в обществе, в рядах большевистской партии по поводу выбора стратегического направления этнополитического курса, который должен был направлять поступь многонациональной страны по пути коммунистического строительства.

С первых дней утверждения советской власти в Украине ее внутренняя политика определялась непрекращающейся борьбой между попытками денационализировать социалистическое строительство, с одной стороны, и придать национальный характер процессам государственного строительства – с другой. Кроме идеологических противоречий, которые сопровождали этот сложный процесс, была и другая, гораздо более прозаичная, составляющая – интересы административной вертикали, заинтересованной в обеспечении управленческой эффективности советов как действующей формы государственного управления. Именно задача повышения уровня управляемости обществом, процессами его социально-экономического и культурного воспроизводства вызвала к жизни ряд управленческих методик и программ, в частности и коренизацию. Несмотря на довольно жесткую регламентацию, в УССР она, благодаря особенностям предыдущего этапа национально-освободительного движения, существованию авторитетной партийной организации, склонной к теоретическим и практическим экспериментам, получила неожиданное для ВКП(б) развитие, в том числе в сфере управления и административно-территориального структурирования.

В начале 1920-х гг. определяющим фактором функционирования управленческой вертикали УССР являлась экономическая и политическая дезинтеграция. Непосредственным импульсом для развертывания административной реформы в местах компактного расселения этнических меньшинств стал высокий уровень конфликтогенности этих регионов. Республиканское руководство довольно четко это осознавало и сумело использовать стремление этносов УССР к созданию национальных административно-территориальных единиц (далее – АТЕ) в целях укрепления собственной власти. Местные управленцы, вопреки официальной пропаганде, не являлись симпатиками идеи коренизации и активно бойкотировали ее. Тем не менее принцип коренизации местных органов власти имел довольно высокий управленческий КПД. Не в последнюю очередь благодаря ему, все «командные высоты» на местах сосредоточились в КП(б)У без фронтальных антисоветских движений.

Подготовка к созданию национальных советов и районов была проведена в 1924–1925 гг. Центральной комиссией по делам национальных меньшинств (ЦКНМ) при ВУЦИК. Ее рекомендации были учтены в постановлении СНК УССР «О выделении национальных районов и советов» от 29 августа 1924 г. Проекты национального районирования опирались на нормы, утвержденные четвертой сессией ВЦИК VIII созыва (15–19 февраля 1925 г.). Население национального района должно было составлять не менее 10 тыс. человек национального сельсовета – не менее 500 человек.[1]

В течение 1924–1928 гг. на карте Украины появились пять немецких, два болгарских и польский районы. IX Всеукраинский съезд советов (3–10 мая 1925 г.) одобрил проделанную работу, внеся соответствующие изменения в Конституцию УССР. Сложности сопровождали выделение еврейских национальных районов: несколько раз проекты их создания в Херсонском округе отклонялись. В итоге 15 февраля 1927 г. вопрос о еврейских районах рассмотрело совещание секретарей ЦК КП(б)У, которое поручило фракции ВУЦИК ускорить создание первого в СССР еврейского района. Его организационно-правовое оформление состоялось 5 марта 1927 г.

Общественно-политический запрос на создание русских АТЕ возник в 1927 г. на фоне актуализации «русского вопроса»[2]. Претензии Кремля к украинскому правительству свелись к обвинениям в ущем-

---

[1] Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. К 10-й годовщине Октябрьской революции. По материалам Центральной Комиссии национальных меньшинств при ВУЦВК. Харьков, 1927. С. 70, 71.

[2] См. подробнее: Якубова Л. Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. Київ, 2006.

лении прав русского населения, искусственном ограничении сферы употребления русского языка. К этому времени русско-украинские отношения, особенно в восточных регионах УССР, характеризовались очевидными признаками конфронтации. Лоббирование идеи выделения русских национальных районов ознаменовало новый этап в истории коренизации: русские были признаны национальным меньшинством. Ощутимое неприятие русскими возрастающих темпов украинизации подтолкнуло украинских руководителей к решительным шагам.

В 1926 г. в Украине появились 122 русских сельсовета. В 1927 г. их численность возросла до 292. Уровень этнической концентрации в них был одним из наивысших по республике – 89,7 %. В целом они охватили 48,7 % русских, проживавших в сельской местности. В 1931 г. русскими считались 372 сельских и 9 поселковых советов: Щербиновский, Артемовский, Северный, Добрянский, Путивльский, Радульский, Сорокинский, Изваринский и Краснодонский. В 1927 г. появилось девять русских районов: Путивльский (Глуховской округи), Каменский (Запорожской), Петровский, Сорокинский, Станично-Луганский (Луганской), Терпенянский (Мелитопольской), Алексеевский, Староверовский и Чугуевский (Харьковской). По состоянию на 1931 г. действовали 8 русских районов (Путивльский, Великописаревский, Чугуевский, Алексеевский, Верхне-Тепловский, Сорокинский, Каменский и Терпенянский).

Состоявшийся 3–8 июня 1927 г. пленум ЦК КП(б)У назвал создание национальных советов серьезным достижением в области осуществления национальной политики[3]. К этому времени сетью национальных административно-территориальных единиц была охвачена значительная часть компактных этнических групп. В 1927 г. поляки в национальном районе составляли 68,9 % населения, евреи – 79,7, немцы – 75,9, болгары – 73,5, русские – 71,6. В национальных поселковых советах евреи составляли 76,9 % населения, а русские – 84,1 %. IV сессия ВУЦВК X созыва (1928 г.) назвала национальное районирование наилучшей формой осуществления «национальной политики советской власти, которая полностью способствует обеспечению культурных и хозяйственных потребностей национальных меньшинств и вовлечению последних в советское строительство»[4].

К концу 1920-х гг. управленцы низового звена склоняются к целесообразности национальных районов; высшие эшелоны власти, напротив, отворачиваются от идеи. Поворот этот обуславливался

[3] Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. Київ, 1976. Т. 1. 1918–1941. С. 446.

[4] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 35.

универсальными для СССР процессами централизации власти, которые накануне коллективизации генерировал Кремль. Правительство заявило о завершенности национального административно-территориального строительства в УССР и одновременно приступило к перекраиванию админкарты республики. Национальное административно-территориальное строительство было законсервировано, общее – напротив, в первой половине 1930-х гг. претерпело ряд изменений.

Административно-территориальная реформа 1930 г. не случайно началась в разгар сплошной коллективизации. Она ввела непосредственное подчинение районов центру. Целью реформы была централизация контроля над коллективизируемым селом. И хотя украинское руководство подчеркивало, что реорганизация окру́г не должна негативно сказаться на соблюдении прав национальных меньшинств, дезорганизация административной вертикали практически парализовала нацменработу и деятельность национальных советов. Это откровенно признали совещание по реорганизации округ (1930 г.) и Второе всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств (27–30 ноября 1930 г.)[5].

До осени 1930 г. в Украине действовали 503 административные единицы (из них – 484 сельских района), управляемые непосредственно из центра. Принцип прямого подчинения был обусловлен желанием локализовать регионы на время осуществления сплошной коллективизации. Однако идея непосредственного управления из центра более чем полутысячей АТЕ довольно быстро себя дискредитировала организационно. В феврале 1932 г. правительство получило согласие Кремля на создание пяти областей, что стало началом очередного переформатирования административно-территориальной карты республики в соответствии с новыми политическими и социально-экономическими условиями. Области, которые при создании были значительно больше дореволюционных губерний, неоднократно разукрупнялись. Сопутствующие этому изменения непосредственно сказывались на подчинении, численности национальных районов и их территории. Так, в 1932 г. Карл-Либкнехтовский, Фридрих-Энгельсовский, Спартаковский немецкие районы вошли в состав Одесской области; Высокопольский, Люксембуржский, Молочанский были отнесены к Днепропетровской; Пулинский – к Киевской. В ходе изменений 1934–1935 гг. в Сталинской (Донецкой) области в результате разукрупнения одноименной АТЕ появился греческий

[5] Там же. Оп. 5. Д. 46. Л. 141; Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств. Стенографический отчет и постановления. Москва, Харьков, Минск, 1931 2-е изд. 1930 г.

Старокаранский, а в начале 1935 г. – последний из немецких – Ротфронтовский (Вальдгеймский) район. В сентябре 1937 г. после очередного разукрупнения Фриц-Геккертовский (Высокопольський) район перешел к Николаевской области. В январе 1939 г. только что созданной Запорожской области были переданы Молочанский, Ротфронтовский и Люксембуржский немецкие и Коларовский болгарский районы.

В 1930–1935 гг. неоднократно укрупнялись и разукрупнялись русские, еврейские и болгарские национальные районы. В соответствии с постановлением ВУЦИК и СНК УССР «О реорганизации районов УССР» от 3 февраля 1931 г. Староверовский район был присоединен к Алексеевскому. Тогда же более чем в два раза выросла территория Сталиндорфского (Излучистого) еврейского района. В ходе следующей кампании разукрупнения после постановления президиума ВУЦИК «О составе новых административных районов Донецкой области» от 13 февраля 1935 г. разукрупнили Верхне-Тепловский, выделив из него новый русский район – Косиоровский. В соответствии с постановлением президиума ВУЦИК «О составе новых административных районов» (17 февраля 1935 г.) разукрупнили Молочанский немецкий район. В результате аналогичного постановления по Одесской области увеличились болгарский Ольшанский и еврейский Калининдорфский районы. В Харьковской области после разукрупнения Алексеевского района повторно выделили Староверовский русский район. В конце августа 1936 г. в ходе частичных изменений границ Днепропетровской и Донецкой областей укрупнили еврейский Калининдорфский и немецкий Спартаковский районы Одесской области и уменьшили греческий Велико-Янисольский – Донецкой.

С начала 1930-х гг. система национальных АТЕ пребывала в состоянии хронической лихорадки и проявляла тенденцию к сокращению. В ходе административно-территориальной реформы 1930 г. с карты Украины исчезли немецкий Хортицкий, российский Петропавловский (присоединен к Станично-Луганскому), болгарский Ботиевский (присоединен к Коларовскому району). Тогда же изменились границы греческих Мангушского и Сартанского, русских Терпенянского, Великописаревского, Староверовского и Чугуевского районов. В 1930–1935 гг. сеть национальных АТЕ сокращалась преимущественно под предлогом усовершенствования административно-территориальной структуры республики. С 1934 г. причины переместились в политическую плоскость. 23 ноября 1934 г. политбюро ЦК КП(б)У утвердило постановление Винницкого обкома партии о реорганизации 18 польских сельсоветов в украинские. 20 декабря 1934 г. было поддержано аналогичное постановление Киевского обкома, касавшееся 7 советов. В 1935 г. уже 40 сельсоветов ликвидиро-

вали «как искусственно насажденные, население которых говорит на украинском языке»[6].

Свертывание системы национальных АТЕ стало закономерным этапом трансформации политической системы СССР. Постановления ЦК КП(б)У «О немецких районах» (декабрь 1934 г.), «О Мархлевском и Пулинском районах» (август 1935 г.), обосновавшие общегосударственную кампанию т. н. борьбы с национализмом и фашизмом, стали предвестниками репрессий наиболее проблемных этносов. 20 декабря 1934 г. ЦК КП(б)У принял постановление «О переселении из приграничных районов», а уже в январе 1935 г. из Украины депортировали около 40 тыс. поляков. Постановление политбюро ЦК КП(б)У «О переселении польских и немецких хозяйств из приграничной полосы» (ноябрь 1935 г.) инициировало выселение еще 6–7 тыс. хозяйств. После депортаций Пулинский и Мархлевский районы в демографическом отношении утратили признаки национальных. Вскоре в соответствии с постановлениями политбюро ЦК КП(б)У от 17 августа 1935 г. и президиума ЦИК УССР «О Мархлевском и Пулинском районах Киевской области» от 3 октября 1935 г. их расформировали «в связи с экономической слабостью... неудобством обслуживания МТС колхозов, а также административной чересполосицей»[7].

Завершение истории национальных АТЕ связано с постановлениями Одесского обкома КП(б)У от 5 февраля 1938 г. «О реорганизации национальных районов Одесской области в районы обычного типа»; политбюро ЦК КП(б)У от 16 февраля 1938 г. «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы». С принятием Конституции СССР 1936 г. они утратили и правовое основание своего существования, поскольку в ней, в отличие от Конституции СССР 1924 г. и Конституции УССР 1929 г., не оговаривалась такая возможность.

5 марта 1939 г. ЦК КП(б)У одобрил постановление о ликвидации и реорганизации национальных районов и сельсоветов[8]. Отдельная судьба была уготована русским национальным районам. Она отражала изменения статуса русских в Украине: сначала их перестали называть в перечне национальных меньшинств, а с 1936 г. в пропаганде утвердился фразеологизм «великий русский народ». Русские районы не ликвидировались в установленном законодательством порядке. Формально не ликвидировались и еврейские районы, но после Второй мировой войны как национальные они не возрождались.

---

[6] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 341. Л. 144.

[7] Там же. Д. 384. Л. 4.

[8] Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 530. Л. 18–19.

Управленческая модель СССР эволюционировала на фоне непрекращающейся борьбы противоборствующих сил: традиционного имперского централизма, который достаточно органично накладывался на матрицу так называемого демократического централизма, и центробежных, предполагавших расширение и углубление административной самостоятельности республик. На протяжении 1920-х гг. СССР в целом сформировался как унитарно-децентрализованное государство. Он не был унитарной державой в чистом виде, хотя Кремль приложил для этого массу усилий. Решающим фактором невозможности достижения этой цели была выдающаяся многонациональность СССР в целом. Необычайная пестрота этнической структуры страны, находившейся на доиндустриальной стадии развития, обусловила внутреннюю противоречивость и сложность административно-территориального структурирования.

Перспектива выделения низовых АТЕ воспринималась местными управленцами как ненужная возня и измена идеалам интернационализма. Сама идея и впрямь коренным образом противоречила ленинскому учению. Разделение трудящихся в каких-либо организациях: политических, профсоюзных, культурных считалось вождем мирового пролетариата недопустимым. Не случайно идея разделения низовых органов советской власти по национальному признаку появилась уже после его смерти.

В политической литературе 1920-х гг. четко проводилась мысль о превращении национальных советов и районов в плацдарм распространения революционных идей, прототип будущих социалистических держав за пределами СССР. Политическая составляющая при их создании была определяющей. Польский район противопоставлялся государственности буржуазной Польши Пилсудского, немецкие – фашистской Германии, еврейские (единственные на тот момент территориальные единицы евреев) – конкурировали с концепцией сионизма. В массовом сознании утверждался лозунг «СССР – родина трудящихся всего мира!»

Власть заблаговременно застраховалась от превращения национальных АТЕ в очаги сепаратизма: они в соответствии с действующим законодательством не имели законодательной, исполнительной и судебной самостоятельности. Создание национальных АТЕ было одной из наиболее популистских составляющих внутренней политики большевиков, в том смысле, что власть пошла на уступки тем настроениям этнических меньшинств, которые считала в корне неправильными и лишенными будущего. Это в течение переходного периода обеспечило осуществление тактической задачи укрепления социальной базы режима и его государственной машины. Национальные советы и районы с самого начала их создания власть рассматривала только как орудие осуществления на местах соответствующей

языковой политики. Выделение советов и районов с преобладанием этнических меньшинств в соответствии с буквой закона должно было предотвратить ограничение прав на использование родного языка в контексте углубления украинизации, не создавая прецедента исключительности того или иного народа. Что касается их политической сущности как органов власти местного уровня, то они являлись малозначительным винтиком советской государственности, обеспечивавшим стабильность и неприкосновенность партийной диктатуры. Называя АТЕ в местах компактного расселения этнических меньшинств национальными, следует помнить, что они были АТЕ с делопроизводством на национальных языках, а не национальными автономиями. Структура их исполнительных органов строилась таким образом, чтобы отслеживать ситуацию и управлять развитием межэтнических отношений из центра, сводя к минимуму инициативу мест, не допуская объединения вокруг вопросов национального характера и их презентации через каких-либо посредников между властью и меньшинствами. Стремление контролировать и направлять в «советское русло» всю деятельность национальных советов от момента составления списка кандидатур до принятия решений, касающихся всех вопросов повседневной жизни, являлось осью политики большевиков.

Тем не менее АТЕ пустили достаточно глубокие корни в сознании этнических меньшинств, которые преимущественно с энтузиазмом отнеслись к идее размежевания по национальному признаку. Идея самоизоляции с целью защиты национальных интересов была выстрадана ими в эпоху коммунистического штурма, экономической дезинтеграции и послевоенной разрухи. Не менее очевидным было стремление к самоизоляции и в среде этноконфессиональных общин (прежде всего – меннонитов), спровоцированное агрессивной антирелигиозной пропагандой. Осознание этого дало украинскому правительству возможность использовать стремление этносов к изоляции в целях укрепления власти. Национальный принцип районирования оказался чрезвычайно удачной и своевременной находкой большевиков. Он помог гармонизировать межнациональные отношения в державе в наиболее критический период ее существования. Национальные районы зарекомендовали себя как эффективная форма организации административно-территориального управления в период экономической дезинтеграции и восстановления народного хозяйства. Однако рассматривать их как исторически перспективную модель АТЕ не приходится. После осуществления коллективизации и индустриализации, которые заложили фундамент единого народнохозяйственного комплекса СССР, недостатки национальных районов становились все более очевидными и приходили в противоречие с принципами функционирования унитарной державы, что сделало безальтернативной их ликвидацию.

Сама по себе ликвидация национальных АТЕ не свидетельствовала о нецелесообразности их создания или, напротив, ущемлении прав этнических меньшинств. Заметим, что современная Украина также является державой с преобладающими унитарными принципами организации, а сам унитаризм является всего лишь формой организации государственного управления, к тому же – наиболее распространенной в мире. Уже к середине 1930-х гг. нужды в существовании особых национальных АТЕ не было. Осуществление сплошной коллективизации и относительная стабилизация колхозного строя сделала их ликвидацию безальтернативной. Другое дело, что ликвидация национальных АТЕ в УССР осуществлялась в контексте тотального нарушения прав человека. Остается фактом, что национальные АТЕ были наиболее ярким проявлением переходного характера административно-территориальной структуры державы, сформированной в УССР в эпоху нэпа и коренизации. В результате их деятельности значительная часть нацменнаселения начала воспринимать советскую власть как «свою».

Административно-территориальные реформы 1922/23, 1925, 1930 гг. размежевали этапы развития советской государственности. В них в произвольной форме смешивались этнический и экономический принципы размежевания. Эти модели оказались малоэффективными и непомерно затратными для советской власти. В целом генеральное направление развития государственного устройства УССР 20–30-х гг. соответствовало генеральной мировой тенденции централизации, которая опиралась на принцип унитаризма. Унитаризм не был изобретением только сталинской диктатуры. Известное мартовское постановление ЦК КП(б)У 1939 г. «О ликвидации и реорганизации национальных районов и сельсоветов», которое предписало упразднить «искусственно созданные»[9] АТЕ, соответствовало действительности. Национальные советы и районы действительно были искусственными образованиями в том смысле, что выпадали из общей концепции административного структурирования УССР, создавались из политических соображений вопреки логике хозяйственного развития регионов и интересам экономической интеграции республики. Впрочем, это внутреннее противоречие обусловливало существование не только национальных АТЕ, а и УССР в составе СССР. Этот подчас непонятный регионалистам нюанс, тем не менее, принес несопоставимые с неудобствами функционирования административных органов политические дивиденды. Благодаря ему большевики добились поставленной на заре политики корениза-

[9] Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Док. і матер. Довідник: у 2-х ч. Київ., 1997. Ч. 2. С. 260.

ции цели – коренной социально-экономической и культурной дезинтеграции объединительных политических движений, вызревания и политического оформления как региональных, так и этнических (национальных) интересов и их организационное противопоставление большевизму.

К. С. Дроздов

ПОЛИТИКА УКРАИНИЗАЦИИ В РСФСР В 1922–1932 гг. И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ УКРАИНЦЕВ РОССИИ

Национально-освободительное движение, разбуженное февральской революцией 1917 г., достигло наиболее впечатляющих результатов в деле национального строительства именно на Украине. Более того, именно факт существования украинских национальных государственных образований способствовал пробуждению и активизации украинского национального движения и на территории РСФСР, где проживало по разным подсчетам от 6,5 до 7 млн украинцев (Кубань, Центральное Черноземье, Поволжье, Западная Сибирь, Дальний Восток).

Параллельно с этим происходил процесс «признания» советской властью украинцев отдельной от русских национальностью (чего не было в царской России), со своим особым языком, бытом, традициями. Не случайно, что на X съезде РКП(б) И. В. Сталин в своем заключительном слове по национальному вопросу заявил, что «украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории»[1].

Именно в начале 1920-х гг. бывшее малороссийское население, проживавшее на территории РСФСР, было впервые признано украинским национальным меньшинством, наряду с другими народами советской России. А это, в свою очередь, означало, что в отношении украинского национального меньшинства предстояло проводить самую широкую культурно-просветительную работу на их родном языке.

Говоря об этапах политики украинизации в РСФСР, нам представляется возможным выделить три ключевых этапа, которые имеют свои особенности и отличительные черты.

С середины 1923 г. и вплоть до конца 1925 г. можно говорить о *первом этапе* государственной политики украинизации в РСФСР. Глав-

[1] Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 48–49.

ная цель здесь заключалась в том, чтобы поставить под жесткий партийно-идеологический контроль стихийную («самостийную») культурно-просветительную работу беспартийного учительства по созданию украинской национальной школы и обеспечить условия для ее нормального функционирования. А для этого необходимо было преодолеть пассивное сопротивление со стороны местных органов народного образования, для которых украинцы по инерции выступали в качестве «петлюровцев» и «контрреволюционеров».

Не раз в первой половине 1920-х гг. центральному украинскому бюро Совнацмена приходилось подчеркивать угрозу со стороны националистических кругов, которые в любой момент готовы взять дело украинизации в России в свои руки, пока органы народного образования на местах бездействуют или даже тормозят мероприятия по просвещению нацмен. Так, в отчете о деятельности Центрального украинского бюро за 1923–1924 гг. указывается: «Имеется целый ряд губерний и областей, где украинское население насчитывается сотнями тысяч, как например, Курская, Гомельская, Дальневосточная и др., но где до сего времени не приступлено ни к какой украинской советской работе. Мы подчеркиваем “советской” потому, что национальная работа ведется помимо государственных органов и принимает уродливые формы. ГубОНО ограничиваются формальной отпиской на все циркуляры Наркомпроса и Совнацмена и ничего практически в этом отношении не делают. Украинцев же они не считают за нацмен, причисляя их к русским, считая просвещение на родном языке за “искусственную украинизацию” (Гомельская, Ставропольская и другие губернии). Такое отношение со стороны ОНО, явно противоположное всей политике советской власти, не дает возможности закончить организационную работу и даже не представляется возможным выяснить, имеются ли необходимые условия для ведения работы на родном языке»[2].

В период между 1 и 7 апреля 1925 г. в Краснодаре (Кубанский округ Северокавказского края) состоялись учительская украинская конференция Кубанского округа и краевое совещание представителей окружных партийных комитетов по украинскому вопросу. Учителя прямо говорили: «Нам чинят препятствия на местах, на нас смотрят косо, как на каких-то контрреволюционеров. У ячеек партии мы не находим поддержки, в лучшем случае – безразличное отношение». – «Скажите нам, что мы делаем, делаем ли мы необходимое для государства дело или мы творим контрреволюционное дело? Если мы делаем полезную работу, дайте по этому вопросу четкие указания

[2] ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 86. Л. 1 об.

местам». Такое настроение естественно и понятно, оно и привело к тому, что первая половина прений состояла из доказательств необходимости украинской работы. «На этот вопрос надо дать ясный и точный ответ высшему партийному органу ЦК РКП(б)»[3].

Отсутствие партийных директив по вопросу украинизации сильно осложняло работу государственных органов и приводило к непониманию происходивших процессов не только в массе простого крестьянского населения, но и в среде партийцев: «Коммунисты спрашивали: а можно ли быть коммунисту украинцем, а беспартийные обратный ставят вопрос: “Можно ли украинцу быть коммунистом?”»[4].

К аналогичным выводам пришел и заведующий Центральным украинским бюро Совнацмена П. С. Шафран, побывавший с инспекторской проверкой в Валуйском, Острогожском и Россошанском уездах Воронежской губернии весной того же 1925 г. В его докладе было отмечено: «Украинское учительство запугано. Еще до сих пор смотрят на украинское учительство, как на шовинистическо-петлюровское. Работник, который заботится о школе, получает ярлык “щирий”. Над переводом школ на украинский язык производятся опыты...»[5]

В сентябре 1925 г. Шафран был направлен в Нижнее Поволжье. По его инициативе при Саратовском и Царицынском губисполкомах были созданы специальные комиссии по изучению украинского вопроса. Практически во всех населенных пунктах, в которых работали комиссии, местное население высказывалось за необходимость перехода школ и учреждений на украинский язык. В ходе работы комиссия во главе с Шафраном «открыла глаза» губернским властям на то, что «малороссы это и есть украинцы», а следовательно необходимо проводить украинизацию. На совещании Красноярского волисполкома Саратовской губернии Шафран выступил с докладом, в котором указал, что « украинцы или малороссы являются также национальным меньшинством на территории РСФСР», «тот взгляд, который существует, что украинцы на Украине, ошибочен, и что украинцы живут не только на Украине, но, в частности, и в Саратовской губернии»[6].

К концу 1925 г. по всей РСФСР насчитывалось всего-навсего 84 украинских школы 1-й ступени[7]. Тем не менее, несмотря на все сложности этого этапа, с конца 1925 г. начался (прежде всего,

---

[3] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. С. 280.

[4] Там же.

[5] ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 94. Л. 6–7.

[6] Там же. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 204.

[7] См.: Вдовиченко. Обслуживание культурно-социальных нужд украинского населения в РСФСР // Советское строительство. 1928. № 7 (24). С. 82.

на Кубани и в Воронежской губернии) заметный перелом в деле украинизации.

Период с конца 1925 г. и вплоть до конца 1929 г., до начала сплошной коллективизации сельского хозяйства, можно обозначить в качестве следующего *второго этапа*. Основная цель на этом этапе заключалась в украинизации партийно-советского аппарата, правоохранительных и судебных органов. Необходимо было начать украинизацию сельских советов, волостей и районов, переводя делопроизводство на украинский язык. Тем самым были сделаны первые шаги на пути по административно-территориальному выделению украинских национальных сельсоветов, волостей и районов на территории РСФСР. С другой стороны, в сфере народного образования возникла острая потребность в школах повышенного типа (школы 2 ступени, ШКМ, ФЗС) на украинском языке и украинских педтехникумах для обеспечения украинскими педагогическими кадрами массовой школы (школы 1 ступени).

Так, например, вплоть до конца 1928 г. на территории РСФСР не было выделено ни одного района или округа с делопроизводством на украинском языке, за исключением 3-х волостей бывшей Воронежской губернии, где эта работа проводилась в качестве эксперимента с 1927 г. В итоге частичный перевод делопроизводства на украинский язык был произведен в 2-х волисполкомах с общим числом сельсоветов 21. В связи с образованием летом 1928 г. Центрально-Черноземной области процесс по административному выделению украинских районов затормозился и к нему приступили снова лишь в начале 1929 г., когда было принято соответствующее постановление Центрально-Черноземного облисполкома.

Только в декабре 1928 г. Северо-Кавказский крайком партии принял решение о проведении украинизации советского и партийного аппарата в 37 районах края, в том числе 12 районов Кубани, где проживало свыше 1750 тыс. украинского населения (или 44 % всего украинского населения в крае). Планом предусматривалась переподготовка необходимого количества низовых советских работников. За 3 года переподготовку должны были пройти 2878 человек, из которых 1620 человек работники сельских советов (по 3 человека на каждый сельсовет). Кроме того, предполагалось подготовить на каждый украинизированный район по 10 человек представителей сельской милиции, всего 370 человек. А весь состав технических работников районного аппарата должен был пройти переподготовку на специально организованных для этого курсах. Это работники райисполкомов, его отделов, судебные работники и работники милиции. Переподготовка же ответственных работников с ненормированным трудом, т. е. членов президиумов райисполкомов, заведующих отделами и т. д., должна быть проведена без отрыва их от основной работы, по-

средством организации в районных центрах вечерних кружков по самообразованию.

В докладе «Работа среди нацменьшинств Нижне-Волжского края в области советского строительства» за 1930 г., который был направлен инструктору ЦИК СССР Шалюпе, сообщалось, что, несмотря на то, что в Нижне-Волжском крае насчитывается 217 украинских сельсоветов, «перевод делопроизводства в национальных советах на родной язык в большинстве случаев осуществлен частично, наибольшее число сельсоветов, где не проведена еще коренизация, приходится на украинскую и мордовскую национальности. Медленное развертывание работы по переводу делопроизводства низовых советских органов на родной язык обусловливается отсутствием необходимого количества подготовленных работников из среды нацменьшинств»[8].

Что же касается Сибири, то там проблема коренизации советского аппарата и перевод делопроизводства на родной язык украинского населения вообще не стояли в поле зрения местных руководящих органов вплоть до 1930 г. К 1929 г. было создано всего лишь 95 украинских сельских советов на весь Сибирский край. Интересно отметить следующий факт. Славгородский окружной исполком в июне 1928 г. принял решение о нецелесообразности перевода судопроизводства на украинский язык, мотивируя это тем, что «украинское население округа наполовину обрусело, а также за неимением в составе суда сил, хорошо владеющих украинским языком»[9].

Представляется вполне справедливым выделить период с 1930 г. по декабрь 1932 г. в качестве заключительного *третьего этапа* украинизации в РСФСР. Главная цель на этом этапе заключалась в том, чтобы, во-первых, в ходе активно развернувшейся культурной революции осуществить всеобщее начальное обучение и ликвидацию неграмотности среди украинского нацменьшинства на украинском языке, а также завершить перевод всей общественно-политической, хозяйственной и культурно-просветительной работы в национальных районах с русского на украинский язык. Именно поэтому в это время достигает пика украинизация школ и культурно-просветительных учреждений, массовыми тиражами выходят районные газеты на украинском языке, создаются украинские отделения в вузах и т. д.

Вместе с тем с началом перехода к строительству социализма и социалистической реконструкции сельского хозяйства меняются приоритеты в реализации целей политики украинизации. Теперь украинизация в сельских районах РСФСР должна была стать одним

[8] ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1352. Л. 74–74 об.

[9] Михайлидис В. Обслуживание национальных меньшинств в Сибирском крае // Советское строительство. 1929. № 6 (35). С. 97–98.

из инструментов власти в деле успешного проведения сплошной коллективизации. Как следствие этого, резко усиливается ее классовая составляющая, всячески подчеркивается ее антикулацкая направленность. Так, например, краевое совещание групп бедноты из украинцев Нижне-Волжского края и украинских учителей, состоявшееся 21 января 1930 г., в своем постановлении отмечало: «Решительный перевод всей работы в украинском селе на родном языке населения значительно подвинет активность трудящейся массы украинцев, особенно бедноты и батрачества, нанесет чувствительный удар великодержавному шовинизму, разобьет попытку украинского кулачества создать единый национальный фронт, что обеспечит скорейшее развертывание социалистической перестройки украинского села»[10].

Отличительной особенностью данного этапа стало то, что именно теперь начинается, наконец-то, украинизация и в Дальневосточном крае. Постановлением V пленума Далькрайисполкома от 16 января 1931 г. об обслуживании нацменьшинств на родных языках предписывалось всем райисполкомам, горсоветам, хозяйственным и кооперативным организациям в местностях, где проживали нацменьшинства, немедленно организовать переводческие бюро и практически приступить к обслуживанию нацменьшинств на их родном языке. В практической плоскости постановление предусматривало проведение украинизации 6 районов Дальневосточного края с наиболее высокой долей украинского населения: Спасского, Ханкайского, Черниговского, Калининского в Приморье и Завитинского и Александровского в Приамурье. До 1 октября 1931 г. в данных районах должно было быть переведено на украинский язык все официальное делопроизводство. Еще 7 районов были определены как районы частичной украинизации, в которых должно было быть обеспечено обслуживание украинского населения на его родном языке путем создания специальных переводческих бюро при соответствующих райисполкомах и хозяйственных организациях. В соответствии с категорическим требованием II расширенного пленума Далькрайисполкома о переводе делопроизводства на родной язык, райисполкомы названных районов должны были определить села, компактно заселенные украинцами и перевести работу всех учреждений в них (сельсоветов, школ, больниц, хат-читален) на украинский язык. Вся официальная переписка должна была осуществляться через отмечен-

[10] Островский З. С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931. С. 42.

ные выше переводческие бюро. Эта работа также должна была быть закончена до 1 октября 1931 г.[11]

«Фактически украинизация в крае начата всего полтора года назад, и, тем не менее, уже за эти полтора года баланс украинизации показывает достаточный актив. В украинских районах открыто более 700 школ 1-й ступени, 25 ФЗС и ШКМ с общим количеством учащихся более 30 тыс. человек. Организован украинский техникум, отделение агропединститута, передвижной театр и украинская краевая газета. Печать в ряде районов переведена на украинский язык, проведена подготовка 260 педагогов для украинских школ. Правительство советской Украины взяло шефство над украинскими районами ДВК, поставив конкретную задачу культурной помощи районам в укреплении их кадрами. Эту задачу Украинская республика выполняет с большим успехом, дав украинским районам ДВК около 300 работников и организовав систематическое культурное обслуживание украинского населения в крае», – сообщалось в статье М. Голубовского «Десять лет проведения ленинской национальной политики в Дальне-Восточном крае», которая была помещена в первом номере журнала «Советское строительство» за 1933 г.[12]

22 апреля 1932 г. Северо-Кавказский краевой отдел народного образования предоставил Наркомпросу РСФСР следующие статистические данные об итогах украинизации школ к концу учебного года: «В конце 1932 г. на Северном Кавказе на украинском языке работало 1609 школ 1-й ступени с 221 453 учащимися и с 558 учителями, 259 школ 2-й ступени с 42 148 учащимися и с 1552 преподавателями, 12 педагогических техникумов, краткосрочные педагогические курсы и сеть политпросветучреждений»[13].

В Центрально-Черноземной области (ЦЧО) к декабрю 1932 г. существовало уже 52 района полной и частичной украинизации. Вместе с тем довольно значительных результатов ЦЧО достигла в сфере украинизации системы школьного образования и культурно-просветительных учреждений. Например, к началу 1931/32 учебного года в большинстве районов завершалась украинизация школы 1-й ступени (80 %), развертывалась украинизация школ повышенного типа – 34 и педтехникумов – 14. Значительно выросла и украинская

[11] См.: Черномаз В. А. Украинцы Приморья: прошлое и настоящее // Многонациональное Приморье: история и современность: Материалы научно-практической конференции. Владивосток, 1999. С. 26–33.

[12] Голубовский М. Десять лет проведения ленинской национальной политики в Дальне-Восточном крае // Советское строительство. 1933. № 1 (78). С. 88.

[13] Алдакимова О. В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: Дисс. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004. С. 161.

печать: если в 1930 г. было всего 2 украинских газеты по области, то к концу 1931 г. полностью украинизированных было 10 районных газет, 3 газеты были частично украинизированы (имелся вкладыш на украинском языке) и выходила 1 областная газета для малограмотных[14].

К этому времени украинизация на территории РСФСР набрала достаточно высокие темпы (а по сравнению с предыдущими этапами это был гигантский рывок вперед): одних только украинских школ 1-й ступени насчитывалось около 4 тыс., было выделено около сотни украинских районов, выходило несколько десятков областных и районных газет на украинском языке.

Однако влияние проекта общерусской нации оказалась достаточно прочным среди украинцев РСФСР, его инерция была очень сильна даже в 1920-е гг., когда украинский проект достигает здесь своих самых больших результатов. Местное малороссийское население, проживавшее в русских губерниях, упорно отказывалось признавать себя «украинцами», продолжая называть себя «хохлами», «суржиками», «перевертнями». Здесь, на русско-украинском пограничье (Кубань, ЦЧО), даже несмотря на многолетнюю политику украинизации, процессы естественной ассимиляции среди украинского / малороссийского населения России проявлялись ярче всего.

Обращает на себя внимание тот неоспоримый факт, что довольно большая часть населения Кубани воспринимала свою этническую идентичность как промежуточную между русской и украинской: многие жители черноморских станиц называли себя «хохлами», «кубанскими хохлами». «Мы усе хохлы. Не то русские, не то украинцы». В 1931 г. в Краснодаре проводилось обследование предприятий города «на предмет выявления украинцев». По данным обследования рабочие некоторых заводов говорили, что они «кубанские хохлы»[15].

Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в губерниях Центрального Черноземья. Так, например, отказ от украинизации Прохоровской волости Белгородского уезда Курской губернии, где по переписи 1926 г. 49,39 % населения числились украинцами, уездные власти объясняли тем, что числятся они таковыми только на бумаге, «фактически же все они настолько обрусели и из поколения в поколение настолько свыклись с русской речью, что последняя каждому

---

[14] Дроздов К. С. Государственная политика украинизации на Белгородчине в 1923–1932 гг.: цели, этапы, результаты // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Белгород, 2011 Вып. 3. С. 29–30; Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг.: монография / С. Н. Коротун, С. П. Толкачева, Е. А. Шевченко. Воронеж, 2012. С. 127–128.

[15] Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 90.

украинцу стала родной речью, тогда как чисто украинская литературная речь совершенно чужда и непонятна». «Практикуемая населением в общежитии речь Слободской Украины мало имеет общего с литературным украинским языком. Терминов последнего украинское население волости без пропуска его полностью через серьезную украинскую школу никогда не усвоит. Да и в школе язык этот может быть усвоен не легче, чем какой-либо иностранный, например, немецкий, так как терминология того и другого одинаково незнакома. Разница лишь только в том, что последний изучался бы с охотой...» В докладе Валуйского уездного исполнительного комитета о работе по украинизации в уезде сообщалось, что украинский язык прививается не совсем хорошо, так как в украинском языке имеются слова, которые еще непонятны крестьянам. «Понятие же населения о литературном украинском языке слабое, поэтому работники ВИКов и сельсоветов в своих обращениях с ним (дача отчетов, докладов, а также разъяснений) применяют местное слобожанское наречие, если же говорить на чисто украинском языке, то он для них бывает не совсем понятным». Точно так же в мае 1930 г. в докладной записке областной комиссии, проводившей проверку выполнения директив о ходе украинизации в ЦЧО, было указано, что нередки случаи, когда граждане, украинцы по происхождению, выносят постановления против проведения украинизации (село Богдановское Новохоперского района) или относятся к этому вопросу с иронией, считая себя суржиками или перевертнями, которые ничего общего не имеют с украинцами[16].

В связи с этим важно отметить, что многие местные руководители, как например в Белгородском уездном отделе народного образования, даже саму политику по украинизации школы, особенно на раннем этапе, понимали достаточно упрощенно, исключительно как «введение в обиход школы разговорного местного языка».

Но наиболее активно за сохранение своих региональных особенностей высказывалось население Кубани, где вместо «украинизации» намеревались произвести «кубанизацию». В справке ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа от 31 мая 1928 г., в частности, сообщалось следующее: «Наряду с отрицательным отношением населения к украинизации, особо следует отметить неоднократно встречающиеся заявления о необходимости изучения «своего кубанского языка», а не «чужого украинского».

«Некоторые из самостийно настроенных учителей, преимущественно из среды коренных кубанцев, поддерживают идею “кубани-

[16] ГА РФ. Ф. Р.-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 215 об., 67, 30; Д. 215. Л. 23 об.; Оп. 122. Д. 55. Л. 159 об.

зации школы". Характерно отметить, что в школах, возглавляемых этими учителями (например, 2-я Украинская в станице Старощербиновской Донского округа), как дети, так и родители на вопрос: какой язык они желают изучать – русский или украинский, отвечают: "Наш, кубанский".

В Уманском районе Кубанского округа. Ряд родительских собраний вынесли постановление, в которых высказывается желание о преподавании в школах "родного кубанского языка, а не украинского".

В Северском районе Кубанского округа среди населения наблюдаются разговоры: "Если украинизировать школы, то только на нашем кубанском наречии, а не на чужом украинско-галицийском"...»[17]

В условиях активного саботажа кубанскими казаками хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. сталинский режим отказался от украинизации Кубани и других русских областей. С этого времени здесь возобновился процесс естественной ассимиляции украинского населения, а под воздействием административной русификации территории РСФСР начался процесс смены национальной идентичности с украинской на русскую (советскую).

[17] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 572.

Ю. А. Борисёнок

ОСОБЕННОСТИ УСКОРЕННОЙ БЕЛОРУСИЗАЦИИ В ПОЛОЦКОМ РЕГИОНЕ И ПОЛЬСКИЙ ФАКТОР (1923–1928 гг.)

К сожалению, в большинстве современных трудов по белорусской истории политика белорусизации 1920-х гг. обычно недооценивается, а порой игнорируется вообще. В современной историографии Республики Беларусь так и не появилось специальной монографии по этой весьма актуальной проблематике. Более того, филолог И. Климов в 2008 г. попытался доказать, что «белорусизация была именно языковой политикой – и только языковой, однако не культурной и не этнической (последнюю стоит описывать термином "коренизация")», а также поставил под сомнение логичный вывод о том, что белорусизация проводилась в целях минимизации польского влияния в БССР[1]. Стоит добавить, что именно белорусизация привела и к минимизации численности самих поляков в советской части Беларуси...[2]

Первая же в мировой исторической науке специальная книга, посвященная этой проблеме, увидела свет в 2012 г. в Праге в издательстве «Лидове новины». Молодая исследовательница из Карлова университета Алена Маркова, приехавшая в Чехию из Беларуси, назвала свою монографию «Советская белорусизация как путь к нации. Иллюзия или реальность?»[3]

Отрадно, что исследовательский ракурс автора оказался шире традиционных узких представлений о «советском тоталитаризме», априори тупо и безжалостно угнетающем все нации и народности от белорусов до нганасанов. Алена Маркова неплохо чувствует белорусскую специфику процесса национального строительства, именуя

---

[1] Клімаў І. Асаблівасці правядзення беларусізацыі ў 1920-я гг. // Studia białorutenistyczne. Lublin, 2008. T. 2. S. 53, 67.

[2] См. подробнее: Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории. Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013. С. 362.

[3] Marková A. Sovětská bělorusizace jako cesta k národu. Iluze nebo realita? Praha, 2012.

белорусизацию «комплексным общественным процессом», который начинается с «политического решения о приоритете продвижения национального языка»[4]. Историк абсолютно верно связывает постановку вопроса о белорусизации с речью Сталина на X съезде РКП(б) в 1921 г.[5], но приводит лишь первую часть высказывания будущего «вождя народов», где говорится о безусловном признании существования белорусов, опуская важнейшее продолжение, в котором на примере Риги и Будапешта обосновывается тезис о быстрой смене этнической окраски городов и регионов Восточной Европы[6]. Оба сталинских высказывания взаимосвязаны и в дальнейшем именно в связке друг с другом отражались в исторической реальности.

Заметим, что Маркова отводит политике белорусизации в БССР всего пять лет (1924–1929)[7], тогда как даже настроенный с начала 1990-х гг. априори антисоветски белорусский историк старшего поколения Л. М. Лыч пишет о процессах белорусизации и в 1930-е гг.[8] На самом деле начало реального внедрения преподавания на белорусском языке даже в фактически еще остававшихся в составе РСФСР белорусских уездах Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, подлежавших передаче в состав БССР в 1924 г., по решению центральных союзных властей было реализовано уже с 1 сентября 1923 г. При этом стоит помнить и о том, что отдельные новации в жизни белорусского общества, связанные именно с белорусизацией (школьное обучение, массовый охват печатью и радио на белорусском языке, создание Академии наук БССР, музеев и других культурно-просветительных учреждений), при всех изменениях курса советских властей непрерывно и реально существовали вплоть до распада СССР в 1991 г.

Примечательно, что Маркова почти не затронула конфессиональный аспект проблемы и совершенно не придала значения внешнеполитическому измерению белорусизации. Это тем более досадно, что автор, судя по тексту книги, в отличие от очень многих исследователей данной проблематики владеет польским языком. В реальности это вылилось среди прочего в крайне сомнительный комплимент избранным (в реальности их было больше) польским комментаторам 1925–1928 гг. текущей советской национальной политики в Белару-

---

[4] Ibid. S. 24.

[5] Ibid. S. 16.

[6] См.: Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937. С. 81.

[7] Marková A. Op. cit. S. 41, 159–174.

[8] Лыч Л. Беларусізацыя: 30-я гады // Маладосць. 1995. № 12. С. 197–207.

си: подход Ю. Голомбка, Э. Малишевского и Я. Охоты[9] без лишних подробностей назван «объективным, то есть свободным от коммунистической идеологии»[10]. То обстоятельство, что в работе нет ни слова об объективно антипольском содержании как всей политики белорусизации, так и ее старта в 1923 г. делает весьма актуальным специальное обращение к этой проблеме.

В докладе комиссии оргбюро ЦК РКП(б) 1923 г. читаем: «В 1920 году существовала угроза образования Белоруссии под "протекторатом" Польши и при том Белоруссии этнографической, т. е. далеко выходящей за пределы бывш. Минской губернии. При таком положении дела население всех белорусских уездов, конечно, предпочитало при переписи ориентироваться в национальном вопросе не на угрожаемую Белоруссию, а на Россию, вот почему сомнительны данные переписи 1920 года, показывающие уменьшение белорусского населения в бесспорно белорусских уездах... Политическая обстановка того времени дает основания думать, что данные переписи вскрывают ошибку тех, кто утверждает, что национальное самосознание белорусов похоронено полонизацией и русификацией»[11].

Обнаружение руководством РКП(б) у белорусов национального самосознания вызывалось отнюдь не этнографическими причинами и соображениями «дружбы народов». Именно к 1923 г. в Москве окончательно убедились в том, что Польша не собирается ни учитывать национальные права белорусов (и украинцев) на своей территории, ни проводить на практике озвученную Юзефом Пилсудским и обоснованную его соратником Леоном Василевским теорию федерализма.

На самом деле за создание «искусственной белорусской конструкции» сколько-нибудь серьезно ратовал лишь отвечавший за белорусские дела молодой сотрудник II отдела польского Генштаба (разведка и контрразведка) Сильвестр Воевудский (1892–1938), происходивший из шляхты Лидского уезда. Понимания у Пилсудского и других представителей польской политической элиты он не нашел. Информированный мемуарист и видный деятель польского МИД Михал Станислав Коссаковский возмущенно писал о том, что ответил этот энтузиаст «на вопрос о том, что делать с тем населением Минщины, которое считает себя поляками. "Нужно сделать из них

[9] Gołąbek J. Początki dramatu białoruskiego. Warszawa, 1925; Maliszewski E. Białoruś Sowiecka i jej stosunki narodowościowe // Sprawy Narodowościowe. 1927. № 5–6. S. 509–519; Ochota J. Z historji państwowotwórczych poczynań białoruskich // Sprawy Narodowościowe. 1928. № 1. S. 1–21.

[10] Marková A. Op. cit. S. 11.

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 501. Л. 140.

белорусов", – ответил Воевудский»[12]. Согласно Коссаковскому, уже 4 ноября 1920 г. на представительном совещании польских чиновников в Вильно было выработано твердое мнение о том, что «Беларусь существует только за пределами польского государства»[13]. А в 1921 г., по словам того же мемуариста, Пилсудский изрек: «Белорусскую политику пусть черти поберут»[14].

«Первый маршал» Польши как в воду глядел: смышленые большевистские черти во главе с самим товарищем Сталиным прочно оседлали белорусскую политику и превратили ее (наряду с украинской) прежде всего в действенное орудие борьбы с беспокойным польским соседом. Весьма характерно, что инициативу при расширении границ БССР летом 1923 г., приведшую к практическим результатам (в отличие от периодически возникавших с 1920 г. обращений властей в Минске[15]), проявила именно комиссия политбюро ЦК РКП(б) по работе среди белорусов Польши, функционировавшая с 31 мая по 7 июля 1923 г. и руководимая сначала Я. Э. Рудзутаком, а затем В. М. Молотовым.

Принятое после долгих бюрократических согласований в стиле «перетягивания границ» решение, торжественно обнародованное в марте 1924 г., позволило увеличить территорию БССР более чем вдвое – с 52,4 тыс. до 110,5 тыс. км^2 с населением около 4,2 млн человек, включавшую и «колыбель белорусской государственности» Полоцк, который впервые с начала XIX в. повысил свой статус «уездного города» и стал центром округа (до 1930, а также в 1935–1938 гг.). Еще более примечательно, что та же комиссия политбюро ЦК в июле 1923 г. фактически дала старт процессу реальной белорусизации, который теоретически должен был начаться уже после решений XII съезда партии в апреле того же года о коренизации. Инициированное комиссией решение политбюро ЦК РКП(б) от 12 июля 1923 г. не только признавало принципиально необходимым расширение границ БССР, но и указывало на необходимость отменить всякие препятствия к открытию белорусских школ с применением белорусского языка и за пределами республики. Витебская, Гомельская и Смоленская парторганизации получили соответствующие указания,

---

[12] Цит. по: Кароткі нарыс беларускага пытання. Мінск, 2009. С. 349.

[13] Там же. С. 363.

[14] Там же. С. 372.

[15] Белорусский историк Сергей Хомич и в 2011 г. был убежден, что «инициатором воссоединения белорусских территорий в 1923 г. выступало руководство БССР», см.: Хомич С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011. С. 223.

и создание белорусских школ началось уже с 1923/24 уч. года, еще до окончательного решения проблемы границ.

То, что и дело белорусизации жестко увязано с польским фактором, показывают, к примеру, материалы совещания работников просвещения, созванного в Витебске летом 1923 г. Местные губернские власти пытались всячески сопротивляться включению в состав БССР и изучению белорусского языка, с этой целью на собрании выступили специально подобранные ораторы – учителя из Полоцкого уезда с характерными белорусскими фамилиями Славкович и Околович. Первый был настроен радикально: «Я думаю, что если бы мне пришлось сказать у себя в деревне, что с этого наступающего года я буду учить детей на белорусском языке – крестьяне не пустили бы их ко мне, а меня прогнали бы. Я удивляюсь, почему защитники белорусского языка сами говорят на русском, не потому ли, что его нет... Меня смешит, когда говорят о белорусской культуре или литературе»[16]. Околович заметил, что «в одном нашем Полоцком уезде можно насчитать несколько говоров среди крестьян», а затем озвучил «экономически обоснованную» позицию витебских губкомовцев: «Мы вообще страшно бедны. Оторвавшись от Центра, мы совершенно поставим себя в странное положение и нас не спасут ни лес, ни картофель, ни бобы. И я думаю, если бы крестьяне получили бы объективное объяснение по вопросу о присоединении, то вряд ли кто-либо потянул бы к Минску»[17].

Славковичу и Околовичу возражал заведующий школьным отделом витебского уездного наробраза Василевский (в стенограмме особо отмечено, что он уроженец Витебской губернии и уезда). Начав с того, что «говорить о том, что в Витебщине нет белорусов и что они совершенно обрусели, чрезвычайно смело», он раскрыл «истинное лицо» несогласных учителей: «Все их существо, вся интонация их произношения говорит об их белорусской сущности. Хотим или не хотим мы себя признавать белорусами, но великорусы сразу по говору узнают уроженца Белоруссии. Возьмите любого нашего учителя, уроженца Витебщины, переведенного в какой-нибудь Ярославль, на собрании заставьте там его произнести двухминутную речь – там сразу скажут, что это “полячок”, считая всех уроженцев Белоруссии за поляков. Мы всегда белорусы, хотим мы этого или нет... Для великорусов мы “поляки”, а для наших крестьян они “москали”. Какое же тут совершенное обрусение»[18].

[16] АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 58. Л. 83–84.

[17] Там же. Л. 84.

[18] Там же. Л. 85–86.

В заключение Василевский прибег к главному аргументу: «Вопрос о присоединении Витебской, Смоленской и Гомельской губерний к Белорусской республике приобретает особую злободневность для всех наших зарубежных братьев. Поляки говорят, что у них тоже нет белорусов, и всегда указывают на нас, говоря: что же вы кричите о Белоруссии в Польше, когда в России не признают белорусов, кроме остатков Минской губернии»[19].

Линия, намеченная Василевским, в итоге взяла верх: Славковичу и Околовичу пришлось смириться с преподаванием на белорусском. В отчете Полоцкого окротдела народного образования по итогам 1923/24 уч. года подчеркнуто, что «случаев враждебного отношения к белорусизации не наблюдается ни в городе, ни в деревне... В г. Полоцке организована ударная, чисто белорусская школа. Преподавание в 4-х классах ведется исключительно на белорусском языке»[20].

Примечательно, что все подобные дискуссии велись строго кулуарно: 12 июля 1923 г. Сталин одобрил все предложения комиссии Молотова за исключением пункта об открытии дискуссии в прессе. Советская печать в итоге стала одним из главных проводников белорусизации, изобретая яркие и броские лозунги типа: «Кто еще не знает белорусского языка и не торопится овладеть им, тот выказывает преступное равнодушие к делу укрепления рабоче-крестьянской смычки»[21].

Жалобы же на «отсутствие белорусского языка» прочно оседали в архивах учреждений и редакций печатных изданий. Число подобных посланий увеличилось с конца 1925 г., когда темпы белорусизации, в том числе и в городах, существенно возросли. В 1926 г. ряд писем, поступивших из Полоцка и от его уроженцев, заставил власти выступить с резким протестом на газетных страницах. 16 мая 1926 г. в органах ЦК КП(б) – русскоязычной тогда «Звезде» и белорусскоязычной «Советской Беларуси» – была одновременно напечатана статья «Имеет ли белорусский народ свой язык и свою культуру?», где в сокращенном виде приводилось одно из подобных писем и прилагался ответ к нему с характерным заголовком «Распоясавшийся шовинизм»[22]. Кампания против «распоясавшихся» врагов белорусизации затронула и союзную «Правду», а полоцких учителей, подозревавшихся в сочинении письма или сочувствии высказанным в нем

[19] Там же. Л. 86.

[20] Зональный государственный архив в г. Полоцке. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Л. 117–118.

[21] ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 20. Д. 200. Лозунги из минской газеты на русском языке «Рабочий» за 5 октября 1927 г.

[22] См.: Беларусізацыя. 1920-я гады. Дакументы і матэрыялы. Мінск, 2001. С. 214–221.

взглядам, вскоре основательно «пропесочили» и заставили выражать полное одобрение национальной политике партии.

Многие авторы скрывались под псевдонимами и назывались крестьянами, хотя язык текстов выдавал людей вполне образованных. Так, некто, назвавшийся «крестьянином Зримым», в письме в наркомпрос РСФСР от 20 января 1926 г. не только заявлял, что «белорусский язык чужд всей массе населения» и «давно уже отжил-умер», но и заметил, что «такая неслыханная еще на белом свете дикость присуща только таким дикарям, как большевики»[23]. Последняя фраза была весьма характерна для мироощущения польской межвоенной элиты, но, судя по всему, этот «пособник поляков» был вполне добровольным. Как следует из составленного в январе 1928 г. II отделом польского Генштаба «Краткого очерка белорусского вопроса» (несмотря на краткость, текст был весьма объемным), на белорусизацию спецслужбы сопредельного государства обратили внимание только на фоне газетной кампании 1926 г.: «Только в середине 1926 года обозначился энергичный поворот в национальной политике властей Советской Беларуси и стремление к действительному осуществлению законов, касающихся белорусского языка. Началось чрезвычайно поспешное решение национальной проблемы путем придания белорусскому населению особых привилегий»[24].

Об «особых привилегиях» во II отделе явно присочинили: в тогдашней БССР и в Полоцком регионе, в частности, проводилась образцовая национальная политика с четырьмя официальными языками – белорусским, русским, еврейским (идиш) и польским. А вот поспешность белорусизации, то бишь ее ускоренный характер, в советских условиях обычно всегда мирно уживавшийся с показухой, варшавские аналитики отметили верно (впрочем, и «крестьянин Зримый» подчеркивал, что «большевики крепко держатся показательной политики»)[25].

Уже 7 октября 1927 г., меньше чем через год после последнего «укрупнения» БССР, председатель нацкомиссии при ЦИК БССР А. И. Хацкевич бойко докладывал в Москве не просто о проведении, а об итогах белорусизации. Специально для этого мероприятия руководимая Хацкевичем комиссия подготовила и опубликовала объемный труд «Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике», а именно его первую часть «Белоруссизация» (в тогдашней орфографии). Работу признали «вполне удовлетворительной», а верный сталинский со-

[23] ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 16а. Д. 176. Л. 48.

[24] Кароткі нарыс беларускага пытання. С. 195.

[25] ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 16а. Д. 176. Л. 48.

ратник Андрей Андреевич Андреев, тогда первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии, назвал ее даже «колоссальной»[26]. Многочисленным цифрам докладчика Хацкевича оказали полное доверие, а старый соратник Сталина по наркомнацу Семен Диманштейн особо подчеркнул, что белорусизации «оказывается очень мало сопротивления»[27].

Оценку Андреева стоит разделить, прежде всего, в плане экономическом. Все разговоры о «насильственной белорусизации» и одиночных протестах против нее не имеют никакого смысла, если учесть один основополагающий факт: проекты развития народного образования в БССР финансировались не то что не по остаточному принципу, а были главной расходной статьей как общереспубликанского, так и местного бюджета. Расходы на народное образование в БССР увеличивались с 1923/24 до 1926/27 уч. г. теми же «столыпинскими» темпами – почти в 4 раза, с 5 427 162 до 19 085 682 руб., но при этом доля ассигнований на образование в бюджете была несоизмеримо выше по сравнению с ушедшей в прошлое империей, вызывая и ныне вполне понятную зависть – 27,5 % общего республиканского бюджета в 1925/26 уч. г.[28] Так что именно солидной финансовой подпиткой всех структур белорусизации, в том числе и прообраза АН БССР – Инбелкульта[29], объясняются очевидные успехи этой политики.

Некоторые цифры из доклада Хацкевича позволяют заключить, что белорусизация самым активным образом способствовала деполонизации населения республики. Напомним, что некоторые современные публицисты упрекают тогдашнюю национальную политику в БССР как подрывающую устои православия (но на это, заметим, была направлена вся «идеологическая работа партии»), а вот на превращение белорусских католиков в белорусов внимания не обращается. Примечательно, что среди жалоб в инстанции по поводу белорусизации голосов католического населения не слышно. Но в выступлении Хацкевича находим очень любопытные данные. Поляки составляли на 1926 г. всего 1,96 % населения БССР, или 97 498 человек, в быту польским языком пользовались 37 % из них, а 47,9 % – белорусским,

---

[26] Там же. Оп. 20. Д. 200. Л. 56, 73.

[27] Там же. Л. 42.

[28] Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике. Минск, 1927. Ч. I. Белоруссизация. С. 38; ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 16а. Д. 176. Л. 45.

[29] 3 апреля 1928 г. старший инспектор РКИ БССР А. Николаев по итогам обследования Инбелкульта выявил, что его сотрудники, работая в нескольких местах на ниве белорусского просвещения, получают непомерно высокие зарплаты. Так, академик В. И. Пичета получал 614 руб. 16 коп., см.: Інстытут беларускай культуры. 1922–1928. Дакументы і матэрыялы. Мінск, 2011. С. 221.

остальные – другими языками. Для сравнения: среди русских 98,3 % пользовались русским языком и 1,7 % – белорусским. Белорусы же, коих насчитывалось 89,3 % от всего населения в «4 983 340 душ» (только белорусов-крестьян 4 017 301), пользовались: «белорусским языком 80,6 %, остальная часть белорусов пользуется польским языком и другими языками в незначительном проценте»[30]. То есть следует понимать, что польскоязычные белорусы числом в несколько сотен тысяч человек превосходили числом этнических поляков. Потенциальные поляки превратились в белорусов без особо насильственных действий, которыми сопровождалась обратная практика (превращение белорусов и так называемых «тутейших» в поляков) во II Речи Посполитой. В контексте польской политики советской власти это был несомненный успех.

[30] ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 20. Д. 200. Л. 4–6.

И. А. Дмитрик

УКРАИНИЗАЦИЯ ДОНБАССА В 1923–1938 гг.: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Изучение процесса украинизации включает выявление отношения к данной проблеме как руководителей разного уровня, так и населения. Два фактора изначально осложняли восприятие провозглашенного в 1923 г. курса: во-первых, Донбасс – многонациональный регион со значительной долей русскоязычного населения, во-вторых, индустриальный центр, в котором развитие национальной культуры или национально-кадровый вопрос не являлись приоритетными задачами. На партийных и профсоюзных заседаниях, на страницах местных газет и журналов велись настоящие дебаты.

Для изучения общественного мнения по этому вопросу были использованы информационные возможности трех групп источников:

1) местные документы, которые хранятся в Государственном архиве Донецкой области;

2) дела Центрального государственного архива общественных объединений Украины (в фонд ЦК КПУ попадали жалобы и обвинения);

3) материалы региональной периодики (газета «Диктатура труда», «Приазовский пролетарий», журнал «Просвещение Донбасса»). Преимуществом прессы является наличие не только официальных хроник, но и информации, характеризующей бытовое отношение населения к тем или иным реформам. Кроме того, страницы периодики часто использовали для открытой полемики.

В целом, существовало три оценки политики украинизации в Донбассе: негативная, безразличная и положительная.

Негативная реакция на украинизацию Донбасса

Традиционные аргументы в пользу искусственности проводимых реформ звучали так:

1) в селах просят говорить по-русски, т. к. плохо понимают украинский литературный язык. Отсюда – предложение: если и прово-

дить украинизацию, то начинать с деревни[1] (на собрании партячейки строительного цеха Сталинского завода);

2) «Зачем нам украинизация, если в Донбассе 80 % населения – русские?»

Разновидности этого вопроса доходили до тотального отрицания проживания украинцев в Донбассе.

Так, член партии из ячейки железнодорожников выступил с заявлением: «В Донбассе украинцев нет, есть рабочий класс, пришлый, украинизация здесь совершенно лишнее дело». Следующий докладчик продолжил эту мысль: «Украинский рабочий – это дурачок, за него революцию сделали русские рабочие»[2]. По этой логике украинцев в регионе либо вообще не было, либо они были настолько несознательными, что не стоило для них создавать проекты, которые могли осложнить положение других национальностей.

Поскольку данный аргумент использовался противниками украинизации в дебатах на всех уровнях, остановимся на нем подробнее. Одним из вариантов упомянутого довода было убеждение в том, что немногочисленные представители украинского этноса Восточной Украины – это либо крестьяне, проживавшие в отдаленных от промышленных центров селах, либо рабочие-сезонники, которые вскоре вернутся к своим семьям. В таком случае проводить с ними мероприятия, направленные на изучение и развитие украинского языка и культуры, силами профсоюзов – занятие бесполезное, а заниматься украинизацией остальной части работников предприятий – бессмысленное.

Подобные представления не просто были ошибочными, но оказывали негативное влияние на психологическое восприятие политики. Миф о том, что население Донбасса на 70 или 80 % состояло из русских, так часто повторяли на официальных собраниях и на бытовом уровне, что многие, включая руководителей, были уверены в истинности данного факта. Поэтому в пылу полемики, проводившейся партийными и профсоюзными организациями, проявлялась крайне эмоциональная реакция участников, которые недоумевали по поводу, как им казалось, искусственной украинизации русского населения.

В действительности доля русского населения в регионе была весомой, но не тотальной, как считали многие современники событий. С научной точки зрения в 20–30-х гг. XX столетия появились новые тенденции изменений в национальном составе жителей этой территории. Как отмечает исследовательница О. В. Обыденова, в межвоенный период Донецкий край стал центром наиболее активной в

[1] Диктатура труда. 25 марта 1927.

[2] ЦГАОО У. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 79.

Украине миграции населения, традиционный наплыв безработных из России, Беларуси, Татарстана и других мест перекрывался прибытием в города украинских крестьян, что обусловило увеличение доли коренного населения в Донбассе до 64–65 %.

С началом индустриализации численность украинцев начала уменьшаться (до 61 %), а доля русского населения увеличилась с 26 до 32 %[3] в связи с организованными кампаниями по набору рабочей силы. Но сама идея того, что украинцы могли быть национальным меньшинством в Донбассе, не выдерживает критики.

Почему в таком случае должностные лица и простые обыватели так уверенно повторяли этот миф? Потому что расселение представителей разных национальностей на территории Донбасса имело неравномерный характер. Именно в промышленных центрах наблюдалась концентрация представителей русского этноса.

Вернемся к аргументам противников новой национальной политики в Донбассе. Следующее возражение демонстрирует, скорее, отсутствие желания и возможности заниматься дополнительной («лишней») работой, чем идеологический протест. Указывали на неэффективность проводившихся мероприятий из-за пренебрежения принципами последовательности и системности решения поставленных задач. Поскольку не была проведена подготовительная работа – наивно было ожидать результатов. Приводили примеры: «С тех пор, как “Коммунист” стали публиковать на украинском языке, подписка сократилась»[4]. Прежде чем переводить газеты и журналы на украинский язык, следовало научить население читать на этом языке. Открывались курсы, но уровень их организации и анализ деятельности снова наталкивали на мысль о том, что общее проведение украинизации является несвоевременным[5]. К такому выводу приходили из-за отсутствия литературы на некоторых курсах; проблем с оплатой труда лектора; нерегулярного посещения курсов чиновниками и т. д.

Однако не все противники украинизации сдержанно констатировали недостатки в воплощении национальной политики на местах. Во время дебатов в профсоюзах звучали экстравагантные предложения, выражавшие крайнюю степень раздражения. На пленуме Сталинского районного комитета ВСРМ докладчику по вопросу украинизации из зала поступила записка с текстом: «А раз это невозможно, то прекратите бузить, ибо это все равно впустую»[6].

---

[3] Обидьонова О. В. Національні меншини Донбасу в 20–30-ті роки XX століття: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2000.

[4] ГАДО. Ф. Р-837. Оп. 1. Д. 206. Л. 123.

[5] Там же. Л. 122 об.

[6] Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 354. Л. 20 об.

Отдельно следует отметить позицию технической интеллигенции, представители которой организовывали и руководили производственными процессами на шахтах и заводах Донбасса. Очень болезненно реагировали специалисты-инженеры. В редакцию газеты «Луганская Правда» поступило письмо горного инженера, заведующего техническим бюро под заголовком «Лучше убежать, чем украинизироваться». Главной идеей была жалоба на то, что украинизация мешает техническим работникам выполнять свои должностные обязанности, и они готовы бежать на шахты Российской республики[7].

Рабочий класс по-разному проявлял свое отношение к способам решения национального вопроса. Иногда трудящиеся предпочитали действовать, а не высказываться. Когда в Артемовском округе вывесили коллективный договор для строителей на украинском языке, рабочие забросали его грязью[8].

Эмоционально выражается и автор жалобы «Мысли об украинизации совсем не для печати от рабочего Луганска (партийного)». Он называет кампанию новым испытанием, не таким тяжелым, как гражданская война или голод, но скучным, мешающим людям отдыхать после работы. Свои предложения проводить украинизацию постепенно и осторожно, начинать с младшего поколения, составить план не менее чем на 25 лет, автор завершает громким призывом: «Ну, и давайте попробуем, спросим народ, скажем: даёшь плебисцит!»[9]

Обратимся к другим сферам реализации национальной политики. Выясняя отношение детей, учителей и родителей к процессу украинизации школьного образования, используем материалы журнала «Просвещение Донбасса» – органа сначала Донецкого губернского отдела народного образования (1922–1925 гг.), с 1925 г. – губкома КП(б)У и губернского отдела народного образования.

Данные по Мариупольскому округу[10] за 1924 г. свидетельствуют о том, что дети легко переходили на украинский язык обучения, а диапазон реакции взрослых включал как решения сельских собраний в поддержку украинизации, так и акции протеста. Последние чаще происходили в крупных и зажиточных селах, где преобладали «старые» имперские стереотипы: «русский-то язык барский, с ним скорее в люди выйдешь», а «наш украинский язык – холопский». Т. е. некоторые крестьяне в решении вопроса о языке преподавания исходили из принципа карьеризма.

---

[7] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 81.

[8] Там же. Л. 106.

[9] Там же. Д. 2253. Л. 92.

[10] Просвещение Донбасса. 1924. № 4.

Преподавательский состав учебных заведений детально анализировал все «за» и «против», поскольку украинизация становилась частью его профессиональной деятельности. Естественно, обнаружив промахи и сознательные правонарушения в ее проведении, педагоги указывали на них.

В архиве сохранилось письмо учительницы из г. Славянска редактору газеты «Кочегарка», в котором, кроме отчаянного выступления против вовлечения в процесс детей и взрослых, описывались факты преступной деятельности некоторых должностных лиц. В частности, «настоящие украинцы» (имеются в виду преподаватели украинского языка, прибывшие в Донбасс из Киевщины и Полтавщины) обвинялись в получении нетрудовых доходов за счет процедуры экзаменов (на основе количества ошибок, допущенных во время перевода текста, человеку присваивали категорию, с которой он имел или лишался права занимать определенную должность). Возник коррупционный механизм: служащий брал 6–7 уроков у преподавателя, который входил в состав экзаменационной комиссии, по 3–4 руб. за занятие, а потом с его помощью сдавал экзамен и получал 1-ю категорию без глубокого знания предмета[11].

Рассмотренные примеры демонстрируют разные причины и способы выражения несогласия с официальным курсом национальной политики. Одних возмущали ошибки, допускаемые государственной властью в этой области, другие не намеревались разбираться в преимуществах и недостатках реформ, изначально были против них. Противники украинизации участвовали во всевозможных дискуссиях, выражали свою точку зрения на бытовом уровне, писали письма и жалобы в редакции газет.

Безразличное отношение к национальной политике

Эта реакция была обусловлена не столько четкой собственной позицией, сколько приспособленчеством.

В октябре 1926 г. для служащих рудоуправления, рудкома и рабкома шахты № 30 Рутченковского рудника были открыты курсы украинского языка. Начальство всех перечисленных организаций, мотивировав занятостью, вскоре прекратило посещать занятия. «Не появляется руководство – и менее влиятельные заведующие и управленцы считают, что им можно не ходить. Это существенно замедляет темп украинизации»[12]. Пример добровольно-принудительного уча-

[11] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 123.

[12] Диктатура труда. 14 апреля 1927.

стия определенной части населения в осуществлении национальной политики не был исключительным, и, естественно, к результатам не приводил.

В других случаях люди, которые были внутренне согласны с новым курсом, предпочитали не ввязываться в споры и не проявлять своего отношения из-за неблагоприятной атмосферы, царившей в регионе. Звучали робкие предложения: «необходимо, чтобы товарищи, которые не украинизируются, перестали смотреть с презрением на тех, кто принимает участие в украинизации»[13].

Иногда безразличное отношение было вызвано непониманием содержания национальной политики или отдельных ее составляющих. Так, при обсуждении докладов на заседании комиссии Политбюро по украинизации в анекдотичной форме прозвучал рассказ об ответственном работнике партии, который определял национальность крестьян Артемовского округа крайне странным способом. Он считал, что если человек пьет много чая – он русский, а если мало – то украинец[14].

Такой сотрудник не только не справлялся с поставленными задачами, но и вносил путаницу в сознание крестьян. Делал это не умышленно, причем сам удивлялся, что люди с украинскими фамилиями говорят на русском языке.

Как правило, за равнодушным отношением к украинизации в Донбассе скрывалось приспособленчество, боязнь осуждения или низкий уровень образования.

Положительное отношение к украинизации

Следует рассмотреть аргументы сторонников коренизации в регионе. В ответ на отрицательные возгласы оппонентов они не менее эмоционально призывали приложить максимум усилий для решения национального вопроса. На заседании пленума Красногвардейского рудничного комитета 9 сентября 1926 г. прозвучало достаточно жесткое высказывание: «Вопрос стоит остро: или украинизироваться, или выезжать в Орловскую губернию»[15]. Позиция была мотивирована тем, что «наша промышленность находится в окружении украинского населения, и, в первую очередь, перед союзом горняков ставится вопрос об украинизации»[16].

---

[13] ГАДО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 354. Л. 20.

[14] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 100.

[15] ГАДО. Ф. Р-837. Оп. 1. Д. 206. Л. 122.

[16] Там же.

Кроме «революционных» лозунгов на заседании были озвучены интересные факты. Было предложено не допускать уклонов, которые проявились в других организациях: технических работников, знающих украинский язык, переманивали из одного учреждения в другое с целью улучшения статистики выполнения партийных решений. Справедливо резюмировали, что это не украинизация, а самообман[17].

Среди мероприятий, которые должны были способствовать изучению украинской культуры, чаще упоминались следующие:

- в процессе выдвижения кадров ориентироваться на украинцев, особенно в случае перевыборов профсоюзных ячеек;
- в клубах открыть драматические кружки, практиковать украиноязычные представления, семейные вечера;
- не принимать на работу служащих, не владеющих украинским языком[18].

На традиционный довод оппонентов о том, что украинская культура – сельская, а крестьяне обладают низким уровнем грамотности, поэтому не стоит проводить работу в рамках коренизации, нашелся ответ: «Русские крестьяне тоже не говорят на литературном языке. Повседневная речь крестьянина ограничена 500 словами, поэтому, как и русскому крестьянину, украинцу необходимо учиться, чтобы понимать украинский литературный язык»[19].

Наиболее весомым считалось мнение «титулованного класса» – пролетариата, поэтому обе спорящие стороны старались к нему апеллировать. Чтобы выяснить позицию рабочего класса, рабочие корреспонденты проводили домашние индивидуальные беседы, например, с трудящимися завода им. А. Рыкова и рудника им. К. Маркса. Определяли точку зрения металлургов и горняков на украинизацию, задавали вопросы: нужны ли им кружки украиноведения, понимают ли они украинский язык, нравятся ли им постановки украинского театра? Беседы такого рода были проведены с 84 рабочими, большая часть которых высказалась за украинизацию.

На основании обследования можно сделать вывод о том, что база для вовлечения рабочих Донбасса в пространство украинской культуры все-таки была, причем ею интересовались не только этнические украинцы.

Однако не все сообщения о влиянии на рабочий класс официальной политики были такими умиротворенными. Рабочий корреспондент Буденовского рудника был чрезвычайно обеспокоен тем фактом, что из-за отсутствия внимания у них не только не было до-

[17] Там же. Л. 122 об.

[18] Там же. Л. 123.

[19] Там же. Л. 122 об.

стижений в решении национального вопроса, напротив, происходила активная русификация рабочих-украинцев. «В клубах отсутствуют кружки украиноведения, в библиотеках нет украинской литературы, очень редко создаются драматические кружки. Украинцы, попадая в такую на 100 % русскую обстановку, через год или два забывают родной язык»[20].

Сторонники украинизации Донбасса, как и противники, использовали разные формы выражения своей позиции: участие в дискуссиях, резкие заявления, заметки в газетах. Собственно, от оппонентов они отличались лишь противоположной оценкой событий.

Полемика партийных функционеров Донбасса на станицах газеты «Диктатура труда»

Серьезное обсуждение адаптированной к местным условиям коренизации и ее последствий началось с публикации заведующего орготделом Сталинского райпарткома Г. Афонина «Украинизацию нужно проводить в меру»[21]. В статье отражено конфликтное восприятие политики правительства. Автор выступил против:

- украинизации делопроизводства городского совета, милиции и других учреждений (аргументировал тем, что население города и промышленных окраин на 80 % русское);
- постановления об обязательной публикации объявлений и афиш на двух языках, т. к. это ведет к лишним тратам;
- общей украинизации школ округа;
- украинских субтитров к кинолентам, т. к. подавляющее большинство зрителей в промышленных районах – русские.

В заключение Г. Афонин подчеркнул, что украинизацию следует проводить в меру, учитывая национальный состав отдельных населенных пунктов (особенно крупных), «чтобы наша национальная политика не шла вразрез с интересами большинства жителей»[22], превращаясь в сверхукраинизацию, что можно расценивать как уклон.

Публикация вызвала широкий резонанс, первым ее критиком стал секретарь Сталинского окружного комитета КП(б)У К. Моисеенко. В статье «Об “украинизации” и “украинизаторах” в меру»[23] он опроверг все замечания предыдущего автора, назвав их примером непонимания линии партии. Так, на выпад по поводу кинокартин читатели получили такой ответ: «Субтитры на украинском – это мощ-

[20] Диктатура труда. 28 апреля 1927.

[21] Там же. 17 февраля 1927.

[22] Там же.

[23] Там же. 23 февраля1927.

ный рычаг, с помощью которого прививаются знания языка широким массам вообще и рабочим в частности»[24]. Партийный функционер уверенно отстаивал необходимость украинизации региона. Признавая сложность задачи и наличие уже допущенных ошибок, К. Моисеенко категорически отрицал обособленность интересов населения промышленных районов, протестовал против меры Г. Афонина, т. к. считал, что она не сдвинет с места реформу.

Вскоре на второй странице газеты появилась статья Землянко «Еще об украинизации»[25]. В ней указывалось, что в Сталинском округе речи не могло быть о сверхукраинизации, уместнее было использовать приставку недо. Автор предлагал активно работать над решением национального вопроса: обслуживать рабочих-украинцев на родном языке, добиваться украинизации актива промышленной части округа и села.

Интересный факт: после выхода последней статьи была опубликована выписка из протокола заседания Бюро Сталинского райпарткома, которая засвидетельствовала отмежевание этой организации от личных взглядов Г. Афонина.

Зачинщику бурной дискуссии пришлось прокомментировать критические отзывы. Читатели ознакомились с аргументами защиты в статье «Об украинизации»[26]. Афонин пытался нивелировать обвинения в желании ликвидировать любые проявления украинизации, продолжал указывать на перегибы, преждевременные мероприятия в городе, которые «получают неодобрительный отклик большинства населения»[27]. Автор считал, что следует дождаться добровольной заинтересованности жителей региона, не торопиться осуществлять национальную политику в Донбассе.

Вывод

Общественное мнение по поводу целесообразности украинизации Донбасса было неоднородным, настроения различных социальных групп – противоречивыми.

Приверженцы противоположных концепций национально-культурного развития региона позволяли себе радикальные высказывания, отказываясь слышать друг друга, искать компромисс. В результате появлялись жалобы и тайные письма, адресованные редакциям газет или органам власти, которые, как правило, не были

[24] Там же. 23 февраля1927.

[25] Там же.

[26] Там же. 27 марта 1927.

[27] Там же.

опубликованы и сохранились в архивах. Анализ этих документов позволяет утверждать, что жесткие официальные требования в сжатые сроки украинизировать учреждения Донбасса, как и фанатичное отрицание всей кампании, не приводили к значимым результатам.

С другой стороны, сторонники и противники политики в равной степени участвовали в дебатах, опираясь на постановления правительства и линию партии. Более того, в качестве трибуны для ознакомления наибольшего количества граждан с определенной позицией активно использовали страницы местной прессы («Диктатура труда», «Просвещение Донбасса» и др.). Интересно, что политически грамотный гражданин мог как отстоять право на сопротивление украинизации в связи со специфическими условиями региона, так и обвинить окружающих в русотяпстве. Ораторы, занимавшие диаметрально противоположные позиции, завершали свои выступления приблизительно одинаково: «необходимо решительно пресекать как российский, так и украинский шовинизм».

Несомненно, общественное мнение по поводу социально-значимых проектов правительства является одним из залогов успешности его реализации. В межвоенный период в Донбассе существовала потребность в формировании массового положительного отношения к украинизации без использования рычагов административного давления и форсированных темпов. Эта задача по разным причинам не была полностью решена в 20–30-е г. XX в., поэтому требует доработки в современных условиях.

В. Дённингхаус

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМА ЭТНОДИСПЕРСНЫХ ГРУПП (1922–1930 гг.)

– Разбирался ли Сталин в национальных вопросах?
– Сталин лучше всех разбирался в национальных делах.

Из беседы Феликса Чуева
с Лазарем Кагановичем[1]

Среди проблем, стоящих перед исследователями истории СССР, одними из важнейших и наиболее спорных традиционно являются проблемы изучения и интерпретации национальной политики большевиков, в том числе в 1920-е гг. В историографии господствует в целом весьма позитивная оценка советского «национального строительства» периода нэпа. Значительная часть историков вслед за Терри Мартином расценивают Советский Союз как первую в мире «империю позитивной дискриминации» (Affirmative Action Empire), целенаправленно способствовавшую развитию своих этносов и их культур[2], а некоторые, вслед за Марком Мазовером, даже готовы воспринимать «первое в мире государство рабочих и крестьян» как наследника политики национально-культурной автономии империи Габсбургов[3]. У таких интерпретаций есть свои весомые основания: «карнавал национальностей» 1920-х гг. с его стремлением расселить все этносы по своим «квартирам», начиная от союзных республик и заканчивая национальными районами и сельсоветами, с его национальной «коренизацией» административного аппарата в форме всевозможных «украинизаций», «белорусизаций», «татаризаций» и т. д., с его национальными прессой, школой, театром и т. п. действительно

[1] Чуев Ф. Каганович. Шепилов. М., 2001. С. 117.

[2] Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

[3] Mazower M. Der dunkle Kontinent. Europa im 20. Jahrhundert. Berlin, 2000.

производит на историков огромное впечатление. В данной статье, посвященной политике советского государства в отношении национальных меньшинств в 1920-е гг., сделана попытка найти ответ, насколько адекватны представления о национально-государственном строительстве 1920-х гг. как о золотом веке советской «национальной политики».

В политических реалиях «страны Советов» толкование термина «национальные меньшинства» могло исходить только из одного источника – ЦК РКП(б). В начале 1921 г. И. В. Сталин предложил следующее определение этого термина: «Отдельные текучие национальные группы [...], вкрапленные в инонациональные компактные большинства и в большинстве случаев не имеющие [...] определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др. нацменьшинства)»[4]. Эта формулировка вскоре перекочевала в текст резолюции состоявшегося в марте 1921 г. X съезда РКП(б)[5]. Здесь стоит отметить, что в Конституции СССР 1924 г. «нацменьшинства» не упоминались в принципе, а в Конституции РСФСР 1925 г. данный термин фигурирует без каких-либо дополнительных пояснений и перечисления тех этносов, которые под ним подразумевались[6].

Таким образом, критерии национального меньшинства были в СССР довольно размыты: а) отсутствие «определенной» территории и б) «вкрапленность» в инонациональные большинства[7]. Использование этих критериев на практике приводило к различным вариантам трактовки и использования этого термина, зачастую далеко выходивших за его рамки. Так, например, заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР М. А. Трилиссер даже в 1930 г. употреблял определение *«нацмен»* применительно к 32,68 % населения Российской Федерации (22,9 млн человек), подразумевая под *«нацменьшинством»* все нерусское население республики[8]. Подобная интерпретация этого термина как *«народности нерусско-*

---

[4] Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. [Тезисы к X-му съезду РКП(б)] // Собр. соч. М., 1951. Т. 5. С. 26.

[5] Десятый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 368–369.

[6] Конституция РСФСР 1925 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508617/ (дата обращения: 3.12.2013); Конституция СССР 1924 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (дата обращения: 3.12.2013)

[7] Ильин С. К. Проблема нацменьшинств Северокавказских автономий в деятельности центральных органов РСФСР: теория и практика, 20-е годы // Северный Кавказ. Выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 160.

[8] Докладная записка замнаркома наркомата РКИ М. А. Трилиссера в СНК РСФСР от 6.09.1930 г. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 43. Ср.: Просвещение национальных меньшинств, 1922/23 уч. г. ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 60. Л. 12.

го языка» встречается также в документах Отдела национальностей ВЦИК РСФСР[9].

Отдельный закон о правах этнодисперсных групп, закреплявший их политико-правовой статус, так и не был разработан советскими законодателями, тем не менее понятие «нацменьшинство» с годами несколько конкретизировалось. Так, заместитель секретаря ВЦИК РСФСР А. И. Досов, готовясь весной 1928 г. к выступлению на II Всероссийском совещании уполномоченных по работе среди нацмен, не только выделил нацменьшинства в автономных республиках и областях в особую категорию, но и предложил разделить их на две отдельные группы, различавшиеся по своему культурному и экономическому положению. К первой группе Досов отнес *«культурно и экономически отсталые национальности (чуваши, мари в Татреспублике...)»*, а ко второй – *«более культурные национальности, стоящие в культурном и экономическом отношении выше коренного населения данной автономной единицы (русские, украинцы, немцы и др.)»*[10].

В течение первого десятилетия советской власти работники центральных органов партии и государства, отвечавшие за конкретную деятельность в отношении многочисленных этнических групп, предпринимали неоднократные попытки определить для себя объект своей деятельности. В результате термин «нацменьшинство» стал использоваться как диалектическая оппозиция «титульной нации», составлявшей большинство населения данной территориальной единицы. Однако недостаточно четкие критерии не позволяли использовать этот термин без постоянного дополнительного разъяснения его значения. Более того, в каждом конкретном случае интерпретация этого понятия во многом зависела непосредственно от представлений отдельного работника, который нередко использовал его по своему собственному усмотрению, что порождало большое количество нестыковок и недоразумений.

Одним из последствий такой терминологической путаницы нередко являлись жалобы руководителей различных рангов и ведомств на недостаточную ясность определения «нацмены»[11]. Так, например, руководство Наркомздрава признавалось в 1930 г., что «как это ни странно [...], но положение таково, что ни один орган не может точно

---

[9] См., напр.: Просвещение национальных меньшинств, лето 1928 г. // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 123; О постановлениях и решениях совещания уполномоченных нацмен, от 15.06.1928 // Там же. Л. 116.

[10] Тезисы доклада об итогах и очередных задачах в области работы среди нацменьшинств РСФСР, весна 1928 г. // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 186.

[11] Ильин С. К. Проблема нацменьшинств... С. 161–162.

сказать, что надо понимать под термином нацменьшинство»[12]. В докладной записке о выполнении наркоматами директив правительства по работе с национальными меньшинствами руководство Госплана РСФСР отмечало в сентябре 1930 г., что доклады с мест в подавляющем большинстве содержат материал не об «обслуживании» конкретных этнодисперсных групп, а населения автономной республики или области в целом[13]. Несомненно, что подобные явления были прямым результатом терминологической путаницы и привычки расценивать проблемы этнодисперсного населения в СССР как второстепенные, что находило отражение в деятельности как центральных, так и местных органов власти.

Сразу же после упразднения Наркомнаца в 1923 г.[14] был создан ряд новых государственных институтов, каждый из которых решал свой специфический круг вопросов, связанных с национально-государственным строительством. К ним относились Совет национальностей ЦИК СССР, Отделы и комиссии по делам национальностей при республиканских ЦИКах, национальные представительства при ВЦИК и т. п. Все эти органы работали под непосредственным руководством и контролем со стороны Политбюро и ЦК РКП(б)/ВКП(б)[15].

Совет национальностей ЦИК СССР (1923–1936) по сути являлся преемником Совета национальностей Наркомнаца (НКН), представлявшего собой коллегиальный орган руководителей национальных подразделений наркомата и представителей автономных образований РСФСР. Основной задачей Совета национальностей НКН являлось обсуждение любых законопроектов советской вла-

---

[12] Докладная записка «О результатах выполнения наркоматами директив правительства по обслуживанию нацменьшинств» [сентябрь, 1930 г.] // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 20.

[13] Там же. Л. 21; см. также: Санин Ф. Промышленное строительство в автономных республиках, областях и у нацменьшинств // Власть Советов. 1931. № 28. С. 18.

[14] 30 декабря 1922 г. был образован СССР, а через пять месяцев, 7 июля 1923 г., II сессия ВЦИК X созыва приняла постановление о ликвидации Наркомнаца, сочтя его миссию законченной. В связи с тем что подведомственное «хозяйство» наркомата было весьма объемным, его ликвидация растянулась на целый год, до начала апреля 1924 г. См.: Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918–1924 гг.: Каталог документов. М., 2001. С. 5, 256.

[15] Неудивительно, что после упразднения Наркомнаца вопросами размежевания новых автономных территорий и уточнением их границ занималась даже комиссия Оргбюро ЦК РКП(б). См.: Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995. С. 104; ср.: Диманштейн С. Реконструктивный период и работа среди национальностей СССР // Революция и национальности. М., 1930. №. 1. С. 9–19.

сти, в какой-то мере «*затрагивавших национальный вопрос*»[16]. Ежегодно переизбиравшийся Совет национальностей ЦИК СССР имел весьма сходные функции[17]. Однако его основным отличием от Совета национальностей НКН являлся не только статус палаты высшего органа государственной власти в СССР, но и состав. Если среди членов Совета Наркомнаца в большом количестве присутствовали представители этнодисперсных групп, прежде всего западных национальностей (поляки, латыши, литовцы, чехи, эстонцы, евреи и т. д.), то Совет национальностей ЦИК состоял исключительно из представителей национально-территориальных образований СССР, т. е. союзных и автономных республик/областей. Другими словами, кроме немцев, делегированных АССР Немцев Поволжья, в Совете национальностей ЦИК СССР «западные» национальности вообще не были представлены, как впрочем и другие этнодисперсные группы населения, не имевшие своих национальных административно-территориальных образований.

Президиумы Совета национальностей и Союзного Совета составляли вместе единый орган – Президиум ЦИК СССР, который, в соответствии с Конституцией СССР 1924 г. являлся высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти между сессиями ЦИК СССР[18]. Закрепление конституционного положения о равноправии обеих палат ЦИКа, отсутствие разграничения компетенций между ними[19], параллельность проведения сессий Совета национальностей и Союзного Совета и т. п., как правило, не позволяли Совету национальностей отстаивать свою позицию как по ключевым вопросам развития национально-государственного устройства, так и по развитию народного хозяйства в отдельно взятых союзных и автономных республиках[20]. В итоге это привело к

---

[16] Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей. С. 9; Положение о Совете национальностей при НКН // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР 1921. № 39. Ст. 206.

[17] С 1927 г. съезды Советов СССР стали созываться только один раз в два года.

[18] Президиум ЦИК (1925) состоял из 21 члена: 7 человек избирал Совет национальностей, 7 – Совет Союзов и 7 – съезд Советов СССР. См.: Гальперин Р. В. Народы советских республик. Харьков, 1925. С. 131–133.

[19] См.: Волобуев О. В., Кулешов С. В. Русский вопрос в имперском и постимперском контурах // Призвание историка / под ред. В. В. Журавлева. М., 2001. С. 50–51; Гальперин Р. В. Народы советских республик. С. 128–130.

[20] См. более подробно: Коржихина Т. П.: Советское государство... С. 117–121. Так, только за 1925 г. Президиумом ЦИК СССР было рассмотрено более 390 конфликтных дел, из которых более 280 были допущены по вине союзных органов управления. См.: Ожукеева Т. О. Совет Национальностей ЦИК СССР (1923–1936): Автореф. дисс. ... М., 1991. С. 27–28.

функциональной обезличенности Совета национальностей в системе союзной власти[21].

Координация деятельности государственных органов по защите прав и интересов нацменьшинств не являлась приоритетной для Президиума ЦИК СССР, тем более что «обслуживание» нацмен проводилось каждой союзной республикой в отдельности. Токонай Ожукеева, исследовавшая работу Совета национальностей ЦИК СССР в 1923–1936 гг., пришла к выводу, что среди членов ЦИК довольно широко было распространено утопическое представление о «временном» характере их деятельности в связи с формированием в недалеком будущем единой национальной общности – «советского народа». Так, один из них открыто заявлял следующее: «Поскольку мы строим коммунистическое общество, поскольку с дальнейшим нашим развитием все грани экономических противоречий между народами нашего Союза стираются и мы с каждым годом жизни нашего Союза по своим интересам и стремлениям сближаемся, постольку вопрос о суверенных правах того или другого народа в нашем Союзе все больше и больше теряет содержание»[22].

В первую очередь это относилось именно к этнодисперсным группам населения, не имевшим своих территориально-государственных образований, которые в соответствии с теоретическими представлениями Кремля должны были первыми исчезнуть в этом грандиозном коммунистическом «эксперименте» XX столетия. За весь период 1923–1930 гг. на заседание Президиума Совета национальностей ЦИК СССР только единственный раз – в декабре 1929 г. – был вынесен вопрос о развитии отдельного нацменьшинства – немцев, причем не в рамках отдельно взятой республики, а всего СССР[23]. Этот вопрос не был плановым, его появление в повестке дня было обусловлено экстраординарной ситуацией – попыткой массовой эмиграции немцев, вызванной коллективизацией[24].

---

[21] Ср.: Волобуев О. В., Кулешов С. В. Указ. соч. // Призвание историка. С. 50–51.

[22] Цит. по: Ожукеева Т. О. Указ. соч. С. 26.

[23] Работа с нацменами рассматривалась только в рамках отчетов ЦИКов отдельных республик. Так, например, в марте 1928 г. на заседании Президиума Совета национальностей ЦИК СССР был заслушан доклад руководства ЦИК Белорусской ССР «О культурном и хозяйственном обслуживании нацменьшинств в Белоруссии». Разумеется, также заслушивались отчеты ЦИК АССР Немцев Поволжья, в качестве отдельного национально-территориального образования РСФСР. См., напр.: Письмо помощника Секретаря Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР Чанышева в ЦИК АССР НП, от 30.11.1925 г. // ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 18. Д. 71. Л. 2.

[24] Заседание Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР, от 9.12.1929 // ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 99. Л. 71; О попытке массовой эмиграции немцев из СССР см. более подробно: Mick Ch. Sowjetische Propaganda, Fünfjahrplan und deutsche

Без действенной структуры в составе центральных органов исполнительной власти, которой так и не было создано, Президиум Совета национальностей ЦИК СССР, представлявший интересы исключительно национально-государственных образований, не мог, да и не особо хотел заниматься проблемами «нетитульных наций», переложив всю работу по их обслуживанию на ЦИК союзных республик[25]. «Мы имеем самые разнообразные формы обслуживания национальных меньшинств в нацреспубликах, – признавал заведующий подотдела Нацмен ЦК ВКП(б) С. М. Диманштейн, занимавший с марта 1930 г. должность заместителя секретаря Президиума Союза национальностей, – которые часто отличаются друг от друга не из-за национальных и бытовых особенностей разных частей Союза, а просто потому, что одни не знают, как ведется работа у других и какие формы и методы обслуживания национальных меньшинств лучше оправдали себя на практике»[26]. Вместе с тем бывший работник ЦК ВКП(б), шесть лет курировавший вопросы деятельности национальных секций РКП(б)/ВКП(б) в рамках СССР, как никто другой знал и понимал, что централизации политики в области «обслуживания» нацменьшинств мешал жупел теории «национально-культурной автономии», которую большевистское руководство, и, прежде всего, сам Сталин, категорически не признавали[27], ревниво пресекая любую попытку экстерриториального регулирования жизни национальных групп в СССР.

27 октября 1930 г. на основе материалов, предоставленных Госпланом и Рабкрином, было принято совместное постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О результатах выполнения наркоматами директив Правительства по обслуживанию национальных меньшинств», в котором отмечалось, что «обслуживание национальных меньшинств, вкрапленных в края и области РСФСР, а также национальных меньшинств, проживающих в пределах автономных республик и автономных областей, явно недостаточное»[28]. ВЦИК и СНК пришли к

Rußlandpolitik 1928–1932. Stuttgart, 1995. S. 350–380; Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen, 2001. S. 278–301.

[25] Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам, от 25.03.1930 г. // ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 44–44 об.

[26] Диманштейн С. Реконструктивный период. С. 18; Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам, от 25.03.1930 г. // ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 47.

[27] См.: Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Собр. соч. М., 1951. Т. 2. С. 361–362.

[28] Постановление № 83 ВЦИК и СНК РСФСР, от 27.10.1930 г. // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 14 об.; Ср.: Постановление СНК РСФСР по докладу Госплана РСФСР [сентябрь, 1930 г.] // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 37.

общему выводу, признав, что органы советской власти фактически уклонялись от работы с нацменами: «а) в аппаратах центральных и местных учреждений почти совершенно нет специального учета работы по обслуживанию национальных меньшинств; б) вопросы хозяйственного и культурного обслуживания национальных меньшинств особо не выделяются и не отражаются [...] как в пятилетних планах, так и в годовых контрольных цифрах, ни по наркоматам и другим центральным учреждениям РСФСР, ни по совнаркомам автономных республик, краевым и областным исполкомам»[29]. В целом работа по «обслуживанию» нацменьшинств в РСФСР как центральными наркоматами (Наркомфин, Наркомторг, Наркомтруд, Наркомсобес), так и правительствами автономных республик и местными исполкомами была признана ВЦИК и СНК РСФСР «неудовлетворительной»[30].

После ликвидации НКН высшие органы управления, подведомственные СНК РСФСР, вообще не занимались вопросом «текущих национальных групп», которые фактически «выпали» из планов их работы. Определенным исключением являлась деятельность только двух центральных наркоматов – Наркомпроса и Наркомздрава[31], хотя и в их работе с представителями этнодисперсных групп был «вскрыт» целый ряд недочетов. Если учесть, что первые конкретные директивы для отраслевых центральных органов власти были подготовлены Отделом национальностей при Президиуме ВЦИК лишь в марте 1927 г., т. е. через несколько лет после его создания, то не вызывает особого удивления и характер оценок их деятельности. Несомненно, что такой подход определялся сложившимся в Кремле после ликвидации НКН отношением к проблеме нацменьшинств, не считавшейся больше приоритетным направлением как внутренней, так и внешней политики. Следствием такого «невнимания» явилось отсутствие конкретных директив для каждого наркомата по «обслуживанию» нацмен вплоть до начала 1927 г. Ситуация в остальных союзных республиках[32] не отличалась существенно от положения в РСФСР, что позволило члену комиссии Президиума ЦИК СССР

[29] Постановление № 83 ВЦИК и СНК РСФСР, от 27.10.1930 г. // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 15; Ср.: Санин Ф. Указ. соч. С. 17–18.

[30] Постановление № 83 ВЦИК и СНК РСФСР, от 27.10.1930 г. // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 16.

[31] Дело в том, что только при этих центральных наркоматах РСФСР функционировали специальные подразделения по обслуживанию нацменьшинств: Нацбюро (Наркомздрав) и Совнацмен (Наркомпрос).

[32] Так, например, ЦИК Белоруссии совершенно не владел информацией в отношении проводимой работы среди немцев, литовцев и латышей (исключение составляли поляки и евреи). См.: Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам, от 25.03.1930 г. // ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 57–58.

по советскому строительству и оргвопросам Зайцеву заявить открытым текстом на одном из ее заседаний весной 1930 г.: «Нацкомиссии как будто существуют, но существенной пользы для дела не дают [...] С вопросом обслуживания нацменьшинств в смысле организации школ, судоговорения на родном языке на бумаге, по отчетам, дело обстоит благополучно, а фактически этого нет»[33]. Не в последнюю очередь такое положение было вызвано тем обстоятельством, что в решениях XII съезда РКП(б), где национальный вопрос в последний раз активно обсуждался партийной элитой страны, проблема нацменьшинств была упомянута лишь в общем контексте «национального вопроса», т. е. совершенно без какой-либо ее конкретизации или детализации.

Только начало «великого перелома» в деревне, вызвавшего массовые антисоветские выступления крестьянства различных национальностей по всему СССР – от эмиграции до вооруженного сопротивления – вновь вызвали интерес кремлевского руководства к «*текущим национальным группам*», которые почему-то не торопились переплавляться «в котле наций и народностей» в единую общность «советский народ»[34]. Более того, представители этнодисперсных групп населения, в первую очередь немцы, поляки, финны, латыши и др., оказали весьма жесткое сопротивление коллективизации[35]. Вину за положение, создавшееся в стране, И. В. Сталин возложил на исполнителей – работников центрального и местного аппаратов власти. На этой волне развенчания «перегибов на местах» и кратковременного отступления перед новым броском в «светлое будущее», были ликвидированы все национальные секции ВКП(б)–ВЛКСМ, зато усилена нацработа по «советской линии»[36]. Как отмечал в своем отчете в сентябре 1930 г. председатель Госплана РСФСР А. М. Лежава, «экономическая и культурная отсталость национальных меньшинств [...] является одним из серьезнейших препятствий к развертыванию социалистического строительства в нашей стране [...]; она служит

[33] Там же. Л. 50 об.

[34] Так, уже весной 1930 г. в постановлении Президиума ВЦИК от 20.04.1930 г. было предложено всем наркоматам РСФСР, исполкомам АССР, краевым и областным исполкомам составить особые годовые и перспективные планы по обслуживанию нацменьшинств.

[35] См., напр.: Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. S. 346–358; Костюшко И. И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001. С. 155–162.

[36] См.: Самойлович П. Организационное укрепление нацменработы в РСФСР // Революция и национальности. № 1. 1930. С. 82–88; Диманштейн С. Реконструктивный период. С. 9–19; ср.: Выписка из протокола № 56/449 заседания Секретариата ЦИК УССР, от 10.05.1930 // ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 79–81.

источником рецидива буржуазно-националистических тенденций, затемнения и смазывания классового расслоения и классовой борьбы в национальной деревне, подмены классового принципа принципом национальным, и затрудняет борьбу с религиозно-бытовыми пережитками»[37].

В любом случае, несмотря на раздававшиеся еще с 1923 г. многочисленные заявления партийных и советских деятелей о завершении разработки «теоретических аспектов» проблемы национальных меньшинств в СССР, полной ясности в этом вопросе не существовало и к началу 1930-х гг. Отсутствие детально разработанной центром концепции по работе с «текучими национальными группами» позволило национальным меньшинствам несколько дольше, чем представителям «титульных наций», уклоняться от прямого вмешательства центральных органов советской власти в их жизнь[38]. Довольно точно охарактеризовал различие подходов к представителям «титульных наций» и мелких этнодисперсных групп руководитель одного из подразделений Союза Союзов сельскохозяйственной кооперации Абаев, признавший в 1928 г. полное отсутствие какого-либо «обслуживания» нацмен: «Национал – это значит коренная нация данной национальной республики. Там сосредоточилось все. Там есть определенный темп развития. Нацмен же приходится прощупывать, искать мелкими точками, рассыпанными на безбрежном море огромных пространств, и они очень трудно поддаются и учету и обслуживанию. Если мы в национальных республиках и областях можем учитывать экономику и хозяйственную жизнь этих районов как целостных государственных образований, то это труднее делать в отношении нацмен, вкрапленных в разных губерниях и областях, где не всегда подводятся итоги по национальному признаку»[39].

Если в отношении *«культурно и экономически отсталых групп национальностей»* Севера и Востока задача «выравнивания» уровня их развития применительно к «общероссийскому стандарту» была ясна на всех этажах советской власти, то специальных методов работы с ранее «*господствующими нациями*» (нацмены Запада) Центр так и не выработал. В результате органы власти на местах подходили к ним с теми же приемами, как и к массе русскоязычного населения. Не на-

---

[37] Докладная записка «О результатах выполнения наркоматами директив правительства по обслуживанию нацменьшинств», [сентябрь, 1930 г.] // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 20.

[38] Ср.: Докладная записка А. И. Досова в Президиум ВЦИК, от 15.03.1928 г. // ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 485.

[39] Материалы Совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств. М., 1928. С. 263–264, 487–490.

шла своего полного отражения эта проблема и при формулировке задач и конкретных направлений деятельности Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК.

Оценивая роль, которая отводилась советскому государственному аппарату в решении проблемы советизации этнодисперсных групп населения, сложно найти что-то более адекватное, чем устойчивое словосочетание *«обслуживание нацменьшинств»*, прочно вошедшее в 1920-е гг. в лексикон партийных и советских функционеров. Благодаря разобщенности советских и партийных органов нацменовская деревня смогла дольше, чем соседние русские селения, сопротивляться советизации и сохранять свою национальную самобытность. В первую очередь это относилось к представителям наиболее экономически и культурно развитой группы – нацменам Запада, которым органы советской власти традиционно уделяли меньше внимания, чем нацменам Востока, находившимся на более низкой ступени хозяйственного и культурного развития.

Таким образом, национальные меньшинства парадоксальным образом стали в СССР в 1920-е гг. невольными «благоприобретателями» слабости и неорганизованности деятельности советского государственного аппарата в области реализации национальной политики. Бесспорно, что национальное строительство осуществлялось в СССР не только по советско-государственной, но и по партийной линии, с помощью национальной партийной элиты, сконцентрированной в рамках национальных секций РКП(б)/ВКП(б). Вместе с тем национальные секции были крайне малочисленны и не имели прямых возможностей влиять на местные партийно-государственные органы, которые, как правило, воспринимали их лишь как экспертов по «национальным» вопросам.

Расцвет национальных культур никогда не являлся приоритетной целью советской национальной политики. Ее главной утилитарной задачей была советизация жизни многочисленных этносов, прежде всего – насаждение качественно нового «советского» образа жизни и усвоение «советских» ценностей. Именно для реализации этой задачи были задействованы многочисленные и разнообразные «национальные» инструменты и «приводные ремни масс», породившие, отчасти справедливо, представление о 1920-х гг. как о «золотом веке» советской национальной политики. Как только коллективизация продемонстрировала неэффективность «национального» варианта советизации, значительная часть национальных «рычагов» была отброшена или минимизирована, а в национальной политике все явственнее стала пробивать себе дорогу русификация.

В. С. Воронцов

«ИМПЕРИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» НА ПРИМЕРЕ КОРЕНИЗАЦИИ В УДМУРТИИ

После Октябрьской революции Советская власть продекларировала в качестве одного из важнейших принципов национальной политики достижение реального равноправия всех народов России[1]. Для его реализации необходимо было не только устранить дискриминацию по национальным, религиозным, культурным, языковым признакам, но и предоставить национальным меньшинствам ряд дополнительных прав: право на автономию, право на представительство в органах власти, право на самостоятельное решение вопросов социально-экономического и этнокультурного характера и др.

Распад Российского государства и начавшаяся Гражданская война наглядно продемонстрировали большевистскому руководству опасность идеологии национализма, которая успешно конкурировала с коммунистической идеей на бывших национальных окраинах[2]. В ходе Гражданской войны противостоящие друг другу силы на практике проверяли различные варианты социального и государственного обустройства страны. И преимущество в этой войне получала политическая сила, которая учитывала два важнейших для России вопроса – аграрный и национальный. Советская власть нашла формулу государственности, которая позволила на время нейтрализовать, «приручить» этнонационализмы. Эта формула заключалась в том, что народам было предложено собраться в единое государство на основе совместного общежития, «национального по форме, социалистического по содержанию». В рамках единого социалистического

[1] Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 39–41.

[2] На территории бывшей Российской империи возник ряд национальных правительств: Центральная рада в Киеве, Белорусская рада в Минске, Сфатул Цэрий в Бессарабии, национальные советы в Прибалтике, Азербайджане, Армении и Грузии, Горская республика и Северо-Кавказское эмирство на Кавказе, Туркестанская, Башкирская и Алашская автономии и др., еще раньше о своей независимости заявили Польша и Финляндия.

государства народы России получили право на поэтапное создание национальной государственности в форме национального округа, автономной области, автономной и союзной республик.

По мнению профессора Гарвардского университета Т. Мартина, Советский Союз был первой в мире империей «положительной деятельности». Он первым из традиционных европейских многонациональных государств оказал сопротивление поднимающемуся национализму. Для того чтобы нейтрализовать национализм, точнее взять его под контроль, Советская власть сознательно готовила и продвигала местные кадры для руководства нерусскими республиками, поощряла развитие национальных языков, культур и национального самосознания нерусских народов. Автор утверждает, что в 1920 – первой половине 1930-х гг. поддержка национальных меньшинств происходила во многом за счет русского народа, т. е. использовался принцип «позитивной дискриминации»[3].

Своеобразный «нэп» в национальной политике заключался, с одной стороны, в уступках «националам» («лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем не досолить»[4]), а с другой – в сознательном и жестком контроле партии над процессами нациестроительства («строительства социалистических наций и народностей»). Составной частью национальной политики этого периода была так называемая коренизация. Политика коренизации официально сформулирована на XII съезде партии в апреле 1923 г. и на совещании ЦК РКП(б) по национальному вопросу в июне того же года. Коренизация государственного аппарата предполагала, с одной стороны, ведение делопроизводства во всех госорганах на национальных языках, а с другой – привлечение в органы власти, управления и суда представителей местного населения, знакомых с его языком, традициями, бытом. Предполагалось, что русскоязычные партийные и советские кадры, работающие в национальных республиках должны освоить язык местного населения[5].

В статье на основе архивных источников рассматривается процесс коренизации государственного аппарата в Вотской (Удмуртской) автономной области в 1920 – начале 1930-х гг.

Вотская (Удмуртская) автономная область (ВАО) как государственность удмуртского народа была образована 4 ноября 1920 г., на

---

[3] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М., 2011. С. 10, 31–32.

[4] Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.

[5] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 133; М., 1984. Т. 3. С. 79.

момент ее создания удмурты имели численное большинство в составе населения области – 55 %, второй по численности группой являлись русские – 42 %, в области также проживали татары, бесермяне, марийцы и др. В сельской местности, населенной преимущественно удмуртами, основным языком общения являлся удмуртский язык, но в городах, где доля удмуртов была небольшой, русский был языком официальным и разговорным.

В начале 1920-х гг. среди партийных и советских работников ВАО не было единства в понимании дальнейшего развития процесса национально-государственного и языкового строительства. Бóльшая часть русских руководителей не видела необходимости развивать и использовать удмуртский язык в общественно-политической сфере и обвиняла удмуртских работников в национализме[6]. Комиссия по изучению опыта реализации национальной политики на местах, побывав в Удмуртии в 1924 г., отметила случаи проявления великодержавного шовинизма: «Взгляд на вотяков остается тот же, но только еще усугубляется тем, что вы теперь свободные, имеете автономность. Между прочим, русский национализм не дает им хотя бы мало-мальски развернуться и оправдать некоторую часть той автономности, которая так произносится русскими почти в насмешку...»[7].

Этапным на пути реализации политики коренизации в Удмуртии стал V съезд Советов ВАО, состоявшийся в декабре 1923 г. Открывая съезд, председатель Вотского областного исполкома И. Наговицын отметил, что перед местными властями стоит задача «сделать наши учреждения более доступными для населения, чтобы самый отсталый, темный крестьянин вотяк, придя в государственное учреждение, чувствовал, что Советская власть есть власть трудящихся», для чего «в государственных учреждениях должны быть люди, умеющие говорить с вотяками на вотском языке, люди, происходящие из гущи вотского населения, знающие быт и условия жизни вотского народа»[8].

Выступая на съезде с докладом «Национальный вопрос и его практическое осуществление в Удмуртской области», Наговицын предложил комплекс мер, направленных на подъем культуры удмуртского народа, вовлечение его в активное строительство социализма. Съезд постановил «ввести в употребление вотский язык наравне с русским языком во всех государственных учреждениях и общественных организациях Автономной Вотской Области», обязал «все учреждения и

---

[6] Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 10. Д. 42. Л. 1. Д. 126. Л. 28.

[7] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 9. Д. 471. Л. 108.

[8] Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р.-195. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

общественные организации в ближайшее время обеспечить свой личный состав достаточным количеством ответственных и технических работников из вотяков, для наиболее быстрого решения задач по национализации советских учреждений и общественных организаций, одновременно обязав ответственных работников изучать вотский язык»[9].

В соответствии с Постановлением ВЦИК «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки» от 14 апреля 1924 г. и решениями V областного съезда Советов в ВАО активизировалась работа по выдвижению удмуртов в государственный аппарат, введению удмуртского делопроизводства. Важное значение имело решение расширенного пленума обкома ВКП(б) (март 1924 г.) об обязательном вхождении удмуртов в состав бюро обкома, президиума облисполкома, уездных партийных комитетов и исполкомов в количестве, достаточном для проведения партийной линии в национальном вопросе[10].

Для руководства процессом коренизации в Удмуртии при областном и уездных исполкомах Советов были созданы комиссии по выдвижению удмуртов, национальные комиссии, комиссии по реализации удмуртского языка. Ими организовывался учет работников-удмуртов, которых можно было бы привлечь к работе в местных органах власти и управления, определялись должности для замещения удмуртами или знающими удмуртский язык, создавались курсы и кружки для изучения удмуртского языка ответственными работниками и техническими служащими[11].

В августе 1924 г. всем государственным и общественным организациям президиумом облисполкома была направлена инструкция по введению удмуртского языка, в которой предусматривалось, чтобы «должности, которым особенно много приходится соприкасаться с вотским населением, были замещены лицами, хорошо владеющими вотским языком»[12]. Данное указание должно было реализовываться в первую очередь в органах милиции, юстиции, народного образования, земледелия, здравоохранения и в низовом налоговом аппарате. Распоряжением административного отдела облисполкома от 20 августа 1924 г. предписывалось принимать устные и письменные заявления от удмуртов на их языке наравне с русским, давать ответы на том же языке. Все объявления и распоряжения общего характера,

[9] ЦГА УР. Ф. Р.-195. Оп. 1. Д. 112. Л. 59 об.

[10] Ижевская правда. 15 мая 1924.

[11] ЦГА УР. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 99. Л. 8–8 об.

[12] Там же. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 517. Л. 53 об.

касающиеся населения области, должны были публиковаться как на удмуртском, так и на русском языках[13].

В соответствии с принятыми решениями активизировалась переводческая работа. К первоочередным задачам относились переводы на удмуртский язык важнейших декретов, циркуляров и распоряжений местных и центральных властей, законодательных актов, учебников для общеобразовательных школ. Наблюдение за правильностью перевода официальных постановлений и распоряжений возлагалось на созданную при облисполкоме переводческую комиссию[14]. Началась работа по созданию новой терминологической лексики и развитию литературного языка.

Уже к концу 1924 г. число удмуртов во властных структурах и государственных учреждениях выросло (табл. 1), при этом наибольшее увеличение произошло в органах народного образования и милиции как наиболее близко соприкасающихся с удмуртским населением.

Таблица 1

Национальный состав работников областных и уездных учреждений Вотской автономной области (1924 г.)

Учреждения	Период	Всего работников	русских	удмуртов	прочих
Областные	На 1.01.1924 г.	1172	1016	113	43
	На 1.12.1924 г.	1091	880	174	37
Глазовского уезда	На 1.01.1924 г.	Сведений нет			
	На 1.12.1924 г.	1029	724	292	13
Ижевского уезда	На 1.01.1924 г.	93	82	9	2
	На 1.12.1924 г.	115	88	23	4
Можгинского уезда	На 1.01.1924 г.	671	519	121	31
	На 1.12.1924 г.	590	456	109	35
Итого по ВАО	На 1.01.1924 г.	1936	1617	243	76
	На 1.12.1924 г.	1796	1424	306	66
В %	На 1.01.1924 г.	100	83,5	12,7	3,8
	На 1.12.1924 г.	100	79,3	17,0	3,7

Источник: Обзор деятельности областного исполнительного комитета ВАО. 1923–1924 хозяйственный год. Ижевск, 1924. С. 7.

Следует отметить, что едва ли не самым серьезным препятствием на пути вовлечения удмуртов в состав органов власти являлся крайне

[13] ЦГА УР. Ф. Р-26. Оп.1. Д. 99. Л. 5–6.

[14] Обзор деятельности областного исполнительного комитета ВАО. 1923–1924 хозяйственный год. Ижевск, 1924. С. 372.

низкий уровень их образования и профессиональной подготовки. Так, национальная комиссия Глазовского уездного исполкома, обобщив данные проведенного учета, выяснила, что из 105 удмуртов, взятых на учет и не состоявших на службе, только 55 человек можно было использовать на технической и административно-хозяйственной работе в волостных и уездных учреждениях, а остальные нуждались в элементарном обучении[15]. По тем же причинам из 93 зарегистрированных комиссией при облисполкоме безработных удмуртов в течение 1923–1924 хоз. г. удалось устроить на работу только 23 человека[16].

Одной из форм подготовки удмуртских работников стал введенный с 1 октября 1925 г. институт практикантов при областных, уездных и волостных учреждениях[17]. Практиканты прикреплялись к квалифицированным работникам и с их помощью овладевали необходимыми знаниями в конкретной области деятельности. Для обучения отводилось несколько месяцев, по истечении подготовительного срока практиканты назначались на основные должности. На май 1926 г. по г. Ижевску значилось 38 практикантов, по г. Глазову – 10, в волостных исполкомах – 34.

Советские и партийные кадры готовились также в специальных учебных заведениях – советско-партийных школах. В 1920-е гг. в Удмуртии функционировали: областная совпартшкола 1-й и 2-й ступеней, Глазовская уездная (районная) совпартшкола, две вечерние совпартшколы в Ижевске и Глазове, заочная совпартшкола в Ижевске. Кроме того, при совпартшколах организовывались краткосрочные курсы по подготовке и переподготовке работников. В 1925/26 уч. г. во всех совпартшколах Удмуртии обучалось 210 учащихся, из них 84 удмурта, 124 русских, 2 татар. Количество окончивших совпартшколы области составило в 1923/24 уч. г. 141 человек, в 1925/26 уч. г. – 207 (39 % из них – удмурты), 1926/27 уч. г. – 349 человек (44 % удмуртов).

Определенные усилия были сделаны для обеспечения коренизации местных учебных заведений педагогического, промышленного, сельскохозяйственного, медицинского профилей (преимущественный прием удмуртов, изучение удмуртского языка, национальной истории, этнографии). На 1 января 1926 г. в техникумах Удмуртии обучался 971 учащийся, из них 743 удмурта (77 %)[18].

---

[15] ЦГА УР. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 379. Л. 11.

[16] Обзор деятельности областного исполнительного комитета ВАО. 1923–1924 хозяйственный год. С. 373.

[17] ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 156. Л. 5.

[18] Там же. Ф. Р-891. Оп.1. Д. 7. Л. 137.

Кадры высшей квалификации для Удмуртии готовились и в центральных вузах страны. В 1923/24 уч. г. только в вузах и на рабфаках Москвы обучалось более 140 человек. В 1926 г. в вузах страны училось 304 посланца Удмуртии, 104 из них – удмурты[19]. Для удмуртов были также открыты национальные отделения при Казанском рабфаке, Восточном педагогическом институте в Казани, Вятском и Ленинградском пединститутах.

Выпускники учебных заведений 1920-х гг. не только составили первый отряд советской удмуртской интеллигенции, многие из них стали советскими и партийными работниками, возглавили хозяйственные организации.

Уже в 1924–1925 гг. в районах с преимущественно удмуртским населением сделаны попытки перехода на удмуртское делопроизводство: в 7 волостях Можгинского уезда, в 3 волостях Ижевского уезда и в 3 волостях Глазовского уезда[20]. Всего в этот период на удмуртское делопроизводство было переведено 17 волостных исполкомов из 34 и 104 сельсовета[21].

Отношение на местах к проводимой политике во многом зависело от наличия должностных лиц, знающих удмуртский язык. Например, Можгинский исполком сообщал, что «делопроизводство на вотском языке вполне приемлемо, и ничуть не затрудняет работу аппарата по какой угодно отрасли, так что в этом отношении со стороны самих удмуртов нет ни малейшего препятствия, а лишь приветствие, в особенности со стороны вотской массы»[22]. В докладе Глазовского исполкома отмечалось «доброжелательное отношение вотского населения к реализации родного языка», «в одном из трех виков (волостной исполнительный комитет – *В. В.*), а именно в Ягошурском, где секретарь достаточно развитый вотяк, работа по вотски уже привилась и почти налажена», но в то же время констатировалось, что результаты практического применения делопроизводства на вотском языке в других волисполкомах «недостаточные вследствие неподготовленности аппарата виков к правильному изложению мыслей по вотски»[23].

Вместе с тем отношение к коренизации в области было неоднозначным, в сводках ОГПУ отмечаются факты отрицательного отношения русского населения к удмуртизации органов власти. Так, в одной из них приводилось такое высказывание: «На видные посты везде выбираются удмурты, а русские – у них на посылушках. Если

[19] ЦГА УР. Ф. Р-174. Оп.1. Д. 388. Л. 80.

[20] Там же. Ф. Р-195. Оп.1. Д. 191. Л. 384.

[21] Там же. Д. 664. Л. 12 об.

[22] Там же. Д. 191. Л. 385.

[23] Там же. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 379. Л. 8.

власть и в будущем будет делать так, то мы заявляем, чтобы нас выслали из Вотобласти на государственные средства»[24]. В другом донесении отмечалось: «Граждане дер. Тарасово Ягошурской волости на одном собрании заявили, что на областной съезд делегатов посылать не будут, т. к. там говорят на вотском языке. В той же волости в октябре было отмечено недовольство крестьян на той почве, что все должности в учреждениях замещаются вотяками... В связи с последними мероприятиями по овотячиванию аппарата в среде русской части служащих отмечалось недовольство на этой почве»[25].

Надо отметить, что недовольство русских служащих было обусловлено и некоторыми некорректными действиями со стороны работников руководящих учреждений. Например, при перевыборах Ягошурского потребительского общества представитель ячейки по вопросу о том, на каком языке делать доклад, заявил: «Если раньше 30 вотяков слушали одного русского, то теперь пусть послушают 30 русских одного вотяка»[26].

Руководство области, несомненно, понимало опасность обострения межнациональных отношений при механическом решении вопроса удмуртизации аппарата. По мнению секретаря Вотского обкома ВКП(б) В. Г. Егорова, переход на удмуртское делопроизводство предполагал «насыщение» аппарата работниками-удмуртами и обучение удмуртскому языку лиц, не знающих его: «Мы обязаны продолжить дальнейшее выдвижение удмуртов в наши административные и хозяйственные аппараты; в то же время мы должны создать необходимую сеть курсов для обучения удмуртскому языку тех служащих, которые пожелают его изучать, если хотят остаться и дальше работать. Только при такой комбинированной системе мы сможем рассчитывать, примерно, через полтора-два года на полный переход к вотскому делопроизводству»[27].

15 июня 1927 г. Постановлением облисполкома ВАО были утверждены правила удмуртского правописания. Тогда же установлен порядок приема на работу в учреждения знающих удмуртский язык и письменность или с обязательством изучить их в течение одного года с момента поступления на службу[28]. В 1928 г. опубликованы «Минимум требований по удмуртскому языку для русских работников удмуртских учреждений и учреждений, переходящих на удмуртское

[24] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 10. Д. 104. Л. 2.

[25] ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 15. Л. 61.

[26] Там же. Л. 61 об.

[27] О нашей национальной политике // Проведение национальной политики в Вотской области. Ижевск, 1929. С. 17.

[28] ЦГА УР. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 92. Л. 3 об.

делопроизводство», «Программа по изучению удмуртского языка» для них. Стандарты по овладению удмуртским языком включали в себя навыки устной речи, умение читать и понимать прочитанный текст, умение написать деловую записку, составить справку и т. п.[29] Для русских служащих функционировали областная школа при облисполкоме и уездные курсы при уездных исполкомах по изучению удмуртского языка. Однако их отдача была чрезвычайно мала. В 1927/1928 уч. г. на курсы записалось 190 человек, посещало их 65, а окончило только 2 человека, в следующем году записалось 88, окончило 14 человек[30].

Предпринятые в 1920 – начале 1930-х гг. меры по коренизации госаппарата дали некоторые положительные результаты – доля удмуртов в составе органов советской власти разных уровней выросла. В этот период доля работников-удмуртов в составе учреждений и организаций составляла в среднем 34,3 %, в районном аппарате – 58, в составе ответственных работников областного аппарата – 43[31]. Однако, несмотря на предпринятые усилия и возросшее число удмуртов в органах власти и управления, переход на удмуртское делопроизводство удалось осуществить лишь частично. Сложность состояла как в недостаточной готовности самого языка (неразработанность грамматики, отсутствие необходимой терминологии, наличие нескольких диалектов, отсутствие либо зачаточное состояния научного, юридического, официально-делового, общественно-политического функциональных стилей в удмуртском языке и др.), так и недооценке сложившейся практики функционирования языков в области, особенно в городской местности[32], отсутствии мотивации и нежелании русских работников изучать удмуртский язык. Следует отметить и тот факт, что усилия по коренизации госаппарата совпали с чисткой советского аппарата в 1928–1929 гг., развернувшейся борьбой против удмуртского кулачества («Лудорвайское дело») и его «идеологов» среди национальной интеллигенции, что вело к росту антиудмуртских настроений в обществе[33].

Начавшаяся в середине 1930-х гг. борьба с буржуазным национализмом и национал-уклонизмом в партии негативным образом

---

[29] Просвещение удмуртов: Сборник материалов по вопросам строительства вотского просвещения. Ижевск, 1928. Вып. 3. С. 35–46.

[30] ЦГА УР. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 92. Л. 3 об., 6.

[31] Там же. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 981. Л. 42; Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

[32] В столице области г. Ижевске в 1923 г. проживало лишь 1,9 % удмуртов.

[33] Материалы объединенного пленума обкома и ОКК ВКП(б). Март 1929 г. Ижевск, 1929. С. 20–21; Егоров В. О проведении национальной политики в Вотской области // Проведение национальной политики в Вотской области. Ижевск, 1929. С. 25–37.

отразилась на реализации политики коренизации в Удмуртии, она привела не только к большой сменяемости работников, но и снижению доли удмуртов среди них. В 1937 г. полностью сменился состав работников райкомов партии, в новом составе из 27 секретарей оказалось только 11 удмуртов. В целом доля удмуртов в составе райкомов снизилась с 53 до 40,2 %[34]. Репрессии 1930-х гг. против удмуртской интеллигенции и руководящих кадров республики, обвиненных в национализме, затруднили преподавание удмуртского языка, литературы и истории, т. к. большинство учебников по этим предметам были запрещены.

Некоторые исследователи считают, что кампания по коренизации государственного аппарата в 1920–1930-е гг. в национальных регионах полностью провалилась. Причину провала они видят в «сталинской политике централизации власти, возврате общества к имперско-деспотическим структурам, не допускавшим даже половинчатого решения такого вопроса, как привлечение инородцев к управлению делами своего государства»[35].

Однако в реальности все было сложнее. Как известно, кардинальные изменения в национальной политике Советского государства начинаются в середине 1930-х гг. и связывают их с речью И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б). В докладе генсек дал понять своим соратникам, что, увлекшись борьбой с великорусским шовинизмом, партия забыла о втором уклоне – «местном национализме», который расцвел «махровым цветом» в ряде республик. «Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности»[36].

На первый взгляд, указание Сталина касалось незначительной проблемы, но на самом деле последовавшие трансформации затрагивали не только национальную политику, а носили более глобальный характер. В последовавшем «большом терроре» переплелись самые разные факторы: борьба за власть «новой» элиты со старой «ленинской гвардией»; зачистка потенциальной «пятой колонны» в преддверии большой войны; нейтрализация усилившихся национальных элит; реакция широких масс населения на глобальные изменения во всех сферах жизнедеятельности и др.

Характеризуя в целом государственную политику в сфере национальных отношений, следует признать, что ей были присущи

---

[34] Удмуртская правда. 23 июля 1937.

[35] Куликов К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. Ижевск, 1993. С. 201; Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.

[36] Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 361–362.

двойственность и противоречивость, разрыв между идеей-лозунгом и их реальным воплощением, между ожидаемыми и практическими результатами[37]. В то же время «положительная деятельность» советского государства в национальной сфере действительно претворила в жизнь право многих народов на определенные формы национальной государственности, обеспечила подготовку квалифицированных национальных кадров, в том числе управленцев, развитие образования на родных национальных языках, создание профессиональной художественной культуры (литературы, театра, изобразительного искусства), национального книгоиздания и средств массовой информации.

[37] Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 278–362.

Т. Р. Варданян-Айвазян

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1920–1930-е гг.

В историографии национальную политику 1920–30-х гг. – коренизацию, принято рассматривать как, в целом, прогрессивное явление, или, словами Т. Мартина, как «политику положительного действия». Действительно, культурные и экономические достижения этого периода в СССР неоспоримы. Тем не менее неравномерность проведения коренизации, в частности, в республиках Закавказья, до сих пор не удостаивалась отдельного исследования. Между тем естественно, что внутренние изъяны коренизации лучше могут прослеживаться именно из «национальных окраин».

Как известно, в резолюции XII съезда РКП(б) от 1923 г. говорится о необходимости «проведения в национальных республиках политики коренизации, т. е. обеспечения в них приоритета национальных языков, широкого их использования в делопроизводстве, средствах массовой информации, культурно-просветительных учреждениях, первоочередного выдвижения на руководящие посты лиц коренной национальности, свободно владевших своим родным языком»[1]. Коренизация проводилась в четырех жизненно важных для нациестроительства направлениях: в области формирования национального языка, национальной территории[2], национальной элиты и национальной культуры. Благодаря этой политике советская власть должна была стать «родной», «близкой», «народной» и «понятной» для всех наций и национальностей СССР.

Процесс нациестроительства, форсированного большевиками в рамках коренизации, наиболее ярко из трех республик Закавказья можно проследить на примере Советского Азербайджана. Для «благосклонного» отношения большевиков к Азербайджану были свои

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). 8-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 433–442.

[2] Отметим, что наиболее значимыми были результаты коренизации в демографической сфере, однако эти аспекты в данной статье не рассматриваются.

причины. Во-первых, именно этой советской республике отводилась ключевая роль в деле распространения социалистической революции в странах Востока. В связи с этим перед местной компартией ставилась задача превратить Азербайджан «в образец для грядущих советских республик Востока»[3], «в знаменосца освобождения [угнетенных народов Востока] от ига империализма»[4]. Во-вторых, богатая нефтью Азербайджанская республика представляла огромный интерес с точки зрения налаживания стабильной экономической системы советской страны, вынужденной «сосуществовать и развиваться во враждебном капиталистическом окружении». И наконец, в-третьих, из трех титульных наций Закавказья – армян, грузин и закавказских татар/тюрок (впоследствии названных азербайджанцами), лишь последних в середине 1920-х гг. причислили к *«культурно отсталым»* народностям СССР, которым следовало помогать создавать национальную культуру, язык и все прочие атрибуты, присущие модернизированным нациям.

Уже в 1920-е гг. Азербайджан становится авангардом движения по латинизации алфавита (до этого использовался арабский шрифт). За реформой последовали мероприятия по формированию на основе латиницы литературного национального (тюркского) языка – одного из важных направлений в политике коренизации. Создавался нормированный литературный язык, которого азербайджанские тюрки до этого не имели. Даже в 1920-е гг. основной поток печатных изданий доставлялся из Турции, но они печатались на стамбульском диалекте, не совсем понятном закавказским тюркоязычным мусульманам. Следовательно, перед большевиками стояла трудная и важная задача – кодифицировать местный диалект, унифицировать, превратить его в литературный язык и сделать его достоянием широких народных масс таким образом, чтобы на нем стало возможно писать учебники, создавать литературу, научные труды и т. д.

Но низкий уровень грамотности среди мусульман был одним из препятствий на пути формирования национального литературного языка. При мусаватистах (1918–1920 гг.) в Азербайджане общая грамотность всего населения составляла 7 %, а в некоторых уездах – 4 %[5]. В раннесоветский период эта проблема оставалась актуальной настолько, что даже должностные лица были малограмотны. В 1927 г.

---

[3] Воззвание «ЦК РКП – Бакинским рабочим», от 5.IX.1923 г. с подписью И. Сталина, В. Молотова // РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 1202. Л. 425.

[4] Приветствие от секретаря ЦК РКП тов. И. Сталина // Там же. Л. 428.

[5] Стенографический отчет III Всеазербайджанского съезда Советов. Баку, 1923. С. 75–80. Цит. по: Тамразова И. И. Культурное строительство Закавказских республик в восстановительный период // Вестник общественных наук, НАН РА. 1969, Ереван. № 11. С. 46.

первый секретарь ЦК АзКП А. Караев жаловался, что «каждый, кто имеет тюркское имя и “верит в Аллаха”, считается тюрком, иногда даже достаточно просто самому назваться тюрком. Тогда как на самом деле задача заключается в том, чтобы официальные лица из коренного населения умели читать и писать по-тюркски»[6]. По уровню грамотности тюрки с большим отрывом отставали от двух своих соседей – грузин и армян. Так, в 1926 г. грамотных среди грузин было 44 %, армян – 37,12 %, тюрок – всего 9 %. А для формирования национальной элиты в Азербайджане – другого важного направления политики коренизации – образованные кадры были необходимостью. Чтобы сократить эту разницу, советская власть прилагала огромные усилия и тратила средства именно в среде тюрок.

С 1926 по 1939 г. самые высокие темпы по ликвидации безграмотности наблюдаются у тюрок Закавказья (табл. 1).

Таблица 1

Темпы повышения уровня грамотности на период с 1926 по 1939 г.

Возрастная категория (годы)	Грузины муж.	Грузины жен.	Армяне муж.	Армяне жен.	Тюрки муж.	Тюрки жен.
от 9 и старше	+1,4	+1,8	+1,5	+2,3	+4,0	+17,6
от 9 до 49	+1,4	+1,8	+1,5	+2,4	+4,0	+17,7
50 и старше	+1,7	+2,0	+1,7	+2,3	+2,7	+15,7

Для обеспечения массовости культурных преобразований в Азербайджане развернулось также широкое издательское дело. Ссылаясь на материалы Всесоюзной книжной палаты, Й. Баберовски утверждает: «Ни в одной другой республике советского Востока не было такого роста издательской деятельности, как в Азербайджане»; «уже в 1927 г. Азербайджанское государственное издательство выпустило более 3 млн экземпляров публикаций на тюркском языке, тираж русскоязычной литературы составил не более 250 000 экземпляров. Количество опубликованных книг в Азербайджане увеличилось в период 1927–1931 гг. с 673 до 1513, а тиражи – с 1711 до 7206 экземпляров»[7].

В Азербайджане проводилась также тюркизация партийно-административного аппарата, в ходе которого открыто практиковалось смещение с руководящих постов русских и остальных представителей нетитульного народа. Как отмечает Т. Мартин, «русские

[6] Баберовски Й. Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе / пер. с нем. В. Т. Алтухова. М., 2010. С. 323.

[7] Там же. С. 322.

в целом были недовольны политикой коренизации, но особенно испортило межэтнические отношения открытое замещение русских коренными жителями. Во время съезда компартии Азербайджана один из делегатов сообщил, что русские говорят: «Почему меня уволили и на мое место посадили азербайджанца? Чем он лучше меня?»[8] Такая же политика продолжалась и в последующие годы. Так, в директиве ЦК ВКП(б) от 23 сентября1929 г., в которой говорится о необходимости выдвижения сотен рабочих и крестьян на ответственные посты, отмечается, что «в особенности следует выдвигать тюркских работников, одновременно сохранить старые кадры тюркских партийных работников»[9]. Фактически, в 1920 – начале 1930-х гг. в Азербайджане коренизация придала мощный импульс нациестроительству на основе тюркской идентичности.

Большевики даже не скрывали, что, по сравнению с Грузией и Арменией, к Азербайджану они относятся с предпочтением. В 1922 г. на второй партийной конференции коммунистических организаций Закавказья С. Орджоникидзе ясно сказал: «Международное значение Грузии и Армении в смысле революционизирования трудящихся масс в соседних странах равно нулю. Никакой мировой роли Грузия и Армения не играют. Азербайджан как мусульманское государство имеет влияние на Турцию»[10]. Тем не менее они понимали, что Кавказ – сложный в этнорелигиозном плане регион, где «нации и национальности перемешаны так, как будто их кто-то вытряхнул из одного мешка и здесь даны условия извержения национального вулкана»[11]. И, чтобы «направить национальный вопрос в русло классовых задач», обеспечить «солидарность и братство народов Кавказа», а тем самим окончательно решить национальный вопрос, в марте 1922 г. было принято решение объединить все три республики Закавказья в единую федерацию. Созданная по инициативе В. И. Ленина, при деятельном участии Сталина, Орджоникидзе, Кирова, Закавказская Федерация стала своеобразным экспериментом национальной политики ВКП(б). Закфедерация просуществовала с 1922 по 1936 г. Этот период почти целиком совпадает с политикой коренизации.

---

[8] Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001. P. 137.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 759. Л. 9.

[10] Из речи тов. Орджоникидзе на Второй партийной конференции коммунистических организации Закавказья // Вопросы партийной жизни. Тифлис, 1922. Вып. 11. 3-я серия. С. 26.

[11] Там же. С. 6.

Отметим, что, в отличие от закавказских тюрок, грузины и армяне считались развитыми «западными национальностями», и тем самым не нуждались в интенсивной коренизации. Несмотря на это, коренизация дала обозримые результаты и в Грузии. Важно заметить, что «Заккрайком ВКП(б) традиционно с момента его создания до ликвидации в конце 1936 г. возглавлялся лицами грузинской национальности. Сначала это был Серго Орджоникидзе, затем Мамия Орахелашвили и, наконец, Лаврентий Берия. При этом каждый из них выполнял одновременно и функции первого секретаря ЦК Компартии Грузии»[12]. Так, Лаврентий Павлович в 1927 г. был назначен председателем Грузинского ГПУ и одновременно стал заместителем председателя ГПУ Закавказья. В 1929 г. он, оставаясь руководителем ГПУ Грузии, стал председателем Закавказского ГПУ и одновременно возглавлял представительство ОГПУ СССР в Закфедерации. Фактически, представители одного из трех субъектов – членов Закавказской Федерации, т. е. Грузии, одновременно возглавляли и всю федерацию в целом, что, кстати, ничуть не помешало им провести за эти годы в Грузии жестокие массовые репрессии.

Дело в том, что грузинские коммунисты открыто сопротивлялись идее объединения трех республик. Они стояли на позиции вхождения в состав СССР самостоятельно, как Украина, Белоруссия, а не через Закфедерацию, считая, что в противном случае суверенитет Грузии существенно пострадает. Но когда Закавказская Федерация была создана, грузины в нем заняли ведущие посты и придали ей некоторую прогрузинскую ориентацию (во всяком случае, ее политика именно так воспринималась в Армении, о чем будет сказано ниже).

Хотя постоянно декларировался принцип равенства всех субъектов Закавказской Федерации, вполне возможно, что с самого начала в ее основу была заложена негласная иерархия. Во всяком случае внутри нее можно наблюдать некоторые статусные особенности. Дело в том, что в основе политики центра лежало стремление сократить разницу между «культурно отсталыми» тюрками и «западными нациями» – армянами и грузинами. Исходя из этой цели, а также из лидирующего присутствия в руководящем составе Закфедерации представителей грузинской национальности, в ней постепенно усилились неафишируемые приоритеты, которые отодвинули на задний план интересы Армении.

Цифры по трем республикам Закавказья показывают, что самый высокий уровень по национализации (коренизации) руководящих должностей зафиксирован в Азербайджане. В период с 1926 по 1939 г.

[12] Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. М., 2002. С. 32.

в деле тюркизации состава канцелярских работников в республике отмечено положительное сальдо на 22,9 %. Эта цифра намного выше того же показателя в Грузии (+8,8 %). Что же касается Армении, то здесь наблюдается уникальный случай в истории советской политики коренизации, когда на тот же период зафиксировано отрицательное сальдо (-7,5 %)[13]. Как пишет Т. Мартин, «в каждой национальной республике (за исключением Армении, где армяне заняли доминирующее положение еще в 1926 г.) произошел существенный рост уровня коренизации должностей, требующих интеллигентного труда»[14]. Фактически моноэтничность Армении (по переписи 1926 г. 84,5 % населения составляли армяне) была причиной того, что во многих случаях, именно в тот период, когда по всему Советскому Союзу коренизация набирала стремительные обороты, здесь происходил обратный процесс, который даже можно назвать «декоренизацией».

Принято считать, что грузин, а особенно армян в рядах компартий было больше, чем тюрок, что справедливо, если посмотреть на цифры в сравнении. Но при рассмотрении процесса коренизации партаппарата фиксируются приблизительно те же тенденции, что и при составе канцелярских работников. Так, с 1927 по 1932 г. в тюркизации партаппарата Азербайджана отмечается положительное сальдо на 12 %, Грузии схожая тенденция (+11 %). В Армении же снова зафиксировано отрицательное сальдо (-2 %)[15]. Таким образом, если партаппарат Азербайджана тюркизировался, а Грузии соответственно, грузинизировался, то в моноэтничной Армении, наоборот, он подвергался в некоторой степени де-арменизации.

Лежащая в основе коренизации политика сокращения разницы между «культурно отсталыми» тюрками и «западными нациями» – армянами и грузинами, коснулась и реформы алфавита. Если латинизация в случае тюрок сыграла прогрессивную роль, став катализатором культурной революции, то в случае армян и грузин, у которых национальные алфавиты существовали еще с пятого века, такая реформа была бы губительной. Она означала бы отказ от культурных традиций, разорвала бы связи с духовным историческим наследием и богатой литературой, провела бы непреодолимую пропасть между прошлым и настоящим. Однако перед таким вызовом стояли лишь армяне, но не грузины. «Единственной графикой, которую абсолют-

[13] Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щелковой. М., 2011. С. 528–529.

[14] Там же. С. 515.

[15] Simon G. Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society. Boulder: Westview Press. 1991. P. 32.

но не собирались латинизировать, была грузинская»[16]. Что касается армянской письменности, то «в Баку (но ведь, однако, не в Ереване!) была даже создана комиссия по латинизации старинной армянской письменности»[17] (к счастью, из этой инициативы ничего не вышло).

В годы коренизации о некоторой доли ущемленности интересов армянской стороны говорит и Й. Баберовски: «Армяне, будучи христианами, не подпадали под официальную категорию "отсталых" наций, они не являлись частью непросвещенного Востока, а представляли собой сообщество христиан и "европейцев". В силу этого их причисляли к прогрессивным, западным нациям. В царской империи это определение было бы для них почетным и авторитетным. Теперь же оно обернулось для армянского населения своей оборотной стороной»[18]. Что же имеется в виду под таким определением и в чем была обделена армянская сторона в годы коренизации?

Рассмотрим, например, постановление Распорядительного заседания Закавказского Совнаркома от 10 октября 1927 г., которое утвердило количество стажеров и практикантов в трех республиках: по Грузии на 859 мест стажа и 2977 практики, по Азербайджану – на 202 места стажа и 1765 мест практики, по Армении – всего на 37 мест стажа и 72 места практики[19]. На душу населения (10 000 человек) эти цифры означают: по Грузии на 10 000 человек – 3,2 места стажа и 11 мест практики; по Азербайджану – 0,87 места стажа и 7,6 места практики, а по Армении – 0,4 места стажа и 0,81 места практики.

Примечателен состав аспирантов в Закфедерации по национальностям на 1928 г.: 40 % из них составляли грузины, 40 % – тюрки, 20 % – русские, армян нет вовсе[20] (в Армении только в 1929 г. учредили аспирантскую степень).

Из доносов 1930-х гг. на т. н. контрреволюционные элементы в Армении явно видно, что интересы Армении в рамках Закфедерации были ощутимо ущемлены, что стало причиной недовольства некоторых армянских коммунистов. Так, в мае–июле 1936 г. были «разоблачены», а впоследствии репрессированы члены «контрреволюционной террористической и националистической группы Нерсика

---

[16] Мартин Т. Указ. соч. С. 279.

[17] Там же.

[18] Баберовски Й. Указ. соч. С. 310.

[19] Протокол заседания междуведомственной комиссии по практике и стажу при Завнаркомтруде от 30 декабря 1927 г. // Национальный архив Армении. Ф. 122. Наркомпрос АрмССР. Сп. 1. Д. 943. Л. 2.

[20] Волков С. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999. С. 232–233.

Степаняна»[21], которых обвинили в деятельности, направленной против Закфедерации. Второй группе, выявленной в ноябре 1936 г., также предъявили схожие обвинения. Вот цитата из донесения начальника УНКВД ЗСФСР по ССРА майора госбезопасности Х. Мугдуси: «Группа в целом имела резко выраженную националистическую, шовинистическую антигрузинскую окраску. Будучи тесно связана с бывшим Секретарем ЦК КП(б)А – двурушником националистом Ханджяном и получая от него соответственную информацию о политическом и хозяйственном состоянии закавказских республик, о мероприятиях ЗКК ВКП(б) и других закавказских учреждений, группа с позиций воинствующего армянского национализма занималась распространением злостной клеветы на Заккрайком ВКП(б) и лично тов. Берия, обвиняя его в проведении антиармянской политики. Группа считала, что среди малых народов Советского Союза самым талантливым и культурным является армянский народ, но его потенциальные силы не получают соответствующего разворота, ибо руководство Заккрайкома, состоящее из грузин, задерживает этот разворот с тем, чтобы искусственно выдвинуть на первый план грузинский народ. В области хозяйственного строительства группа находила, что Армения сильно отстает от Грузии. Руководитель к. р. группы – А. Есаян в среде своих единомышленников оценивал хозяйственную политику ЦК КП(б)А, как бесперспективную и отсюда делал вывод, что если эта политика будет продолжаться и дальше, то Армения пойдет по пути дальнейшего обнищания. Со свойственной для всех к. р. националистов манерой, Есаян делал заключение, что все зло заключается в Заккрайкоме ВКП(б). Как показывает арестованный Др. Тер-Симонян, Есаян делал заключение, что... *"Заккрайком ВКП(б) и его руководство игнорируют действительные хозяйственные нужды Армении, что является результатом антиармянской политики Заккрайкома, который все свое внимание уделяет Грузии"* (Из показаний Д. Тер-Симонян от 11/XI–36 г.)»[22].

Безусловно, текст донесения сфабрикован с целью проведения чисток и репрессий. Но он указывает на источники недовольства, которые при внимательном исследовании оказываются вовсе не беспочвенными и вполне обоснованными. Так, по данным 1934 г. Армянская ССР находилась на последнем месте среди 11 союзных респу-

[21] Нарком просвещения Армянской ССР, директор Института марксизма-ленинизма республики, в 1936 г. был арестован, в 1937 г. расстрелян.

[22] Национальный Архив Армении. Ф. К.-91. Сп. 3. Д. 2276. Л. 31–44 (копия, машинопись); Манукян Г., Мхитарян Л. Документы о политических репрессиях 1930-х гг. // Вестник архивов Армении. Ереван, 2003. № 2. С. 69.

блик по количеству подготовки сельхоз кадров[23]. И неудивительно, что когда в марте 1935 г. «за выдающиеся успехи в течение ряда лет в области сельского хозяйства и промышленности» ЦИК СССР награждает орденом Ленина передовиков, то в списке оказываются республика Грузия, Азербайджан и автономная республика Абхазия. А Армянская ССР и ее руководители в этом списке не фигурируют[24].

Другая цитата из донесения Х. Мугдуси: «Участники контрреволюционной группы Ат. Есаяна распространяли слухи, что С. Тер-Габриелян[25] является жертвой антиармянской политики Заккрайкома ВКП(б), что Берия снял Тер-Габриеляна, как сильного и самостоятельного работника... Они возмущались тем, что Тер-Габриелян, уйдя с поста Председателя СНК Армении, не оставил *документа о положении Армении и об отношении к ней Заккрайкома*. Уход Тер-Габриеляна без борьбы с Заккрайкома ВКП(б) руководители к. р. группы – А. Есаян, А. Егиазарян и А. Ерзнкян расценивали, как *преступление перед Арменией и армянским народом* (выделено мною. – *Т. В.*)»[26].

Из показаний Др. Тер-Симоняна от 22 октября 1936 г.: «Ваган Еремян – ярко выраженный антикрайкомовский субъект, в одной из бесед с Др. Тер-Симоняном высказал ему следующее: ...“Я Ханджяну говорил и тебе говорю – надо подобрать такое бюро ЦК КП(б)А, которое пошло бы на открытый политический протест *против политики Заккрайкома ВКП(б) за его отношение к Армении* – путем коллективной отставки. Пусть один раз арестуют всех членов бюро за подобный акт, но зато Заккрайком ВКП(б) будет побит и изменит свою политику к армянским вопросам”»[27].

«Член к. р. националистического Центра – А. Егиазарян восторгался ликвидацией ЗСФСР и находил, что благодаря этому, Армения *освободится от ига Заккрайкома ВКП(б) и грузин*. Он выражал уверенность, что с ликвидацией Закфедерации ЦК ВКП(б), вместо

---

[23] Левыкин К. КПСС организатор колхозного производства в годы второй пятилетки (1933–1937). М., 1969. С. 84. Цит. по: Вирабян Г. Из истории подготовки сельскохозяйственных кадров в Армении (1920–1930-ые годы) // Вестник архивов Армении. Ереван, 2005. № 2. С. 217 (на арм. яз.).

[24] Для сравнения отметим, что в 1960–1970-х гг. картина экономического роста трех республик совершенно иная. Так, по темпам роста национального дохода на душу населения на 1970–1977 гг. Армения уже опережает не только Грузию и Азербайджан, но и находится на первом месте в числе 15 союзных республик СССР // Народное Хозяйство СССР в 1977 году: статистический ежегодник. М., 1978. С. 404.

[25] Председатель Совнаркома Армянской ССР в 1928–1935 гг.

[26] НАА. Ф. К.-91. Сп. 3. Д. 2276. Л. 31–44 (копия, машинопись); Манукян Г., Мхитарян Л. Документы о политических репрессиях... С. 71.

[27] Там же. С. 73.

Ханджяна, направит нового Секретаря и единственно приемлемой кандидатурой он считал Айказа Костаняна. Из всех бывших Секретарей ЦК КП(б)А, Егиазарян считал наилучшим А. Костаняна, *при котором Армения была на одном политическом уровне с Грузией и Азербайджаном* (выделено мною. – *Т. В.*)»[28].

Таким образом, предварительный анализ сравнительных данных и архивных материалов по исследуемой теме указывает на ряд следующих особенностей национальной политики в Закавказье в 1920–1930-е гг. Тюрки Азербайджана, находясь в списке «культурно отсталых» народностей СССР, широко пользовались благами политики «положительного действия», т. е. коренизации, которая дала импульс нациестроительству на основе тюркской идентичности. Грузины, заняв центральное место в Закфедерации, полномочия контрольно-оперативного характера которой в 1929 г. даже усилились, придали этому органу определенную прогрузинскую направленность и также добились значительного продвижения в политике коренизации. Армянскую ССР коренизация практически обошла стороной, а в некоторых сферах в ней произошел обратный процесс, который можно назвать де-коренизацией. Оказавшись в Закфедерации, интересы АрмССР значительно пострадали, т. к. иерархически она очутилась в арьергарде латентно действующих внутренних приоритетов.

[28] Манукян Г., Мхитарян Л. Документы о политических репрессиях... С. 76.

В. П. Пичуков

НАЦИОНАЛЬНЫЕ НЕМЕЦКИЕ СЕЛЬСОВЕТЫ БССР В 1920–1930-е гг.: МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМ И КЛАССОВЫМ

Проживание в иноэтничной, национально смешанной среде требует от диаспор внутриэтнической консолидации, чтобы не ассимилироваться в национально-культурном плане, не «раствориться» в окружающем населении. В значительной степени реализация этого посыла зависит от характера политической системы социума. С начала советизации многонационального общества в белорусском регионе равновесие возникшего соотношения «национальное – классовое» было неустойчивым и непосредственно связанным с политической трансформацией самого общества.

Советская национально-культурная автономия

Важным рычагом проведения национальной политики и конкретным результатом ее реализации в БССР являлись национальные Советы: сельские и местечковые. Сам факт их существования декларировался постановлением ЦИК БССР «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» (15 июля 1924 г.) и Конституцией БССР 1927 г. В Конституции было записано: «В местностях, где трудящиеся той или иной национальности составляют большинство населения, организуются Советы, работающие на языке данной национальности, и наиболее полно учитывающие в своей работе национальные особенности» (ст. 20)[1].

В 1924 г. были созданы 2 немецких национальных сельских совета в тогдашнем Мозырском округе: Березовский в Наровлянском районе и Анзельмовский (в 1930 г. переименованный в Роза Люксембург-

[1] Зборнік чынных законаў БССР за 1921–24 гг. Мінск, 1927. С. 91–99; Конституция (Основной закон) Белорусской Социалистической Советской Республики // Восьмы Усебеларускі З'езд Саветаў Рабочых, Сялянскіх і Чырвонаармейскіх Дэпутатаў (Стэнаграфічная справаздача). Менск, 1927.

ский) в Ельском. В 1926 г. на территории Березовского сельсовета проживало 2747 жителей, из них: 1762 немца, 831 поляк, 71 белорус, 57 украинцев, 11 русских, 8 евреев, 7 «прочих национальностей». В Анзельмовском сельсовете – 917 жителей: 610 немцев, 151 украинец, 129 белорусов, 22 поляка, 5 «прочих». Эти сельсоветы представляли немцев в национально-культурной автономии многонационального населения. В 1928 г. в БССР наряду с двумя немецкими советами имелись 23 еврейских, 16 русских, 19 польских, 5 латышских, 2 украинских[2]. Количество их возрастало. При универсальном для всех сельсоветов формате деятельности у национальных советов было свое ярко выраженное лицо.

С первых лет функционирования низовых органов советской власти – сельских советов в их деятельности усиливался «классовый принцип». Это наглядно прослеживается в директивных документах местного партийно-советского руководства. «Сельсоветы должны быть наши. <...> При выборах классовый принцип должен быть сохранен» (1922 г.). «Обратить серьезное внимание на вербовку бедняков и батраков в национальный совет» (1924 г.). «Усилить партийный состав во всех сельских Советах» (1925 г.). Способствовать избранию «таких товарищей, через которых наша партия смогла бы осуществить диктатуру пролетариата в деревне» (1926 г.)[3].

Мощный импульс по «усилению классового содержания работы немецких сельсоветов» был заложен в постановлении Президиума Совета национальностей ЦИК СССР от 12 декабря 1929 г. «По докладу о хозяйственном и социально-культурном обслуживании немецкого населения в Союзе ССР». Дальнейшее развитие внимание власти к немецким нацсоветам получает в постановлении Президиума ЦИК СССР о хозяйственно-культурном обслуживании нацменьшинств Запада от 3 марта 1930 г. с акцентированием немецкого сегмента: «Провести перевыборы советов в немецких районах <...> добиваясь полной очистки состава советов от чуждых антисоветских элементов». Общий смысл и основные положения этого документа были выдержаны в подготовленной резолюции Нацкомиссии ЦИК БССР применительно к западным нацменьшинствам Советской Белоруссии (1931 г.). В качестве успехов в проводимой национальной политике отмечается «усиление классовой борьбы в национальных

[2] Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 432. Л. 328; Два гады нацыянальнай работы ў БССР (Збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальным пытанні). Менск, 1929. С. 88.

[3] ГА Гомельской области. Ф. 865. Оп. 1. Д. 148. Л. 5; Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее – ГАООГО). Ф. 3465. Оп. 1а. Д. 11. Л. 58; Д. 58. Л. 30; Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 23. Л. 888.

деревнях, ослабление национального единства, особенно в национальных советах»[4].

Формирование выше означенного подхода власти к немецким нацсоветам было вызвано необходимостью пресечь массовое стремление немцев СССР к эмиграции, начиная с конца 20-х гг., подавить их повсеместное сопротивление насильственной коллективизации.

С этого времени задача усиления борьбы с «единым национальным фронтом немецкого населения» становится первоочередной, поскольку, как подчеркивал инструктор ЦИК БССР Вайцок в отчете по результатам обследования немецких советов Мозырского округа в марте 1930 г., «политическе расслоение почти не замечается. Национальная обособленность значительно противодействует этому расслоению, затирая классовое различие»[5].

Большой проблемой для власти при перевыборах состава немецких советов была кадровая. Катастрофически не хватало нужных работников как из местного ресурса (проверяющие из ЦК КП(б)Б констатировали в 1934 г., что среди коммунистов и комсомольцев, работающих в немецких нацсоветах, «нет ни одного местного товарища»[6]), так и со стороны.

Усиление индифферентного отношения немецкого населения к советскому официозу проявлялось в их избирательной пассивности. В кампании по перевыборам сельсоветов Наровлянского района в 1930 г. приняло участие 67 % от всего числа избирателей. При этом, как отмечал инструктор Нацкомиссии ЦИК БССР, «из нацменьшинств самое высокое участие на перевыборах имело еврейское население – 82 % и самое низкое немцы – 51 %»[7].

«Национальный обруч треснул…»

В период нэпа сельские немцы устойчиво занимали свою социальную нишу, отношения между ними и властью в хозяйственной сфере были сбалансированы.

Высоким уровнем развития отличалась кооперация в среде немецких крестьян-колонистов – как в потребительской, так и в производственной форме. Успешно функционировали молочные общества (артели) – объединения по сбору и переработке молока. Общества

---

[4] НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 83. Л. 30–31 об.; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 40. Л. 96–96 об.; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 107. Л. 305–308.

[5] Государственный зональный архив в г. Мозыре (далее – ГЗАМ). Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 7.

[6] НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 202. Л. 15.

[7] НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 15.

производили сливочное масло, варили сыр, в том числе и голландский. Данная сфера производственной деятельности немецкого населения была уникальна в экономическом смысле. В 1929–1930 гг. молочная кооперация Анзельмовского сельсовета выработала 88,7 % всего масла, произведенного в Ельском районе[8]. А район насчитывал 14 сельсоветов.

Увеличивалось количество немецких национальных школ, делались первые попытки создания комитетов бедноты, Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, женских делегатских собраний. Открывались немецкие хаты (избы)-читальни, расширялась культпросветработа в немецкой среде. В целом формировались общие контуры советского социокультурного ландшафта в немецких сельсоветах.

Это дало основание Председателю Нацкомиссии ЦИК БССР А. Хацкевичу на заседании Президиума Совета национальностей ЦИК СССР в 1928 г. заявить: «Национальный обруч треснул, возбудилось у трудящегося населения классовое самосознание». В аналогичном духе констатировалось значение работы всех национальных советов для «усиления и укрепления политического сознания среди населения» в издании ЦИК БССР с симптоматичным названием «Практическое разрешение национального вопроса»[9].

Национальное – классовое «коромысло»: утрата равновесия

В 20-е гг. у власти не было оснований обвинять немцев в политическом противостоянии. Официальные органы отмечали в 1930 – начале 1931 г. «весьма лояльное выполнение всякого рода распоряжений и постановлений органов Советской власти, в особенности уплаты налогов. Как правило, немецкие колонии выплачивают налог задолго до срока, среди них не было обнаружено ни одной антисоветской группировки, ни одного враждебного выступления». «Разные кампании и задания Советской власти выполняются с немецкой аккуратностью»[10].

Однако усиление командного, насильственно-репрессивного стиля руководства, недопуск желаемой немцами эмиграции, нарастание вала политических репрессий в связи с коллективизацией, насилие

[8] НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 12 об.

[9] Два гады нацыянальнай работы ў БССР... С. 87; Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. II-я. Работа среди национальных меньшинств. Минск, 1928. С. 100.

[10] НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 14; Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 20.

над религией и церковью, вульгарный атеизм немецкой школы нарушили диалог, складывавшийся между немцами и властью в период нэпа на основе устраивавших обе стороны экономических отношений. Росло латентное и открытое противостояние немцев режиму.

Усиливалось настороженно-отстраненное отношение немецкого населения ко всем организациям и структурам, олицетворявшим власть. По официальной линии констатировалось, что «к коммунистам и комсомольцам отношение немцев весьма недоброжелательное», «в недостаточной степени симпатизируют членам партии». В 1928 г. немцы «провалили» на выборах председателя Анзельмовского сельсовета – немца-партийца. Впоследствии была провалена и другая кандидатура, когда немцы узнали, что предлагается тоже член партии. Из местных немцев в партии и комсомоле никто не состоял, это были немцы пришлые и присланные. Аналогично немцы дистанцировали и от других общественных организаций. Так, в 1926 г. они бойкотировали запись в члены МОПРа (Международная организация помощи борцам революции), заявив, что пожертвуют и больше, чем сумма членских взносов, только «не выдавайте никаких книжек (членских билетов. – *В. П.*), коммунистами быть не хотим, нам билеты не нужны»[11].

В конце 1929 г., с началом сплошной коллективизации, власть попыталась использовать опыт ведения молочного хозяйства местными немецкими крестьянами, их высокорентабельную систему кооперации для колхозного строительства.

Так, Ельский РК КП(б)Б 30 декабря 1929 г. постановил: «Особое внимание обратить на молочные артели, в частности, немецкую, добиваясь перевода их на статус колхоза». Разрабатывалась технология коллективизации немецких крестьянских хозяйств. В частности, Ельский РК КП(б)Б, рассмотрев 25 марта 1930 г. вопрос «О состоянии работы в Люксембургском немецком сельсовете», предписал, что «основным мероприятием по коллективизации этого сельсовета должна быть первоначальная работа по дальнейшему развертыванию имеющейся молочной артели путем коллективного приобретения молочного скота в артель»[12].

Однако немцы стойко воздерживались от «колхозного счастья»[13].

---

[11] ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 15; ГАООГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 426. Л. 8 об.; Ф. 69. Оп. 2. Д. 90. Л. 308.

[12] ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 1а. Д. 145. Л. 255; Д. 179. Л. 357.

[13] Об этом см.: Пичуков В. П. Немецкое население БССР и коллективизация сельского хозяйства // Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры // Материалы III международной научной конференции. Брест, 2007. С. 75–80.

Власть придавала большое значение языковому фактору для советизации немецкого населения, вместе с тем признавая провал этой работы. В 1930 г. на официальном уровне констатировалось, что в регионе проживания немцев Мозырщины за все послереволюционное время «не было ни одного доклада на немецком языке о Советской власти». Инструктор Нацкомиссии ЦИК БССР отмечал в 1931 г., что в среде местных немцев «вся культурно-политическая работа проводится на белорусском и русском языках. За 13 лет отсутствует массовая и культурная работа на немецком языке. Все это привело к тому, что немцы не поняли политики партии и советской власти и не впряглись в общее строительство социализма в нашей стране»[14].

Сетования властей в конце 20 – начале 30-х гг. на «национально-религиозное единство» немцев, их «национальную сплоченность» объясняются провалом попыток расколоть немецкое население по надуманному «классовому принципу», противопоставить интересы экономически беднейшей части этого населения («бедняков») и зажиточной («кулаков»). Ориентируя на увеличение в руководстве сельсоветов количества этнических немцев, власть одновременно стремилась повысить в их составе удельный вес «трудящихся»-бедняков. Но в немецкой, классово не поляризованной общине таковая прослойка могла успешно формироваться только под искусственным воздействием проводимой социальной политики.

Национальное «Я»

С созданием национальных советов местные власти вынуждены были позаботиться о должном коммуникативном статусе немецкого языка. Сами немцы связывали определенные надежды в повышении социального статуса своего родного языка с реализацией национально-культурной автономии. По официальным данным на 1926 г., они требовали, чтобы «везде был исключительно немецкий язык в переписке с организациями, <...> отдельных докладчиков на немецком языке». На практике это отражалось адекватно. В том же 1926 г. власть отмечала, что проведение перевыборной кампании в «национальных советах на национальных языках вызвало огромную активность и заинтересованность в выборах среди населения»[15].

Однако препятствием в деле гармонизации полиязыковой ситуации являлось отсутствие необходимых кадров. Так, партийное руководство Наровлянского района в 1927 г. констатировало факт

[14] НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 13; Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 16, 20.

[15] ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 1а. Д. 195. Л. 23; Д. 58. Л. 171.

улучшения работы нацсоветов, их комиссий, «за исключением Березовского немецкого с/с, из-за отсутствия товарищей, говорящих по-немецки, а население почти что целиком не понимает белорусского языка». По данным на конец 1929 г., в Анзельмовском сельсовете делопроизводство велось на русском языке, заявления в сельсовет местные немцы писали на немецком языке. В Березовском сельсовете переписка велась на белорусском языке, секретарь сельсовета – русский. Такая ситуация сохранялась вплоть до финала существования немецких нацсоветов. Инструктор ЦИК СССР Либах, обследовавший Мозырский округ в конце 1935 г., отмечал, что «в национальных советах делопроизводство ведется исключительно на белорусском языке. В Березовском немецком сельсовете секретарь и счетовод не знают немецкого языка»[16].

В конце 20–30-е гг. в условиях насильственной коллективизации, голода 1932–1934 гг., гонений на религию, многочисленных арестов усиливается отстраненность немецкого населения от окружающей жизни в ее официальных проявлениях. Немцы ушли во «внутреннюю эмиграцию», замкнулись в своем национально-религиозном социокультурном пространстве, в котором усливается значение их родного языка. Неродные белорусский и русский языки все больше ассоциируются с коммуникационной функцией официального насилия. Вместе с тем в обстановке нарастания тоталитаризма немцы, как могли, отстаивали необходимость уважительного отношения к своей этничности. В 1929 г. на собрании в Анзельмовском сельсовете в адрес представителя районной избирательной комиссии прозвучала реплика: «Говори по-немецки». «Если коммунисты хотят быть в сельсовете, то пусть и говорят по-немецки» – заявление в сельсовете в 1932 г. Вынужденные вступать в колхозы под давлением голода и репрессий властей, немцы в 1934 г. требовали создания «самостоятельного национального колхоза». В этом же году на собрании в Березовском сельсовете немцы потребовали от докладчика выступать на немецком языке. В страшном 1937 г. были случаи, когда немцы покидали собрания, если представители власти обращались к ним не на их родном языке[17]. Национальное чувство обострялось как ответная реакция на попытки из немцев этнических сделать немцев советских. Усиливалась значимость национальной идентичности для самих

[16] ГАООГО. Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 40. Л. 47; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 92. Л. 67 об., 136 об.; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 636. Л. 18.

[17] Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области. Д. 17070-с; ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 1а. Д. 175. Л. 54; Оп. 2а. Д. 304. Л. 26; Ф. 69. Оп. 4. Д. 69. Л. 39; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 655. Л. 21.

немцев в условиях, когда власть ломала основные составляющие их этнокультуры: религию, хозяйственную самостоятельность.

1934 г. – год «точки невозврата»

1934 год можно считать временем «точки невозврата» к прежнему диалогу между властью и немцами. Со стороны немцев отмечается ярко выраженное неприятие советского социума. Для властей острота «немецкого вопроса» достигает своего пика. Положение усугублялось расширением массовой кампании гражданского неповиновения немцев власти в период обращения за помощью в зарубежные гуманитарные организации в связи с голодом 1932–1934 гг.

Алгоритм ситуации представлен в докладной записке начальника Ельского райотдела НКВД от 7 сентября 1934 г.: немцы Роза Люксембургского сельсовета «в большинстве к мероприятиям Сов. власти относятся враждебно, выполняя таковые лишь под нажимом»[18].

Неприятие немцами советов как органов власти в советской «редакции» весьма наглядно отразилось при перевыборах Березовского сельсовета в конце 1934 г.: «мы не желаем советской власти», «мы имеем своих людей достаточно, нам не нужно партийцев в сельсовет»[19].

Советское и партийное руководство БССР предпринимает комплекс мер, чтобы «повернуть» немецкое население «лицом» к Советской власти, превратить его из объекта «социалистических преобразований» в активного субъекта. В данном случае основополагающим документом было постановление ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 1 апреля 1934 г. «О мероприятиях по улучшению материального и культурного положения немцев-колхозников и трудящихся единоличников Наровлянского и Ельского районов». Для немецкого населения предусматривалась помощь экономического плана (льготная практика ссуд, мелиорация территории и др.), мероприятия по укреплению немецких национальных школ, сельсоветов, изб-читален, здравоохранения и т. д. Важной проблемой было кадровое обеспечение. В связи с этим бюро ЦК КП(б)Б неоднократно специально обсуждало вопросы о председателях немецких сельсоветов (в частности, 19 и 21 ноября), о посылке в Наровлянский район специалистов для оказания помощи местным организациям и т. д. Однако превращение немцев этнических в немцев «советских» проходило с трудом. Постановление ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 2 августа 1934 г. констатировало

[18] ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 31 об.

[19] НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 534. Л. 291–292.

«совершенно неудовлетворительный ход выполнения директив» по работе в немецких сельсоветах[20].

В течение 1934 г. ЦК КП(б)Б неоднократно информировался о ситуации в немецких сельсоветах руководством НКВД БССР. Соответствующие материалы рассматривались на заседаниях бюро ЦК. Решением «немецкой проблемы» сообразно своему профилю в это же время занимались практически все высшие руководящие органы БССР: НК юстиции, Прокуратура, Белкоопсоюз, НК просвещения и др.

В докладной записке секретаря ЦК КП(б)Б Н. Гикало «в ЦК ВКП(б) тов. Сталину» от 24 ноября 1934 г. в сжатом виде представлена история попыток руководства БССР «трансформировать» немецкое население в советскую сторону. Фактически расписавшись в бессилии сделать немецкие сельсоветы полностью советскими по содержанию с сохранением национальной оболочки, власть абсолютизирует необходимость репрессивных мер в отношениях с немецким населением[21].

«Были организованы врагами народа»

Разыграв «национальную карту» в советизации населения, «коллективизировав» сельское население, поломав реальное и возможное сопротивление религиозных структур, власть больше не нуждалась в национальных советах.

Процесс ликвидации национальных советов в БССР усилился в 1936–1937 гг., когда в качестве причин уже стали называться «вредительские цели при создании национальных советов». Например, в феврале 1937 г. Наровлянское районное партсобрание вынесло решение об усилении внимания населению нацсоветов, а уже в августе этого года ликвидируется Березовский немецкий нацсовет, как в свое время «вредительски организованный» «немецкими шпионами с целью создания рассадников шпионажа, прикрываясь национальным флагом». В это же время Ельский РК КП(б)Б обсуждает вопрос о «целесообразности» существования Роза Люксембургского немецкого сельсовета[22].

1 декабря 1937 г. было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельских Советов». В нем отмечалось, что «в ряде областей и краев искусственно

---

[20] НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 152. Л. 118–120; Д. 166. Л. 12, 55; Д. 173. Л. 72–75; Д. 200. Л. 12; Д. 201. Л. 14; ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 33.

[21] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7597. Л. 85–88.

[22] ГАООГО. Ф. 69. Оп. 4. Д. 69. Л. 43; Д. 4. Л. 23–24; Д. 63. Л. 260.

созданы различные национальные районы и сельсоветы». Подчеркивалось, что многие из них «были созданы врагами народа с вредительскими целями. Буржуазные националисты и шпионы, пробравшиеся на руководящие посты <...> проводили антисоветскую работу среди населения». Региональные высшие партийные органы, в том числе ЦК КП(б)Б, обязывались «к 1 января 1938 года представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации этих районов путем реорганизации в обычные районы и сельсоветы»[23].

История немецких сельсоветов БССР представляет аккумуляцию характера жизни немецкой общины, его трансформацию в советских условиях. Как органы власти, сельсоветы не смогли в целом организовать жизнедеятельность немецкого населения в нужном для власти русле, стать действенными органами «диктатуры пролетариата». Сама власть тоже оказалась бессильной в этом плане. Только силовыми, репрессивными мерами удалось направить местных немцев на путь «социалистического строительства».

[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 994. Л. 15.

Г. Г. Ефименко

ФОРМА И РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1919–1938 гг.)

Замысел этой статьи возник в результате анализа основных положений книги Терри Мартина (в русскоязычном переводе: Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011). В российской историографии и содержание, и даже название этой, без сомнения, яркой работы было оценено едва ли не с восторгом. Так, например, Александр Воронович подчеркнул: «Основная идея и, собственно, новизна работы Мартина по сравнению с предшествующей историографией удачно подчеркнуты автором в самом названии книги»[1].

Книга Мартина освещает практику национальной политики в 1923–1939 гг. Экскурс к корням большевистских подходов к национальному вопросу ограничивается в ней теорией. Американский историк не обращает внимания на практику решения этого вопроса в 1919–1922 гг. в советской Украине, т. е. в республике, которая находится в центре внимания всей его книги. Но причины перехода и цели провозглашенной в 1923 г. политики коренизации невозможно понять без хотя бы краткого анализа предыдущего практического опыта. Речь, прежде всего, идет о вынужденном проблемами советской власти в Украине поверхностном устранении противоречия между лозунгами этого периода (право наций на самоопределение, развитие национальных культур) и истинной целью (максимальная централизация, слияние наций и языков), т. е. между формой и содержанием советской национальной политики. Устранение противо-

[1] Воронович А. Большевизм и национальный вопрос – от теории к практике. Терри Мартин. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011 // Отечественные записки. 2012. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/v42-pr.html#_ftn1

речия нашло свое выражение в гибкой формуле «национальной по форме, социалистической по содержанию» культуре. Возможно, именно отсутствие такого исторического экскурса привело к тому, что, как отметили Александр Рублев и Лариса Якубова, «практически каждый из подразделов монографии начинается с парадоксального вопроса, анализу которого, собственно, и посвящается. Фактически для Т. Мартина вся история национальной политики большевиков – один бесконечный парадокс, к сожалению, непреодолимый с помощью его исследовательской парадигмы»[2].

Национальную политику большевиков невозможно также понять и объяснить, если рассматривать ее изолированно от главной цели большевистского руководства – коммунистического строительства. Важной предпосылкой успешности такого строительства была ликвидация всех форм неподконтрольных Кремлю горизонтальных связей в обществе, самыми опасными проявлениями которых в Украине были кооперация, культурно-просветительское общество «Просвіта», «Всеукраїнська учительська спілка» (ВУС). Этого не учел Т. Мартин, для которого, по справедливому замечанию А. Рублева и Л. Якубовой, «история национальных отношений и национальной политики в СССР – это не единый динамический процесс, а ряд констант, жестко привязанных к законодательной базе»[3]. Национальную политику Кремля в Украине в 1919–1938 гг. следует рассматривать как неразрывный последовательный процесс, направление которого определялось видением будущего вождями коммунистической партии и было, в некоторой степени, формализовано программой РКП(б) 1919 г.

Коммунизм, в соответствии с пониманием большевистским руководством марксистского учения, заключался в ликвидации частной собственности. Неотвратимым практическим следствием коммунистического строительства должна была стать ликвидация любых проявлений рыночных отношений. Считалось, что при коммунизме уже не будет ни социального, ни национального неравенства, поскольку соответствующие различия исчезнут, а языки разных народов, в конце концов, сольются в единый мировой язык.

Путь к коммунизму виделся в стремительном волевом (административном) внедрении таких практически действенных в «капиталистической» экономике принципов, как стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация, которые, по определению Элвина Тоффлера, и составляли кодекс

---

[2] Рубльов Олександр, Якубова Лариса. Про «Імперію позитивної дії» Террі Мартина. URL: http://www.historians.in.ua/index.php/dyskusiya/796-oleksandr-rublov-larysa-yakubovapro-imperiiu-pozytyvnoi-dii-teri-martyna

[3] Там же.

«третьей волны»[4]. Для построения коммунизма эти принципы нужно было воплотить в сфере общественных отношений. Указанная логика строительства «светлого будущего», опиравшаяся на, казалось бы, передовые идеи западной мысли и проверенный практикой опыт экономического развития, привлекала многих молодых интеллектуалов. Коммунизм казался научным и объективно обусловленным путем развития общества ближайшего будущего, а насилие – едва ли не главным методом, ускоряющим этот прогрессивный процесс.

Учитывая радужные перспективы «мировой революции» (в программе РКП(б) от 1919 г. указывалось: «Началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции»[5]), с овладением весной 1919 г. Украиной большевики сразу же начали здесь «коммунистическое строительство». Создание крупных земельных хозяйств (совхозов), финансовые, промышленные и продовольственные реквизиции стали практической реализацией нового курса. Все это вызвало большое недовольство украинского социума. Катализатором массового антибольшевистского движения стала попытка воплотить коммунистические принципы в области межнациональных отношений.

На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Ленин выразил сомнение в существовании украинского языка как массового явления[6]. Несколько ранее, во время работы III Всеукраинского съезда советов (6–10 марта 1919 г.), глава правительства УССР Христиан Раковский заявил, что с национальными различиями уже покончено[7]. В августе 1919 г. он же откровенно подчеркнул настоятельную необходимость «поставить язык русский на первое место»[8]. Создатель конституции УССР 1919 г. Александр Хмельницкий на уже упомянутом III Всеукраинском съезде советов безапелляционно утверждал, что попытки каким-то образом законодательно закрепить тезис о необходимости содействовать развитию украинской культуры является «нездоровой национальной отрыжкой»[9].

Подобные высказывания совпадали с идеей ликвидации национальных различий и слияния языков при коммунизме, к непосредственному строительству которого и приступили, как им самим казалось, большевики. Учитывая такие высказывания руководства УССР,

---

[4] Тоффлер Елвін. Третя хвиля / з англ. перекл. А. Євса. Київ: Основи, 2000. С. 49–60.

[5] Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года: Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 390.

[6] Там же. С. 105.

[7] III Всеукраїнський з'їзд Рад: Стеног. звіт. Харків, 1932. С. 78.

[8] Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 57. Оп. 2. Д. 368. Л. 143.

[9] III Всеукраїнський з'їзд Рад. С. 212.

следует считать закономерными принятия разного рода советскими и коммунистическими органами власти на местах более двухсот решений о запрете украинского языка[10]. Основным мотивом принятия таких решений признавалась «буржуазность» этого языка.

В 1919 г. практика решения национального вопроса соответствовала теории и задачам коммунистического строительства. Но такое отношение к украинскому языку и культуре укрепило единство национального и социального в мощном антибольшевистском движении. Как был вынужден признать Раковский в написанных в ноябре 1919 г. «тезисах по украинскому вопросу», «под знаком лозунга "самостийной украинской державы" прошла вся борьба против нас на Украине»[11]. Падение советской власти в 1919 г. не убедило большевистских руководителей в невозможности воплощения экономических основ коммунизма в жизнь. Однако указанное выше единство национального и социального было признано крайне опасным. Это заставило ЦК РКП(б) уже в конце 1919 г. изменить тактику в «украинском вопросе».

Руководство РКП(б) специальным решением пленума ЦК, а затем и Всероссийской конференции РКП(б) в ноябре–декабре 1919 г. признало существование украинского языка и его равноправие с русским как свершившийся факт. В газетах появился ряд статей с объяснением и ныне актуальных для России тезисов о том, что на самом деле украинский язык вовсе не «выдумка Грушевского», что это язык не «Петлюры», а всего украинского народа и украинский народ имеет полное право пользоваться им. Однако большевистскими руководителями, в том числе и Лениным, такое признание рассматривалось как уступка, т. е. вынужденное, а потому нежелательное и временное решение[12].

Уступка значительно уменьшила остроту борьбы. Но этого оказалось недостаточно для надежного разъединения национального и социального в условиях продолжающегося в 1920 г. коммунистического штурма в экономической сфере и сложной внешнеполитической обстановки. Поэтому в заключенном 28 декабря 1920 г. «Союзном рабоче-крестьянском договоре между РСФСР и УССР» Кремль, отказавшись наконец-то от отчетливого в 1920 г. намерения включить республику в состав РСФСР, впервые после провозглашения на

---

[10] Скрипник М. О. Донбас і Україна // Скрипник М. Статті і промови з національного питання / упоряд. І. Кошелівець. Б. м., 1974. С. 17.

[11] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11782. Л. 14.

[12] Подробнее см.: Єфіменко Г. Мовне питання в політиці більшовиків в Україні в роки першого комуністичного штурму (1919–1920 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжв. зб. наук. пр. Вип. 21. К., 2012. С. 166–187. URL: http://www.history.org.ua/index.php?article=pro_2012_21_166

II Всеукраинском съезде советов в марте 1918 г. независимости советской Украины формально признал «независимость и суверенность» УССР[13].

С введением нэпа внимание к национальному вопросу несколько ослабло. Были надежды, что его острота сама собой уменьшится в связи с уступками в социально-экономической сфере. Однако эти надежды не оправдались, угроза нового объединения национального и социального, или, выражаясь тогдашним новоязом, «второй петлюровщины», не исчезла. Л. Троцкий на VII Всеукраинской партконференции (4–10 апреля 1923 г.), которая состоялась накануне XII съезда РКП(б), подчеркивал: «Если мы не сумеем подойти к крестьянству, изучить крестьянина, его психологию, его язык, мы можем его толкнуть на вторую петлюровщину, а вторая петлюровщина была бы более органичной, глубокой и опасной. Эта вторая петлюровщина была бы вооружена культурным планом – в школе, в кооперативе, во всех областях быта, и украинский крестьянин каждое недовольство умножал бы на национальный фактор, и это было бы опаснее петлюровского бандитизма»[14]. Добавим, что модернизационные задачи, которые ставили перед собой большевистские вожди, также нуждались как в поддержке украинского общества, так и в определенном уровне образованности, грамотности народных масс, повысить который было значительно проще и эффективнее на родном языке. Учитывая указанную опасность и модернизационные потребности, в 1923 г. Кремль решился на введение политики коренизации.

В резолюции XII съезда РКП(б) «борьба с пережитками великорусского шовинизма» была названа «первой очередной задачей» РКП(б). Однако главная опасность «великорусского шовинизма», как достаточно откровенно подчеркивалось в этом же документе, заключалась именно в том, что он «питает и выращивает» местный (т. е. в Украине – украинский) национализм, «затрудняя борьбу с ним»[15]. Компартийная номенклатура в основной своей массе продолжала считать усиленное внимание к национальному вопросу уступкой, отказаться от которой при более благоприятных обстоятельствах следовало бы сразу, едва ли не в течение суток (как это было сделано с украинизацией в РСФСР в декабре 1932 г.), поскольку она (эта уступка) по сути своей антагонистична коммунизму. Ведь, как отмечал в 1923 г. второй секретарь ЦК КП(б)У Дмитрий Лебедь, «пере-

---

[13] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. Ст. 13.

[14] Троцкий Л. Задачи XII съезда РКП. М.: Красная новь, 1923. С. 39.

[15] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 1922–1925. 9-е изд. С. 83, 87.

городки между двумя культурами – это хорошая и возможная вещь для Запада, а мы уже давно отошли от этого. Мы находимся в другой исторической стадии развития... Там еще зарождаются нации, а у нас идет зарождение новой экономики»[16]. Иначе говоря, нации (конечно, «чужие», т. е. «нерусские») рассматривались как признак капитализма, а не социализма/коммунизма.

Вскоре после введения политики коренизации в УССР именно на преодоление «украинского национализма», т. е. «неосновной» опасности в национальном вопросе, были направлены инициированные компартийным руководством идеологические кампании против так называемых национальных «уклонов» – «хвылевизма», «шумскизма» и «волобуевщины» (1925–1928 гг.). Дальше – больше. С началом коллективизации были проведены громкие процессы против представителей «украинского национализма» – дело «Союза освобождения Украины» (1930 г.), «Украинского национального центра» (1931 г.), ликвидирована Украинская автокефальная православная церковь (1930 г.). Попытка наркома просвещения УССР Николая Скрыпника осудить «лебедивщину», т. е. инициировать в УССР идеологическую кампанию против «великодержавного шовинизма», натолкнулась на жесткое противодействие Кремля. Лазарь Каганович обосновал это так: «Совершенно невозможно проводить аналогию между позициями Лебедя и Хвылевого, так как позиция Лебедя ни в коем случае не означала поддержки контрреволюции»[17]. Таким образом, признавалось, что «контрреволюционным», т. е. враждебным советской власти как таковой, может быть только «местный» национализм. Такой подход был закономерным, ведь главной задачей политики коренизации была советизация общества и облегчение выполнения заданий модернизации, а не национальное возрождение или сама по себе культурная революция. Тем более что конечная цель в национальном вопросе оставалась неизменной – «слияние» наций и языков. Понятно, что ни одного судебного процесса, в котором бы подсудимым инкриминировался «великодержавный» или «великорусский» шовинизм в Украине проведено не было.

К началу второго коммунистического штурма (1929–1932 гг.) компартийное руководство подходило с весомыми успехами политики коренизации. Задание не допустить единения национального и социального сопротивления определяло его действия в Украине и в дальнейшем. Для успокоения, с одной стороны, тех, кто считал коренизацию действительно нужной, а с другой – «правоверных» коммунистов, считающих национальное строительство излишним в

[16] Бюллетень VII Всеукраинской Конференции Коммунистической Партии (большевиков) Украины. 4–10 апреля 1923 г. Харьков, 1923. С. 292.

[17] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 74.

коммунистическом обществе, Сталин накануне нового коммунистического штурма выдвинул теорию о трех этапах «слияния наций» при социализме: сначала «усиленное развитие» ранее угнетенных наций и языков, затем их «сближение» и, наконец, «слияние». Это дало Кремлю теоретические основания для продолжения коренизации во время коммунистических преобразований 1929–1932 гг.

Нужно отметить такой показательный факт: толчком для создания этой теории послужило полученное Сталиным в августе 1928 г. из Харькова письмо Е. Тарана (Ильи Дубровина) – прибывшего из РСФСР партийного работника, в то время – инструктора ЦК ЛКСМУ. Помимо прочего, он высказывал характерное для многих коммунистов утверждение о том, что «национальные различия, в данном случае различие языков, становятся уже сейчас помехой социалистического строительства»[18]. В то время отрицание необходимости «слияния» языков и наций, как, впрочем, и провозглашение отмены политики коренизации, могло повредить осуществлению планов коммунистического строительства, поэтому и был выдвинут тезис о трех этапах на пути к такому «слиянию».

Вследствие таких действий в 1929–1932 гг. лингвистическая, культурно-образовательная и кадровая украинизации не только не были прекращены или заторможены, но и усилились. Именно по состоянию на 1932 г. процент этнических украинцев среди руководителей низового звена компартийно-советского аппарата достиг апогея. Украинизация образования имела самые высокие за весь межвоенный период показатели.

Практика хлебозаготовок и коллективизации 1929–1932 гг. продемонстрировала, что, несмотря на украинизацию, в украинском обществе усилились центробежные настроения, которые проявлялись, прежде всего, в идее восстановления Украинской Народной Республики (УНР). Опять возникла опасность объединения национального и социального в антибольшевистском движении. Политика украинизации помогала упредить ее лишь частично. Даже тщательный контроль (постоянный мониторинг настроений украинской интеллигенции, запрет любых проявлений самоорганизации общества) и превентивные репрессии против тех, кто гипотетически мог идейно или организационно возглавить такое движение (дела СВУ, УНЦ, ликвидация автокефальной церкви и т. д.), не давали желаемых результатов. Временное торможение коллективизации весной 1930 г. ослабило рост антисоветских настроений. Но отступать от коммунистического строительства Сталин еще не собирался. С продолжением коммунистического штурма недовольство Кремлем ширилось уже не

[18] Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 803. Л. 10.

только среди крестьянства, но и среди представителей компартийно-советского аппарата. Осознание этих обстоятельств и обусловило появление ныне хорошо известного (датированного августом 1932 г.) высказывания Сталина о том, что «Украину мы можем потерять». Допустить повторения ситуации 1919 г. Сталин не мог. Его ответом стал террор голодом.

Конструирование голодомора было направлено на сохранение власти Сталина в условиях острого кризиса в СССР. Датированные 1933 – началом 1934 г. репрессии против проукраински настроенных коммунистов и теперь уже и формальное (по личному указанию генсека ВКП(б)) признание пленумом ЦК КП(б)У «украинского национализма» главной опасностью в национальном вопросе[19] четко продемонстрировали, в ком и в чем Сталин видел опасность для себя в Украине. Отказ от намерения в сжатые сроки закончить коммунистическое строительство, который ознаменовался решением ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. о возвращении к фиксированному налогу в сельском хозяйстве, в Украине сопровождался мощной агитационно-пропагандистской кампанией, в ходе которой во всех бедах украинского села были обвинены «украинские националисты». Это должно было сделать невозможным объединение национального и социального в антисоветских настроениях и свести к минимуму возможность такого единения в будущем. Окончание коммунистического строительства переносилось на неопределенное будущее. Среди причин такого переноса снова, как и в 1919–1920 гг., положение дел в Украине сыграло ключевую роль.

Несмотря на вышесказанное, говорить о сворачивании политики украинизации в УССР, даже в ее лингвистической части (кадровая не прекращалась и в дальнейшем), было бы преждевременно. В 1935–1936 гг. в Украине был принят целый ряд различного рода постановлений об украинизации, проводились проверки состояния украинизации в Днепропетровской, Донецкой и Харьковской областях, в новой Конституции СССР осталось право республик на выход из Советского Союза и т. д. Заигрывание с национальными чувствами продолжалось вплоть до лета 1937 г. Его окончание ознаменовалось репрессиями по отношению к последним из оставшихся в высших эшелонах власти УССР бывшим боротьбистам – арестом Андрея Хвыли и самоубийством главы СНК УССР Панаса Любченко. В конце 1937 – начале 1938 г. в Украине была сделана попытка стремительной русификации, от которой, однако, уже в 1939 г. отказались.

---

[19] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 98. Л. 12. Подробный анализ этого вопроса см.: Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. К.: Ніка-Центр, 2012. С. 219–234. URL: http://histans.com/LiberUA/978-966-521-617-9/978-966-521-617-9.pdf

II. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1930-х гг. КРИЗИСЫ И РЕПРЕССИИ

Б. О. Жангуттин

«ВАШЕ МНЕНИЕ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ПОМОГЛО БЫ НАМ...» КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ, ГОЛОД И НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА

Проблема коллективизации имеет значительные лакуны, дискуссионные проблемы и разногласия. Казахстанская историография в этом смысле не исключение. Имеется определенная историографическая традиция и наработки недавнего исторического прошлого. По данным казахстанских исследователей, только к началу 1980-х гг., по различным аспектам истории коллективизации сельского хозяйства Казахстана было защищено 8 докторских и около 40 кандидатских диссертаций, опубликовано более 50 книг монографического и научно-популярного назначения[1]. В последующем, разработка темы продолжалась. В то же время проблема голода не получила, по известным причинам, фундаментального исследования. Вопрос практически не нашел своего отражения в работах партийных руководителей республики 1930-х гг.[2], официальных отчетах Казкрайкома[3], и только в одном документе есть упоминания о человеческих жертвах и последствиях политики Казкрайкома[4]. В последующем проблема фиксировалась, но не получила своего разрешения[5]. Лишь только в

---

[1] Алимбаев Н. А. Историография опыта Коммунистической партии по осуществлению сплошной коллективизации сельского хозяйства Казахстана (конец 20-х – начало 80-х гг.): Автореф. канд. дисс. ... Алматы, 1984.

[2] См.: Голощекин Ф. И. Партийное строительство в Казахстане: Сборник речей и статей (1925–1930 гг.). М.; Алма-Ата, 1930; Его же. О коллективизации в казахском ауле // Большевик Казахстана. 1932. № 5. С. 1–12; Кабулов И. О некоторых вопросах истории парторганизации и Октябрьской революции в Казахстане. Из истории партстроительства в Казахстане. Алма-Ата: Госиздат, 1936. С. 88–101.

[3] Материалы к отчету крайкома на VIII Казахстанской конференции ВКП(б). Алма-Ата: Казкрайком ВКП(б), 1933.

[4] Шестой пленум краевого комитета ВКП(б). 10–16 июля 1933 года: Стенографический отчет. Алма-Ата, М.: Казкрайком ВКП(б), 1936.

[5] Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 – июнь 1941 г.): Документы и материалы. Алма-Ата: Казахстан, 1967. Ч. I–II; Дахшлейгер Г. Ф. Историография Советского Казахстана (Очерк). Алма-Ата: Наука, 1969.

1990-е гг. стали возможными для исследования вопросы репрессий против крестьянства в годы силовой модернизации, крестьянского движения сопротивления. Особый интерес историков привлекли трагические последствия коллективизации, самым страшным из которых явился Великий Голод, унесший миллионы жизней казахстанцев. Этим проблемам посвятили свои работы Ж. Абылхожин, М. Татимов, М. Козыбаев, Х. Алдажуманов[6]. Публикуются первые сборники документов[7]. В 1992 г. создается Комиссия при Президиуме Верховного Совета Республики Казахстан, которая провела большую работу по исследованию обстоятельств и причин голода. Проблема получает свое рассмотрение в академических работах[8]. В столице Казахстана Астане в июне 2012 г. открыт памятник жертвам массового голода в связи с 80-летием трагедии.

Таким образом, в Казахстане проблемы коллективизации и их последствий широко обсуждаются в обществе, в научном сообществе. Характерной чертой сегодняшних дискуссий является высокая степень политизации проблемы голода 1932 г., анализа его причин и последствий. Между тем нет ответа на вопрос, каковы региональные особенности коллективизации и голода 1932 г. в Казахстане, проблемы ответственности Центра и местного, республиканского руководства за события 1931–1932 гг. Идея постановки проблемы принадлежит В. Кондрашину[9], который первым поставил ее на материалах Украины. Несмотря на актуальные публикации последних лет[10], поставленные вопросы не нашли своего отражения ни в казахстанской, ни российской, ни зарубежной историографии. Ответы на многие

---

[6] Козыбаев М. К., Абылхожин Ж. Б., Алдажуманов К. С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992; Козыбаев М. К., Алдажуманов К. С. Тоталитарный социализм: реальность и последствия. Алматы: Фонд «XXI век», 1997.

[7] Голод в казахской степи: (Письма тревоги и боли). Алма-Ата, 1991; Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931–1933 гг.: Сборник документов и материалов / сост.: К. С. Алдажуманов, М. К. Каиргалиев, В. П. Осипов, Ю. И. Романов; редкол.: М. К. Козыбаев (гл. ред.) и др.; Алматы, 1998; Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция 1928–1957 гг.: Сборник документов. Усть-Каменогорск, 1998; Трагедия казахского народа: Сборник документов и материалов: голод 20-х, 30-х годов XX века в Казахстане. Алматы, 2010.

[8] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алматы, 2009. Т. 4. С. 241–290; Издается коллективная монография: Аяган Б., Кадыралина Ж. и др. Правда о голоде 1932–1933 годов. Алматы, 2012.

[9] Кондрашин В. И. В. Сталин и голод 1932–1932 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 237–256.

[10] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. М., 1998–2002; Голод в СССР, 1930–1934 гг. / сост.: О. А. Антипова, Е. А. Голосовская, М. М. Кудюкина и др. М., 2009; Голод в СССР. 1929–1934 / отв. ред.: В. В. Кондрашин; Международный фонд «Демократия». М., 2008; и др.

вопросы лежат в плоскости комплексного анализа проблемы. Требуется детальный анализ материалов республиканских (Архив Президента Республики Казахстан, Центральный государственный архив Республики Казахстан) и российских (ГА РФ, РГАСПИ) архивов, сбор устных интервью с очевидцами, воспоминаний.

Голод в Казахстане стал следствием политики Коммунистической партии по массовому преобразованию общества, а на ее обломках построения социалистического общества и новой культуры. Следствием подобной политики стало разрушение традиционной структуры казахского общества, голод, многочисленные жертвы среди ни в чем не повинного населения, над которым был поставлен столь чудовищный эксперимент.

Инструментом достижения целей Компартии стала жестко выстроенная бюрократическая система, контролировавшая как основные назначения, так и исполнение решений на местах. В Казахстане таким руководящим органом был Казкрайком. Мы полагаем, что все основные решения принимались Политбюро ЦК, которые затем претворялись в жизнь в Казахстане, и не только. Если исходить из документов, то 15 октября 1925 г. на заседании ПБ был рассмотрен вопрос, в котором озвучивалось положение о необходимости утверждения ЦК РКП(б) основных руководящих органов «следующих парторганизаций: Заккрайком – Президиум, Севкавкрайком – Президиум, ЦК КП(б)У – Политбюро и Оргбюро, Сибкрайком – Бюро, Казаккрайком – Бюро, Уралобком – Бюро, ЦК Белоруссии – Бюро ЦК (протокол ПБ № 83 от 15 октября 1925 г. п. 18)»[11].

В рассматриваемые годы во главе Казакрайкома были В. И. Нанейшвили (1924–1925 гг.), Ф. И. Голощекин (1925–1933 гг.), Л. И. Мирзоян (1933–1938 гг.). Нанейшвили практически остался незамеченным в исторической памяти народа. С Голощекиным связывают все тяготы голода, а Мирзояна казахи называли не иначе как Мирза-джан. С. Муканов свидетельствует: «К его фамилии всюду добавляется приставка “джан”. Душа человек. Вопросы аулчан порою наивные, смешные... Правду ли говорят, что он казах? Это верно, Сабит: Мирзоян-джан – племянник Ленина? С малолетства был рядом с ним, учился у него?»[12]

У каждого из секретарей Казкрайкома своя судьба, и каждый из них по-своему пользовался поддержкой И. В. Сталина.

И. В. Сталина не удовлетворил ответ Казкрайкома на его записку «Всем членам бюро Киркрайкома о журнале “Ак-жол”» (29 мая

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 523. Л. 7.

[12] Ливон Мирзоян в Казахстане: Сборник документов и материалов (1933–1938 гг.). Алматы, 2001. С. 268.

1925 г.). Ключевая мысль вождя заключалось в следующем: «Я против того, чтобы беспартийные интеллигенты занимались политическим и идеологическим воспитанием киргизской молодежи. Не для того, мы брали власть, чтобы политическое и идеологическое воспитание молодежи предоставить буржуазным интеллигентам. Этот фронт должен быть оставлен целиком и без остатка за коммунистами. Иначе победа Чокаевых может стать в Киргизии делом неизбежным. А это равняется идеологическому и политическому краху коммунизма в Киргизии. Очень бы просил Вас сообщить Ваше мнение по этому вопросу»[13].

Внешне письмо приглашало к диалогу и вместе с тем вводило в жесткие рамки. Казкрайком отвечал: «Уважаемый товарищ Сталин. Мы со всем вниманием отнеслись к Вашему письму об “Ак-жоле”. Вместе с этим письмом посылаем Вам практическое постановление нашего бюро по вопросу о дальнейшей работе “Ак-жол”, из которого Вы усмотрите наше желание возможно скорее исправить недочеты нашей печати»[14].

Вероятней всего, мероприятия предложенные Казкрайкомом не устроили Сталина. Необходим был выдвиженец, который четко бы уловил мысль и идеи вождя. Такой фигурой был Ф. И. Голощекин. Решение по его кандидатуре упоминается уже 7 августа 1925 г. В повестке заседания Политбюро значится: «Вопросы Самарского губкома (№ 74 от п. 30). Было принято решение: а) отозвать Нанейшвили из Киробкома в распоряжение ЦК; б) откомандировать Голощекина для работы в Киробком, отозвав его из Самары»[15].

В проходящей процедуре назначения Ф. И. Голощекина в республику, имеется ряд моментов требующих уточнения. Так, из документов следует, что данный вопрос рассматривался еще дважды. 13 августа 1925 г., в протоколе ПБ № 75 п. 3 зафиксировано: «Заявление Голощекина (ПБ от 7-8-1925, протокол № 74, п. 30). Решено: а) Направить вопрос о назначении Голощекина секретарем Киробкома на дополнительное рассмотрение Оргбюро. б) Предоставить Голощекину двухнедельный отпуск, согласовать этот вопрос с Молотовым. г) Отложить вопрос о секретаре Самарского губкома до решения вопроса о работе Голощекина»[16]. Протокол ПБ № 76 от 22 августа 1925 г., п. 23 гласит: «Заявление Голощекина (ОБ от 17-8-1925, протокол № 102, п. 7). Подтверждено решение Оргбюро от 3-8-1925 (про-

[13] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 66–67.

[14] Там же. Л. 69–71.

[15] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 514. Л. 5.

[16] Там же. Д. 515. Л. 3.

токол № 98, п. 8) о назначении Голощекина секретарем Киробкома»[17]. Обнаружить указанное заявление не удалось. Наконец, открытым остается вопрос, на каких условиях, если они были, Ф. И. Голощекин дал свое согласие на назначение.

Секретарь Казкрайкома Ф. И. Голощекин в сентябре 1925 г. прибыл в Кзыл-Орду, тогдашнюю столицу Казахстана. Очевидно, что новый руководитель республики был одним из самых активных деятелей террора. Выбор «вождем» был сделан безошибочный. Уже в 1926 г. в «национал-уклонизме» были обвинены С. Садвакасов и С. Ходжанов. Гонениям подверглись С. Сейфуллин, М. Мурзагалиев, Н. Нурмаков, С. Мендешев и др.

Существует большое количество документальных свидетельств о том, что Голощекин имел определенный карт-бланш и значительную поддержку Сталина. Об этом свидетельствует и письмо, в котором Голощекин информировал Сталина о работе крайкома после прошедшей в декабре 1926 г. 5-й Всеказахской конференции ВКП(б). Письмо датировано 7 февраля 1927 г. На нем имелась резолюция Сталина, которую озвучил Голощекин на одном из пленумов Казкрайкома: «Т[оварищ] Голощекин. Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой. И. Сталин». Данная резолюция широко цитируется не только в казахстанских, но в зарубежных исследованиях. Между тем Ф. И. Голощекин умышленно не привел вторую часть резолюции, которая гласила: «Я говорил с т.[оварищем] Молотовым о Ваших черновых тезисах; мы оба пришли к тому, что в скором времени придется заслушать Ваш доклад. И. Сталин» Дата на документе 11 февраля 1927 г.[18]

Есть еще один документ под названием «Ответ Голощекину». Датирован он 1 января 1928 г., в котором-то и приводится первая часть озвученной резолюции[19]. Понятно, что Голощекин сказал на пленуме Казкрайкома то, что ему было выгодно. Но когда готовилась в печать работа под названием «Казакстанская организация ВКП(б) в решениях ее конференций и пленумов. Вып. 1, Алма-Ата; Москва, 1931», произвольно трактовать резолюцию И. Сталина Ф. И. Голощекин не решился, и вынужден был согласовывать. Не удалось обнаружить документы, отвечающие на вопрос, как Голощекин объяснил ситуацию, и какой разговор при этом состоялся. Но факт остается фактом, Филипп Исаевич получил ту редакцию, которую он хотел, а И. В. Сталин не стал дезавуировать действия своего назначенца. И это не един-

[17] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 516. Л. 4.

[18] Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5267. Л. 1.

[19] Там же. Оп. 11. Д. 1150. Л. 73.

ственный пример. Имеется документ, датированный 9 марта 1927 г., записка Сталина Голощекину в связи с обвинением Ходжанова в сочувствии или принадлежности к оппозиции с ответом Голощекина от 23 марта 1927 г., в котором секретарь Крайкома отстаивает свою позицию[20]. Наконец, на Политбюро (Протокол ПБ № 22 от 26 апреля 1928 г., п. 51) стоит вопрос «О Нурмакове», где была рассмотрена телеграмма Голощекина. В довольно резкой форме было заявлено следующее: «Послать т[оварищу] Голощекину следующий ответ: Бюро Казкрайкома не имело права снять т[оварища] Нурмакова без ведома и предварительных переговоров с ЦК. ЦК не видит оснований по существу для снятия т[оварища] Нурмакова. Если нет теперь возможности отменить принятое бюро решение пленумом Крайкома, что было бы целесообразно, ЦК предлагает бюро Крайкома сообщить в точности мотивы снятия для того, чтобы ЦК имел возможность взвесить при решении вопроса все доводы за и против»[21]. Заметим, что Нигмет Нурмаков в период с октября 1924 по апрель 1929 г. занимал должность председателя Совнаркома КАССР. И в этом случае Ф. И. Голощекин настоял на своем.

Следует ли из изложенного, что Голощекин был самостоятельной фигурой, принимавшей судьбоносные решения? Безусловно, нет. Как уже неоднократно подчеркивалось исследователями[22], никакой самостоятельности не было ни у губкома, ни у ЦК компартии национальной республики. Как справедливо отмечает О. Хлевнюк, именно Политбюро предопределяло все основные направления развития страны (а также рассматривало массу сравнительно мелких и второстепенных проблем), выступало главным арбитром при разрешении ключевых межведомственных противоречий, непосредственно организовывало исполнение многих своих постановлений и старалось держать под тщательным контролем всю систему власти. Обязательному утверждению Политбюро подлежали все сколько-нибудь значительные инициативы партийных, государственных, комсомольских, профсоюзных и т. п. инстанций[23].

Так, в декабре 1927 г. руководством республики была образована комиссия для разработки проекта закона о конфискации хозяйств крупных баев.

---

[20] Там же. Д. 133. Л. 88–92.

[21] Там же. Оп. 3. Д. 684. Л. 9.

[22] Павлова И. В. Механизм сталинской власти: становление и функционирование. 1917–1941. Новосибирск, 1993.

[23] Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

Попытка проведения в жизнь решения без согласования получила жесткую отповедь Политбюро. Вопрос «О Казахстане (Муранов, Киселев, Нурмаков, Исаев, Богданов)» рассматривался на ПБ 26 июля 1928 г. Предложено «телеграфно ЦИКу Казахской АССР и Крайкому немедленно приостановить проведение в жизнь проводимых в Семипалатинской губернии, а также в других местах АССР незаконных мероприятий, связанных с выявлением сокрытия объектов обложения. Приостановить приведение в исполнение приговоров об изъятии и распределении скота у привлеченных к ответственности и изменить меру пресечения, освободив из-под стражи; б) выслать на место партийно-правительственную комиссию во главе с Киселевым, уполномочив ее разобрать все ненормальности и разрешить на месте вопросы, не терпящие отлагательства. На следующем заседании ПБ поставить вопрос о проекте закона о выселении и конфискации имуществ баев и сообщение правительства Казахстана о мероприятиях, связанных с проведением этого закона в жизнь»[24].

3 мая 1928 г. на заседании ПБ утверждается проект резолюции по докладу Казаккрайкома с поправками в пп. 1, 2, 6, окончательная редакция которого поручена была Секретариату ЦК. Подчеркивалось, что «в дальнейшей работе в центре своего внимания» партийная организация Казахстана должна поставить «проведение ряда серьезных мероприятий по борьбе с экономическим влиянием бая в ауле» (конфискация имущества и выселение наиболее крупных скотоводов, земреформа и т. д.). В документе «Особое постановление» предписывалось: «В целях борьбы с экономическим и политическим влиянием крупных скотоводов, а также лиц из бывших привилегированных сословий (султанов, хазретов и т. п.) считать необходимым провести конфискацию имущества и выселение наиболее крупных скотоводов и лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам. Считать необходимым такую подготовку этих мероприятий, при которой партийные органы могли бы опереться на организованные силы трудовой части казакского населения. Обязать Казаккрайком в месячный срок представить в ЦК подробные предложения по этому вопросу»[25].

9 августа 1928 г. Политбюро ЦК приняло решение организовать конфискацию имущества и выселение антисоветских и контрреволюционных элементов с территории Казахстана. Предложено Казкрайкому закончить не позднее 1 сентября 1928 г. негласный учет наиболее крупных скотоводов из коренного населения, «своим имущественным и общественным влиянием препятствующих советизации аула, согласно признаков предусмотренных постановлением

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 697. Л. 4–5.

[25] Там же. Д. 685. Л. 10–13.

ВЦИК, и произвести отбор наиболее злостных из них в количестве не превышающем 700 хозяйств. КазЦИКу опубликовать постановление в начале сентября. Немедленно после опубликования оформить центральную и окружную комиссию по практическому проведению закона в жизнь, состав которых должен быть заранее подготовлен»[26].

15 августа 1928 г. Крайком создал комиссию для непосредственного руководства кампанией. 27 августа 1928 г. на заседании ЦИК и СНК республики постановление «О конфискации байских хозяйств» было принято. Были назначены уполномоченные по проведению конфискации в округах республики. Непосредственно в аулы направили свыше тысячи уполномоченных. Кроме того, в комиссиях содействия работало 4700 человек.

Таким образом, ПБ детально, пошагово был расписан сценарий, результатом которого будет уничтожение традиционной структуры казахского общества. От этого удара, последствия которого трудно переоценить, оправиться казахское общество уже не смогло. Аналогичны были решения, директивы по хлебозаготовкам, мясозаготовкам. Ф. И. Голощекин на одном из пленумов, еще в апреле 1928 г., проговорился: «ЦК давал телеграмму краевому или областному комитету, мотивируя определенное положение: необходимо давать определенное задание на ваш край или на вашу область, вы должны в течение этого месяца выполнить такое задание. Этого требуют интересы пролетарской диктатуры. Крайком, обком распределял общую сумму по губерниям или по округам, усиливал мотивировку и давал такую же директиву: на “вашу губернию”, на “ваш округ” стоит такая-то задача. Окружком или губком распределял общее задание по уездам и еще более усиливал мотивировку. И когда эта директива докатывалась до волости, до села, там получалось: вам необходимо, иначе ты контрреволюционер, если ты в течение месяца не выполнишь такое-то количество хлеба, такое-то количество самообложения, такое-то количество займа»[27]. Все решения Политбюро вряд ли предусматривали дискуссии, хотя они и случались. Редко кто решался возразить решениям Политбюро. Реакция следовала моментально.

Несмотря на вышеуказанные факты, все это не снимает ответственности за события 1932 г. с секретарей Крайкома, областных секретарей.

---

[26] Там же. Д. 699. Л. 8–10.

[27] Так получалось // Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. / ред. колл. тома: В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк, А. Ю. Ватлин (ответственные редакторы), Е. Е. Кириллова, Л. Н. Малашенко. М.: МФД, 2000. С. 244.

Так, известный казахстанский исследователь Т. Омарбеков в составе партийных деятелей, работавших с Ф. И. Голощекиным, выделяет несколько групп. К первой группе относит Турар Рыскулова, Смагул Садуакасова, Жалау Мынбаева, Санжар Асфендиярова, Ныгмет Нурмакова, Асфендияр Кенжина, Султанбек Ходжанова, Ыдырыс Мустамбаева. Как полагает исследователь, они стремились сдерживать политику секретаря Казкрайкома, открыто защищали интересы казахского народа.

Вторая группа не выступала против первых руководителей республики, строго придерживалась директив, не критиковала указания Голощекина. Эти люди хорошо знали психологию своего народа, его быт и культуру. Они понимали, что конфискация и насильственная коллективизация, форсирование социальных и экономических процессов приведут казахские аулы к катастрофе, но заняли наблюдательную позицию, не высказывали свое мнение и не выступали против первого руководителя республики.

Омарбеков ставит в этот ряд таких коммунистов, как Ораз Жандосов, Узакбай Кулымбетов, Абдолла Розыбакиев, Сакен Сейфуллин, Ильяс Кабылов, Сара Есова, Алиби Джангильдин, Жанайдар Садуакасов. Такие аппаратчики, как Ораз Исаев, Габбас Тогжанов, Абдолла Асылбеков, Абдрахман Байдильдин, Изтай Курамысов, Сейткали Мендешев, Абдрахман Айтиев, Елтай Ерназаров, Хамза Жусипбеков были «карьеристами, ценившими свои высокие места выше чаяний народа»[28].

[28] Мамашулы А. Палач казахского народа. Голощекин пришел и ушел, прославление его подручных продолжается. URL: http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1315917840

В. Ю. Васильев

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ В ПОЛИТИКЕ РУКОВОДСТВА СССР В УКРАИНЕ (1932–1933 гг.)

В дискуссиях последних лет с российскими коллегами по проблемам голода 1932–1933 гг. выяснилось, что многие из них не признают факта, что национальная политика была составной частью политического курса группы И. Сталина в Украине. Например, В. В. Кондрашин и М. А. Ивницкий предпочитают рассматривать кампанию хлебозаготовок и национальные моменты в политике руководства СССР как не связанные между собой процессы. Однако, думается, что национальная политика играла не главную, но существенную составляющую часть политического курса советского руководства в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса в стране.

Обратимся к историческим событиям. Хлебозаготовки с урожая 1932 г. в июле–августе осуществлялись с большим трудом. Крестьянство отказывалось отдавать хлеб государству. Это отмечалось во всех регионах СССР, в частности в Украине. 11 августа И. В. Сталин писал Л. М. Кагановичу: «Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии. Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным. В других райкомах обстоит дело, как утверждают, не лучше. На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того, чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП(б) и требованиями райкомов и вот – долавировался до ручки... Плохо по линии советской. Чубарь – не руководитель. Плохо по линии ГПУ. Реденсу не по плечу руководить борьбою с контрреволюцией в такой большой и своеобразной республике, как Украина.

Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается не мало (да, не мало!) гни-

лых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец – прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей».

В связи с такой оценкой ситуации Сталин предлагал назначить Кагановича первым секретарем ЦК КП(б)У, оставив его секретарем ЦК ВКП(б). Он также считал целесообразным назначить заместителя председателя ОГПУ СССР В. А. Балицкого председателем ГПУ УССР, переместить председателя СНК УССР В. Т. Чубаря на пост заместителя председателя РНК СССР В. М. Молотова, а генерального секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора – на пост секретаря ЦК ВКП(б).

Далее в письме Сталин сформулировал стратегическую задачу советского руководства по отношению к Украине: «Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть. Без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь – ее приграничных районов и т. п.), повторяю – мы можем потерять Украину»[1].

Фраза «мы можем потерять Украину» показывает, что Сталин глубоко осознавал степень кризиса в республике и опасался социального взрыва, в том числе в украинской компартии. Поэтому он характеризовал несогласных с хлебозаготовками как «гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец – прямых агентов Пилсудского». Все несогласные с хлебозаготовками были для него политическими противниками и классовыми врагами, угрожавшими его власти. Конечно, он хорошо помнил силу украинского национального движения в годы революции, с которым большевикам пришлось вести упорную вооруженную борьбу. Поэтому термин «петлюровцы» был не случайным.

16 августа Каганович поддержал оценки Сталина. «Беда в том, – писал он, – что среди части актива вопрос о хлебозаготовках, их рассуждения о невыполнимости плана переросли в вопрос об отношении к политике партии. Неуверенность, бесперспективность, растерянность и формальное выполнение “долга” – вот главные бациллы, разъедающие сейчас часть актива, задевающие “трошки” (немного) и верхушку. Теория, что мы, украинцы, невинно пострадавшие, создает солидарность и гнилую круговую поруку не только в среднем звене, но и в верхушке. Я считаю, что, независимо даже от оргвыводов,

[1] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 273–274.

наступил момент, когда ЦК ВКП(б) должен официально в политическом документе дать бы оценку и призвать организацию к решительному перелому. Резолюцию своей конференции[2] они всерьез не берут, считая ее отчасти вынужденной»[3].

В последующие месяцы планы хлебозаготовок не выполнялись. На 25 октября 1932 г. общий план в Украине был выполнен на 39 %, а месячное задание на 22 %[4]. На Северном Кавказе к 20 октября удалось заготовить всего 18 % месячного задания[5]. А ведь эти два региона давали более 40 % хлебозаготовок в СССР. 22 октября встревоженное Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «В целях усиления хлебозаготовок командировать на две декады: а) т. Молотова на Украину с группой в составе т.т. Калмановича, Саркиса (Саркисова. – *В. В.*), Маркевича, Кренцеля; б) т. Кагановича на Северный Кавказ с группой в составе т.т. Юркина, Чернова»[6].

29 октября в Харьков прибыла комиссия В. Молотова. В этот же день при участии первых секретарей украинских обкомов партии прошло заседание Политбюро ЦК КП(б)У. Все областные работники высказались за снижение хлебозаготовительных планов. В. Молотов подверг резкой критике украинское руководство, обвиняя его в неспособности выполнить план хлебозаготовок[7]. 18 ноября на заседании Политбюро ЦК КП(б)У с его участием было принято постановление «О мерах по усилению хлебозаготовок». В соответствии с ним 600 рабочих-коммунистов из промышленных центров бригадами по 3–4 человека отправляли в села, где «кулацкий саботаж и неорганизованность партийной работы приняли наиболее острый характер». Этим бригадам фактически разрешалось устраивать в крестьянских хозяйствах подворные обыски, забирать не только зерно, но и все продовольствие.

Чтобы сломить сопротивление хлебозаготовкам, которое однозначно трактовалось как «кулацкое», ЦК КП(б)У постановил заносить на «черную доску» колхозы, не выполнявшие планы. К ним применялись следующие меры: «а) немедленное прекращение под-

---

[2] III Всеукраинская конференция КП(б)У состоялась в Харькове 6–9 июля 1932 г. Выдержки из стенограммы конференции опубликованы в: Партійно-радянське керівництво України під час голодомору 1932–1933 рр. Вожді. Працівники. Активісти. Збірник документів та матеріалів. Київ, 2013. С. 33–74.

[3] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. С. 283–284.

[4] Центральний державний архів вищих органів влади і управління України. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 67.

[5] Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 340.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 904. Л. 11.

[7] Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. М., 2012. Т. 2. С. 166–167.

воза товаров, полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из соответствующих кооперативных лавок всех наличных товаров; б) полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и для единоличников; в) прекращения всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств; г) проверка и очистка колхозов с изъятием контрреволюционных элементов – организаторов срыва хлебозаготовок...»

Рядовых коммунистов ожидала чистка парторганизаций Снегуровского и Фрунзенского районов Одесской области, а также Солонянского, Васильковского и В.-Лепетихского районов Днепропетровской области. Причем «вычищенных» предусматривалось выслать как «политически опасных». Подобные меры по отношению к исключенным из партии коммунистам еще никогда не применялись так широко.

Одновременно Политбюро ЦК КП(б)У решило усилить репрессии против кулацких и контрреволюционных элементов путем ликвидации «кулацких и петлюровских контрреволюционных гнезд», а также «снятием в городах идеологов и организаторов кулацкого саботажа и срыва выполнения государственных заданий, выявленных органами ГПУ». Через три дня СНК УССР оформил предложенные меры для местных советов в виде постановления, откровенно отметил: «Заданием натуральных штрафов и других репрессивных мер является обеспечение полного выполнения хлебозаготовительных планов»[8]. Обратим внимание на словосочетание «петлюровские контрреволюционные гнезда». Это означало, что в Украине якобы существовало националистическое подполье.

На практике решение Политбюро ЦК КП(б)У (еще раз подчеркнем, принятое при участии В. Молотова) проводилось в форме операции ГПУ УССР, которая началась 20 ноября и продолжалась до февраля 1933 г. Согласно подготовленной в ГПУ разнарядке арестам подвергались 3425 человек, в основном – руководящие сельскохозяйственные работники (из них 1180 – «по линии украинской контрреволюции»). Операция должна была охватить 243 района Украины[9]. В ходе этой операции, 27 ноября С. Реденс сообщил С. Косиору о проведенном ГПУ следствии в отношении бывших руководителей Ореховского района Днепропетровской области, которых обвиняли в сопротивлении хлебозаготовкам. Вероятно, Косиор порекомендовал

[8] См.: Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 250–261; ЦГАВОВУ Украины. Ф. 813. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

[9] Розсекречена пам'ять: Голодомор 1932–1933 років в Україні в документах ГПУ–НКВД. Київ, 2008. С. 320–321.

Реденсу отправить эти материалы в секретный отдел ЦК ВКП(б), что было сделано 3 декабря. С ними ознакомился Сталин, который 7 декабря разослал их всем партийно-советским руководителям СССР. В сопроводительном письме генеральный секретарь ЦК ВКП(б) отмечал, что эти материалы являются характерными для значительного количества районов страны, где организаторами саботажа хлебозаготовок были лица с партбилетами в кармане. Эти обманщики партии и жулики осуществляли кулаческую политику под флагом согласия с генеральной линией партии. Сталин требовал немедленно арестовать и осудить на 5 или 10 лет «ореховских руководителей»[10].

8 декабря 1932 г. председатель ГПУ УССР С. Реденс направил второму секретарю ЦК КП(б)У М. Хатаевичу[11] докладную записку «О деятельности польско-петлюровской разведки на Украине. За период июль–ноябрь 1932 г.» В ней утверждалось, что закордонный центр Украинской Народной Республики ведет активную разведывательную и «организационно-повстанческую» деятельность на территории Украины, приводились факты поимки разведчиков, а также тексты листовок националистического содержания. В связи с этим ГПУ УССР нацеливалось на «вскрытие петлюровского контрреволюционного подполья»[12].

10 декабря на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) заслушали доклады ЦК КП(б)У, Северо-Кавказского крайкома и Западного обкома партии о хлебозаготовках. Выступили С. Косиор, Б. Шеболдаев, М. Чернов и В. Куйбышев. И. Сталин подверг украинских руководителей резкой критике, нередко переходившей в откровенную брань. Он обвинил их не просто в неумении или нежелании выполнять планы хлебозаготовок, а в неправильной политической линии, «мягкотелости», отсутствии настойчивости в борьбе с «саботажниками». Особо нападал И. Сталин на Н. Скрыпника за «небольшевистскую» политику украинизации и связь с «националистическими элементами». Подобные обвинения против Н. Скрыпника были не случайными.

Для выработки проекта постановления о хлебозаготовках была создана комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), в которую вошло 10 человек, в том числе украинские руководители С. Косиор и В. Строганов. 14 декабря постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» принято опросом Политбюро

---

[10] Партійно-радянське керівництво України під час голодомору 1932–1933 рр. Вожді. Працівники. Активісти // Збірник документів та матеріалів. С. 19–20, 143.

[11] Назначен на пост 1 октября 1932 г. См.: Командиры великого голода: Поездки В. Молотова и Л. Кагановича в Украину и на Северный Кавказ. 1932–1933 гг. Київ, 2001. С. 104.

[12] Галузевий державний архів СБ України. Ф. 16. Оп. 25. Д. 2. Л. 55а–61.

ЦК ВКП(б)[13]. Украинских большевиков и правительство республики обязывали обеспечить план заготовок зерновых и подсолнуха до конца января 1933 г., а Северо-Кавказский крайком и крайисполком должны были до 10–15 января заготовить зерновые и до конца января – подсолнух.

На местные парторганизации Украины и Северного Кавказа возлагалась вина за крайне слабую работу и отсутствие политической бдительности, что позволило «контрреволюционным элементам» проникнуть в руководство, а также управленческий аппарат колхозов и низовых советских органов. Эти элементы стремились организовать «контрреволюционное движение», «саботаж» хлебозаготовок и сева. Руководителей Украины и Северного Кавказа обязывали «искоренить» их путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед расстрелами.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР указывали, что злейшими врагами партии, рабочего класса и колхозного крестьянства являлись «саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане». По отношению к ним предусматривались судебные репрессии – осуждение на 5–10 лет концлагеря или расстрел. Шестнадцать арестованных районных работников Украины, в том числе 5 человек из Ореховского района, предавались суду и приговаривались к 5–10 годам заключения в концлагерях. Все исключенные из партии за «саботаж» хлебозаготовок и сева коммунисты выселялись в северные области наравне с кулаками.

Эти крайне жесткие меры сопровождались обвинениями в ошибочной национальной политике. Утверждалось, что «механическая», без учета конкретных особенностей каждого района украинизация облегчила буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам создание контрреволюционных ячеек и организаций. На Северном Кавказе «небольшевистская украинизация» почти половины районов дала легальную форму сопротивления мероприятиям советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады.

В Украине предлагалось изгнать петлюровские и буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, а также обеспечить систематическое партийное руководство украинизацией и контроль за ней. На Северном Кавказе все делопроизводство, газеты и журналы, преподавание в школах переводились на русский язык «как более понятный для кубанцев».

---

[13] По каким-то причинам постановление не опубликовано во втором томе сборника документов: Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. М., 2012 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 910. Л. 3; Д. 911. Л. 11.

15 декабря последовало новое постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором осуждались выступления «отдельных украинских товарищей» (в частности, имелись в виду статьи Н. Скрыпника) об обязательной украинизации ряда районов СССР – в Дальневосточном крае, Казахстане, Средней Азии, Центральной Черноземной области. В постановлении подчеркивалось: «Подобные выступления могут только играть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины как вредные элементы, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу». Партийные и советские органы этих регионов СССР обязывались немедленно приостановить дальнейшую украинизацию[14].

Почему советское руководство пошло на такие действия? Высказанное И. Сталиным в августе 1932 г. опасение «потерять Украину» из-за недовольства и сопротивления в республике хлебозаготовкам дает ключ к пониманию этих событий. Хорошо известно, что для большевиков национальный вопрос был подчинен классовому подходу. Они прекрасно помнили, какую сложную политическую и вооруженную борьбу пришлось выдержать в 1917–1920 гг. с украинским национальным движением. Начатая в 1923 г. украинизация, призвана была расширить социальную базу коммунистического режима, придать ему психологическую легитимность и привлекательность в общественном сознании как внутри республики, так и за ее пределами. При этом кремлевские руководители всегда подчеркивали обязательность «советскости» (преданности компартии, ее вождю) всех украинских национальных устремлений. Одновременно органы госбезопасности отслеживали проявления «украинского сепаратизма» и докладывали о них в ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б). Действия чекистов основывались на демагогической установке руководства компартии о том, что «украинские националисты» хотят «продать Украину полякам», – ее во второй половине 1920-х гг. использовали, чтобы компрометировать украинское национальное движение[15]. В последующие годы политико-идеологические установки и слежка за инакомыслящими стали основой для осуществления репрессивных акций и безнравственных технологий манипуляции общественным сознанием, направленных против «украинского буржуазного национализма».

---

[14] Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 283; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42–43.

[15] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 51, 59, 129; Центральний державний архів громадських об'єднань України. Ф. 1. Оп. 1. Д. 337. Л. 79; Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: Справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). Київ, 1999. С. 79–80.

В контексте анализа исторических событий конца 1932 – начала 1933 г. особый интерес вызывает записка заместителя председателя ОГПУ СССР В. Балицкого[16] И. Сталину от 23 декабря 1932 г. В ней впервые публично (поскольку И. Сталин разослал этот документ по всей партийно-советской вертикали власти СССР) говорилось, что органы ГПУ УССР установили: «1. Наличие широко разветвленного польско-петлюровского повстанческого подполья, охватывающего по неполным данным 67 районов Украины. 2. Засоренность колхозов, совхозов, МТС, МТМ петлюровскими, кулацкими, белогвардейскими и антисоветскими элементами, которые вели активную разлагающую работу в колхозах, расхищали, разбазаривали и умышленно уничтожали хлеб, тягловую силу и скот. 3. Активность националшовинистической части украинской интеллигенции, которая в ряде случаев идеологически и организационно оформляла и возглавляла вскрытые контрреволюционные повстанческие организации. 4. Разлагающая работа предателей с партийным билетом, не только саботирующих и ведущих подрывную работу по срыву хлебозаготовок, но, как установлено по многим вскрытым повстанческим делам, они являются организаторами и руководителями контрреволюционных групп. За 20 дней декабря арестовано 12 178 чел.» В сопроводительном письме к этой записке И. Сталин поддержал мнение В. Балицкого о существовании петлюровской организации в Украине, «ставящей своей целью проведение саботажа хлебозаготовок и подготовку крестьянских восстаний для отделения Украины от СССР и восстановления в ней капитализма»[17].

В ходе ликвидации мифической петлюровской организации в республике в ноябре 1932 – январе 1933 г. было выявлено более 390 «антисоветских, контрреволюционно-повстанческих, шовинистических» организаций и групп, арестовано 37 797 человек, рассмотрено более 12 тыс. дел, в результате чего к расстрелу приговорили 719 человек, заключению в концлагеря – 8003, высылке – 2533[18]. Опубликованные данные свидетельствуют, что в 1932 г. в СССР было расстреляно 2728 человек[19]. По подсчетам историка Р. Подкура в УССР в течение августа–декабря 1932 г. приговорили к расстрелу

[16] 24 ноября 1932 г. В. Балицкого назначили особоуполномоченным представителем ОГПУ СССР в Украине. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) ему подчинялись все органы госбезопасности в УССР. С. Реденс оставался председателем ГПУ УССР до февраля 1933 г.

[17] Партійно-радянське керівництво України під час голодомору 1932–1933 рр. Вожді. Працівники. Активісти // Збірник документів та матеріалів. С. 263–264.

[18] Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. Київ, 2003. С. 96.

[19] Реабилитация: Как это было. Март 1953 – март 1956 гг.: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000. С. 76–77.

929 человек[20]. Это значит, что за пять последних месяцев в Украине расстреляли около 30 % расстрелянных в СССР в течение года.

Сказанное выше свидетельствует, что в условиях нараставшего в Украине в конце 1932 г. социально-экономического и политического кризиса И. Сталин предпочитал рассматривать сопротивление хлебозаготовкам в обществе и компартии не просто как кулацкое сопротивление, но как дело «внутренней украинской контрреволюции», связанной с «польской агентурой» Ю. Пилсудского. С одной стороны, это давало универсальную возможность подавить сопротивление и выполнить планы хлебозаготовок, применяя широкомасштабные государственные репрессии против «классовых врагов», в разряд которых попадали все недовольные и сопротивлявшиеся. С другой стороны, политические обвинения в адрес руководства Украины позволяли ликвидировать его определенную автономность и самостоятельность. Национал-коммунисты во главе с Н. Скрыпником, отвечавшие за украинизацию, оказывались виноватыми как «пособники» буржуазно-националистических элементов.

Опубликованный ныне комплекс документов позволяет сделать вывод, что И. Сталин и группа его сторонников использовали голод, спровоцированный их политикой коллективизации и раскулачивания, в политических целях. Во-первых, комплекс мер по изъятию хлеба и продовольствия, который применялся руководством компартии в украинском селе, нацеливался не только на создание крупных государственных запасов зерна, но и на слом сопротивления украинского общества политическому курсу. Для этого Сталин и его соратники в условиях голодомора осуществляли массовые репрессивные акции, что характерно и для других республик СССР. Во-вторых, после смерти В. Ленина в соответствии с личными политико-идеологическими представлениями Сталин реализовывал вторую программу компартии (принятую на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г.), строил советскую систему власти и управления. Характерной особенностью системы была возрастающая роль лидера/вождя, который с конца 1929 – начала 1930 г. определял приоритеты в политическом курсе. Достаточно быстро антидемократическая власть перерастала в тиранию, позволяла «вождю» перекладывать вину за ошибки в осуществлении политики на соратников или руководителей низших структур управления в стране. В нашем случае на

[20] Podkur R. Rozsekrechena pamiat: Golodomor 1932–1933 rokiv v Ukraini v dokumentakh GPU–NKVD [Declssified Memory: The Holodomor of 1932–1933 in Ukraine in GPU–NKVD Documents] // Golodomor Studies. Winter–Spring 2010. Vol. 2. № 1. P. 150.

руководство советской Украины. Если схематично реконструировать логику И. Сталина, становится понятным, что он пытался «снять» с себя ответственность за политический курс, который осуществлялся в Украине, обвиняя украинских чиновников в политических ошибках и неумении управлять республикой. Из этого вытекал вывод о персональной замене руководителей УССР, а также необходимости установить более четкую структуру контроля за управлением Украины. Такая схема мышления демонстрирует, что в условиях глубокого социально-экономического и политического кризиса, порожденного политикой коллективизации и раскулачивания, Сталин провоцировал кризис в отношениях центра власти в Кремле с субцентром власти[21] в Харькове с целью внести изменения в систему управления СССР.

Смысл любого политического кризиса – в конфликте мотивов и интересов людей, а также структур, которые принимают в нем участие. Выскажем предположение, что Сталин намеренно сосредоточивал рычаги управления УССР в своих руках, преодолевая субцентр власти с целью сохранения и усиления собственной власти. «Режим ручного управления» Украиной имел несколько особенностей. В республике репрессивные акции против населения осуществляли ближайшие соратники Сталина: работали хлебозаготовительные комиссии во главе с В. Молотовым, Л. Кагановичем, П. Постышевым. Это не означает, что управленческие структуры УССР, начиная с республиканского уровня и заканчивая сельскими партячейками, сельсоветами, не принимали участия в политическом курсе, в осуществлении репрессий. Но личное участие высших политических руководителей СССР в репрессиях имеет важное значение для понимания специфики политического курса в Украине. Кроме того, назначение секретаря ЦК ВКП(б) П. Постышева вторым секретарем ЦК КП(б)У[22], его последующие действия по контролю за поведением руководства УССР, в частности С. Косиора, который был членом Политбюро ЦК ВКП(б), создали беспрецедентный случай в советской управленческой системе. Второй секретарь республиканской компартии отвечал лично перед Сталиным за ситуацию в республике. Это убедительное свидетельство, что генеральный секретарь ЦК ВКП(б) усилил контроль за управлением Украины.

---

[21] В современных сложных обществах прямое, непосредственное, властвование невозможно без существования субцентров, которым центр передает изменяющийся во времени объем определенных властных и управленческих полномочий.

[22] П. Постышева назначили вторым секретарем ЦК КП(б)У 24 января 1933 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л. 13.

Еще одно доказательство этого – обвинения И. Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) в адрес Н. Скрыпника в неправильном осуществлении национальной политики. Именно ему после отъезда из Украины Л. Кагановича в 1928 г. предоставили право направлять и интерпретировать национальную политику в Украине. Жесткая критика П. Постышевым ошибок ЦК КП(б)У в национальной политике и действий Н. Скрыпника (закончившего жизнь самоубийством) охватывала все сферы политики и общественной жизни. В 1933 г. П. Постышев посылал И. Сталину и Л. Кагановичу для редактирования постановления пленумов ЦК КП(б)У, касающиеся национальной политики. Широкомасштабные репрессии применили против украинской интеллигенции, отдельных представителей которой допрашивали лично П. Постышев и В. Балицкий. На примере Украины Кремль демонстрировал партийно-советской структуре управления СССР и обществу, что их ждет в случае неповиновения и сопротивления политическому курсу.

Приведенные выше особенности политики руководства компартии в Украине на институциональном уровне отражали процесс уничтожения властно-управленческих полномочий субцентра власти ВКП(б) в Украине, преобразования УССР в союзную республику, руководство которой имело крайне ограниченные управленческие функции. Состоялось еще большее сосредоточение власти в политбюро ЦК ВКП(б), а внутри этого властного центра – у И. Сталина. События конца 1932 – начала 1933 г. в Украине и на Кубани по справедливому замечанию историка Т. Мартина означали решающий поворот в эволюции советской национальной политики: фундаментальный пересмотр коренизации, переход от этнической дивергенции к этнической консолидации, сопровождавшейся административной русификацией РСФСР, реабилитацией русских и традиционной русской национальной культуры, что было составной частью процесса изменения взглядов на советское национальное устройство[23]. Дальнейшие исследования голода 1932–1933 гг. в разных регионах СССР, в частности в Российской Федерации, будут способствовать формированию более четкого представления о специфичности политики руководителей СССР в Украине и в целом на территории огромного многонационального государства. Поэтому вопрос об интерпретации сущности сталинской политики в эти годы, ее целях и направленности остается дискуссионным. Но эту политику необходимо анализировать комплексно, не отрывая процесс хлебозаготовок от национальной политики и репрессивных акций против населения.

[23] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1929. М., 2011. С. 422–423.

В этой связи отметим, что в Украине и на Кубани голод, который унес жизни от 3,5 до 5 млн человек, сопровождался в конце 1932 – начале 1933 г. арестами десятков тысяч людей, их депортациями на север и восток страны в концлагеря, расстрелами более семисот человек, осуществлялись политические чистки управленческих структур, преследовался украинский национализм, украинская интеллигенция, церковь. Террор продолжился в последующие годы. Всего в 1932 г. в Украине органы госбезопасности арестовали 74 849 человек, расстреляли около 1000 человек (данные разнятся), в 1933 г. арестовали 124 463 человека, из них приговорили к расстрелу 1462 человека. Масштабы политических репрессий в республике оказались ненамного меньшими, чем в 1937–1938 гг. Объяснения такой политики (взятой в комплексе) только интенсивностью террора, масштабами Украины в пределах СССР, особой жестокостью руководителей УССР и ГПУ республики пока выглядят неубедительными.

В. В. Кондрашин

ГОЛОД 1932–1933 гг. – ОБЩАЯ ТРАГЕДИЯ НАРОДОВ СССР: НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Голод 1932–1933 гг. – одна из самых дискуссионных проблем в российской и зарубежной историографии с точки зрения осмысления феномена сталинизма. Правомерно ли его рассматривать в контексте национальной политики сталинского руководства СССР? Это делается уже многие годы сторонниками концепции «геноцида голодомором Украины» в 1932–1933 гг. Они активно защищают идею об определяющем моменте в политике сталинского руководства в Советской Украине национальной составляющей. Украину «морили голодом», потому что там проживали украинцы – наиболее опасные враги сталинского режима[1].

Ответ на вопрос о том, присутствовал ли в аграрной политике сталинизма национальный момент, нуждается в дальнейшем серьезном исследовании. Тем не менее на данный момент имеются веские основания утверждать, что применительно к советской деревне в годы первой пятилетки сталинская политика была универсальной, игнорирующей ее национальную специфику.

Обоснуем данное заключение.

На протяжении последних 20 лет автор статьи активно занимался изучением голода 1932–1933 гг. в СССР[2], в том числе в последние годы в качестве научного руководителя международного проекта Федерального архивного агентства России «Голод в СССР. 1929–1934 гг.» В вышедших в его рамках трех томах одноименной документальной серии представлены документы центральных и региональ-

[1] См. об этом подробнее: Кульчицкий С. Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский Голодомор. Киев, ЗАО «Украинская пресс-группа», 2007.

[2] Кондрашин В., Пеннер Д. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002; Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в российской деревне. Уч. пособие. Пенза, 2003; Он же. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008; Victor Kondrachine. La famine en URSS. 1929–1934. Paris: AEHREE, 2013; и др.

ных архивов России, а также Белоруссии, Казахстана и других стран на данную тему[3]. Они, так же как и другие многочисленные источники, дают основание считать, что голод 1932–1933 гг. – это общая трагедия народов СССР, а не геноцид какого-то одного или нескольких народов бывшего Советского Союза[4]. При оценке этого события речь должна идти не о национальной специфике голода, а о региональных или национально-региональных его особенностях. Более того, вероятнее всего в этом трагическом феномене эпохи сталинизма вообще не было ничего национального.

Если вспомнить историю вопроса, то идея рассматривать голод 1932–1933 гг. как результат национальной политики сталинизма возникла еще в 1930-е гг., в процессе самой трагедии. И ее авторы были современниками событий.

На эту тему имеется специальный раздел в третьем томе серии «Голод в СССР» под заголовком «Международная реакция на голод в СССР»[5]. Его документы из российских и зарубежных архивов убедительно показывают, что основы современной концепции о наличии в сталинской политике, приведшей к голоду в СССР в 1932–1933 гг., национального аспекта были заложены не историками, а политиками: критиками и противниками сталинского режима за пределами Советского Союза в 1930-е гг.

Так, например, идея «геноцида украинского народа голодомором», сама терминология «голодомор», «советско-русский голодомор» и

---

[3] Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1 / отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011; Кн. 2 / отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011; Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2012; Т. 3: Лето 1933–1934 / отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2013.

[4] См. напр.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003; Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005; Голод та голодомор на Поділлі 1920–1940 рр. Збірник документів та матеріалів. Вінниця: ДП «ДКФ», 2007; Коллективізація і голод на Україні. 1929–1933. Сб. документів і матеріалів. Київ, 1992; Голодомор 1932–1933 років в Україні: Документи і матеріали / упоряд. Р. Я. Пиріг; НАН України. Ін-т історії України. Київ, 2007; Голодомор 1932–1933 років в Україні: злочин влади – трагедія народу: док. і матеріали. Київ, 2008; Голодомор 1932–1933 років в Україні: злочин влади – трагедія народу: Док. і матеріали. Київ: Генеза, 2008; Голод в СССР. 1930–1934 гг. Подборка документов ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГВА, АП РФ, ЦА ФСБ России о проблеме голода в СССР в начале 30-х годов XX века. М., 2009; Lettres de Kharkov. La famine en Ukraine 1932–1933. Textes reunis et presents par Andrea Graziosi avec la collaboration d'Iryna Dmytrychin. Les editions Noir sur Blanc, 2013; и др.

[5] Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934 / отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2013. С. 469–562.

т. д. возникли в 1933 г. в среде украинской диаспоры США, Канады и Польши. Характерным в этом плане является опубликованное в третьем томе документальной серии «Голод в СССР» письмо архиепископа Украинской православной церкви в Филадельфии Ивана Теодоровича, датированное сентябрем 1933 г. В нем в следующей фразе выражена идея современных сторонников концепции геноцида голодомором Украины: «Московско-коммунистическое правительство хочет любой ценой избавиться от украинских крестьян, убежденных противников режима, и создать на месте Украины современную Самарию – республику, сформированную по принципу смешения всех национальностей, в особенности монгольских и семитских, чтобы навсегда уничтожить стремления украинского народа к суверенитету и к национальной свободной жизни»[6].

Парадокс состоит в том, что другим «автором» идеи о существовании национального аспекта в наступлении голода в СССР в 1932–1933 гг. является сам Сталин, или точнее сказать, сталинский режим. В третьем томе указанной серии опубликованы материалы о состоявшемся в СССР в марте 1933 г. процессе по делу о так называемой Всеукраинской повстанческой боевой организации, в состав которой входили работники систем Наркомзема и Трактороцентра Украины. Их всех расстреляли за попытку «путем крестьянского восстания и интервенции образовать на Украине национально-буржуазную демократическую республику»[7]. Из протоколов допросов обвиняемых хорошо видно, что это обвинение – чистая фальсификация спецслужб, которые выполнили политический заказ сверху[8]. С помощью организации данного процесса сталинский режим «перевел стрелки», нашел «козлов отпущения» за развал сельского хозяйства Украины в 1932–1933 гг. в лице специалистов Наркомзема. Это было в духе объявленной Сталиным борьбы с вредительством и «врагами народа» в советском сельском хозяйстве. Воспринимать это всерьез вряд ли следует вдумчивым исследователям.

Анализируя национальный момент в трагедии 1932–1933 гг. в СССР, необходимо напомнить современной общественности и специалистам, особенно поддерживающим идею геноцида голодомором Украины сталинским режимом, что активная западная кампания общественности в 1933 г. против преступной политики сталинизма в советской деревне не повлияла существенным образом на экономи-

---

[6] Там же. С. 517.

[7] Там же. С. 776–777.

[8] ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 675. Л. 53; Д. 1479. 3, 5, 10–16, 57, 71, 73, 75, 76, 81, 110, 154, 156, 164, 166, 179, 186, 190, 191; Д. 1481. Л. 6, 17–21; Д. 1482. Л. 6, 107, 118, 125, 212.

ческие и дипломатические отношения правительств их стран с Советским Союзом[9]. Даже в пик протестной кампании по поводу голода в СССР (в январе–августе 1933 г.) Советский Союз оставался важнейшим торговым партнером для выходивших из кризиса Западной Европы и США. Западноевропейские страны продолжали покупать советский хлеб, хотя и в меньших размерах, поставлять в СССР промышленное оборудование[10]. Парадокс состоял в том, что именно в 1933 г., в период кульминации трагедии и гибели от голода миллионов советских людей, СССР добился наибольших дипломатических успехов за последнее десятилетие, укрепил свои позиции на международной арене. Об этом с гордостью заявил Молотов 28 декабря 1933 г. в речи на IV сессии ЦИК СССР «О международном положении Советского Союза»: «Крупнейшим успехом внешней политики СССР является восстановление отношений с Соединенными Штатами, приезд Эррио, заключение договора о ненападении, нейтралитете и дружбе с Италией, восстановление дипломатических отношений с Испанией и Уругваем по их инициативе». Также он напомнил, что в 1933 г. по инициативе СССР был подписан пакт об агрессоре (нападающей стороне) Польшей, Финляндий, Латвией, Литвой, Румынией, Чехословакией, Турцией, Афганистаном, осуждавший применение военной силы в международных отношениях[11].

В данном контексте правомерно говорить об ответственности правительств западных стран за трагедию народов СССР в 1932–1933 гг., потому что бизнес и геополитические интересы во взаимоотношениях с Советским Союзом оказались для них важнее гуманитарных проблем и прав человека.

Обосновывая тезис о зарождении идеи геноцида украинского народа голодомором как чисто «политического продукта», в его подтверждение можно привести и такой парадоксальный факт, как игнорирование ОУН–УПА в ее идеологической работе во время Второй мировой войны этой трагедии. Для нее, так же как и для нацистов в их походе по «освобождению» Украины от большевизма, голодомор не был значимым событием[12].

---

[9] См.: Кондрашин В. В. Зерно в обмен на валюту и станки: новые документы российских архивов об участии западноевропейских стран в советской индустриализации // Клио. Журнал для ученых. № 3 (54). 2011. С. 112–114.

[10] См.: Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. М.: АН СССР, 1963. С. 633.

[11] Правда. 1933. 29 декабря.

[12] См. об этом подробнее: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943 / под ред. А. Н. Артизова. М.: РОССПЭН, 2012; Т. 2: 1944–1945 / под ред. А. Н. Артизов. М.: РОССПЭН, 2012.

Таким он стал в истории Украины XX в. лишь в начале 1980-х гг., когда президент США Р. Рейган назвал СССР «империей зла». На эту тему в третьем томе документальной серии «Голод в СССР» приведена информационная записка первого секретаря Посольства СССР в США Демченко для МИД СССР, датированная 18 декабря 1985 г., «О создании комиссии Конгресса США по изучению причин и последствий так называемого “великого голода на Украине 1932–1933 гг.”»[13] Она весьма красноречиво показывает, что идея геноцида голодомором Украины – это продукт обострившейся «холодной войны» Запада с Советским Союзом, и она административными методами внедрялась в общественное сознание западных стран. Впоследствии она вышла на государственный уровень в Украине благодаря президенту В. Ющенко. Затем усилиями последнего при поддержке многих ведущих стран Запада эта идея вышла и на уровень международных организаций с обвинительным уклоном в адрес современной России.

Такова предыстория вопроса превращения голода 1932–1933 гг. в СССР в «геноцид голодомором» одного из основных его народов.

Один из авторитетнейших современных российских историков А. О. Чубарьян еще на первой конференции по истории сталинизма в Москве указал на необходимость рассматривать феномен сталинизма в контексте эпохи, т. е. с позиций историзма, и в международном контексте[14].

Применительно к трагедии 1932–1933 гг. в СССР уже многие годы это делает в рамках проекта «Мировой голод в XX веке» организованная австралийским ученым С. Уиткрофтом международная группа историков и демографов, в состав которой входит и автор данной статьи[15]. Его результаты, а также и другие источники показывают, что в международной практике не было ни одной страны бывших колониальных империй, которая бы так настойчиво как Украина, добивалась в международных организациях материальной и моральной компенсации за колониализм и преступления империализма. Между

---

[13] Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. С. 835–836.

[14] Чубарьян А. О. Феномен сталинизма в европейском контексте // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 75–76.

[15] Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX в. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: Сборник статей. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 397–402.

тем в той же Индии во время британского владычества жертв голода было на порядок больше, чем в Украине[16].

В этом же ряду голод в Китае и Африке, о чем еще после Второй мировой войны написал в своей знаменитой книге «География голода» специалист ООН по продовольствию Жозуэ де Кастро[17]. Почему эти периоды в истории человечества XX в. не привлекают такого внимания мировой общественности, как голод 1932–1933 гг. в Украине?

Каковы могут быть аргументы против интерпретации голода 1932–1933 гг. в СССР как результата национальной политики сталинизма? И почему следует считать более научной и настаивать на формулировке – общая трагедия народов СССР, акцентируя внимание на ее региональных особенностях, а не национальных?

Самый главный аргумент – это источники. На данный момент исследователями не выявлено документов, свидетельствующих о намерении сталинского режима уничтожить с помощью голода какой-то народ СССР или его часть[18].

Ряд исследователей утверждают, что Сталин заметал следы, не подписывал, не давал прямых указаний на эту тему. Но огромный массив документов из Архива Президента России, выявленный в рамках проекта «Голод в СССР», опровергает эту версию. В настоящее время при поддержке Российского гуманитарного научного фонда готовятся к печати без купюр все тематические папки по сельскому хозяйству СССР в 1930-е гг. из этого архива, рассекреченные в ходе работы над проектом «Голод в СССР. 1929–1934 гг.»

Осведомленным специалистам известно, что Сталин никаких следов не заметал и никого не боялся, тем более потомков! Иначе он не был бы Сталиным. Сталин был откровенным и не надо искать то, что он скрывал. На это, кстати, обратил внимание один из самых авторитетных в этом вопросе исследователей Моше Левин[19].

Автор статьи не нашел ни одного документа на уровне высшего сталинского руководства с руганью в адрес украинцев, казахов и русских как народов, которые за неповиновение надо наказать голодом или еще чем-то. Все это появится уже позднее, в годы войны.

---

[16] Проблема голода в России и Индии: общее и особенное Россия и Индия // Пути сотрудничества: Материалы международной научно-общественной конференции, 4–6 октября 2009 г., Пензенское региональное отделение Международной Лиги защиты культуры. Пенза: ПГТА, 2009. С. 93–100.

[17] Жозуэ де Кастро. География голода. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.

[18] См.: Зеленин И. Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 38.

[19] См. Левин М. Советский век. М.: Планета, 2007.

Самое удивительное, что почти нет документов, где бы делался акцент на учет национальных особенностей региона при проведении аграрной политики в годы первой пятилетки. Речь идет не о декларациях, а о реальных распоряжениях Центра. Наоборот, всех подводили под один знаменатель, стригли под одну гребенку. Как будто бы под одну кальку все решения о коллективизации и хлебозаготовках на уровне секретных директив Центра[20]. При этом для сталинского руководства главным была экономическая специализация того или иного района СССР, союзной или автономной республик. И ему было плевать, кто там жил. Русские, украинцы, евреи и т. д. Подтверждением этого является ситуация в Центральной Черноземной области, где в 1933 г. в наибольшей степени пострадали от голода пшеничные районы, пшеничный клин, где традиционно жили украинцы[21].

Некоторые исследователи записали сельское население Кубани в украинцы, потому что Кубань – это территория геноцида, а сельское население говорило там по-украински. А сами-то они себя как тогда называли и называют сейчас? Все же это были казаки – выходцы из Украины! И вопрос, отдельный ли казаки этнос или нет, остается дискуссионным.

Не может быть принята и попытка ряда исследователей обосновать идею геноцида голодомором Украины с помощью вырывания из контекста сталинских высказываний на эту тему. Так, например, ведущий украинский специалист по теме голода 1932–1933 гг. С. В. Кульчицкий и другие его коллеги рассматривают письмо И. В. Сталина Л. М. Кагановичу от 11 августа 1932 г. в качестве основного документа, подтверждающего их концепцию о «геноциде голодомором» украинского народа, поскольку вождь в нем заявил: «Самое главное сейчас Украина... Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять»[22].

Во всех украинских изданиях опущены первые два пункта этого письма[23]. И не случайно, поскольку в них шла речь действительно

---

[20] Кондрашин В. В. Механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 33–44.

[21] См.: Дроздов К. С. Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 282–309.

[22] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001. С. 273–274.

[23] См., напр.: Голодомор 1932–1933 років в Україні: Документи і матеріали / упоряд. Р. Я. Пиріг; НАН України:. Ін-т історіи України. Київ: Вид. дім "Киево-Могилянська академія", 2007. С. 285–286.

о «главном», в первую очередь волновавшем Сталина – только что введенном в действие написанном им «законе о пяти колосках» (Декрет об охране общественной собственности от 7 августа 1932 г.). В письме Сталин отметил, что он оказался «хорош» и своевременен. Именно механизм применения этого «закона», судя по всему, больше всего волновал вождя в этом письме. Во втором пункте письма говорилось об использовании хлебофуражных культур и о тепловозах, о чем он и собирался говорить с Кагановичем по приезде в Москву. И лишь далее речь шла об Украине. Но в этой части письма ни слова о каких-то драконовских мерах, тем более «геноциде голодомором». Если внимательно прочитать, то видно, что Сталин больше всего был озабочен ситуацией на границе с враждебной СССР Польшей. И об этом он указал в конце письма («хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь – ее приграничных районов»). Это письмо – стремление Сталина укрепить госаппарат на Украине и саму экономику республики. Если бы речь шла о репрессиях, наверно бы, Сталин не планировал переводить украинских руководителей в Москву, на высокие посты в центральном аппарате и не указывал на необходимость направления в УССР новых ресурсов («денег не жалеть...»).

Почему при анализе феномена голода 1932–1933 гг. речь должна идти не о национальных, а о региональных его особенностях, или регионально-национальных?

Как это ни парадоксально звучит, но это очевидно при обращении к трагедии в Украине. Анализ всего доступного исследователям комплекса источников однозначно указывает, что Советская Украина в СССР была огромным сельскохозяйственным регионом, исторически специализировавшимся на товарном производстве зерна. Подавляющую массу сельского населения составляли там украинцы. Поэтому они и попали под удар сталинского молоха. Но не потому, что они были украинцы, а потому, что были хлеборобами. Точно так же в 1932–1933 гг. в РСФСР крестьяне попали под сталинский молох не потому, что они были русскими, казахами, немцами и мордвой, а потому что были хлеборобами и скотоводами. Это была трагедия всей советской деревни, принесенной сталинским режимом в жертву ради форсированной индустриализации страны[24].

И если речь идет о голоде 1932–1933 гг., то, прежде всего, это зерновые районы страны и Казахстан. Сталинский режим давил на них потому, что, во-первых, там было, что взять для молоха индустриализации, и, во-вторых, необходимо было сохранить любой ценой удоб-

[24] См. об этом подробнее: Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011.

ный для этой цели насильственно созданный там в страшной спешке и с огромными издержками колхозный строй. Других причин по доступным исследователям на данной момент источникам не видно.

В качестве контраргумента наличия в сталинской политике организации голода национального момента, как правило, приводятся цифры жертв голода в Украине, Казахстане и России! Они завораживают: 5–10 млн! Действительно, от голода в СССР в 1932–1933 гг. погибло огромное количество украинцев, русских, казахов и т. д. Причем украинцев и казахов в количественном выражении погибло намного больше, чем представителей других народов.

Откуда идет традиция апелляции к многомиллионным жертвам в Украине? Эта тема заслуживает отдельного анализа. Но и имеющиеся на данный момент сведения позволяют прояснить ситуацию и занять взвешенную позицию по данному вопросу.

Так, например, в третьем томе сборника «Голод в СССР» воспроизводятся цифры жертв голода в СССР, в том числе в Украине, из статей в «New York Times» за 15 июля и 4 августа 1934 г. Они назывались и в выступлениях различных западных общественных деятелей того времени[25]. Таковы «первоисточники».

Позднее для специалистов обоснованием многомиллионных жертв голода в УССР в 1933 г. стал признанный в их среде факт так называемого развала советской системы учета населения (ЦУНХУ–ЗАГС). Массовая смертность населения не регистрировалась, сталинский режим скрыл ее реальные цифры, отсюда и 7–10 млн общих жертв, в том числе 3–5 млн в УССР.

Публикуемые в третьем томе серии «Голод в СССР. 1929–1934 гг.» документы раздела «Демографические последствия голода» и приложения на эту тему, подготовленные участниками проекта С. Уиткрофтом и В. Б. Жиромской, ставят под сомнение вышеизложенную точку зрения о развале системы учета населения в период кульминации трагедии[26]. Исходя из их анализа, можно заключить, что эта система в годы первой пятилетки работала, а имеющиеся демографические данные с определенными поправками позволяют назвать наиболее реальные цифры жертв голода 1932–1933 гг., в том числе по конкретным регионам. Для Украины и российских регионов – это 3,5 млн человек, Казахстана – не менее 1 млн человек[27].

Именно опора на достоверные данные демографической статистики позволяет опровергнуть еще один из основных аргументов сторонников концепции геноцида голодомором Украины в 1932–1933 гг. и

[25] Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 3. С. 487–488.

[26] Там же. С. 651–771.

[27] Там же. С. 767.

укрепить нашу позицию о региональных, а не национальных особенностях голода.

Так, С. В. Кульчицкий постоянно заявляет, что голодомор в Украине наступил и имел такие страшные последствия для населения республики потому, что в январе 1933 г. в Украине, в отличие от России, эмиссарами Сталина и их подручными были конфискованы все съестные припасы, а не только хлеб[28]. При этом он не приводит на этот счет никаких директив Центра, а апеллирует к свидетельствам очевидцев[29]. В результате получается, что в Украине умирали потому, что это были украинцы, и чтобы они не создали независимой Украины и не вышли из состава СССР в 1932 г. их решили наказать, поморить голодом, изъяв все съестные запасы.

Но если в России изъяли только хлеб. Тогда почему на Нижней Волге умерло от голода в 1933 г. несколько сотен тысяч крестьян. Почему там были факты людоедства, и жители рыли общие ямы на окраине селений для односельчан – жертв голода?[30]

Если принять версию С. В. Кульчицкого, как тогда объяснить тот факт, что пик смертности в Украине от голода пришелся на апрель–июнь 1933 г., так же как и в других зерновых районах СССР, включая Нижнюю Волгу?

По имеющейся в распоряжении исследователей достоверной демографической статистике получается, что в Украине с января 1933 г. люди несколько месяцев жили без пищи (табл. 1, 2).

Следуя логике С. В. Кульчицкого и просто здравому смыслу, жатва скорби в Украине должна была произойти в феврале–марте 1933 г.! А она произошла позднее. Могло ли такое быть?

На цифру о 300 тыс. жертв голода в Поволжье оппоненты нередко заявляют: в России вообще не было голода, или он был намного слабее, несравнимым с Украиной и Казахстаном[31]. Например, по мнению С. В. Кульчицкого, в СССР в 1932–1933 гг. было два разных голода, один – голодомор в Украине и другой – просто голод за ее пределами, с оговоркой насчет Казахстана.

---

[28] Кульчицкий С. Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский Голодомор. Киев, 2007.

[29] См.: Пам´ять народу: геноцид в Україні голодом 1932–1933 років. Свідчення. У 2-х книгах. Київ: ВД «Калита», 2009.

[30] См. об этом подробнее: Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

[31] Его же. Голод 1932–1933 годов в российской деревне: Уч. пособие. Пенза, 2003. С. 229.

Таблица 1

Естественное движение населения УССР по месяцам за 1933 г.

Месяцы	Всего умерших			Из числа умерших детей до 1 года		
	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола	Муж. пола	Жен. пола	Обоего пола
	16	17	18	20	21	22
Январь	35752	25274	61026	3843	2830	6673
Февраль	51673	30211	81884	4261	3131	7392
Март	118505	59480	177985	6356	4703	11059
Апрель	155388	78890	234278	5653	4350	10003
Май	211133	119535	330668	5722	4240	9962
Июнь	259299	167995	427294	5794	4353	10147
Июль	187062	122408	309470	6091	4638	10729
Август	56595	58458	115053	5041	3999	9040
Сентябрь	36706	26074	62780	3355	2565	5920
Октябрь	21124	18299	39423	2682	2023	4705
Ноябрь	17731	15412	33143	1973	1526	3499
Декабрь	18982	16921	35903	1930	1363	3293
Всего за год	1169950	738957	1908907	52701	39721	92422

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 241–241 об.

Таблица 2

Увеличение смертности сельского населения Нижне-Волжского края и УССР в 1933 г. по сравнению с 1932 г. в процентах (по материалам ЗАГС)

Нижне-Волжский край				УССР			
Месяцы	1932 г.	1933 г	В 1933 г. в % к 1932 г.	Месяцы	1932 г.	1933 г	В 1933 г. в % к 1932 г.
	Зарегистрированная смертность				Зарегистрированная смертность		
Январь	3408	5390	158	Январь	31691	43901	138
Февраль	3416	6892	202	Февраль	35404	60632	171
Март	3616	12750	352	Март	43100	135767	315
Апрель	3483	18955	544	Апрель	46617	174202	373
Май	3502	30170	861	Май	50401	253155	502
Июнь	4070	31635	777	Июнь	55293	361195	653
Июль	5289	28753	544	Июль	52818	278789	528
Август	4768	15555	326	Август	47939	103319	215
Сентябрь	4766	9059	190	Сентябрь	43265	65649	152
Октябрь	4201	6832	163	Октябрь	47083	42820	91
Ноябрь	3659	4738	129	Ноябрь	38716	28167	73
Декабрь	3771	4875	129	Декабрь	34801	34421	99
В среднем за год	47949	175604	366	В среднем за год	527134	1582017	300

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 19, 56, 136; Кульчицький С. Демографічні наслідки голодомору 1933 р. в Україні. Геннадій Ефіменко. Всесоюзний перепис 1937 р. в Україні: документи та матеріали. Київ, 2003. С. 46.

Если согласиться с такой версией, то, как тогда объяснить факт одинаковой избыточной смертности в зерновых районах СССР в 1933 г. по темпам ее прироста. Вот вполне достоверные и легко проверяемые данные на эту тему (табл. 3–6).

Таблица 3

Сельское население Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев (НВК, СВК) по исчислениям ЦУНХУ СССР на 1 января 1933 г. и 1 января 1935 г. и процент его убыли в указанный период

По исчислениям				По сельхоз налог. учету 1935 г.	По разраб. ест. движ. насел. за 1934 г.	Убыль насел.	В % к 1.1. 1933 г.
Край		На 1.1.1933	На 1.1.1935				
СВК	Куйбышев. край	5327,5	4439,8	4391,2	4542,3	-785,2	15
	Оренбург. область	1359,3	1040,1	1069,1	935,4	-423,9	31,2
НВК	Саратов. край	2281,3	1589,3	1583,3	1556,2	-725,1	32
	Сталинград. край	1837,2	1506,9	1518,8	1520,7	-316,5	17,2
Всего		10805,3	8576,1	8562,4	8554,6	2250,7	21

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л. 162.

Таблица 4

Сельское население УССР по исчислениям ЦУНХУ СССР на 1 января 1933 г. и 1 января 1935 г. и процент его убыли в указанный период

	По исчислениям на 1 января 1933 г.	По разраб. ест. движения населения ср.-год. нас. за 1934 г.	Убыль населения на 1 января 1935 г.	В % к 1 января 1933 г.
Винницкая область	4407,5	3595,9	811,6	18,4
Днепропетровская область	2844,7	2375,4	469,3	16,5
Донецкая область	1876,4	1682,0	194,4	10
Киевская область	5142,7	3700,6	1442,1	28
Одесская область	2359,9	1957,1	402,8	17
Харьковская область	4877,4	3461,0	1416,4	29
Черниговская область	2682,3	2125,4	556,9	21
Молдавская АССР	551,8	450,3	101,5	18
УССР	24742,7	19347,7	5395,0	22

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л. 161.

Таблица 5

Убыль сельского населения в бывших районах Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев между переписями 1926 и 1937 гг. в сравнении с областями УССР

Бывшие районы Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев			
	Сельское население по переписи 1926 г.	Сельское население по переписи 1937 г.	1937 г. к 1926 г. (%)
Куйбышевская область	3704388	2950886	79,7
Мордовская АССР	1212565	1102955	91,0
Оренбургская область	1280852	1196649	93,4
Саратовская область	2032247	1209330	59,5
Немцев Поволжья АССР	495875	366802	74,0
Сталинградская область	1685255	1375596	81,6
Всего по НВК и СВК	10411182	8202218	79,8

Источник: Всесоюзная перепись населения СССР 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 48–59.

Таблица 6

Убыль сельского населения между переписями 1926 и 1937 гг. в УССР

УССР			
	Сельское население по переписи 1926 г.	Сельское население по переписи 1937 г.	1937 г. к 1926 г. (%)
Винницкая область	3829831	3456669	90,3
Киевская область	4748237	3786939	79,8
Черниговская область	2444022	2194462	89,8
Харьковская область	4747282	3469456	73,1
Донецкая область	2032386	1392845	68,5
Днепропетровская область	2916426	2152859	73,8
Одесская область	2455291	1899485	77,4
Молдавская АССР	489638	473127	96,6
Всего по УССР	23663113	18825842	79,6

Источники: Всесоюзная перепись населения СССР 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 48–59.

О чем говорят приведенные цифры? Голод в Украине и в зерновых районах Поволжья был одинаковым по своей силе. Разным лишь было количество проживавшего там сельского населения.

Очень трудная и наименее изученная в литературе тема – голод в Казахстане[32]. Но и там умирали от голода в 1932–1933 гг. не толь-

[32] 1932–1933 жылдардагы ашаршылык акикаты – Правда о голоде 1932–1933 годов / Аяган Б. Г., Кыдыралина Ж. У., Ауанасова А. М., Кашкимбаев А. Н.,

ко казахи[33]. Например, в сообщении полномочного представительства ОГПУ по Казахстану секретарю Казахского крайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекину о голоде в Павлодарском районе, датированном 11 января 1932 г., указывалось: «По сведениям из Семипалатинского ОС, в Павлодарском р. в аулсовете № 11 на почве голода умерло 14 колхозников и в немецком колхозе “Роте Фане” 2 колхозника и 6 семей лежат опухшие»[34].

Об этом же шла речь в другом документе – докладной записке предгорсовета Алма-Аты от 16 марта 1933 г. о доставке в больницу и захоронении трупов, найденных на улице отрядами милиционеров во второй половине марта 1933 г. В ней говорилось: «Довожу до Вашего сведения, что в морг при горбольнице поступают с улиц г. Алма-Аты ежедневно трупы. Так, за 15 марта 1933 г. поступило 12, из них 5 казахов, 7 европейцев. За 10 марта – 17, из них 11 казахов и 6 европейцев»[35].

В казахской литературе называются цифры погибших от сталинского голода от 1 до 2 млн человек. В связи с этим возникает вопрос: в Казахстане, где особое отношение к усопшим, почему не установлено ни одного массового захоронения жертв голода? Куда исчезли следы трагедии? В Украине осуществлена ее мемориализация. Почти в каждом селе установлены общие ямы и на их месте воздвигнуты памятники и памятные знаки. Чего, кстати, нет в России за редким исключением. И это несомненная заслуга украинской власти. Нигде в мире нет такой памяти о жертвах голода, простых людях, а не элите.

Могло ли в степи в течение года сгинуть такое количество людей? Где их останки? В находящихся в распоряжении исследователей документах речь идет о массовой смертности казахов не в степи, а в местах проживания людей, в колхозах, населенных пунктах, в местах откочевок казахов в российские регионы и в период их возвращения обратно в Казахстан на дорогах[36]. Но там речь не идет о миллионах.

В связи с этим можно отметить, что казахи – такие же люди, как и все. И трудно представить, чтобы они бросились в степь, чтобы там совершить коллективное самоубийство. Наоборот, во время голода они стремились поближе к людям, туда, где есть надежда на спасе-

---

Анафинова М. Л., Ильясова К. М.; под ред. Б. Г. Аягана. Алматы: ТОО «Литера-М», 2012; и др.

[33] Государственный архив Актюбинской области Республики Казахстан. Ф. 636-п. Оп. 1. Д. 173. Л. 2–7.

[34] Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5208. Л. 49.

[35] Центральный государственный архив г. Алматы Республики Казахстан (далее – ЦГА г. Алматы РК). Ф. 174. Оп. 20. Д. 2. Л. 2.

[36] ЦГА г. Алматы РК. Ф. 174. Оп. 20. Д. 10. Л. 5.

ние[37]. Поэтому вопрос о количестве жертв голода в Казахстане нуждается в дальнейшем изучении, чем и занимается в последние годы в Астане С. Уиткрофт в качестве приглашенного профессора Назарбаев университета.

Говоря о региональных особенностях голода, следует отметить и такие, как особенности производящих и потребляющих районов, макро- и микроуровни изучения проблемы (на уровне республики, области, села, семьи, что блестяще продемонстрировали лауреат Нобелевской премии Амартия Сен при изучении голода в Индии и Комрак о Града при изучение картофельного голода в Ирландии)[38]. В этом же ряду взаимодействие центрального и регионального руководства, особенности республиканской и региональной элит и т. д.

Уже сейчас, применяя такой подход, можно, например, объяснить причины наибольших жертв от голода в Украине в 1933 г. в Киевской и Харьковской областях. Например, отсутствие централизованного снабжения населения Киева заставило местную власть изъять для этой цели в 1932 г. хлеб из местных ресурсов. Эта же причина вызвала массовую смертность в небольших городах Украины, где не было крупных индустриальных объектов[39].

Также огромные жертвы Украины в 1933 г. обусловлены не только политикой Центра, но и самонадеянным поведением ее партийного лидера С. Косиора, который в 1932 г. скрыл от Центра масштабы кризиса сельского хозяйства республики, а в начале 1933 г. до последнего отказывался признать факт огромной голодной трагедии Украины[40].

Таким образом, региональный подход к проблеме, основанный на всестороннем анализе достоверных и разнообразных источников – важнейший путь к достижению взвешенной и научно-обоснованной оценки трагедии народов бывшего СССР в 1932–1933 гг., память о которой должна не разделять, а объединять их.

---

[37] Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 258. Л. 169–170; Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 184–186; Центр документации по новейшей истории Оренбургской области. Ф. 267. Оп. 3. Д. 48. Л. 11–12.

[38] Comrac Ó Grada. Famine. A Shot History. Princeton University Press; Princeton and Oxford, 2009.

[39] Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 3. С. 757–758.

[40] Кондрашин В. Документы российских архивов о трагедии Украины в 1932–1933 гг. // Голод 1933. Українці: Зб. наук. праць. Київ: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013. С. 305–346.

В. Н. Никольский

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1937–1938 гг. НА ДОНЕЧЧИНЕ

Одним из направлений в исследовании политических репрессий сталинского режима является выяснение их реальной направленности. При этом основу должны составлять количественные показатели результатов деятельности органов государственной безопасности.

Автор предлагаемого исследования проделал определенную работу в этом направлении, в частности в 2003 г. издана монография «Репрессивная деятельность органов государственной безопасности СССР в Украине (конец 1920-х – 1950-е гг.). Историко-статистическое исследование»[1]; был участником международного исследовательского проекта «Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовые операции на основе приказа № 0447» (руководители М. Юнге, Б. Бонвеч и Р. Биннер)[2]; в 2011 г. опубликована монография «Политические репрессии 1937–1938 гг. на Донеччине...»[3]; в 2013 г. издана монография «Православное духовенство Донеччины, репрессированное в 1920–1950-е годы...»[4] Кроме того, автор опубликовал несколько десятков статей по проблемам советских репрессий, преимущественно основанных на анализе статистического материала.

Документальную основу данной публикации составляют материалы статистической отчетности органов госбезопасности, хранящиеся в фондах Отраслевого государственного архива Службы безопасно-

---

[1] Нікольський В. М. Репрессивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Донецьк, 2003. С. 624.

[2] См.: Никольский В. Н. «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в украинском Донбассе и ее статистическая обработка // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. С. 785–843.

[3] Нікольський В. М. Політичні репресії 1937–1938 гг. на Донеччині: причини, перебіг, наслідки. Донецьк, 2011. С. 200.

[4] Никольский В. Н. Православное духовенство Донеччины, репрессированное в 1920–1950-е годы (в документах и материалах). Донецк, 2013. С. 227.

сти Украины (далее – ОГА СБУ) (г. Киев), а также материалы Архива временного хранения документов Управления Службы безопасности Украины в Донецкой области.

Постановлением Кабинета министров Украины № 530 от 11 сентября 1992 г. были начаты подготовка и издание многотомной научно-документальной серии книг «Реабилитированные историей». В 2012 г. в Донецкой области была закончена эта работа – издано девять книг, включающих краткие данные о реабилитированных 47 983 человеках, из которых 25 381 человек были репрессированы в 1937–1938 гг. Автор данной публикации в 1992–2012 гг. работал главным специалистом, членом Донецкой областной редакционной коллегии этого издания и принимал непосредственное участие в подготовке всех 9 томов. Особенность работы заключалась в том, что по материалам архивно-следственных дел была составлена подробная картотека, которая и стала основой публикации данных о реабилитированных жертвах политического террора[5].

Мы рассматриваем репрессии в одной из областей УССР – Донецкой, которая в исследуемый период представляла наиболее развитый в промышленном отношении регион. По отчетным данным ОГА СБУ в период «большой чистки» 1937–1938 гг. в этой области количество репрессированных превышало соответствующие данные остальных регионов Украины.

По нашим подсчетам, общее количество репрессированных по УССР в период «большой чистки» составляло 265 669 человек (в 1937 г. – 159 573, в 1938 г. – 106 096)[6]. В Донецкой области, по данным картотеки «Реабилитированные историей», всего были привлечены органами госбезопасности 25 381 человек (в 1937 г. – 17 213, в 1938 г. – 8168).

Таким образом, относительный показатель репрессированных на Донеччине составлял 9,6 % от общего числа арестованных по УССР (примерно каждый десятый).

Напомним, что кроме борьбы против «право-троцкистских элементов», кулаков, «бывших людей», «прочего контрреволюционного элемента», органы НКВД в период «большой чистки» 1937–1938 гг. выполняли приказы, имевшие конкретную национальную направленность – немецкая, польская, греческая, латышская, сионистская, иранская «операции» 1937 г., продолженные с 1938 г. операциями

---

[5] См.: Реабілітовані історією. Донецька область. Книга перша. Донецьк, 2004. С. 648; Книга друга. 2005. С. 624; Книга третя. 2006. С. 624; Книга четверта. 2007. С. 640; Книга п`ята. 2008. С. 624; Книга шоста. 2009. С. 592; Книга восьма. 2011. С. 624; Книга дев`ята. 2012. С. 624.

[6] Подсчитано автором по: ОГА СБУ. Ф. 42. Д. 31. Л. 155–183; Д. 35. Л. 4, 8–9.

«по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын...»[7] Далее этот перечень был пополнен итальянцами, афганцами, турками и болгарами[8].

Целью же нашего исследования является выяснение реальной национальной направленности в репрессивной деятельности органов НКВД в Донецкой (с июля 1938 г. – Сталинской) области Украинской ССР. Причем содержание этой «борьбы» органов госбезопасности мы намерены установить по ее результатам.

В основу настоящей работы мы в качестве базовых взяли данные о национальной принадлежности репрессированных в 1937 г., сопоставив их с количеством репрессированных в УССР (табл. 1).

Таблица 1

Количество населения по Всесоюзной переписи 1937 г. по наиболее крупным национальностям УССР в сопоставлении с количеством репрессированных*

Национальные группы	Численность по данным переписи		Репрессировано	
	(чел.)	от общего количества (%)	(чел.)	от общего количества (%)
Украинцы	22 212 525	78,22	84 915	53,19
Русские	3 221 898	11,35	12 291	7,70
Евреи	1 470 484	5,18	4097	2,57
Поляки	417 613	1,47	30 148	18,90
Немцы	401 880	1,42	16 228	10,17
Молдаване	221 831	0,78	данные отсутствуют	–
Белорусы	106 325	0,37	1292	0,80
Греки	102 257	0,36	3689	2,31
Болгары	74 862	0,26	данные отсутствуют	–
Прочие	167 983	0,59		
Всего	28 397 658	100	159 632**	95,54

* *Подсчитано автором по*: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 106; ОГА СБУ. Ф. 42. Д. 31. Л. 155–183.

** Общее количество репрессированных по национальным группам в документе на 59 чел. больше приведенного нами выше.

[7] Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 52 (Ксерокопия документа получена Донецкой областной редколлегией «Реабилитированные историей» от Московского музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека» им. Андрея Сахарова).

[8] Там же. Л. 19–20.

Таким образом, по восьми группам населения Украины суммарный процент репрессированных составлял 95,54 %. Приведенные в таблице цифры убедительно свидетельствует о национальной адресности репрессий в УССР. Наиболее жестко они проводились в отношении поляков (18,90 % от общего числа арестованных при доле в общей численности населения равной 1,47 %), немцев (соответственно 10,17 и 1,42 %) и греков (2,31 и 0,36 %). В то же время репрессии были менее жесткими в отношении украинцев (78,22 от общего количества населения и 53,19 % среди всех репрессированных), русских (11,35 и 7,70 %), евреев (5,18 и 2,57 %).

Однако численное превосходство украинцев и русских в составе населения обуславливало значительное абсолютное их преобладание сренди репрессированных.

Рассмотрим аналогичные данные по Донецкой области.

Подсчеты по данным девяти книг «Реабилитированные историей. Донецкая область» позволяют точно установить национальную принадлежность по 47 национальным группам.

Количественные показатели репрессированных органами НКВД на Донеччине в 1937–1938 гг. были такими (табл. 2):

Таблица 2

Национальная принадлежность репрессированных по наиболее многочисленным групам в 1937–1938 гг. по Донецкой области

Национальные группы	Репрессировано (чел.)	от общего количества (%)
Украинцы	8 741	34,44
Немцы	5 487	21,62
Греки	3 862	15,22
Руские	3 568	14,06
Поляки	1 561	6,15
Белорусы	563	2,22
Евреи	518	2,04
Латыши	307	1,21
Болгары	236	0,93
Всего	24 843	97,89

По остальным национальностям количество репрессированных было таким: литовцы – 79 человек (0,31 % общего числа репрессированных), армяне – 58 (0,23 %), молдаваны – 51 (0,20 %), чехи – 38 (0,15 %), ассирийцы – 36 (0,14 %), эстонцы – 30 (0,12 %), румыны – 28 (0,11 %), татары – 25 (0,10 %), венгры – 23 (0,09 %), иранцы – 21 (0,08 %), китайцы и австрийцы – по 18 (по 0,07 %), финны –

13 (0,05 %), сербы – 11 (0,043 %), корейцы – 9 (0,04 %), грузины – 8 (0,03 %), итальяны и словенцы – по 5 (по 0,02 %), албанцы, мордвины, словаки, англичане, марийцы, турки, французы, хорваты – по 3 (по 0,01 %), датчанин, казах, норвежец, удмурт, халдеец, черкес, черногорец, чуваш, швед, швейцарец – по 1 (по 0,005 %), национальность не указана – 26 человек (0,1 %).

Таким образом, количество арестованных по девяти национальным групам в области составляла около 98 % от общего числа привлеченных органами НКВД, а на 38 национальностей приходилось менее 2 % (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение процентных показателей национальных групп в составе населения Донецкой области и показателей репрессий*

Национальные группы	От общей численности населения области (%)	От общего числа репрессированных (%)
Украинцы	59,40	34,44
Русские	31,20	14,06
Немцы	1,50	21,62
Греки	3,10	15,22
Белорусы	1,00	2,22
Евреи	2,10	2,04
Татары	0,50	0,10

* *Подсчитано автором по*: Схід. 1995. № 3. С. 39; «Реабілітовані історією. Донецька область. Кн. 1–9».

То есть, процентные показатели репрессированных в сопоставлении с долями в составе населения по группам евреев, татар и белорусов были достаточно близкими.

Наибольшие различия были по группам немцев (превышение % репрессированных в 14,4 раза), греков (соответствующее превышение в 7,2 раза).

Процентный показатель репрессированных в сравнении с долями в составе населения по группе украинцев был в 1,7 раза меньше, а по группе русских – в 2,2 раза меньше.

А по абсолютным данным по репрессированным мы видим, что доля привлеченных украинцев составляла более трети от общего количества, немцев – пятую часть, греков и руских – около седьмой части.

Таблица 4

Сравнительная таблица относительных показателей по численности населения и репрессированных

Национальные группы	в общем составе населения по УССР (%)	репрессированных по УССР (%)	в общем составе населения Донецкой области (%)	репрессированных по Донецкой области (%)
Украинцы	78,22	53,19	59,40	34,4
Русские	11,35	7,70	31,20	14,06
Евреи	5,18	2,57	2,10	2,22
Поляки	1,47	18,90	данные отсутствуют	6,15
Немцы	1,42	10,17	1,50	21,62
Белорусы	0,37	0,80	1,00	2,22
Греки	0,36	2,31	3,10	15,22

По приведенным в таблице 4 данным мы можем констатировать, что в Донецкой области четко прослеживается явное преобладание относительных показателей репрессий в отношении немцев и греков.

Рассмотрим социально-профессиональную направленность репрессий по национальным группам.

Среди *украинцев* наибольший процент репресий приходился на категорию рабочих промышленных предприятий (48,59 %, включая 3,27 % рабочих совхозов), далее располагались показатели служащих (25,10 %), инженерно-технических работников (12,35 %) и колхозников (8,44 %), неработавших – 2,06 %.

У репрессированных *русских* 46,84 % составляли рабочие, 17,78 – служащие, 25,74 – инженерно-технические работники, 2,09 – колхозники.

По группе *немцев* преобладали колхозники – 44,57 %, затем: рабочие – 35,19, служащие – 11,49, инженерно-технические работники – 3,0, неработавшие – 1,81.

У *поляков* 55,96 % репрессированных были рабочими, 21,32 – служащими, 13,52 – инженерно-техническими работниками, 3,01 – колхозниками, 4,96 – неработавшими.

По группе *греков* 32,00 % арестованных составляли колхозники, 35,85 – рабочие, 20,81 – служащие, 2,89 – инженерно-технические работники, 2,38 – неработавшие.

Среди *белорусов* значительный процент респрессированных составляли рабочие (50,37 %), служащих было 27,45 %, инженерно-технических работников – 16,02, колхозников – 0,86, неработавшие – 3,56.

Относительные показатели по группе *евреев* были такими: служащие – 47,26 %, инженерно-технические работники – 25,18, рабочие – 8,96.

По группе *латышей* 42,92 % были рабочими, 29,62 – служащими, 17,72 – инженерно-техническими работниками.

Среди репрессированных *болгар* 68,02 % были рабочими (включая 21,13 рабочих совхозов), 16,20 – служащими, 9,28 – колхозниками.

Мы провели анализ данных о партийной принадлежности репрессированных по национальным группам и получили такие результаты (табл. 5–7).

Таблица 5

Партийная принадлежность репрессированных

Национальные группы	Всего репрессировано	Бывшие члены партии	Комсомольцы	Кандидаты в члены партии	Члены ВКП(б)	Всего
Украинцы	8741	407	85	75	671	1238
Русские	3568	178	33	37	388	636
Немцы	5487	51	66	32	223	372
Евреи	518	12	5	10	165	192
Поляки	1561	102	20	11	128	261
Белорусы	563	66	2	9	54	131
Греки	3862	58	10	7	52	127
Латыши	307	45	5	4	38	92
Болгары	236	1	1	1	2	5
Всего	24843	920	227	186	1721	3054

Всего членами партии были 6,89 % репрессированных, т. е. – примерно один из 14 арестованных; 3,7 % были бывшими членами партии (примерно один из 25); 0,75 % репрессированных были кандидатами партии, и 0,9 % – комсомольцами.

Таблица 6

Партийность

Национальные группы	Бывшие члены партии (%)	Комсомольцы (%)	Кандидаты в члены партии (%)	Члены ВКП(б) (%)	Всего (%)
Евреи	2,35	0,94	1,88	31,76	36,94
Латыши	14,62	1,58	1,19	12,25	29,64
Русские	4,98	0,92	1,02	10,88	17,80
Белорусы	11,69	0,43	1,52	9,52	23,16
Поляки	6,53	1,31	0,69	8,22	16,74
Украинцы	4,66	0,97	0,86	7,68	14,17
Немцы	0,93	1,20	0,58	4,06	6,76
Греки	1,51	0,25	0,19	1,35	3,30
Болгары	0,51	0,51	0,51	1,03	2,56

Наибольший процент репрессированных среди членов ВКП(б) был среди евреев. Он значительно превышал этот показатель по другим национальностям. А относительный показатель исключенных из партии был у латышей и белорусов. Данные по комсомольцам и кандидатам партии были примерно одинаковыми по всем группам.

Таблица 7

Обобщение приговоров по национальным группам

Национальные группы	Расстрел (%)	Исправительно-трудовые лагеря (%)	Тюремное заключение (%)	Освобождены следствием (%)	Оправданы судами и внесудебными органами (%)
Украинцы	55,24	34,98	1,31	6,64	1,31
Русские	54,75	34,66	1,26	7,74	1,26
Немцы	77,04	18,11	1,36	2,02	1,36
Греки	89,65	6,51	0,03	3,18	0,16
Белорусы	70,28	23,64	0,22	4,34	0,87
Поляки	76,07	17,77	0,16	5,07	0,39
Евреи	59,25	25,83	3,08	8,53	0,71
Латыши	81,42	12,25	0,40	4,74	0,79
Болгары	68,21	23,08	–	3,59	–

Относительные показатели приговоров свидетельствуют о том, что:

1. Наибольший процент осужденных к расстрелу был по национальной группе греков – 89,65 %, далее латыши – 81,42, немцы – 77,04, поляки – 76,07 , белорусы – 70,28 , болгары – 68,21, евреи – 59,25 , русские – 54,75 , украинцы – 55,24.

По количеству же осужденных к расстрелу наибольший показатель был по группе украинцвв – 4828 человек, далее: немцы – 4227, греки – 3463, русские – 1953, поляки – 1188, белорусы – 396, евреи – 307, латыши – 250, болгары – 162.

2. Процент осужденных к исправительно-трудовым лагерям по группе украинцев был наибольшим – 34,95 %, далее: русские – 34,66, евреи – 25,83, белорусы – 23,64, болгары – 23,08, немцы – 18,11, поляки – 17,77, латыши – 12,25, греки – 6,51.

По количеству осужденных к заключению в исправительно-трудовые лагеря наибольший показатель был по группе украинцев – 3058 человек, далее: русские – 1237, немцы – 995, поляки – 278, греки – 251, евреи – 134, белорусы – 133, болгары – 55, латыши – 38.

3. Относительные показатели осужденных к тюремному заключению были такими: евреи – 3,08 % , немцы – 1,36, украинцы – 1,31, русские – 1,26, латыши – 0,40, белорусы – 0,22, поляки – 0,16, греки – 0,03, осужденных к тюремному заключению болгар не было.

А по количеству осужденных к тюремному заключению впереди были данные по украинцам – 115 человек, немцам – 75, далее: русские – 45, евреи – 16, поляки – 2, латыши, белорусы и греки – по 1.

4. Среди освобожденных следственными органами наибольший процент был по группе евреев – 8,53 %, далее: русские – 7,74, украинцы – 6,64, поляки – 5,07, латыши – 4,74, белорусы – 4,34, болгары – 3,59, греки – 3,18, немцы – 2,02.

То есть, по количеству освобожденных следственными органами наибольший показатель был по группе украинцев – 580 человек, далее: русские – 276, греки – 123, немцы – 111, поляки – 79, евреи – 44., белорусы – 24, латыши – 15, болгары – 8.

5. Среди оправданных судами наибольший процент был по группе украинцев – 1,31 %, далее: русские – 1,06, немцы – 0,38, белорусы – 0,87 , латыши – 0,79, евреи – 0,71, поляки – 0,39, греки – 0,16, оправданных среди болгар не было.

По количеству оправданных судами наибольший абсолютный показатель был по группе украинцев – 115 человек, далее: русские – 38, немцы – 21, поляки и греки по 6, белорусы – 5, евреи – 4, латыши – 2.

Наибольшая численность осужденных к расстрелу была по группам украинцев и немцев, заключенных в исправительно-трудовые лагеря – по группам украинцев и русских, приговоренных к тюремному заключению – по украинцам, немцам, русским.

О том, как реализовывалась «операция по грекам», можно узнать из архивно-следственного дела бывшего заместителя начальника УНКВД по Сталинской области Г. Загорского-Зарицкого (покончившего жизнь самоубийством во время следствия 10 июня 1938 г. в Лукьяновской тюрьме г. Киева). На допросе 7 июня 1938 г. он сообщил (цитируется по протоколу): «Для проведения операции по грекам Леплевский (до ареста – нарком внутренних дел УССР. – *В. Н.*) прислал в Донбасс Сапира, который передавал установку Леплевского арестовать во что бы то ни стало 5000 человек независимо от наличия компрометирующих материалов на них. Это указание дало нам возможность в широких размерах провести вражескую работу. Добиваясь этой цифры, мною, Орловым-Подольским и Сапиром были проведены аресты значительного количества социально близких людей. Аресты социально близких Советской власти лиц в этом районе были настолько заметны, что по предложению секретаря обкома Прамнэка мы вынуждены были привлечь к ответственности начальника райотделения НКВД по Старо-Каранскому району, где эта вражеская

работа приняла особенно большие размеры. Аналогичное положение было и по другим операциям»[9].

Отметим, что ограниченность объема данной публикации предполагает дальнейший углубленный анализ тех данных, которые изложены нами, так и рассмотрение других составляющих, в той или иной мере характеризующих национальный вектор репрессий – возрастные и образовательные характеристики, более углубленную социально-профессиональную принадлежность, гендерные данные...

[9] Архив временного хранения документов Управления Службы безопасности Украины ТВ Донецкой области.- Архивно-следственное дело 16247–2ф. Л. 51–52.

Г. В. Папакин

РЕЖИМ «ЧЕРНОЙ ДОСКИ» В СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ 1932–1933 гг. ПРОТИВ НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ В РЕГИОНАХ ТОВАРНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СССР

Период голодомора 1932–1933 гг. как в Украине, так и в других регионах СССР, характеризовался широким применением разнообразных форм и видов репрессий против крестьянства, низовой партийно-советской номенклатуры, вообще всех, кто был или мог быть опасным для авторитарного режима, который создавал И. Сталин.

Свое место среди таких репрессий занял режим «черной доски», по директиве ЦК ВКП(б) установленный во многих районах СССР (Украина, Кубань, Поволжье, Дальний Восток, Казахстан, Беларусь). Целью его было «подхлестывание» (выражение Сталина) выполнения хлебозаготовительных планов, а основное задание – коллективное наказание специально определенных объектов (отдельных коллективов, групп лиц, колхозов, сельсоветов, целых районов), а в широком контексте – наций и народностей, больших этносоциальных групп. Речь шла о сельском населении (практически без выделения отдельных национальных групп) УССР, этнических украинцев и казачества Кубани, немцев Поволжья, казаков Нижне-Волжского края, казахов и украинских переселенцев Казахстана.

Термин «черная доска» не был изобретением большевиков. Об его употреблении в XIX – начале XX в. свидетельствуют литературные произведения, мемуары. Но тогда «черная доска» служила способом морального осуждения тех, кто нарушал дисциплину, не исполнял свои обязанности. Трагическое значение имели только «черные знамена», используемые для обозначения деревень и местечек, где вводился карантинный режим, где были эпицентры смертельных эпидемий (оспа, чума, холера).

Большевики, захватив власть над шестой частью земного шара, вложили в этот термин другое значение. «Черная доска» как идеологический институт советской власти прошел долгий путь от зарождения в годы революции и Гражданской войны 1917–1921 гг. фактически до последнего вздоха СССР. Выделялись лучшие лица,

коллективы, партячейки, предприятия, учреждения, которые помещались на «красной доске». Вокруг них создавалась положительное общественное мнение. Такие коллективы награждали почетными знаками отличия, получали моральное или материальное вознаграждение.

Тех, кто «плохо работал», то есть нарушал казарменную дисциплину, «саботировал», не выполняя доведенных планов и норм выработки, наоборот, заносили на позорную «черную доску». Вокруг них создавали отрицательное общественное мнение. Применялись также моральные, административные и материальные карательные санкции, которые временами превращались в театрализованные представления.

В периоды «обострения классовой борьбы» «черные доски», кроме этих постоянных признаков, постепенно приобрели исключительно репрессивное значение. Есть свидетельства об их применении во время продразверстки 1919–1920 гг. Украинские села, жители которых не соглашались отдавать продотрядам свой хлеб задаром, провозглашались «чернознаменными». Там вводилась система коллективной ответственности: за неисполнение указаний правящей компартии расстреливали заложников, выселяли обитателей, конфисковывали их движимое и недвижимое имущество. Наибольшего распространения «черные доски» как административно-репрессивный режим давления на сельское население достигло в конце 1920-х гг., в ходе хлебозаготовительных кампаний и коллективизации. Пик этого процесса пришелся именно на 1932–1933 гг. Его основные отличия от всех других методов борьбы с крестьянством заключались в комплексности (применялся одновременно целый ряд репрессивных мер) и направленности на создание непереносимых условий жизни для жителей конкретных населенных пунктов или административных единиц.

До сих пор в историографии отсутствует согласованное мнение о конкретной дате и обстоятельствах официального применения режима «черной доски» во время голодомора 1932–1933 гг. в СССР. Большинство исследователей называют дату 1 ноября 1932 г. – когда в дневник уполномоченного ЦК ВКП(б) на Кубани Л. Кагановича было занесено его предложение поместить на «черной доске» 3–5 казачьих станиц[1]. Но есть определенные свидетельства того, что в Украине такие репрессии, как и сам термин в контексте антикрестьянских мер, применялся еще в начале 1932 г., и даже в 1930 г. Такая информация

[1] Командири великого голоду: Поїздка В. Молотова та Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр. / за ред. В. Васильєва та Ю. Шаповала. Київ: Генеза, 2001. С. 254.

зафиксирована в сводном реестре занесенных на «черную доску» населенных пунктов и колхозов Украины, составленном в Украинском институте национальной памяти на основании данных, представленных региональными архивами.

15 января 1932 г. на «черную доску» попал колхоз им. Фрунзе Дмитриевского сельсовета Знаменского района Одесской области[2]. 1 марта, апрелем, июнем и сентябрем 1932 г. датированы сведения о занесении на «черную доску» восьми сельхозартелей и районных организаций Беловодского района Донецкой области[3]. С началом июня режим «черной доски» был установлен в Лушницком, Пироговском, Тимоновском сельсоветах Шосткинского района Черниговской области[4]. Сводный реестр УИНП свидетельствует, что такие репрессивные акции летом 1932 г. приобрели массовый характер, а в октябре–ноябре – стали практические повсеместными. 18 ноября 1932 г. было принято постановление ЦК КП(б)У «О мерах по усилению хлебозаготовок»[5], через два дня – постановление СНК УССР «О борьбе с кулацким влиянием в колхозах» от 20 ноября 1932 г. и инструкция к нему. Последняя предусматривала объявление занесенными на «черную доску» колхозов, которые злостно «саботируют сдачу (продажу) хлеба по государственному плану». В этой части оба документа (партийный и правительственный) были полностью идентичны, с той лишь разницей, что партийный был написан по-русски, а правительственный существовал в двух языковых редакциях, в том числе украинской[6]. 6 декабря была сформирована всеукраинская «черная доска», куда попали шесть сел Днепропетровской, Одесской и Харьковской областей – основных хлебородных регионов Украины[7]. Через два дня генеральный секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор проинформировал Кремль о занесении на «черную доску» разных уровней (областные, районные) до 400 колхозов всех 8 тогдашних областей Украины[8]. За данными сводного реестра УИНП, всего в 1932–1934 гг. такие репрессии применялись в отношении более 1200 объектов (артелей, колхозов, коммун, МТС, сел, сельсоветов, районов, а также

---

[2] См.: Госархив Кировоградской области. Ф. П–68. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

[3] См.: Червоний колгоспник (Ворошиловград). 1932. 1 марта, 14 мая, 29 июня, 30 сентября.

[4] См.: Зоря (Шостка). 1932. 9 июня.

[5] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 207–216. Опубл.: Голодомор 1932–1933 років в Україні: док. і мат-ли / упоряд. Р. Я. Пиріг. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. С. 392–393.

[6] ЦГАВО Украины. Ф. 806. Оп. 1. Д. 22. Л. 532.

[7] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 238. Л. 53–54.

[8] Там же. Оп. 20. Д. 5460. Л. 69–80. Опубл.: Голодомор 1932–1933 років в Україні. С. 458.

предприятий, бригад и отдельных лиц). Можно даже утверждать, что на «черной доске» оказалась вся Украина, поскольку повсеместно использовались репрессивные меры коллективного наказания всего украинского крестьянства, в том числе не этнических украинцев. В Киевской области 11 сентября 1933 г. на «черную доску» занесли Комаровский сельсовет национального немецкого Жулинского района. В Одесской области 5 декабря 1932 г. – колхоз «Труд» национального немецкого Карл-Либкнехтовского района; 25 – немецкую артель «Естер май» Бериславского района; 15 октября 1933 г. – с. Пустолье национального болгарского Благоевского района. «Черные доски» стали обычным явлением в других национальных немецких, русских, еврейских, болгарских селах Днепропетровской области. Аналогичная картина была характерной для национальных русских и греческих районов Харьковской, Черниговской областей. Кремлевские эмиссары Л. Каганович, В. Молотов, П. Постышев, которые собрались в декабре 1932 г. в Украине, внимательно следили за тем, чтобы среди репрессированных «черной доской» объектов были не просто отстающие, а политически весомые, значительные по масштабам населения и сборам хлеба, а главное, – «антисоветские» хозяйства и административные единицы. Так, Постышев отмечал необходимость репрессий в колхозе «Коминтерн» Апостоловского района Днепропетровской области как состоявший преимущественно из «столыпинских» хозяйств[9]; Каганович указывал, что в Домановском районе Одесской области «на черную доску выбраны неудачно маленькие колхозы в 18 и 26 дворов»[10]. Село Мазуровка Хмельницкого района Винницкой области попало на «черную доску» как родина «петлюровского атамана Хмары»[11], а жители с. Лютенька на Полтавщине, занесенного на Всеукраинскую «черную доску», играли активную роль в крестьянском восстании 1920–1921 гг.

Хронологически первым официальным актом о применении режима «черной доски» стало постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани» от 4 ноября 1932 г.[12] Общеизвестно, что этот документ был инициро-

---

[9] Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 85. Л. 129–143. Опубл.: Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 2 / отв. сост. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011. С. 330–331.

[10] Командири великого голоду. С. 327.

[11] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5394. Л. 1.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 84. Опубл.: Трагедия советской деревни. 1927–1939: Док. и материалы: в 5 т. Т. 3: Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. С. 392.

ван директивой ЦК ВКП(б) и отредактирован лично И. Сталиным[13]. Генсек не правил тот пункт постановления, которым объявлялись «черные доски» на Кубани, но вполне очевидно, что дал согласие на использование такого драконовского метода покорения кубанского казачества. Упомянутый акт содержал перечень репрессивных мер против местного населения:

«а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров;

б) полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и единоличников;

в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств;

г) проверку и очистку органами РКИ в колхозных, кооперативных и государственных аппаратах от всякого рода чуждых и враждебных элементов;

д) изъятие органами ОГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа хлебозаготовок и сева»[14].

Утвержденный постановлением украинского СНК аналогичный перечень текстуально совпадает с ним практически на 90 %. В нем просто объединили два последних пункта «кубанского» акта, убрали конкретизацию исполнителей, а взамен добавили пункт о полномочиях по применению репрессий.

Первые объекты кубанской «черной доски» были назначены достаточно репрезентативно. «Новорождественская была бывшим крестьянским селением, переведенным в 1848 г. в составе Тихорецкой волости из Ставропольской губернии в Кавказское линейное казачье войско; Медведовская – из первых черноморских станиц, основана в 1793 г.; Темиргоевская – закубанская линейная станица, поселена в 1855 г.»[15] Кроме того, Медведовская была самой большой станицей Тимашевского района[16]. «Антиказацкую» направленность кубанской

---

[13] Ивницкий Н. Голод 1932–1933: кто виноват? (по документам «Кремлевского архива») // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція, Київ, 9–10 вересня 1933 р. Матеріали. Київ, 1995. С. 40–41; Его же. Голод 1932–1933: кто виноват? // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 49, 52.

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 84. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 392.

[15] Бондар И. Ю. Архивные документы о голоде на Кубани 1932–1933 гг. // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2009. С. 97.

[16] ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 101. Л. 54.

«черной доски» отмечали практически все исследователи[17]. Но в целом из 15 кубанских станиц, полностью включенных в позорный список, 11 были заселены преимущественно этническими украинцами.

«Кубанское» постановление дало старт организации таких репрессий в других регионах СССР, поскольку фактически приобрело статус официального документа ЦК ВКП(б). 8 ноября 1932 г. всем крайкомам и обкомам компартии была разослана директива за подписями И. Сталина и В. Молотова. В ней требовался «действительный перелом в хлебосдаче». В противном случае Кремль грозил репрессиями, аналогичными использованным на Северном Кавказе. В качестве приложения к телеграмме был направлен текст постановления Северо-Кавказского крайкома от 4 ноября. К сожалению, ни в одном российском документальном сборнике, несмотря на исключительное значение этой телеграммы, она не опубликована.

10 ноября 1932 г. датировано постановление Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок», где приведен список наиболее отставших в хлебосдаче районов: Клетский, Малосердобинский, Нехаевский, Нижнечирский, Самойловский (еще без употребления термина «черная доска»). Набор репрессивных мер был таким: прекращение завоза товаров в кооперативные и государственные магазины, «чистка» колхозных, кооперативных и государственных аппаратов. Досрочное погашение кредитов и всех финансовых обязательств было применено только к казачьему Нижнечирскому району, причем это не распространялось на колхозы, выполнившие план хлебосдачи. Большая группа районов (Алексеевский, Аркадакский, Аткарский, Балашовский, Вязовский, Екатериновский, Иловлинский, Котельниковский, Лысогорский, Новониколаевский, Ольховский, Преображенский, Урюпинский, Усть-Медведицкий, Тамалинский, Татищевский, Турковский) предупреждалась о возможности применения санкций. Единоличникам угрожали, что в случае отказа от засева или вспашки зяби у них отберут приусадебные участки. В отличие от «кубанского» и «украинского» постановлений определенная роль в организации хлебозаготовок отводилась агитационно-массовой работе[18].

12 декабря 1932 г. было принято специальное постановление Нижне-Волжского крайисполкома и крайкома ВКП(б), в котором 19 сельсоветов 7 районов были объявлены занесенными на «черную доску». Это были Верхне-Донщинский, Липовецкий, Овченяковский

---

[17] См., напр.: Скорик А. П. Депортация населения «чернодосочных» станиц как антиказачья акция: причины и последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г.: Материалы научно-практической конференции. С. 61.

[18] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3768. Л. 105–106. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 531–533.

сельсоветы Клетского района; Антоно-Шестаковский, Ивагаевский – Котельниковского; И. Нозимкенский, Сапоговский – Малосердобинского; Нехаевский, Упорниковский, Хорошенский – Нехаэвского; Верхне-Гнутовский, Сизовский, Соколовский – Нижнечирского, Красавский, Полоцкий, Толтавский – Самойловского; Котовский, Краснянский, Петровский – Урюпинского. Таким образом, были выбраны по два–три сельсовета «семи особо отстающих районов по хлебозаготовкам», куда направили усиленные группы ГПУ[19]. К этим сельсоветам применили такие санкции: «а) прекращение завоза товаров и вывоз из государственных, кооперативных лавок имеющихся товаров; б) досрочное взыскание кредитов и всех платежей с колхозов и единоличников; в) запретить торговлю колхозам, колхозникам и единоличникам; г) прекратить помол на государственных мельницах зерна колхозов, колхозников и единоличников». Судебные органы обязывались «немедленно выявить и привлечь к строжайшей судебной ответственности организаторов, руководителей и вдохновителей кулацкого саботажа вышеназванных сел»[20].

За краевой «черной доской» появились районные. Но сталинский эмиссар П. Постышев счел это «перегибами» и быстро отменил эти решения. По мнению ростовской исследовательницы Т. Власкиной, это не привело к отмене самих репрессивных санкций. Товарно-продовольственная блокада 16 сельсоветов Еланского, Клетского, Котельниковского, Нехаевского, Нижнечирского, Урюпинского районов, установленная местной властью, продолжалась с 10 ноября 1932 до середины лета 1933 г.[21]

Настоящие причины применения режима «черной доски» в упомянутых районах приведены в информации ОГПУ. Клетский, Нехаевский, Нижнечирский, Урюпинский (казацкие) районы считались «в прошлом базой белого движения в крае», а Малосердобинский и Самойловский – «районы с сильным влиянием эсеров»[22]. О «казачьих районах», которые в первую очередь подлежали репрессиям, писал Сталину первый секретарь Нижне-Волжского крайкома В. Пту-

[19] ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 340–345. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 427.

[20] ЦДНИ Саратовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 327. Л. 35. Опубл.: Голод в СССР. Т. 2. С. 272.

[21] Власкина Т. Ю. Голод на Дону по устным свидетельствам // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2009. С. 157–158.

[22] ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 370–372. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 605–606; Голод в СССР. Т. 2. С. 276–277.

ха[23]. Другими словами, коллективное наказание «черной доской» осуществлялось не столько за реальное отставание в хлебозаготовках или осеннем севе, а преимущественно как месть за политическое прошлое.

Старт широкому применению режима «черной доски» в Казахстане (тогда Казакская Автономная социалистическая советская республика РФССР), как и повсеместно, был дан ноябрьской директивой И. Сталина. К сожалению, пока опубликовано очень мало архивных документов о голоде 1932–1933 гг. на территории современной Казахской Республики. Потому приходится буквально вылавливать упоминания о принятии краевой властью соответствующих решений. Из шифротелеграммы второго секретаря Казкрайкома ВКП(б) М. Кахиани на имя Сталина узнаем о принятии краевым партийным органом 10 или 11 ноября 1932 г. решения и директивы всем обкомам по вопросам хлебозаготовки. Этот важнейший документ отсутствует в академических публикациях о голоде в СССР, хотя его принципиальное значение для раскрытия темы голодомора в Казахстане очевидно. Сам Кахиани назвал его решением о распространении репрессивных мер, аналогичных кубанским, «на некоторые районы и колхозы в районах Казахстана». Следовательно, речь шла главным образом о применении в Казахстане режима «черной доски». Количественные параметры этого процесса Кахиани оценил так: «19 районов и колхозы в 16 других районах». Конкретно были названы Джамбейтинский район Западно-Казахстанской области, колхозы Казалинского, Кармакчинского, Кзыл-Ордынского районов Южно-Казахстанской области, Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области[24].

Декабрьские сводки секретно-политического отдела ОГПУ СССР подавали такие сведения о Казахстане: «Казкрайком ВКП(б) 10 ноября вынес решение, аналогичное постановлению Северо-Кавказского крайкома, о бойкотировании отстающих по заготовкам 31 районов, занесении их на черную доску, лишении кредитов, промтоваров, закрытии колхозной торговли и т. д.»[25] Данные, приводимые чекистами, позволяют реконструировать, по крайней мере, часть занесенных на «черную доску» районов. Это Абралинский, Акмолинский, Алма-Атинский, Джувалинский, Казалинский, Кара-Балыкский, Кзыл-Ордынский, Кокпектинский, Усть-Каменогорский, Федоровскому,

---

[23] Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 85. Л. 56–57. Опубл.: Голод в СССР. Т. 2. С. 274.

[24] Там же. Д. 83. Л. 139–139 об. Опубл.: Голод в СССР. Т. 2. С. 219.

[25] ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 295–298. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 564–566; Голод в СССР. Т. 2. С. 245–247.

Чуйский, Янги-Курганский районы. Тут представлены юг и север Казахстана, современная территория Киргизии и Узбекистана.

«Черные доски» Казахстана являются практически единственным случаем, когда И. Сталин не только письменно одобрил применение таких репрессивных санкций, но и оправдал их. В письме Казкрайкому генсек ВКП(б) писал: «Оценка Кахиани при других условиях была бы правильна, а при данных условиях совершенно неправильна. Тов. Кахиани не учитывает, что за последние пятидневки хлебозаготовки в Казахстане падают скачками и ведут к фактическому прекращению заготовок, и это несмотря на то, что план заготовок максимально сокращен, а долг по плану заготовок превышает 10 млн пудов. При таких условиях задача состоит в том, чтобы ударить в первую очередь по коммунистам в районах и ниже районов, находящимся целиком в плену мелкобуржуазной стихии и скатившимся на рельсы кулацкого саботажа хлебозаготовок. Понятно, что в этих условиях СНК и крайком не могли поступить иначе как перейти на рельсы репрессий, хотя, конечно, дело репрессиями не может ограничиться, т. к. необходима предельно широкая и систематическая разъяснительная работа»[26].

Существует мнение, что в Северном Казахстане репрессии «черной доски» были направлены в первую очередь против проживавших тут этнических украинцев. Украинский историк В. Сергийчук однозначно утверждает: «Те села Усть-Каменогорского или Федоровского районов, которых это касалось, оказались в основном украинскими, поскольку именно украинцы были основными производителями хлеба. Скажем, по переписи 1926 г. в Федоровском районе насчитывалось 28 302 жителя, из которых 25 408 были украинцами»[27]. Однако верно и другое – самой большой этнической группой Казахстана, пострадавшей от применения «черной доски», были, безусловно, казахи. Реквизиция скота и лишение продовольственного снабжения поставили их на грань физического выживания.

Есть информация о существовании «черных досок» также и Дальневосточном крае. ОГПУ сообщало, что в декабре 1932 г. такие репрессии применялись к восьми селам Александровского, Черниговского, Ханкайского районов. Отмечалось применение к ним мер экономического давления, специальных бригад, которые конфисковывали продовольствие. Вместе с тем массовые штрафы крестьян-

---

[26] Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 83. Л. 137. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 548–549; Голод в СССР. Т. 2. С. 220–221.

[27] Сергійчук В. Чому вони не хочуть нас бачити, або історія на службі в імперській політики // Пам'ять народу: геноцид в Україні голодом 1932–1933 років. Свідчення. Кн. 2. Київ: Вид. «Калита», 2009. С. 529.

середняков в пятикратном размере рыночной стоимости припрятанного хлеба было названо «перегибами»[28].

Обобщая приведенные сведения, приходим к выводу о том, что режим «черной доски» в СССР, примененный по решению наивысшего компартийного органа, повсеместно имел как «политическое», так и «национальное лицо». Основными его жертвами становились «контрреволюционные», «антисоветские» колхозы, села, районы. Следующим определяющим фактором стал национальный (этносоциальный) состав населения таких объектов репрессий. Большевистский террор в первую очередь направлялся на украинские села, казахские аулы, казацкие станицы. В УССР картина осложнялась такими обстоятельствами, как чрезвычайно широкие масштабы применения режима «черной доски», жестокость санкций, направленность их против всего населения этой республики. Наконец, имеется неопровержимый факт провозглашения «промышленного бойкота» всей Украины по решению ЦК ВКП(б) от 8 ноября 1932 г.[29], хотя текст этой директивы до сих пор еще не опубликован.

---

[28] ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1310. Л. 1–4. Опубл.: Голод в СССР. Т. 2. С. 339.

[29] См.: Марочко В. І., Мовчан О. М. Голодомор 1932–1933 років в Україні: Хроніка. Київ: ВД «Києво-Могилянська академія», 2008. С. 152.

Ш. Д. Батырбаева

ГОЛОД 1930-х гг. В КЫРГЫЗСТАНЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, НОВЫЕ ПОДХОДЫ

До сих пор вопросы голода 30-х гг. в Кыргызстане, несмотря на отдельные публикации автора данной статьи, остаются вне поля зрения ученых-советологов. В постсоветской историографии география голода охватывает УССР, БССР, РСФСР, Казахстан. Хотя наличие голода в разных масштабах как последствия осуществления массовой коллективизации было закономерным проявлением во всех союзных республиках, в том числе и Кыргызстане. Одна из главных причин такого состояния исследованности проблемы голода обусловлена описательным подходом к опубликованным сводным статистическим данным, согласно которым Киргизская ССР в интервал между переписями с 1926 по 1939 г. занимала первое место по темпам роста населения в СССР.

Действительно, на первый взгляд, если взять относительный темп роста Киргизской ССР с 1926–1939 гг. (45,2 %), демографическая ситуация в этот период представляется благополучной. Но сравнительный анализ показывает, что, во-первых, 28,8 % роста было обеспечено за счет миграционных процессов[1]; во-вторых, из 14,1 % прироста кыргызского населения в 1926–1939 гг. 3,2 % относится к межпереписному периоду 1937–1939 гг. Следовательно, ежегодный темп прироста кыргызского населения с 1926 по 1937 г. составил всего 1 %, а в последующие два года 1,6 %. В связи с этим можно предположить, что прирост коренного населения республики с 1926 по 1939 г. на 14,1 % не соответствовал реальным возможностям демографического воспроизводственного процесса кыргызов. Скорее, такую неравномерность в темпе роста численности кыргызов в межпереписные периоды 1926–1937 и 1937–1939 гг. можно объяснить голодом в начале 30-х гг. Для того чтобы обосновать это предположение, был

[1] Батырбаева Ш. Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. М., 2010. С. 43.

применен междисциплинарный метод изучения демографических процессов, а именно – определение имитационно-альтернативного варианта эволюции численности кыргызов с середины 20-х гг. XX в. без учета позитивных и негативных последствий социалистических преобразований. Результаты проведенного исследования показали, что при продолжении в 20-е и 30-е гг. XX в. курса, взятого в период нэпа, численность кыргызов выросла бы не на 14,1 %, а на 19,9 %. Таким образом, к 1939 г. их абсолютная численность достигла бы не 754 323 человек[2], а 790 099 человек.

Далее с учетом того, что регионы Кыргызстана по хозяйственно-культурному типу существенно отличались, мы провели сравнение показателей роста численности кыргызского населения по 5 областям. Из 5 только во Фрунзенской области республики наблюдался отрицательный прирост кыргызского населения в пределах 1,9 %. При этом в регионах южного Кыргызстана – в Джалал-Абадской и Ошской областях численность кыргызов увеличилась на 19,8 %, в Тянь-Шаньской и Иссык-Кульской области прирост кыргызов составил 20,2 и 11,1 % соответственно. Для Фрунзенской области был характерен активный приток представителей коренного населения, т. к. в 1926–1939 гг. она являлась центральной, на ее территории находилась столица г. Фрунзе, крупные развивающиеся города Токмок и Кара-Балта, размещены основные промышленные объекты республики, государственные и образовательные учреждения. В этот период только население столицы возросло за счет прибывших из других регионов с 1701 до 6117 человек[3]. Следовательно, численность кыргызов во Фрунзенской области в рассматриваемый период, вместо уменьшения должна была увеличиться на порядок больше, чем в других областях. Применяя в отношении результатов переписей с 1926 по 1939 г. имитационно-альтернативный расчет динамики численности по областям республики, попытаемся выяснить границы демографических потерь во Фрунзенской области. На основе анализа данных имеющихся источников по статистике населения и эпистолярных источников выяснили предполагаемый темп развития численности кыргызского населения по областям. Согласно нашему расчету, альтернативный рост населения в южном хлопководческом регионе (Джалал-Абадской и Ошской области) был выше на 1200 человек по сравнению с зафиксированными данными переписи 1939 г., в Тянь-Шаньской области на 400 человек. В двух областях,

[2] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 78.

[3] РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 415. Л. 5; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VIII. С. 216.

связанных преимущественно с земледельческим типом хозяйствования – Иссык-Кульской области ниже, чем фиксированная численность кыргызов на 7100 человек и по Фрунзенской области – на 31 200 человек.

Далее нами был проведен ретроспективный подсчет роста численности кыргызского населения по двум областям с отрицательной динамикой и из ранее установленных общих демографических потерь в количестве 39,2 тыс. человек, прямые потери по двум областям за 1933 г. составили 25,8 тыс. человек. Исходя из вышеизложенного можно сказать, что в 1932 и 1933 гг. в отдельных регионах Киргизстана – во Фрунзенской области и Иссык-Кульском регионе наблюдались катастрофические последствия, связанные с голодом.

В Кыргызстане голод мог бы быть повсеместно, если бы не позиция руководства Киргизской АССР, в первую очередь, председателя СНК республики Ю. Абдрахманова. В своем дневнике 25 февраля 1932 г. он с тревогой писал: «Так не показывает ли участь казахов будущность киргиз? Похоже на то» [4]. Позднее, 23 июня того же года: «Мне не удалось доказать, что лучше недополучить (хлеб. – *Ш. Б.*), чем переполучить и в результате иметь украинскую историю»[5].

Благодаря исключительной роли Ю. Абдрахманова в Кыргызстане был предотвращен повсеместный голод. Но политическое руководство страны посчитало его действия вредительством, «уклоном вправо от генеральной большевистской линии»[6], и в решении ЦК ВКП(б) по Киргизской парторганизации от 24 сентября 1933 г. он был освобожден от должности за «ряд ошибок, выразившихся:

а) в либеральном отношении к выполнению плана хлебозаготовок 1932 г.;

б) в попустительстве разбазаривания хлеба сверхутвержденных директивными органами планов снабжения хлебом и непринятии достаточных мер против расхищения хлеба;

в) в неправильном решении бюро ОК о выдаче семссуды пшеницы весной 1933 года, без ведома Средазбюро ЦК ВКП(б) и ЦК ВКП(б);

г) в сопротивлении своевременному выполнению директив Средазбюро ЦК ВКП(б) о вывозе хлеба из Киргизии для снабжения рабочих и хлопкоробов республик Средней Азии»[7].

Наши исследования, в свете новых источников, только приоткрывают границы реальной демографической катастрофы в Кыргызстане

---

[4] Абдрахманов Ю. 1916. Дневники: Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 185.

[5] Абдрахманов Ю. Указ. соч. С. 187.

[6] ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 460. Л. 103.

[7] Там же.

в годы социалистических преобразований. Для выявления масштабов голода и определения уровня «разумности» ошибок советского руководства в выборе курса и реализации аграрных преобразований, необходим критический сравнительно-сопоставительный анализ как первичных, так и опубликованных материалов переписей. Особенно в отношении тех, которые были осуществлены во второй половине 30-х гг. Здесь, как правило, под разными предлогами все внесенные изменения, главным образом, направлялись на сокрытие масштаба. В этом плане нами были рассмотрены итоги переписи населения 1926 г., при каждой разработке которых по нашей республике менялась численность населения в сторону увеличения. Для проверки того, не были ли эти изменения вызваны последствиями голода в долинных районах Северного Кыргызстана, нами была составлена сравнительная таблица 1 численности населения областей республики по двум официальным разработкам переписи 1926 г., осуществленным в 1928 и 1939 гг.

Таблица 1

Численность населения Кыргызстана по двум официальным разработкам в 1928 и 1939 гг. материалов переписи 1926 г.[8]

Области	1928 г.	1939 г.	Расхождение
Джалал-Абадская, Ошская	472255	476913	4658
Иссык-Кульская	133521	134579	1058
Тянь-Шаньская	100282	104981	4699
Фрунзенская	286946	285224	-1722
Всего	993004	1001697	8693

Сопоставление внесенных изменений показало, что численность населения была увеличена в Тянь-Шане – на 4699 человек, в Джалал-Абадской и Ошской областях – на 4658, на Иссык-Куле – 1058 человек, и только во Фрунзенской области она изменена в сторону уменьшения – на 1722 человека, где вследствие голода были огромные потери среди кыргызов. Таким образом, уменьшающая поправка общей численности всего населения во Фрунзенской области, скорее всего, сглаживала коэффициент отрицательного роста кыргызов за межпереписные годы, т. к. численность остальных народов в области, благодаря прибывавшим извне, только значительно возрастала.

[8] Итоги Всесоюзной переписи 1926 г. Киргизская ССР. С. 216–219; ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 34. Д. 6. Л. 8.

Следовательно, материалы переписи 1926 г. в разных разработках требуют критического отношения. В отличие от итогов переписи 1937 и 1939 гг. результаты переписи 1926 г. были трижды разработаны, сначала по окончании переписи в 1927–1928 гг., далее по отношению к результатам переписи 1937 и 1939 гг. Хотя в этих разработках имеются значительные расхождения, они до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Такое положение, скорее, можно объяснить следующими обстоятельствами: во-первых, среди всех переписей населения в советский период перепись 1926 г. по программе, организации, разработке и публикации признаются наиболее качественной. Во-вторых, те изменения, которые были внесены, в последующих разработках рассматриваются как необходимость, чтобы обеспечить сопоставимость показателей переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг., вызванных: а) образованием новых союзных республик; б) изменением административно-территориальных границ; в) особенностью программы переписи 1937 г., когда впервые и единственный раз были учтены отдельно военнослужащие; г) и самое главное, общая численность населения СССР за 1926 г. как в первых официальных публикациях 1927–1928 гг., так и в позднейших разработках оставалась неизменной – в количестве 147 027 915 человек (табл. 2).

Автор настоящей статьи, исследуя демографические процессы в период социалистических преобразований, провел сравнительно-сопоставительный анализ показателей общей численности населения союзных республик в первоначальных и более поздних разработках переписи 1926 г. Результаты сравнения показали, что все эти изменения могли быть вызваны не только вышеназванными факторами, но еще и последствиями голода в 30-е гг. XX в. Снижение во всех разработках численности населения Казахской ССР могло быть преднамеренным.

В 30-е гг. XX в. статисты, чтобы скрыть демографическую катастрофу, не только сфальсифицировали результат переписи 1939 г., но и снизили численность населения за 1926 г. для обеспечения положительной динамики прироста хотя бы на 1,3 %. Основанием для такого предположения является и тот факт, что в Киргизской ССР, где относительный темп роста населения за этот период был самым высоким, общая его численность в каждой разработке изменялась в сторону увеличения.

Таблица 2

Изменение численности населения союзных республик СССР за межпереписной период с 1926 по 1939 г.[9]

Союзные республики	Число жителей по трем официальным разработкам сводных итогов материалов переписи 1926 г. (чел.)				Число жителей по данным переписей		1939 г. к 1926 г. (%) (по разработке 1939 г.)
	1928–1929 гг.		1937 г.	1939 г.	1937 г.	1939 г.	
	Опубликованные данные	Подсчитано в новых границах					
Российская Федерация	100891244	93395234	93107746	93457996	103967924	109397463	117,1
Украинская	29018187	29018187	28925976	29042934	28387609	30946218	106,6
Белорусская	4983240	4983240	4925764	4983240	5196549	5568994	111,8
Закавказская ФСР	5861529						
Азербайджанская	2314571	2314571	2301911	2313744	3056978	3205150	138,5
Грузинская	2666494	2666494	2652626	2677233	3376946	3540023	132,2
Армянская	880464	880464	872775	881290	1209253	1282338	145,5
Туркменская	1000914	1000914	983812	998154	1168538	1251883	125,4
Таджикская		827443	1026826	1032216	1382168	1484440	143,8
Узбекская (в т. ч. Ходжентский округ 304541)	5272801	4750001	4538993	4565432	5847448	6271269	137,4
Казахская (в том числе Кара Калпакская АО 304541)		6198363	6078570	6073979	5120173	6151102	101,3
Киргизская		993004	998268	1001697	1369667	1458213	145,6
РККА и погранохрана			614648		1956217		
Всего	147027915	147027915	147027915	147027915	162039470	170557093	116,0

Для того чтобы обосновать правомерность нашего утверждения о преднамеренных искажениях в повторных разработках переписи 1926 г. была составлена сравнительная таблица (см. табл. 2). Для на-

[9] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. VIII. С. 12; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. XV. С. 5; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. IX. С. 13; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. X. С. 3; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. VII. С. 2; Всесоюзная перепись населения 1937: Краткие итоги. С. 42–47; Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 21. Не исключается численность населения Казахской и Киргизской АССР.

чала с учетом административно-территориальных изменений заново были подсчитаны опубликованные в 1927–1928 гг. итоги переписи населения 1926 г. В частности, из общей численности населения РСФСР было выделено отдельно население Казахской и Киргизской АССР, из состава Узбекской ССР было исключено население Таджикской ССР, кроме этого население Ходжентского округа из Узбекской ССР было причислено к Таджикской ССР, население Кара-Калпакской автономной области было выведено из состава Казахской АССР и включено в состав Узбекской ССР. При этом следует отметить, что отдельные незначительные изменения границ между республиками, как, например, в декабре 1934 г. когда, небольшой участок на северо-западе Казахской АССР был передан вновь образованной Оренбургской области РСФСР, не могли кардинальным образом повлиять на перераспределение населения в новых границах.

Установленная нами общая численность населения союзных республик в новых границах существенно отличалась от последующей их разработки, сделанной по отношению к итогам переписи 1937 г. Во всех республиках, кроме Киргизской ССР, наблюдается существенное уменьшение численности населения. Данные расхождения, главным образом, были связаны с особенностью программы 1937 г., где отдельно была выделена категория населения – военнослужащие «РККА и погранохрана». И для обеспечения сопоставимости результатов переписи 1926 и 1937 гг., во всех республиках за 1926 г. из общей численности населения исключали военнослужащих. Увеличение население Киргизской АССР на 5264 человека после исключения из общего числа военнослужащих, скорее, можно объяснить за счет территориальных изменений. В целом новая разработка итогов переписи населения 1926 г. с целью обеспечения сопоставимости показателей двух переписей в новых границах и отдельно для категории военнослужащих относительно была проведена качественно.

Следовательно, наши предположения о преднамеренных искажениях в позднейших разработках итогов переписи населения 1926 г. относятся к 1939 г. Сравнительно-сопоставительный анализ повторно разработанных итогов переписи 1926 г. по отношению к результатам переписи 1939 г. показал, что показатели 6 союзных республик – РСФСР, УССР, БССР, ЗФСР, УзССР и Туркменской ССР не только были пересчитаны в пределах государственных границ 11 союзных республик, но и в общую численность их населения вновь включена категория военнослужащих. В результате чего, во всех союзных республиках была увеличена (в разной степени) общая численность населения. А в Казахской ССР наоборот численность населения уменьшилась на 4591 человека. На первый взгляд, это незначительная величина, если не учитывать того факта, что в 1937 г., в целом за счет категории военнослужащих численность всего населения Казахской

ССР была снижена на 119 793 чел. Безусловно, после исключения показателя отдельной категории населения «РККА и погранохрана» должно было быть увеличение, ибо Казахстан по величине территории занимал второе место после РСФСР и протяженность границы с Китаем была огромной (178 278 км), кроме этого в середине 20-х гг. шла борьба с басмачеством. Все эти факторы, бесспорно, требовали нахождения в республике большего контингента военнослужащих. Между переписями 1937 и 1939 гг. не было значительных изменений границ Казахской ССР, приведших к столь существенному снижению в общей численности населения.

Для того чтобы наглядно показать причины снижения мы сопоставили результаты относительного роста населения союзных республик между переписями 1926–1937 и 1937–1939 гг., условно допуская, что в итогах переписи 1926, 1937 и 1939 гг., несмотря на приписки, в целом реально отражен вектор направления демографических процессов.

Прежде чем сравнивать результаты двух переписей, следует обратить внимание на то, что за межпереписные 1937–1939 гг. реальные темпы роста населения союзных республик будут незначительно завышены, так как в 1939 г., в отличие от 1937 г., военнослужащие были включены в общую численность. Согласно данным, за межпереписные 1926–1937 гг. только в двух республиках был отрицательный прирост: на Украине – 538 367 человек, в Казахстане – 958 397 человек, т. е. население Украины вследствие голода уменьшилось за рассматриваемый период на 1,8 %, а Казахской ССР – 15,8 %. В следующий межпереписной период (1937–1939 гг.) при 5,3 % относительного темпа роста всего населения СССР данный показатель в Казахстане равнялся 20,1 %, на Украина 9 %, в остальных республиках в пределах от 5 до 7 %.

Скорее, именно эти относительные данные о темпе прироста послужили статистам ориентиром для «успешного» проведения переписи 1939 г., чтобы определить – где, в каком объеме произвести приписки. Так, в Казахской ССР в 1926–1937 гг. прирост был отрицательный – на 15,8 %, а в последующие два года с 1937–1939 гг. население увеличилось на 20,1 %. Если даже исключить военнослужащих – данный показатель составит примерно 12 %, а ежегодный темп роста – 6 %. Такого темпа роста даже с учетом миграции в относительно благополучные годы в демографическом развитии Казахстана не было.

Все допускаемые ресурсы приписки к итогам переписи 1939 г. по Казахской ССР были использованы статистами, и все равно они не смогли обеспечить положительной динамики демографических процессов. Когда во всеуслышание заявлялось о небывалых достижениях советского государства в преодолении вековой отсталости национальных республик, недопустима была отрицательная дина-

мика роста населения. Единственная возможность скрыть масштаб голода – изменить изначальные границы отсчета роста населения с 1926 г. Поэтому в разработке переписи населения 1926 г. в отношении к итогам переписи 1939 г. только по Казахской ССР была существенно снижена численность – на 124 384 человека. И именно это снижение обеспечило положительный прирост населения Казахской ССР, и то всего на 1,3 %. В то же время для сохранения конечного результата переписи после такого изменения за 1926 г. подняли численность населения в других республиках. В результате такого рода перераспределения населения между союзными республиками общая численность населения СССР во всех этих расчетах оставалась неизменной. Об этом свидетельствует сохранившейся в РГАЭ РФ документ «Киргизия. В новых перерасчетах», где показано, что в результате проверки недоучета населения, осуществленного в 1939 г., в 11 районах была увеличена численность населения республики на 15 680 человек, а в 16 районах – уменьшена на 39 108 человек[10]. То есть за 1926 г. в разработках 1939 г. шло уменьшение общей численности населения Киргизской ССР на 23 428 человек. Однако, несмотря на эти перерасчеты, общая численность населения Киргизской ССР в итогах переписи 1926 г. была исправлена в сторону увеличения на 8693 человека. Таким образом, позднее внесение изменений в итоги переписи 1926 г. не соответствует действительности, и эти исправления были сделаны для сокрытия катастрофических последствий демографического развития Казахстана.

Наши исследования, в свете новых источников, только приоткрывают границы реальной демографической катастрофы в Кыргызстане, сопоставимой с другими союзными республиками и регионами СССР. Проблемы демографических изменений в Кыргызстане в период сталинизма в принципе остаются не изученными в республиканской историографии. Поэтому для выявления масштабов голода 30-х гг. XX в. и определения уровня «разумности» ошибок советского руководства в выборе курса и реализации аграрных преобразований, необходимо проводить комплексный и системный анализ массовых и уникальных источников по истории населения. Назрело время отойти от политизации темы, сместить акцент исследования голода с позиции определения величины людских потерь на концептуальные проблемы. Обсудить теоретические и методологические вопросы, оценить достижения в постсоветской историографии, найти точки соприкосновения в изложении истории не отдельного народа, а советского, с учетом его особенностей.

---

[10] РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1277. Л. 223.

III. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

А. М. Петренко

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ МОЛДАВСКОЙ АССР. ФОРМИРОВАНИЕ И СУДЬБА

Некоторые вопросы развития образования и культурного строительства в Молдавской Автономной Советской Социалистической Республике (МАССР) были исследованы советскими историками[1]. После распада СССР историки Республики Молдова продолжили изучение проблем МАССР, опубликовав ряд сборников документов[2] и монографий[3].

В последние несколько лет в Республике Молдова и Румынии были опубликованы сборники документов и исследования политики сталинского режима, в том числе на Украине. Так, в 2011 г. историк Вадим Гузун издал сборник документов, относящихся к голоду 1932–1933 гг.[4] Тот же историк в 2012 г. издал огромный том доку-

---

[1] См., напр.: Омельчук Ф. С. Развитие социалистической культуры в Молдавской АССР. Кишинёв, 1950; Крачун Т. А. Школа в левобережной части Молдавии после Великой Октябрьской социалистической революции // Очерки по истории школ в Молдавской ССР. Кишинёв, 1950. С. 118–143; Миренюк В. М. Деятельность молдавской партийной организации по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения республики (1924–1940) // Ученые записки Молдавского государственного университета. 1971. Т. 5. С. 119–127; Он же. Деятельность молдавской партийной организации по культурному строительству (1924–1940). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кишинёв, 1973; Гузун Г. К. Коренизация государственного аппарата МАССР (1926–1934) // Научная конференция профессорско-преподавательского состава МГУ за 1971 г. Секция общественных и гуманитарных наук. Тезисы докладов. Кишинёв, 1971. С. 134–136; и др.

[2] См., напр.: Politica de moldovenizare în RASS Moldovenească. Culegere de documente şi materiale [Политика молдовенизации (проводимая) в Молдавской АССР. Сборник документов и материалов]. Кишинёв, 2004. С. 32; Gheorghe E. Cojocaru. Cominternul şi originile „moldovenismului". Studiu şi documente [Георге Е. Кожокару. Коминтерн и истоки «молдовенизма». Исследование и документы]. Кишинёв, 2009.

[3] Negru Elena. Politica etnoculturală în RASS Moldovenească (1924–1940) [Елена Негру. Этно-культурная политика в Молдавской АССР (1924–1940)]. Кишинёв, 2003.

[4] Guzun Vadim (ed.). Foametea, Piatiletka şi ferma colectivă: documente diplomatice româneşti, 1926–1936, [Вадим Гузун. Голод, пятилетка и коллективная ферма: румынские дипломатические документы, 1926–1936]. Бая Маре, 2011.

ментов, касающихся людей, бежавших в Румынию в период с 1919 по 1936 г.[5]

Кишиневские историки Ион Варта, Татьяна Варта и Игорь Шаров опубликовали ранее засекреченные документы, хранящиеся в Архиве Министерства внутренних дел Молдавской ССР и Службы информации и безопасности, касающиеся 1937–1938 гг.[6]

Среди исследований нужно отметить, в первую очередь, фундаментальную монографию Алексея Мемея[7], в которой есть страницы, посвященные созданию пролетарской интеллигенции, ее судьбам.

Цель данной статьи: краткое изложение политики Компартии СССР по отношению к молдавскому коренному населению, проживающему на территории Украинской ССР.

1. Изучение документов доказывает, что идея о создании молдавской автономии на территории Украинской ССР не принадлежала коренному населению, то есть молдаванам, которые проживали на территории Украины, и, тем более, руководству Украинской ССР. «Докладная записка о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики» была подписана Григорием Котовским (бессарабец) и несколькими лидерами Румынской Коммунистической партии (А. Бэдулеску, П. Ткаченко, А. Николау и др.), которые после 1918 г. перешли Днестр и проживали в СССР. По замыслам создателей нового государства, Молдавская республика должна была сыграть «ту же роль политическо-пропагандистского фактора, что и Белорусская республика по отношению к Польше, и Карельская – по отношению к Финляндии»[8], в данном случае – по отношению к Румынии. Кроме того, «объединение Приднестровья и Заднестровья служили бы стратегическим клином СССР по отношению к Балканам (через Добруджу) и к Центральной Европе (через

[5] Guzun Vadim (ed.). Chestiunea refugiaţilor de peste Nistru: documente diplomatice şi ale serviciilor române de informaţii, 1919–1936 [Вадим Гузун. Проблема беженцев из-за Днестра: дипломатические документы и документы румынских информационных служб, 1919–1936 гг.]. Клуж-Напока, 2012.

[6] Varta Ion, Varta Tatiana, Şarov Igor (editori). Asasinările în masă din RASSM în perioada Marii Terori. 1937–1938. Documente desecretizate din arhivele MAI şi SIS ale Republicii Moldova. Vol. I [Ион Варта, Татьяна Варта, Игорь Шаров. Массовые расстрелы в МАССР в период Великого Террора. 1937–1938 гг. Рассекреченные документы из архивов МВД и СИБ Республики Молдова. Т. 1]. Кишинёв, 2010.

[7] Memei Alexei. Teroarea comunistă în RASSM (1924–1940) şi RSSM (1944–1947). Mărturii documentare [Алексей Мемей. Коммунистический террор в МАССР (1924–1940) и МССР (1944–1947). Документальные свидетельства.] Кишинёв, 2012.

[8] Politica de moldovenizare în RASS Moldovenească. Culegere de documente şi materiale. С. 30.

Буковину и Галицию), который СССР мог бы использовать в качестве плацдарма военных и политических целях»[9].

2. Споры о характере будущей республики, о наименовании этноса, языке, культуре, разразились еще до ее провозглашения. Некоторые активисты высказали мнение о том, что молдаване это особая группа романского населения, имеющая право на национальное самоопределение. В августе 1924 г., в газете «Одесские известия», А. Гринштейн попытался обосновать «теорию» двух народов и двух языков (молдавского и румынского). Такого же мнения был и Иосиф Исаакович Бадеев (настоящая фамилия – Суслик) – руководитель Оргбюро компартии будущей МАССР. А. Гринштейн и И. Суслик считали, что в качестве молдавского языка необходимо использовать «простой и понятный язык, на основе русского алфавита».

Другая группа активистов считала, что молдавский язык должен развиваться на основе румынского языка и латинского алфавита. Ярким выразителем этого мнения был Григорий Старый (настоящая фамилия – Борисов). Г. Борисов родился в Бессарабии, в 1880 г., впоследствии занимал важные государственные должности, в том числе – был председателем Совнаркома МАССР (1926–1928, 1932–1937 гг.). Борисов утверждал: поскольку в Бессарабии изучают и разговаривают на румынском языке, то молдаване, проживающие в МАССР, должны знать этот язык и алфавит, при будущем объединении «нужно быть готовыми».

3. В указанном противостоянии временную победу одержали приверженцы «молдовенизма». 19 сентября 1924 г. Политбюро ЦК Компартии Украины приняло решение о создании МАССР. Восьмой пункт данного постановления гласил: «Развить молдавский литературный язык на основе народного языка крестьян левобережья Днестра»[10]. 12 октября 1924 г. была провозглашена МАССР в составе Украинской ССР, со столицей в городе Балта, затем – Тирасполь.

В созданной республике молдаване составляли всего лишь 32 % населения (по другим данным – 34,3 %); они проживали в селах, занимаясь сельским хозяйством. В этих условиях началась работа по созданию нового языка. Середина 1920-х гг. – это время попыток применения на практики теории академика Николая Марра о языке как «надстройке» над социально-экономическими отношениями, о «классовом» характере языка. Иными словами, в новом, социалистическом, обществе, пролетариат и трудовое крестьянство должны иметь свой язык, отличный от языка эксплуататоров. Таким образом,

[9] Politica de moldovenizare în RASS Moldovenească. Culegere de documente şi materiale. C. 30.

[10] Negru Elena. Politica etnoculturală în RASS Moldovenească... C. 17.

в условиях МАССР, румынский язык был объявлен языком бояр и эксплуататоров, классово-вредным, а «молдавский» – языком рабочих и крестьян. Несколько «интеллигентов» (партработников) начали трудиться над созданием нового языка. Для его создания были адаптированы русские слова. Например, «болеть» – «болеск», «реально» – «реальник», «культурно» – «культурник» и т. д. Другим источником создания нового языка был дословный перевод с русского языка некоторых слов, но которые теряли смысл и звучали странно. Например, «чугунно-литейный завод» был переведен следующим образом: «заводу де турнаре а чяунелор», что в обратном переводе означает «завод по производству чугунных котелков». Слово «полотенце», например, было переведено «мынэштергур». В обратном переводе это звучит как «вытератель рук».

В декабре 1926 г. был создан Молдавский научный комитет во главе с Л. А. Маданом, основная задача которого – создание нового языка. К 1929 г. руководство МАССР одобрило орфографию и лексику нового языка. Молдавские «филологи» смогли изобрести 5000 слов.

4. Первыми писателями МАССР, как представители интеллигенции, были партийные активисты, не имеющие специальной подготовки и образования. Первые журналисты и писатели молдавской автономии это революционеры, которые боролись за установление Советской власти в Румынии (в частности, Бессарабии) и которые эмигрировали в СССР. В марте 1928 г. была создана Организация советских писателей Молдавской АССР, названная «Рэсэритул» («Восток»).

В конце 20 – начале 30-х гг. прошлого столетия в МАССР были изданы несколько сборников стихов (например, Константин Кошерэу «Стихи», Михаил Андрееску «Стихи», Никита Марков «Рассказы» и др.). Один из писателей (Михаил Андрееску) признавался: «Нас никто не учил писать повести и стихотворения. Мы сами взяли перья в руки. Нас мало, можно по пальцам пересчитать, и мы одиноки. У нас нет литературы прошлого, неоткуда ожидать помощи. Мы вынуждены начинать с нуля»[11].

Оторванные от традиций, постоянно находясь под идеологическим прессом, поэты и писатели МАССР выпустили в свет примитивные, неуклюжие, литературные произведения. Основная тематика этих произведений – классовая борьба и уничтожение классового врага, пролетариат – новый мировой Мессия, светлое будущее социалистического общества и т. д. Современная литературная критика

[11] Там же. С. 85.

считает, что основная заслуга молдавских (румынских) писателей того периода заключается в том, что «в условиях пролеткультского ада, они смогли удержать слабенький огонек латинизма, посредством бедного, неуклюжего, но во многих случаях – живого, чистого и сочного в смысле фольклора языка»[12].

5. В начале 30-х гг. вновь активизировались сторонники румынизации языка. Еще в 1929 г. советское руководство приняло решение о латинизации письменности нерусских народов; в результате – ряд тюркских народов перешли на латинский алфавит.

Исследователи установили, что в начале 1932 г. первый секретарь ЦК Компартии Украины А. Косиор был принят И. Сталиным. Руководитель СССР высказался за сближение «молдавского» и румынского языков, за создание в будущем румынского советского государства[13]. После этого события, 2 февраля 1932 г., Бюро Молдавского обкома КП(б)У приняло решение о переводе молдавского языка на латинский алфавит. В одобренной резолюции отмечено: «1. Считать вполне своевременным и целесообразным переход МАССР на латинский алфавит. 2. В дальнейшей работе по национально-культурному строительству исходить из необходимости обогащения молдавского языка общепринятыми словами среди молдаван старой Молдовы и Бессарабии»[14].

В большевистском духе руководство Компартии МАССР приняло решение о переводе всех выпускаемых газет (центральных и местных) на латинский алфавит. 26 сентября 1933 г. Молдобком КП(б)У принял постановление «О массовом обучении латинизированной письменности в 1933–1934 учебном году взрослого молдавского населения». В документе отмечалось, что «одной из самых основных решающих в нынешнее время задач национально-культурного строительства Молдавии является овладение молдавским населением латинизированной письменности»[15]. В специальном Обращении к коммунистам и комсомольцам, к рабочим, крестьянам, единоличникам и советской интеллигенции, партийное руководство автономной республики призывало изучить латинский алфавит. По данным статистики, в 1933–1934 гг. среди взрослого населения новый алфавит изучили 38 500 человек, или 55 % от общего числа трудоспособного населения, подлежащего обучению латинизированному алфавиту[16].

---

[12] Cimpoi Mihai. O istorie deschisă a literaturii române din Basarabia [Михай Чимпой. Открытая история румынской литературы Бессарабии]. Кишинёв, 1996. С. 156.

[13] См.: Negru Elena. Указ. соч. С. 37.

[14] Politica de moldovenizare în RASS Moldovenească... С. 132–133.

[15] Там же. С. 165.

[16] Там же. С. 204.

6. В МАССР единственным центром науки был Молдавский научный комитет, в котором трудились лишь «филологи». В 1928 г. был открыт исторический отдел, руководителем которого был И. Гоян. Руководитель молдавских историков написал «Историю МАССР», которая, однако, не была опубликована по идеологическим причинам. Молдавские историки попытались разработать и опубликовать ряд работ по истории Бессарабии и средневековой Молдовы, но их работы были признаны «реакционными» и запрещены, а авторы – исключены из КП(б) СССР.

В МАССР был создан Молдавский драматический театр (1928 г.), Молдавский симфонический оркестр (1930 г.), другие художественные коллективы. Однако, за исключением Молдавского драматического театра, где молдаване составляли большинство, во всех остальных они были в явном меньшинстве (в Молдавском симфоническом оркестре из 31 артиста лишь 6 были молдаванами).

7. Попытки властей создать прослойку национальной интеллигенции нельзя рассматривать в отрыве от того, что происходило в обществе в целом: насильственная коллективизация сельского хозяйства, массовые репрессии, голодомор, атмосфера общего страха и т. д.

Непосредственным образом репрессии коснулись и молдавских интеллигентов. В июне–августе 1937 г. были арестованы ряд работников Тираспольского педагогического института, в том числе ректор данного вуза А. Н. Похинин. К концу сентября 1937 г. пять из семи членов Союза писателей, включая председателя Д. Милева, были репрессированы, часть из них – расстреляна. Только в октябре–декабре 1937 г. в МАССР были осуждены к расстрелу 625 человек, главным образом – сторонники латинизации, а после них пришла очередь и тех, кто их критиковал. К осени 1937 г. в МАССР не было политического руководства, составленного из молдаван[17]. Не стало также молдавской интеллигенции.

[17] O istorie a regiunii transnistrene din cele mai vechi timpuri până în prezent [История заднестровского региона с древнейших времен до настоящего времени]. Кишинёв, 2007. С. 285.

В. В. Тихонов

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ В ПОСЛЕДНЕЕ СТАЛИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ[1]

Еще в начале XX в. Ф. Мейнеке предложил различать два типа наций – культурные и государственные. Первые формируются на основе этнических компонентов (язык, традиция, культура), вторые – в результате государственного национального строительства[2]. Два типа во многом противостоят друг другу, поскольку государственная модель в процессе конструирования нации стремится к унификации входящих в нее этнических образований, а те, в свою очередь, нацелены на сохранение своей особенности. Более того, целью культурных наций является создание собственных государственных образований, что разрушает нацию-государство изнутри. С этим фундаментальным противоречием столкнулся и Советский Союз.

Разработка истории народов СССР была заявлена действующей властью как одна из центральных задач советских историков. Партия-государство, руководившая многонациональной страной, где межэтнические отношения в условиях радикальных социальных преобразований 1920–1940-х гг. приобретали особую остроту, требовала создания таких текстов, которые отвечали бы быстро меняющемуся идеологическому контексту и способствовали межэтнической консолидации. Особую остроту приобрела проблема истории взаимоотношения русских с представителями других народов.

В 1920-е гг. создание национальных нарративов в условиях борьбы с «великорусским шовинизмом» строилось по нехитрой схеме: национальная политика Российской империи – априорное зло, а любые выступления «националов» против царского режима – борьба с колониализмом, которую необходимо оценивать исключительно поло-

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК–2627.2013.6).

[2] См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Национальная история и национализм // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев. М., 2011. С. 331–332.

жительно. Повороты внутренней и внешней политики конца 1920 – начала 1930-х гг. потребовали концептуального перевооружения. На смену борьбе с «великорусским шовинизмом» пришла идеология «дружбы народов», составной частью которой стало признание того, что русские – первые среди равных народов СССР[3].

В идеологическое и историографическое пространство в ходе конкурса на школьные учебники по истории была введена формула «наименьшего зла», закрепленная в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР», появившихся за авторством И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова. Указывалось, что вхождение в состав России Украины и Грузии было меньшим злом, чем если бы они оказались в составе Польши или Турции[4]. Но новые указания только вызвали очередной конфликт интерпретаций. Поскольку формула «наименьшего зла» в постановлении касалась только Украины и Грузии, то у историков возникло своеобразное пространство для маневра. Не совсем было ясно, а можно ли ее применять к истории других народов, насколько это корректно с научной и идеологической точки зрения. Это предполагало известную свободу научного творчества и дискуссионность вопросов присоединения нерусских народов к России. При этом официально «колониальная политика» России не признавалась положительным явлением. Все это создавало ситуацию неопределенности.

Крупные проекты по написанию новых национальных историй были запущены еще в довоенное время. Необходимо подчеркнуть, что создание многотомных национальных историй – это своеобразная централизация и унификация исторической памяти, поскольку эти издания должны были задавать стандарт для местных историков в интерпретации их собственной истории. Писать или научно курировать многотомники должен был Институт истории АН СССР – центральное научно-историческое учреждение страны, сотрудники которого составляли костяк авторских коллективов. Тем самым формировалась отчетливая вертикаль власти, в которой местные историки выступали в роли младших коллег, задачей которых являлось, как правило, написание отдельных, не самых значительных разделов.

---

[3] См.: Tillett L. The Greate Frienship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969; Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. Гл. 2–3; Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 148–184; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; и др.

[4] Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. М., 1946. С. 37.

Именно столичные ученые должны были определять концептуальные рамки, естественно в пределах актуального идеологического дискурса.

Но рассматривать авторские коллективы как пассивных исполнителей новых идеологических директив – непростительное упрощение реальности. Даже в рядах сотрудников Института истории не было единства мнений. Одни придерживались классового подхода, другие старались уловить новые идеологические веяния, воплотившиеся в идеях советского патриотизма. Можно сказать, что историческая наука оказалась между двух огней: классовым подходом и идеологией «дружбы народов». И то и другое являлось компонентом официальной идеологии. Поэтому одни историки продолжали рассматривать процесс включения нерусских народов как национальное угнетение, другие – как «наименьшее зло».

Но написание многотомников по национальным историям из-за войны не было завершено. Годы Великой Отечественной войны стали временем актуализации героического прошлого. Причем это наблюдение касается не только русской истории, но и истории других народов. Например, в 1942–1943 гг., несмотря на выпячивание героических событий русского прошлого, украинская патриотическая пропаганда не была свернута, а, наоборот, усилилась[5]. А едва ли ни самой растиражированной фигурой казахской истории становится хан Кенесары Касымов. С его именем казахские солдаты шли в атаку[6]. Неоднозначность ситуации заключалась в том, что Касымов возглавил в середине XIX в. антироссийское восстание.

В условиях военного времени под руководством А. М. Панкратовой был написан и первый крупный труд по национальной истории – «История Казахской ССР» (1943), в авторский коллектив которого входили известные столичные специалисты, находившиеся в эвакуации, а также местные историки. В ходе реализации этого проекта ярко проявилась неопределенность существовавшего идеологического канона. Перед авторами встал вопрос о целесообразности применения формулы «наименьшее зло». После продолжительных дебатов было решено от нее отказаться[7]. Антицаристские движения оценивались как прогрессивные.

---

[5] Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008. С. 59.

[6] Бекмаханова Н. Е. Историки М. П. Вяткин и Е. Б. Бекмаханов // М. П. Вяткин. Страницы жизни и работы: (К 110-летию со дня рождения). 2-е изд. СПб., 2006. С. 59.

[7] Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 191. Л. 10–13.

Вышедшая в 1943 г. книга вызвала скандал. Г. Ф. Александров, начальник Агитпропа ЦК, назвал ее «антирусской». Он требовал более русоцентричного подхода. В то же время А. А. Жданов занял вполне лояльную позицию к точке зрения авторов «Истории Казахской ССР»[8]. Это свидетельствует о том, что даже в верхушке идеологов не было единства. Но, очевидно, что власти беспокоили издания, которые не только не служили делу скрепления «дружбы народов», а наоборот, потенциально, могли ее разрушить.

Для прояснения позиции историков, в том числе и по вопросам национальных историй, было созвано совещание в ЦК ВКП(б), прошедшее весной–летом 1944 г. Там стало ясно, что позиции остаются полярными: одни призывали (С. К. Бушуев, А. И. Яковлев) поставить в центр исторических нарративов русские национальные интересы, другие (А. М. Панкратова) – остаться на позициях классового подхода, где важнее классовая позиция, а не национальное происхождение. Группа историков во главе с И. И. Минцем призвали придерживаться золотой середины. Позиция главных идеологов также не была четкой, поэтому в данном случае совещание можно рассматривать как своеобразный (но с односторонними выводами) диалог, целью которого являлась дальнейшая оптимизация исторической политики.

Для прощупывания почвы на совещание пригласили совершенно неизвестного в научных кругах Х. Г. Аджемяна, который призвал рассматривать антицаристские движения как подтачивавшие мощь государства, в котором он видел едва ли не главную ценность в истории. Такая позиция была чересчур радикальным разрывом с классовым подходом. Но, несмотря на протесты научно-исторического сообщества, Аджемян еще неоднократно появлялся на различных совещаниях, эпатируя публику своими заявлениями[9].

Совещанием были осуждены все крайние точки зрения, а историкам фактически рекомендовалось пользоваться формулой «меньшее зло» в конструировании национальных историй. Проблема в том, что решения так и не были обнародованы, власть, по сути, не смогла четко сформулировать новые требования. Важно отметить, что главный вдохновитель проекта, А. М. Панкратова, не спешила сдаваться. Она стремилась отстоять книгу, доказывая, что на деле авторы придержи-

---

[8] Бранденбергер Д. Л. Указ. соч. С. 155.

[9] Тихонов В. В. Как «маленькие люди» делали большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: Историографический ежегодник за 2011–2012 гг. М., 2013.

вались теории «меньшего зла»[10]. Но вскоре стало ясно, что исправленного издания не избежать.

Публикации, появившиеся в печати после войны, стремились примирить формулу «меньшее зло» и идею прогрессивности антицаристских движений[11]. Но более определенно идеологические координаты задал Г. Ф. Александров, опубликовав статью в центральном идеологическом органе, журнале «Большевик». Упомянув ошибки в написании национальных историй, он подчеркнул: «В работах по истории отдельных народов СССР при всестороннем, исторически верном изложении материала необходимо выяснить, что объединяло народы многонациональной России в их борьбе с внешними и внутренними врагами... Наши историки нередко описывают только то, что разъединяло народы... Но история народов России есть история преодоления этой вражды и постепенное их сплочение вокруг русского народа»[12]. Итак, показ братства народов, причем во главе с русским, являлся актуальной задачей историков. Ясно, что антироссийские движения становились «неудобным» материалом, который не рекомендовалось выпячивать. Публикация новых директивных материалов заметно изменила идеологический ландшафт советской исторической науки. Теперь историки оказались в более определенных концептуальных рамках, чем это было ранее. В условиях холодной войны руководство страны взяло курс на идеологическую консолидацию советского общества во главе с «великим русским народом». Главным врагом был назван местный «буржуазный национализм».

И все же многочисленные «недоразумения» не прекращались. Внедрение новых идеологических норм осложнялось состоянием самой исторической науки. Среда историков была полна внутренних конфликтов. В случае с созданием национальных нарративов самую заметную роль играли следующие противоречия. Во-первых, противостояние сторонников классового подхода (преимущественно это было первое поколение советских историков, бывших учеников М. Н. Покровского) и «историков-патриотов». Среда последних была сложной по составу, сюда попадали как осколки «старой школы», так и молодая поросль исторической науки, а также эпатажные фигуры вроде Х. Г. Аджемяна. Стоит заметить, что как сторонники классового подхода, так и «патриоты» использовали схожую риторику и не могли отрицать идейные позиции друг друга, поскольку те

[10] Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 79–79 об.

[11] Морозов М. Об «Истории Казахской ССР» // Большевик. 1945. № 6. С. 80.

[12] Александров Г. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1945. № 14. С. 17.

являлись частью официального идеологического дискурса. Вопрос заключался в том, какой компонент будет преобладающим, и как далеко можно зайти в его утверждении. От концепции «абсолютного зла» не спешили отказываться и «национальные» историки. Это подпитывалось и привычным воспитанием за предыдущие десятилетия, и даже латентным местным национализмом. Где-то это проявлялось более ярко, где-то менее.

Во-вторых, со всей отчетливостью проявилось противостояние между «национальными» и столичными историками. Дело в том, что в республиках к тому времени уже сложились, либо активно складывались местные научные и преподавательские кадры. Кто-то из них стремился влиться в общесоюзную элиту исторической науки, а кто-то демонстративно ориентировался на местные интеллектуальные и партийные круги. Местные партийные структуры поддерживали своих историков по разным причинам, в том числе из-за того, что были заинтересованы в положительном историческом имидже республик. Например, в 1946–1947 гг. между историком из Института истории А. П. Кучкиным и казахскими историками прошла дискуссия о советизации казахского аула в 1920-х гг. Столичный исследователь усомнился в том, что казахский аул в 20-е гг. советизировался. Это вызвало резкое неприятие казахских историков, которые нашли поддержку у местных властей, заинтересованных в том, чтобы их республика была показана в «передовиках» процесса советизации[13].

В-третьих, заметным явлением стала и борьба внутри самих национальных кадров. Например, один из авторов «Истории Казахской ССР», Е. Б. Бекмаханов, был подвергнут репрессиям из-за непрекращающихся доносов от недругов из среды казахских историков[14], несмотря на поддержку местных партийных властей. Нельзя забывать и о том, что «руководители Среднеазиатских республик и Казахстана поддерживали своих историков в их намерении доказывать преимущественное значение своей нации в развитии региона, сделать свою национальную историю более древней и культурно продвинутой, чем национальная история соседей»[15]. Все эти факторы создавали сложную, даже нервозную обстановку вокруг проектов по национальным

[13] Зомбе Е. В секторе истории советского общества Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 144–150; Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии // Советская национальная политика: идеология и практики 1945–1953. М., 2013. С. 199–205; НА ИРИ РАН. Оп. 1. Д. 454–455.

[14] Сарсеке М. Бекмаханов. М., 2010. С. 171.

[15] Советская национальная политика: идеология и практики 1945–1953. М., 2013. С. 14.

историям. Авторы боялись ошибиться, совершить фатальную идеологическую ошибку, и тем самым дать недругам повод.

Показательна судьба «Очерков по истории Башкирии», которые начали писать еще до войны. Первоначально книга готовилась в Институте истории, но после разгрома «Истории Казахской ССР» и постановления по ошибкам Башкирской партийной организации[16] книгу передали Башкирскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории им. М. Гафури, работавшему при Совнаркоме Башкирской АССР. За Институтом истории АН СССР оставили координирующую роль и научную помощь. Функции были распределены следующим образом: «Разделы, посвященные общей истории Башкирии, перерабатывались в Москве под общим руководством Башкирской комиссии Института истории АН СССР, разделы по истории культуры Башкирии перерабатывались в Уфе под общим руководством Дирекции Башкирского института»[17]. После многочисленных обсуждений и скандалов Институт истории с явным облегчением отказался от издания, оставив за собой лишь консультирование[18].

Многое изменилось в 1950 г., ставшем поворотным. В этот год Сталинской премии скандально была лишена книга «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX в.» азербайджанца Г. Гусейнова. Причиной стала идеализация движения Шамиля, которое было названо народным и прогрессивным. Справедливости ради, стоит заметить, что этого движения автор коснулся вскользь, а сам сюжет был для него явно периферийным. Тем не менее событие стало крайне важным для всей исторической науки. Если ранее в интерпретации национальных историй еще были недомолвки и неясности, то теперь все было поставлено на свои места. Стало окончательно ясно, что историки должны показывать только те исторические события, которые объединяли бы народы, а антирусские восстания и движения, в независимости от их содержания, официально и неофициально признавались реакционными. Сделано это было при помощи нехитрого трюка: социальной базой всех движений объявлялись реакционные, феодальные элементы, мешающие объединению братских народов.

На следующий год в журнале «Вопросы истории» появилась статья М. В. Нечкиной, в которой она призывала отказаться, хотя и не

---

[16] О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 480.

[17] НА ИРИ РАН. Оп. 1. Д. 776. Л. 21.

[18] Там же. Л. 24.

ретушируя всех сложностей, от формулы «меньшее зло» и предлагала рассматривать присоединение нерусских народов как «абсолютное благо»[19]. Скорее всего, Нечкина и редакция журнала, пытаясь уловить актуальные идеологические веяния, публиковали статью на свой страх и риск. Они как бы забегали вперед. Во всяком случае, спустя некоторое время в официозном партийном органе «Большевик» появилась статья, осуждающая сам факт дискуссии по вопросу якобы давно решенному[20]. А формула «меньшее зло» окончательно исчезла из исторической науки.

Казалось бы, все сомнения о том, как верно описывать взаимоотношения русских и нерусских народов, должны отпасть. Но сводки, поступившие в Отдел агитации и пропаганды, свидетельствуют об обратном. Так, на волне развенчания «культа» имама Шамиля, прошли очередные мероприятия по разоблачению «буржуазного национализма». В Узбекистане организовали разоблачительную «дискуссию» по оценке Андижанского восстания 1898 г., которое было направлено против российского присутствия. Если ранее она считалась национально-классовой борьбой против колониализма, то теперь рекомендовалось признать ее реакционную сущность. Если судить по сообщению корреспондента «Правды» по Узбекской ССР Ал. Шмакова, местные историки восприняли это, несмотря на официальную позицию ЦК Узбекской компартии, негативно: газеты отказывались печатать материалы, разоблачающие восстание и его героев, а на организованной специально конференции «тов. Житов, выступавший на конференции с критикой прежней оценки этого восстания, как прогрессивного, подвергся резким нападкам за то, что доказал участникам конференции реакционность Андижанского восстания»[21]. Показательно, что выражать официальную точку зрения выдвинули не местного узбека, а русского.

Итак, какова же роль профессиональных историков в создании новых национальных нарративов? Совершенно очевидно, что их нельзя рассматривать в качестве инициаторов описанного выше процесса. Но в то же время идеологи, не всегда понимая, в каком направлении идти, обращалась в своеобразной форме за консультациями, а состояние корпорации советских историков делало процесс написания национальных историй непростым, конфликтным и запутанным.

---

[19] Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 588–598.

[20] Екельчик С. Указ. соч. С. 170–171.

[21] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 133. Д. 4. Л. 14.

В данном случае наблюдалось специфическое сотворчество идеологов и историков (функции которых нередко совпадали), конечно, с доминированием первых. К концу сталинского правления в общих чертах была сформулирована новая концепция историй народов Советского Союза, ставшая фундаментом для теории советской нации, положенной в основу национальной политики последующих десятилетий.

А. В. Ясь

«ПОКАЯННЫЕ» И «ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЕ» ТЕКСТЫ УКРАИНСКИХ ИСТОРИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг. КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

Массив текстов украинских историков и ученых-гуманитариев, который метафорически можно назвать «покаянным» и «обличительным», сложился в конце 1929 –первой половине 1930-х гг. В широком смысле он отображал тогдашние социокультурные и политические трансформации в СССР, а также соответствующие идеологические практики.

На первый взгляд, тотальная идеологическая и политическая подоплека писаний этого «жанра» создает внешний эффект однообразия в рецепции данных текстов, которые, по большей части, воспринимаются как один из способов диктата власти относительно нормирования и нивелирования творчества советских интеллектуалов. Однако очерченный сегмент текстов является достаточно интересным и с иной исследовательской перспективы, если его рассматривать как своеобразную, переходную границу, которая отделяет период относительно «нормальной» науки (1920-е гг.) от внедрения «новых правил игры» на культурном поле советского историописания, в частности его республиканской версии 1930-х гг.

Самобытными «двигателями», которые запустили механизм возникновения этого «жанра», стали дискуссии, посвященные концепциям и исследовательским практикам ряда известных украинских историков (М. Грушевский, А. Оглоблин, М. Яворский и др.).[1] Про-

[1] Стенографічний звіт дискусії по докладу Скубіцького з приводу буржуазної Оглоблінської концепції українського історичного процесу, що відбулася в Києві в травні м-ці 1931 р. // Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 3561. Оп. 1. Д. 303. Л. 225; Стенограма дискусії на доповідь акад. В. О. Юринця «Соціологічні погляди акад. М. Грушевського» на об'єднаному пленумі філософії, соціології та циклу історії ВУАН //

водились также специальные административные мероприятия – проверки, ревизии, реорганизации научных учреждений и т. п.[2] Последние были инициированы сверху и развертывались под контролем партийного руководства, которое стремилось приспособиться к новой политической конъюнктуре и «зачистить» интеллектуальный и культурный ландшафт Советской Украины.

Прежде всего, была проведена тотальная делимитация культурного пространства на две полярные «территории» – «свою» и «чужую», которую ретроспективно распространили на всю историю Украины. В результате перед тогдашним украинским интеллектуалом встала проблема, как перейти на «свою» территорию, поскольку попытка остаться на «чужой» земле могла повлечь не только изгнание из научной и культурной жизни, но и репрессии – арест, заключение и даже физическую ликвидацию.

Для «возвращения» на «свою» территорию вводился унизительный ритуал публичного «самообличения» и искупления персональных «грехов» и «преступлений». Ритуализация этого действа имела целью не только полностью «очистить» культурное пространство, но и привлечь ученых к непосредственному процессу разрушения «чужого» мира, т. е. ревностно «разоблачать» своих коллег, наставников и даже учеников. Такое «покаяние» принуждало интеллектуала официально задекларировать свой разрыв с прошлым, что публично дискредитировало его в глазах коллег и современников, а в итоге вызывало психологический надлом личности.

Этот «обряд» предусматривал «самообличение» предыдущих взглядов, отречение от «ошибочных» концепций, публичную «самокритику» собственных и, конечно, «чужих» трудов в свете партийной этики. В то же время историкам навязывали показательное и энергичное участие в борьбе за «чистоту партийно-классовых принципов» и распространение марксистско-ленинской методологии и т. п. «Чем выше стоял в науке тот или другой украинский ученый, – отмечал А. Оглоблин, – тем более утонченной и рафинированной была его “критика и самокритика”»[3].

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее – ИР НБУВ). Ф. 10. Д. 14628. Л. 192; Дискусія з приводу схеми історії України М. Яворського (трав. 1929 р.) // Літопис революції. 1930. № 2. С. 267–326; № 3/4. С. 176–237; № 5. С. 289–324.

[2] См., напр.: Стенограма засідання бригади по обслідуванню установ акад. М. С. Грушевського (24 травня 1931 р.) // ИР НБУВ. Ф. 10. Д. 2786. Л. 63.

[3] Мезько-Оглоблин О. Як большевики руйнували українську історичну науку // Український історик. 2000. Т. 37. № 1/3. С. 30.

Первые тексты, которые можем отнести к данному «жанру», были небольшими «самокритическими» примечаниями украинских историков, принимавших участие в дискуссии, посвященной концепции истории Украины М. Яворского в мае 1929 г. Однако публикация этих материалов запоздала почти на год. Ряд историков, осознав направленность и масштабность политических трансформаций, а также вследствие возрастающего нажима со стороны партийного аппарата и репрессивных органов, сочли необходимым оперативно снабдить эти тексты примечаниями и комментариями с признанием своих предыдущих «ошибок» и «заблуждений». Так возник интересный феномен – основной текст историков, возникший в результате дискуссии по концепции М. Яворского в относительно либеральных условиях, и вставки-примечания, которые демонстрируют идеологическую ревизию под давлением социокультурной среды и политической конъюнктуры.

В частности, в примечании молодого историка-марксиста Р. Шпунта находим все типичные черты «покаянных» текстов: а) публичное признание своих «грехов»; б) стремление смягчить или переквалифицировать обвинения, прежде всего, продемонстрировать отсутствие «враждебных» или «злостных» намерений; в) задекларировать готовность к искуплению, т. е. к личному участию в разоблачении «вредителей» и «врагов»; г) любой ценой доказать партии и общественности, что автор принадлежит к лагерю «своих», хотя и временно «заблудших»[4].

В начале 1930-х гг. примеру Р. Шпунта следуют многие научные работники. Таким образом, «покаянные» выступления с признанием своих «мнимых» и «реальных» ошибок на публичных дискуссиях, специализированных проверках учреждений и институтов Всеукраинской академии наук (ВУАН) становятся массовым явлением. Распространение этого «жанра» происходило по методу «снежного кома», который разрастался с ужасающей быстротой, разрушая и заполоняя собой все культурное пространство Советской Украины.

Но, этот процесс развернулся не сразу. Например, еще в августе–сентябре 1929 г. академик ВУАН и лидер украинских историков-марксистов М. Яворский надеялся на более или менее приемлемый для себя лично финал официальной кампании «критики» и «разоблачения» его концепции истории Украины. Поэтому в «покаянной» статье 1929 г. он не только признал ряд своих ошибок, хоть и сделал несколько очевидных и скрытых выпадов относительно трудов М. Покровского, но даже планировал издать новую работу по исто-

[4] Дискусія з приводу схеми історії України М. Яворського... № 2. С. 278–279.

рии Украины с критическим пересмотром собственных заблуждений и недостатков[5]. В то же время, в отличие от упомянутого примечания Р. Шпунта, М. Яворский еще не стремился доказать принадлежность к лагерю «своих», поскольку полагал, что это является самоочевидным. В этом смысле указанная статья М. Яворского еще не отвечает в полной мере требованиям «нового жанра». Однако мотив возвращения на территорию «своих» в полной мере прослеживается в его письме к секретарю ЦК КП (б)У С. Косиору от 4 февраля 1930 г., в котором Яворский высказал намерение опубликовать брошюру о своем жизненном и творческом пути и очистить свое доброе имя[6].

Так или иначе, на рубеже 1929–1930 гг. в среде украинских ученых-гуманитариев происходит осознание точки «невозвращения» к революционно-романтическим 20-м гг. с относительно либеральными условиями научной деятельности. В результате количество «покаянных» текстов в начале 1930-х гг. стремительно возрастает.

Сценарии «дискуссий», которые посвящались трудам и концепциям видных украинских историков, были удивительно однообразными, как и «грехи», в коих каялись ученые. А. Оглоблин вспоминал, что в ходе дискуссии, на которой изобличалась его «буржуазная концепция», выступали не только киевские и харьковские коллеги, но даже студенты[7]. Выдвигалась лавина абсурдных и противоречивых обвинений, в частности в «механистическом струвеанстве» (от П. Б. Струве) и национал-демократизме, «зомбартовском монизме» (от В. Зомбарта) и игнорировании классовой борьбы. В итоге, Оглоблин получил опасное клеймо «национал-либерального струвеанства эпохи пролетарской революции и социалистического строительства». Методологические основы его исторических трудов были определены в соответствующем духе – «экономический материализм»[8].

Сначала, во время майской «дискуссии» 1931 г., А. Оглоблин еще пытался, хотя бы частично оппонировать своим «критикам», обращал внимание на дикие противоречия и существенные пробелы в их аргументации и пр. Впрочем, он довольно быстро понял бесперспективность таких попыток в свете новых «ритуальных» правил игры. В заключительном слове историк не только признал «основные ме-

---

[5] Яворський М. Про мої помилки в концепції історії України // Комуніст. Харків. 1929. 5 вер. № 204. С. 5.

[6] Яворський М. І. ЦК КП(б)У, тов. Косіору (лист.) // Історична спадщина у світлі сучасних досліджень: Величко, Маркевич, Маркович, Костомаров, Яворський / за ред. В. А. Смолія, Ю. А. Пінчука. Київ, 1995. С. 186.

[7] Оглоблин О. Студії з історії України: Статті і джерельні матеріяли / за ред. Л. Винара. Нью-Йорк; Київ; Торонто, 1995. С. 244.

[8] Кокошко Ст. Стан історичної науки у ВУАН // Пролетарська правда. Київ, 1930. 18 лист. № 264. С. 2.

тодологические ошибки», но и их «классовую» обусловленность, а также выразил надежду, что сможет собственным трудом «исправить свои ошибки»[9].

28 ноября 1931 г. на сессии Совета ВУАН А. Оглоблин выступил с публичным заявлением о признании «научно-политических ошибок», которые объяснял своим социальным происхождением и воспитанием в традициях, свойственных «буржуазному классу»[10]. Через несколько дней газета «Пролетарская правда» опубликовала его «покаянную» статью «За марксистско-ленинскую методологию в исторической науке». В этой газетной публикации Оглоблин полностью следует требованиям «жанра», в особенности стремится переквалифицировать обличительно-обвинительную стратегию «оппонентов» на оправдательное признание «грехов». Лейтмотив его статьи основан на попытке найти достаточные основания и объяснения причин собственных «ошибок» для того, чтобы избежать безапелляционного приговора – «враг»[11].

Подобной стратегии придерживался и один из самых талантливых учеников М. Грушевского – С. Шамрай, который стремился любой ценой переквалифицировать обвинение, в частности доказать отсутствие злостных, т. е. «враждебных» намерений. Поэтому он не только признал методологические «ошибки», которые завели его на «неправильный путь экономического материализма», а пытался показать, что только недостаточность научной подготовки не позволила ему в полном объеме овладеть «передовым диалектическим методом»[12].

Логическим продолжением «покаянных» текстов стали «обличительные» статьи, поскольку каноны нового «жанра» требовали уже не только «раскаяния» и признания собственных «грехов», но и публичного, беспощадного разоблачения «врагов», т. е. ревностного «искупления» прошлых «ошибок» и «заблуждений». Переход этой границы достаточно четко уловил академик ВУАН Д. Багалей, который раннее однозначно отвергал требование критиков быть «воинственным марксистом», но незадолго до своей кончины (1932), был вынужден полностью признать «правомерность» такой постановки вопроса в «эпоху острой классовой борьбы»[13]. Такие «исследовательские» практики стали своеобразной точкой отсчета или «родовым

---

[9] Стенографічний звіт дискусії по докладу Скубіцького... Л. 110.

[10] На сесії Ради ВУАН (28 лист. 1931 р.) // Там же. 1931. 1 грудня. № 272. С. 2.

[11] Оглоблін О. За марксо-ленінську методологію в історичній науці // Там же. 1931. 3 груд. № 273. С. 3.

[12] Стенограма засідання бригади... Л. 28.

[13] Багалій Д. І. [Самокритичний огляд наукової продукції з передмовами співробітників Інституту історії української культури та упорядника О. Багалій] // ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 45332. Л. 25.

пятном», которое ознаменовало рождение советской исторической науки, точнее, ее республиканской версии.

В широком смысле вводился ритуальный канон, который стал нормативным регулятором советской академической культуры. Новая ритуализация историописания навязывала универсальные эталоны «производства» научной продукции, связанные с искаженным и гипертрофированным технократическим стилем руководства партийной и советской элиты. В результате интеллектуальная деятельность уподоблялась материальному, валовому производству с догматически очерченной «технологией». Недаром научную продукцию стали обозначать и измерять формальными количественно-качественными показателями, которые с тех пор стали повсеместно доминировать в научно-исследовательских планах, отчетах и проектах.

В результате исследовательские практики, по сути, сводились к «бухгалтерским» документам с соответствующими идеологическими акцентами. В частности, возник специальный механизм академической бюрократии, который тотально подсчитывал в соответствующих колонках чисел и параметров – количество запланированной и опубликованной «продукции» (монографий, статей, рецензий, газетных заметок), издательские листы, перечень актуальных тем с указаниями относительно их практически-политической и научно-теоретической значимости, регулярность и интенсивность агитационных, популяризаторских и пропагандистских мероприятий и т. п.

Ритуальный канон стал нормативной составляющей советской академической культуры, более того тотальным регулятором творчества каждого историка. Этот канон состоял из ряда элементов и начинался с апелляций к высшим авторитетам (классикам марксизма-ленинизма, трудам советских руководителей, решениям партийных форумов) в виде цитирования «крылатых высказываний», которые саркастически называли благословениями «партийных оракулов». Затем, априорно постулировался ряд определений, касающихся предмета или объекта научных изысканий, субъекта познавательного процесса или коллег (ученых-предшественников и современников) на основе бинарной идентификации: «свой» (пролетарский, социалистический) – «чужой» или «враждебный» (буржуазный, мелкобуржуазный, националистический, дворянский, монархический, контрреволюционный и т. п.).

На основании этой идеологической идентификации избиралась определенная «исследовательская стратегия»: *апологетическая* в случае позитивной, т. е. «своей» принадлежности; *обличительно-обвинительная* в случае констатации инакомыслия, которое однозначно толковалось как «чужое» и «враждебное»; *оправдательная*, если в историческом явлении, процессе или личности отыскивались

достаточные «прогрессивные» черты в свете господствующей политической конъюнктуры.

В соответствии с избранным типом «стратегии» выстраивалась и определенная система аргументации, которая часто была либо исключительно позитивной, либо полностью негативной с небольшими косметическими примесями. Следует подчеркнуть, что даже осторожно сбалансированная аргументация по принципу pro et contra в работах тогдашних украинских историков встречается крайне редко, что лишь подчеркивает абсолютное всевластие канона.

Наконец, главная линия аргументации в зависимости от научной эрудиции, профессиональной подготовки, а иногда от идеологических фантазий автора лишь утверждала тот или другой вердикт, намеченный в предварительных тезисах работы. Последний, как правило, связывался с высшими догматами «идеологической веры» – ведущими положениями марксизма-ленинизма (формационное деление, базис и надстройка, материалистическое понимание истории, классовая борьба), к которым в вульгарном и упрощенном виде сводилось все разнообразие мира истории. Эта система «советской обрядности» хорошо приспосабливалась к изменениям партийного курса, идеологических кампаний, политических «чисток» и т. п.

Волей-неволей создавался эффект «заколдованного круга», в котором не только работал, но и физически существовал украинский ученый-гуманитарий, в особенности историк. В пределах этой черно-белой логики совершались «удивительные открытия» и позволялись массовые, беспрецедентные противоречия, которыми часто изобиловали научные труды. Например, статья Л. Окиншевича о «фашизме» академика ВУАН М. Слабченко[14] или публикация И. Кравченко – ученика академика М. Грушевского о «фашистских концепциях» своего учителя[15].

В первой половине 1930-х гг. «покаянные» и «изобличительные» тексты занимают доминирующие позиции в украинской советской историографии на фоне полного уничтожения ВУАН и ликвидации почти всей украинской исторической периодики. Первоначально такой жанр распространялся в выступлениях на публичных дискуссиях, в комментариях, примечаниях к стенограммам, протоколам, решениям и постановлениям, открытых письмах к редакциям и коллективам,

---

[14] Окиншевич Л. Шлях до фашизму (Історично-юридичні праці М. Є. Слабченка) // Україна. 1932. № 3. С. 37–60.

[15] Кравченко І. Фашистські концепції Грушевського і його школи в українській історіографії (академік Грушевський і його школа після повернення з білоеміграції) // Записки історично-археографічного інституту ВУАН / Відп. ред. С. Кокошко. Київ, 1934. № 1. С. 9–54.

отдельным партийным деятелям и государственным органам власти. Но вскоре появляются большие статьи (некоторые из них достигают размеров монографий), которые полностью заполняют уцелевшие издания ВУАН. Например, несколько последних номеров журнала «Украина» (1932. № 1/2 и 3) или первый и единственный выпуск «Записок историко-археографического института» (1934) состоят исключительно из «изобличительных» и «покаянных» публикаций.

Итоги такой «реорганизации» культурного пространства были катастрофическими для украинской исторической науки. Страшная атмосфера всеобщего духовного надлома украинских интеллектуалов, хоть и в скрытом виде, поневоле отображена в записке А. Оглоблина о состоянии исторической науки в 1934 г. В частности, автор отмечает, что украинские издательства боятся публиковать любые исторические труды, а историки осознанно и неосознанно опасаются высказывать свои взгляды и концепции из-за страха допустить возможные ошибки[16].

Бытует мнение, что многие ученые-гуманитарии сталинской эпохи довольно быстро и легко приспособились к ритуальным требованиям в своих трудах и исследовательских практиках. Однако с перспективы республиканского нарратива этот тезис представляется весьма неубедительным не только в связи с масштабными репрессиями (были уничтожены практически все научные школы 1920-х гг., в частности Д. Багалея, М. Грушевского, М. Слабченко, М. Яворского и др.), но и с длительными институциональными последствиями для украинского историописания. Отметим, что на протяжении 25 лет (с 1932 по 1957 г., когда был основан «Украинский исторический журнал») в Советской Украине не было республиканского научно-исторического журнала!

Более того, психологический излом в сознании украинских историков был настолько велик, что большинство ученых категорически высказывалось даже против самой идеи основать республиканский журнал в 1930–1940-х гг. Официальная позиция, обнародованная на совещаниях историков, творческой интеллигенции и партийных функционеров в середине 1940-х гг., заключалась в том, что в Украине нет достаточного количества квалифицированных ученых (и это при наличии сотен историков, архивистов и музейных работников!), а неофициальная – всеобщая боязнь вызвать новую волну репрессий.

Накануне очередного погрома Института истории Украины АН УССР (август 1947 г.) известный украинский историк Н. Супруненко, выступая на одном из совещаний, заметил, что можно составить не-

[16] Оглоблин О. Сучасний стан і основні завдання історичної науки в У.С.Р.Р. (1 червня 1934 р.) // ЦГАВО Украины. Ф. 3561. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

мыслимый список «своих преступлений», впасть в «невиданное всенародное покаяние» и «самокритику», которые не смогут улучшить состояние дел в исторической науке[17]. Ситуация в украинской советской историографии заметно изменилась только в 1950–1960-е гг., когда лидирующие роли стали постепенно переходить к историкам военного поколения. Однако «травматическое» наследие 1930-х гг. довлело и над ними, хоть и в меньшей мере.

[17] Стенограмма совещания историков при ЦК КПУ (29–30 апреля 1947 г.). Управление пропаганды и агитации // Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 70. Д. 753. Л. 296.

Т. В. Марусик

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА И ЗАПАДНОУКРАИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Анализируя сегодня характерные тенденции развития человеческого общества в XX в. можно без преувеличения утверждать, что одной из главных является борьба между демократией и тоталитаризмом. Волна тоталитарных режимов, охватившая ряд европейских государств, дольше всего задержалась на востоке Европы и нанесла непоправимый урон человеческому, интеллектуальному и культурному потенциалу СССР.

Как известно, один из основных признаков тоталитарной системы – решительное подавление какого-либо сопротивления. Наименьшее неповиновение господствующим идеям, высказанное даже в цивилизованной форме, в рамках конституционных свобод и гарантий, вызывало негативную реакцию старательно отработанного репрессивного механизма. Конфликт между свободой творчества личности и потребностями социально-политической системы, который неминуемо присутствует в тоталитарном обществе, решался довольно просто: либо личность начинала «творить» в соответствии с идеологическими установками системы, либо, в случае несогласия, личность уничтожалась как творец. Нередко этот процесс сопровождался физической расправой.

Воплощение в жизнь сталинской идеологической доктрины обусловило необходимость усиления идеологической обработки населения страны, прежде всего, интеллигенции. Невзирая на определенную размытость социологических границ, именно интеллигенции присуща высокая степень социальной мобильности, подвижность социокультурных характеристик, не говоря о возможности изменения политико-идеологических ориентаций, что достаточно ярко прослеживалось в прошлом. Интеллигентская среда зачастую продуцировала идеи, которые не совпадали с официально признанными социально-политическими догмами. И если в демократическом обществе критически настроенная интеллигенция имела возможность

достаточно свободно пропагандировать свои идеи, то в советском – она полностью была лишена такой возможности.

Противопоставление советской культуры «буржуазной» западной сопровождалось запретом духовного и культурного общения с народами тех стран, которые определялись как опасные для тоталитарного образа мышления. Одновременно в обществе насаждалось возвеличивание и самоутверждение культа личности как высшего эталона в политике, экономике и культуре. Идеологическая работа КПСС концентрировалась на трех основных направлениях: социалистический патриотизм, социалистическое трудовое и интернациональное братство, максимальная идеология моральности.

Спекулятивность идеологии сталинизма, которая наиболее ярко проявлялась в национальном вопросе, четко, глубоко и быстро распознала национальная интеллигенция. Именно она практически первой высказала свое моральное, творческое, а, вскоре, и организационно-действенное несогласие с политикой действующего режима. Поэтому не случайно острие репрессивной потенции тоталитарного государства направлялось против национальной интеллигенции, что зачастую приводило к массовому уничтожению наиболее сознательной части общества.

Не секрет, что какую-либо акцию, направленную против интеллигенции начинал, как правило, лично Сталин. Наступательные «операции», «проработки», гонения тщательно готовились, растягивались на несколько лет, затягивая в свои сети интеллигенцию различных сфер деятельности. В 1946–1951 гг. в УССР было проведено десять широкомасштабных кампаний, направленных «против творческой интеллигенции и “проявлений буржуазной идеологии” в сфере культуры»[1].

Особое недоверие Сталина и его ближайшего окружения, которое они испытывали к интеллигенции Украины, объясняется рядом причин: во-первых, Украина вторая по масштабам и значению союзная республика с достаточно крепкой интеллектуальной элитой; во-вторых, прогрессивная украинская интеллигенция всегда находилась на острие происходящих конфликтов, одним словом, на гребне социально-политических процессов и, в-третьих, украинская интеллигенция выражала многовековые чаяния украинского народа в плане национально-государственного и национально-культурного возрождения.

Известный украинский историк Г. Касьянов считал, что главная задача советской власти в процессе формирования новой интелли-

[1] Марусик Т. Західноукраїнська гуманітарна інтелігенція: реалії життя та діяльності. Чернівці: Рута, 2002. С. 98.

генции состояла в ее безоговорочном подчинении государственной машине. И хотя это условие присуще государству, стремящемуся монополизировать все сферы жизнедеятельности, в тоталитарном – огосударствление интеллигенции становится самоцелью. Необходимость интеллигенции работать в соответствии с указаниями партии и по заказу государства приводила к своеобразному расслоению последней: часть интеллигенции пополняла ряды госслужащих; деятельность учителей, научных и научно-педагогических кадров контролировалась администрацией и парткомами учебных заведений; творчество представителей так называемых «свободных профессий» (писателей, художников, скульпторов, композиторов, артистов и др.) регулировалось профсоюзами, правлениями творческих союзов и своеобразной системой «подпитки» (государственные премии, разнообразные фонды и др.)[2].

На практике государственная идеология постепенно приобретала черты религиозного культа экстремистского типа с присущим ей догматизмом и агрессивной нетерпимостью к инакомыслящим. Наиболее негативных форм идеологизация интеллигенции достигла в западных областях Украины, чему, без сомнения, способствовала специфика общественно-политического развития региона. Другими словами, состояние региона отражало политическую ситуацию, сложившуюся в СССР. На смену массовому физическому уничтожению украинской интеллигенции в 30-е гг. прошлого столетия пришло ее запугивание, целенаправленный идеологический диктат, от которого страдали, прежде всего, деятели науки, образования, культуры. Война с собственной интеллигенцией как бы переросла из «горячей» стадии в «холодную».

В западноукраинском регионе перечисленные факторы усугублялись довоенной насильственной советизацией региона, которая сопровождалась нагнетанием недоверия к местному населению, вооруженным сопротивлением режиму со стороны отрядов ОУН–УПА, деятельностью греко-католической церкви и значительным влиянием местной элиты на общественно-политические и культурные процессы. Исходя из вышесказанного, становится понятным, почему именно западноукраинская интеллигенция ощутила на себе основной удар борьбы сталинской тоталитарной системы с национализмом. Острота сложных и противоречивых процессов в сфере культуры сопровождалась действием диаметрально противоположных сил – творческих прогрессивных, с одной стороны, и антигуманных регрессивных, антидемократических – с другой.

---

[2] Касьянов Г. Українська інтелігенція 1920–30-х років: соціальний портрет та історична доля. Київ: Наукова думка, 1992.

Массовые идеологические кампании, которые зачастую приводили к репрессиям, носили в основном общесоюзный характер. Они разрабатывались в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б), спускались сверху, доводились до ведома республиканского руководства, которое готовило свои. Исполняя союзные постановления, ЦК КП(б)У в 1946–1948 гг. принял ряд официальных документов, которые широко комментировались в редакционных и авторских статьях, выступлениях на собраниях интеллигенции. Более того, общественная и культурная жизнь на Украине, состояние исторической науки подвергались субъективной оценке, безосновательно обвинялись наиболее яркие представители литературы и искусства.

И. Сталин, считая себя выдающимся теоретиком по национальному вопросу, стремился навязать свое понимание нации и национальных отношений как в исторической ретроспективе, так и в процессе социалистического строительства. Геноцид этносов, уничтожение малых народов, денационализация и тоталитаризация прикрывались завуалированными демагогическими лозунгами равноправия и сближения наций, ликвидации насилия и угнетения малых народов, объединения наций и народностей в единое союзное многонациональное государство. По замыслу высшего руководства СССР место «национального» в обществе, должно было занять «интернациональное». Задача интернационализации состояла не только в блокировании желания угнетенных ранее наций отделиться от России, а и в цементировании народов в единое «союзное национальное государство», строящее социализм «во вражеском капиталистическом окружении».

Политика новой власти направлялась на создание в обществе политического недоверия к местной интеллигенции, проведение систематических кампаний с целью «перевоспитания» последней. Ответственные должности не случайно занимали представители советско-партийной номенклатуры, присланные из восточных районов УССР. Их задача состояла в проведении русификации региона, разжигании недоверия к местной элите, что нередко сопровождалось моральными и физическими репрессиями. Львиная доля отчета инспекторской проверки управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в идеологической работе на Украине», проведенной в 1946 г. была посвящена «вражеской деятельности ненавистных националистов» и политическим настроениям местной интеллигенции И. Крипякевича, М. Кордуби, Е. Терлецкого, В. Барвинского, Б. Барвинского и др.[3]

[3] Культурне життя в Україні. Західні землі (1952–1966): Документи і матеріали. Львів, 1996. Т. 2. С. 44.

Более того, после тщательного изучения вопроса об идеологической работе Политбюро ЦК КП(б)У приняло специальное решение «О мерах по усилению массово-политической и идеологической работы в западных областях Украины». Критический материал для подготовки соответствующего решения собирала во Львове специальная «бригада КП(б)У», созданная в мае 1946 г. Что примечательно, в ее состав входили три московских эмиссара и киевский консультант историк А. Лихолат. Как результат – две докладные записки: «О состоянии идеологической работы в партийной организации Львовской области» и «О кадрах профессорско-преподавательского состава кафедр общественных наук и качестве преподавания во львовских вузах»[4]. Естественно, речь шла о западноукраинском регионе в целом. Более того, негодование членов комиссии вызвал доклад М. Кордубы на тему: «Михаил Грушевский – исследователь княжеской истории Украины», в котором историк отбрасывал обвинения М. Грушевского в национализме в том понимании, которое вкладывали в содержание этого слова представители власти. Кордуба утверждал, что «в истинном значении этого слова такими же националистами как М. Грушевский были Т. Шевченко, И. Франко, В. Стефаник и другие известные патриоты, которых мы помним и любим»[5]. Выступление И. Крипякевича «Освободительная война украинского народа против Польши и воссоединение Украины с Россией» проходило, по мнению комиссии, в русле примирения националистической теории Грушевского с советской историографией. В поиске компромисса, Крипякевич заявил: «У Грушевского большие заслуги перед украинской историографией, однако не все его тезисы можно воспринимать. Приятно, что советская историческая наука сумела его ошибки исправить»[6].

Апогеем «борьбы» можно считать общегородское совещание интеллигенции Львова в сентябре 1946 г., на котором выступил Н. Бажан с докладом «О серьезных ошибках на идеологическом фронте». После публичных проработок свои ошибки вынуждены были признать историки И. Крипякевич, М. Кордуба, Е. Терлецкий, писатель М. Рудницкий, литературовед М. Возняк. Как видим, приходилось делать выбор – либо соглашаться с правилами существования при советской власти, либо быть уничтоженными, как десятки тысяч представителей интеллигенции в 30-е гг. Тотальная идеологизация интеллигенции выступала одним из путей формирования «новой»

[4] Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 70. Д. 459. С. 8–9.

[5] Там же. Д. 570. С. 9–10.

[6] Там же. С. 14.

интеллигенции и составляла основу политики партии. Осознавая влияние местной интеллигенции на население региона, органы власти ввели своеобразную систему «покупки» интеллигенции, предоставляя ей различного рода материальную помощь, персональные пенсии, присваивая почетные звания, возвращая ученым их научные степени.

Соглашаясь на сотрудничество, представители интеллигенции были вынуждены работать по заказу. Заместитель главного редактора газеты «Советская Украина» Л. Речмедин накануне празднования 29-й годовщины Октябрьской революции обратился к западноукраинскому писателю Я. Галану с просьбой «написать статью о рождении новой советской жизни в западных областях Украины, проиллюстрировать как новое побеждает старое и отживающее»[7]. С подобной просьбой к 10-летию «воссоединения» Западной Украины с Советской Украиной, к нему обратилось руководство издательства «Советский писатель»[8].

В соответствии с рукописной схемой постановления ЦК КП(б)У «Об улучшении идейно-политического воспитания кадров и борьбе с проявлениями буржуазно-националистической пропаганды», подготовленной Л. Кагановичем, «интеллектуальным источником вражеской буржуазной идеологии» оставались бывшие члены Научного товарищества имени Тараса Шевченка[9]. Именно с этой точки зрения рассматривались настроения местной интеллигенции и необходимость ее нейтрализации. Органы госбезопасности изучали политические настроения интеллигенции, ее реакцию на проведение разнообразных мероприятий советской власти. Разветвленная сеть агентурных сотрудников по крохам собирала вскользь брошенные фразы, которые могли запятнать местную интеллигенцию в глазах партийного руководства. Для выяснения их общественно-политического прошлого изучались архивные документы бывших политических партий и общественных организаций, материалы прессы, научные публикации. Какой-либо аргумент, связанный с украинским национально-освободительным движением, был основанием для занесения тех или иных личностей в «черный список»[10].

На совещании актива интеллигенции Львова, которое состоялось 24 июля 1947 г., заместитель Председателя Совета министров УССР Д. Мануильский, подвергнув резкой критике представителей

---

[7] Там же. Ф. 661. Оп. 1. Д. 277. С. 259.

[8] Там же. Д. 294. С. 144.

[9] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 125. Л. 78.

[10] Українських буржуазних націоналістів на смітник історії / Літературна Україна. 1947. 20 лист.

местной интеллигенции, пришел к определенным выводам. В частности, он заявил, что «примыкая в прошлом к школе Грушевского, воспитанные на ненависти к украинскому народу и угодливости перед иностранными империалистами, эти лжеученые бесцеремонно фальсифицировали факты, подгоняли исторические события под необходимые им контрреволюционные схемы и, тем самым, подгоняли историю украинского народа под антинародные политические цели». Присутствующие еще долго помнили его угрозу: «Мы вам этого никогда не забудем»[11].

Естественно, в западных областях Украины, учитывая специфику региона, высокий уровень образования и культуры, национальное самосознание населения, не составляло особого труда отыскивать неблагонадежных. Сотрудники органов МГБ регулярно отчитывались перед ЦК КП(б)У относительно политически неблагонадежной интеллигенции, прежде всего учительства, научной, научно-педагогической, литературной и художественной интеллигенции. Вполне логично, что местные учителя не внушали доверия. Однако и среди прибывших нередко встречались те, кто не являлся рьяным исполнителем воли партии. Некоторые из них, увидев более высокий уровень жизни в селах, которые не ощутили на себе тяжесть коллективизации, богатые культурные национальные традиции, заняли нейтральную позицию. Если во второй половине 40-х гг. Особый сектор ЦК КП(б)У занимался политической фильтрацией учительства, то в начале 50-х гг., когда политическая ситуация в регионе изменилась в пользу тоталитарного режима и наступила пора решительного наступления «по всему фронту», происходила «селекция» нового учителя, преданного идеалам социализма. Основной задачей такой «селекции», как и раньше, оставалась марксистско-ленинская подготовка учителей, навязывание им канонизированных ценностей социалистического способа жизни и основ советской педагогики.

Существенным элементом в советской системе управления литературой и искусством были творческие союзы писателей, композиторов, архитекторов, художников, на местах – отделения. Их основная задача – «коллективизация» творчества членов союзов. Руководящие должности в творческих союзах десятилетиями занимали одни и те же личности, которые одновременно избирались в состав руководящих партийных органов. Более того, они имели возможность общаться с высшим партийным и государственным руководством непосредственно, из их числа избирались делегаты партийных съездов, воплощающие представительство интеллигенции. Они выступали в

[11] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 4669. Д. Мануильский. Оп. 1. Д. 23. С. 50.

роли своеобразных интерпретаторов различных установок партии для основной массы интеллигенции, принимали непосредственное участие в разработке решений по вопросам культурного строительства и т. д. Зачастую партийные органы рекомендовали членов правлений творческих союзов. Один из участников литературной жизни того времени А. Димаров констатировал: «В состав Львовского отделения ССПУ входили в основном, мы, прибывшие с востока страны. Большинство прибывших писали русским, чужим для населения, языком; сколько горя они принесли на земли Западной Украины»[12].

Как известно, массовые репрессии затронули и греко-католическое духовенство региона, представители которого на протяжении длительного периода возглавляли борьбу за украинскую государственность. Главное задание партийного и советского руководства состояло в компрометации УГКЦ перед населением региона, которое всецело доверяло ей. Украинские греко-католические священники практически оказались под давлением двух враждебных лагерей: советского режима и националистического подполья[13].

Партийные функционеры внимательно следили за состоянием воспитательной работы в среде интеллигенции. В частности, в отчете комиссии, которая в апреле 1947 г. осуществляла проверку в Черновицкой области, сообщалось, что существенным недостатком в агитационно-пропагандистской работе является слабое внедрение в сознание местных жителей новой терминологии, в частности «трудящиеся Черновицкой области», «советские граждане» вместо традиционного «буковинский народ», «зеленая Буковина», «буковинская культура». По их мнению, этот факт «создает благоприятную почву для культивирования своеобразной “буковинской” ограниченности в пределах области»[14].

Идеологические установки сталинского руководства направлялись на своеобразное усмирение западноукраинской интеллигенции, причем различными методами: от привлечения на свою сторону и дальнейшего, не всегда честного, использования имен наиболее уважаемых деятелей украинской культуры – до идеологических нападок и запугивания, что приводило к постоянному нагнетанию атмосферы страха и подчинения. Использование страха, как своеобразного способа повиновения, не только унижало человека, порождало пас-

---

[12] Довганич О. Роки лихоліття: Невідомі сторінки і трагічні долі. Ужгород: Патент, 1995. С. 56.

[13] Bociurkiw B. The Ukrainian Catholik Church in the Soviet State (1939–1950). Edmonton; Toronto, 1996.

[14] Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4063. С. 2.

сивность, но, в конце концов, приводило к аморальности, готовности отказаться от творческих ценностей и намерений, лишь бы не погибнуть. В атмосфере всеобщего страха слова «враг народа», «шпион», «агент мирового капитализма», «националист» вошли в быт, более того, постепенно становились привычными.

Насилие над личностью, осуществляемое жестоким тоталитарным режимом, не поддается здравому смыслу. Политикой террора по отношению к наиболее национально сознательной интеллигенции советско-большевистское руководство достигало не только подчинения, страха перед системой, но и порождало на долгие годы и десятилетия недоверие, подозрение к «освободителям» и затаенную ненависть к антигуманному, преступному тоталитарному режиму.

Одновременно страх порождал не только пассивность, а, как ни удивительно, стимулировал активность, вызывая стремление к энергичным творческим начинаниям. Словом, страх двигал творчеством как самозащита и необходимость демонстрации лояльности к существующему режиму.

О том что в этой трагедии не все точки над «і» расставлены, свидетельствуют сегодняшние дискуссии, острота восприятия и неоднозначность оценок прошлого в современной Украине.

С. И. Аккиева

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг.

В начале XXI столетия выдвигаются принципиально новые требования к системе образования, которая призвана обеспечить поступательное и динамичное развитие российского общества соответственно вызову времени, что актуализирует исторический опыт работы государственных органов нашей страны в 1920–1930-е гг. по формированию новой системы образования, которая смогла повысить образовательный уровень населения многонациональной страны.

Народное образование на Северном Кавказе в первые годы советской власти осложнялось рядом местных специфических особенностей. Наряду с общими, присущими всей стране, причинами слабого развития народного просвещения – недостаток научно-педагогических кадров, отсутствие необходимой материальной базы, – в национальных районах Северного Кавказа оно встречало и дополнительные препятствия в своем развитии. В их числе: фактическое отсутствие письменности у многих народов, чрезвычайная пестрота этнографического состава населения, многообразие бытовых особенностей, влияние арабской культуры, социальная пассивность, сохранение межэтнической конфликтности на бытовом уровне. Негативное значение для развития системы образования имело и разрушение в период Февральской, Октябрьской революций и Гражданской войны базовых институтов российского государства и свертывание сфер функционирования русского языка. Следует отметить и тот факт, что к русской культуре и русскому языку со стороны определенной части автохтонов края существовало определенное недоверие, русский разговорный язык фактически не получил широкого распространения в крае.

Важным документом, послужившим основой формирования системы образования стал декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г. «О единой трудовой школе РСФСР и постановление Наркомпроса РСФСР

от 31 октября 1918 г. “О школах национальных меньшинств”»[1]. Это позволило ввести единую систему бесплатного совместного обучения с двумя ступенями образования: 5 лет обучения в школе первой ступени, 4 года в школе второй ступени. Все начальные и средние школы, ремесленные училища, низшие и средние технические, сельскохозяйственные, экономические школы и училища преобразовывались в единую школу. Провозглашались право всех граждан на образование независимо от расовой, национальной принадлежности и социального положения, равенство в образовании женщин и мужчин, обучение на основе соединения с производительным трудом. Проект единой трудовой школы ликвидировал элитарные и тупиковые учебные заведения, обеспечивал преемственность между основными звеньями системы народного образования.

Политика советской власти в образовательной сфере была призвана решать идеологические и политические задачи новой власти. Объяснение целей новой власти в многонациональном северокавказском регионе было легче донести на языке понятном для представителей разных народов – т. е. на родном языке.

Декретом СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (1918 г.) церковь отделялась от государства и школа от церкви, провозглашалась, безусловно, светская школа. Перед народами Северного Кавказа в связи с этим стала проблема создания письменности, поскольку во многих из них обучение велось в основном в религиозных школах и на арабском языке. Задачам советской школы, которая предполагала обучение на родном языке не отвечала имевшая место на Кавказе арабица. Для власти, форсирующей в 1920-е гг. развитие советской культуры, радикальную культурную реформацию общественной жизни также был важен разрыв с традиционной культурой[2], тесно связанной с исламом и арабским письмом. Большинство народов Северного Кавказа ко времени установления советской власти не имели своей письменности, а письменность аварцев, кумыков, лезгин, лакцев, даргинцев была на арабской основе. Эта письменность представляла собой механическое приспособление арабского алфавита к фонетическим особенностям языков этих народов. Письмо это было несовершенно и изобиловало надстрочными

[1] «О школах национальных меньшинств». Постановление Народного комиссара просвещения РСФСР от 31 октября 1918 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_386.htm

[2] Красовицкая Т. Ю. Латинизация графики языков Северного Кавказа в контексте модернизации // Проблемы российской истории. Вып. X. М.; Магнитогорск, 2010. С. 274.

и подстрочными знаками, создающими дополнительные трудности в усвоении грамоты.

Другой вопрос состоял в том, что значительное большинство грамотных людей на Северном Кавказе также были в основном представителями исламского духовенства. В связи с этим политика новой власти в ее отношении характеризовалась большой осмотрительностью и осторожностью. Новая власть пыталась использовать в своих задачах по переустройству общества национальную интеллигенцию (в том числе и духовенство) и потому реализуя утвержденные на VIII и X съездах РКП(б) установки, Пленум Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) в своем постановлении отмечал, что текущий момент выдвигает перед местными организациями серьезный вопрос о наилучшем использовании в общественной работе представителей из местной интеллигенции. Местным советским и партийным органам рекомендовалось окружить национальную интеллигенцию «атмосферой товарищеского доверия и раз и навсегда устранить нередко встречавшийся ранее в отношении местной интеллигенции тон пренебрежения и недоброжелательства»[3]. Многие представители из числа местных интеллектуалов стали на путь сотрудничества с новой властью, а некоторые из них стали активными проводниками политики власти. Среди представителей горских интеллектуалов были те, кто в 1920-х гг. пытались решить проблему создания письменности на родных языках, при этом каждый решал эту задачу соответственно своему видению. Одни алфавит создавали на арабской графической основе, другие на латинице, а третьи обращались к кириллице. В 1920 г. был создан кабардинский алфавит на арабской графической основе. Для балкарского языка арабская графика в связи со структурными особенностями тюркских языков не была лучшим выходом, потому были созданы три алфавита, два из них на кириллице. Алфавит на основе латиницы был создан видным северокавказским советским работником Магомедом Энеевым, который в свой букварь включил впервые напечатанный на балкарском языке текст «Интернационала». В национальных школах Адыгеи обучение велось по составленному до революции и изданному в марте 1918 г. «Черкесскому букварю» С. Сиюхова и И. Хидзетля (переиздан в 1921, 1924 гг.) на арабской графической основе.

В Дагестане в 1920 г. была усовершенствована система письма на основе арабской графики и был создан так называемый Новый аджам. На ней были изданы буквари и другие учебные пособия на аварском, даргинском, кумыкском, лакском языках.

[3] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

Государственную поддержку получило создание письменности на языках народов Северного Кавказа. Вопрос о том, какую графическую систему признать наиболее целесообразной для создания письменности оставался актуальным на протяжении 20-х гг. В преддверие мировой революции, которая для советских идеологов виделась скорым явлением, предполагалась полная замена арабской графической основы письма народов страны, исповедующих ислам на латиницу. Смена арабской графической основы должна была ослабить влияние религиозной идеологии, переориентировать развитие мусульманских народов на новые духовные ценности.

25 сентября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) на основе доклада И. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» признало желательным поддержать решения Азербайджанского ЦИК по введению латинского шрифта в мусульманской письменности. Еще в середине 1922 г. Наркомат по делам национальностей РСФСР разработал проект образования Комиссии по реформе арабского алфавита. Компетенция Комиссии распространялась и на нетюркские языки, приспособлявшие к своим нуждам арабское письмо. 25 января 1923 г. коллегия Наркомнаца по докладу замнаркома Г. И. Бройдо утвердила ее состав. В состав комиссии среди других вошли У. Алиев (Северный Кавказ) и Г. Джабаев (Закавказье). В указанном составе комиссия работала в феврале–марте 1923 г. В целом ее работа свелась к информации о практике применения арабского алфавита в регионах и о признании общественно-политического значения латинского алфавита в целом. Комиссия занималась сбором информации о применении арабицы в регионе. В целом комиссия должна была выяснить, насколько важна латинизация. Высказывались разные мнения относительно использования латиницы, сроков латинизации и др. Звучало мнение не только о необходимости развернуть работы по составлению латинского шрифта, но и провести «пробную кампанию в пользу его нормального введения». Были и откровенные суждения о нежелательности проводить латинизацию путем декретирования. Но доминирующей стала точка зрения, высказанная представителем Северного Кавказа Умаром Алиевым, о том, что «Свет латинского алфавита с Востока служит лучшим способом приобщения так называемых “диких” народов к общечеловеческой культуре»[4].

В мае 1923 г. по инициативе С. М. Кирова в Пятигорске была созвана конференция представителей мусульманских народов Северного Кавказа по вопросам алфавита для горских языков. На Совещании было признано, что право выбора той или иной графики принадлежит

[4] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1548. Л. 10. Цит. по: Красовицкая Т. Ю. Латинизация графики языков... С. 291.

народу и было подчеркнуто, что воздействие сверху на данный вопрос является недопустимым. Вместе с тем на совещании было признано, что в силу экономических, политических и социально-культурных факторов предпочтительным является принятие общей основы графики всеми горскими народами Северного Кавказа. Из трех графических основ: арабской, кириллической (русской) и латинской совещание высказалось в пользу латинской графики. Вместе с тем, учитывая высокую религиозность населения и популярность среди них арабской графической основы, была признана допустимость обучения на арабской графической основе параллельно латинской.

В 1925 г. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) созвало в Ростове вторую конференцию по вопросу просвещения горцев Северного Кавказа, на котором было принято решение усилить пропаганду за введение в горских обществах латинского алфавита. В 1921 г. У. Алиев подготовил алфавит на латинской графической основе для карачаевского языка. В 1924 г. были введены в действие кабардинский и балкарский алфавит на латинской основе. Авторами кабардинского алфавита являлись Т. А. Шеротлоков, Б. Хуранов, А. И. Пшунетов[5].

В апреле 1924 г. власти Дагестана приняли решение об организации Дагестанского комитета нового алфавита для подготовки перехода на латиницу. В 1925 г. V Вседагестанский съезд Советов по инициативе Н. Самурского принял постановление о трехъязыковом принципе национальной школы в республике: родной, тюркский и русский. На протяжении 1920-х гг. не утихала полемика о языке межнационального общения. Основная борьба шла между представителями тюркской языковой группы (кумыки) и иберийско-кавказской (аварцы, лакцы, даргинцы и др.).

В Дагестане, Чечне и Адыгее из-за сопротивления мусульманского духовенства алфавит на латинице был создан гораздо позже. Чеченский алфавит на латинице был создан в 1925 г. Х. Ошаевым, обучение ему в школах было начато в 1926–1927 гг. В феврале 1928 г. на пленуме Дагестанского обкома ВКП(б), был обсужден доклад «О языке и алфавите для школ Дагестана». По итогам данного обсуждения пленумом было вынесено решение перевести школы с арабской письменности на новый алфавит, созданный на латинской основе. Новый алфавит был разработан для аварского, даргинского, лезгинского, кумыкского, лакского, азербайджанского и татского языков. Наряду с переводом письменности дагестанских народов на латинскую графическую основу в республике в анализируемый период была развернута работа по созданию письменности для отдельных

[5] Жирков. Л. К реформе алфавитов восточных народностей (опыт графического анализа алфавита) // Новый Восток. 1925. № 10–11. С. 233.

бесписьменных народов – лезгинского и табасаранского. В условиях многонационального и многоязычного Дагестана еще более острым, чем перевод письменности с арабской графической основы на латинскую, явился вопрос определения языка межнационального общения. С установлением советской власти партийные, советские органы Дагестана развернули большую работу по решению вопроса языка обучения подрастающего поколения, официального государственного. Тюркский (кумыкский) язык в Дагестане имел своих лобби в лице части руководства Дагестана и плоскостная часть населения Дагестана была заселена тюрками, которые были более развиты в экономическом отношении, чем горцы. Тюркский язык потому рассматривался как язык межэтнических (межплеменных отношений).

В 1920-е гг. повсеместно в северокавказском регионе идет открытие новых светских школ. В Кабардино-Балкарии вопрос открытия новых школ был поставлен на III съезде Советов в декабре 1923 г. Местным органам было поручено организовать в каждом населенном пункте общеобразовательную школу. К концу 1925 г. в Кабардино-Балкарии уже функционировало 158 школ первой ступени. В них обучалось 9560 учеников, или 25,6 % всех детей школьного возраста. В 88 школах обучение велось на родном языке (63 кабардинских и 25 балкарских)[6].

Открытие школ и перевод письменности на латинскую графику явился важным мероприятием, которое способствовало повышению уровня грамотности среди народов Северного Кавказа. Так, например, если в 1920 г. грамотность среди кабардинцев составляла всего 2,1, а среди балкарцев – 0,9 %, то в конце 1925 г. она возросла у кабардинцев до 11,2 и у балкарцев – до 7,5 %.

В 1920-е гг. шла интенсивная подготовка учительских кадров. Учителей, способных наладить работу в новых школах, не хватало, особенно сложная ситуация складывалась в сельской местности, где жила основная масса народов Северного Кавказа. Новая власть большое внимание уделяла управлению школьным делом, подготовке учительских кадров, развитию методической базы. Но из-за проблем с финансированием, заработная плата учителей оставалась низкой, ощущалась острая нехватка учительских кадров. В 1924 г. был сформирован специальный фонд народного просвещения

Для решения этой острейшей проблемы в различных регионах Северного Кавказа были открыты курсы по ускоренной подготовке учителей. На этих курсах в течение 1,5–2 мес. шло обучение будущих учителей на родном языке, методике преподавания, знакомство

[6] Копачев И. П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVII – 30-е годы XX в.). Нальчик, 1964. С. 106.

с азбукой на латинской или арабской графике. Сеть краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке учителей на Северном Кавказе получила широкий размах и была увеличена продолжительность обучения на курсах с 2 до 5 мес. В 1923 г. в Нальчике, Буйнакске, Дербенте, Владикавказе, а в 1925 г. в Грозном и Майкопе были открыты педагогические техникумы, в которых шла подготовка учителей. Подготовка квалифицированных кадров из числа представителей местных народов проводилась в городах: Москва, Ростов-на-Дону, Тбилиси, Ленинград и др. В 1924–1925 уч. г. в различных городах страны обучалось 200 кабардинцев и балкарцев, а в 1925–1926 гг. – 685 человек[7].

В результате работы по созданию письменности на основе латиницы, увеличения количества школ, повышения квалификации учителей произошел заметный рост образовательного уровня народов Северного Кавказа. В 1928–1929 гг. грамотных на своем родном языке стало: у адыгейцев 50 %, у черкесов – 45, у кабардинцев и балкарцев – 50, у ингушей – 34,2, у осетин – 35,8[8].

Одной из сложнейших проблем развития общеобразовательной школы на Северном Кавказе являлось вовлечение девочек-горянок в учебу. Для приобщения женщин к светскому образованию открывались женские клубы, пункты ликвидации неграмотности, различные курсы. Несмотря на принимаемые меры в школах Карачаевской АО, девочек в школах было в три раза меньше, чем мальчиков. К концу 1920-х гг. ситуация меняется, так, в Кабардино-Балкарии девочки составляли 50,2 % среди учащихся начальных классов[9].

В ликвидации неграмотности определенную роль сыграли такие характерные для эпохи 1920–1930-х гг. кампании, как «культурные штурмы», «культсанштурм», пункты ликвидации неграмотности и др.

В первые годы Советской власти на Северном Кавказе, и особенно в Дагестане, сохранялись религиозные традиции и влияние мусульманского духовенства на общественное сознание, сеть мусульманских религиозных школ оставалась значительной. Указ о запрете преподавания мусульманского вероучения привел к тому, что процесс закрытия мусульманских школ ускорился. В 30-е гг. многие

---

[7] Чеченов Ш. Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1971. С. 27.

[8] Магидов Ш. Г. Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала, 1971. С. 67.

[9] Магомедова А. З. Развитие системы образования на Северном Кавказе // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробации результатов научных исследований. 2001. № 1. С. 67.

из них функционировали нелегально. Усилилось преследование духовенства по обвинениям, часто надуманным, в сопротивлении политике Советской власти, подрывной деятельности. Болезненно в Дагестане прошло изъятие вакуфов, которое повсеместно встречало сопротивление, а в ряде мест были острые открытые выступления верующих против мер государства. Таким образом, политика государства привела к практическим полному уничтожению к 1930-м гг. материальной базы мусульманских школ, закрытию большинства мечетей, репрессиям духовенства, публичному отказу от духовного сана. В последующем дети в северокавказских автономиях получали образование в светских школах.

В 1930-е гг. на Северном Кавказе, как и во всей стране, осуществляется перевод на всеобщее начальное образование, которое на XVI съезде КПСС было объявлено «боевой задачей» партии в ближайший период. В 30-е гг. был урегулирован вопрос о языке обучения. В национальной школе дети на начальном этапе обучались на родном языке, а русский шел как предмет со 2-го по 4-й класс. С 5-го класса обучение переходило на русский язык, а родной преподавался как предмет. В 1938–1937 гг. был осуществлен сравнительно легкий и быстрый перевод письменности народов Северного Кавказа на русскую графическую основу. Переход на единую кириллическую базу имел как экономическую, так и идейно-психологическую причины. В марте 1938 г. было принято постановление СНК ССР и ЦК ВКП(б) об изучении русского языка в нерусских школах страны, которое объявляло единые требования к объему знаний и навыков по русскому языку. На практике в национальных автономиях Северного Кавказа изучение русского языка начиналось со второго года обучения, с прохождения предварительного курса, цель которого – накопление необходимого запаса слов. Обучение по-прежнему шло на национальных языках[10] (такая система действовала до конца 1950-х гг.). Ключевым аспектом национальной политики в первые десятилетия советской власти была политика коренизации советских органов власти через развитие местных языков и системы образования на родных языках. Политика советской власти в 1920–1930-е гг. была подчинена практическим и идеологическим целям. Одновременно она была направлена на создание национальной культурной инфраструктуры, в том числе в сфере образования. Новая система образования стала одним из важнейших факторов советской модернизации народов Северного Кавказа.

---

[10] Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социального статуса. Ростов-н/Дону, 2003. С. 97.

А. Г. Галлямова

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И КРИЗИС ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ТАТАР В 1940–1980-е гг.[1]

В настоящее время в России на гребне политических страстей находится единый учебник российской истории. Создание его, на мой взгляд, весьма непростая задача, поскольку в нем необходимо привести к общему знаменателю наработанный в постсоветский период научный арсенал, в котором отразилась цивилизационная многомерность российского пространства. С распадом СССР практически любая проблема в стране самым тесным и жестким образом была связана с воздействием тех или иных региональных факторов, в настроениях людей смыслообразующее поле сузилось, обнаружилась потребность найти свою идентичность, понять собственное общество на микроуровне. Это чрезвычайно актуализировало регионалистский подход в осмыслении прошлого России.

Для изучения истории татар и Татарстана в советский период основополагающим является факт обретения татарским народом административно-политического статуса в виде автономной республики. Конечно, в реальности государственное образование татар с самого начала имело практически декоративный характер. Но с учреждением Татарской автономии само слово «татары» в общественном лексиконе обрело легитимное звучание.

За 20 предвоенных лет советской истории идеологические условия, стиль социально-культурной жизни, общественное сознание в Татарстане претерпели кардинальные изменения. В республике появились все атрибуты политической власти: конституция, герб, флаг, государственные учреждения.

Декретом правительства Татарской автономии от 25 июня 1921 г. татарский язык был признан обязательным во всех государственных

[1] Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, № 14-11-16016.

учреждениях. В ходе его реализации была развернута широкая система обучения населения республики. В первые десятилетия советской власти сложилась база для развития высокой культуры татарского народа. Она проявилась в важных морфологических и институциональных изменениях: появлении и развитии профессиональной музыки и живописи, академического театрального искусства, попытках наладить собственное кинопроизводство, создании ряда научных центров, способствовавших развитию татарской гуманитарной науки. В 1930-е гг. были открыты Татарская государственная филармония, Татарский государственный театр оперы и балета, создан Государственный татарский ансамбль песни и пляски, роль которого в популяризации национального искусства за рубежом в советский период невозможно переоценить. В 1939 г. начал работать Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории[2].

В 1920–1930-е гг. был произведен мощный рывок в социально-экономической сфере. В этот период в Татарской республике было построено 58 крупных промышленных предприятий. К 1940 г. ТАССР имела 21 новое промышленное предприятие вместо 11 к началу индустриализации. Соответственно ускорился и рост городского населения республики. Если в 1926 г. в городах Татарстана проживало 10,8 % всего населения, то уже в 1939 г. доля городского населения возросла до 21,1 %. По сравнению с 1926 г. число рабочих в крупной промышленности увеличилось в 4,2 раза, при этом число татар увеличилось в 8 раз. Всего в СССР к концу 1930-х гг. насчитывалось более 500 тыс. человек рабочих-татар[3].

В истории Советского Союза 2-й половины XX в. трудно найти примеры других областей и республик, где наблюдались бы столь высокие темпы индустриализации, как в Татарстане. Сразу же в послевоенный период в Татарстане развернулось строительство новых промышленных предприятий, ориентированных на общесоюзные нужды, это объяснялось весьма актуализировавшейся в условиях «холодной войны» государственной стратегией, согласно которой республике отводилась роль важной тыловой базы.

Немаловажным фактором хозяйственного развития Татарстана в рассматриваемый период являлось промышленное освоение нефтяных месторождений. Уже в середине 1950-х гг. республика стала в нефтедобывающей отрасли бесспорным лидером. Причем в процесс добычи здешними нефтяниками было внесено много нового, позволившего получать здесь самую дешевую нефть в стране. Известной

[2] Галлямова А. Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Казань: Магариф, 2010. С. 146.

[3] Там же. С. 77–78.

страницей истории республики явилось создание Камского ТПК, основу которого составляли два крупнейших предприятия «Нижнекамскнефтехим» и «Нижнекамскшина» в Нижнекамске и КамАЗ в Набережных Челнах.

Большинство местного населения охотно вовлекалось в промышленное производство. Об этом свидетельствовал быстрый рост среди него рабочих-нефтяников, рабочих-химиков, рабочих-машиностроителей. Процесс стремительной индустриализации и связанной с ней урбанизации, а также широкомасштабного раскрестьянивания превращал целые пласты сельчан в горожан. Темпы роста горожан в республике более чем в 1,5 раза превышали среднесоюзный показатель[4].

В рассматриваемый период в республике имелись бесспорные достижения с точки зрения социо-, морфо-, формогенеза. Т. е. позитивная динамика наблюдалась в повышении грамотности населения, в статистике увеличивавшегося числа школ, библиотек, других объектов социально-культурной сферы, расширении старых и появлении новых социально-профессиональных групп с увеличивавшимся интеллектуальным статусом. Среди татар неуклонно повышалась доля лиц с высшим образованием.

И, тем не менее, разительно меняющийся облик республики совпал с кризисом национальной самоидентификации татар, проявившийся в комплексе неполноценности. Выработке этого комплекса прямо способствовала политика, направленная на искусственное принижение значения традиционной татарской культуры в духовном развитии общества, создание дискомфортных условий для жизнедеятельности национальной интеллигенции.

Одну из ключевых ролей в этом сыграло принятое в августе 1944 г. постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Этот документ на десятилетия определил установки в области национальной политики для местных властей, перекрыл пути объективного изучения истории татарского народа. Получившее строгие указания руководство республики должно было проводить тщательную работу по отслеживанию и недопущению проявлений национализма в деятельности творческой интеллигенции.

Пожалуй, наиболее пристальное внимание со стороны властей вызывали труды по истории татарского народа, особенно темы Золотой Орды, завоевания Казанского ханства, джадидизма. Особой скрупулезностью отличался надзор властей за деятельностью Инсти-

[4] Там же. С. 140.

тута языка, литературы и истории, являвшегося главным очагом татарской гуманитарной науки. Им предписывалось все позитивное в истории татарского народа связывать только с прогрессивной ролью русского народа и Российского государства. Те же страницы истории, которые были связаны с периодом государственного могущества татарского народа, а также с мусульманским Востоком полагалось либо замалчивать, либо трактовать негативно.

В 1946 г. в Москве прошла уже широко освещенная в исторической литературе научная сессия, посвященная этногенезу татар, которая показала, что в исторической науке возобладала булгарская теория происхождения татар. Золотая Орда стала рассматриваться как отрицательное явление для социогенеза не только Татарстана, но и России[5]. Чтобы преодолеть сопротивление историков, оспаривавших булгарскую теорию происхождения татар, в Институте истории АН СССР была создана Комиссия содействия написанию «Истории Татарии» под председательством А. П. Кучкина[6]. Главной задачей московской комиссии являлся пересмотр структуры и содержания готовившейся в ИЯЛИ «Истории Татарской АССР»[7].

Надо сказать, что, несмотря на идеологический натиск, ученые сопротивлялись, отстаивая научные истины и сохраняя демократический стиль творческой деятельности, в котором только и возможна конструктивная созидательная деятельность. В 1949 г. по идеологическим мотивам был раскритикован сборник статей отдела истории «Происхождение казанских татар», авторами которых являлись известные историки академик Б. Греков, А. Смирнов, Н. Калинин, Е. Чернышев.

Разгромной критике были подвергнуты в тот период и литературоведы. Так, составленный в конце 1940-х гг. проспект истории татарской литературы получил порицание за слабое раскрытие влияния русской революционно-демократической литературы, отсутствие показа борьбы двух направлений литературы в классовом обществе, переоценку «суфийской» литературы. Идеологическим проработкам подверглись учебники. Дважды (в сентябре 1948 и в январе 1952 г.) был резко раскритикован учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса средней школы. Авторов обвинили в том,

---

[5] Галиуллина Д. Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2004. № 2. С. 26.

[6] Гимади Х. Г. Изучение истории Татарии в Казанском филиале Академии наук СССР // Известия КФАН СССР: Юбилейный сборник. Казань: КФ АН СССР, 1957. С. 156.

[7] Закиев М. З. 50 лет поисков и открытий // 50 лет поисков и открытий. Казнь: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 12–20.

что они «оказались в плену буржуазного объективизма», включили в хрестоматию «вредные произведения», слабо осветили влияние на татарскую литературу русской литературы, неправильно оценили джадидизм, роль ислама.

Жесткие предписания были предъявлены к репертуару театров, от которых требовали современных спектаклей, «правдиво отображающих жизнь и борьбу советских людей». В 1949 г. как не соответствующие партийным установкам были запрещены к показу около двух десятков спектаклей столичных театров[8].

Политические императивы в трактовке татарской истории, выискивание «нездоровых националистических происков» в творчестве национальной интеллигенции создавали некую «презумпцию виновности» у татарского народа. В этой ситуации создавалось ощущение бесперспективности совершенного знания родного языка, культуры. Это ускоряло процесс русификации особенно среди городских татар.

Следующей важной позицией, ведшей к кризису национальной самоидентификации татар, являлось сужение сферы применения татарского языка в городской трудовой сфере. Типичной, к примеру, была ситуация на Казанском авиационном заводе, 40 % рабочих которого являлись татарами, но не было ни одного кружка, работа которого строилась бы на татарском языке. В нефтяной отрасли, развернутой в республике в послевоенный период, не сложилось производственной терминологии на татарском языке, она была полностью заимствована из русского языка. Все это являлось отражением общей языковой политики в этот период, когда во всех без исключения союзных и автономных республиках имелось по несколько постановлений об улучшении преподавания русского языка, и не было принято ни одного постановления об улучшении преподавания родного языка.

Однако в конце 1940-х гг. подавляющее большинство татар стремилось учиться на родном языке. 95 % татарских детей обучалось в татарских школах, и их не хватало. Подтверждением тому являются многочисленные письменные обращения татарского населения Казани в Татарский обком ВКП(б) в начале 1950-х гг. с просьбами об открытии татарских школ. Так, под давлением настойчивых требований жителей Казани в июле 1950 г. заведующий Казанским горono Н. Трусенев просит Татарский обком ВКП(б) открыть татарскую школу близ завода № 237, где работало много татар, вчерашних крестьян. Как говорилось в заявлении, «близлежащие школы, находя-

[8] Галлямова А. Г. Указ. соч. С. 150.

щиеся в зданиях барачного типа, использовались в три смены и были переполнены»[9].

Однако новые татарские школы не открывались, в то время как предпринимались активные меры для изучения русского языка в татарских школах. В 1948 г. главной республиканской газете «Красная Татария» была организована серия статей о способах повышения эффективности по изучению русского языка. В 1949 г. первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) Муратов обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой обязать Министерство просвещения РСФСР увеличить количество часов на обучение русскому языку и русской литературе[10]. Свое обращение он мотивировал заботой о повышении культурного уровня татарского народа, оперируя тем, что хорошее владение русским языком дает преимущества в получении средне-специального и высшего образования. Действительно, в 1947/1948 уч. г. из общего числа обучавшихся в 10-х классах татар только 70 % сдали экзамены успешно. Подавляющее большинство не выдержало экзамен по русскому языку. Аналогичное положение сохранялось и в последующие годы. В 1952/1953 уч. г. из общего числа неуспевающих 80 634 человек, по русскому языку числилось 51 752 человека, т. е. 64 %[11].

Это обусловило перелом в настроениях татар-горожан в 1950-е гг. Многие из них, в большинстве недавние сельчане, не желали, чтобы у их детей, как в свое время у них, из-за плохого знания русского языка возникли трудности с адаптацией к городской жизни. Не видя перспективы совершенного знания родного языка, все большее количество родителей татар пытались отдать своего ребенка в русскую школу либо в русский класс.

О заметном снижении значения татарской школы для формирования интеллектуальной сферы свидетельствовали показатели по национальности поступивших в вузы. В конце 1950-х гг. среди студентов республики татары составляли только 28 %, большинство из которых окончило русские школы. Так, в 1957 г. на первый курс Казанского государственного университета были приняты 620 человек, в том числе 173 татарина, но из них окончивших татарские средние школы было только 27 человек, причем 24 из них были приняты на отделение татарского языка. Казанский авиационный институт принял в 1957 г. 750 человек, в том числе 113 татар и только 11 из них из татарских школ. Казанский финансово-экономический институт принял 200 человек, в том числе 39 татар, из которых только 9 окончили татарские школы. В медицинском институте было принято

[9] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 31. Д. 760. Л. 398, 399.

[10] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 406.

[11] ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 72. Д. 2751. Л. 18.

405 студентов, из них татар – 121 человек, в том числе окончивших татарские школы 18 человек. Среди агрономов и зоотехников татары составляли только 16,7 %, агрономов и зоотехников – 28,2, врачей – 28,8, экономистов – 24,8[12].

Видя бесперспективность совершенного знания татарского языка, даже представители татарской творческой интеллигенции стали обучать своих детей в русских школах. Начал стремительно снижаться авторитет национальных школ. Многие татарские школы ютились в неблагоустроенных помещениях, не были укомплектованы квалифицированными учителями. В республике был отменен государственный экзамен на аттестат зрелости по татарскому языку и литературе, ликвидированы коренизированные группы в средних специальных учебных заведениях. В 1958 г. в столице республики – Казани – работало только 2 татарские и 17 смешанных школ, 80 % детей татар города обучалось в русских школах. Количество детей, обучавшихся в татарских школах, в целом по республике сократилось в несколько раз. В середине 1960-х гг. наблюдался довольно высокий процент детей рабочих-татар, хорошо владевших татарским языком, но предпочитавших учиться в русских школах. Половина татар-горожан во внутрисемейном общении пользовались русским языком[13]. По результатам анкетных опросов число детей из семей рабочих-татар, обучавшихся в школах на русском языке, составило почти 88 %[14]. Многие татары старались не манифестировать свою идентичность. На улицах редко можно было услышать татарскую речь, городская молодежь переиначивала свои имена на русский лад.

В 1970-е гг. складывавшаяся веками культура народов оказалась невостребованной наиболее образованной его частью, духовный мир которой все больше формировался на основе русской и зарубежной культур, пропущенных к тому же через сито официальной идеологии.

Утрата ценностного отношения к сокровищам национальной культуры проявлялась в работе учреждений, призванных обогащать духовную жизнь народа, принимавшую все более однобокий характер. Так, на сцене оперного театра из года в год сокращалось число создававшихся местными композиторами произведений. Если с 1939 по 1950 г. здесь было поставлено 13 национальных спектаклей, с 1951 по 1960 г. – 8, то с 1961 по 1970 г. – только 5. В репертуаре Государ-

[12] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 39. Д. 141. Л. 20.

[13] Ахметов Р. М. Элита татар. К постановке проблемы // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1992. С. 124.

[14] История Казани в документах и материалах. XX век. С. 460.

ственного филармонического оркестра в 1968 г. было 33 произведения русских и зарубежных классиков, 21 – композиторов союзных и автономных республик СССР и только 13 – татарских композиторов. К 1969 г. в их репертуаре осталось только 8 произведений татарских композиторов[15].

В конечном счете, это оборачивалось увеличением числа носителей маргинальной культуры. Недооценка, а зачастую и прямое игнорирование национальных особенностей и интересов, деэтнизация прошлого и настоящего, унификация и стандартизация духовной жизни, сопровождавшиеся потерей этнических форм самовыражения, порождали острые и противоречивые проблемы. Они вели к утверждению нигилистического отношения к своей национальности, родному языку, культуре, традициям. Атрофия национального самосознания, несущего среди других важных функций функцию самовоспитания, означала потерю нравственных ориентиров. В воспитательном процессе постепенно атрофировались факторы национальной гордости, чести, достоинства татар. Так, в 1975 г. имя З. Космодемьянской носили 183 средние школы в республике, О. Кошевого – 67, а имя Г. Гафиатуллина, повторившего подвиг А. Матросова, имела лишь одна школа в республике. Из 993 пионерских дружин только 48 носили имена прославившихся земляков[16]. Данный факт является очевидным свидетельством комплекса национальной неполноценности татар. Этническое самоотчуждение находило широкое проявление в массовой психологии социальной неприкаянности, которая порождает безответственность, иждивенчество, приспособленчество.

С другой стороны, оно порождало болезненную реакцию национального сознания. Об этом свидетельствовали многочисленные письма во власть. К примеру, в анонимном письме рабочие-нефтяники в 1955 г. писали Н. С. Хрущёву: «Татария стала крупным районом нефти. Но почему с Татарией не считаются. Здесь строятся города и поселки, похожие на арестантский лагерь. Кроме бараков, ничего нет. Нет улиц, воды и электричества, все сделано, как в лагерях МВД. В школах дети занимаются в 2–3 смены, капитальных больниц нет. Нет кино, нет дворцов культуры. Если татарская нефть оказалась бы на Украине, или в Узбекистане, Грузии, то, наверное, там давно бы все было сделано. Но с татарским народом никто не считается, наоборот, похоже, что кто-то издевается»[17].

---

[15] Коммунист Татарии. 1970. № 8. С. 10.

[16] Андреева С. В. Партийное руководство деятельностью ВЛКСМ по патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи в 70-е гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 101.

[17] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 7. Д. 28. Л. 20.

Еще более ярко и обстоятельно излагала свою позицию татарская творческая интеллигенция. После XX съезда КПСС писатели республики настойчиво выступали за повышение политического статуса Татарстана. Весной 1956 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Бауманского района г. Казани писатель Г. Кашшаф выразил надежду, что «ЦК партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику». Через год писатель Н. Фаттах направил письма Н. Хрущеву, Б. Булганину, К. Ворошилову, В. Лацису с требованием реорганизации Татарской автономной республики в союзную республику[18].

Ш. Маннур, отличавшийся умением говорить правду и следовать ей даже в период сталинской реакции, после XX съезда КПСС написал обстоятельное письмо Н. С. Хрущёву о «второсортности автономного статуса республики, катастрофическом сужении сферы применения татарского языка, об упадке в татарском искусстве, стремительном уменьшении количества татарских школ»[19].

Официально не одобрявшееся поведение людей, выражавшееся в самых различных формах – от неучастия в формальной политической жизни до открытого вызова государственной машине, – свидетельствовало об ограниченности возможностей властей в реализации политики интернационализации. То, что Татарстан находился в период перестройки в авангарде парада суверенитетов, а в 1990-е гг. в фарватере федерализма, убедительное тому свидетельство.

В заключение хотелось бы отметить, что формирование толерантного общества, в том числе и на уроках истории, требует учета регионализма, в том числе и этнорегионализма как естественно обусловленной составляющей процесса социогенеза. Исторические исследования по локальным системам, представляющим совокупность конкретных связей, определенную целостность и взаимообусловленность социально-экономических, этнополитических, общественно-культурных отношений, могут служить эмпирической базой для формирования эффективной региональной политики. Ее успешность определяется концепцией сохранения и возрождения подлинного цивилизационного богатства страны, предоставления комфортных условий для существования самодостаточных территорий и общностей, показывая, что суть Российского государства в их интеграции.

---

[18] Там же. Оп. 38. Д. 196. Л. 111–113.

[19] РГАСПИ. 556. Оп. 14. Д. 55. Л. 108–116.

Р. Чепайтене

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФОРМА СТАЛИНСКОГО ГОРОДА

Советский союз изначально создавался как многоэтничная федерация, противопоставляющая себя царской империи – «тюрьме народов». Но окрепший тоталитарный режим начал постепенно возвращаться к идее воссоздания империи как географически (за исключением Финляндии, до середины 1940 г. ему удалось это совершить, заняв территории до того независимых государств Балтии и Бессарабию), так и на символическом уровне. Эту тенденцию можно проследить и в выбранной властями форме эстетики публичного пространства – так называемом «сталинском ампире».

Исследователи считают, что формирование «сталинского стиля» в советской архитектуре началось с конкурсов на проект Дворца Советов в Москве[1]. Экспериментальное и авангардное искусство революционных лет, уже заслужившее признание на международном уровне, примерно с 1927 г. стал вытеснять более грубый и традиционалистский реализм, который в 1932 г. приобрел контуры культурной доктрины – социалистического реализма[2]. Новая официальная эстетика быстро просочилась во все жанры и формы художественного творчества, начиная с литературы и кинематографа и кончая урбанистикой, архитектурой и дизайном. Более того, она скоро стала проявлением своеобразного «универсального языка» советской культуры.

Один из основных тезисов соцреализма, гласящий о «единстве социалистического содержания и национальной формы» стал активно использоваться по отношению к национальным культурам народов новой империи. Однако примеры различных регионов СССР, взятые и исторически и культурно, показывают, что практическое его применение часто сталкивалось с немалыми трудностями. Если с «социа-

[1] Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2006; Его же. Зодчий Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

[2] · Голомшток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994.

листическим содержанием» было как бы все понятно и художники эпохи, прежде всего, призывались воплотить целый ряд таких идеологических клише как «Октябрьская Революция», Ленин, «дух Партии», «прогрессивные идеи человечества», «отвага народа», «великая Победа» и пр., то на деле не всегда было ясно, что надо подразумевать под «национальной формой» и, особенно, каким образом идеологически правильно ее выразить.

По замыслу «национальная форма» должна была осуществлять особенности и разнообразие традиций народов СССР, но применение этого постулата в разных локальных контекстах и в конретных ситуациях часто сталкивалось с глубинными противоречиями и парадоксами советской национальной политики. Как известно, всеобще принятый ленинский тезис о «двух культурах» требовал любую культуру прошлого делить на негативно оцениваемую «буржуазную» и «прогрессивную», содержащую элементы демократичности и социалистической идеологии[3]. На практике же часто оказывалось трудно или даже невозможно их четко различить, тем более, что рамки и репертуар дозволенных элементов культуры не были стабильными и за время существования СССР не раз менялись.

Учитывая это, в данной статье сделана попытка краткого сравнительного обзора сталинской национальной политики в сфере градостроительства и архитектуры. Ставятся вопросы: каким образом идеологические постулаты доктрины соцреализма проявляли себя в контексте разных национальных культур? Каким идеологическим критериям должна была соответствовать столица союзной республики? Каким образом в ее облике должны были сочетаться признаки «советского» и «национального»? Отличалась ли в этом плане довоенная и послевоенная политика градостроительства СССР? Опираясь на визуальное исследование городского ландшафта ряда городов союзных республик, попытаемся показать, какие конкретные формы приобретала эта доктрина «на местах».

Общие черты сталинской архитектуры: от барокко к баракам

В области архитектуры тоталитарная идеология своеобразно связала научную рациональность, в ту эпоху популярные идеи прогрессивного урбанизма и утопическое видение процветающего общества

[3] Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1979. Т. 24. С. 120–121.

будущего. Особенно подчеркивалась роль архитектуры как эффективного инструмента социальной инженерии: планируемые преобразования окружающей среды и публичного пространства должны были неизбежно привести и к желаемым изменениям человеческого сознания, привычек, поведения и действий.

Парадокс, что хотя И. Сталин вскоре отвергнет модернизм и конструктивизм, утвердившееся в архитектуре послереволюционного периода, глубинная идея и сама риторика, на которую будут опираться обоснования реконструкции и строительства городов, в основном останутся прогрессистскими[4]. Тоталитарная архитектура не только должна будет помочь с реализацией программы создания «нового человека», но и визуально воплотить утвердившийся социополитический порядок[5].

В середине четвертого десятилетия, после архитектурных конкурсов проектировки Дворца Советов в Москве и соответствующих решений партии, резко проявился сдвиг от «пролетарского авангарда» к «освоению классического наследия». Но само понятие «наследия» и необходимость на него опираться советскими идеологами культуры интерпретировалось своеобразно и селективно. Одни исторические стили, например, классицизм или Ренессанс, объявлялись подходящими и почитаемыми, другие же – особенно готика и барокко, ассоциируемые с нежелательным наследством католицизма, или восточные стили, оцениваемые как пережиток средневековья и признак отсталости, – отвергались как враждебные и непригодные. Но даже «легитимные» формы и стилистические приемы искусства прошлого оценивались лишь как материал для «новых творческих исканий». Установка на освоение и использование исторических элементов в новом строительстве в основном опиралась на импровизацию на основе этих стилей, а не их копирование и не всегда требовала их предварительного тщательного познания (в некоторых случаях это воспринималось не только нежелательным, но и даже опасным).

Соцреализм, еще называемый историзмом, ретроспективизмом, неоклассицизмом и т. д., художественные формы выражения чаще всего черпал из архитектуры античной Греции и имперского Рима[6], эстетику которых активно использовали и другие тоталитарные диктаторы того времени – Б. Муссолини в Италии и А. Гитлер

[4] Иванов С. Г. Архитектура в культуротворчестве тоталитаризма. Философско-эстетический анализ. Киев: Стилос, 2001.

[5] Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

[6] Иконников А. В. Историзм в архитектуре. М.: Стройиздат, 1997.

в Германии и пр. Советские искусствоведы даже пытались доказать локальный характер этого стиля и отследить прямую линию преемственности его от древней Греции, через Рим и Восток до России[7]. Поиск синтеза классики и национального искусства, кстати, был свойствен и другим странам межвоенной Европы.

Скорым временем в советском градостроительстве утвердились масштабные монументальные формы, своими пышными фасадами обязанные транслировать весть об успешном создании нового типа общества. Идеалом сталинских урбанистов стала система широких бульваров и проспектов, обрамленная импозантными монументальными строениями – дворцами пролетариата, ведущими к центральному зданию правительства или компартии. В действительности показной парадностью и фасадизмом маскировалась колоссальная нехватка жилья, поскольку в условиях форсированной индустриализации финансовые потоки, прежде всего, шли на строительство промышленных предприятий или монументальной сталинской архитектуры, а рабочие, несмотря на все планы КПСС о быстром строительстве «светлых социалистических городов», были вынуждены годами проживать в бараках[8].

Монументальность, высота и декоративность строений соцреализма зависела не только от их предназначения (часто – общественные здания в ущерб жилым), но и от статуса конкретного города на иерархической лестнице тоталитарной социополитической системы. Первым был сам центр советской утопии Москва, окрашеная семью сталинскими «высотками»[9], вторым – поменявший название Санкт-Петербург, третим – Харьков, в 1920–1934 гг. бывший столицей УССР, далее выстраивались другие крупнейшие урбанистические центры России и союзных республик. Как известно, в столице советского государства должно было быть построенно и самое высокое тогда здание мира – достигающий 410 м высоты Дворец Советов на месте взорванного в 1931 г. Храма Христа Спасителя – главной православной церкви имперской России[10]. Эта хорошо известная история показывает, что при трансформации городов по замыслу ста-

---

[7] Голомшток И. Тоталитарное искусство. С. 85.

[8] См. подробнее: Шлегель К. Террор и мечта. М., 1937. М.: РОССПЭН, 2011.

[9] Васыкин А. А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. М.: Спутник, 2009.

[10] Но этот величественный замысел так и остался нереализованным. Во время правления Н. Хрущева фундамент Дворца был использован для постройки открытого плавательного бассейна, а после распада СССР, при массовой поддержке общественности, Храм был восстановлен.

линских архитекторов их исторические кварталы и наиболее ценные памятники уничтожались без особых сомнений.

Какие глубинные намерения крылись за этими гигантскими планами преобразования городов? Внедряемые идеологическая доктрина и политический стиль имели целью мобилизацию и подчинение государственному аппарату социума, средствами вездесущей пропаганды постепенно превращаемого в аполитичную массу. Стремление ориентировать общество на достижение утопических целей создания коммунизма требовало сотворения и распространения всем понятных и впечатляющих мифов и символов, литургии и культа, при помощи которых народ не только должен был пережить сильные сплачивающие эмоции, но и приобрести новую советскую идентичность[11]. Таким образом, публичное действие стало сильно театрализированным, а неоклассическая архитектура была предназначена служить как гигантские декорации на сцене развертывающейся политической драмы[12]. Плотно взаимодействуя с идеологией и пропагандой и эффективно служа ей архитектура того времени стала ареной тотального сплочения советских граждан, во время частых массовых празднеств, шествий, митингов и демонстраций, превращаемых в послушную власти толпу. Этим можно объяснить и ее фасадный характер, поскольку декорации воспроизводят эффект, будучи видны спереди и не обязаны быть величественными и красивыми со всех сторон или изнутри. Надо упомянуть и такую важную деталь, что на стройку колосальных величественных эталонов советской архитектуры и инжинерии (Масковское метро, Беломорско-Балтийский канал и пр.) или на изготовление стройматериалов для нее часто использовались и узники ГУЛАГа, а после войны – и немецкие военнопленные[13].

Хотя эти гиганские проекты градостроительства были задуманы и начаты еще в межвоенное время и для их осуществления понадобилось снести некоторые исторические кварталы или отдельные ансамбли и памятники, такая практика по понятным причинам не могла быть полностью развернута. Поэтому именно огромные разрушения

---

[11] См. подробнее: Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge University Press, 2011.

[12] Abensour M. De la composité. Architectures et régimes totalitaires. Paris: Sens and Tonka, 1997.

[13] Кларк К. Имперское возвышенное в советской культуре второй половины 1930-х годов // НЛО. 2009. № 95.

урбанистического массива во время военных действий позволили ей возобновиться с новой силой после войны[14].

Архитектура как средство коренизации?

Эталоном и объектом для подражания всех урбанистических преобразований городов СССР стал проект реконструкции Москвы, принятый в 1935 г. Но исследования показывают, что, несмотря на распространенные повсеместно на территории СССР общие и легко узнаваемые черты «сталинского ампира», в городском ландшафте столиц и других крупнейших городов союзных республик официальный стиль неоклассицизма приобретал и кое-какие местные черты. Надо заметить, что стилистика неоклассицизма чаще использовалась для правительственных и общественных зданий, а больше элементов «национальной формы», как правило, можно отследить в учреждениях культуры и жилых строениях.

На приспособление городов национальных окраин к сталинской эстетике часто присылались специалисты из «Центра», мало или вообще незнакомые со спецификой местных архитектурных и градостроительных традиций. Например, в архитектурном истеблишменте послевоенного Вильнюса[15] на десятилетие утвердилась группа присланных из Ленинграда советских архитекторов. По примерам сталинской архитектуры, сохранившейся в городе по сей день можно судить, что задание отражения «национальной специфики» ими было воспринято чисто формально, что вызвало критику местных архитекторов, упрекавших ленинградцев в стереотипном использовании в декоре зданий атрибута «литовскости» – тюльпанчика[16]. Хотя тенденция «импорта российских специалистов» была общераспространенной, можно упомянуть и некоторые исключения. Например, при послевоенной реконструкции Кишинева там работал представитель высшей элиты советской архитектуры, автор проекта ленинского мавзолея А. В. Щусев, родившийся в Кишиневе, а генеральный план

---

[14] См. подробнее: Хан-Магомедов С. О. «Сталинский ампир»: проблемы, течения, мастера. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. М.: КомКнига, 2010. С. 10–24.

[15] О довоенной и послевоенной специфике Вильнюса, который с 1920–1939 г. входил в состав Польши, и Литовской республике, отчаянно пытавшейся вернуть город – бывшую столицу Великого Княжества Литовского – и вынужденной временно перенести столицу в Каунас, подробнее см.: Snyder T. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. Yale University Press, 2003.

[16] Доклад арх. С. Абрамаускаса «Национальные черты в архитектуре г. Вилънюса» от 1951.12.30 // АЛИЛ (Архив литературы и искусства Литвы). Ф. 87. Оп. 1. Д. 33.

Еревана был в 1924 г. создан вернувшимся из Москвы знаменитым армянским архитектором А. О. Туманяном.

Надо подчеркнуть, что выбранные под новые административные центры города находились в неоднозначном положении. Некоторые из них уже были историческими столицами (Киев, Казань, столицы республик Закавказья и Балтии), другие же выбирались и преобразовывались именно как заново создаваемые символические центры титульной нации конкретной республики, например, Кишинев. Особенно это коснулось среднеазиатских республик, созданных после реорганизации. Процесс, как известно, не всегда проходил гладко и плавно, в некоторых случаях даже пришлось переносить столицу в другой город – из Харькова в Киев, из Самарканда в Ташкент, из Чарджоу в Ашхабад и т. д.

Что касается средств и мер советизации урбанистического ландшафта национальных регионов до войны, надо обратить внимание на исторический контекст, что позволяет объяснить вариативность осуществленных городских преобразований. Облик городов был советизирован в разной степени интенсивности. В Тбилиси, сохранившем свою историческую часть, появилось лишь несколько исключительных эталонов сталинской архитектуры – Здание Академии наук, Дворец Верховного совета ГССР и пр., – тем временем как древний город Ереван был реконструирован радикально и целиком.

Города, которые в предвоенное время создавались на основе колониального урбанистического наследия Российской империи – так называемые *города-двойники* Средней Азии, – как правило, были разделены на восточную и европейскую части (Ташкент, Фергана, Андижан) или имели лишь европейскую составную[17], как, например, Алма-Ата (бывший форт Верный), Асгабад (в 1919–1927 г. – Полторацк, с 1927 г. – Ашхабад) и т. д.[18] Избегая того, что классическая европейская архитектура могла и далее ассоциироваться с продолжением колониализма, советские архитекторы в проектировании активно прибегали к использованию исторически сложившихся местных архитектурных традиций. Среди примеров успешного приспособления национального архитектурного наследия к идеологическим постулатам времени можно упомянуть кинотеатр «Родина» в Ташкенте (арх.

[17] Видимо, современным примером города-двойника «наоборот» можно считать создание новой казахской столицы Астаны рядом с бывшим советским городом Целиноградом в 1997 г.

[18] Косенкова Ю. Л. Среднеазиатский город глазами архитекторов сталинской эпохи. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. М.: КомКнига, 2010. С. 201.

А. Сидоров, 1938 г.), стадион «Динамо» в Тбилиси (арх. А. Курдиани, 1934–38 г.), Дворец Правительства в Ереване (арх. А. Туманян с коллегами, 1926–1941 г.) и т. п.

К другой группе можно причислить столицы союзных республик, облик которых был более или менее советизирован уже после Второй мировой войны в результате «ликвидации последствий массовых разрушений». Это конечно касается крупнейших урбанистических центров на западной части СССР. Степень изменений городского ландшафта тут была тоже разной. От радикальной трансформации (Минск), до тотальной реконструкции только центральных проспектов, как в случае Киевского Крещатика или проспекта Ленина в Кишиневе (ныне бульвар Штефана чел Маре), площадей (например, площадь Ленина, ныне Лукишкю, в Вильнюсе – основной символический центр нового строя – была создана за пределами старого города, что позволило сберечь его от радикальных перестроек) и появления лишь отдельно взятых объектов – правительственных или общественных учреждений[19] («сталинский небоскреб» в Риге – здание Академии наук, 1952–1958) и т. д.

Еще можно упомянуть группу городов, ландшафт которых был радикально советизирован *повторно* вследствие разрушений войны либо природных катаклизмов (Минск, Ашхабад после землетрясения 1948 г., Ташкент после землетрясения 1966 г.).

В контексте советизации городского облика столиц союзных республик особо выделяются Минск и Ереван, представляющие радикально противоположные пути развития сталинской урбанистики и архитектуры в «национальных окраинах» и достойны более глубокого анализа как исключительные примеры «чисто советской» и «чисто национальной» эволюции социалистического города.

Во время войны сильно пострадавший Минск воссоздавался уже как «декорация идеального города прекрасных, но плоских дворцов, город одной очень длинной улицы, которая вела на восток к реальному алтарю. Алтарем виделась, конечно же, Москва. Москва была центром утопии, и именно там должен был возникнуть идеальный город, а Минск строился только как триумфальная арка, как врата к этому Городу»[20]. В истории Минска переломным периодом можно

---

[19] Богданов Л. С. Рига, Таллин, Вилнюс. Реконструкция исторически-сложившегося ансамбля центра города. 1950. АЛИЛ. Ф. 204. Оп. 1. Д. 58.

[20] Клинов А. «Минск – место утопии...». URL: http://vzglyad.ru/culture/2007/5/27/84600.html. Также см.: Клинау А. Горад СОНца. Визуальная паэма пра Мінск. Фотоальбом. 2009; Клінау А. Малая падарожная книжка па Горадзе СОНца. Минск: Логвінау, 2008.

считать 1953–1959 гг., когда внедрялась программа тотального стирания бывшего урбанистического пространства[21]. После этого в Минске остались лишь незначительные фрагменты и отдельные здания старого города, диссонирующие с новой тканью гомогенного идеологического текста, лишенного каких-нибудь более ярких признаков «национального»[22]. Но в действительности мечта об идеальном советском городе так и осталась миражом – иллюзорность его величия не трудно обнаружить, зайдя во внутренние дворы прекрасных дворцов, предназначенных для простого народа, – контраст пышных парадных фасадов и убогости неоштукатуренных стен сразу бросается в глаза. Преобладание такой пустотелой иллюзорной архитектуры в Минске британский исследователь визуальной культуры Бенджамин Коуп полушутя даже назвал «призрачным классицизмом»[23].

Наоборот, с 1924 г. по проекту А. О. Туманяна, разработавшего особый национальный стиль с использованием элементов древней церковной архитектуры, местного туфа и базальта и традиционной резьбы по камню, проводимая масштабная реконструкция Еревана позволила создать обособленный образ города. По замыслу архитектора Ереван должен был стать подножьем и дорогой к горе Арарат – святыне всех армян, и, несмотря на более позднюю корректировку первичного проекта, в основном эту идею удалось реализовать[24].

Хотя ереванский пример показывает, что талантливым архитекторам в конструкциях и формах новых зданий действительно удавалось творчески и органически использовать исторически сложившиеся местные архитектурные, инжинерные и эргономические решения, это часто балансировало на грани дозволяемого и иногда приводило к давольно парадоксальным смысловым дисонансам. Поэтому, чтобы избежать идеологических противоречий и нежелательных алюзий с сакральной, «бейской» или «буржуазной» архитектурой, советские архитекторы нашли менее опасный источник для осуществления требований об отражении «национальной формы». Им стала при декоре

---

[21] Кірычэнка В. Мінск. Гістарычны партрэт горада, 1953–1959. Мінск: Беларусь, 2006.

[22] Белорусский культуролог Юлия Чернявская исследовала вопрос, по каким причинам советизация белорусского общества проходила наиболее гладко по сравнению с другими народами СССР. См. Чернявская Ю. Самая советская из всех советских... // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78); Чернявская Ю. Белорусы: от “тутэйшых” к нации. Минск: ФУА-информ, 2010.

[23] Коуп Б. Призраки Маркса бродят по Минску по следу Деррида. Белорусский формат: невидимая реальность. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 498–521.

[24] Бальян К. В. Советская архитектура Армении: две концепции развития. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. М.: КомКнига, 2010. С. 226–236.

зданий часто используемая народная орнаментика. Хотя доминировала общесоветская символика – серп и молот, звезды, знаки орденов, щиты, мечи, шлемы, знамена, гербы и пр.[25] – декор экстерьеров и интерьеров официальных зданий с течением времени стал более разнообразным, интегрировавшим и элементы традиционного искусства народов СССР[26].

Эта тенденция особенно хорошо видна в оформлении республиканских павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки – ВСХВ (открыта в 1939 г., реконструирована в 1954 г.) в Москве[27]. Но визуальный анализ декора зданий сталинской эпохи Вильнюса, Киева, Кишинева, Минска, Тбилиси, Еревана и Ашхабада автору этих строк позволил заметить феномен распространенности особенных повторяющихся народных геометрических растительных орнаментов, что помогло выдвинуть гипотезу о маркировании этих столиц союзных республик своеобразными стилистическими шаблонами-метонимиями. Мотивами *тюльпана, ромашки, руты* (Литва), *василька, древа жизни* (Беларусь), *виноградной лозы* (Молдавия, Украина, Армения), *подсолнуха* (Украина), *хлопка* (народы Средней Азии) и т. п., советские архитекторы символически отделяли и обозначали различные социокультурные пространства.

Выводы

Поиски и часто шаблонное использование «национальной формы» в архитектуре сталинского города были вызваны не искренней заботой о сохранении и глубинном познании традиционной культуры и искусства народов СССР, а как раз полностью соответствовали идеологически-политическим целями создания единого семиотического и символического пространства. Легко узнаваемый, гомогенный, впечатляющий, полностью подвластный идеологии и пропаганде стиль архитектуры «на местах» должен был укреплять мысль о силе и эффективности советского строя. Удачное переплетение двух идеологических целей – советизации как средства создания «нового советского человека» и коренизации, понимаемой как приспособление «прогрессивных традиций» народностей СССР к нуждам режима, позволило создать двойную – советско-национальную идентич-

[25] Алексеев С. Архитектурный орнамент. М.: Гос. Изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1954.

[26] Яралов Ю. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М.: Стройиздат, 1971.

[27] Ступин В. Об архитектуре Всесоюзной сельскохозяйственной выставки // Архитектура СССР. 1954. № 9. С. 1–16.

ность. Сталинская градостроительная и архитектурная политика способствовала этим процессам благодаря удачному визуальному осуществлению синтеза синхронизации[28] общесоветского идеологического нарратива со стратегией вышеупомянутой локализации, понимаемой как чисто инструментальное использование местных «этнографических» особенностей, символов и знаков, по существу деполитизированных и лишенных любой возможности их эффективного применения для национальных целей вне советского строя.

[28] Милерюс Н. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах. P. S. ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 37–62.

IV. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА». 1940–1950-е гг.

В. А. Бердинских

ЭТНИЧЕСКИЕ ДЕПОРТАЦИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1940–1941 гг.: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Становится все более очевидным, что изучение истории ГУЛАГа и системы спецпоселений только традиционными методами и на основании только традиционных документальных источников невозможно, поскольку такие методы и эти источники дают на редкость искаженную картину реалий, производя эффект очень мощного кривого зеркала.

Почему это происходит?

Первое. В повседневной лагерной жизни очень велик объем информации, коммуникаций, структур и других реалий повседневной жизни и быта, – не фиксируемых письменными материалами и любого рода документами. В системе лагерной жизни огромную роль играли слухи, информация из «уст – в уста» («старик-наслышка», «парашка», «парашютик» и т. п.). Это связано и с повышенной секретностью любых данных о ГУЛАГе, и с высоким уровнем истероидности, психической неуравновешенности всего лагерного населения, где события и реальные факты быстро мифологизируются.

Второе. Сохранившаяся и доступная архивная документация по этой тематике жестко ориентирована на отчетность нижестоящего начальства – перед вышестоящим. Она запрограммирована таким образом, чтобы «осветить» выполнение плановых показателей (дать соответствующую статистику), выпятить «достижения», спрятать очевидные недостатки и провалы... Довольно велик объем умолчаний, полуправды и откровенной лжи. Трафареты и стереотипы лагерных отчетов повторяются из квартала в квартал, из года в год с трудом поддаются расшифровке и сегодня зачастую просто не доступны для понимания «со стороны».

В то же время о самых существенных основах лагерной жизни в этой документации не говорится ничего. Ряд вещей спрятаны – по умолчанию и взаимному согласию начальства любого ранга. Многое подразумевается между строк, но официально не фиксируется, поскольку лагерные реалии любому начальству хорошо известны.

Современные историки, работая по такого рода письменным источникам и не владея реалиями той эпохи, поневоле становятся заложниками официальных документов, оправдывающих любые преступления. Исследователи невольно становятся в позицию авторов документов и уже от их имени подают гулаговские «достижения», а нередко и оправдывают любые бесчеловечно репрессивные меры, полностью отрешившись от моральных критериев гуманизма. В этом, пожалуй, главная причина того, что и в наши дни ни ученые, ни общество так и не имеют внятных и логически обоснованных ответов по ключевым проблемам истории ГУЛАГа.

Третье. ГУЛАГ, мир депортаций и спецпоселков – это мир Оруэлла и Кафки с их абсурдистской логикой. Подходить к нему только с рациональными критериями во всех случаях (как делают наши ученые) бессмысленно. Здесь не спасают ни изящные интеллектуальные построения и блеск концепций, ни детальный источниковедческий анализ документов. Здесь необходимы также междисциплинарные подходы: методы устной истории и этнологии, социологии и психологии, которые дают возможность более глубоко погрузиться в атмосферу этого антигуманного мира, порожденного тоталитарной эпохой и отталкивающего нормального человека своим безумием.

Один выдающийся французский историк удачно заметил, что от исследований по истории крестьянства должно «пахнуть навозом, а не бумагой». Точно так же работы по истории ГУЛАГа должны «пахнуть вонью лагерного барака» (запах жилой зоны очень специфический). Нам нужно хотя бы поставить задачу «проткнуть архивный документ насквозь» и выйти с его обратной стороны – в плотный мир лагерного быта и менталитета.

Стоит признать, что для большинства историков – это задача непосильная. Весь традиционный опыт, запас научного багажа и набор усвоенных методик здесь применимы лишь в малой мере. И все же – стремление изучать историю народа должно помочь нам в приближении к научной истине. Но идти при этом нужно «снизу», а не «сверху». Отложившиеся в центральных архивах материалы разного рода управленческих структур ГУЛАГа – дают лишь отполированный временем «белый костный остов» сталинского лагерного монстра.

Установившийся «москвоцентризм» существенно препятствует изучению реалий жизни народа и страны. На прошлое смотрят через призму деятельности центральных госучреждений и прочих структур власти.

Обратимся к реалиям депортаций 1940–1941 гг.

1930-е гг., прошедшие в основном под знаком «кулацкой ссылки», знаменовали собой первый этап в истории спецпоселений в СССР. К 1939 г. «раскулаченные» крестьяне в общей численности всех трудпоселенцев, высланных и ссыльных составляли более 93 %. Осталь-

ные 7 % представляли выселенные из крупных и малых городов (в подавляющем большинстве – по политическим мотивам), а также депортированные в результате «приграничных зачисток»[1].

Вторая волна крупномасштабной ссылки и высылки пришлась на период 1940 – первой половины 1941 г. Это время массового выселения «социально чуждого элемента» из присоединенных в 1939–1940 гг. к СССР восточных земель Польши (ныне западные области Украины и Белоруссии), из трех прибалтийских государств (Латвия, Литва, Эстония), из правобережья Днестра (Бессарабия и входившая в нее Придунайская область с городами Измаил и Белгород-Днестровский), из Северной Буковины (ныне Черновицкая область Украины), а также из участков Карельского перешейка с городом Алакуртти (ныне Мурманская область) и Северного Приладожья с городами Виипури (ныне Выборг Ленинградской области) и Сортавала (в Карелии).

По представлениям советского руководства, массовые репрессии должны были стать здесь главным средством подготовки к предстоящей войне, действенным инструментом борьбы с «контрреволюцией», «шпионами и диверсантами», «антисоветскими настроениями и бандитизмом», а также основной мерой принудительной «советизации» той части местного населения, которая могла быть (и действительно была) недовольна «вхождением» в СССР.

В эти годы проведены четыре депортации по четырем категориям населения. Причем каждая из этих категорий фиксировалась органами НКВД–НГКБ в делопроизводстве тех лет по-своему, направлялась на спецпоселение и содержалась там отдельно от других.

Первой, наиболее известной и масштабной категорией высланных стали так называемые польские осадники.

«Осадники» – это переселенцы из центральной и западной Польши, в основном бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г., получившие в 1920–1930-х гг. земельные угодья в восточных регионах Польши, заселенных преимущественно украинцами и белорусами, и выполнявшие на этих территориях определенные государственно-идеологические и полицейские функции. Причем, хотя 85 % «осадников» составляли поляки, среди них было также немало украинцев и белорусов[2].

---

[1] Бердинских В. А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов советской России. М., 2005. С. 58.

[2] Полян П. М. Не по своей воле... (История и география принудительных миграций в СССР). М., 2001. С. 96.

После присоединения в 1939 г. восточных земель Польши к СССР «осадники» были объявлены «злейшими врагами трудового народа», подлежащими выселению вместе с семьями в «отдаленные районы».

Решение об их депортации разрабатывалось и принималось высшим эшелоном власти по бюрократической технологии, которая стала затем типичной для многих этнических депортаций.

Вначале (2 декабря 1939 г.) нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия направляет в ЦК ВКП(б) письмо с предложением выселить до 15 февраля 1940 г. все семьи «осадников» (более 27 000).

Вскоре (4 декабря 1939 г.) Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает соответствующее решение, а затем (5 декабря) СНК СССР принимает постановление № 2010–558сс – о депортации «осадников» и использовании их на предприятиях Наркомлеса СССР[3].

Обращает на себя внимание, прежде всего, оперативность решения вопроса, свойственная структурам государственной власти и управления тех лет и при прохождении других аналогичных дел.

Во-вторых, сразу же после принятия указанных документов потребовалась «дополнительная проработка вопроса». Поэтому вдогонку уже принятым решениям издается целый пакет новых постановлений, инструкций и положений, создающих реальный механизм депортации и размещения выселенных «в пунктах назначения».

К таковым относятся постановление СНК СССР от 22 декабря 1939 г., а также дополнительные директивы: решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 декабря и постановление СНК СССР № 2124–620сс – об использовании имущества депортируемых из Украины и Белоруссии и включении в их число служащих польской «сторожевой лесной охраны» (так называемых «лесников»).

К этому же ряду примыкают:

– письмо наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии председателю СНК СССР В. М. Молотову от 24 декабря 1939 г. – с проектами подготовленных НКВД исполнительных актов по депортации;

– окончательное решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 декабря 1939 г. № П11/68 и постановление СНК СССР от того же числа (№ 2122–617сс), утвердившие три важнейших для НКВД документа – положение о спецпоселках и трудовом устройстве «осадников», выселяемых из западных областей Украины и Белоруссии, инструкцию о порядке переселения «осадников» из западных областей Украинской и Белорусской ССР, а также штаты районных и поселковых комендатур НКВД.

---

[3] Гурьянов А. Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997. С. 117.

Две недели спустя к этим основополагающим документам прилагаются очередные поправки и дополнения:

– письмо Л. П. Берии И. В. Сталину от 10 января 1940 г. – с предложением передать часть «осадников» Наркомцветмету СССР на работы по добыче золота и медной руды;

– постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 января того же года № П11/175 – о дополнительном расселении спецпереселенцев-«осадников» и использовании их на горных и лесозаготовительных работах Наркомцветмета СССР.

Завершает эту бумаготворческую серию, исполненную в безупречном бюрократическом стиле (без изучения реальной обстановки, потребности в людях на местах, готовности к их размещению там и т. д.), «Инструкция начальникам эшелонов по сопровождению спецпоселенцев-осадников», подготовленная Главным управлением конвойных войск НКВД и утвержденная 17 января 1940 г. заместителем наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышовым.

Наконец, 20 февраля 1940 г. ГУЛАГ НКВД заключает договор с Наркомлесом СССР «Об использовании спецпереселенцев в системе лесозаготовительных организаций», что завершило определение круга «трудоиспользования» депортированных поляков в «местах их обязательного поселения» (такого рода договоры заключались ГУЛАГом и с другими наркоматами и хозяйственными ведомствами, нуждавшимися в подневольной «рабочей силе», а набиралось таких «подрядчиков» немало – около полусотни)[4].

Таким образом, главный инициатор (заказчик) депортации (НКВД СССР) выступает одновременно в трех ипостасях: и в роли распределителя остро необходимых стране трудовых ресурсов, и в качестве непосредственного исполнителя операции, и как «наследник» оставленного на местах имущества выселенных.

Вместе с тем вся акция идет под жестким общим контролем Политбюро ЦК ВКП(б), где определяющим было «личное мнение» И. В. Сталина. Правительство (СНК СССР) в данном случае лишь административно дублирует и конкретизирует уже выработанные политические решения. Такое иерархическое построение мало в чем изменилось и после того, как И. В. Сталин сам официально возглавил в мае 1941 г. правительство страны.

Первой депортации (февраль 1940 г.) подверглись, включая членов семей польских «осадников», «лесников» и государственных служащих, 139 596 человек, этапированных в 21 регион СССР (Европейский Север, Урал, Сибирь, Казахстан, Поволжье, в том числе

[4] Бердинских В. А. Указ. соч. С. 59–61.

в Кировскую область – 2 204). По национальности большинство составляли поляки (83 %). Значительно меньшая доля приходится на украинцев (9 %), белорусов и немцев (8 %). При этом итоговое число выселенных (вместе с семьями) значительно превысило количество «осадников» и «лесников», реально проживавших в местах их прежнего обитания[5].

В апреле 1940 г., в соответствии с постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) № П13/114 и СНК СССР № 289–127сс (оба – от 2 марта 1940 г.), а также постановлением СНК СССР от 10 апреля 1940 г. № 496–177сс, была проведена вторая «польская» депортация: около 61 000 человек – членов семей репрессированных бывших польских офицеров, полицейских, тюремщиков, государственных служащих, крупных владельцев собственности (помещики, предприниматели, банкиры, торговцы и т. п.), «участников повстанческих и контрреволюционных организаций», а также «беженцев с территории бывшей Польши, отошедшей к Германии, изъявивших желание выехать из Советского Союза на занятую немцами территорию и не принятых германским правительством». К этому же «контингенту» были отнесены проститутки. В основном эти люди были поляками по национальности и отправлены в административную ссылку – в Казахстан (проститутки – в Казахстан и Узбекистан)[6].

Порядок и стиль проведения спецорганами «польских» операций мало чем отличались от подобного рода мероприятий времен «кулацкой» ссылки.

Как вспоминает одна из выселенных в апреле 1940 г., «в каждый дом посылали одну-две подводы и, как правило, двух солдат. Стучались, сверяли списки, отбирали паспорта, старались не грубить, даже паковаться и грузиться помогали: брать с собой разрешалось до 100 килограммов, но фактически можно было и больше. Подводы подавали к станции, грузили в товарные вагоны: в вагоне железная печка, нары в три этажа, у задней стенки складываются вещи. Как выразился сотрудник НКВД в Актюбинске: “Из поляка никогда коммуниста не сделаешь, во всяком случае, в этом поколении. Они все нам враги, сколько бы их ни было!”»[7]

В июне–июле 1940 г. прошла третья волна «польской» депортации.

---

[5] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М., 2003 С. 87–89.

[6] Филиппов С. Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997. С. 53.

[7] Хребтович-Бутенева О. А. Перелом (1939–1942). Париж, 1984. С. 48–53.

Она проводилась по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1940 г. При ней из западных областей Украины и Белоруссии были переселены 77 288 беженцев, прибывших из польских территорий, оккупированных Германией в сентябре 1939 г. Большинство из них составляли евреи (84 %), значительно меньшую часть – поляки (11 %).

Операция началась 29 июня и закончилась во второй половине июля 1940 г.

Статус «беженцев», а не спецпоселенцев вызывал несколько иное отношение местных властей к этим людям, но режим ограничения личной свободы в определенной степени распространялся и на них[8].

Всего за период с февраля 1940 по июнь 1941 г. из западных областей Украины и Белоруссии, а также из Литовской ССР (в июне 1941 г.) были депортированы свыше 300 000 поляков. Большинство из них оказались в спецпоселении (именно к ним впервые был применен термин «спецпоселенцы», поглотивший впоследствии термины «спецпереселенцы» и «трудпоселенцы»). В момент прибытия на спецпоселение (в феврале–июле 1940 г.) были взяты на учет 138 534 «осадника» и 78 615 «беженцев» (в целом – 217 149 человек).

К 1 апреля 1941 г., когда депортация поляков еще не была завершена, и несмотря на поступление время от времени новых пополнений, численность этого контингента спецпоселенцев сократилась до 210 559 человек (134 491 «осадник» и 76 068 «беженцев»).

С момента прибытия на спецпоселение и до 1 июля 1941 г. (по неполным данным) родились 4 211 и умерли 12 319 человек, в том числе среди «осадников» – соответственно 2 694 и 10 557, среди «беженцев» – 1 517 и 1 762[9].

Отношение тогдашнего руководства СССР к «осадникам» как к врагам, а к «беженцам» – как к «интернированным эмигрантам» на практике в условиях спецпоселения выражалось в том, что «беженцы» имели некоторые преимущества: вселение в относительно благоустроенные жилища, лучшее снабжение продовольствием, обеспечение зимней одеждой и т. п. Это явилось одной из главных причин того, что у «осадников» смертность (как в абсолютных, так и в относительных показателях) была значительно выше, чем у «беженцев».

Самый значительный контингент бывших польских граждан находился в Архангельской (около 51 000 человек) и Свердловской (около 27 000) областях, а также в Новосибирской области, в Коми

[8] Гурьянов А. Э. Указ. соч. С. 120.

[9] Земсков В. Н. Указ. соч. С. 84–86.

АССР, в Красноярском крае, в Вологодской, Ивановской и Молотовской областях (от 20 000 до 10 000 человек)[10].

Подавляющее большинство спецпоселенцев – польских «осадников» и «беженцев» было размещено для трудового использования в спецпоселках, организованных в районах лесоразработок Наркомлеса СССР. При этом «осадники» и «беженцы» содержались отдельно друг от друга, совместное их проживание в одном и том же спецпоселке не допускалось.

Всего были организованы 563 поселка, из них в 312 поселках жили «осадники» и в 251 – «беженцы».

На работах в лесной промышленности использовались (включая неработающих членов семей) 77,1 % от числа спецпоселенцев этой категории, в цветной металлургии – 11,7; на предприятиях и стройках в системе НКВД – 2,2; в черной металлургии – 1,5; в строительстве – 1,5 %; в промышленности строительных материалов – 1,2; в угольной промышленности – немногим более 1 %, в целлюлозно-бумажной промышленности – почти 1 %. Остальные 2,8 % были заняты в местной и судостроительной промышленности, в промышленности боеприпасов, в системе здравоохранения, Управления промкооперации при СНК СССР, речного флота, Наркомата электростанций, в коммунальном хозяйстве и др.[11]

Контингент спецпоселенцев «польские осадники и беженцы» был многонациональным по своему составу. По данным на 1 апреля 1941 г., в общем числе 177 043 спецпоселенцев этой категории, на которых имелись сведения о национальной принадлежности, удельный вес поляков составлял 54,6 %, евреев – 33,3; украинцев – 5,3; белорусов – 5,1; прочих (немцы и др.) – 1, 7.

Однако национальная дифференциация по отдельно взятым категориям «осадников» и «беженцев» существенно различалась. Так, среди «осадников» доля поляков составляла 82,6 %, а среди «беженцев» – 11,4 %; доля евреев – соответственно 0,17 и 84,4 %; украинцев – 7,3 и 2,2 %; белорусов – 8,4 и 0,1 %. Следует отметить, что эти данные отражают национальный состав только тех, кто находился на спецпоселении, а не всех выселенных в ходе «польских» депортаций[12].

Кроме спецпоселенцев («осадников» и «беженцев») к середине 1941 г. десятки тысяч польских граждан находились в ссылке (Казахстан – около 66 000 членов семей репрессированных офицеров и «социально опасных элементов»), содержались в лагерях ГУЛАГа и в лагерях для военнопленных. Последнее можно отнести к разряду одно-

[10] Полян П. М. Указ. соч. С. 98.

[11] Земсков В. Н. Указ. соч. С. 86–87.

[12] Там же. С. 87.

го из многочисленных юридических нонсенсов, порожденных сталинским режимом, поскольку СССР официально не объявлял о состоянии войны с Польшей, а это значит, что обезоруженные советскими войсками и затем лишенные свободы польские военнослужащие не могли быть формально отнесены к категории военнопленных[13].

В первый период Великой Отечественной войны на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. депортированные в 1940–1941 гг. из западных областей СССР многие польские граждане были «амнистированы» и освобождены из спецпоселения и ссылки (исключение составляли репрессированные до 17 сентября 1939 г., подвергнутые уголовным наказаниям как «гитлеровские агенты», члены «националистических антисоветских организаций», «провокаторы», а также польские граждане-немцы, венгры, румыны, финны и итальянцы, «дезертиры» и преступники, осужденные за разбой, грабеж, мародерство). В 1941–1942 гг. в общей сложности (включая места заключения и лагеря военнопленных) был освобожден 389 041 польский гражданин[14].

На их основе на территории СССР были сформированы две польские армии (под командованием генералов В. Андерса и Э. Берлинга).

В 1942 г. «армия Андерса», главным образом по причине принципиальных разногласий ее командования с советским руководством, была эвакуирована в Иран (119 855 человек, из них 76 100 военнослужащих и 43 755 членов их семей) и впоследствии принимала участие в боевых действиях совместно с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции.

В «армию Берлинга», прошедшую свой боевой путь на советско-германском фронте, вступили 36 510 «амнистированных» польских граждан[15].

Но и после «освобождения» десятки тысяч поляков продолжали жить в местах бывшей высылки – в связи с невозможностью возвращения на родину, оккупированную в то время Германией. Пока шла война, они были вывезены в «более южные» регионы СССР (в основном – в Казахстан, Среднюю Азию, Алтайский и Красноярский края, Свердловскую и Челябинскую области). В январе 1943 г. эти (в большинстве своем теперь уже бывшие) польские граждане были «паспортизированы», при этом более 165 000 получили советское гражданство, но около 26 000 все же сохранили статус граждан Польши.

[13] Земсков В. Н. Указ. соч. С. 89.

[14] Там же. С. 90.

[15] Там же.

Многие их них были репатриированы на родину уже в послевоенное время[16].

Дискуссионен вопрос о том, следует ли считать этнических поляков «депортированным народом». К таковым принято относить народы, которые подверглись насильственному выселению если не тотально, то хотя бы в значительном большинстве. Этому критерию реальная ситуация с этническими поляками не отвечает.

К 1940 г. в регионах, откуда производилась их депортация (Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика), проживали, по неполным данным, не менее 3 000 000 этнических поляков. Из них выселены в 1940–1941 гг. не более 300 000 (без учета польских граждан еврейской, украинской, белорусской и других национальностей)[17].

Таким образом, основная масса (около 90 %) польского населения этих регионов не была депортирована, то есть в данном случае речь может идти лишь о факте частичной социально-этнической чистки (несомненно, противоправной с любых точек зрения).

[16] Полян П. М. Указ. соч. С. 98.

[17] Земсков В. Н. Указ. соч. С. 89.

М. Ильмярв

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВКА В СССР В 1940–1941 И 1945–1950 гг. «СОБЫТИЙ» 1940 г. В ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЕ[1]

В статье рассматривается формирование в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР объяснений, идеологического обоснования вхождения Балтийских стран в состав СССР.

Хронологические рамки – июнь 1940 и июль 1941 г. – связаны с установлением советской власти на территории Эстонии. Период с августа 1944 по 1950 г. связан с окончательным формированием советского строя в Эстонии. Тема анализируется на основе различных публикаций и материалов прессы, увидевших свет в Прибалтийских советских республиках и метрополии, а также архивных разысканий.

Если сравнить все три ультиматума, предъявленные Советским Союзом странам Балтии в июне 1940 г., то выяснится, что «эстонский и латвийский» ультиматумы оказались почти идентичными. В литовском же было еще и дополнение: отдать под суд министра внутренних дел и директора политической полиции. Претензии СССР во всех трех ультиматумах оправдывались созданием Балтийского военного союза, сформированного в 1923 г. на основе латышско-эстонского оборонительного союза и попыткой втянуть в него Финляндию. При этом целью образования военного союза Москва назвала стремление избавиться от советских баз. Главное требование ультиматумов – создать правительства, которые хотели бы и могли добросовестно претворять в жизнь пакты о взаимопомощи. Вторым стояло требование свободного доступа Красной армии на территорию Литвы, Латвии и Эстонии и право на занятие всех стратегически важных пунктов, чтобы обеспечить выполнение договоров о взаимопомощи[2].

---

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и образования Эстонской республики (в рамках тем целевого финансирования SF130038s09). Перевод с эстонского Эйнар Вяря и Витали Белобровцев.

[2] См.: Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией август 1939 г. – август 1940 г. М., 1940. С. 372–374.

Обвинения[3], выдвинутые в ультиматумах в том или ином виде, а чаще весьма расширительно, повторялись в директивах Политуправлению и подразделениям Красной армии. В связи с подготовкой военной операции против прибалтийских государств начальник Политуправления Красной армии Лев Мехлис издал директиву, адресованную военному совету Ленинградского военного округа и Белорусского особого военного округа, а также начальникам политуправлений этих округов, с которой следовало познакомить политорганы подразделений. Документ содержал идеологическое обоснование начинающейся военной операции: «Незадачливые правители Прибалтийских государств, не желая добросовестно выполнять договоры с Советским Союзом, встали на путь провокаций в отношении нашей Родины и частей Красной армии, расположенных в Эстонии, Латвии и Литве». Литва обвинялась в том, что в стране похищали красноармейцев для получения разведданных о советских подразделениях. Правительствам стран Балтии ставилось в вину, что во время Финской войны они, при посредничестве Англии и Франции, вели переговоры о нападении на советские части, дислоцированные на базах, что их пресса и радио вели непрекращающуюся антисоветскую пропаганду. В директиве говорилось и о справедливости войны против прибалтийских государств: всякая война, которую ведет государство рабочих и крестьян, является войной справедливой, освободительной, считал Мехлис. К началу нападения предстояло провести мощную пропагандистскую артподготовку, которая должна была достичь даже тыла противника. Для этого политотделам нужно было подготовить специальные радиопередачи. Они должны были рассказывать о жизни в СССР с упором на то, как замечательно советские рабочие управляют государством без капиталистов и помещиков[4].

В 1940–1941 гг. события июня 1940 г. оправдывались утверждением, что Эстония, Латвия и Литва не хотели честно выполнять пакт о взаимопомощи, заключенный с Советским Союзом осенью 1939 г. Это утверждение подкреплялось высказываниями о том, что все три страны были экономически нежизнеспособны и не достойны существования. Министр социальных дел Эстонии Неэме Руус в правительстве Йоханнеса Вареса, образованного вслед за советским ультиматумом, на заседании Государственного собрания 21 июля 1940 г. назвал происходившие в Эстонии после объявления ультиматума

[3] Об обвинениях Советским Союзом и их причинах см.: Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами. История сталинизма. М.: РОССПЭН, 2012. С. 626–643.

[4] Мехлис – военсовету и начпуокру ЛВО и БОВО 13.6.1940. Российский государственный военный архив [РГВА]. Ф. 9. Оп. 29. Д. 504. Л. 52–55.

события «мощным восстанием эстонского народа»[5]. Выступивший на том же заседании министр внутренних дел Максим Унт говорил о мощном восстании таллинских рабочих, которых вдохновляло присутствие в стране Красной армии[6].

Уже летом 1940 г. появились статьи, в которых отмечалось огромное значение событий 1940 г.: провозглашения советской власти и вступления Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. Характерно, что в публикациях 1940–1941 гг. можно отметить, что внешнеполитический фактор играл главную роль в этих событиях. Можно привести например статьи в журналах «Большевик» «СССР и Прибалтика»[7] и «Советская власть на Балтике»[8], где политическое влияние Советского Союза и вмешательство Красный армий рассматривались в качестве единственного решающего фактора в свержении авторитарных режимов в Эстонии, Латвии, Литве: «Чаша терпения Советского Союза переполнилась»[9]. «Правящие клики, находившиеся у власти, не только нарушали взятые на себя обязательства: они попирали волю и жизненные интересы народов Литвы, Латвии, Эстонии. Такое положение не могло быть терпимо. Советский Союз положил этому конец. Китайская стена, которую эти жалкие правители пытались воздвигнуть между СССР и станами Прибалтики рухнула»[10], писал журнал. В статье также говорилось, что восторг, с которым были встречены части Красной армии трудящимися прибалтийских стран, продемонстрировал нерушимость дружбы народов[11]. Для оправдания всего того, что произошло летом 1940 г. со странами Балтии использовали тезис Ленина из его декабрьской речи (1919 г.): «Они знают, что когда французские, английские и американские капиталисты говорят: “Мы вам гарантируем независимость” – это на практике значит: “Мы у вас скупаем все источники ваших богатств и держим вас в кабале”. [...] Они знают, что сплошь и рядом английский посол в такой стране значит больше, чем любой тамошний царь или парламент. И если этих истин мелкобуржуазные демократы до сих пор понять не могли, то теперь действительность заставляет их этого понять. Оказывается, что по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным элементам

---

[5] Sotsialistlikud revolutsioonid Eestis 1917–1940. Eesti NSV astumine Nõukogude Liidu koosseisu. Dokumente ja materjale. „Perioodika“. Tallinn, 1986. C. 144.

[6] Riigivolikogu 2. Koosseis. I istungjärk 1.–13. Koosolek. Tallinn, 1940. C. 28–49.

[7] Шугаль М., Афонин М. СССР и Прибалтика // Большевик. Теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б). 1940. № 11–12. С. 83–90.

[8] Советская власть на Балтике // Там же. № 13. С. 10–15.

[9] Шугаль М., Афонин М. Указ. соч. С. 89.

[10] Советская власть на Балтике... С. 11.

[11] Шугаль М., Афонин М. Указ. соч. С. 89.

маленьких стран, которые грабят империалисты, мы представляем из себя если не союзников, то соседей более надежных и ценных, чем империалисты»[12].

Как правило, однако, термин «социалистическая революция» и даже просто «революция» в публикациях 1940–1941 гг. встречается редко, хотя выражение «события в Прибалтике», «события огромного исторического значения», «свержение власти буржуазии», «свержение эксплуататоров», «завоевание власти трудящимися», «мощный подъем народного движения» – употреблялись повсеместно. Правда, в передовице журнала «Большевик» за июль 1940 г. довольно кратко упоминались прошедшие в Прибалтийских странах выборы и решения, принятые парламентами, дескать, фактически в эти июльские дни в Литве, Латвии и Эстонии произошла бескровная революция[13]. Орган Коминтерна «Коммунистический интернационал» тоже не говорил о революции, но о революционных и созидательных силах: «После ухода в отставку реакционных правительств и вступления частей Красной Армии прорвались наружу революционные и творческие силы трудящихся прибалтийских стран»[14].

Подобная картина оставалась поначалу без изменений даже после возвращения Красной армии в 1944 г. Министр просвещения Эстонской ССР Юри Нуут, выступая в январе 1945 г. на 1-м съезде эстонской интеллигенции, объяснял события 1940 г. следующим образом: «Июньский переворот 1940 года положил конец реакции и сверг профашистских правителей... Эстония превратилась в советскую социалистическую республику и вступила в состав Советского Союза»[15]. Аналогичными были и заявления первого секретаря ЦК КП(б)Э Николая Каротамма: «В июле 1940 года трудовой народ Эстонии под руководством партии большевиков установил советскую власть...»[16] В таком же стиле выступал первый секретарь первичной партийной организации Тартуского государственного университета Аркадий Уйбо в связи с пятой годовщиной Эстонской ССР: «21 июня исполняется пять лет с того дня, когда эстонский народ, совершивший смелый и решительный поворот, начал идти по новому пути развития...»[17]

---

[12] Там же. С. 83.

[13] Передовая – Седьмая сессия Верховного Совета СССР // Большевик. Теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б). 1940. № 14. С. 4.

[14] Ульрис Я. Советские Социалистические Республики в Прибалтике // Коммунистический интернационал. Орган исполнительного комитета Коммунистического интернационала. 1940. № 7. С. 29.

[15] См.: Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri, 2. 1945. 86.

[16] См.: Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri, 7. 1945. 325.

[17] Arkadi Uibo. 21 juuni – ajaloolise tähtsusega pöördepunkt eesti töörahva elus // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 8. 1945. 497.

Таким образом, Уйбо говорил только об июньском перевороте, а не о революции. В статьях встречалась также оскорбительная лексика: «В 1940 году трудовой народ Эстонии сбросил с себя иго международной буржуазии и ее лакеев, встав на путь построения социализма»[18].

Такая же ситуация сложилась в Латвийской ССР и Литовской ССР. Там, когда в первые послевоенные годы говорили о событиях 1940 г., также подчеркивали лишь то обстоятельство, что латышский и литовский народы смели антинародные фашистские режимы Ульманиса и Сметоны, установили советскую власть, вступив на путь социалистического развития[19]. Примером может служить выдержка из выступления секретаря ЦК КП(б) Латвии Арвида Пельше на праздновании шестой годовщины событий 1940 г.: «Над нашей землей взошло советское солнце. Трудящиеся Латвии под руководством коммунистической партии свергли диктатуру ульманисовской фашистской клики, взяли власть в свои руки и создали <...> советский строй»[20]. Из того же репертуара и цитата из статьи 1948 г. председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР Юстаса Палецкиса: «В июньские дни 1940 года трудящиеся Литвы под руководством коммунистической партии решительно выступили против преступной сметоновской клики <...> С установлением советской власти в Литве было осуществлено подлинное самоуправление народа...»[21]

Советская пропаганда неоднократно повторяла следующие обвинения: Гитлер просил правительства прибалтийских государств перетерпеть советские базы, в этих государствах активизировалась деятельность фашистских организаций, а правящие круги были настроены антисоветски. В Финской войне участвовали добровольцы-прибалты, советское правительство выражало готовность продать оружие и боеприпасы по сходной цене, но прибалтийские государства закупали их в Германии, которая собиралась спровоцировать эти государства на штурм советских баз[22].

---

[18] Sepp J., Ellis A. Kommunistliku partei võitlus inglise ameerika kolonisaatoripoliitika vastu Eestis // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 12. 1948. 35.

[19] См.: Крупниек А., Данненберг А. Латышский народ на борьбе за советскую власть // Большевик Советской Латвии. Общественно-политический журнал ЦК КП(б) Латвии. 1947. № 13. С. 21; К новым победам // Коммунист. Журнал центрального комитета КП(б) Литвы. 1947. № 7. С. 3.

[20] Пельше А. Шестая годовщина установления советской власти в Латвии и наши задачи // Большевик Советской Латвии. Общественно-политический журнал ЦК КП(б) Латвии. 1946. № 13/14. С. 2.

[21] Палецкис Ю. Подлинная независимость литовского народа // Коммунист. Журнал центрального комитета КП(б) Литвы. 1948. № 8. С. 18–19.

[22] См., напр.: Liebman A. Revolutsioonilised sündmused Eestis 1940-aasta suvel // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 12. 1949. 41.

В первые послевоенные годы продолжается пропаганда в том же ключе, что и в 1940 г.: дружба эстонского, латышского и литовского народа с русским народом и Советским Союзом[23]. Так, например, министр просвещения ЭССР Юри Нуут выступил на первом съезде эстонской интеллигенции с докладом об историческом опыте сотрудничества эстонских и русских интеллектуалов[24].

Советские пропагандисты и писатели подчеркивали в истории Эстонии, Латвии и Литвы, также те моменты, которые отражали семивековую ненависть эстонцев, латышей и литовцев к немцам, насилие немцев в отношении коренных народов[25]. Вспомним здесь, что мотив «дружбы эстонского, латышского, литовского и русского народов в борьбе с общими врагами в средние века» советская власть использовала в военной пропаганде среди эвакуированных в советский тыл, а также балтийцев, воевавших в рядах Красной армии[26].

В 1930-х гг. внешнеполитический курс господствовавшего в Эстонии авторитарного режима был ориентирован на Германию. Поэтому здесь, в отличие от Латвии, борьбу древних эстов против немцев пытались представить как некое «недоразумение». Заглавия соответствовали своему времени. Например, статья на эту тему будущего академика Академии наук Латвийской ССР Александра Дризула называлась «Великий русский народ – старший брат и друг латышского народа»[27]. А статья вице-президента Академии наук Литовской ССР Роберта Жюгжда называлась «Фальсификация истории литовского народа литовской буржуазной националистической историографией». Жюгжда декларировал: «Исстари литовские племена жили в тес-

---

[23] См.: Суслов М. А. Союз и дружба народов СССР – основа их свободного развития и процветания // Коммунист. Орган КП(б) Литвы. 1946. № 1. С. 24–25.

[24] См.: Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 2. 1945. 81–87. См. Paasi A. Vene ja Eesti rahva iidne sõprus // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 12. 1950. 49–61.

[25] См.: Nigol Andresen. Eestlaste Jüriöö ülestõus 1343. aastal // Eesti Bolševik EK(b) P Keskkomitee ajakiri. 8, 7. 1945. 379–383; 320–321; Пельше А. Шестая годовщина установления советской власти в Латвии и наши задачи // Большевик Советской Латвии. Общественно-политический журнал ЦК КП(б) Латвии. 1946. № 13/14. С. 2; По советской стране. Путевые заметки. Рига: Латгосиздат, 1950; Жюгжда Ю. Фальсификация истории литовского народа литовской буржуазной националистической историографией // Коммунист. Орган КП(б) Литвы. 1946. № 2–3. С. 34.

[26] См., напр.: Kruus Hans. Jüriöö ülestõusu ajaloolised käsud tänapäevale. NSV Riiklik Kirjastus, «Искра революции». М., 1943.

[27] Дризул А. Великий русский народ – старший брат и друг латышского народа // Большевик Советской Латвии. Общественно-политический журнал ЦК КП(б) Латвии. 1950. № 12. С. 24. См.: Жюгжда Ю. Великий русский народ // Коммунист. Журнал центрального комитета КП(б) Литвы. 1950. № 8, 9. С. 16–23, 14–23.

ном соседстве с восточно-славянскими племенами – с русскими»[28]. В некоторых публикациях делались попытки дать обзор развития дружественных отношений всех трех балтийских народов с Россией и Советским Союзом[29].

Центральное место в идеологической литературе того времени занимает тематика, касающаяся влияния трех русских революций, а в особенности – Октябрьской революции, на Балтийский регион. В Эстонии особое внимание уделяется трагедии в Изборске, где в сентябре 1919 г. эстонские военные расстреляли 26 деятелей рабочего движения, и восстанию эстонских коммунистов 1 декабря 1924 г. Для доказательства законности советской власти в Латвии использовали также латышских красных стрелков[30]. В Литве Советский Союз восхваляли за то, что тот помог отобрать Вильнюс у Польши и Клайпеду у Германии: «Литовский народ мечтал о возвращении своей столицы, своего единственного морского порта, которые отторгли от него империалисты. И Советская власть вернула литовскому народу Вильнюс и Клайпеду»[31].

Определенной переломной точкой можно считать речь первого секретаря ЦК КП(б)Э Николая Каротамма на сессии Академии наук Эстонской ССР в 1947 г. по вопросу об издании обзора истории Эстонии, соответствующего «требованиям современности». В своей речи Каротамм подчеркивал, что события 1940 г., т. е. свержение буржуазного строя и переход от капитализма к социализму требуют глубокого изучения. Он предложил назвать соответствующую главу в новом историческом труде «КП(б)Э в период борьбы за свержение власти

---

[28] Жюгжда Ю. Фальсификация истории литовского народа литовской буржуазной националистической историографией. С. 34–43.

[29] Šaskolski Igor. Vene rahva ajaloolised sidemed Baltimaade rahvastega IX–XVII sajandil. Tallinn, Poliitiline kirjandus, 1946. См. также: Gronski A., Riss O.. Vene ja eesti rahva sõpruse ajaloost. Tallinn, Eesti Riiklik Kirjastus, 1950.

[30] Päll Ed. Suure Oktoobrirevolutsiooni tähtsus eesti rahvale // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 17/18. 1945. 718–719; Sepp J., Gronski A. Irboska tragöödia // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 16. 1946. 1204–1209; Saat J. Kolmkümmend aastat Irboska veretööst // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 13. 1949. 9–23; Karotamm N. 1924. aasta 1.detsembri relvastatud ülestõus // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 22. 1946. 1626–1634; Жюгжда Ю. Борьба литовского народа за советскую власть в 1918–1919 г. // Коммунист. Журнал центрального комитета КП(б) Литвы. 1947. № 12. С. 9–10.

[31] Зиманас Г. Столетие манифеста коммунистической партии // Коммунист. Журнал центрального комитета КП(б) Литвы. 1948. № 3. С. 22; см.: также Обращение Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) // Коммунист. Орган КП(б) Литвы. 1946. № 1. С. 6.

фашистской клики и установления советской власти»[32]. Тут же Каротамм сформулировал задачу для историков: исследование вопросов, связанных с историей коммунистической партии, борьбой между эстонцами и немцами, дружескими отношениями между эстонским и русским народами, а также буржуазной Эстонской республикой, существовавшей в 1920–1940 гг. Последняя тематика, по словам выступавшего, была важна, поскольку представления о государстве, предшествовавшем Эстонской ССР, были полны «ложных взглядов и неверных концепций»[33].

В 1949 г. происходят изменения в прежней трактовке событий 1940 г. Свою роль в этом сыграли перемены в международных отношениях. Напомним, что в марте 1947 г. президент США Гарри Трумэн инициировал «холодную войну». Он заявил, что Соединенные Штаты должны помогать народам, оказывающим сопротивление попыткам их порабощения[34]. В 1948–1949 гг. Советский Союз был втянут в берлинский кризис.

Все это сопровождалось определенными изменениями в исторической литературе. Появляются статьи, посвященные ленинской теории революции. Например, в журнале «Большевик Советской Латвии» в начале 1949 г. была опубликована статья «Ленинская теория социалистической революции и ее развитие товарищем Сталиным»[35]. В июне 1949 г., в канун годовщины Эстонской ССР, в журнале Eesti Bolševik («Большевик Эстонии») появилась статья заведующего кафедрой республиканской партийной школы ЦК КП(б)Э Абе Либмана «Революционные события в Эстонии летом 1940 года». Это была программная статья. Либман, ссылаясь на Ленина, утверждал, что после того, как в какой-нибудь крупной стране совершается социалистическая революция, в соседнем малом государстве возможен мирный отказ буржуазии от власти, если она поймет бессмысленность сопротивления и предпочтет сохранить свою голову. Автор утверждал, что возникновению революции 1940 г. способствовало наличие на востоке мощного Советского Союза. Таким образом, Либман считал, что в 1940 г. в Эстонии сложилась революционная ситуация, в которой вооруженному восстанию обеспечивался безусловный успех. По

---

[32] Karotamm Nikolai. Eestimaa Kommunistliku (bolševike) Partei ajaloo küsimusi. Ek(b)P sekretäri sm N. Karotamme ettekanne Eesti NSV Teaduste Akadeemia sessioonil 25. aprillil 1947. a. // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 15. 1947. 38.

[33] Там же.

[34] См.: Walter LaFeber. America, Russia and the Cold War 1945–1975. Third edition. John Wiley and Sons, Inc., New York; London; Sydney; Toronto, 1976. 50.

[35] Волков И. Ленинская теория социалистической революции и ее развитие товарищем Сталиным // Большевик Советской Латвии. Общественно-политический журнал ЦК КП(б) Латвии. 1949. № 1. С. 14–32.

Либману, это была революционная ситуация в том виде, в котором ее понимали Ленин и Сталин[36]. В Латвии соответствующая программная статья, написанная историком А. Крупниеком, была опубликована годом позже, т. е. летом 1950 г.[37]. Однако, несмотря на открытие Либмана, секретарь ЦК КП(б)Э Иван Кэбин в речи, посвященной 10-й годовщине Эстонской ССР, еще не называл события 1940 г. революцией[38].

С конца 1940 – начала 1950-х гг. институты истории АН прибалтийских республик приступили к созданию обобщающих трудов по истории Эстонии, Латвии и Литвы. В 1952 г. вышла «История Эстонской ССР», в которой событиям 1940 г. посвящена глава «Восстановление Советской власти в Эстонии»[39]. Это был первый в Эстонии обзор истории революции 1940 г. Важной вехой стала третья сессия историков прибалтийских советских республик, состоявшаяся в конце октября 1954 г. в Таллине. В 1955 г. увидела свет «История Латвийской ССР». В ней отмечалось, что в июне 1940 г. в Латвии возникла революционная ситуация, а 20 июня вспыхнула социалистическая революция[40]. В 1957 г. в Литве появился сборник статей «Революционное движение в Литве»[41], а в 1958 г. вышла из печати «История Литовской ССР»[42]. Значительное место там уделялось освещению революции 1940 г. и первых социалистических преобразований.

События 1940 г. нашли отражение в статьях о Латвии, Литве и Эстонии в Большой Советской Энциклопедии 1953 г. Однако в этих статьях говорится только о свержении фашистских правительств и о вступлении в состав СССР. Характеристика же революций 1940 г. и сущности народных правительств в этом издании энциклопедии отсутствует[43].

Со второй половины 1950-х гг. начинается новый этап в развитии советской исторической науки. Свою роль в этом сыграли смерть

---

[36] См.: Liebman A. Revolutsioonilised sündmused Eestis 1940- aasta suvel // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 12. 1949. 40–56.

[37] Крупниек А. Большевики Латвии в борьбе за советскую власть в 1939–1940 годах // Большевик Советской Латвии. Общественно-политический журнал ЦК КП(б) Латвии. 1950. № 12.

[38] См.: Käbin I. 10 aastat Nõukogude Eestit // Eesti Bolševik EK(b)P Keskkomitee ajakiri. 13. 1950. 9–11.

[39] См.: Eesti NSV ajalugu Kõige vanemast ajast tänapäevani. Toimet. Gustav Naan. "Eesti Riiklik Kirjastus", Tallinn 1952.

[40] История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1955. С. 481–483.

[41] См.: Revoliucinis judėjimas Lietuvoje. Straipsnių rinkinys. Vilnius, 1957.

[42] См.: Lietuvos TSR istorija. Nuo seniausių laikų iki 1957 metų. Vilnius, 1948.

[43] См.: Большая Советская Энциклопедия. М., 1953. Т. 24. С. 328; Т. 25. С. 259; Т. 49. С. 210.

Сталина и последовавшая за XX съездом партии «оттепель». Повлияло на это также дальнейшее усиление «холодной войны». Напомним, что в 1948 г. был создан Комитет Европейского движения по Центральный и Восточной Европе (La commission de l'Europe centrale et orientale), который декларировал, что будет представлять 100 млн европейцев, оказавшихся в тисках Советского Союза. Одним из вице-президентов Комитета стал бывший государственный старейшина Эстонии Август Рей. Напомним, что в 1951 г. радиостанция «Голос Америки» начала трансляции на эстонском, латышском и литовском языках. В сентябре 1954 г. была создана Ассамблея порабощенных европейских народов (*Assembly of Captive European Nations*), куда входили эмигрантские представители девяти стран Центральной и Восточной Европы, оказавшихся после окончания войны под господством Советского Союза[44]. Среди этих представителей были бывшие дипломаты и общественные деятели Эстонии, Латвии и Литвы. Цели организации были сформулированы следующим образом: содействовать освобождению от коммунистической диктатуры мирным путем, разъяснять общественному мнению реальную ситуацию за железным занавесом, поддерживать сотрудничество правительств и неправительственных институтов[45]. Штаб-квартира Ассамблеи находилась в Нью-Йорке. Позже было открыто представительство и в Швеции, где осело много эстонских эмигрантов. Финансировали организацию Комитет свободной Европы (*Free Europee Committee*), Госдепартамент США и ЦРУ. Организация стала проводить ежегодно недели порабощенных народов, принимать антисоветские резолюции и обращения к правительствам западных стран и общественным организациям, проводить антисоветские выставки и пропагандировать свое видение истории. Деньги, получаемые из западных государств, давали балтийским эмигрантам прекрасную возможность активизировать свою антисоветскую деятельность.

С конца 50-х до середины 60-х гг. в Прибалтийских советских республиках были изданы сборники документальных материалов, посвященные как общим вопросам борьбы против буржуазии, так и конкретно революции 1940 г. Итоги развития теории социалистической революции и общие закономерности установления социалистической государственности были объединены в совместной моно-

---

[44] Mazurkiewicz Anna. Assembly of the Captive European Nations: "The Voice of the Silenced Peoples" – Anti-Communist Minorities in the US. The Political Activism of Ethnic Refugees / ed. by Ieva Zake. New York, Palgrave Macmillan. 2009. 167–187.

[45] См.: Assembly of Captive European Nations. Origin – purpose views-general-information. July, 1960.

графии советских историков Эстонии, Латвии и Литвы, изданной в 1978 г. в Москве[46].

Утверждалось, что события 1940 г. восстановили историческую справедливость, которая была попрана империалистами Англии, Франции и Америки в результате интервенции в 1919 г. Так, например, историки Александр Дризул и Виктор Маамяги писали, что революция 1940 г. в балтийских странах была одной из первых социалистических революций в мире, когда пролетариат одержал победу над буржуазией, не прибегая к вооруженному восстанию, а это якобы подтвердило «гениальное предвидение» Ленина о мирном развитии социалистической революции с использованием парламента[47]. Эта, так называемая теория революции, по сути своей весьма примитивна. Считалось, что советская власть, установленная в 1919 г., оставила неизгладимый след в памяти народа, а существование сильного Советского Союза, постоянное укрепление его мощи и успехи социалистического строительства оказывали огромное революционизирующее воздействие на судьбы народов мира и борьбу с угнетателями.

Из всего вышеперечисленного делался вывод, что в июне 1940 г. трудовой народ Эстонии, Латвии и Литвы отбросил от государственного штурвала фашиствующую буржуазную клику и привел к власти народное правительство, поэтому полный провал буржуазии, властвовавшей двадцать лет, был исторически закономерен[48].

Выводы

Советские ученые видели в процессах развития истории устремленность к диктатуре пролетариата и советской власти, а важнейшей целью, поставленной перед ними в соответствии со всеми идеологическими установками, становилось доказательство политического объединения стран Балтии с Советским Союзом. Советская концепция истории находилась в своеобразном родстве со старинным представлением славянофилов о сильном внутреннем стремлении прибалтийских крестьян к православию и присоединению к России.

---

[46] См.: Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти / ред. колл.: И. И. Минц (гл. ред.), А. А. Дризул, Ю. И. Жюгжда, В. А. Маамяги, А. К. Панксеев, Б. А. Томан, И. А. Штейман, Р. Я. Шармаитис, А. А. Эльвих. М.: Наука, 1978.

[47] Дризул А., Маамяги В. Историческое значение вступления республик Прибалтики в состав СССР // Коммунист (Вильнюс). 1972. № 8. С. 53.

[48] Saat J. Nõukogude võim Eestis. Oktoober 1917– märts 1918. Tallinn,1975, 463; vt. ka Revolutsioonist revolutsioonini. 1905–1940. Toim. koll.: Arumäe H., Kahk J., Panksejev A., Siilivask K. Tallinn, 1975.

Основной пафос советских историков, писавших о межвоенном периоде, заключался в следующем: существование стран Балтии между двумя войнами было случайным явлением в истории, поскольку эти государства не имели самостоятельной внешней, внутренней и экономической политики. Экономическое положение этих стран характеризовали следующими ключевыми понятиями: упадок промышленного производства, зависимость от импортируемого сырья, аграризация, экспансия иностранного капитала.

Главным принципом советской эпохи был миф о тотальной классовой борьбе, которая, дескать, определяла ход истории и торила дорогу советской власти. А историки в зависимости от темы должны были тем или иным образом подчинить свой исходный материал этому принципу.

Предполагалось, что концепция социалистической революции в странах Балтии родилась в СССР. Доступные на сегодня источники этого не подтверждают. Главную роль здесь сыграли государственные деятели, идеологи и историки Эстонской, Латвийской и Литовской ССР. Однако нельзя не отметить, что опубликованные в Прибалтийских республиках учебники и общие трактовки проходили экспертизу ученых и идеологов центра.

Если сравнить, как рассматривали происходившее в странах Балтии в 1939–1940 гг. в советский период и в нынешней России, то можно привести следующие различия:

1. Признано наличие секретного дополнительного протокола к пакту Молотова – Риббентропа.

2. Исследователи отказались от теории революции. Вместо этого говорят о внутриполитическом кризисе в странах Балтии.

3. Больше не утверждается, что внешняя политика СССР была направлена на сохранение мира и защиту стран Балтии, вместо этого говорят о стратегических целях и необходимости обеспечить безопасность границ СССР.

4. Страны Балтии больше не обвиняют в подготовке военной агрессии против Советского Союза.

5. Однако термин «оккупация» по отношению к этим государствам используют лишь отдельные авторы. Большинство российских историков не признает факт оккупации и утверждает, что об оккупации можно было бы вести речь в том случае, если бы в 1940 г. страны Балтии и СССР находились в военном противостоянии или в них действовал бы военный оккупационный режим.

К. В. Коростелина

ПРИТЕСНЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ НА РОДИНЕ: ПОЛОЖЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР И КАЛИФОРНИЙЦЕВ АЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бедствия мирного населения во время войны не всегда объясняются военными условиями. Оно также может страдать от драконовской политики собственных политических лидеров. Благодаря обстановке всеобщей милитаризации, выдвигающей на передний план вопросы национальной безопасности и обороны, эти лидеры получают картбланш на решение судеб граждан своей страны. Обвинения в измене служат политическим инструментом превращения мирных жителей во вражеских агентов. Первоочередная обязанность защищать государство связана с умонастроением, которое дает правительству право переопределять идентичность граждан.

Милитаризация, делая упор на национальной безопасности и защите от злобного врага, позволяет лидерам решать судьбу соотечественников, не признавая за последними никакой свободы действий. Приписывание согражданам предательских намерений, объявление их врагами государства морально оправдываются самой идеологией войны. Идеи «необходимости» и «обязанности защищать народ» подводят убедительную базу под полномочия правительства определять идентичность сограждан. Подобная политика опирается на нормативные предположения в отношении отдельной этнической группы, которые можно назвать коллективной аксиологией, навязываемой государством[1]. Установление канонической модели предательства и разработка мифологического нарратива, который описывает причины и следствия изменнических действий данной этнической группы, ведут к возникновению специфической нормативной модели, пред-

[1] См.: Rothbart D., Korostelina K. V. Moral Denigration of the Other // Identity, Morality and Threat: Studies in Violent Conflict / ed. D. Rothbart, K. V. Korostelina. Lanham: Lexington Books, 2006.

писывающей конкретные насильственные меры. Как я объясняю ниже, такие меры оправдываются благодаря чрезмерной обобщенности при недостаточной взвешенности – восприятию этой группы как единодушной в своем стремлении предать государство.

Жестокие кампании властей против маргинализованных этнических групп во время войны характерны не только для тоталитарных режимов. Демократические государства тоже применяли в военных условиях драконовские меры против гражданских меньшинств. И при тоталитарном, и при нетоталитарном угнетении политическое руководство государства расширяет категорию потенциальных врагов, включая туда любое этническое сообщество, в котором видит угрозу невинным жителям «родной страны», как показывает Ричард Рубенстейн в статье «Трансформация самозащиты», публикуемой в этом же сборнике. Я в своей статье утверждаю, что подобная категоризация отражает процесс коллективного очернения и стигматизации отечественных этнических групп вкупе с социально-психологическим процессом возведения якобы незыблемых границ (социальных, политических, нормативных) между «хорошими людьми» и «врагами среди нас».

В этой статье рассмотрены два примера преследования этнических сообществ во время Второй мировой войны. В одном случае речь идет о депортации в «эвакуационные центры» 110 тыс. лиц японского происхождения (на две трети – американских граждан). За пару месяцев после атаки японцев на Перл-Харбор образ жителей США японской национальности (особенно проживающих на Гавайях и западном побережье) эволюционировал от мирных граждан до опасных врагов. На почве существующих антиазиатских настроений публичный нарратив по поводу этого этнического меньшинства быстро вылился в требования его немедленной высылки или, по крайней мере, интернирования – в основном по расовому признаку. Второй случай касается огромных невзгод, выпавших на долю крымских татар по милости советского правительства во время и после завоевания Украины германским вермахтом. Сразу после освобождения Украины от немецкой армии советская власть развернула яростную пропагандистскую кампанию, клеймя крымских татар за их якобы предательское сотрудничество с нацистами во время оккупации. Эта кампания послужила прелюдией к массовой депортации, которая оторвала татар от родной земли и бросила в спецпоселения.

В своей статье я исследую основания жестокой политики и пропагандистских кампаний против японцев в США и крымских татар в СССР. Такая политика поддерживалась ходившими в разных слоях общества разговорами об опасности обеих этнических групп: возможных диверсиях со стороны американских японцев; предательских действиях крымских татар во время нацистской оккупации Украины.

Исследование каждого случая начинается с краткой характеристики этнической группы и ее социального положения в период Второй мировой войны, затем рассматриваются негативные образы этих групп в американских и советских газетах. Я анализирую подкрепляющую кампании преследования по национальному признаку дискурсивную практику строительства границ, в результате которой разделение на «внутреннюю/внешнюю» группы на одном уровне изображалось как устойчивые социальные/политические реалии, а на другом, более глубоком, наделялось нормативным смыслом. В данном отношении идентичность и «инакость» в обоих случаях конструировались с помощью принципа коллективной аксиологии, который представляет различия между «внутренней» и «внешней» группами в форме нормативного дуализма хорошего/плохого, правильного/неправильного, добродетели/порока. Такой дуализм подстегивает коллективное желание расправиться с маргинализованными группами[2].

Пример 1: Депортация американцев японского происхождения в США

Первый большой наплыв японских иммигрантов в Соединенные Штаты начался в 1884 г. В конце 1880-х гг. многие иммигранты, прибывшие на Гавайи, перебирались на материк, расселяясь в графстве Лос-Анджелес и поблизости. В течение двух следующих десятилетий японское население здесь выросло от 2 039 до 72 157 человек. Была установлена система квот, чтобы ограничить приток японцев в США, а в 1924 г. вообще запрещена иммиграция из Японии.

Предубеждение против японцев возникло во время первой волны иммиграции и крепло с каждой последующей волной. Хотя выходцы из Японии составляли меньше процента от общей численности населения США, их ярко выраженная этническая идентичность и глубокие культурные отличия от белых американцев делали их присутствие чрезвычайно заметным. Презрение ко всем иммигрантам из Азии, особенно из Китая, распространилось и на японцев. «В 1909 г. проходили массовые митинги с требованиями об их выдворении, а в Сан-Франциско предпринималась попытка сегрегировать школьников-японцев. В 1909 г. в Законодательное собрание Калифорнии было внесено 17 проектов антияпонских законов, и некоторые из них провалились только после прямого вмешательства Теодора Рузвельта», – писал Фут[3].

---

[2] См.: Rothbart D., Korostelina K. V. Moral Denigration of the Other...

[3] Foote C. Outcasts! The Story of America's Treatment of Her Japanese Minority. 1943. P. 2: Special Collections and Archives. The UC Irvine Libraries.

В октябре 1906 г. Комитет по вопросам образования Сан-Франциско велел изолировать японских учащихся от учащихся европеоидной расы; 93 школьника-японца (25 из них – американские граждане) были переведены в отдельную школу в Чайнатауне. В 1913 г. Калифорнийский закон о земельных правах иностранцев лишил всех японцев – иностранных граждан собственности на землю, включая фермерские сельскохозяйственные угодья. Даже после этих распоряжений враждебность к японцам среди населения не утихла, приведя к выступлению «Комитета тысячи» в Южной Калифорнии, развернувшего кампанию за бойкот японских товаров.

С началом Второй мировой войны антияпонские настроения усилились. 11 октября 1941 г., за два месяца до Перл-Харбора, Джим Маршалл в статье в журнале «Колльерс» предупреждал, что в случае войны между США и Японией всех лиц японского происхождения в Калифорнии вывезут в концентрационные лагеря. Однако, подчеркивал он, все компетентные организации, включая армию, флот и ФБР, полагают, «что ситуация не опасна и, что бы ни случилось, вряд ли будут какие-либо неприятности». «Журналисты западного побережья, не первый год занимающиеся данной проблемой, почти единодушно согласны с такой точкой зрения», – добавлял он[4]. Призывы к терпимости и справедливости звучали даже в первые дни после налета на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. Так, через день генеральный прокурор Фрэнсис Биддл указывал на лояльность американских японцев: «В Соединенных Штатах много лиц японского происхождения, чья верность нашей стране, даже в нынешних чрезвычайных обстоятельствах, не подлежит сомнению. Поэтому будет серьезной ошибкой предпринимать какие-либо меры против этих людей»[5].

Японцы, родившиеся в США, по-прежнему считались лояльными гражданами. Например, генерал Девитт, служивший начальником военной полиции Военного министерства и позже руководивший массовой эвакуацией американских японцев, сказал: «Если мы возьмемся арестовать 93 тыс. японцев, родившихся в нашей стране и за рубежом, нам придется делать огромную работу и мы будем обязаны отделять лояльных японцев от нелояльных... Я сильно сомневаюсь, что разумно будет интернировать или пытаться интернировать 117 тыс. японцев на этом театре... Американские граждане, в конце концов, это американские граждане. И хотя не все они могут быть лояльны, думаю, мы можем изъять нелояльных и посадить их под замок при необходимости»[6].

---

[4] Marshall J. West Coast Japanese // Collier's. 1941. October 11. P. 71.

[5] San Francisco Chronicle. 1941. December 9.

[6] Из телефонного разговора Дж. Л. Девитта с А. У. Гуллионом 26 декабря 1941 г. Цит. по: Conn S. The Decision to Evacuate the Japanese from the Pacific Coast // Command Decisions / ed. K. R. Greenfield. New York: Harcourt, Brace and Company, Inc., 1959.

Невзирая на призывы к толерантности, японские граждане, живущие в США, рассматривались как опасные враги. К 21 декабря 1941 г. ФБР взяло под стражу 1 460 японцев; других ограничили в передвижениях и поставили на учет. Тем не менее до этого момента военное руководство считало принятые меры контроля достаточными и адекватными, чтобы «справиться» с населением японского происхождения, и не видело настоятельной необходимости в концентрационных лагерях.

Среди населения Соединенных Штатов опасения, что американские японцы работают на японское правительство в качестве «пятой колонны», усилились в конце декабря, особенно после того, как газеты начали широко публиковать рассказы эвакуированных из Перл-Харбора об атаке. 30 декабря министр военно-морского флота Фрэнк Нокс подтвердил, что атаке помогла японская «пятая колонна» на Гавайях. Это заявление бесповоротно изменило положение живущих на Гавайях японцев в структуре коллективной аксиологии: они больше не считались согражданами и стали врагами. Страну захлестнули подозрения в адрес всех американцев японского происхождения, разжигаемые недавними победами японской армии на Тихом океане.

Представления об идентичности американских японцев и их отличии от белых американцев формулировались в нормативных терминах. Публикации в основных средствах массовой информации и заявления правительственных чиновников опирались на простой и недвусмысленный дуализм, разграничивающий «невинных» американских граждан и «опасных» японцев-иностранцев.

2 января Объединенный комитет по вопросам иммиграции Законодательного собрания Калифорнии разослал в калифорнийские газеты манифест, который гласил, что все японцы – и граждане, и не граждане США – верны императору Японии и не желают ассимилироваться в американское общество. Он также «разоблачал» программу обучения в японоязычных школах, якобы проникнутую идеями расового превосходства. Американцы принялись рассказывать негативные истории об американских японцах на материке. В колонке Херба Каена в «Кроникл» в начале января приводился один такой рассказ о японском садовнике, который «огрызнулся» на своего белого нанимателя: «После войны ты у меня будешь косить газон»[7].

Оседлав эту волну национальной ненависти, калифорнийский конгрессмен Лиланд Форд развернул кампанию за интернирование всех японцев, проживающих в США. В своем выступлении 16 января 1942 г. он утверждал: «Чтобы пресечь деятельность пятой колонны...

[7] См.: Foote C. Outcasts! P. 6.

все японцы, граждане и не граждане США, должны быть помещены во внутренние концентрационные лагеря. В оправдание этого я скажу, что, если японец, родившийся в Америке и являющийся американским гражданином, – настоящий патриот и хочет внести свой вклад в безопасность и благосостояние этой страны, как раз тут ему представляется такая возможность: позволяя поместить себя в концентрационный лагерь, он пожертвует собой и должен желать этого, если он патриот и работает на нас»[8]. Его предложение немедленно получило поддержку местных и региональных государственных органов и общественных организаций: Лос-Анджелесского американского легиона, наблюдательных советов графств Аламеда и Фресно, Сиэтлского американского легиона, руководителей калифорнийского сельскохозяйственного сектора, конгрессменов тихоокеанского побережья.

Графство Лос-Анджелес уволило всех госслужащих японской национальности, наблюдательный совет графства призвал к тотальной эвакуации американских японцев. Журналисты печатали заметки, характеризующие американцев японского происхождения как враждебных иноземцев. 29 января 1942 г. колумнист Генри Маклемор писал в известной чикагской газете «Херст»: «Почему здесь так хорошо обращаются с джапами? Они занимают места на парковке. Они стоят впереди вас в очереди на почте. Они сидят в автобусах и трамваях... Я – за немедленное удаление всех японцев с западного побережья в глубь страны. И я не имею в виду какое-нибудь приятное местечко... Пусть они там страдают, болеют, голодают и умирают... Лично я ненавижу японцев. Всех до единого»[9].

Передовица в «Лос-Анджелес таймс», подчеркивая резкие различия между японцами и остальным американским населением, оправдывала суровую дискриминационную политику: «Гадюка есть гадюка, где бы она ни вывелась из яйца... Поэтому японец, родившийся в Америке у родителей-японцев, с младых ногтей воспитанный в японских традициях, живущий в перенесенной сюда японской атмосфере... невзирая на официальное, несущественное для него гражданство, почти неизбежно, за редчайшими исключениями, вырастает японцем, а не американцем... Таким образом, хотя, обращаясь с ними со всеми как с потенциальными врагами, мы, возможно, проявим к кому-то несправедливость, я не могу не прийти к выводу... что по-

[8] Ford L. Statement on January 16, 1941: Digital history. URL: http://www.digitalhistory.uh.edu/learning_history/japanese_internment/ford_statements.cfm

[9] Hearst. 1942. January 29.

добное обращение... с любым из них должно продолжаться, пока мы воюем с их расой»[10].

Полковник Бендетсен в телефонном разговоре с Каррингтоном Гиллом упомянул опрос общественного мнения, проведенный 7–13 февраля для оценки общего отношения американской общественности к японским соседям. Результаты опроса подтвердили, что «расовый или национальный антагонизм, по-видимому, по большей части объясняет неблагоприятное отношение к японцам»[11]; негативные настроения были особенно сильны на юге Калифорнии. Опрос также показал, что 50 % жителей Калифорнии поддерживали интернирование японцев-иностранцев, однако за интернирование американских граждан японского происхождения высказывались только 14 %. Антияпонские настроения достигли такого накала, что 16 февраля «Сан-Франциско кроникл» сообщила о «приливной волне требований» эвакуации японцев.

Эта публикация отмечает завершающий момент создания нормативной границы между американскими японцами и остальным населением и окончательное формирование коллективной аксиологии, которая представляла граждан-японцев врагами. Широкая публика не только была готова согласиться с дискриминацией сограждан, но и активно требовала ее как вполне оправданной меры.

Отношение к американским японцам быстро менялось и среди военного руководства. К концу января разведывательные источники представили сведения о подпольной шпионской сети из японцев иностранного подданства, включая иммигрантов первого и второго поколения. На основе этой и другой информации генерал Девитт сделал вывод, что любой атаке на западное побережье будет сопутствовать «мощная вспышка скоординированного и контролируемого саботажа» среди населения японской национальности[12]. В заключительном отчете об эвакуации он утверждал, что суровые меры против японцев были необходимы, дабы защитить американцев от их предательских действий: «Как правило, проводились церемонии поклонения императору, и миллионы долларов текли в императорскую военную казну от пожертвований, которые добровольно делали здесь японцы. Существование большой, неассимилированной, тесно сплоченной расовой группы, привязанной к вражескому государству прочными узами расы, культуры, обычаев и религии, в приграничной местности, уяз-

[10] Japanese American History: An A-to-Z Reference from 1868 to the Present / ed. B. Niiya. New York: Facts-on-File, 1993. P. 54.

[11] Разговор 9 марта 1942 г. Цит. по: Conn S. The Decision to Evacuate the Japanese from the Pacific Coast.

[12] См.: Conn S. The Decision to Evacuate the Japanese from the Pacific Coast. P. 132.

вимой для атаки, представляло опасность, которую надлежало устранить. Их верность принадлежала неизвестно кому, а время решало всё. Ввиду очевидных устремлений врага, ободренного недавними успехами, было бы крайне глупо не употребить все возможные средства для укрепления нашей обороны»[13].

Тем не менее для проведения дискриминационной политики в отношении сограждан, включая невиновных мужчин, женщин и детей, требовалась народная поддержка. 27 января 1943 г. генерал Девитт встретился с губернатором Калифорнии Калбертом Олсоном, чтобы обсудить вопрос обращения с населением японской национальности. После встречи генерал заявил, что общественность Соединенных Штатов настаивает на эвакуации американских японцев: «Огромная часть общественности сейчас настроена заставить уехать японцев любых категорий, то есть иностранного и не иностранного подданства, а в Южной Калифорнии, в Лос-Анджелесе и его окрестностях, она хочет выселения всех японцев и оказывает с этой целью давление на правительство. Кстати, побуждают к этому не какие-нибудь простаки, а лучшие люди Калифорнии. После публикации доклада Робертса они чувствуют, что живут среди врагов. Они не доверяют ни одному японцу»[14].

К тому времени руководство страны тоже поддерживало крайние меры. На приватном совещании 11 февраля президент Франклин Рузвельт дал Военному министерству санкцию на любые действия против возможных саботажников, продиктованные военной необходимостью. На основании этой санкции генерал Девитт выступал за принудительную эвакуацию всех японцев, родившихся в США, из нескольких районов западного побережья.

13 февраля Подкомитет конгресса по вопросам иностранцев и саботажа на тихоокеанском побережье дал президенту следующую рекомендацию: «Мы рекомендуем незамедлительно эвакуировать всех лиц японского происхождения и всех прочих, иностранцев и граждан США, чье присутствие будет сочтено опасным или вредным для обороны Соединенных Штатов, из всех стратегических районов»[15]. 17 февраля несколько армейских должностных лиц встретились с работниками Министерства юстиции дома у генерального прокурора Биддла для обсуждения проекта президентского указа об удалении граждан США и иностранцев из районов важного военного значе-

---

[13] DeWitt J. L. Final report: Japanese evacuation from the West Coast 1942. June 5, 1943. URL: http://www.sfmuseum.org/war/dewitt0.html

[14] Conn S. The Decision to Evacuate the Japanese from the Pacific Coast. P. 133.

[15] Recommendations enclosed in Ltr from Senator Holman, Senator Wallgren, Representatives Lea, et al., to President Roosevelt, 13 Feb 42. AG014.311.

ния. 19 февраля президент Рузвельт издал указ № 9066, уполномочивавший военное командование «устанавливать военные зоны в местах и размерах, определенных соответствующим военным командиром, из которых могут быть выселены какие-либо или все лица и в отношении которых право любого лица на въезд, пребывание или выезд будет ограничиваться военным министром или соответствующим военным командиром по их усмотрению»[16]. В тексте указа не оговаривались конкретная этническая группа или категории подлежащих выселению лиц по регионам. Но 21 февраля военный министр направил в конгресс письмо, где подтверждал планы частичной или всеобщей эвакуации японцев с тихоокеанского побережья.

Эвакуация диктовалась не только соображениями военной необходимости и национальной безопасности. Представитель правительственной администрации в Сан-Франциско прислал генералу Девитту несколько докладов, где подчеркивалась опасность для граждан-японцев, и просил принять меры по их защите путем эвакуации из Южной Калифорнии. В докладах говорилось, что существует «серьезная возможность насилия со стороны толпы и комитетов бдительности, если армия не поторопится»[17].

Заручившись поддержкой правительства штата и федерального Военного министерства, генерал Девитт 2 марта объявил об учреждении двух военных зон. В сообщении для прессы он сказал, что все лица японского происхождения будут выселены из военной зоны № 1, включавшей западную часть трех выходящих к Тихому океану штатов (Калифорнии, Вашингтона и Орегона) и юг Аризоны. Генерал рекомендовал японцам добровольно переезжать из установленных военных зон в глубь страны, обещая, что тех, кто это сделает, больше беспокоить не будут.

Однако ни местное, ни федеральное правительство не поддержало его воззвание, отказавшись помогать в транспортировке и расселении эвакуированных. Поэтому лишь около 2 тыс. японцев действительно уехали за пределы военных зон. Для облегчения эвакуации оставшихся 20–30 тыс. человек армия выбрала два места – одно в калифорнийской долине Оуэнс, другое на реке Колорадо в Аризоне. По словам Конна, в середине марта «большинство внутренних штатов к западу от Миссисипи официально сообщили, что не разрешат свободное поселение японцев с американским гражданством или без него в своих границах, стало очевидно, что, если японцев будут эвакуировать в

[16] Roosevelt F. D. Executive Order No. 9066, February 19, 1942. URL: http://historymatters.gmu.edu/d/5154

[17] Conn S. The Decision to Evacuate the Japanese from the Pacific Coast. P. 139.

массовом порядке, их придется помещать в государственные лагеря под вооруженной охраной»[18].

19 марта 1942 г. после недолгих дебатов Публичный закон № 503 о массовом перемещении был принят обеими палатами конгресса, а 21 марта подписан президентом. 29 марта власти, прекратив добровольную миграцию, перешли к политике принудительной эвакуации. К 7 июня из военной зоны № 1 эвакуировали более 100 тыс. лиц японского происхождения; эвакуация из военной зоны № 2 в Калифорнии завершилась к началу августа. Осенью 1942 г. всех интернированных американских японцев перевели из временных армейских «центров сбора» в десять постоянных «центров перемещения» в семи западных штатах, находившихся в ведении Военного управления перемещений.

Перемещение проводилось без особого уважения к достоинству эвакуируемых. Интернированных американских японцев уведомляли о выселении всего за 48 час. и насильно увозили из дому, позволяя взять с собой лишь немного вещей. Их размещали в переполненных, крытых толем бараках с общими санузлом, прачечной, кухней и столовой. Порой втискивали две-три семьи в одну комнату площадью двадцать на двадцать четыре фута. Суровые климатические условия, неудовлетворительная медицинская помощь и плохое питание приводили к смерти некоторых интернированных.

В то время предлагалось четыре объяснения принудительной эвакуации такого количества американских японцев: военная необходимость, защита самих эвакуированных, политические и экономические трудности, расовые предрассудки. Анализируя программу эвакуации, Военное управление перемещений заключило, что «избирательная эвакуация лиц японского происхождения из военной зоны западного побережья весной 1942 г. была оправдана и осуществима с административной точки зрения»[19]. Но оно также подчеркивало, что массовая эвакуация никогда оправдана не была.

Военные руководители приводили в пользу интернирования два довода: военную необходимость и защиту населения японской национальности. Так, помощник министра позже объяснял в своем докладе: «Как вы знаете, японцы были удалены с западного побережья, во-первых, из-за близости западного побережья к японскому театру военных действий, во-вторых, из-за сосредоточения в этом районе очень большого числа японцев, из-за страха перед возможными пря-

[18] Conn S. The Decision to Evacuate the Japanese from the Pacific Coast. P. 139.

[19] War Relocation Authority. 1942. P. 182.

мыми действиями против японцев в результате антагонистического отношения к ним местного населения»[20].

Несмотря на ссылки на военную безопасность и защиту населения японской национальности как главные причины эвакуации, заявления военных руководителей щедро приправлены риторикой нетерпимости. Так, Девитт говорил в конгрессе в 1943 г.: «Мне они [лица японского происхождения] здесь не нужны. Они – опасный элемент. Кому они лояльны, не определишь... Неважно, что он американский гражданин, японец – все равно японец. Американское гражданство не обязательно означает лояльность... Но мы должны беспокоиться из-за японцев, пока они не будут стерты с лица земли»[21].

Даже если широкая общественность поддерживала эвакуацию, некоторые лидеры и авторы решительно возражали против нее, считая, что она не обязательна и мотивирована вопиющей этнической дискриминацией. Глава ФБР Эдгар Гувер тоже выступал против эвакуации на том основании, что эта мера вызвана общественным политическим давлением, а не фактической информацией об американских японцах[22]. Роджер Болдуин, известный пацифист, один из основателей Американского союза защиты гражданских свобод, в сентябре 1942 г. подчеркнул, что «военная необходимость имела к беспрецедентному обращению с ними меньше отношения, чем расовые предрассудки»[23]. Его соратник Флойд Шмо, живший в Сиэтле, утверждал, что идея эвакуации противоречит идеалам американского правосудия: «Причина эвакуации, которую многие люди считают наиболее веской, – “предупредительное заключение”: японцев надо забрать в лагеря и охранять ради их собственной безопасности. Но какой крах англосаксонской концепции правосудия в демократическом государстве означает подобная мысль... Сами слова “предупредительное заключение” – нездешние, они “сделаны в Германии”. Если человек опасен для своих соседей, разве нужно брать под стражу их, а не его? Как это может соответствовать американскому правосудию?»[24]

Верховный суд одобрил программу интернирования в двух решениях: по делам Хирабаяси против США (1943) и Коремацу против США (1944). Но в третьем случае – по делу ex parte Мицуе Эндо (1944) – суд единогласно постановил, что федеральное правитель-

---

[20] Conn S. The Decision to Evacuate the Japanese from the Pacific Coast. P. 149.

[21] DeWitt J. L. Testimony. April 13, 1943 // House Naval Affairs Subcommittee to Investigate Congested Areas. Part 3. P. 739–740 (78th Cong., 1st Sess.).

[22] См.: Weglyn M. Years of Infamy: The Untold Story of America's Concentration Camps. New York, 1976. P. 284.

[23] Asia. 1942. September.

[24] Fellowship. 1942. July.

ство не имеет права до бесконечности держать в заключении лояльных, по общему признанию, граждан США. Через два дня после вынесения решения правительство объявило, что большинство японцев вольны вернуться домой. В марте 1946 г. были закрыты последние лагеря. Многие американские японцы возвратились на западное побережье, нашли работу в качестве фермеров и в мелком бизнесе. В 1988 г. конгресс США издал Публичный закон № 100–383, в котором признавал несправедливость интернирования, извинялся за него и выделял компенсацию в размере 20 тыс. долларов наличными каждому интернированному.

Пример 2: Депортация крымских татар в Советском Союзе

Крымские татары – тюркоязычный народ, родившийся из смешения древних готов и аланов, живших в Восточной Европе в VII в. Название «татары» появилось в XIII в., когда полуостров заняла монгольская Золотая Орда. После того как нетюркское население ассимилировалось с другими крымчанами благодаря общей религии, языку и культуре, татары образовали независимое государство – Крымское ханство, управляемое ханом, по образцу монгольских завоевателей. Это государство оставалось независимым до начала экспансии Российской империи в XVII в.

После присоединения Крымского полуострова к России в XVIII в. Крымское ханство утратило автономию. Трения между крымскими татарами и Российской империей периодически усиливались, достигнув кульминации в Крымскую войну 1854 г. Взаимное недоверие между правительствами империи и ханства обостряли отношения, побуждая многих татар уезжать в Турцию из страха перед возмездием и возможным переселением во внутренние российские губернии, приводившим к массовой татарской миграции по всей России. Хотя в Крыму все же оставалось много татар, к 1917 г. они составляли только четверть местного населения.

В первые годы после Октябрьской революции новая советская власть поддерживала этнические меньшинства, учреждая для них специальные административные институты. К 1935 г. правительство предоставило административную власть ряду районов с определенным национальным составом населения. В Крыму были созданы 177 региональных органов самоуправления, большинство из них – крымскотатарских, в том числе в Алуштинском, Балаклавском, Бахчисарайском, Карасубазарском, Куйбышевском, Судакском, Ялтинском районах. Кроме того, работали национальные школы, выходили газеты и журналы на крымскотатарском языке.

И. В. Сталин за время своего правления Советским Союзом отказался от многих либеральных мер по локализации административного управления некоторых районов и областей. Пропагандируя единство всех народов, Сталин применял репрессии против религиозных общин, включая массовые аресты религиозных лидеров, широкомасштабное уничтожение мечетей, церквей и синагог. Когда национальная административная автономия ряда районов была ликвидирована, крымские татары – в числе прочих – утратили свободу вероисповедания и право на обучение на родном языке.

Крым стал одной из первых советских территорий, оккупированных вермахтом. Взяв за образец британское колониальное правление в Индии, нацисты прибегли здесь к стратегии «разделяй и властвуй». Поскольку немецкой армии не хватало сил для полного административного контроля над полуостровом, она искала поддержки у определенной части местного населения, набирая татар в местную полицию и на низшие должности в государственных учреждениях.

Чтобы обеспечить успех вербовки, вермахт старательно играл на межнациональной розни, возвышая крымских татар над прочими группами. Нацисты соблазняли их особыми привилегиями: отпускали военнопленных-татар, освобождали татар от трудовой повинности, раздавали им сады, экспроприированные во время коллективизации. С крымских татар также сняли обременительные налоги, им позволили открыто исповедовать свою религию и обучаться на татарском языке. В Симферополе был создан Мусульманский комитет и на административные посты в нем назначены крымские татары. Такая политика помогла оккупантам завоевать сильную поддержку многих татар, особенно людей старшего поколения, которые не забыли страдания, перенесенные в годы сталинской коллективизации. В обмен на привилегии некоторые татары действительно сотрудничали с нацистами, передавая им важную стратегическуб информацию о советских войсках, например о позициях партизанских отрядов и планах советской армии.

Однако большинство татар отказывались работать на вермахт и не поддались влиянию политики по принципу «разделяй и властвуй», в значительной мере из-за зверств, которые немцы чинили над жителями татарских сел и городков. Вдобавок в то время 10 % крымскотатарского населения было принудительно мобилизовано и отправлено на фронт воевать за Гитлера; почти в каждой семье кто-то из родных попал в армию. Кроме того, большинство крымских татар хранило верность советской власти, отчасти проникшись призывами советского руководства сопротивляться нацистским захватчикам.

В начале войны советские газеты писали о храбрости и героизме татарских бойцов. Такие публикации возбуждали у крымских татар патриотические чувства, усиливали их собственную и общую для

всей страны ненависть к немцам. Каждая газета печатала заметки о зверствах нацистской армии, продвижении советских войск и доблести крымскотатарских солдат и партизан. Главная крымская газета «Красный Крым» обычно живописала, как татарский народ веками мирно сосуществовал со «старшим братом – великим русским народом». В подобных материалах все национальности Советского Союза изображались воюющими рука об руку против общего злобного врага[25]. Одна из таких статей рассказывала о жестокости немецкой армии: «Братья-татары! Вы на оккупированной территории, среди врагов. Вы видите и чувствуете ужасы фашистской оккупации. Немцы отправляют ваших сыновей на фронт. Они насилуют ваших дочерей, превращают вас в бесправных рабов. Они обрекли вас на голод и смерть»[26]. По мере объединения крымских татар с другими народами в «советскую семью» упрочивалась граница между татарами («братьями») и немцами («злейшими врагами»).

Газетные заметки постоянно представляли немцев колонизаторами, которые стараются уничтожить культурное наследие народа: «Немцы пытаются поссорить между собой народы Крыма. Они натравливают русских на евреев, татар на русских. Известный старый прием всех колонизаторов!»[27]. Заявления нацистов, что они несут свободу татарам, разоблачались как часть коварной кампании колонизации, связанная с ее истинной задачей – растоптать народную гордость честь нации и разграбить богатую крымскую землю[28]. Но советская армия, обещали газеты, скоро вернется на полуостров и прогонит вермахт. Подобные нарративы формировали и отражали представление о разных, но сплоченных членах одной «семьи», сражающейся за общее дело и объединенной общей сверхнациональностью.

В некоторых статьях упоминалось о сотрудничестве крымских татар с немецкой армией, однако такие поступки объяснялись обманом, провокациями и принуждением со стороны нацистов. Правда, коллаборационисты все равно считались предателями народа. В одной из статей говорилось: «Они [немцы] создали так называемый татарский комитет, но кому не ясно, что этот комитет – верный слуга немцев-колонизаторов, он работает для фашистов, помогая им грабить и одурачивать татарский народ»[29]. Автор статьи привел старинную русскую поговорку «нет села без собаки», подразумевая, что в каждом обществе есть свои «уроды», в каждом коллективе – предатели, но

[25] См.: Красный Крым. 1943. 16 июня, 2 июля.

[26] Там же. 1943. 2 июля.

[27] Там же. 1943. 16 июня.

[28] См.: Там же. 1943. 2 июля.

[29] Там же. 1943. 26 июня.

подобные случаи, утверждал он, редкость. В целом крымскотатарское население оставалось – и считалось – верным советской власти.

Советская пропаганда и все средства массовой информации использовали культурные образы тесно сплоченных татарских общин, где на первом месте стоят семейное благополучие и уважение к старшим, дабы показать, что готовность некоторых крымских татар идти в нацистскую армию – это своего рода юношеский бунт против более широкой семьи. Вписывая сотрудничество с врагом в картину семейных отношений, подобные нарративы подготавливали почву для идеи, что раскаяние «непослушного ребенка», скорее всего, повлечет за собой прощение его проступков и воссоединение с большой советской семьей.

Пока шла война, советская пропаганда старалась усилить национальную гордость с помощью примеров героизма многонациональной советской армии. Случаи сотрудничества некоторых лиц с врагом изображались как проявления личных пороков, измена уподоблялась продаже земли предков. В газетных заметках подчеркивалось, что советская армия на равных принимает все расовые и этнические группы в противоположность расистской политике нацистских военных, которые всех, кроме арийцев, считают «недочеловеками». Многие статьи содержали рассказы очевидцев о невзгодах, перенесенных крымскотатарскими отрядами, биографии тех, кто продемонстрировал выдающееся мужество[30]. Советская пропаганда вкупе с газетными материалами и общественным мнением формировала дискурсивную базу, поощрявшую крымских татар сопротивляться немецким оккупантам и способствовавшую созданию единого фронта, который существенно увеличивал боевую силу советской армии и расширял ее военные цели.

Однако на последних этапах войны, по мере того как советские войска освобождали территории СССР от вермахта, количество статей, прославляющих подвиги татар, стало быстро сокращаться. Советская пропагандистская машина переключилась на другие задачи: теперь она старалась не пробудить стремление к единой цели и самопожертвованию, а укрепить у населения ощущение нормальной жизни после стольких военных лет. В духе новой правительственной кампании газеты отказались от прежнего образа крымских татар как строптивых младших братьев и, наряду с другими этническими группами, изображали их пособниками врага. Они клеймили эти группы как предателей, заслуживающих суровой кары. Более того, такая характеристика подчеркивала, что и будущие поколения крымских

[30] См.: Красный Крым. 1943. 24 сентября.

татар должны отвечать за поступки, совершенные их предками во время войны. «Расчеловечивающие» татар образы, как пожар, распространялись среди всего населения, резко контрастируя с прежними портретами патриотов, доблестно служащих в Красной армии.

Как только советская пропагандистская машина перешла от проповедования единства к созданию образа нормальной жизни, руководство вернулось к своей довоенной цели: пресечь стремление национальных меньшинств к независимости и заставить их подчиниться доминантной советской культуре. В итоге планы по «очистке» советской родины от подобных меньшинств привели к политике дискриминации и депортации. Официальное решение выселить всех татар из Крыма требовало тщательного планирования на самом верху. Глава НКВД (предшественника КГБ) Л. П. Берия в своей секретной переписке со Сталиным уже за несколько месяцев до принятия этого решения характеризовал крымских татар как предателей. В одном сообщении он пишет: «Тяжелое положение [в Крыму] объясняется действиями фашистских диверсионных группировок. В освобожденных от оккупации районах Крыма были арестованы 1 178 немецко-фашистских пособников. "Татарский национальный комитет"... имея свои филиалы во всех татарских районах Крыма... мобилизовал добровольцев в созданную немцами татарскую дивизию, отправлял местное, не татарское население для работы в Германию...»[31] В другой записке Берия утверждает, что во время Второй мировой войны крымские татары выступали пособниками нацистских захватчиков: «Многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии... и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части... участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличались своими зверскими расправами по отношению советских партизан, а также помогали немецким оккупантам в деле организации... массового истребления советских людей»[32].

Пока шла такая переписка, нарком внутренних дел и нарком госбезопасности в апреле 1944 г. издали приказ, призванный покарать антисоветские элементы, действовавшие в областях, ранее оккупированных вермахтом. Приказ гласил: «Очистить территорию Крымской АССР от агентов шпионских резидентур германских и румынских разведывательных и контрразведывательных органов, изменников Родине и предателей, активных пособников и ставленников немецко-фашистских оккупантов, участников антисоветских организаций, бандформирований и иных антисоветских элементов,

[31] Докладная записка Л. П. Берии в ГКО, 25 апреля 1944 г.

[32] Сообщение Л. П. Берии в ГКО, 11 мая 1944 г.

оказывавших помощь оккупантам»[33]. Интересно, что в этом документе не указывалась конкретная этническая принадлежность «антисоветских элементов».

В секретной телеграмме Сталину, Молотову и Маленкову две недели спустя Берия докладывал о количестве представителей крымских народов, убитых, отправленных немецкой армией в трудовые лагеря или эвакуированных советской властью: «О Крыме. В Крыму население до войны 1 126 000 человек, в том числе татарского 218 000 человек. Расстреляно 67 000 евреев, караимов, крымчаков, вывезено в Германию 50 000 человек, эвакуированы 5 000 человек»[34]. Большое число людских потерь в Крыму Берия объяснял работой диверсантов и антисоветских элементов из крымских татар. Татарский национальный комитет он обвинял в тесном сотрудничестве с нацистами в создании добровольческой дивизии, сборе разведывательных данных об операциях советских войск и отправке представителей других национальностей на принудительные работы: «“Татарский национальный комитет” (Д. Абдурешидов), имея свои филиалы во всех татарских районах Крыма, вербовал шпионскую агентуру для заброски в тыл, мобилизовал добровольцев в созданную немцами татарскую дивизию, отправлял местное, не татарское население для работы в Германию и т. д.»[35] Крымскотатарские семьи, женщины и старики определялись как предатели, помогающие тем, кто скрывается от советской армии. Эти обвинения углубляли превалирующее разграничение между «верными» советскими людьми и «предателями» крымскими татарами.

В более поздней телеграмме Сталину Берия впервые сосредоточил внимание на этнической идентичности действовавших во время войны антисоветских элементов. Он писал, что более 20 тыс. крымскотатарских солдат дезертировали из советской армии и перешли к нацистам. «Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма», – заключал Берия[36]. Он рекомендовал Сталину депортировать крымскотатарское население а Узбекскую ССР. Пре-

[33] Приказ народного комиссара внутренних дел СССР и народного комиссара государственной безопасности СССР № 00419/00137 «О мероприятиях по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов», 13 апреля 1944 г.

[34] Докладная записка Л. П. Берии в ГКО, 25 апреля 1944 г.

[35] Там же.

[36] Там же, 10 мая 1944 г.

жде чем составить эту докладную, Берия информировал первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана о грядущей депортации, стремясь предупредить возражения против предложенной им государственной расправы. В докладной он написал: «Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем КП(б) Узбекистана тов. Юсуповым»[37].

Через день после получения этой докладной Сталин подписал постановление о выселении. Документ под грифом «совершенно секретно», датированный 11 мая 1944 г., свидетельствует, что Государственный комитет обороны СССР во исполнение этого постановления распорядился депортировать весь татарский народ с Крымского полуострова. Многие крымские татары обвинялись в измене, в том, что они дезертировали из своих воинских частей, приветствовали завоевательные планы врага и служили в карательных батальонах. Документ утверждал также, что крымские татары бесчеловечно расправлялись с советскими партизанами, активно участвовали в вывозе советских людей на принудительные работы в Германию, собирали для врага разведывательную информацию и устраивали диверсии с целью помешать советским военным операциям. Теперь крымских татар не прославляли как героев, не журили как непослушных младших братьев, а представляли опасной враждебной группировкой, действующей сообща, чья недавняя измена вынуждает депортировать все татарское население Крыма в Узбекистан до 1 июня 1944 г. Столь крутые меры якобы должны были помешать дальнейшему сотрудничеству крымских татар с потенциальными сторонниками отступающей нацистской армии.

Кроме того, хотя нацисты проигрывали войну, мысль, что они могли использовать крымских татар для установления связей с Турцией и другими мусульманскими народами не давала покоя советскому руководству, опасавшемуся, как бы татары, играя на мусульманской солидарности в регионе, не поставили под угрозу целостность СССР. Немногие (несмотря на шквал обвинений) документально засвидетельствованные случаи сотрудничества крымских татар с немцами были чрезвычайно раздуты пропагандистами.

Страх потерять Крым, даже после ухода вермахта, побудил власти выселить «ненадежные элементы» его населения в Среднюю Азию. Но и в условиях тоталитарного контроля советское руководство нуждалось в публичном оправдании столь суровых действий против целого народа. Острая ненависть к немцам глубоко укоренилась в коллективном сознании, и теперь процесс формулирования меж-

[37] Там же.

групповых границ пошел вокруг новой вражеской группы, обеспечивая доводы в пользу депортации. По мере проведения новых границ возникали нормативные ассоциации в отношении татар. В отличие от немецких захватчиков, татары населяли эту землю веками, свободно жили среди советских людей. Их измена воспринималась близко к сердцу, как предательство близких, как братоубийство. Значительная часть населения находила в татарах удобных козлов отпущения за переживаемые трудности. Татар винили и в тяжелых условиях службы в советской армии, и в отсутствии самого необходимого у множества советских людей. Тактика пропагандистской кампании создала нормативную модель, которая обрекала отверженных не только на физическое, но и на социальное изгнание, навсегда ставя на них клеймо предателей. Советская политическая элита искусно воспользовалась эмоциональной травмой, нанесенной населению войной, и с успехом обосновала свою жестокую политику.

Депортация крымских татар началась 18 мая 1944 г. Почти без предупреждения татар, включая женщин, детей и стариков (187 859–188 626 человек), грузили в товарные вагоны и везли в Среднюю Азию. Их селили в Узбекской ССР, Марийской АССР, в Горьковской, Свердловской и Костромской областях. Татары, увы, – не единственное меньшинство, выселенное из Крыма. Депортации подверглись также 9 620 армян, 12 420 болгар, 15 040 греков. Всего в тот период с полуострова было изгнано 228 392 человека. Без еды, воды, элементарных санитарных удобств многие татары умирали еще в дороге. Уцелевших помещали в «спецпоселения». Из-за чудовищных условий жизни на новом месте в 1944–1948 гг. 44 878 человек (примерно 20 % всех депортированных) умерли от голода, холода и болезней.

Депортация влекла за собой для изгнанного населения не только утрату родного дома, нужду и смерть. Она усиливала заблуждения насчет предательства выселенных этнических групп, которые потом преследовали их десятилетиями. Вследствие рвения партийных работников на местах, стремившихся выполнить спущенные им квоты на выселение, многие татары бросили имущество и личные вещи. Поселения крымских татар в Узбекистане стали их постоянным местом жительства. Там они встретились с огромными экономическими, политическими и социальными трудностями. Обращение Берии к Сталину с призывом «очистить» крымское население от «антисоветских элементов» привело к «техническому» взгляду на всю операцию. Почти каждый день в течение четырех месяцев, до последних арестов и депортаций, Сталин получал сводки, в которых трагедия тысяч семей описывалась сухими цифрами: столько-то человек выселено, столько-то арестовано, столько-то домов и скота конфисковано.

Благодаря режиму секретности, царившему в советских учреждениях, широкие слои населения не знали о многочисленных злодея-

ниях, которые чинило над своим народом советское правительство. Тех, кто выражал неодобрение по поводу бесчеловечного обращения с национальными меньшинствами, объявляли врагами народа. Тем не менее рассказы о массовой депортации и арестах неофициально начали ходить по всей стране. Многие услышали и о высылке крымских татар в Узбекистан, и о переселении чеченцев, корейцев и поволжских немцев в Казахстан. По обширным просторам Советского Союза были рассеяны и другие небольшие этнические меньшинства: карачаевцы, ингуши, балкарцы, калмыки. Но мало кто осознавал масштабы трагедии и всю степень преувеличений в кампании демонизации татар и прочих меньшинств.

Во время послевоенного восстановления СССР большое число депортированных старались вернуться в родные места. Однако работники государственных органов не желали давать на это разрешение, ссылаясь на трудности, связанные с контролем за перемещениями разнообразных народов. Верховный Совет СССР издал указ, грозивший суровым наказанием за любую попытку репатриации, заявляя, что вернувшиеся татары будут работать на иностранные разведки. Указ требовал прикрепить каждую этническую группу к определенному месту жительства. Он держался в секрете, как и многие другие постановления советского правительства[38].

В начале 1950-х гг. ситуация все же изменилась; нехватка квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы в ряде районов заставила привлекать в крымские колхозы семьи с двумя и более трудоспособными взрослыми членами. После смерти Сталина в 1953 г. Хрущёв взял курс на политическую либерализацию, включая предоставление некоторым национальностям права на возвращение на полуостров. Крым – лишь один из многих советских регионов, испытавших массовый приток новых поселенцев. С крымских татар в 1967 г. сняли все обвинения, однако в просьбах о репатриации им продолжали отказывать. Новые жители полуострова стали законными владельцами бывшей татарской собственности. Населенный теперь преимущественно славянами, Крым приобрел важное военное значение, в частности благодаря своим портам, жизненно необходимым советскому флоту. Он также превратился во всесоюзную здравницу: на землях, принадлежавших некогда крымским татарам, выросли пионерские лагеря, санатории, дома отдыха, парки.

Невзирая на препятствия, крымские татары потихоньку начали репатриироваться. Небольшая их группа развернула движение за права депортированных. Постепенное возвращение татарского насе-

[38] См. письмо начальника управления МВД Крымской области А. С. Калинина министру внутренних дел С. Н. Круглову.

ления по-прежнему воспринималось как угроза существующей социальной и локальной инфраструктуре. Хотя число татар в Крыму в то время оставалось довольно небольшим, их присутствие пробуждало у некоторых жителей опасения, что «возвращенцы» будут требовать восстановления крымской автономии. Дабы избежать возможного социального взрыва, советские власти старались строго ограничивать количество возвращающихся в Крым.

В оправдание политики избирательных отказов советские пропагандисты обращались к старым инвективам против крымских татар, объявляя их закоренелыми врагами, которые во время войны совершали «непростительные предательства». Первый секретарь ЦК компартии Украины убеждал Хрущёва, что простить татар и разрешить их репатриацию будет неразумно. Его доклад воскрешал прежние обвинения в дезертирстве, сотрудничестве с нацистами, диверсиях против советской армии. Опять активно сочинялись истории об измене и коллаборационизме, «расчеловечивающие» татар в целом. Таким образом, с помощью проверенных временем дискурсивных методов СМИ и пропаганды были восстановлены привычные нормативные границы между крымскими татарами и другими национальностями. Крымских татар снова превратили во «внешнюю группу», чтобы оправдать очередной виток очернения и насилия.

Заключение

В годы Второй мировой войны и демократическое, и тоталитарное государства разворачивали кампании очернения и жестокой расправы с национальными меньшинствами, жившими в их границах: США интернировали в концентрационных лагерях американцев японского происхождения; Советский Союз депортировал из Крыма в Среднюю Азию татар. В обоих случаях настроения в руководстве и общественное мнение сыграли важную роль в санкционировании государством дискриминации собственных граждан, но роль эта не одинакова. В США мотивы действий правительственных чиновников отчасти определялись захлестнувшими нацию антияпонскими настроениями как до, так и после атаки на Перл-Харбор. В тоталитарном советском обществе правительство дирижировало кампанией коллективной реклассификации ряда национальных меньшинств и манипулировало общественным мнением, разыгрывая прелюдию к депортации крымских татар.

Тем не менее в обоих рассмотренных случаях работали механизмы постепенного возведения границ, демонизации и расчеловечивания. И в той и в другой стране устанавливалась коллективная аксиология: этническая группа исключалась из «внутренней» группы сограж-

дан и переопределялась как злобный враг благодаря нарративам об угрозе и предательстве. В обеих странах межгрупповые границы создавались с помощью символов злого «Другого», которые выражали суть порочного характера врага. Этот процесс основывался на трех этапах становления коллективной аксиологии. Во-первых, устанавливалась каноническая модель предательства как дурного, но весьма вероятного поступка. Во-вторых, разрабатывался мифологический нарратив, описывающий американских японцев или крымских татар как предателей. И американские, и советские лидеры использовали для подкрепления этого мифологического нарратива информацию о немногочисленных фактах измены среди американских японцев и минимальном количестве случаев сотрудничества татар с нацистами. Вдобавок высокий уровень обобщенности коллективной аксиологии позволял объединить сограждан с представителями другого государства. Демонизация милитаристской Японии правительством США и безоговорочно гнусных нацистов советским режимом усугубляла скрытую ненависть к предполагаемым коллаборационистам. Малая аксиологическая взвешенность новой коллективной аксиологии, базирующейся на демонических образах врага, укрепляла представления о пороках «внешней» группы и добродетелях «внутренней». На третьем этапе формировалась нормативная модель действий против предателей: она превращала депортацию сограждан в справедливую и законную государственную меру. Такая коллективная аксиология, отличающаяся низким уровнем взвешенности и высоким – обобщенности, оправдывала маргинализацию сограждан и акты насилия против них.

Анализ механизмов определения нормативных границ между гражданами одного государства дает богатую информацию о корнях притеснения гражданских лиц, столь обычного в военное время. Жертвами такого притеснения становились лояльные сограждане – не вражеские бойцы и даже не гражданские представители вражеской страны. Один только факт принадлежности к конкретной этнической группе или социальной категории, установленной сверху государственной властью, служил правительству достаточной причиной, чтобы оправдать дискриминацию и насилие в отношении невинных мирных жителей своей страны.

Ж. Кадио

ПРАВОВЫЕ ПРАКТИКИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР

На первый взгляд, в послевоенном СССР судебно-правовая система не связана с национальным вопросом. В рамках советской федерации каждая республика разрабатывает свои уголовные кодексы и принципы судопроизводства. Тем не менее Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. де-факто применяется во всех республиках, иногда с добавлением определенных статей, учитывающих местную специфику. Особое внимание уделяется бытовым преступлениям, связанным с конкретными социальными практиками религиозного или этнического характера. В уголовно-процессуальном кодексе признается необходимость прибегать к услугам переводчика, если обвиняемый не владеет языком, на котором ведется судебное заседание, однако на деле эта статья соблюдается редко[1].

Начиная, в частности, с 30-х гг., выходит ряд декретов, имеющих юридическую силу на всей территории Советского Союза. По существу, в сталинскую эпоху, а именно начиная с правовых реформ А. Я. Вышинского, предпринятых в середине 30-х гг., право и система правосудия становятся одним из факторов объединения территорий и построения централизованного государства[2]. В послевоенные годы власть, стремящаяся к укреплению своей легитимности в глазах международного сообщества, прилагает все усилия для унификации государства посредством права и профессионализации советских юристов[3]. Толкованием закона занимаются юристы, получившие образование в разных учебных заведениях, порой даже на заочных курсах, организованных в специальном исинституте в Москве, но по сходной программе. Учреждения, которым доверено толкование за-

[1] ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 338. Л. 31. Отчет о работе Верховного Суда за период 1948–1949 гг.

[2] Solomon Peter. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

[3] Cadiot Juliette, Penter Tanja. Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. NF Band 61, 2013, Heft 2. P. 161–171.

кона и организация правосудия в СССР, а именно Верховный суд и Наркомат юстиции, находятся в Москве.

Центральная роль в толковании закона отводится Верховному суду СССР, и контроль за назначением прокуроров осуществляется в Москве. Новая административная комиссия ЦК, созданная в 1946 г., следит за отправлением правосудия и расследует факты злоупотребления со стороны судебных органов на территории всей страны[4].

Кажется, что такая централизация судебной власти противоречит идее о различии между правовыми практиками в разных республиках. Архивные документы о подготовке реформы уголовного кодекса, предпринятой в 40-х гг., свидетельствуют об укреплении идеи о едином советском кодексе для всех республик, а также стремлении отказаться от понятия бытовой преступности[5]. Призыв к профессионализации юристов, подкрепленный введением в 1946 г. обязательного специального юридического образования, и то, что теперь юристов ожидала карьера на правовом поприще, только укрепляют централизацию судебной власти[6].

Но можно взглянуть на проблему судебно-правовых практик с иной точки зрения, нежели институциональная, а именно рассмотреть конкретные правоприменительные практики на примере разных территорий и разных групп населения[7]. Подробное исследование практик, применяемых, в частности, судьями, наделенными широкими полномочиями в деле толкования закона[8], позволило бы, наконец, углубить наше исследование конкретных правоприменительных практик в регионах и продемонстрировать важность местничества в отправлении правосудия даже в послевоенные годы сталинского режима.

Для рассмотрения связи между правовыми практиками и национальными отношениями, предлагаю взглянуть на проблему с точки зрения того, как реализовывались права представителей национальных меньшинств и какое им отводилось место в советской судебной системе. Как известно, в военный и послевоенный периоды, по отношению к отдельным народам применялись чрезвычайно жестокие меры: одни, так называемые «наказанные народы» подверглись депортации, другие под видом «освобождения» были присоединены

---

[4] Сформирована в 1946 г. в ЦК, контролировала все органы репрессии и юстиции.

[5] РГАСПИ. Фонд Молотова. Ф. 82. Оп. 2. Д. 893. Л. 39.

[6] Solomon Peter. Soviet Criminal Justice under Stalin. P. 332–365.

[7] Dahlke Sandra, Tissier Michel. The Practice of law and justice in Russia (18th–20th centuries) // Cahiers du Monde russe. 53/1. 2012. P. 7–13.

[8] Kogan Michael. Shaping Soviet Justice. Popular Responses to the Elections of People's Courts, 1948–54 // Cahiers du Monde russe. 53/1. 2012. P. 121–139.

к СССР, а борьба с космополитизмом носила явно антисемитский характер. В свете вышесказанного, важно знать, рассматривали ли представители национальностей, подвергавшихся гонениям, и их представители судебно-правовую систему как орудие защиты против притеснений. Можно предположить, что в присоединенных к СССР регионах у населения сложилось совсем другое отношение к праву и правосудию.

1. Централизованная система правосудия как оружие против насилия

Обращаясь к вопросу о правовых практиках, мы уходим от проблемы унификации государства посредством права и системы правосудия. В данном случае нас интересует, как право и система правосудия использовались, чтобы разоблачить дискриминацию и акты насилия в контексте конфликтов между центральной властью и отдельными национальными группами, в частности, в западных регионах страны. Отдельные примеры свидетельствуют о том, как население, с помощью юристов, обращалось в судебные органы за правосудием. Нас интересует проблема использования права населением, адвокатами, а также прокурорами, судьями и даже, может быть, следователями, как способ противостоять злоупотреблениям режима насилием. В социологии права, о проблеме моральной значимости правовых норм и их способности защитить права граждан написано много. Эта проблема является центральной для исследований США, в ряде исследований, посвященных диктатурам Латинской Америки[9], а также в Германии и Франции, в частности в работах, посвященных сопротивлению представителей судебной системы нацизму и режиму Виши[10]. Помимо позиции юристов и роли позитивного права в сфере защиты граждан, нас также интересует то, как население страны обращалось в судебные органы за правосудием. Это непростой вопрос, который требует рассмотрения ряда случаев на примере Украины.

В ходе войны между украинскими националистами и советской властью на западе республики, в Центральный комитет в Москве поступали письма с жалобами на зверства, совершаемые органами в

[9] Osiel Mark J. Dialogue with Dictators: Judicial Resistance in Argentina and Brazil (Озил Марк Дж. Диалог с диктаторами: сопротивление представителей судебной системы в Аргентине и Бразилии) // Law&Social Inquiry. Vol. 20–2. Spring 1995. P. 481–560.

[10] Israël Liora. Robes noires, années sombres. Avocats et magistrats en résistance pendant la seconde guerre mondiale, Fayard. (Израэль Лиора. «Черные тоги, мрачные годы. Сопротивление адвокатов и судий в годы Второй мировой войны). Paris, 2005.

отношении гражданского населения. Начиная с 1946 г., через членов партии в ЦК начинают поступать сообщения о злоупотреблениях, выявленных прокурорами региона[11]. Письма адресованы в ЦК Украины, Генеральную прокуратуру СССР и Центральный комитет партии.

Так, например, в августе 1947 г. в ЦК, Генеральную прокуратуру СССР и Президиум Верховного Совета поступает доклад, подготовленный судьей военного трибунала Прикарпатского военного округа, в котором говорится о нарушении социалистической законности. Судья подвергает критике действия представителей МВД и МГБ, обвиняя их в аресте ни в чем не повинных людей, фальсификации протоколов обвинения, отказе в рассмотрении жалоб со стороны жертв и конфискации имущества. Кроме того, в докладе сообщается об угрозах, поступающих в адрес юристов военных трибуналов, которые добросовестно выполняют свои обязанности, и изобличается повсеместное запугивание представителей системы правосудия: «Адвокаты для выступления по специальным делам подбираются и утверждаются органами МГБ по своему усмотрению. При этом для выступления по указанным делам подбираются самые слабые адвокаты, которые соглашаются со всеми нарушениями законов, которые угодничествуют перед работниками мвд и мгб, нарушающими советские законы. Адвокаты же, которые принципиально выступают против нарушителей законов, терроризируются, подвергаются преследованиям и арестам. Так, например, 20 августа 1947 г. транспортным отделом МГБ Львовской железной дороги арестован бывший майор юстиции и член военного трибунала Прикарпатского военного округа, адвокат Давид Львович Гиндин за то, что он, выступая по одному делу, добился оправдания подсудимого. Вскоре адвокат Гиндин предстанет перед судом военного трибунала войск мвд. Если не вмешаются в это дело центральные органы власти, то он будет осужден как соучастник контрреволюционного преступления. Для того чтобы преподать урок всем другим адвокатам в транспортном отделе мгб Львовской железной дороги найдется всегда два-три подставных свидетеля, так как работники этого отдела имеют богатый опыт в части мордобоя и стряпанья дутых дел»[12].

В 1949 г., военный прокурор войск МВД Украинского военного округа Кошарский направил докладные записки в ЦК о преступных действиях оперативных групп МГБ в западных областях Украины. В них говорилось, что в ходе расследований, специальные оперативные группы МГБ прибегают к целому ряду неправомерных дей-

[11] Litopis Upa. Nova Serija. Tom 3. Kiiv; Toronto, 2001. P. 238–244, 355–362.

[12] ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 16. Д. 317. Л. 60–61. Переписка с министерства юстиции ССР по правовым, судебным вопросам.

ствий – пыткам, изнасилованиям, незаконным арестам и ложным свидетельским показаниям – и для борьбы с врагами не гнушаются никакими злоупотреблениями. В заключении Кошарский пишет: «Как показывает следственная практика, если в отдельных случаях спецгруппам путем насилия и запугивания все же удается получить "признательные показания" от отдельных лиц об их связях с бандитским подпольем, то добросовестное и проведенное в соответствии с требованиями закона расследование неизбежно вскрывает провокационную природу этих признательных показаний, а освобождение из тюрьмы арестованных по материалам спецгрупп влечет за собой дискредитацию советской законности»[13].

Уже в 1948 г. ЦК компартии Украины опубликовал секретное постановление о социалистической законности и уполномочил прокуратуру исследовать все необоснованные приговоры.

Сообщения о нарушениях в Украине, которые продолжают поступать вплоть до 1950 г., не остаются без ответа. В столице готовятся к принятию соответствующих мер, чтобы призвать к ответственности сотрудников военных трибуналов, вынесших необоснованные обвинительные приговоры, которые позднее были отменены в результате обжалования.

Пример Украины свидетельствует о стремлении и населения, и центральной власти заставить соблюдать принципы и процедуры уголовного судопроизводства. Наиболее серьезные злоупотребления подвергаются порицанию, а над действиями судей и прокуроров устанавливается надзор. Несмотря на то, что далеко не все меры были приняты, а злоупотребления продолжались, призыв соблюдать законность и принципы уголовного судопроизводства и процедуры, которому последовали представители системы правосудия, был беспрецедентным и претворялся в жизнь даже при применении режимом чрезвычайно жестоких мер. Питер Соломон видит связь между изобличением злоупотреблений в Украине и усилением контроля за аннулированием приговоров, считающихся неосновательными[14].

Действия отдельных сотрудников украинского судебного аппарата, направленные, при поддержке партии, на борьбу с наиболее жесткими формами репрессии, были тщательно задокументированы. Их целью было оповестить центральную власть об актах злоупотребления и продемонстрировать, какую роль могут играть органы правосудия в обеспечении законности. Население, со своей стороны, также

[13] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 10129. Л. 114–111.

[14] Peter Solomon. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 368.

обращалось в органы правосудия и государственные органы с жалобами на злоупотребления.

2. Советская система правосудия, статусы и местничество

Наши знания в области правовых практик в СССР остаются неполными, в частности, из-за отсутствия исследований по этим вопросам. Однако можно рассматривать роль, которую право и уголовное судопроизводство сыграло в борьбе с проявлениями жестокости со стороны государства. Особенно это заметно в 60-е гг., когда представители так называемых наказанных народов будут использовать все доступные им правовые возможности[15].

Вопросы, связанные с правом, судоустройством и национальностью также важно рассмотреть, чтобы дать харатеристику советскому режиму. В традиционных и колониальных империях существовали разные юридические режимы для разных частей населения. Такая же ситуация была и в СССР. Исследование позволило выявить существование разных правовых режимов, которые находили отражение не столько на раных национальных территориях, сколько в разных судебных инстанциях (существовал целый ряд судов и инстанций) и в отношении представителей отдельных групп населения (членов партии, военнослужащих, сотрудников министерств и т. д.).

В июне 1947 г. появляется Указ, вновь подтверждающий «сакральный» характер социалистической собственности, за хищение которой полагаются крайне жестокие меры: любое хищение в колхозах, в магазинах, на складах и в зернохранилищах, независимо от объемов украденного, карается заключением и лагерями сроком не менее чем на 5–7 лет. Этот же закон предписывал подобное наказание за растраты, расхищения, незаконные присвоения средств, подделку платежных финансовых документов, мошенничество и подлог. В соответствии с законом, в лагеря были отправлены миллионы «указников». Члены партии подчинялись ему так же, как и все остальные. В социалистическом обществе того времени случаи хищения были весьма многочисленны, и в связи с этим нас интересует репрессивная функция государства в отношении не только политических преступлений, но и правонарушений и общеуголовных преступлений. Можно проанализировать, как партийные органы, отвечающие за

[15] Gregory Dufaud. Après les colonies spéciales. La mobilisation des Tatars de Crimée pour le retour sous Khrouchtchev (1956–1964) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 4. 2009. P. 580–598.

кадровую политику, покрывали некоторых членов партии, пытаясь защитить их от уголовной ответственности.

В мае 1949 г. Генеральный прокурор СССР Григорий Сафонов в своем письме в ЦК ВКП(б), осуждает дело первого секретаря партии Костромской области. В этой области существовал специальный циркуляр, согласно которому областной прокурор не должен был заводить уголовное дело против члена партии незамедлительно, а поставить в известность и получить на это согласие от первого секретаря обкома. В заключение письма, Сафонов указывает, что в этой области действуют как бы два уголовных кодекса, один для членов партии, а другой – для беспартийных. По одному и тому же делу, беспартийные оказывались в заключении, а члены партии оставались на свободе. Такая ситуация создавала чувство безнаказанности у членов партии в случаях хищения имущества и растрат[16].

Это письмо, касающееся Костромы, далеко не единичный пример. Начиная с 1946 г. Генеральная прокуратура СССР требовала от прокуроров на местах сообщать ей обо всех случаях вмешательства местных и региональных партийных органов в оперативную работу прокуратуры. Существуют целые тома писем, в которых прокуроры жалуются на систематическое давление, которое на них оказывают партийные органы. Как свидетельствует прокурор РСФСР, в большинстве районов райкомы и обкомы настаивают на том, что их должны ставить в известность обо всех уголовных делах, заведенных на членов партии, и вмешиваются, требуя иногда прекращения дела. В отдельных регионах, как уже было сказано выше, это правило было оформлено в виде официального циркулярного письма, предписывающего прокурорам полагаться в подобных случаях на решения первого секретаря партии.

Прежде всего, надо отметить, что в декабре 1938 г. появился циркуляр под грифом «Совершенно секретно», подтверждающий, что только Генеральная прокуратура имеет все санкции на арест. Тем не менее для ареста членов партии обязательным было согласие первого секретаря, а в его отсутствие, второго секретаря. Кроме того, в 1950 г. был выпущен внутренний циркуляр, в котором шла речь о многочисленных случаях исключения из рядов партии. В циркулярном письме подчеркивалось, что в ряде районов 50–70 % случаев исключения из партии происходило по причине растрат и расхищения собственности. На основании решений суда приговоренные члены партии автоматически исключались из ее рядов. Циркуляр формаль-

[16] Cadiot Juliette. Equal Before the Law? Soviet Justice, Criminal Proceedings against Communist Paty Members, and the Legal Landscape in the USSR from 1945 to 1953 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. NF Band 61. 2013. Heft 2. P. 249–269.

но осуждал подобную практику, в нем выдвигалось требование проводить исключение из партии согласно предписаниям и длительной дисциплинарной процедуре, а не автоматически на основании решения суда. Наконец, в 1952 г. новый Устав закрепил правило, согласно которому член партии, осужденный за преступление, автоматически подлежал исключению.

Партийные органы на местах часто использовали эти циркуляры, чтобы противостоять прокуратуре. Они разъясняли, что являются достаточно компетентными, чтобы принимать решения об исключении члена партии из ее рядов самостоятельно. Однако их подвергали суровой критике, если выяснялось, что осужденный член партии не был исключен из ВКП(б) прежде, чем отправиться в лагерь или в тюрьму. То, что процедура исключения предшествовала судебному решению, порождало серьезные недоразумения в деятельности правосудия. По делам членов партии, партийные органы запрашивали все малейшие детали дела. Затем начиналась процедура исключения, длительная и сложная, которая проходила в три этапа. Они опрашивали подозреваемого, связывались с прокурором, вели собственное внутреннее расследование. В некоторых случаях они заканчивали свои заседания словами «идите домой, больше вас никто не потревожит». Часто поступало предложение ограничиться строгим выговором, вопрос об исключении снимался, а прокурору поступало требование закрыть дело за недостатком улик.

Архивные материалы наглядно свидетельствуют о методах, бывших в ходу у партийных руководителей: первый секретарь обкома мог приехать в тюрьму и освободить подозреваемого, в некоторых районах вещественные доказательства уничтожались во время партийных собраний. В момент вынесения приговора влияние партии ощущалось особенно сильно – коммунисты получали более легкие наказания и меры пресечения, либо само дело закрывалось «за недостатком улик» по звонку из обкома.

Районные и областные прокуроры неоднократно объясняли, какие трудности они испытывают, как вынуждены противостоять угрозам. Будучи сами членами партии, прокуроры опасались получить выговор по партийной линии, и других санкций, вплоть до исключения. Многие из них открыто говорят о том, что предпочитают «договариваться» с местными партийными органами.

Такие методы самозащиты партии полностью выходили за пределы любого правового поля. И, в принципе, прокурор имел право открыть дело против не исключенного члена партии. Но для этого ему требовалось получить согласие на арест. И, что особенно важно, прокурор находился «между молотом и наковальней» – между партией и законом как двумя дисциплинарными органами, и он не понимал, на чьей стороне власть. Приведу пример такой дилеммы: в Красно-

дарском крае первый секретарь обкома в своем письме резко возражал прокурору, аргументируя свою позицию тем, что партия самостоятельно способна проводить следствие по делам членов партии, совершивших правонарушения. В ответ, прокурор пытался защитить автономность решений прокуратуры. В вежливой форме он приводил доводы о том, что правосудие имеет свои особенные методы работы, что сотрудники прокуратуры владеют специальными знаниями в области судебного делопроизводства. Все было тщетно.

Несмотря ни на что, прокуроры сопротивлялись давлению партийных органов, напуганных огромным количеством партийных кадров, привлекаемых к уголовной ответственности. В свою очередь, партийные органы на местах получали из Москвы четкие указания осуществлять исключение из партии в соответствии с процедурой.

Приведем пример сотрудника Генеральной прокуратуры Захарова, направленного в Воронеж. На месте он выяснил, что первый секретарь горкома разослал районным прокурорам указание с требованием информировать его обо всех делах, по которым обвиняемыми проходят члены партии, с тем, чтобы партийные органы предварительно приняли решение об их исключении. В ходе устной беседы с первым секретарем обкома, прокурор подверг критике это требование, назвав его незаконным. Однако первый секретарь ответил, что приказ отслеживать и принимать решения по всем уголовным делам членов партии он получил от заместителя председателя Комиссии партийного контроля ЦК партии, всесильного Матвея Шкирятова. По возвращении в Москву, Захаров был вызван к одному из членов ЦК ВКП(б) Абрамовой, которая объяснила ему, что партия должна быть единовластным хозяином решений о наказании или помиловании своих членов.

По меньшей мере удивительными выглядят подобные притязания партийных органов, которые как на региональном, так и на центральном уровне брали на себя дисциплинарные функции и право определять наказание члену партии в противодействие прокуратуре. Тем более нам сложно понять такой порядок вещей, имея перед глазами систему правосудия на Западе. Однако это дает нам возможность понять и осмыслить особенности функционирования социалистической системы. Партийные органы не считали незаконными свои действия по защите членов партии. Разумеется, иногда люди действовали так по сугубо личным мотивам или из преступных побуждений. Но, в большинстве случаев, защитные меры применялись для спасения квалифицированных кадров, а также потому, что наказание зачастую не соответствовало по своей жесткости совершенному проступку. Партийные органы противопоставляли свои критерии правосудия тем наказаниям, которые предполагались в рамках карательной политики И. Сталина. Например, один из членов партии, приговоренный

к лагерям, написал, что не согласен с властью прокурора из Москвы, но хочет, чтобы его судил райком, который защитил бы его с учетом его политических убеждений и его партийного прошлого.

Как в Москве, так и в областях прокуратура постоянно сталкивалась с противодействием определенных ведомств, в том числе и партийных органов, которые защищали «своих». Прокуроры существовали в обстановке постоянной неуверенности, пытаясь понять, каким указаниям следовать и кто является высшим авторитетом – Прокуратура или партийные органы. В свою очередь, высшие партийные органы, в особенности Комиссия партийного контроля, хотели сохранять свое верховенство в вопросах наказания собственных членов.

В заключение надо сказать, что федеральный и многонациональный характер Советского Союза в позднесталинский период, скорее всего, не играл важной роли в судебной практике. Центральная власть старалась наоборот контролировать из Москвы применение права. При этом некоторые национальности и регионы подвергались особым преследованиям и пытались обращаться к праву и правосудию для собственной защиты, без видимого успеха. Также наблюдается сопротивление против репрессивной судебной политики государства, претворенной в ряде указов, касающихся широко распространенных правонарушений, таких как хищение или опоздание на работу. В послевоенный период, пресечение таких правонарушений все больше проходит через юстицию, а не через иные структуры. Сопротивление структурируется принадлежностью не к определенной национальности, а к группе граждан, более или менее успешно вписывающихся в социалистический проект. Особенно показателен пример защищенности членов партии от прокурорских расследований, основанный на использовании мощных сетей покровительства, доходящих и до Москвы. Этот пример демонстрирует важность местничества в отправлении правосудия, даже в послевоенные годы сталинского режима. Что касается наказанных или подозреваемых национальных меньшинств, их способность защититься и использовать существующие связи и покровительства в Москве или в судебном аппарате гораздо менее очевидна. В хрущевский период децентрализация, сопровождаемая осуждением сталинизма, примером которой является исчезновение Министерства юстиции СССР, откроет новую страницу и даст возможность нового взаимодействия правового и национального вопросов в Советском Союзе.

Д. В. Веденеев

ОПЕРАТИВНО-ВОЙСКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВЕТИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В 1945–1954 гг. (По документальным материалам советских органов госбезопасности)

Земли Западной Украины в 1944 – середине 1950-х гг. стали ареной ожесточенного противоборства между советской властью, ее силовыми структурами и повстанческими вооруженными формированиями под политическим руководством наиболее радикального крыла националистического движения – Организации украинских националистов С. Бандеры (ОУН(Б))[1].

На фоне многочисленных научных и публицистических работ, зачастую несущих отпечаток партийно-политической конфронтации, идейно-информационного противостояния и «конфликтов памяти» в современной Украине, без ответа и доныне остаются без научно обоснованного ответа базовые вопросы, без разрешения которых невозможно составить целостную, рациональную картину военно-

[1] После ареста С. Бандеры гитлеровцами в июле 1941 г. (вызванного попыткой ОУН провозгласить независимость Украины во Львове 30 июня 1941 г.), он уже не вернулся в Украину, хотя и был освобожден немцами летом 1944 г. в интересах активизации антисоветского повстанческого движения в тылу наступавшей Красной Армии. Влияние Бандеры (особенно на фоне соперничества в закордонных центрах ОУН между возглавляемым им ортодоксально-вождистским течением, и сторонниками относительной демократизации националистического движения, а также столкновения личных амбиций) на стратегию подполья и ход вооруженной борьбы в западном регионе Украинской ССР стало опосредованным. Фактически, фигура Бандеры, отличившегося личным бесстрашием и харизмой в террористической войне в Польше в 1930-х гг., организацией антисоветского сопротивления в 1939–1941 гг. на Западе Украины в сотрудничестве с Германией, стала символической. Однако «вождь» пытался добиться после 1945 г. из Мюнхена контроля над вооруженными формированиями УПА и ОУН в Галиции и на Волыни (от чего напрямую зависели и деловые отношения с соответствующими структурами Великобритании, США, других стран НАТО). Реальное руководство ОУН и УПА в Западной Украине осуществляли Р. Шухевич (1943–1950) и В. Кук (1950–1954), и другие члены Провода ОУН(Б) в Украине.

политического конфликта в Западной Украине в 1945 – середине 1950-х гг. между советской стороной и вооруженным подпольем Организации украинских националистов (С. Бандеры) и созданной ею Украинской повстанческой армией (УПА).

Не только в общественном сознании и социальной памяти различных групп населения Украины, но в большинстве локальных научных (научно-популярных) работ господствуют поверхностные, заведомо конфронтационные, политизированные оценки причин, характера, течения данного кровопролитного и ожесточенного противоборства. Зачастую они являются механическим перепевом штампов советской и украинской антисоветской эмиграционной историографий (пропаганды), порожденных масштабным информационно-психологическим противостоянием периода «холодной войны».

В условиях политической жизни современной Украины контраверсионные оценки конфликта на западноукраинских землях (ЗУЗ) являются своего рода подрывным «механизмом неизвлекаемости» в программах и пропагандистской тактике враждующих политических сил, а попытки вести диалог вокруг наследия ОУН и УПА немедленно приводят в действие сложный комплекс штампов, перечеркивающих рациональный поиск компромиссных векторов развития политической жизни.

Вне внимания исследователей нередко находятся основные аспекты, позволяющие многомерно понять сущность бескомпромиссного противостояния подполья «самостийников-державников». Среди них, например, понимание того, что противостояние представляло собой сложное переплетение национально-политической и гражданской конфронтации, с заметным влиянием глубинных цивилизационных различий между Западной Украиной и ареалом православной Украины, специфики региона как гибридной модели социокультурного развития и «советско-традиционалистской модели» (оформившейся де-факто) при И. Сталине.

Враждующие стороны и те сегменты населения, которые их поддерживали, неизбежно попадали в орбиту «холодной войны» – обостренной формы глобального противостояния двух цивилизационных векторов тогдашнего мирового развития, осложненных скрытым военно-политическим противостоянием, нарастанием гонки ядерных вооружений, опосредованной борьбой за контроль над «мировой периферией».

Форсированное поглощение Западной Украины советской моделью развития (с безжалостным принесением в жертву модернизации регионального социально-экономического и этноконфессионального своеобразия, подавлением движения сопротивления – правда, при том, что французами в Алжире 1954–1962 гг. было уничтожено и репрессировано в 4–5 раз больше людей, при равной примерно числен-

ности населения с Западной Украиной)[2] диктовалось, наш взгляд, по сути, безальтернативными геополитическими соображениями – закреплением приобретений государства-победителя, удержанием стратегически важного региона – геополитического коридора к новым восточноевропейским сателлитам и Балканам. Галиция, свидетельствовали инструкции западных спецслужб подполью ОУН(Б), рассматривалась как важный плацдарм при ведении наступательной войны против СССР, также служила одним из ведущих нефтегазовым районов тогдашнего СССР.

Процесс советизации Западной Украины и противоборство с движением украинских националистов осуществлялись под политическим руководством правящей коммунистической партии и Компартии (большевиков) Украины (КП(б)У). В декабре 1945 г. создали отдел ЦК КП(б)У по западным областям УССР, а в составе Управления кадров ЦК – отдел по органам внутренних дел и госбезопасности (в дальнейшем – Административный отдел). К середине 1946 г. на ЗУЗ прибыло до 87 тыс. функционеров компартии, комсомола, специалистов промышленности, социально-культурной сферы и образования[3].

Уже в 1944–1945 гг. в руководящих документах в целом оформляется система мероприятий по борьбе с ОУН и УПА. Документы ЦК и Политбюро ЦК КП(б)У содержали непосредственные указания о порядке проведения оперативных (включая агентурные) мероприятий, создания инфраструктуры органов внутренних дел и госбезопасности, парамилитарных формирований из местного населения, работы с их личным составом, соблюдения «социалистической законности».

Для анализа и корректировки тактики борьбы с повстанчеством проводились областные и межобластные совещания с участием сотрудников ЦК, секретарей обкомов партии, руководства силовых структур. Готовились многочисленные информационно-аналитические материалы, тем более, что проблема подавления националистического движения находилась под плотным контролем И. Сталина.

Первым комплексным руководящим документом по организации противодействия ОУН и УПА можно считать постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 10 января 1945 г. «Об усилении борьбы с украинско-немецкими националистами в западных областях Украи-

---

[2] См.: Ланда Р. Г. История Алжирской революции. М.: Наука, 1983; Пристер Е. Алжир в борьбе. М., 1961; Аллег А. Допрос под пыткой. М.: Правда, 1958.

[3] Шаповал Ю. Війна після війни. Літопис УПА. Нова серія. Київ; Торонто, 2001. Т. 3. С. 14.

ны». Предлагались такие основные элементы преодоления сопротивления советизации:

• подрыв социальной базы повстанческо-подпольного движения (опора на сельскую бедноту, «изоляция кулачества», пропагандистская компрометация «бандоуновцев»);

• расширение агентурной сети для охвата населенных пунктов, внедрение ее в подполье, тщательная подготовка и воспитание негласных помощников;

• внедрение системы тотального контроля за сельским населением путем регистрации всех жителей старше 15 лет, создания системы «десятихатских» и «уполномоченных участков» для слежения за односельчанами;

• развитие системы первичных комсомольских и партийных организаций;

• введение механизма круговой поруки – коллективной ответственности для тех, кто скрывает места нахождения «бандитов»;

• привлечение местного населения к службе в вооруженных формированиях самообороны («истребительных батальонах» и др.);

• активизация наступательных действий Внутренних войск (ВВ) и Пограничных войск (ПВ) НКВД–МГБ;

• массированные пропагандистские усилия по «разоблачению украинских буржуазных националистов»[4].

В 1945 г. Политбюро ЦК КП(б)У дважды принимало постановления о фактах нарушения законности органами правопорядка в Западной Украине. В том же году из органов НКГБ и НКВД УССР уволили за моральное разложение 240 сотрудников, нарушение законности – 539, по результатам спецпроверок – 1640, 326 осудили военные трибуналы. 24 июля 1946 г. вышло постановление ЦК КП(б)У «О недостатках в работе суда, прокуратуры и органов МВД–МГБ по борьбе с нарушителями советской законности в западных областях». Констатировалось, что в апреле–ноябре 1946 г. раскрыто 396 правонарушений (из них совершено сотрудниками МВД – 123, МГБ – 64), в том числе – самочинных расстрелов граждан – 18, грабежей и изнасилований – 9, незаконных обысков – 34, нарушений норм законности во время следствия – 51[5]. За 6 месяцев 1949 г. из 1189 привлеченных к административной ответственности сотрудников МГБ

[4] Літопис УПА. Нова серія. Київ; Торонто, 2001. Т. 3. С. 119–123.

[5] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 18. Д. 2842а. Л. 32–33.

Украины 731 работал на Западной Украине, из 25 осужденных военными трибуналами – 16[6].

Следует учитывать, что подавляющее большинство чекистов, работавших на ЗУЗ, были выходцами из отдаленных регионов СССР или областей Восточной Украины, что непосредственно влияло на их поведение в цивилизационно специфической Галиции. Так, к середине 1947 г. коренными жителями были лишь 98 из 2447 сотрудников органов МВД–МГБ на ЗУЗ[7]. По мере укрепления позиций советской власти, реализации социальных программ, с санкции ЦК КП(б)У и МГБ СССР развернулся набор в органы госбезопасности местных жителей. Уже в начале 1952 г. только в Управление МГБ (УМГБ) по Ровенской области зачислили 26 выходцев из западных областей УССР. Возрастала и доля этнических украинцев. Если в феврале 1946 г. во Львовском УНКГБ украинцы составляли 27,5 % офицеров (русские – 63,8 %), то в 1951 г. в УМГБ региона 40 % руководящего и 41,5 % оперативного состава были украинцами, что усиливало братоубийственный характер конфликта[8].

Процесс противоборства советских оперативно-войсковых сил с ОУН и УПА можно условно разделить на три этапа[9]:

I этап, 1944–1946 гг.: в ходе массированных оперативно-войсковых операций (по типу «большая блокада» зимы 1945/1946 гг.) органов и войск НКВД (с привлечением значительных сил Красной армии) основные силы УПА потерпели поражение и перешли к тактике действий малыми группами в глубоком подполье;

II этап, 1947–1951 гг.: действия подполья направлялись на срыв советизации региона (прежде всего – диверсионно-террористическими методами), а их противник делал акцент на агентурно-оперативные методы розыска и ликвидации территориальных звеньев подполья («проводов») и «легальной сети» ОУН в сочетании с применением внутренних войск для масштабных операций;

III этап, 1951–1956 гг.: оперативно-розыскные мероприятия по ликвидации разрозненных организаций и участников подполья на фоне их спорадических вооруженных акций, а также проведение оперативных игр против зарубежных центров ОУН и их кураторов – спецслужб Англии и США.

---

[6] Отраслевой государственный архив (далее – ОГА) Службы безопасности Украины (далее – СБУ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 7.

[7] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 61. Л. 1.

[8] ОГА СБУ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Л. 198; Ф. 13. Д. 372. Т. 55. Л. 183.

[9] Подробнее эта проблема освещена в: Вєдєнєєв Д. В., Биструхін Г. С. Двобій без компромісів. Протиборство спецпідрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945–1980-ті роки. Київ: К. І.С., 2007.

Главными задачами советских правоохранительных органов и специальных войск выступали:

- создание агентурно-оперативных позиций в среде подполья и социальной базы его поддержки;
- разложение нелегальных организаций ОУН и склонение их участников к выходу с повинной;
- проведение оперативно-войсковых операций по розыску и ликвидации руководителей, «проводов», отдельных групп, типографий подполья;
- перехват каналов связи подполья с зарубежными центрами ОУН, создание в них собственных оперативных позиций;
- защита органов власти, объектов промышленности, коммуникаций от диверсионно-террористических атак подполья.

В 1944 – начале 1946 г. антиповстанческие операции проводились, как правило, методом окружения и прочесывания лесных массивов и горной местности Карпат. В 1944 г. провели 1883 операции, в 1945 г. – 6813. За этот период погибли 19 800 повстанцев (из них 433 командиров разных уровней), 17 962 попали в плен (732)[10].

До 1947 г. основным оперативным подразделением, осуществлявшим агентурно-розыскные действия против ОУН выступало созданное 1 декабря 1944 г. Главное управление по борьбе с бандитизмом (ББ) НКВД (параллельно этим же занимались контрразведывательные подразделения НКГБ), а в Украине, соответственно, Управление ББ НКВД УССР. К 1 октября 1946 г. оно включало три оперативных отдела (81 штатная единица), отделы информации; учета и контроля; по делам репатриации; по руководству истребительными батальонами (ИБ); радиосвязи, а также отделение оперативной установки[11]. Отделы ББ создавались в областных управлениях НКВД (имели агентурное и следственное отделения, отделение по руководству ИБ), отделения – в районных аппаратах. К июню 1946 г. по линии ББ в регионе работало 1300 оперработников[12]. По состоянию на 1 ноября 1946 г. агентурный аппарат МГБ в регионе насчитывал 644 резидента, 2249 агентов и 18 165 информаторов[13].

В первые послевоенные годы ОУН разработала эффективные тактические схемы по сохранению и приросту своих сил в новых условиях, создала широкую систему подпольных организаций и ячеек в легальных учреждениях, молодежную сеть, линии связи, развернуло «бункерную войну», активную пропагандистскую и террористи-

[10] ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 55. Л. 83.

[11] Там же. Т. 5. Л. 5–11.

[12] Там же. Т. 98. Л. 155.

[13] Там же. Ф. 2. Оп. 70. Д. 7. Л. 27.

ческую деятельность. По сути, власть не контролировала сельскую местность.

Для повышения эффективности противодействия ОУН, усиления координации деятельности основных звеньев антиповстанческой системы и устранения параллелизма в работе (и с санкции ЦК ВКП(б)) совместным приказом МВД–МГБ СССР № 0074/0029 от 21 января 1947 г. противодействие националистическому движению передали в компетенцию органов госбезопасности; им подчинили внутренние и пограничные войска, передали соответствующий агентурный аппарат и оперативные учеты (с октября 1948 г. – временно и милицию). Во 2-м Главном управлении МГБ СССР (контрразведка) учредили отдел 2–Н – координационное подразделение по борьбе с национализмом. В Украине функции борьбы с подпольем сосредоточили в Управлении 2–Н МГБ УССР во главе с заместителем главы ведомства. Он же, как правило, руководил и Оперативной группой МГБ во Львове – координационным центром антиподпольных мероприятий в регионе.

Органам госбезопасности УССР передали 1617 оперативных сотрудников, 17 945 единиц агентурно-информаторской сети, оперативные учеты на 12 714 участников ОУН и УПА, свыше 25 000 военнослужащих оперативных войск МВД, 35 000 бойцов ИБ. К 1947 г. на ЗУЗ сосредоточили 4 дивизии четырехполкового состава ВВ МГБ, 32-ю дивизию ВВ по охране железных дорог.

К 10 сентября 1949 г. Управление 2–Н (по штату 126 сотрудников) имело такие подразделения:

- 1-й отдел: розыск членов Центрального и краевых (межобластных) проводов ОУН в Украине;
- 2-й отд.: оперативная разработка проводов среднего и нижнего уровней, отдельных подпольных групп;
- 3-й отд.: учетно-информационный;
- 4-й отд.: радиосвязь и оперативная техника (включая изготовление и применение мин-ловушек, парализующего препарата «Нептун-47», радиосигнализационных аппаратов «Тревога»[14].

В составе КГБ УССР (с марта 1954 г.) борьбой с ОУН занималось 4-е (Секретно-политическое) управление, в составе которого противодействием национализму занимались:

- 1-й отдел: осуществлял оперативные мероприятия против ОУН (С. Бандеры) в Украине и за рубежом;
- 2-й отд.: вел агентурно-оперативную работу против ОУН (А. Мельника), других антисоветских украинских организаций за рубежом;

[14] ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 111. Д. 1. Т. 2. Л. 1–2.

• 3-й отд.: отвечал за организацию оперативных игр против зарубежных националистических центров и связанных с ними спецслужб иностранных государств;

• следственное и учетное отделения[15].

Как средство реагирования на тактические ухищрения подполья, с 1949 г. создавались временные оргструктуры: межобластные и межрайонные оперативные группы, оперативные секторы, укомплектованные оперативниками МГБ и подразделениями (гарнизонами) ВВ МГБ[16]. Для розыска лидеров подполья заводились централизованные оперативные разработки. Создавались межобластные оперативно-войсковые группы (ОВГ) с приданными им подразделениями ВВ и агентурно-боевыми группами. К марту 1949 г. действовало 593 ОВГ из 609 оперативников, и 294 офицера, 4378 солдат ВВ[17].

Эффективным средством разложения рядов подполья, проведения квалифицированных мероприятий по захвату, ликвидации и допросу руководящего состава ОУН являлись агентурно-боевые группы (АБГ) из перевербованных участников ОУН и УПА, их Службы безопасности. К 20 июня 1945 г. действовало 156 спецгрупп из 1783 боевика. С их помощью ликвидировали 1980, захватили 93 участников ОУН и УПА[18]. Со временем состав АБГ существенно сократили, оставив наиболее квалифицированных агентов. Это позволило имитировать в интересах оперативных игр целые территориальные проводы подполья.

Характерной чертой вооруженного конфликта стало систематическое нарушение сторонами норм права войны (международного гуманитарного права). Помимо незаконных репрессий и жестокого обращения с противником, сочувствующими повстанцам местными жителями («бандпособниками»), арестованными, введения де-факто института круговой поруки для населения советской стороной, повстанцы широко применяли показательный террор против некомбатантов, запугивание, пытки.

По советским данным, в 1944–1953 гг. украинские националисты совершили 14 424 акции, среди них – 4904 теракта, 195 диверсий, 645 нападений на государственные учреждения, колхозы, МТС, 359 вооруженных ограблений государственного и колхозного имущества. Среди жертв: представителей органов советской власти разных уровней – 2732; функционеров ВКП(б)–КПСС – 251; комсомоль-

---

[15] Там же. Ф. 13. Д. 372. Т. 55, 59.

[16] Там же. Ф. 2. Оп. 100. Д. 6. Л. 178.

[17] Там же. Ф. 11. Д. 9079. Т. 5. Л. 344.

[18] Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. Київ, 1994. Т. 2. С. 460–464.

ских работников – 207; председателей колхозов – 314; колхозников и крестьян – 15 355; рабочих – 676; представителей интеллигенции – 1931; детей, стариков, домохозяек – 860[19]. Следует учитывать, что эти данные далеко не полные. В частности, в 1944–1945 гг. учет погибших велся весьма фрагментарно, не установлена судьба многих граждан, уведенных в лес боевиками, тех, кто прибыл в Западную Украину на заработки или спасаясь от голода 1946–1947 гг.[20]

По данным КГБ УССР (1973 г.), в 1944–1953 гг. безвозвратные потери силовых структур в боях с ОУН и УПА составили: сотрудников НКГБ–МГБ – 687; органов внутренних дел – 1864; военнослужащих армии ВВ и ПВ – 3199; бойцов формирований самообороны – 2590 (к 1954 г. в группах охраны общественного порядка состояло 86 тыс. местных жителей)[21].

В результате описанных боевых действий западный регион Украины (население которого по польской переписи 1931 г. составляло 8,9 млн человек, 66 % – этнические украинцы) стал театром одного из наиболее кровопролитных и жестоких противостояний между властью и повстанческо-подпольным движением в истории XX столетия. Следует учитывать, что только в 1944–1953 гг. в регионе погибло или попало в плен 153 тыс. участников вооруженного подполья, вышло с повинной 77 тыс., было осуждено – около 86 тыс., депортировано жителей западного региона УССР – 203 тыс. От рук вооруженного подполья ОУН погибло, по минимальным подсчетам, свыше 30 тыс. военнослужащих, представителей компартии и власти, приезжих специалистов, представителей местного населения (из них свыше половины – крестьяне)[22]. Эти исторические обстоятельства и живучесть информационных клише периода «холодной войны» в сочетании с масштабными усилиями современных радикально-националистических сил целенаправленным информационно-идеологическим влиянием политических центров украинской диаспоры реанимировали аффективную память о том жестоком конфликте, превратив ее в деструктивный фактор политической жизни уже суверенной Украины.

---

[19] ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 103. Л. 1–3.

[20] Шевчук В. Украинская Повстанческая Армия // Политика и время. 1991. № 11. С. 83.

[21] См.: ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 103.

[22] Там же. Д. 490. Л. 197; Ф. 2. Оп. 26. Д. 2. Т. 2. Л. 9.

Л. Люкс

ПОЗДНИЙ СТАЛИНИЗМ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС (1941–1953 гг.)

Изучение сталинской политики по отношению к евреям, несмотря на частичное открытие восточноевропейских и российских архивов, все еще сталкивается с множеством загадок. Эта политика характеризуется явной амбивалентностью, которая особенно отчетливо дает о себе знать после начала войны Германии с Советским Союзом. С одной стороны советское руководство пыталось разыграть еврейскую карту: с этой целью в апреле 1942 г. был создан Еврейский антифашистский комитет. Он обратился с призывом к еврейским кругам на Западе поддержать борьбу Советского Союза против смертельного врага. В то же время кремлевское руководство приступило к чисткам антиеврейского характера с целью освободить некоторые советские органы от так называемого еврейского засилья. Подобная амбивалентность проявлялась и после победы над нацистским рейхом. Лишь в последние годы жизни Сталина его отношение к еврейскому вопросу потеряло двойственность и становилось все более однозначным. Этой эволюции сталинской политики я хочу посвятить статью.

22 июня 1941 г. – Сталин разыгрывает «еврейскую карту»

После нападения Гитлера на Советский Союз Сталин, по иронии истории, помимо своей воли превратился в спасителя как западных демократий, так и европейского еврейства. И новые англо-саксонские союзники и мировое еврейское общественное мнение очень быстро простили Сталину его флирт с Гитлером, начавшийся в августе 1939 г. Со своей стороны руководство Кремля начало использовать не только псевдодемократическую, но и филосемитскую риторику. 24 августа 1941 г. оно разрешило провести в Москве митинг видных представителей советского еврейства, который транслировался по радио. Собрание апеллировало ко всем евреям мира с призывом поддержать Советский Союз в борьбе за выживание.

Послание было услышано. Видные представители американского еврейства и евреев Палестины, среди которых были и острые

критики коммунистического режима, полностью согласились с этим призывом[1].

Еврейские критики большевизма руководствовались той же максимой, что и Черчилль, заявивший 22 июня 1941 г.: «Никто не был большим противником коммунизма, чем я в течение 25 лет. Однако все бледнеет перед событиями, которые теперь происходят... Нацистский режим... превосходит все формы человеческой подлости»[2].

Призывом ко всемирной еврейской солидарности советское руководство нарушало марксистскую аксиому, состоявшую в настойчивом отрицании факта существования еврейской нации. Советские идеологи признавали нациями только этнические группы, имевшие компактную область проживания. Но евреи не соответствовали этому критерию. Однако кремлевское руководство летом 1941 г. отбросило в сторону эту идеологическую тонкость. В час нужды оно даже было готово просить о помощи эту якобы не существовавшую нацию; нацию, которая подобно Папе Римскому не имела ни одной дивизии, но которая находилась под угрозой уничтожения и как никто другой стремилась, эффективно действуя своими средствами, противостоять нацистскому геноциду.

Но и советский режим летом 1941 г. находился в почти безвыходном положении. Казалось, что Советский Союз стоит на грани одного из самых больших военных поражений в новейшей европейской истории и перед своим окончательным крушением. В отчаянии Сталин цеплялся за каждую соломинку. И в качестве одной из таких спасительных соломинок ему служило еврейство как непримиримый противник нацизма.

В это время возникла идея создания Еврейского антифашистского комитета в СССР (ЕАК)[3]. Ее авторами считаются два польских социалиста еврейского происхождения – В. Альтер и Х. Эрлих. Эти ведущие функционеры еврейской рабочей организации «Бунд» были арестованы вскоре после советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 г. Сразу после начала германо-советской войны они даже были приговорены к смертной казни, но через несколько недель, 12–13 сентября 1941 г., их освободили[4]. Из политических заключенных они

---

[1] Gilboa J. The Black Years of Soviet Jewry 1939–1953. Boston, 1971. C. 59.

[2] Churchill W. Der Zweite Weltkrieg. Bern, 1951. T. 3. C. 442.

[3] См. об этом: Gilboa J. Op. cit.; Redlich S. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia. The Jewish Antifascist Committee in the USSR 1941–1948. Boulder, 1982; Pinkus B. The Jews in the Soviet Union. Cambridge, 1988; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. М., 1994; Редлих Ш., Костырченко Г. В. Еврейский антифашистский комитет в СССР. Документированная история. М., 1996. С. 13.

[4] Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 15; Костырченко Г. В. В плену... С. 27–29.

превратились для советских функционеров в признанных партнеров по переговорам. В октябре 1941 г. они направили Сталину письмо следующего содержания: «Никогда еще цивилизованное человечество не стояло перед лицом такой опасности, как сейчас: Гитлер и гитлеризм стали смертельной угрозой для всех завоеваний человеческой культуры, для независимости всех стран и для мира всех народов... Гитлер стремится поработить всех без исключения – страны и народы. Однако евреи – это те, кого он преследует с особой свирепостью. Видимо, его цель состоит в уничтожении всего еврейского народа. Поэтому понятно, почему еврейские массы должны участвовать в битве против гитлеризма с особой энергией и духом самопожертвования»[5]. После этого вступления авторы письма просили Сталина разрешить создание на советской территории еврейского комитета борьбы против гитлеризма.

Через несколько недель, 3 декабря 1941 г., Альтер и Эрлих, к их полному удивлению, были снова арестованы. Сталинское государство, которое еще незадолго до этого высказывалось псевдодемократически, вновь проявило свою истинную сущность. Аргументы, которые теперь приводило советское руководство в связи с арестом обоих польско-еврейских социалистов, были схожи с теми, которые в 1936–1938 гг. применялись во время показательных процессов. Альтер и Эрлих, рассматривавшие борьбу против нацизма как дело всей своей жизни, обвинялись в шпионаже в пользу «третьего рейха». Так, они будто бы призывали советские войска к немедленному прекращению борьбы против фашистской Германии[6].

Пикантность ситуации состояла в том, что этот абсурд сообщил западной общественности бывший государственный обвинитель на московских показательных процессах 1936–1938 гг. А. Я. Вышинский, в 1941 г. занимавший должность заместителя наркома иностранных дел[7].

Почему же на самом деле были устранены оба еврейско-польских социалиста? Знатоки этой тематики Ш. Редлих и Г. В. Костырченко полагают, что Эрлих и Альтер были готовы ради достижения своей цели пойти на союз со Сталиным, но при этом они ни в коем случае не желали отказываться от самостоятельности[8].

Своими независимым выступлениями Эрлих и Альтер подтверждали традиционные предубеждения, существовавшие в России по от-

[5] Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 22–23.

[6] Там же. С. 19; Костырченко Г. В. В плену... С. 29.

[7] Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 20.

[8] Там же. С. 18.

ношению к польской элите, считавшейся упрямой, надменной и своевольной. Сталин полностью разделял эти предрассудки[9].

Эрлиху и Альтеру наряду с их социал-демократическими убеждениями помешало их польское (пока еще не еврейское) происхождение: разыгрывание Сталиным еврейской карты и после второго ареста обоих социалистов было еще впереди. Однако советский диктатор был в состоянии отделять идеи от их создателей. Нередко он использовал и программы своих оппонентов. Последние уничтожались как «враги народа», но их идеи продолжали жить. Это случилось и с идеей Эрлиха и Альтера. Через 12 дней после второго ареста обоих политиков руководитель Государственного еврейского театра в Москве народный артист СССР С. М. Михоэлс получил телеграмму, подписанную членом ЦК Лозовским: «Вы утверждены председателем Еврейского антифашистского комитета»[10]. Теперь советские евреи, а не упрямые поляки, должны были взять на себя руководство комитетом. Официальное основание комитета произошло лишь через четыре месяца после назначения Михоэлса его председателем. Эта деталь также указывает на то, что московское руководство было готово одобрить лишь бюрократически расписанную разновидность «еврейской инициативы».

Ответственный секретарь ЕАК Эпштейн в феврале 1943 г. так определял главную цель комитета: «Основная цель Еврейского антифашистского комитета была и остается мобилизовать и активизировать еврейские массы во всем мире на борьбу против фашизма»[11].

Однако эта направленная исключительно за границу деятельность не удовлетворяла многих членов комитета. К самым острым критикам такой «минималистской» политики принадлежал писатель Илья Эренбург, незадолго до этого вновь открывший для себя еврейское самосознание[12].

После начала германо-советской войны проникновенные статьи Эренбурга являлись действенным оружием советской пропаганды. Популярность писателя тогда достигла апогея и приносила ему определенную независимость. Свою особую позицию он использовал для объявления «минималистам» в ЕАК открытой борьбы. Он настаивал

---

[9] См.: Райский Н. С. Вторая мировая война и судьбы польских военнопленных // Отечественная история. 1995. № 4. С. 136–144; Voslensky M. Das Geheime wird offenbar. Moskauer Archive erzaehlen. 1917–1991. Muenchen, 1995. С. 29–35; Лебедева Н. Агрессия и геноцид в «польской» политике Сталина (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) // Dzieje Najnowsze. 1996. № 1. С. 111–117.

[10] Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 56. См. также: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 236.

[11] Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 73.

[12] Там же. С. 46.

на перенесении акцента в работе ЕАК, что казалось еретическим для его более осторожных оппонентов. Просветительская деятельность ЕАК, по мнению Эренбурга, должна была быть в первую очередь направлена не наружу, а вовнутрь – против все более усиливавшегося антисемитизма в Советском Союзе. На заседании Совинформбюро Эпштейн привел следующее высказывание Эренбурга: «Ради пропаганды против фашизма среди евреев за рубежом нечего было создавать ЕАК, ибо евреи меньше всего нуждаются в антифашистской пропаганде, главная задача ЕАК должна заключаться в борьбе против антисемитизма у нас в стране»[13].

Особенно раздражало советских евреев распространенное в стране мнение о том, что евреи якобы «укрываются» от фронта[14].

Чтобы противостоять этим слухам, некоторые члены ЕАК во главе с Эренбургом готовили издание «Красной книги», призванной документировать вклад евреев в войну[15]. Многие евреи с гордостью апеллировали к статистике, опубликованной в газете «Красная Звезда» в начале 1944 г. Здесь называлось число солдат-фронтовиков, награжденных с начала войны до 1 января 1944 г. боевыми наградами. Евреи занимали здесь четвертое место[16], хотя по данным на 1939 г. они в количественном соотношении с другими народами СССР были лишь на седьмом месте[17].

Рассерженный слухами о «трусости» евреев, Эренбург писал в ноябре 1942 г.: «Когда-то евреи мечтали об обетованной земле. Теперь у евреев есть обетованная земля: передний край»[18]. Однако возмущение Эренбурга, евреев-фронтовиков и их семей мало помогало. Представление о «еврее, прячущемся от фронта» прочно укоренилось в обывательском сознании.

Не только тезис о том, что «евреи не воевали» вызывал раздражение советских евреев. С недоумением они реагировали на то, как в советских средствах массовой информации сообщалось об убийствах евреев нацистами. Хотя злодейства фашистских оккупантов на советской территории подробно описывались в официальной прессе, она при этом крайне редко указывала на особый характер еврей-

---

[13] Там же. С. 327.

[14] Советские евреи пишут Илье Эренбургу. Иерусалим, 1993. С. 160, 276–277; Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 72. Сталин в доверительных беседах тоже говорил о том, что евреи якобы плохие солдаты: Silberener E. Kommunisten zur Judenfrage. Zur Geschichte von Theorie und Praxis des Kommunismus. Opladen, 1983. С. 129.

[15] Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 218.

[16] Там же. С. 135.

[17] Simon G. Nationalismus und Nationalitaetenpolitik in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1986. С. 422.

[18] Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 56.

ской трагедии. Как отмечает российский историк Л. А. Безыменский, председатель комиссии по расследованию нацистских преступлений Н. М. Шверник направил главе Агитпропа ЦК Г. Ф. Александрову «для получения одобрения для печати» сообщение о зверствах фашистских оккупантов в Киеве. Александров сделал ряд редакционных исправлений, суть которых сводилась к тому, что из текста были вычеркнуты упоминания о евреях. Слово «евреи» было заменено выражением «мирные граждане». С тех пор формулировка «мирные граждане» постоянно фигурировала в советских документах, когда речь шла об уничтожении нацистами евреев[19].

Для противодействия тенденции к замалчиванию еврейской трагедии ЕАК вскоре после своего образования начал собирать документы о холокосте. Они должны были лечь в основу так называемой «Черной книги»[20].

Почему же советские средства массовой информации так скупо и лишь эпизодически сообщали о еврейской трагедии? Некоторые авторы пытаются так ответить на этот вопрос: не было повода считать, что эта тактика умолчания «отражает активный антисемитизм» советского руководства, так в 1952 г. отмечал американский историк С. Шварц. В этой позиции отражалась скорее уступка для «антисемитизма снизу»[21].

Документы, которые лишь недавно стали доступны историкам, подрывают этот тезис: «активный антисемитизм» начинал уже в 1942 г. по меньшей мере в нескольких областях влиять на образ действий советского руководства. Таким образом, антиеврейские тенденции в политике режима начались не после победы над «третьим рейхом», как считали исследователи до недавнего времени, а значительно ранее. Документы, которые в 1942–1943 гг. разрабатывались в отделе пропаганды ЦК, однозначно говорят об этом.

Новые веяния

Уже летом 1942 г. Г. Ф. Александров составил памятную записку, в которой критиковал «еврейское преобладание» в некоторых учреждениях культуры и требовал провести «обширную чистку» по «расовому принципу»: «В течение ряда лет во всех отраслях искусства из-

---

[19] Bezymensky L. Was das Sowjetvolk vom Holocaust wusste? Der Spaetstalinismus und die juedische Frage. Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus / Hrsg. L. Luks. Koeln, 1998. С. 77–80; Костырченко Г. Тайная политика... С. 226–227; Gruener F. Patrioten und Kosmopoliten. Juden im Sowjetstaat. Koeln, 2008. С. 426.

[20] Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 238.

[21] Шварц С. Антисемитизм в Советском Союзе. New York, 1952. С. 186.

вращалась национальная политика партии. В управлениях Комитета по делам искусств и во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)... Комитет по делам искусств целиком передоверил этим людям, нередко чуждым русскому искусству, подбор и выдвижение кадров. В результате во многих учреждениях русского искусства русские люди оказались в нацменьшинстве»[22]. Основы кампании против космополитов, которая началась примерно через шесть лет, здесь уже были заложены. Уже в 1942 г. евреев называли «национальными нигилистами» и «разрушителями русских культурных ценностей», которые не могут постичь русской сущности. Призыв к русскому патриотизму, который должен был помочь сталинскому режиму в борьбе за выживание, начиная уже с 1942 г. содержал в себе элементы антисемитизма.

Таким образом, еще до конца войны с нацистской Германией в Советском Союзе начинала складываться тенденция к спасению мира, прежде всего не с помощью пролетарской, а с помощью русской идеи. Так что часто цитируемый тост Сталина за русский народ, как самую выдающуюся среди всех советских народов нацию, произнесенный 24 мая 1945 г., имел предысторию[23].

После победы над нацистской Германией пропагандистская миссия ЕАК была выполнена. Время обращения к «еврейским братьям» во всем мире, независимо от их классовой принадлежности, закончилось и для ЕАК. Комитет теперь постоянно критиковался за свои «националистические заблуждения» и пренебрежение марксистским учением о классовой борьбе[24].

Объявление борьбы советского руководства с так называемым «еврейским национализмом» стало злым роком и для издания «Черной книги»[25].

Книгу не было позволено издать в СССР и она была спрятана в сейфах Лубянки вплоть до горбачевской перестройки.

Какую же крамолу обнаружили хранители чистоты советской идеологии в этом документе? Приведем оценку книги, данную Александровым в феврале 1947 г.: «Красной нитью по всей книге проводится мысль, что немцы грабили и уничтожали только евреев. У читателя невольно создается впечатление, что немцы воевали против

---

[22] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 123. Л. 21–23; Костырченко Г. В. Тайная политика... С. 259–262.

[23] Цит. по: Die Sowjetunion von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod / Hrsg. H. Altrichter. T. 1. Muenchen, 1986. C. 325.

[24] Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 336–344.

[25] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 438. Л. 221.

СССР только с целью уничтожения евреев»[26]. Так острое восприятие народом собственной боли выдавалось советскими пропагандистами за проявление «еврейского национализма».

Чем больше советское руководство склонялось к прославлению русской нации, тем более жестко оно выступало против «националистических заблуждений» нерусских народов СССР. Разумеется, евреи не были исключением. Все другие «младшие братья» старшего народа-гегемона должны были убедиться в том, что почти беспрепятственная пропаганда русского национализма совместима с марксистским интернационалистским учением; однако осознание нерусскими народами их собственных традиций считалось предосудительным и подлежащим искоренению проявлением «буржуазного национализма».

Парадоксы «борьбы с космополитизмом»

Сталинское руководство теперь однозначно стремилось к восстановлению положения, которое существовало в стране перед войной. Ссылки на происки американского и английского империализма, жаждавшего войны и разрушения государства диктатуры пролетариата, должны были лишь узаконить это стремление. Разумеется, лозунги классовой борьбы 30-х гг. утратили свою прежнюю притягательную силу. Во время германо-советской войны борьба, прежде всего, шла за защиту своего Отечества. При поиске угрозы, призванной оправдать реставраторский курс режима, теперь, после войны, сталинское руководство пыталось учесть увеличившееся значение национального фактора. Новый противник должен был угрожать не только основам социализма, но и сущности русскости, быть олицетворением всего того, что чуждо русским: недостаточной национальной гордости, приятия иностранных ценностей, двурушничества, малодушия и жажды власти. Под такой образ врага постепенно подгонялись обывательские представления о евреях. Антисемитизм, который с 1942 г. лишь подспудно влиял на политику советского руководства, стал принимать характер официального курса. Этот поворот начался с провокационного убийства национального символа советского еврейства – Михоэлса. Устранение руководителя ЕАК, который слыл человеком своевольным и трудно управляемым, имело для Сталина столь важное значение, что он лично дал соответствующее указание министру госбезопасности СССР В. С. Абакумову. Об этом сообща-

[26] Там же. Л. 216–218; Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. М., 2005. С. 103–105.

ли как Абакумов, так и дочь Сталина Светлана, которая случайно присутствовала при беседе своего отца с главой МГБ[27].

Заказ был выполнен 13 января 1948 г. в Минске, где Михоэлс находился в командировке. Абакумов вспоминал: «Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено И. В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано»[28].

Однако отметим, что сталинская политика в отношении евреев и после убийства Михоэлса оставалась амбивалентной. Она содержала противоречия, которые даже сегодня, несмотря на частичное открытие архивов, остаются необъяснимыми. Это, например, касается отношения Москвы к сионизму. Весной 1947 г. Москва изменила свою радикальную антисионистскую позицию и начала активно выступать в поддержку создания еврейского государства в Палестине[29].

Когда члены Арабской Лиги напали на возникшее в мае 1948 г. еврейское государство, Москва подвергла их действия острой критике. Союзник Москвы Чехословакия в 1948 г. срочно поставила в Израиль необходимое вооружение. Евреи из зависимых от Советского Союза государств Восточной Европы могли относительно свободно выехать в Израиль. Примерно 300 тыс. из них в 1948–1952 гг. переселились в еврейское государство[30]. Только из СССР эмиграция в Израиль была практически запрещена.

Поддерживая Израиль, Сталин пытался ослабить англо-американские позиции на Ближнем Востоке, который стал дополнительной ареной конфликта Запада и Востока. Западные державы действительно опасались того, что Москве удастся превратить Израиль в союзника. Они использовали все свое влияние как на Израиль, так и на Чехословакию, чтобы сорвать этот опасный для них союз[31].

Основание государства Израиль вызвало беспрецедентный восторг советских евреев. Даже преданные делу партии коммунисти-

---

[27] Allilujewa S. Das erste Jahr. Wien, 1969. C. 141.

[28] Борщаговский А. М. Обвиняется кровь: Документальная повесть. М., 1994. С. 6; Vaksberg A. Stalin against the Jews. New York, 1994. C. 180; Вовси-Михоэлс Н. С. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели. Тель-Авив, 1984. С. 243–251; Костырченко Г. Тайная политика. С. 388–395.

[29] Dagan A. Moscow and Jerusalem. Twenty Years of Relations between Israel and the Soviet Union. London, 1970. C. 24–35; Krammer A. The Forgotten Friendship. Israel and the Soviet Bloc 1947–1953. Urbana, 1974; Brod P. Die Antizionismus und Israelpolitik der UdSSR. Voraussetzungen und Entwicklungen bis 1956. Baden-Baden, 1980.

[30] Шехтман И. Советская Россия, сионизм и Израиль – Евреи в Советском Союзе 1917–1967. Иерусалим, 1975. С. 93.

[31] Krammer A. The forgotten Friendship. Israel and the Soviet Bloc 1947–1953. Urbana, 1974. C. 118, 123.

ческие функционеры еврейского происхождения заразились этим чувством, проявлять которое, как им казалось, позволяла произраильская политика Москвы[32].

Советские евреи посылали в ЕАК множество писем, в которых спрашивали, как можно выехать в Израиль или помочь ему. 16 октября 1948 г. народ, собравшийся перед московской синагогой в связи с еврейским новогодним праздником, с восторгом встретил приветствие израильского посла[33]. Тысячи евреев приняли участие в этой стихийной демонстрации и тем самым нарушили основный принцип сталинизма, допускавшего лишь те проявления «стихийности», которые разрешались и управлялись сверху. Последняя неразрешенная демонстрация состоялась в Москве 7 ноября 1927 г. Это была контрдемонстрация, организованная троцкистской оппозицией по поводу десятой годовщины Октябрьской революции. Но тогда сталинская система, не допускавшая никакой личной инициативы, находилась в стадии становления, контрольные механизмы еще не были столь всеохватывающими, какими они стали через двадцать лет. Тем большее раздражение на советском властном Олимпе вызвали события у синагоги 16 октября 1948 г. И это несмотря на тот факт, что произраильская демонстрация московских евреев никоим образом не противоречила тогдашнему официальному курсу правительства. Но она была стихийной и поэтому «подрывной» в глазах власть имущих.

Испуганное руководство ЕАК пыталось отмежеваться от всех этих процессов[34]. Но все эти заверения в верности мало помогали. Решение Сталина ликвидировать ЕАК и начать открытый поход против евреев давно уже созрело, о чем однозначно свидетельствовало убийство Михоэлса.

Таким образом, советское руководство одновременно проводило две диаметрально противоположные политические линии. С одной стороны, в отношении к Израилю оно открыто разыгрывало еврейскую карту, с другой стороны, внутри страны проводило радикальный антиеврейский курс, постепенно перераставший в открытую конфронтацию со всеми евреями.

20 ноября 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение немедленно распустить ЕАК, т. к., «как показывают факты, этот Коми-

---

[32] Rapoport L. Hammer, Sichel, Davidstern. Judenverfolgung in der Sowjetunion. Berlin, 1992. S. 129; Krammer A. Op. cit. C. 127.

[33] Rapoport L. Op. cit. C. 126; Krammer A. Op. cit. P. 124; Шехтман И. Указ. соч. С. 94.

[34] Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 305.

тет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки»[35].

Ведущие деятели ЕАК в конце 1948 – начале 1949 г. были арестованы. Сталинская антиеврейская кампания достигла ранее невиданных размеров. Начатая после войны так называемая борьба с космополитами получила теперь почти исключительно антиеврейскую направленность. В передовой статье «Правды» от 28 января 1949 г. «космополиты» сравнивались с паразитами, стремящимися уничтожить все здоровое, что есть в мире[36]. Сходство с лексикой нацистов было несомненным.

По-видимому, начатая в январе 1949 г. кампания борьбы с «космополитами» должна была пропагандистски подготовить показательный процесс против видных представителей советского еврейства. Почти все арестованные члены ЕАК после соответствующей «обработки» органами МГБ уже весной 1949 г. «сознались»[37]. Советские люди, наученные опытом 30-х гг., ждали теперь первого послевоенного показательного процесса. Сценарий для него был уже написан и ничто не мешало его осуществлению. Но вдруг кремлевский деспот скомандовал отбой. Почему он дал эту команду – загадка как для современников, так и для исследователей. Можно лишь вновь убедиться в том, что Сталин был в состоянии дозировать и контролировать ненависть к евреям. Так, уже через несколько месяцев после начала антисемитской кампании в прессе, он приказал снова ее ограничить. Сталин выступил против и сегодня популярного среди антисемитов метода раскрытия русских псевдонимов некоторых еврейских интеллектуалов и политиков. Писатель А. А. Фадеев сообщал о высказывании Сталина, равносильном приказу: «Раскрытие литературных псевдонимов недопустимо. Это пахнет антисемитизмом»[38].

---

[35] Там же. С. 371. См. также: Сталин и космополитизм. С. 193–195. В это же время советское руководство приступило к массовому уничтожению еврейской культуры на идиш – разговорном языке восточноевропейских евреев. Театры были закрыты, прекратилось издание всех, за редчайшим исключением, газет, журналов и книг на идиш (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 239. Л. 1, 3–8, 22, 23). См. также: Gilboa J. Op. cit.; Сталин и космополитизм. С. 263–266, 330, 331, 346.

[36] См.: Сталин и космополитизм. С. 10–15, 222–262, 268–274, 282–298; Костырченко Г. В. Тайная политика. С. 332–333.

[37] О так называемом «Деле еврейского антифашистского комитета» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 38; Наумов В. П. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел: Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М. 1994; Борщаговский А. М. Указ. соч.

[38] Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Кн. 5, 6. М., 1966. С. 456; Костырченко Г. В. Тайная политика. С. 346.

Произошедшее весной 1949 г. изменение курса советского руководства было сразу же замечено как в стране, так и за ее пределами[39].

Ожидавшийся в начале 1949 г. процесс против членов ЕАК состоялся только в середине 1952 г. Все это время органы госбезопасности были заняты другими делами: «консультанты» из МГБ активно участвовали в подготовке и проведении показательных процессов против «титоистов» в Венгрии (процесс Райка в октябре 1949 г.) и в Болгарии (процесс Костова в декабре 1949 г.). Но особенно интенсивно с начала 1949 г. они фабриковали «Ленинградское дело», которым кремлевское руководство открывало второй внутриполитический фронт. Теперь в Кремле боролись не только против «космополитизма», т. е. против евреев, но и против «русского шовинизма», якобы пропагандируемого «ленинградской фракцией» в партии[40].

Финал

После завершения «Ленинградского дела» Сталин смог вновь заняться еврейским вопросом. Вероятно, начатая в январе 1949 г. антисемитская кампания была для него разновидностью эксперимента с целью установить, как советские люди будут реагировать на приобщение к некоторым элементам нацистской идеологии. К той самой идеологической доктрине, победа над которой стоила стране 27 млн человеческих жизней. Трудно сказать, был ли Сталин доволен результатами этого эксперимента. Но ясно одно: Кампания борьбы против космополитов 1948–1949 гг., которая сняла табу с антисемитизма, была лишь словесным прологом ко второму, на сей раз намного более жестокому сталинскому походу против евреев в 1951–1952 гг. Этот поход начался после смены руководства органов госбезопасности, истинные причины которой до сих пор не совсем ясны. В июле 1951 г. министр МГБ Абакумов, с 1946 г. преданно служивший Сталину на этом посту, был снят с должности и арестован. В чем же обвиняли Абакумова? В первую очередь в недооценке «еврейской опасности»[41].

С лета 1951 г. в Москве разрабатывался сценарий грядущего «дела врачей». Наступление Сталина на евреев, приостановленное весной 1949 г., было в 1951–1952 гг. возобновлено и развернуто по

---

[39] Шварц С. Указ. соч. С. 225. См. также: Штейн А. Как я был космополитом // Вопросы литературы. 1994. С. 214–219.

[40] О так называемом «Ленинградском деле» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 126–135; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. М., 2002. С. 7, 66–70, 278–301, 306–311.

[41] 1951-й: ЦК ВКП(б) и МГБ // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 90–93; Костырченко Г. В. Тайная политика. С. 634.

всему фронту. Дочь Сталина Светлана сообщала о тогдашнем настроении отца: «Антисемитизм... постепенно превратился из политической ненависти в чувство расовой ненависти ко всем евреям без исключения»[42].

Член президиума ЦК В. А. Малышев 1 декабря 1952 г. записал в своем блокноте слова Сталина: «Любой еврей – националист, это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США... Среди врачей много евреев-националистов»[43].

В мае 1952 г. в Москве военный трибунал начал закрытый процесс против арестованных в 1948–1949 гг. членов ЕАК. Председателю суда А. Чепцову еще до начала слушания дела было сообщено о решении Политбюро: 13 из 14 обвиняемых следовало приговорить к смерти[44]. В августе 1952 г. названные Политбюро лица были казнены.

Почему этот процесс не проводился открыто? Некоторые авторы считают, что из-за мужественного поведения большинства обвиняемых. Они на суде отказались от признаний, к которым были принужденны после ареста[45]. Однако этот тезис не является достаточно убедительным. Сталинские специалисты по террору в течение нескольких десятилетий доказывали, что они были в состоянии принудить почти каждого обвиняемого к самооговорам и ложным показаниям, тем более на открытых процессах. Вероятно, Сталин отказался от показательного процесса над членами ЕАК по другим причинам: он не считал «дело ЕАК» достаточно крупным, чтобы вызвать сильный резонанс. В большинстве своем обвиняемые были еврейскими писателями или функционерами среднего звена, которые едва ли были известны в стране. Единственное исключение представлял член ЦК Лозовский. Однако этого было мало, чтобы убедить население в существовании колоссальной «еврейской опасности». Совершенно иначе дело обстояло с «убийцами в белых халатах». В 1951 г. в СССР было 35 тыс. врачей-евреев[46]. Они намного лучше, чем горстка евреев-интеллектуалов из ЕАК подходили на роль объекта коллективной ненависти.

---

[42] Allilujewa S. Op. cit. C. 155.

[43] Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 140–141: Политбюро ЦК ВКП(б). С. 394.

[44] О так называемом «Деле еврейского антифашистского комитета»...; Наумов В. П. Неправедный суд; Костырченко Г. В. В плену... С. 147–150; Gruner F. Patrioten und Kosmopoliten. C. 452–483.

[45] Борщаговский А. М. Указ. соч.; Борщаговский А., Ришина И. Как писатели антисемитами работали // Литературная газета. 27.X.1993; Редлих Ш., Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 393; Вовси-Михоэлс Н. С. Указ. соч. С. 215.

[46] Rapoport L. Op. cit. C. 154.

В отличие от 1949 г., в 1951–1952 гг. Сталин не ограничил поход против евреев территорией Советского Союза. Он распространил его на всю сферу своего влияния. В конце 1952 г. в странах восточного блока состоялся первый показательный антисемитский процесс. Он был направлен против бывшего генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Р. Сланского и других представителей пражского руководства. Еврейское происхождение большинства обвиняемых многократно подчеркивалось во время судебного разбирательства. Сланскому инкриминировалась «поддержка разрушительной деятельности сионистов». 11 обвиняемых были приговорены к смерти и казнены[47].

Сталин интересовался всеми подробностями как «дела Сланского», так и «дела врачей» и давал указания по их режиссуре. Пражский историк К. Каплан с полным основанием характеризовал «дело Сланского» как советский процесс, так велика была в его подготовке роль советских консультантов и находившегося в Москве центра, т. е. Сталина. Из Москвы пришло распоряжение о придании будущему процессу почти исключительно «антисионистского» характера. Не американский империализм, не троцкизм, не титоизм, а мировой сионизм объявлялся теперь главной опасностью[48].

Сценарий показательного процесса против кремлевских врачей был в основном также подготовлен Сталиным. Он ежедневно читал протоколы допросов, требовал больше жесткости, чтобы заставить арестованных врачей признаться[49]. Об этом Хрущёв говорил в секретном докладе на XX съезде КПСС[50].

---

[47] Das unterdrueckte Dossier. Bericht der Kommission des ZK der KPTsch ueber politische Prozesse und «Rehabilitierungen» in der Tschechoslowakei 1949–1968. Wien, 1970; Kaplan K. Die politischen Prozesse in der Tschechoslowakei 1948–1954. Muenchen, 1984; Osers J. Spezifika des Slansky-Prozesses in der SR im Vergleich mit den anderen Schauprozessen in Osteuropa. Kommunisten verfolgen Kommunisten / Hrsg. G. Weber u a. Berlin, 1993. S. 459–469.

[48] Kaplan K. Der politische Prozess gegen Rudolf Slansky. Vortrag im Rahmen des Symposiums «Der Spaetstalinismus und die juedische Frage» an der Katholischen Universitaet Eichstaett; Bonwetsch B. Die Sowjetisierung Osteuropas. Moskaus Politik im Interpretationswandel. Kommunismus und Osteuropa. Konzepte, Perspektiven und Interpretationen im Wandel / Hrsg. E. Schmidt-Hartmann. Muenchen, 1994. S. 85–89.

[49] Симонов К. М. Глазами человека моего поколения (Размышления о И. В. Сталине) // Знамя. 1988. № 4. С. 114; Костырченко Г. В. В плену. С. 321–325; Политбюро ЦК ВКП(б). С. 392–397; Gruener F. Patrioten und Kosmopoliten. S. 489–501; см. также: Дымерская-Цигельман Л. Незабываемый 1953-й // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2005. № 1.

[50] Хрущёв Н. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях». Лондон, 1986. С. 86.

Некоторые авторы видят в «деле врачей» в первую очередь предлог для основательной «чистки» советской правящей элиты[51]. При нагнетании кампании ненависти по отношению к врачам давалось понять, что эти заговорщики имели сообщников в высших партийных сферах.

Было ли «дело врачей» всего лишь явлением, сопровождавшим борьбу за власть в ближайшем окружении кремлевского деспота, как это иногда утверждается? Конечно, нет. Сталинский поход против евреев имел собственную внутреннюю логику, выяснение которой все еще связано с большими трудностями. Складывается впечатление, что Сталин в конце жизни потерял характерную для него осторожность, практически прекратил маневрировать, шел напролом к своей цели. Вероятно, он боялся не успеть свершить задуманное. Кроме того, он был невысокого мнения о своих потенциальных преемниках. После ареста кремлевских врачей он обратился к членам Политбюро со следующими словами, цитируемыми Хрущёвым в секретном докладе на XX съезде партии: «Вы слепы, как новорожденные котята; что будет без меня? Страна погибнет, потому что вы не умеете распознавать врагов»[52].

Как часто бывало в прошлом, в 1952–1953 гг. Сталин одновременно сражался на нескольких фронтах. В 30-е гг. он сломал хребет не только советскому крестьянству, но и интеллигенции, партии и армии. Теперь он одновременно боролся как против евреев, так и против «старой сталинской гвардии». Вероятно, последний противник и стал для него роковым. Так как он имел дело не с «беспомощными юнцами», а с опытными подельниками, которые десятилетиями поддерживали его практику массовых убийств. Авторханов называет их «духовными двойниками Сталина»[53]. Этот исследователь также придерживается мнения, что Сталин пал жертвой заговора Берии[54]. Это предположение подтверждается Молотовым. «Берия был коварный, ненадежный. Да просто за свою шкуру он мог. Тут клубок очень запутанный. Я тоже держусь такого мнения, что он умер не своей смертью. Ничем особенным не болел. Работал все время... Живой был, и очень»[55]. Вскоре после смерти Сталина Берия якобы сказал Молотову: «Его (Сталина. – *Л. Л.*) убрал я. Я вас всех спас...»[56]

---

[51] Авторханов А. Технология власти. Frankfurt a./M., 1976. С. 495.

[52] Хрущёв Н. Доклад... С. 87.

[53] Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Frankfurt a./M., 1976. С. 2.

[54] Там же; см. также: Политбюро ЦК ВКП(б). С. 13.

[55] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 476–477.

[56] Шейнис З. Провокация века. М., 1992. С. 123.

Подробное обсуждение вопроса, умер ли Сталин естественной смертью, выходит за рамки нашей статьи. Но ясно одно: эта смерть спасла жизнь не только тысячам советских евреев, но и многим представителям власть имущей олигархии.

Выявилось, как тесно сталинская система была связана с личностью своего создателя и как мало было у нее шансов пережить его. Уже через несколько недель после смерти Сталина атмосфера в СССР начинала основательно меняться. 4 апреля 1953 г. новые московские власти прекратили «дело врачей», объявив его провокацией бывшего руководства органов госбезопасности.

Тем не менее советский режим, вопреки сравнительно благополучному исходу «дела врачей», до конца своего существования так и не избавился от проявлений антисемитизма, оставшихся со времен позднего сталинизма.

Ю. З. Кантор

РЕСОВЕТИЗАЦИЯ ПРИБАЛТИКИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАДРЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС (1944–1953 гг.)

Освобождение Прибалтики от нацистов поставило руководство СССР перед необходимостью ее немедленной и всеобъемлющей ресоветизации. Причем, в отличие от 1940 г., теперь пребывание Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР уже не вызвало неприятия (во всяком случае открытого) на Западе: «прибалтийский вопрос» не поднимался союзниками ни на Тегеранской конференции в 1943 г., ни на Ялтинской в 1945г.[1] Запад признал за Советским Союзом право на Прибалтику де-факто, «по умолчанию», тем самым отказавшись от своей предвоенной риторики по этой теме. В Восточной Европе, по понятным причинам, ответ на вопрос о легитимности пребывания Прибалтики в составе СССР не мог не быть положительным. Заслуженно возросший авторитет СССР, статус победителя, понесшего наибольшие жертвы и выдержавшего наибольшие же тяготы войны (этот факт в первые послевоенные годы не оспаривал никто из союзников или нейтральных государств), ореол освободителя мира от «коричневой чумы», заставил зарубежные элиты во многом принять предложенные Москвой правила игры на международной арене. Потсдамская конференция 1945 г., подтвердившая целостность границ СССР на 22 июня 1941 г. и неоспоримость послевоенных границ, исключила любые юридические и общественно-политические «неувязки» в отношении республик Прибалтики и их принадлежности к Союзу ССР[2]. Внутри же советского государства этот вопрос не ставился под сомнение априори.

---

[1] См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 6 т. М.: Политиздат, 1984. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.); Ялта-45. Начертания нового мира: Документы и фотографии из личного архива Сталина. М.: Вече, 2010.

[2] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. VI. Берлинская конференция

Освобождение от нацистской оккупации избавило народы Прибалтики от неизбежной «германизации» – «растворения» в «арийской» среде или уничтожения, а языки и культуры этих народов от полного исчезновения. Литва, Латвия и Эстония как республики восстановили свои собственные границы, в целом совпадающие с границами довоенных прибалтийских государств, а в случае Литвы с существенным приращением территории – впервые в истории в ее состав вошли Вильнюс и Клайпеда (Мемель). Закономерно относясь к Литве, Латвии и Эстонии, как другим республикам, и столь же закономерно не собираясь делать для них каких-либо значительных исключений из общего правила, союзное руководство санкционировало проведение здесь социально-политических и экономических мероприятий, характерных для других регионов, переживших оккупацию. Помимо этих мероприятий, в Прибалтике было не обойтись и без специфических действий – как практических, так и юридических. Причем действий (отнюдь не только карательных). Советской власти в новых, «приобретенных» за год до начала Великой Отечественной войны, республиках пришлось начинать свое возвращение даже не с нуля – с минуса. Помимо политического, – и в экономическом смысле: прямой ущерб от войны составлял в Латвии 20, в Литве – 17, в Эстонии – 16 млрд руб. в ценах 1941 г.[3] Восстановление народного хозяйства стратегически важного региона было начато немедленно, еще до окончания военных действий. Это было обусловлено идеологическими мотивами – Прибалтику следовало как можно быстрее и как можно плотнее интегрировать в советское социально-политическое пространство, и экономическими резонами – Прибалтика с ее портами, сетью железных дорог и перспективными с точки зрения общесоюзного использования промышленными предприятиями, была, так сказать, в фаворе.

Однако среди правящих кругов и управленцев Эстонии, Латвии и Литвы – особенно в первые послевоенные годы – еще жили надежды на независимость или, по крайней мере, претензии на самостоятельность. Если судить, например, по переписке эстонского партийного руководства с ЦК ВКП(б), элиты республик всерьез рассчитывали на то, что «Москва ждет от них инициативы, предложений и даже рекомендаций»[4]. Аналогичное впечатление складывается и при чте-

руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.).

[3] Кузнец Ю. Перед странами Балтии мы не в долгу // Красная звезда. 2005. 02 июля. URL: http://www.redstar.ru/2005/07/02_07/5_01.html

[4] Feest D. Neo-korenizacija in den baltischen Sowjetrepubliken? // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2006. Nr. 3. S. 272.

нии документов, которые направлялись в Москву из Вильнюса и Риги. И политика Кремля работала на развитие этих иллюзий: из Москвы шли указания о необходимости учитывать национальную специфику региона и смелее выступать с местной инициативой.

После освобождения Прибалтики в 1944 г. важнейшей задачей союзного руководства, как уже упоминалось, стала повторная советизация. 1944–1946 гг. стали для региона временем формирования системы жесткого контроля союзного центра. Именно в последний год войны и затем вплоть до начала 1950-х гг. происходило становление и утверждение новых советских властных структур в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, основанное на становлении советского властного аппарата и успешном взращивании сотрудников, лояльных новой власти. Для контроля над республиками и введения их политических элит в общесоюзную систему политико-экономических координат союзное руководство использовало различные методы и специальные институты, важность которых еще в 1939–1940-е гг. на присоединенных территориях обозначилась особенно ясно. Сразу после освобождения Прибалтики от нацистов там началось восстановление партийных и советских властных структур, созданных в 1940 г. ЦК Компартий этих республик возглавили А. Снечкус (Литва), Я. Калнберзиньш (Латвия), Н. Каротамм (Эстония). Председателями советов министров стали М. Гедвилас (Литва), В. Лацис (Латвия), А. Веймер (Эстония).

Следует заметить, что Сталин лишь единожды принял Снечкуса, Калнберзиньша и Каротамма, причем, всех одновременно, – 16 августа 1944 г.[5] Прибалтийский вопрос был для вождя решен как на международном уровне, так и на внутреннем, – и в дальнейшем первому лицу государства более не имело смысла фиксировать на нем свое внимание или как минимум это внимание демонстрировать.

Осенью 1944 г. на повестке дня в Кремле встал вопрос об ускорении советизации прибалтийских республик. Положение в них рассматривалось на трех заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б): 30 октября 1944 г. было принято решение по Эстонии, 1 ноября – по Литве, 3 ноября – по Латвии. Эти документы имели большое значение для формирования социально-политической ситуации в регионе в последующие годы. Для местных властей решения Оргбюро стали непосредственной инструкцией к действию. В этих документах подробно была расписана широкая программа мер, нацеленных на успешную

[5] Посетители Кремлевского кабинета Сталина // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 43.

советизацию республик и, что еще важнее, механизмы контроля со стороны Москвы[6].

В 1944 г. было принято постановление о создании республиканских комиссариатов обороны и иностранных дел[7]. Руководители региона восприняли этот шаг как расширение границ своей власти. Воодушевленное правительство Эстонской ССР было готово играть по правилам. Оно даже попыталось продвинуть Х. Крууса (министра иностранных дел Эстонской ССР) на пост заместителя комиссара иностранных дел СССР и даже создать свою республиканскую Эстонскую Красную армию. Предлагались и другие такого рода национальные идеи. Разумеется, к таким «играм» союзное правительство отнеслось с закономерным подозрением: восстановление национальных, пусть и «республиканских» армий, было чревато тем, что их штыки могли бы повернуться против советской власти. Кроме того, исключения из общесоюзных правил, сделанные для Прибалтики, спровоцировали бы неудовольствие остальных республиканских элит.

Республиканское руководство, по мнению Москвы, нуждалось в инструкциях. Эту точку зрения поддерживали и местные функционеры, например, партийный руководитель Латвийской ССР Я. Калнберзиньш уже тогда сигнализировал в Кремль, что самостоятельно осуществить советизацию не удается, поэтому требуется «кадровая помощь»[8].

В ноябре–декабре 1944 г. в каждой из трех республик были воссозданы Бюро ЦК ВКП(б), призванные выполнять контрольно-консультативные и другие вспомогательные функции. Для тогдашней организационной структуры коммунистической партии они были весьма специфичными, т. к. наличие подобных органов не было предусмотрено ни одним внутрипартийным нормативным документом. Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и Литве были созданы постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1944 г., а Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии – постановлением от 29 декабря 1944 г.[9] На всех проектах есть

---

[6] Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): Исследования и документы. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. С. 14.

[7] Стенограмма пленума ЦК ВКП(б), 27.01.1944 // Исторический архив. 1992. № 1. С. 61–65.

[8] Таннберг Т. Указ. соч. С. 19.

[9] ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко [и др.]. М.: РОССПЭН, 2004. С. 23. (Документы советской истории).

виза Сталина – «за»[10]. Разумеется, утверждение документов с такой визой было лишь формальностью.

Каждое Бюро состояло из пяти человек: председателя, его заместителя, уполномоченного НКВД и НКГБ по республике, первого секретаря ЦК компартии и руководителя Совнаркома республики. Я. Калнберзиньш, вернувшись из поездки в Москву, на совещании, состоявшемся 6 ноября 1944 г., открыто говорил о подоплеке создания республиканских Бюро. Он сообщил, что они созданы, чтобы помочь руководству Латвии превратить ее в союзную республику по модели других советских республик, и добавил: «Если мы сами этого не сделаем, они найдут людей, у которых рука не дрогнет»[11]. В своем выступлении на пленуме ЦК КП(б) Эстонии, прошедшем в начале декабря 1944 г., Н. Каротамм подчеркивал: «Назначением этого Бюро является руководство выполнением всех задач, стоящих перед КП(б) Эстонии, оказание помощи в улучшении работы, исправление ошибок, преодоление недостатков, имеющихся в работе, и подъем всей работы на должный большевистский уровень»[12]. Замысел создания Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М. Суслов пояснил на пленуме ЦК КП(б) Литвы в конце декабря 1944 г. Стоящие перед союзной республикой «исключительно велики и сложны». Поэтому для поддержки местных партийных организаций и было нужно создать в ЦК ВКП(б) Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, чтобы взрастить местных деятелей и укрепить партийные организации[13].

Заслуживает внимания и открытое выступление председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и Латвии Н. Шаталина перед партийным руководством Эстонской ССР в начале декабря 1944 г. Он подчеркнул, что хотя на территории республики советская власть существует, ее еще следует окончательно «укрепить». Докладчик упомянул, что советская власть пришла в Эстонию в 1940–1941 гг. «некоторым особым образом», и здесь не произошло «основательного разрушения буржуазного строя». К 1941 г. в эстонском обществе осталось много «буржуазных пережитков», многое было восстановлено немцами, которые добавили еще и другие «фашистские элементы»[14].

---

[10] Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 141.

[11] Swain G. Cleaning up Soviet Latvia. The Bureau for Latvia (Latburo), 1944–1947 // The Sovetization of the Baltic States, 1940–1956. Tartu, 2003. Lk. 65.

[12] Таннберг Т. Указ. соч. С. 26.

[13] Там же. С. 26–27.

[14] Там же.

Указания Москвы принял и министр иностранных дел Эстонии Х. Круус, заявивший: «В грандиозной программе создания Советской Эстонии на первом месте стоит вопрос о преобразовании наших людей, а также политическое, идеологическое и духовное преобразование всего общества в целом»[15]. «Перед нами стоит задача полностью очистить наше общество от духовной грязи фашизма и буржуазного национализма»[16]. Местные руководители не только отлично воспринимали указания центра, но и стремились предвосхитить их. Вне зависимости от того, искренне ли или из карьерных соображений, они делали это, их ответственность за происходившее в республиках в русле советизации, неоспорима.

«Борьба с национализмом» стала важнейшей задачей идеологической работы. В ее контексте прошло совещание историков в мае–июне 1944 г. при ЦК ВКП(б)[17].

Партийный руководитель республики должен был быть представителем титульной национальности. Прибывшие в Прибалтику представители союзного центра, как и их предшественники – уполномоченные в 1940 г., – получили инструкции, предписывающие избегать прямого нажима на республиканские власти и работать с ними в режиме диалога. Их появление было воспринято местными партийными элитами напряженно. Общую тревогу выразил первый секретарь ЦК КП(б) Литвы, прямо спросивший председателя литовского Бюро: «Не означает ли Ваш приезд, что теперь руководящую роль будут играть русские товарищи?»[18]

«Русские товарищи» к этой руководящей роли и не стремились: в их планы входило лишь то, чтобы руководящая роль «прибалтийских товарищей» не выбивалась из общесоюзных стандартов. Дальнейшая советизация Прибалтики отдавалась на откуп местным партийно-правительственным элитам. Причем республиканские власти нельзя считать марионеточными. Союзное руководство, «огнем и мечом» выжигавшее всякое неповиновение советскому режиму, прагматично предпочло «огонь и меч» вручить представителями «титульных национальностей». Даже если предположить, что лидеры Литвы, Латвии и Эстонии, пытались выступить буфером между Центром и

---

[15] Таннберг Т. Указ. соч. С. 28.

[16] Там же.

[17] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 55–86, № 3. С. 82–112; № 4. С. 65–93; № 5. С. 77–106; № 7. С. 70–87; № 9. С. 47–77; См. также: Brandenberger D. National Bolshevism // Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002. P. 128–132.

[18] Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 142.

республиками и создать соответствующую систему противовесов, для сохранения национальных самоидентификаций, то и в этом случае они становились проводниками советизации. Надлежало только «приручить» и вырастить лояльные местные кадры, дав им известную самостоятельность, чтобы «не вызвать нездоровые настроения» среди местного населения. И дать привилегии. Партийные руководители Литвы, Латвии и Эстонии взялись за укрепление советской власти со всей, вполне большевистской жесткостью, при этом как бы дистанцируясь от Москвы. Прибалтика теперь была готова терпеть советскую власть сталинского образца, но говорившую на национальных языках, она смирялась с советизацией, но проводимой местными функционерами.

Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии были упразднены в 1947 г. К этому времени партийно-государственный костяк республиканского уровня был не только сформирован, но и сцементирован. Однако, чтобы «цемент» не разрушался, в Прибалтику делегировались постоянные инспекторы – для улучшения качества проверок и инспектирования местных парторганов.

Уязвимым звеном в проведении советизации оказались местные органы власти: управленческая вертикаль там практически не действовала. Ситуация вне крупных населенных пунктов была абсолютно неконтролируемой.

Из постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках и задачах в области политической работы партийной организации Эстонской ССР», принятого в октябре 1944 г.:

«Заслушав сообщение секретаря ЦК КП(б) Эстонии т. Каротамм о положении дел в Эстонской ССР после ее освобождения от немецких оккупантов, ЦК ВКП(б) отмечает наличие серьезных недостатков и ошибок в политической работе партийной организации республики.

В Эстонской ССР не возвращены еще трудящемуся крестьянству земли, которыми наделила его советская власть и которые были отняты у трудового крестьянства немецко-фашистскими оккупантами и эстонскими кулаками. Партийные организации, затянув решение земельного вопроса, не использовали это могучее средство для сплочения трудящихся в обуздании враждебных народу элементов.

ЦК КП(б) Эстонии недооценил того факта, что немецкие и эстонские фашисты, проводя политику массового истребления трудящегося населения Эстонской республики, вместе с тем заигрывали с известной частью эстонцев, всячески разжигали вражду между эстонцами и русскими, натравливали эстонцев на русских... Некоторые соучастники зверств немецких оккупантов и виновники издевательств над населением до сих пор не привлечены к ответственности, что вызывает законное недовольство трудящихся. ЦК КП(б) Эстонии не уделяет должного внимания делу воспитания руководя-

щих партийных и советских кадров в духе большевизма и непримиримости к буржуазно-националистической идеологии. Партийные организации не проявляют должной политической активности и не имеют еще прочных связей с трудящимися массами. Лучшие люди из партизан, советского актива, интеллигенции, доказавшие своей борьбой и работой преданность делу партии, недостаточно вовлекаются в ряды партии»[19].

Абсолютно аналогичные резюме были приняты в отношении Латвии и Литвы. За традиционной риторикой угадывалось закономерное беспокойство: освобожденная от нацистской оккупации Прибалтика встретила освободителей без излишних восторгов. Массовое ликование на площадях и на официальных мероприятиях, а также бодрые отчеты партийной печати не могли заслонить очевидного: войти в семью «братских народов» Прибалтика была готова отнюдь не безоговорочно. Об этом свидетельствует и рост повстанческого антисоветского движения. Бороться с создавшейся ситуацией, недооценив ее, поначалу попытались словом – пропагандой. ЦК КП(б) прибалтийских республик обязали развернуть политическую работу среди населения, особенно в деревне, разоблачая при этом «лживую фашистско-националистическую пропаганду, направленную против Советского Союза и Красной Армии». Аграрный сектор стал одной из острых проблем ресоветизации Прибалтики. Местное крестьянство не спешило встраиваться в советскую систему сельского хозяйства и вообще работать на государство. О колхозах в Прибалтике были наслышаны: немало поработала в этом направлении нацистская пропаганда, но еще убедительнее любых пропагандистских акций были рассказы очевидцев, информация от вновь прибывших в республики жителей России.

Крестьяне колхозов не хотели, боялись и готовы были бороться против них, в том числе и с оружием в руках. С подобной ситуацией вынуждены были считаться и Москва, и местные власти – разрушенной войной стране необходимо было продовольствие. Во время проведения кампании по выборам в Верховный Совет СССР в 1946 г. наблюдатели от партийных органов и других структур в своих отчетах и сводках фиксировали наличие устойчивых антиколхозных настроений у населения всех трех республик. Чтобы избежать возможных эксцессов агитаторы и чиновники, ответственные за проведение предвыборной кампании в регионе, стремились при контактах с местным населением вообще избегать «колхозной темы».

[19] Таннберг Т. Указ. соч. С. 196–197.

Характерно, что сохранившийся отчасти привычный – досоветский – уклад сделал Прибалтику одним из регионов, где после войны было меньше проблем с продовольствием, нежели в других республиках, переживших оккупацию: здесь можно было купить хлеб, муку и другие продукты. После отмены в 1946 г. ограничений на передвижение населения, в Прибалтику (особенно, в Латвию и Эстонию) хлынул поток из разрушенных дотла соседних Псковской, Новгородской (выделенных из состава Ленинградской в 1944 г.) и Ленинградской областей: ведь уже к осени 1946 г. в РСФСР возникли серьезнейшие проблемы с продовольствием[20].

Повсеместно организовывалось систематическое информирование населения о текущих военно-политических и международных событиях, об основных этапах Отечественной войны Советского Союза, о росте его военного и экономического могущества международного авторитета, а также организовать политическую работу среди интеллигенции, имея «целью воспитание интеллигенции в духе учения Ленина–Сталина»[21].

Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановления «О мерах помощи Эстонской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительской работы», «О мерах помощи Литовской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительской работы» и «О задачах партийной организации Латвийской ССР в области политической работы». Республиканские партийные руководители отчитывались о проделанной работе. Отчеты эти выглядели весьма оптимистично: в столичных городах создаются университеты марксизма-ленинизма, в уездных центрах – партийные школы, на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и народных домах организованы политкружки. В отчетах обращалось внимание на «неуклонный рост» количества политкружков и количества их членов-слушателей. В городах и уездах республик работали семинары для учителей, где изучали Краткий курс истории ВКП(б), книгу тов. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Указывалось, что просоветская агитация приобрела «наступательный характер»: «Многие агитаторы, *умело используя факты зверств и издевательств* (выделено мною. – *Ю. К.*), которые проводились немецко-фашистскими захватчиками над советским населением, а также разоблачая действия буржуазных националистов как прямых пособников фашистов, добиваются повышения бдительности среди

[20] Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt- zur Kommandowirtschaft. Hamburg, 2006. S. 131.

[21] Таннберг Т. Указ. соч. С. 206.

населения и повышения политической активности трудящихся»[22]. Интеллигенция, «в большинстве своем оставалась антисоветской, но ей претили жестокость нацистских оккупантов, демонстрация расового "превосходства" немцев, облавы... казни»[23]. Потому возвращение советской власти значительная часть оставшихся в Прибалтике, а не бежавших на Запад в конце войны, представителей интеллигенции готова была принять относительно лояльно, к тому же надеясь, что победа в кровопролитной войне смягчит жестокость советской сталинской системы. Для многих жителей Прибалтики новая ситуация давала шанс на возвращение к нормальной жизни. Уже в конце 1944 г. началась работа по восстановлению взорванных немцами при отступлении или разрушенных во время боев за освобождение электростанций, мостов, больниц и других, жизненно важных объектов в прибалтийских городах. Много внимания советская власть уделяла возобновлению учебы в высших учебных заведениях в Прибалтике, закрытых нацистами. Например, Вильнюсский и Каунасский университеты были открыты уже осенью 1944 г. Забота о вузах и народном образовании объяснялась не только острой необходимостью подготовки специалистов и воспитания их в нужном идеологическом духе. Большое значение уделялось и пропагандистскому эффекту: еще идут бои, но духовное возрождение, принесенное Красной армией – освободительницей, уже начинается. К тому же, что принципиально, открытие университетов и школ обязательно проводилось под руководством «местных партийных товарищей» титульных национальностей – так подчеркивалось, что вернувшаяся в Прибалтику советская власть, своя, родная, а не насаждаемая извне.

Основной политико-культурной проблемой Прибалтики стал введенный на ее территории принцип двуязычия. При массовом притоке руководящих кадров и обычных мигрантов из других республик де-факто русский язык стал главным в Прибалтике. Что по понятным причинам крайне болезненно воспринималось коренными жителями, для которых сохранение родного языка стало с момента вхождения в СССР последним критерием самоидентификации. Отношение к национальным языкам у вновь прибывших было зачастую пренебрежительным, порой, враждебным. Характерно, что приезжавшие в Литву, Латвию и Эстонию как добровольно, так и по комсомольским и партийным путевкам считали республики «вражескими». Да и прибалты отвечали тем же – встречали приехавших зачастую недружелюбно.

---

[22] Таннберг Т. Указ. соч. С. 219.

[23] Каспяравичус А. Литовцы и Красная армия в 1944–1945 гг. Мобилизация и участие в войне // Вторая Мировая война и страны Балтии 1939–1945: Материалы международной научной конференции (Рига, 14–15 декабря 2006 г.). Рига, 2008. С. 86.

Официальная советская пропаганда замалчивала факты массовой коллаборации жителей прибалтийских республик (как, впрочем, и пособничество жителей других республик) – это не укладывалось в миф о «братстве народов СССР» и тем более о «единстве в борьбе с фашизмом». Происходившее в Прибалтике во время войны было объектом устной истории. Поэтому освободителей в Прибалтике нередко считали оккупантами и, хотя не говорили это вслух, но часто давали понять. Незримая, но вполне ощутимая психологическая стена непонимания, переходившего во взаимную враждебность, становилась все плотнее.

Со стороны приехавших в Прибалтику звучали вполне понятные требования к властям защитить права русскоязычного населения, причем обе конфликтующие стороны гарантию собственных прав воспринимали часто только как ограничение прав контрагента. По установленному порядку делопроизводство во всех трех республиках должно было вестись на языке титульной нации и русском, однако на практике этот порядок часто нарушался, причем с обеих сторон.

Конфликты вокруг языковой проблемы почти всегда имели политический подтекст и рассматривались республиканским руководством как борьба за национальный суверенитет как минимум в границах культурной автономии. В целом именно в вопросе о национальном языке позиция республиканских лидеров была наиболее последовательной и твердой. Нарушение статуса национального языка объявлялось покушением на основы «ленинско-сталинской национальной политики», и эта формула использовалась как своего рода щит против русификации.

Особым и острым случаем стал «польский вопрос» в Литве. О том, что эта тема после войны обязательно возникнет, стало ясно еще в 1944 г., едва немецкие войска покинули Вильнюс. 13 июля, вскоре после освобождения города, А. Снечкусу позвонил И. Сталин. Поздравив Снечкуса, Сталин вдруг спросил: как теперь правильно называть город – по-польски Вильно или по-литовски Вильнюс. Услышав ожидаемый ответ, Сталин порекомендовал кроме того немедленно вывесить в городе литовские флаги – «чтобы было всем ясно, что это Литва»[24]. В 1944 г. население Вильнюса составляло 200 тыс. человек, большинство из них были поляками. Первые два–три года после окончания войны литовское руководство старалось проводить при решении «польского» вопроса сбалансированную политику, однако вскоре это стремление сошло на нет, тем более, что количество поль-

[24] Бордонайте М. Товарищ Матас. Воспоминания об Антанасе Снечкусе. Вильнюс: Минтис, 1986. С. 148.

ского населения Литвы к концу 40-х гг. резко уменьшилось – за счет переселения значительной части поляков из Литвы в Польшу.

Особой задачей партийного руководства Латвии, Литвы и Эстонии с 1944 г. было расширение социальной базы компартии. Она, весьма сильная в начале XX в., была ликвидирована в Прибалтике с 20-х гг. и де-юре (запрет компартий в период независимости) и дефакто. Предвоенный год сталинской советизации лишь оттолкнул потенциальных сторонников большевизма. Поэтому, чтобы удержаться у власти, региональные лидеры должны были хотя бы из чувства самосохранения заботиться об увеличении численности людей с партбилетами. В этом их задачи совпадали с устремлениями союзного Центра. В начале 1945 г. аппараты ЦК КП(б) республик Прибалтики были укомплектованы не более чем наполовину причем, представители титульных национальностей не являлись большинством. К тому же около 50 % партийцев в Прибалтике были сотрудниками органов госбезопасности. Так что образ советской власти у населения вырисовывался малопривлекательный.

Вильнюс, Рига и Таллин обратились к Москве с просьбой направить в их распоряжение на постоянную работу латышей, литовцев и эстонцев с партстажем из других союзных республик. Однако большая часть прибывших практически не знала национальных языков и прибалтийской специфики[25]. И если союзным руководством они воспринимались как «коренные» жители, то в республиках – как пришельцы, оказавшись «чужими среди своих», именно потому, что были своими для «чужих». Но за счет этих кадров выросла численность партийных организаций республик. Новые сограждане заняли ответственные административные и хозяйственные посты, «отодвинув» местных представителей балтийских народов.

Еще одним существенным «подспорьем» в 1945–1946 гг. для увеличения количества партийных рядов стала миграция из других республик: по партийным и комсомольским путевкам на восстановление разрушенной Прибалтики приезжала молодежь, прибывали и демобилизовавшиеся военные. Общие показатели партийности населения росли, но национальный состав коммунистов беспокоил местное руководство – представителей балтийских этносов там было относительное меньшинство. Это создавало сложности при формировании национального кадрового резерва. Первичные парторганизации стремились контролировать этнический состав при приеме в партию по национальному признаку – наибольшая «квота» отводилась представителям титульных национальностей республик: так,

[25] На чаше весов: Эстония и Советский Союз, 1940 год и его последствия / сост. и ред.: П. Варес, О. Журьяри. Таллинн: Евроуниверситет, 1999. С. 430.

Литва, Латвия и Эстония создавали свой партийный костяк, стремясь оградить парторганизации и, следовательно, республиканскую власть от «русского» – влияния. (Именно ко второй половине 40-х гг. понятия «русский» и «советский» как бы сращиваются, последствия этого «сращения» русскоязычные жители сегодняшних стран Балтии ощущают до сих пор.) Однако именно эта местная партийно-национальная политика как раз и обеспечивала активное вовлечение представителей «коренных национальностей» в идеологическую и практическую советизацию.

О. М. Зброжко

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАПАДНОУКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ В 1940–1950-х гг. (На основе архивных документов партийных и государственных органов УССР)

Тема репрессивной политики, ее роль в становлении сталинского тоталитарного режима относится к «вечным» темам, актуальность которых не уменьшается с течением времени. Рост интереса историков в исследовании большевистской репрессивной системы связан с возможностью привлечения более широкого круга источников, которые до недавнего времени были недоступны ученым, а также с возникновением потребности осмысления феномена тоталитаризма, отдельные фантомы которого время от времени появляются на постсоветском пространстве.

Исследования репрессивных акций в отношении так называемых «антисоветских элементов» на западноукраинских землях относится к актуальным проблемам исторического источниковедения и археографии. Эту актуальность усиливают вызовы украинского общества, в котором наблюдается рост интереса к истории оппозиционного движения, в том числе Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. Однако интерес деятельностью ОУН и УПА еще не означает автоматического представления истинной картины деятельности этих ячеек и борьбы с ними советской власти и спецслужб. Ведь историческая правда нередко становится предметом политически социологических манипуляций и идеологических спекуляций, особенно если главной целью в использовании информационных материалов не является установление объективной действительности, а субъективные, корыстно-прагматические, цели отдельных политических сил.

Поэтому основным средством предотвращения подобных явлений является базирование научных исследований на архивных

документах и опровержение на этой основе существующих мифов относительно ОУН и УПА. Исследование состояния сохранности документов неотделимо от верификации источников и установления подлинности потенциальной ключевой информации. За последние годы опубликовано немало сборников документов, монографических работ и научных статей, посвященных ОУН и УПА, написанных на основе архивных документов по истории освободительного движения 40–50-х гг.[1]

Доступ к документам советских времен, особенно к тем, которые связаны с украинским движением сопротивления, находится под особым и пристальным контролем руководства государственных архивных учреждений системы Укргосархива, Отраслевого государственного архива (ОГА) СБ Украины и Госархива МВД Украины. Такая закрытость от исследователей не позволяет им сформировать объективную оценку о направленности, форме и содержании сохранившихся источников. Создается впечатление, что некоторые властные структуры заинтересованы в содействии законсервированной советской трактовке противоречивых проблем украинской истории. Ученые уже столкнулись со случаями ограничения доступа к некоторым материалам, в частности архивно-следственных дел и дел реабилитированных лиц.

Однако, несмотря на вышеописанные трудности, многочисленные документы, которые хранятся в государственных архивах, дают возможность создать правдивую картину этой малоисследованной и дискуссионной проблемы украинской истории. Их достаточно весомый информационный потенциал проливает свет на масштабы и особенности вооруженной борьбы на западноукраинских землях в условиях

---

[1] Білас І. Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953 (суспільно-каральна система та історико-правовий аналіз): у 2-х кн. Київ: Либідь-Військо України, 1994; Білас І. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941): Джерелознавче дослідження. Т. 2. Дрогобич, 2013; Сергійчук В. Радянські партизани проти ОУН–УПА / В. Сергійчук. Київ: Українська Видавнича Спілка, 2000; Здіорук (Стельмах) О. І. Літопис УПА: час, події, джерела / О. І. Здіорук (Стельмах). Київ, 2000; Киричук Ю. Український національний рух 40–50-х років XX століття: ідеологія та практика. 2003; Кентій А. Війна без пощади і милосердя: Партизанський фронт у тилу Вермахту в Україні (1941–1944) / А. Кентій, В. Лозинський. Київ, 2005; Кокін С. А. Анотований покажчик документів з історії ОУН і УПА у фондах державного архіву СБУ. Вип. І. Анотований покажчик документів з фонду друкованих видань (1944–1953). Київ, 2000; Сергійчук В. ОУН–УПА в роки війни. Нові документи і матеріали. Київ: Дніпро, 1996; «Особые папки» Сталіна і Молотова про національно-визвольну боротьбу в Західній Україні у 1944–1948 рр. Збірник документів. Л., 2010; Патриляк І. К. «Встань і борись! Слухай і вір...»: українське націоналістичне підпілля та повстанський рух (1939–1960 рр.). Львів: Часопис, 2012.

силового насаждения советского режима, развертывания репрессий и так называемых «социалистических преобразований».

В фондах центральных, отраслевых и областных государственных архивов Украины сосредоточен значительный массив советских документов, отражающих различные аспекты репрессивной политики против национально-освободительного движения, в период 1940 – первой половины 1950-х гг. Эти документы открывают возможность комплексного изучения данной проблемы и неопровержимо свидетельствуют об активном сопротивлении коммунистическому режиму, а также о взаимодействии сил сопротивления с широкими слоями населения против оккупационных систем.

Архивные документы советской власти определенно свидетельствуют об умалчиваемых документах ЦК Компартии Украины, бывшего КГБ в СССР, ведь они содержат многочисленные политические установки, формы и методы борьбы советского режима с украинским национально-освободительным движением на территории западных областей Украины в течение 1940 – начале 1950-х гг. Документы отражают события, связанные с проведением военно-карательных операций против украинского национального движения и мирного населения, доказывая, что это была заранее спланированная, широкомасштабная борьба сталинского режима против украинского освободительного движения, ведь деятельность ОУН и УПА в 1940–1950 гг. имела колоссальную поддержку значительной части западноукраинского населения и была реальным, хорошо организованным вооруженным сопротивлением силам мощного противника, который опирался на ресурсы регулярной армии, спецслужб и карательных органов.

В фондах ОГАСБУ отложились многочисленные нормативно-распорядительные и информационно-аналитические документы, записки к директивным органам и другие источники, которые содержат сведения о реакции различных категорий населения на политику власти в послевоенной Украине, ее западных землях, статистические сведения о карательно-репрессивных акциях, в том числе против подполья ОУН и УПА, об общественно-политической деятельности иностранных украинцев[2].

Остановимся подробнее на документах по борьбе с националистическим подпольем в послевоенные годы. В этом ракурсе особого внимания заслуживает фонд № 2 «Управление борьбы с бандитизмом МВД, Управление 2–Н и 4-е управление МГБ–КГБ УССР», который насчитывает 2802 единицы хранения. Именно на эти управления воз-

[2] Вятрович В. Історія з грифом «секретно». Львів; Київ, 2011.

лагалась борьба с ОУН–УПА и окончательное уничтожение любых проявлений национализма в СССР и за ее пределами, т. е. ликвидация зарубежных центров украинских националистов. 17 марта 1942 г. по приказу НКВД СССР № 0022 был создан специальный отдел по борьбе с бандитизмом (ББ) НКВД СССР, который с 1944 г. получил статус Управления и действовал до марта 1950 г. Уголовные дела, которые были до сих пор в его производстве, передавались в отдел розыска преступников МВД УССР.

В январе 1947 г. ЦК ВКП(б) и правительство СССР приняли решение поручить органам госбезопасности борьбу с нелегальной деятельностью ОУН и УПА. Именно поэтому по приказу МГБ СССР и МВД СССР № 0074/0029 было создано Управление 2-Н МГБ УССР, на которое возлагалось оперативное противодействие подполью ОУН в Западной Украине. В областных управлениях МГБ создавались отделы 2-Н, которые функционировали до 1954 г., когда сила сопротивления националистического подполья утихала.

Вышеназванный фонд содержит целый ряд важных документов по оперативной обстановке в Украине после Второй мировой войны и структуре, составе, тактике действий формирований ОУН и УПА, их деятельности[3]. На основе этих источников можно однозначно утверждать о широкомасштабной и жестокой деятельности карательных органов 2-го отд. на территории Западной Украины. В ежедневных сводках подавались статистические данные и подробное описание операций облав, вооруженных столкновений, арестов, захватов, направленных на полную ликвидацию оуновского подполья в 1946–1947 гг. По документам фонда, в апреле–августе 1946 г. на территории западного региона органы МВД и МГБ, внутренние и пограничные войска провели 42 175 военно-чекистских операций, в результате которых были арестованы 3277 членов ОУН и УПА, захвачены в плен – 3364, изъято 7225 ед. оружия. Кроме того, в 1946 г. истребительные батальоны осуществили 16 907 операций против повстанцев и подпольщиков. В результате убиты более тысячи и задержаны 5410 человек, связанных с освободительным движением, изъято 2902 ед. оружия[4].

В течение 1946–1949 гг. националистическое движение в западных областях Украинской ССР приобрело характер вооруженного подполья, ограничиваясь, вместо масштабных военных действий,

---

[3] Галузевий державний архів СБУ: Путівник / ГДА СБУ. Автори-упоряд.: В. М. Даниленко (відп. упоряд.) та ін. Харків: Права людини, 2009. С. 82.

[4] Грицак Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст.: [Навч. Посібник для учнів гуманіст. гімназій, ліцеїв, студентів іст. фак. вузів, вчителів.] Київ: Генеза, 2000. С. 275.

террористическими актами против наиболее реакционных органов советской администрации, нападениями на отделы НКВД, организацией бойкота выборов и сопротивления коллективизации[5]. Как известно, создание колхозов на территории Западной Украины происходило под принуждением и давлением со стороны власти. Многие из них из-за пассивности местного населения неэффективно работали, об этом свидетельствует отчет за первую половину 1947 г. руководителя управления МВД по Волынской области. Аналогичные свидетельства свойственны Львовской, Тернопольской, Станиславской и Дрогобычской областям[6].

Для улучшения эффективности действий подпольщиков в сельской местности развита широкая сеть подпольных отрядов. Командование УПА начало перестройку своей боевой деятельности, разбив свои сотни на значительно меньшие и компактные группы. Вследствие этого военные операции против националистических сил без надлежащего агентурного обеспечения в большинстве случаев были безрезультатными. В ответ на многочисленные операции со стороны государственных органов безопасности, воины УПА взрывали поезда с продовольственными товарами[7]. Террористические и непредсказуемые действия УПА нередко вызывали растерянность советских карательных органов, ведь небольшое количество воинов-подпольщиков могло ликвидировать или обезоружить целый истребительный батальон. Такой яркий пример иллюстрирует оперативная сводка с Тернопольщины, где в Почаевском районе группа ОУН совершила налет на местоположение истребительного батальона МГБ, конфисковала оружие и сожгла помещение, в котором находилась группа[8]. Безжалостно расправлялись повстанцы с предателями, которые в свое время явились с повинной как участники УПА и перешли на сторону советской власти. Так, в с. Галиграды Залещицкого района на Тернопольщине, 12.08.1946 г. убиты 8 бывших участников УПА[9].

В новых условиях менялась и тактика карательных органов. Большие карательные группы были разделены на малые (10–15 человек), что, в свою очередь, должно было обеспечить более эффективные действия. Такие отряды организовывали локальные облавы, прочесывали леса, проверяли подозрительные дома, поддерживали связь

---

[5] Грицак Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. С. 402.

[6] ОГАСБ Украины. Ф. 2. Оп. 91. Д. 8. Л. 105.

[7] Там же. Оп. 89. Д. 44. Л. 73.

[8] Там же. Ф. 2. Оп. 90. Д. 50. Л. 165.

[9] Там же. Оп. 89. Д. 44. Л. 73.

с оперативными группами районного центра[10]. За период с 1 января по 20 марта 1947 г. войска и органы МВД и МГБ совершили 12 268 операций, в результате которых 966 членов ОУН и УПА были убиты и 1478 взяты в плен.

Следует отметить, что к достоверности оперативных сводок необходимо относиться критически, ведь нередко данные о количестве участников националистических группировок подавались только на основе учета органов государственной власти[11]. «Бдительность и профессионализм советских чекистов», зафиксированные в документах режима, не всегда соответствовали действительности. Было немало случаев, когда лица, которые под давлением случайно попали в советские спецслужбы, не могли профессионально выполнять распоряжения или не соглашались с ними и добровольно переходили на сторону повстанцев. Об этом свидетельствуют записи в ежедневном отчете по Тернопольской области[12]. Иллюстрацией подобных фактов является ликвидация органами НКГБ бывшего милиционера Владимира Мыхаця, уроженца Борислава, что на Дрогобыччине, который больше года воевал на стороне УПА[13].

Как правило, спецслужбы собирали агентурные данные об участниках подпольного движения и заранее знакомили с ними организаторов спецопераций. Ежедневные оперативные сводки по всем западноукраинским областям пестрят практически одинаковыми данными: сначала подаются статистические сведения о количестве достижений и потерь, а дальше составлено описание организованных засад и операций по уничтожению националистических «банд». Например, в оперативном сведении № 69 УНКВД по Волынской области УССР от 14 марта 1946 г., направленном наркому внутренних дел УССР Строкачу, говорится о том, что за сутки на территории области проведено 12 операций, 43 засады, 17 прочесываний. В результате было ликвидировано 3 опасные организации, убиты 9 бандитов, задержаны 12 связных, 1 сообщник, ликвидировано 54 тайника[14].

Анализ оперативных сводок, поступавших из других областей, свидетельствует о применении примерно одинаковых методов карательных операций по уничтожению националистического подполья. Однако порой эти операции не давали ожидаемых результатов или вовсе проваливались. Например, в строительстве УМВД по Львовской области фигурируют такие факты: военное подразделение чеки-

[10] Там же. Д. 42. Т. 2. Л. 89.

[11] Там же. Д. 44. Л. 1.

[12] Там же. Оп. 90. Д. 58. Л. 6.

[13] Там же. Д. 57. Л. 2.

[14] Там же. Оп. 89. Д. 45. Л. 67.

стов за сутки провело 51 военную операцию, но из них 30 – не увенчались успехом. Архивные документы содержат описания халатности работников воинских подразделений, которые нередко бессмысленно убивали жителей Западной Украины как «врагов народа» только из-за их места жительства[15].

Документы свидетельствуют о широкомасштабных акциях террора и преследований не только непосредственных участников национально-освободительной борьбы, но и семей, из которых они происходили. В Сибирь и другие регионы СССР были депортированы десятки тысяч членов семей «оуновцев» на спецпоселение. В октябре 1947 г. из семи западных областей Украины были депортированы 26,3 тыс. семей, или 77 791 человек. В основном украинцев тогда депортировали из Львовской, Дрогобычской, Тернопольской областей. Имущество репрессированных передавалось в государственные органы. Среди выселенных было 35,4 тыс. женщин и 22,3 тыс. детей[16].

Анализ архивных документов ОГАСБ Украины, касающихся карательных акций коммунистического режима против подпольно-повстанческого движения ОУН и УПА на западноукраинских землях во второй половине 1940-х гг., дает возможность сформулировать определенные выводы. Прежде всего, следует отметить, что подпольное национально-освободительное движение носило массовый характер, оно поддерживалось местным населением и было направлено на защиту его интересов. Советская власть рассматривала это движение как реальную угрозу существованию режима, а потому объявили ему настоящую войну, которая коснулась и мирного населения. Главные усилия режима были направлены на полное уничтожение подполья ОУН и УПА и жестокое преследование их сторонников. Однако благодаря поддержке местного населения, вооруженное движение сопротивления было устойчивым, массовым и длительным.

Тоталитарная система, существовавшая в советское время, подчиняла себе все сферы общественной жизни страны. Она не допускала иного толкования истории, кроме такой, которая не противопоставлялась официальной партийной идеологии. Советская система была заинтересована в уничтожении или фальсификации фактов, которые противоречили официальной трактовке истории и могли порождать среди широкой общественности сомнения в непогрешимости методов социалистического строительства.

Отдельного внимания заслуживают документы о преследовании и репрессиях представителей церкви. Известно, что религиозность в

---

[15] ОГАСБ Украины. Ф. 2. Оп. 89. Д. 49. Л. 1.

[16] Здіорук (Стельмах) О. І. Літопис УПА: час, події, джерела / О. І. Здіорук (Стельмах). К., 2000.

Западной Украине была традиционно высокой, также мощным было и влияние церковных структур на повстанцев и на местное население, которое всячески поддерживало и помогало националистам. Такая тенденция особенно проявилась в советское время, когда советская власть и силовые структуры присоединились к преследованию церкви, прежде всего греко-католической, обвиняя ее служителей и верующих в сотрудничестве с ОУН и повстанцами УПА. Сохранились многочисленные документы, которые свидетельствуют, что галицкое патриотическое духовенство не осталось в стороне от национально-освободительной борьбы и сопротивления коммунистическому режиму.

Следует отметить, что окончательной ликвидации УГКЦ предшествовал Львовский псевдособор 1946 г. Власти пытались запретить деятельность греко-католической церкви, поскольку почти все ее духовенство стояло на стороне украинского освободительного движения. Реализация планов ликвидации УГКЦ началась с тотального пропагандистского наступления[17]. Обвинения в «сотрудничестве» с нацистами националистических «банд» в течение периода недавней оккупации было широко афишированными среди народных масс. Поэтому стоит отметить, что Львовский «собор» 1946 г., организованный и созванный исключительно советскими спецслужбами, на котором реально не присутствовал ни один греко-католический епископ, имел целью засвидетельствовать миру расформирование УГКЦ и ее полный переход в лоно РПЦ. Показательный и беспрецедентный акт «добровольного» воссоединения с церковью с центром в Москве, а на самом деле конец лояльного отношения коммунистической власти к УГКЦ, был своеобразной формой наказания этой церкви за поддержку украинского освободительного движения. Напомним, что большая часть духовенства, монашества и верующих УГКЦ не поддержали решений этого фальшивого собора, подписав тем самым себе приговор по статье уголовного кодекса, которая касалась «антисоветской деятельности». Собственно, священники, монахи и миряне в марте 1946 г. не признали решений псевдособора, были арестованы, отправлены в ссылку в лагеря, где многие из них погибли.

На территории Волыни к освободительному движению были задействованы также православные священники, которые помогали повстанцам и сами присоединялись в ряды вооруженного сопротивления. Немало информации подают советские документы о фактах вербовки из числа духовных лиц. Так, в докладной записке в ЦК КП(б)У Ровенского обкома содержится информация о национа-

[17] ОГАСБ Украины. Ф. 2. Оп. 89. Д. 45. Л. 69.

листических призывах священника к прихожанам и просьбах поддержать национально-освободительную борьбу. Помещение этого священника подвергли тщательному обыску, в результате которого было выявлено «антигосударственные» листовки. В этом же отчете отмечается, что священник, испугавшись ответственности за «антисоветскую» пропаганду, был подвергнут вербовке. Возможно, из-за давления на семью священника, органы власти получали возможность завербовать и духовенство[18].

Под тщательным контролем и подозрением находились священники, независимо от конфессии и лояльности в отношении к режиму, особенно те, которые могли иметь контакты с «бандитами». Так, в отчетной справке о недостатках борьбы с «немецко-украинскими националистическими бандами» на Ровенщине говорится о ночном обыске в доме священника Прибитовского с применением оружия и хаотичной стрельбы работников НКВД. Дальнейшая информация справки свидетельствует о нанесенном ущербе имуществу семьи пастыря, несмотря на то, что в доме никого, кроме его семьи не оказалось. Работники подожгли помещение на территории двора, совершили мародерство и нанесли телесные повреждения церковному служителю. После того, как работники органов НКВД вынесли из дома все ценные вещи на глазах у родственников священник Прибитовский был застрелен[19].

В партийно-государственных документах фигурируют многочисленные факты позорного поведения представителей советской власти по отношению к монашеству: монахов выгоняли на улицу, монастыри ликвидировали, а помещения передавались военным частям или больницам[20].

Архивные фонды освящают, с одной стороны, деятельность различных сил сопротивления, в частности Организации украинских националистов и ее военной формации – Украинской повстанческой армии, а с другой, политику советского режима и масштабы его карательно-репрессивных мер в отношении участников украинского национально-освободительного движения и его руководителей.

Документы центральных и областных архивов подтверждают, что украинское национально-освободительное движение не было фрагментарной борьбой «бандитских» группировок, как это изображала большевистская власть и советская историческая наука, а всенарод-

---

[18] Центральный Государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1700. Л. 17.

[19] Там же. Д. 1695. Л. 7.

[20] Марчук В. Українська Греко-Католицька Церква. Історичний. Івано-Франківськ, 2001.

ным патриотическим движением. Главные усилия коммунистического режима были направлены на полное уничтожение подполья ОУН и УПА и преследования их сторонников. Именно благодаря поддержке местного населения, которое желало видеть Украину небольшевистским независимым государством, движение сопротивления на территории западноукраинских земель было длительным.

Архивные документы иллюстрируют грубое вмешательство спецслужб в частную и творческую жизнь, физическую или психологическую ломку людей, общие масштабы и массовость антисоветского движения. Огромный массив уголовных дел, охватывающих сотни тысяч свидетельств о жертвах массовых репрессий сталинского периода является убедительным доказательством того, что тоталитарный режим базировался, прежде всего, на насилии, которое партийные вожди упорно и непрерывно применяли против своих граждан.

Следует отметить, что на основе анализа архивных источников раскрывается их информационный потенциал, который представляет общую картину репрессивной политики коммунистического режима и специфику его карательных акций, включая не только облавы, прочесывание лесов, физическое уничтожение подполья, тотальную слежку, вербовку но и насаждение тоталитарного режима, советизацию края, начало так называемых социалистических преобразований, идеологическое наступление, игнорирование местных особенностей, специфики национально-культурной и религиозной жизни.

Архивные документы советских органов государственной безопасности вполне естественно имеют общую обличительно-обвинительную направленность против ОУН и УПА в целом и отдельных ее членов, но одновременно содержат много нейтрально-статистической информации, имеют неоспоримую научную ценность. В комплексном сочетании с другими историческими источниками проанализированные документы позволяют реконструировать одну из самых драматических страниц украинской истории.

Я. Л. Примаченко

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ИДЕОЛОГИИ ОУН(б) В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Деятельность Организации украинских националистов (ОУН), в частности ее бандеровской фракции[1] во время Второй мировой войны, является одной из наиболее дискуссионных и политизированных тем в современном историческом дискурсе Центрально-Восточной Европы.

В годы Второй мировой войны в результате контактов оуновцев с населением советской Украины, а также под влиянием военного крыла ОУН(б) – Украинской повстанческой армии (УПА), около 40 % рядовых членов которой не являлись членами националистического движения[2], ОУН(б) начала постепенно отдаляться от националистической идеологии времен 1920–1930-х гг. – периода, когда Западная Украина входила в состав Польши.

Использование определения «националистический» относительно ОУН и УПА в данной статье не несет негативных коннотаций, а priori приписываемых праворадикальным идеологиям, а применяется как самоназвание для обозначения данного национально-освободительного движения и сформированной им интеллектуальной традиции. Термин «Восточная Украина» употребляется в качестве синонима слову «советская» и имеет чисто инструментальное значение, не несущее в себе традиционной дихотомии Восток–Запад.

В ходе военных действий в ряды ОУН(б) влилось новое поколение молодых людей – как представителей Восточной Украины, так и западных украинцев, которые взялись за переосмысление целей

[1] В феврале 1940 г. произошел окончательный раскол ОУН на две фракции – мельниковскую и бандеровскую (от имен их лидеров А. Мельника и С. Бандеры). Фракция С. Бандеры вошла в историю под названием ОУН(б).

[2] Rudling P. Theory and Practice: Historical Representation of the War Time Activities of OUN–UPA (the Organization of Ukrainian Nationalists – the Ukrainian Insurgent Army) // East European Jewish Affairs. 2006. Vol. 36. № 2. P. 170.

организации. На страницах партийной прессы ОУН(б) начались активные дискуссии, направленные на ревизию националистической идеологии. Под влиянием их публицистики, реалий советской действительности и нацистской оккупации на III чрезвычайном съезде ОУН(б), который состоялся в августе 1943 г., бандеровцы отказалась от идеи монопартийности, диктатуры и этнического подхода в построении будущей украинской государственности.

Осознав остроту национального вопроса в СССР, руководство ОУН(б) пришло к выводу, что сможет добиться независимости Украины, только заручившись поддержкой других народов Советского Союза, в том числе и русского. Для мобилизации национально-освободительных стремлений нерусских народов СССР ОУН(б) в ноябре 1943 г. создала Антибольшевистский блок народов, а также национальные формирования (азербайджанцы, белорусы, грузины, казахи, осетины, татары, узбеки, чуваши и др.) в рядах УПА[3].

Большинство исследователей считают, что пересмотр праворадикальной доктрины ОУН был подготовлен тремя группами событий: 1) расколом ОУН в 1940 г.; 2) оккупацией Украины нацистами в 1941–1944 гг.; 3) конфронтацией с украинским Востоком и советской системой, начало которой было положено в 1939 г.[4] Произошедший в результате этих событий мировоззренческий сдвиг, прежде всего в среде рядового членства ОУН(б) и УПА, стал тем фактором, который дал импульс к переходу на демократическую платформу и созданию для координации политической деятельности представительского органа – УГВР[5].

Присоединение Западной Украины к УССР открыло доступ к восточноукраинскому региону. Среди основных проблем, с которыми столкнулись подпольщики ОУН(б) на территории Восточной Украины, было неприятие идеи монопартийности, поскольку жители УССР уже имели опыт правления большевиков и нацистов. Пересмотру подлежали социально-политические и экономические аспекты программы, а также вопрос национальных меньшинств, которые составляли на тот момент около 20 % населения УССР.

Слабость программных положений и уклон в сторону «идеологизма» был обусловлен концепцией ОУН как надпартийной организа-

---

[3] Прокоп М. Роман Шухевич-Чупринка й ОУН і УПА в 1943–44 роках // Сучасність. 1976. № 1. С. 72.

[4] Лисяк-Рудницький І. Націоналізм і тоталітаризм (Відповідь М. Прокопові)// Історичні есе: у 2 т. Т. 2. Київ: Основи, 1994. С. 254–255.

[5] УГВР (Українська Головна Визвольна Рада) – Украинский Главный Освободительный Совет – создан в июле 1944 г., как представительский орган всех политических партий Украины для координации борьбы за независимость.

ции, целью которой являлось объединение всех украинцев в борьбе за свою государственность. Избрав фашизм, украинские националисты взяли скорее форму, чем содержание. Праворадикальная идеология выступала как антитезис либерально-демократической традиции и являлась реакцией западноукраинской молодежи на проигранную украинскими демократами национально-освободительную борьбу 1917–1921 гг.

«Действенный национализм» Д. Донцова 1920–1930-х гг., квинтэссенцией которого было, по определению польского историка Гжегожа Мотыки, «превалирование чувств над разумом, и спонтанности над рассудительностью»[6], а также стремление подражать террористическим практикам более успешных в достижении поставленных целей предшественников, прежде всего российских большевиков и Польской Войсковой Организации Ю. Пилсудского, нашли свое выражение в концепции «перманентной революции». Но уже к средине 1930-х гг. данная концепция себя дискредитировала. «Националистическое переутомление» в обществе и исчерпание физических и моральных ресурсов ОУН привело к снижению уровня ее диверсионно-террористической активности. Последовавшие в 1934 г. массовые аресты оуновцев польской полицией отложили организационные и идеологические вопросы до начала войны.

Процесс разворачивания Второй мировой войны, который для представителей западноукраинского региона ознаменовался последовательной конфронтацией как с советской системой, так и с нацистами, стал периодом исканий, проб и ошибок на пути к созданию Украинской соборной самостийной державы (УССД).

Конец 1942 – начало 1943 г. были периодом интенсивных политических дискуссий в среде ОУН(б). Целая плеяда публицистов призывала к пересмотру существующих программных положений и наполнению их более конкретным социально-экономическим содержанием[7]. Главную роль в этом процессе сыграла УПА и те новые кадры, преимущественно представители Восточной Украины, которые влились в ее ряды. 1943 г. стал переломным для ОУН(б).

Следует отметить, что не все исследователи разделяют оптимизм относительно эволюции тоталитарного движения в сторону

---

[6] Мотика Г. Від Волинської різанини до операції «Вісла»: польсько-український конфлікт 1943–47 / авторизований пер. з пол. А. Павлишина, післямова д.і.н. І. Ільюшина. Київ: ДУХ І ЛІТЕРА, 2013. URL: http://www.polit.ua/analitika/2013/07/02/motyka.html

[7] Прокоп М. УПА і демократизація програми ОУН // УПА і національно-визвольна боротьба в Україні у 1940–1950 рр.: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (25–26 серпня 1992 р.). К., 1992. С. 8–9.

демократизации. Украинский диаспорный исследователь И. Лысяк-Рудницкий в полемике с представителями партийной бандеровской историографии, которые рассматривали постановления III чрезвычайного съезда как знаковые, высказывал сомнения относительно готовности ОУН(б) разделить ведущую роль с представителями других организаций. Во-первых, декларация принципов еще не означает их соблюдения. Поскольку, если следовать этой логике, то и СССР, против которого боролись националисты, согласно его конституции можно считать демократическим государством. Во-вторых, если бы задекларированные в 1943 г. ОУН(б) изменения носили глубинный характер, то демократическая традиция победила бы и в эмиграции после 1945 г., а как известно, неприятие решений 3-го чрезвычайного съезда частью «старой гвардии» стало причиной еще одного раскола организации[8]. В-третьих, создание УГВР, не изменило структуры националистического движения: в руках одного человека – Романа Шухевича была сконцентрирована вся власть, поскольку он одновременно был и руководителем ОУН(б), и командиром УПА, и председателем УГВР. Но все же И. Лысяк-Рудницкий допускал возможность реальной демократизации националистического движения, если бы история дала ему шанс развиться на родных землях[9].

Представители нового поколения западных историков в большинстве своем критически рассматривают переход ОУН(б) на демократическую платформу. Например, шведский историк П. Рудлинг, считает данный процесс чисто декларативным, хорошо просчитанным стратегическим шагом, целью которого являлась переориентация на западных союзников. Решение принималось после поражения Германии в Сталинградской битве и непосредственно перед началом компании УПА против поляков, из чего П. Рудлинг делает вывод: «Новый курс делал ударение на гражданском национализме, плюрализме и демократии. Вряд ли возможно, чтобы формальное изменение политической ориентации было более резким. Те же люди, которые отстаивали этническую чистоту нации, территориальную экспансию и геноцид несколькими годами ранее, теперь стали искать расположения Рузвельта вместо Гитлера и подтверждать свою приверженность западным ценностям»[10].

---

[8] В 1954 г. в эмиграции произошел раскол ОУН(б). Из-за нежелания С. Бандеры признавать постановления III чрезвычайного съезда, из состава организации вышла часть членов, которые оформились в отдельную организацию – ОУН(з), т. е. ОУН за границей. В украинской историографии эта группа получила название «двійкарі» из-за коллегиального управления двумя лидерами – Л. Ребетом и З. Матлой.

[9] Лисяк-Рудницький І. Указ. соч. Т. 2. С. 489–491.

[10] Rudling P. Theory and Practice: Historical Representation of the War Time Activities of OUN–UPA... P. 169.

Справедливости ради, стоит отметить, что резкие оценки П. Рудлинга не в последнюю очередь продиктованы его политическими воззрениями, о чем свидетельствует недавний скандал вокруг турне украинского историка Р. Забилого по университетам США и Канады с курсом лекций, посвященных проблеме академической свободы в Украине. Рудлинг развернул целую компанию против этого турне из-за того, что оно было инициировано украинскими диаспорными организациями правого толка, а работы самого Забилого, по мнению Рудлинга, переполнены националистической апологетикой[11].

Этот небольшой экскурс в историографию вопроса представлен здесь с целью проиллюстрировать полярность оценок и уровень политизации проблемы ОУН–УПА, в частности истории националистического движения в период Второй мировой войны.

Реализация демократических принципов в условиях войны является довольно сложной, если не сказать невозможной. Как правило, во время войны преобладают тенденции иного характера. Действительно, процесс демократизации был сложный и неоднозначный, а теория часто расходилась с практикой. Однако именно конфронтация с советской властью стала тем катализатором, который заставил оуновцев начать ревизию своих позиций. Поскольку лозунг «Украина для украинцев» не находил поддержки среди населения Восточной Украины и давал советской власти неоспоримый «козырь» в пропагандистской войне против ОУН, позволяющий клеймить ее уже апробированным клише «украинско-буржуазного националиста». Реальное наполнение националистической идеологии было не так однозначно, как представляла советская пропаганда. При всей своей дискуссионности, заложенные 3-м чрезвычайным съездом ОУН(б) 1943 г. принципы стали основополагающими и получили свое дальнейшее развитие в последующих работах ее идеологов.

Для оуновских публицистов главным стал национальный вопрос в СССР, в фокусе которого, оказалась проблема взаимоотношений украинцев с русскими как государствообразующим народом СССР.

Бывший солдат УПА Петр Потичный, а ныне почетный профессор Макмастерского университета, анализируя эволюцию украинского интегрального национализма во время Второй мировой войны, одним из первых обратил внимание на пересмотр оуновцами отношений с Россией. П. Потичный отмечал, что положения II съезда

[11] Rudling P. Ukrainian Ultranationalists Sponsor Lecture Tour across North American Universities. URL: http://www.searchlightmagazine.com/news/international-news/ukrainian-ultranationalists-sponsor-lecture-tour-across-north-american-universities

ОУН(б) (апреля 1941 г.) относительно русского вопроса, оказались нежизнеспособными в условиях продвижения националистической идеологии на Восток. Именно восточный фактор определил возвращение украинского подполья к традициям Центральной Рады, которые в 1920–1930-х гг. были отвергнуты националистически настроенной молодежью Западной Украины.

Воинственный тон «антимосковских» постановлений II (апрель 1942 г.) и III (февраль 1943 г.) конференций ОУН(б) сменился более толерантной терминологией положений III чрезвычайного съезда. Во-первых, в документах перестало фигурировать слово «москаль». Во-вторых, произошло четкое размежевание понятий «российский империализм» и «русский народ». Именно этот принцип будет заложен в основу идейно-программных положений УГВР[12], а следовательно, и внешнеполитической доктрины, которую они представляли на Западе.

П. Потичный считал, что разработка новых подходов к русскому вопросу произошла с благословения Р. Шухевича и была вызвана появлением в рядах УПА русских. На это также указывают пропагандистские листовки адресованные русским. В связи с этим любопытным является наблюдение П. Потичного, который отмечал, что эти листовки «базировались больше на рациональных, нежели эмоциональных аргументах, и тем отличались от листовок другим народам». Такой подход был продиктован четким пониманием оуновскими пропагандистами доминирующей роли русских в советской системе.

Большой вклад в переоценку украинско-русских отношений был сделан представителем Восточной Украины И. Позычанюком (печатался под псевдонимами Д. Ш., Д. Шахай, Шугай). Центральным положением концепции И. Позычанюка был тезис о невозможности обретения украинцами собственного государства без помощи русского народа, который также должен восстать против советской тирании: «От того, в какой позиции к большевизму будет стоять русский народ, зависит, в конце концов, быть или не быть украинскому государству». Справедливость данного тезиса подтверждена самой историей: именно всплеск русского национализма стал одним из главных факторов дезинтеграции СССР.

Позычанюк считал, что для русской нации, которая в течение всей своей истории имела собственное государство, национальная борьба украинцев была чуждой. Для России основополагающими всегда

[12] Потічний П. Українсько-російські відносини в політичній думці українського підпілля часу Другої світової війни // Сучасність. 1992. № 7. С. 14.

были политические и социальные факторы. Именно недовольство социально-экономической ситуацией позволило большевикам прийти к власти. Из этого следует, согласно логике Позычанюка, что разрушив империю Романовых, русский народ мог так же легко разрушить и советскую империю.

В соответствии с этим, чтобы заручиться поддержкой русских, надо было открыть им глаза на настоящую суть советского социализма, который сформировал новый класс эксплуататоров. Таким образом, концепция Позычанюка предусматривала процесс создания независимой Украины в два этапа: «организация революции во всем СССР и укрепление украинского государства»[13].

Значительный вклад в развитие и осмысление новых подходов к проблеме украинско-русских взаимоотношений был сделан и представителями Западной Украины. Среди них особое место занимает О. Дякив (печатался под псевдонимами Артем, А. Осипенко, О. Гончарук, О. Горновый). Его публицистическое наследие – яркий образец ууновской пропаганды. Разъясняя отношение ОУН к русскому народу и к российским империалистам, О. Дякив писал: «ОУН борется не против русского народа, а за освобождение Украины от гнета российско-большевицких захватчиков. ОУН стоит на позиции, что Российское государство должно совпадать с этнографическими границами русского народа и ни коим образом не выходить за эти границы. С русским народом, у которого будет свое национальное государство на своей этнографической территории, который не будет выступать против национально-освободительных стремлений украинского народа, с русским народом, который не стоит на позиции империализма, а борется за уничтожение своих имперских клик, с таким русским народом мы стремимся к теснейшему сотрудничеству сегодня и в будущем. Исходя из такого положения, ОУН борется за уничтожение российско-большевицкой тюрьмы народов и перестройки СССР на независимые государства всех народов, в кругу которых нашлось бы место и для национального государства русского народа. Тем самым ОУН борется за отделение Украины от России, поскольку это единственный путь для того, чтобы положить край национальному порабощению украинского народа, колониальному грабежу его богатств, ужасной эксплуатации его труда российско-большевицкими империалистами»[14].

---

[13] Потічний П. Українсько-російські відносини в політичній думці українського підпілля часу Другої світової війни. С. 16–20.

[14] Дяків-Горновий О. Наше становище до російського народу // Дяків-Горновий О. Ідея і чин: повна збірка творів. Нью-Йорк; Торонто; Мюнхен: Товариство колишніх вояків УПА, 1968. С. 154.

Развивая доминирующие среди публицистов ОУН тезисы, О. Дякив активно изобличал эксплуататорскую суть советской системы, в том числе по отношению к государствообразующему народу – русским: «Относительно русского народа, то большевицкий класс эксплуатирует его социально так, как эксплуатировали его помещики и капиталисты. Класс большевицких вельмож низвел его до положения новых рабов, придавленных тяжелым игом сталинского деспотизма и эксплуатации. Они лишили его каких-либо политических и гражданских прав. Русский народ не принимает никакого участия в руководстве государством...»[15]

Вышеприведенные цитаты из статей националистической подпольной прессы не только демонстрируют позицию ОУН относительно целей ее борьбы и места русского народа в этой борьбе, но еще являются очень примечательными с точки зрения той лексики, которую использовали их авторы. Антиколониальная и, что характерно, классовая риторика, рефрены, использование специальных терминов, как например: «российско-большевицкие империалисты», «класс большевицких вельмож», «российско-большевицкая тюрьма народов» и т. д. Тут прослеживается симметричный ответ националистического подполья на аналогичные клише со стороны советской пропаганды, которая широко использовала термин «украинские буржуазные националисты». Подпольная пресса ОУН активно боролась против сформированного советской пропагандой «антирусского» образа украинского национализма. Отказ употреблять термины «радянський» и «СРСР» («советский» и «СССР» – украинский аналог), использование в оуновской прессе слова «Совєти» как синонима термина «советский режим» демонстрировало отрицание народнопредставительской сущности советской власти в СССР и, учитывая те контексты, в которых оно использовалось, несло четко выраженную негативную «империалистическую» коннотацию. Оуновская публицистика не оставляет места для разночтений – националистическое подполье позиционировало себя в категориях антиколониального национально-освободительного движения.

Широкое использование классовой терминологии стало следствием принятых III чрезвычайным съездом новых программных положений, в которых организация отказывалась от идеалистического мировоззрения как единственно верного. В статье, посвященной данному вопросу, О. Дякив так поясняет причины такого решения: «Если бы мы признали за единственно верный идеализм или материализм, и при этом хотели бы избежать корректив, которые вносит развитие

[15] Там же. С. 161.

науки, дабы таким образом сохранить силу стройности и законченности мировоззрения, мы должны были бы тогда осудить науку, мы должны были бы воспрепятствовать ее свободному развитию, мы должны бы были тогда стать на путь партийности науки и подчинить ее политике так, как это сделали большевики»[16].

Отойдя в своей практике от отождествления российского империализма с русским народом, идеологи националистов все же не питали ложных иллюзий. Соглашаясь с И. Позычанюком относительно того, что русский народ нельзя обвинять за ту репрессивную политику, которую проводит советское руководство в отношении украинцев, О. Дякив все же был скептичен в оценках протестного потенциала русских. Поскольку часть русских служит империалистическим целям большевиков, то О. Дякив полагал довольно наивным думать, что русский народ с легкостью восстанет против своей имперской элиты, учитывая, что большевики довольно успешно разжигали и эксплуатировали российский шовинизм[17].

Имелись среди идеологов ОУН(б) и иные точки зрения. Например, Я. Богдан (печатался под псевдонимами Рамзес, В. Рамзенко) скептически относился ко всем «соседям» Украины, а к России особенно негативно. В отличие от своих коллег Я. Богдан рассматривал российский империализм как ментальную особенность русской культурной традиции безотносительно классовой принадлежности отдельных групп русского народа. В своих статьях он писал: «Все повелители, все лидеры Российского государства – это жадные, ненасытные империалисты и вместе с тем жестокие, немилосердные, кровавые тираны... сам русский народ – это такой народ, который очень легко, без значительного сопротивления позволяет своим повелителям делать с ним все, что им захочется. ...Такой характер русского народа позволяет его повелителям делать его орудием для нападения на другие народы... И вот из-за такого поведения российских повелителей и из-за такого характера русского народа страдают все его соседи»[18]. По сути Богдан идет вразрез с генеральной линией ОУН(б), рассматривая империализм как a priori присущий русским, где и руководители и народные массы – две стороны одной медали. Но несмотря на весь свой негативизм в отношении России, он все же выступает за предоставление всем гражданам будущего независимого украинского государства, включая национальные мень-

[16] Дяків-Горновий О. Яка філософія – ідеалістична чи матеріалістична – обов'язує членів ОУН // Дяків-Горновий О. Ідея і чин: повна збірка творів. С. 148.

[17] Там же. С. 21.

[18] Рамзенко В. Чому ми за самостійну соборну державу? Київ; Львів, 1953. С. 33–35.

шинства, равных прав, при условии, что они не будут действовать во вред украинскому народу и его государственности[19]. Учитывая, что русские представляли значительный процент населения Советской Украины, такая позиция несколько смягчает общий антирусский тон статей Богдана.

Анализ подпольной прессы ОУН(б), как и разногласия в позициях авторов, является прямым свидетельством того, что при всех издержках военного времени, которое вносило свои коррективы в практику украинского националистического подполья, все же говорить о чисто декларативно-прикладном значении решений III чрезвычайного съезда не приходится. Конечно, не замечать утилитарный характер многих положений было бы неправильно, но это – закономерный результат вызовам военного времени, которое обеспечило приход к власти в ОУН(б) прагматиков и, как следствие, наполнение программы конкретным содержанием.

[19] Там же. С. 5.

И. Б. Орлов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ

В рамках данной статьи на основе документов двух центральных российских архивов (Государственного архива Российской Федерации и Российского архива социально-политической истории) реконструируется «пропагандистский поворот» на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Отложившиеся в ГА РФ документы ТАСС, Совинформбюро, Всесоюзного радиокомитета и Антифашистских комитетов позволяют уловить трансформацию пропагандистских установок и образов[1]. Так, заголовки вестников Редакции фронтовой информации за 1944 г.[2] демонстрируют снижение удельного веса публикаций, посвященных теме мести и сюжетов, связанных с патриотизмом. Анализ подзаголовков материалов Редакции контрпропаганды[3] позволяет выделить ряд направлений пропаганды: на все страны; на нейтральные страны; на оккупированные страны; на Германию и ее союзников; отдельно на союзников Германии; на отдельные страны фашистского блока; на США, Англию и другие страны антигитлеровской коалиции. В свою очередь, списки вычерков Главлита позволяют увидеть, как новый пропагандистский конструкт обретал свою плоть и кровь с помощью «ножниц» цензора[4].

Материалы Управления пропаганды и агитации и ВПШ при ЦК КПСС, Центральных газетных курсов при ЦК партии и Политиздата[5], личных фондов А. А. Жданова, П. Н. Поспелова, А. С. Щербакова

---

[1] ГА РФ. Ф. 4459. ТАСС; Ф. 8581. Совинформбюро; Ф. 6903. Гостелерадио СССР; Ф. 6646. Славянский комитет СССР; Ф. 7928. Антифашистский женский комитет; Ф. 8114. Еврейский антифашистский комитет.

[2] Там же. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 24–33.

[3] Там же. Оп. 20. Д. 104–144.

[4] Там же. Ф. 9425с. Главлит. Оп. 1. Д. 287–289, 391 и др.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 125. Управление пропаганды и агитации; Ф. 612. Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Оп. 1, 2, 4, 5; Ф. 618. Центральные газетные курсы при ЦК ВКП(б). Оп. 1; Ф. 623. Политиздат. Оп. 1.

и других[6] помогают уловить не только влияние на этот процесс видных деятелей советского Агитпропа, но и специфику распространения концепта «советского патриотизма» в армии и в тылу, в городе и деревне, в студенческой аудитории и в заводском цеху.

Поворотной точкой в масштабном использовании нового концепта можно считать речь И. В. Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 г.: «В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. ...В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами»[7].

Конечно, само понятие «советского патриотизма» не было чем-то новым. Более того, первые признаки «пропагандистского поворота» наблюдались уже в начале 1944 г. Так, в отчете о работе отдела военной цензуры Генштаба РККА за декабрь 1943 г. указывалось на политическую ошибочность статьи «Беспримерный подвиг народа», опубликованной в № 272 от 15 ноября 1943 г. газеты 23-й армии «Знамя победы». Цензор обратил внимание на то, что в статье, рассказывающей об источниках силы Советского Союза, ничего не говорилось «о руководящей и организующей роли партии в борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками»[8]. План статей отдела пропаганды «Правды» на январь–февраль 1944 г., направленный П. Н. Поспеловым Г. М. Маленкову, помимо материалов о доблести советского народа и героизме красноармейцев, содержал статью Поспелова о советском патриотизме[9]. Тематика докладов и лекций МОПР на апрель 1944 г., рекомендованная партийными организациями, нацеливала на «воспитание советского патриотизма»[10].

Отчасти смещение акцентов было вызвано некоторым перекосом в обращении к историческим образцам патриотизма. Так, в начале 1943 г. ГПУ РККА направило в войска специальную директиву о воспитании патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. В различных изданиях политуправлений фронтов

---

[6] Там же. Ф. 77. Жданов А. А. Оп. 3; Ф. 82. Молотов В. М. Оп. 2; Ф. 88. Щербаков А. С. Оп. 1; Ф. 629. Поспелов П. Н. Оп. 1.

[7] Сталин И. В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 года // Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 197–198.

[8] ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 291. Л. 7–9.

[9] РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 82. Л. 16–20.

[10] ГА РФ. Ф. 8265. Оп. 1. Д. 168. Л. 113.

особо выделялся раздел об этике поведения русского офицера. Материалы ТАСС с осени 1943 г. в связи с битвой за Смоленск выстраивали прямые аналогии с событиями Отечественной войны 1812 года[11]. В речи на митинге одного из руководителей партизанского движения в Орловской области генерал-майора Горшкова исторический экскурс велся от Лжедмитрия и Петра I к Кутузову и Щорсу[12]. В пропагандистских материалах 1944 г. довольно подробно рассказывалось о бронепоездах «Козьма Минин» и «Илья Муромец»[13].

Активное использование в пропаганде патриотического дискурса и исторического наследия России у части общества и элиты вызывало целую гамму чувств, начиная с удивления и заканчивая обвинениями в сдаче классовых позиций. Настораживало и то, что происходило в стране в 1943 г. на пике патриотической пропаганды: роспуск Коминтерна, реабилитация Православной церкви как ресурса патриотической мобилизации, введение в армии «старорежимных» погон, учреждение ордена Славы как прямого преемника Георгиевского креста и пр. Более того, упор на русские патриотические традиции сопровождался определенным ростом антисемитизма у части советской идеологической элиты. 15 июля 1943 г. начальник Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александров и заведующая отделом культпросветучреждений Т. М. Зуева в письме А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову о работе Государственного академического Большого театра сетовали, что «вопреки традициям», из репертуара театра «в последние годы исчезли лучшие русские оперы». Причину сложившегося положения авторы письма усматривали в том, что «в старейшем русском театре руководящий состав работников театра подобран односторонне по национальному признаку»: из 10 перечисленных в письме лиц, 7 (включая и. о. директора театра Леонтьева и художественного руководителя Самосуда) были евреями[14]. Участились факты проявления антисемитизма и на местах. К примеру, в 1944 г. в школах Волжского района Марийской АССР ученики на уроках заявляли, что у евреев существует обычай употреблять кровь христианских детей[15].

Пропагандистская инерция зимы–весны 1944 г. демонстрировала верность старым образцам. Так, 19 января 1944 г. А. С. Щербаков направил Л. П. Берии проект доклада «Под знаменем Ленина – Сталина советский народ идет к победе» на траурном заседании, посвященном

[11] ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 21. Л. 45.

[12] Там же. Л. 100.

[13] Там же. Д. 34. Л. 45–47.

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 101–104.

[15] Там же. Д. 311. Л. 26.

памяти В. И. Ленина, в котором внимание еще акцентировалось на том, что «великий русский народ, как старший брат в семье народов Советского Союза, сплотил вокруг себя все народы нашей Родины»[16]. Вестник фронтовой информации ТАСС от 7 апреля 1944 г. сообщал о выставке работ художника-фронтовика майора Ярослава Титова, открывшейся во фронтовом Доме Красной армии. Среди почти семидесяти картин, портретов, этюдов и зарисовок, автор заметки (спецкор ТАСС на Карельском фронте капитан К. Сухин) обратил внимание на акварели «Дальше немцы» и «Честь погибшим», проникнутые патриотическими настроениями. Также спецкор особо отметил обращение художника к историческому прошлому в серии акварелей «Новгород»[17].

Из сводки изъятий цензуры за январь–май 1944 г. узнаем, что цензор Гольдентрихт запретил к печати ряд стихов Иосифа Уткина, включенных в сборник избранных стихов автора 1924–1943 гг. «О родине, о дружбе, о любви» (Гослитиздат, 1944). В частности, стихи о родине, написанные в дни Отечественной войны, были охарактеризованы цензором как весьма неглубокие и поверхностные по своему содержанию, лишенные «боевого патриотического духа». По мнению цензора, у поэта «образ Родины не зовет на борьбу против ее врагов, а наоборот порождает безмятежно блаженное состояние»[18]. Даже в конце октября 1944 г. на совещании в Политиздате поднимался вопрос о необходимости разработки темы «Роль русского народа в Отечественной войне». Партизанскую тематику было предложено освещать путем исторических параллелей с Отечественной войной 1812 года. Говорилось и о необходимости брошюры, разъясняющей, что «солдат Красной армии – носитель суворовских традиций»[19]. В приказе Комитета по делам искусств при СНК СССР от 10 ноября 1944 г. было отмечено «недостаточное использование русской классической драматургии»[20]. Из отчета о работе Госполитиздата за 1944 г. видно, что сохраняется издательский интерес к вопросам борьбы за свободу и независимость нашей Родины, описанию героизма русского народа, жизни и деятельности полководцев: книги и брошюры 24 наименований (15,2 % от общей тематики) были изданы 1,6 млн экз. (5,3 %) объемом 183 п. л. (25 %)[21].

---

[16] Там же. Д. 241. Л. 22–29.

[17] ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 27. Л. 49 об. – 50.

[18] Там же. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 287. Л. 13–14, 35–38, 61–63, 84.

[19] РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 5–5 об.

[20] Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 297. Л. 93–95.

[21] Там же. Ф. 623. Оп. 1. Д. 466. Л. 1–3, 7.

Но уже с начала 1944 г. в СМИ и выступлениях идеологических работников появляются критические интонации относительно тех, кто слишком руководствуется примерами и опытом далекого прошлого. Все чаще стали говорить об опасности механического перенесения минувшего опыта на современность. В противовес этому настойчиво напоминалось о революционных традициях и примерах героизма из истории партии, жизни вождей и опыта Красной Армии.

К лету 1944 г. на острие пропагандистской работы оказалась историческая наука, о чем свидетельствует содержание писем, дискуссий и совещаний этого года. Исторические дискуссии 1944 г. вокруг проблемы соотношения национального и интернационального выявили:

• отсутствие «ясности по некоторым принципиальным вопросам отечественной истории», а по ряду вопросов даже «существенные разногласия». Это касалось, прежде всего, сюжетов, связанных с присоединением народов и территорий (в том числе о применимости теории «меньшего зла» в отношении народов Средней Азии), восстаниями против царизма на окраинах империи, местом малых народов в курсах по истории СССР[22];

• критику, с одной стороны, попыток использования «прогрессивно-исторических, народных традиций» в «духе буржуазного национализма», т. е. сведения к прогрессивным явлениям всего, что увеличивало мощь России, независимо от классовых оценок. А. В. Ефимов в письме И. В. Сталину о состоянии исторической науки 27 мая 1944 г. привел случай, когда один учитель предложил снять тему: «I Интернационал» из программы средней школы. Он же, выступая на совещании по вопросам истории 5 июня 1944 г. говорил о неправильности «изображать Россию, как страну, в которой в 1812 году классы куда-то исчезли». Еще одной наглядной иллюстрацией критики «буржуазного национализма» стало выступление на этом же совещании И. И. Минца, усмотревшего вредную тенденцию «поднять на щит все, что можно изобразить борцом против старой России... не считаясь с тем, с кем мы имеем дело: может быть это просто абрек, разбойник». В качестве примера он привел книгу писателя Евгеньева «Пулеметчик Ханпаша» о 22-летнем Герое Советского Союза Ханпаше Нурадилове, убившем 920 немцев. Будущего академика возмутило, что вместо показа, «что сделала советская власть для воспитания таких героев», у писателя герой продолжает традиции Шейхат Мансура времен Екатерины II[23];

---

[22] РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 26. Л. 16–17.

[23] Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 71–73, 121–122, 128–129, 143.

• с другой стороны, выступления против «абстрактно-классового» подхода, отрицающего в принципе моменты общегосударственного и национального единства в российской истории[24];

• критику отождествления морально-политического единства народа до и после октября 1917 г. и выделение, в силу этого, «небывалой в истории высшей, социалистической формы морально-политического единства» в годы Великой Отечественной войны[25];

• предложение «создать советскую теорию эволюции русской державы», положив в ее основу «три динамических момента»: «поворот на мирный труд» после походов на Византию («Наша история – есть история колонизации»), идеи «дружной обороны» и «равноправного подхода ко всякой другой национальности»[26];

• выдвижение в «благородном соревновании» принесения жертв для Родины на первый план русского народа и смещение акцентов в изучении истории народов СССР в сторону того, «когда и как вошли эти народы в состав Руси» и что «заставило их... держаться за связь с русским народом»[27];

• критику ошибочности и вредности изображения России «как извечно агрессорной, а окружающих ее стран и народов, как извечно страдающих». К примеру, казахский историк Маргулан жаловался, что в отечественной историографии «установилось отрицательное отношение к монгольским нашествиям на Россию», тогда как в них принимали участие те, которых казахи считали «своими национальными героями». Академик В. П. Волгин прокомментировал эти слова как приписывание татарскому игу черт прогрессивного явления[28].

Еще до указанного выше выступления Сталина, в октябрьском номере 1944 г. журнала «Агитатор и пропагандист Красной Армии» патриотизм досоветского периода был объявлен исторически ограниченным. Что, впрочем, не помешало автору статьи говорить о сближении в общественном сознании периода войны «русского» и «советского» патриотизма[29]. На совещании работников агитмассовой редакции Политиздата 23 октября 1944 г. было намечено включить в редакционный портфель на 1 квартал 1945 г. работы о патриотизме колхозного крестьянства и советском патриотизме вообще. Сразу

[24] Там же. Д. 1050. Л. 2–5 об.; Д. 1051. Л. 143.

[25] Там же. Д. 1051. Л. 71–73.

[26] Там же. Л. 143.

[27] Там же. Л. 156–157.

[28] Там же. Л. 208–209.

[29] Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995. С. 52–54.

нескольким авторам предполагалось заказать брошюры на тему «Советский патриотизм – великая сила»[30].

Новый концепт включал в себя ряд идеологических конструкций для «внутреннего использования»: многонациональной Красной армии, особой роли октября 1917 г. и Гражданской войны в трансформации сущности патриотизма и т. п. Но помимо внутреннего измерения, решающую роль в закреплении концепта «советского патриотизма» сыграл внешнеполитический фактор – выход советских войск на границы СССР. 30 октября 1944 г. на очередном совещании в Политиздате звучали упреки, что в тематическом плане издания на I квартал 1945 г. отсутствовала тема вступления Красной армии на территорию сопредельных государств. В связи с этим звучали предложения осветить тему «Красная Армия» «в другом разрезе»: как освободительница «всех свободолюбивых народов» и «борец за демократию»[31]. Впрочем, из сводки изъятий цензуры в материалах печати за 1944 г. видно, что цензура не приветствовала прямые указания на то, что в войне «мы боремся не только за свое освобождение, а осуществляем великую освободительную миссию по отношению ко всем народам»[32]. И это неудивительно. Ведь в регионах бытовало весьма своеобразное понимание демократизации Европы. 2 июля 1945 г. уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Узбекской ССР Татаринцев направил Г. М. Маленкову докладную записку, в которой указывал, что заведующая Термезским райздравотделом Хайбулина «вопрос демократизации европейских государств, занятых нашей армией понимает, как создание в этих государствах Советской власти и присоединение их к Союзу ССР»[33]. Думается, что она не была одинокой в своих ожиданиях.

Из отчета о работе Славянского комитета за 1944 г. узнаем, что проблему славянского движения невозможно рассматривать «вне законов классовой борьбы, краеугольном камне марксистско-ленинской теории». В течение года издающийся Всеславянским комитетом журнал «Славяне», «в прошлом сосредотачивавший свое внимание на показе славного прошлого славянских народов», перестроил свою тематику «в сторону большей актуализации печатаемых материалов». Уже в № 1 журнала за 1944 г. была опубликована «исключительно ценная статья» М. Калинина «Славяне и война», а в последних номе-

[30] РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–2.

[31] Там же. Л. 5–5 об.

[32] ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 287. Л. 3 об., 5 об.

[33] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 343. Л. 123–135.

рах журнала был напечатан ряд материалов, «разоблачающих польских и югославских реакционеров»[34].

Тем не менее именно сталинская речь активизировала процесс оформления нового пропагандистского конструкта. 23 февраля 1945 г. на теоретической конференции работников газеты «Правда» известный партийных публицист Д. О. Заславский, отталкиваясь от сталинской формулы советского патриотизма как «высшей формы патриотизма», развивает идею советского патриотизма как соединения традиционного патриотизма с интернационализмом. К любви к родным местам и народу Заславский добавляет «политическую любовь» к своему государству и общественному строю. У него патриотизм превращается в идеологию трудящихся, а советский патриотизм становится выражением «коммунизма, проповедуемого нашей партией». И этот новый патриотизм «вступает на новую почву» в связи с выходом советского человека в Европу. Эти идеи «прогрессивного патриотизма и воспринимающего» развивает в своем выступлении писатель В. М. Кожевников. В частности, он обрушивается с критикой на повесть Константина Симонова «Дни и ночи», где «ни у одного солдата не найдете ни одного впечатления, связанного с... исторической битвой» за «первое в мире социалистическое государство, которое обрел наш народ в 1917 году», а все отнесено к прошлому[35].

Показательно, что заместитель заведующего Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) Л. А. Слепов 6 апреля 1945 г. направил письмо Г. М. Маленкову с критикой тезисов отдела пропаганды и агитации Дрогобычского обкома КП(б) Украины «Об исторических особенностях Православной Российской и Западно-Украинской Греко-католической церквей». Партийный функционер охарактеризовал эти тезисы как «грубо ошибочные» за стремление «приукрасить передовую роль церкви». В частности, Слепов расценил как «заискивание перед духовенством» заявление, что «православная церковь, освобожденная Октябрьской революцией от кабального союза с царизмом, теперь в условиях советского строя обновила свое благородное лицо и репутацию»[36]. Очевидно, что церкви не было место в идеологии «советского патриотизма».

Судя по всему, печать недостаточно активно включилась в процесс распространения нового пропагандистского конструкта. В апреле 1945 г. редактор газеты 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» Н. А. Бубнов получил из «Известий» письмо от В. А. Хмелевского с рассуждениями о «существе советского патриотизма». В частности,

[34] ГА РФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 53. Л. 5–15.

[35] РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 83. Л. 3, 5, 9, 11, 17, 18–19, 25–28, 30–32, 52–55.

[36] Там же. Ф. 17. Оп. 125 Д. 313. Л. 3–4.

корреспондент центральной газеты обратил внимание на то, что автор передовой статьи одного из номеров «Суворовца», «разбирая подвиг героя и его отношение к советской Родине, ни разу этот самый эпитет, стоящий перед словом Родина выше, не произнес». Для Хмелевского, «Родина вообще и родина советская – понятия разные в своей вершине, хотя и имеющие общий корень». Отсюда риторический вопрос «известинца»: «Надо ли оперировать менее совершенным по идейной глубине понятием, когда создалось более совершенное?»[37]

С завершением войны проблематика советского патриотизма получила новое развитие. Так, выступая с лекцией «О значении изучения курса истории партии» в ВПШ при ЦК ВКП(б) 12 мая 1945 г., П. Н. Поспелов «корни... победы» усмотрел «в глубокой истории нашей героической партии»[38].

Однако даже в середине 1945 г. «пропагандистский маятник» продолжал колебаться между патриотическим и интернациональным полюсами. В письме «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1943 год и в области киноискусства за 1943–1944 годы»[39], направленном И. В. Сталину в июне 1945 г. некоторыми членами Комитета, содержалась развернутая аргументация в пользу будущих лауреатов и их творений. В обширном сопроводительном письме Г. М. Маленков, А. А. Жданов, Г. Ф. Александров, М. Б. Храпченко, И. Г. Большаков и Н. С. Тихонов выражали свое мнение (в том числе не совпадающее с решениями Комитета) по ряду позиций. К выдвинутым на первую премию в области музыки ораторию Ю. А. Шапорина «Сказание о битве за русскую землю» («лучшие традиции русского музыкального эпоса») и квартету № 9 Н. Я. Мясковского (образец «русской инструментальной камерной музыки»), авторы письма предложили добавить руководителя хора имени Пятницкого композитора В. Г. Захарова, чьи песни «Слава советской державе», «Стань лицом на запад» и др. «получили широкое распространение в стране». Также, вопреки мнению большинства членов Комитета, они посчитали кинокартины «Зоя» Л. О. Арнштама, «Георгий Саакадзе» М. Э. Чиаурели и «Радуга» М. С. Донского достойными не второй, а первой степени. Также на первую премию была предложена отклоненная Комитетом 1-я се-

---

[37] ГА РФ. Ф. 8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 176–184.

[38] РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 36. Л. 127 об. – 128.

[39] Сталинские премии не присуждались в 1944 и 1945 гг. Лауреаты премии были названы только в 1946 г. в постановлениях Совмина СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся достижения в области искусства и литературы за 1943–1944 годы» (Правда. 1946. 27 янв.) и «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1945 год» (Правда. 1946. 27 июня).

рия кинофильма «Иван Грозный» С. М. Эйзенштейна, а на вторую – не набравший необходимого для выдвижения большинства голосов фильм Л. Д. Лукова «Два бойца».

Определенный компромисс прошлого и настоящего был достигнут при выдвижении на сталинские премии в области художественной прозы. Так, на премию 1-й степени были выдвинуты два исторических произведения («Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова и «Порт-Артур» А. Н. Степанова), а на премию второй степени – повесть Б. Л. Горбатова «Непокоренные» о «патриотизме советских людей в оккупированном немцами Донбассе, о нерасторжимой связи нашего народа с советским строем, с большевистской партией». Наоборот, в области поэзии победили произведения в жанре «советского патриотизма» (поэмы «Знамя бригады» молодого белорусского поэта А. А. Кулешова и «Сын» П. Г. Антокольского), тогда как поэма А. А. Прокофьева «Слово о русских богатырях», в которой поэт «создал обобщенный поэтический образ богатырской силы русского народа», была выдвинута только на вторую премию[40].

Завершением рассмотренного в статье «пропагандистского поворота» можно считать апрель 1946 г., завершивший затянувшийся период перестройки военной пропаганды. В этом месяце А. А. Жданов и Г. Ф. Александров направили А. А. Кузнецову и Г. М. Попову «Предложения о мероприятиях по улучшению руководства агитпропработой и по укреплению аппарата Управления пропаганды ЦК ВКП(б)», в которых отмечались «крупные недостатки» в агитационно-пропагандистской и идеологической работе и, прежде всего, «тенденция... к одностороннему увлечению исторической тематикой». В противовес авторы записки предлагали усиление классово-партийной составляющей пропаганды: издание в 1946 г. брошюр на темы: «Что такое капитализм», «Как рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии установили и отстояли Советскую власть», «Борьба рабочих и крестьян под руководством партии Ленина–Сталина за построение социалистического общества в нашей стране», «Как устроено советское государство», «Как построена ВКП(б)», «Почему Советский Союз победил в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «Что такое коммунизм» и т. п.[41] Исторические образцы патриотизма и общепатриотический дискурс военной поры были малоприменимы в условиях развертывающейся «холодной войны» и насаждения советских институтов и «преимуществ социализма» в странах Восточной Европы.

---

[40] РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 28. Л. 19–34.

[41] Там же. Д. 24. Л. 20–43.

О. Петренко

ЗОНЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ «ВОСТОЧНИЦ» В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ

В 2012 г. специальную награду конкурса «Коронация слова» за историческо-патриотическое произведение получил роман Андрея Кокотюхи «Червоний» («Красный»)[1]. В центре этого произведения жизненные перипетии одного из командиров Украинской повстанческой армии (УПА), Данила Червоного, фиктивного персонажа, о котором в романе вспоминают сразу несколько протагонистов и подают разные отрезки его биографии (от укрытий в бункере до пребывания в советских лагерях). Кокотюха позиционирует свое произведение как исторический роман, ссылаясь в эпилоге на консультации с историками, прочтение соответствующей специализированной литературы и даже на работу с архивными материалами. В одной из сюжетных линий романа речь идет об убийстве Лизы Ворониной, москвички 22-х лет, учительницы русского языка и литературы в послевоенной Волыни. Она была найдена в колодце жителями деревни. Молодой сотрудник милиции Михайло Середа, который общался в деревне с Лизой и даже успел в нее влюбиться, вначале вне себя от ярости и хочет обязательно найти убийц Лизы. Свидетели ее убийства утверждали, что акт был совершен бойовкой Червоного.

Однако в процессе развития сюжета, милиционер Середа, оказывается в бункере Червоного и выясняет, что убийцами Лизы были не повстанцы, а переодетые, замаскированные под них, члены спецгруппы советских органов безопасности. Он также узнает, что убийства в деревне до его прихода тоже совершали именно эти люди, но не УПА или Служба безопасности ОУН(Б)–СБ ОУН(Б). Все эти действия, вплоть до розыгрыша монологов псевдо-Червоного были ничем иным как инсценировкой советских спецслужб с целью очернения повстанцев в глазах жителей деревни.

[1] Кокотюха А. Червоний. Київ, 2012.

Кокотюха безусловно поддержал традицию дальнейшего бронзирования образа повстанцев, подавая однозначную трактовку массовых убийств учителей в послевоенное время на территории Восточной Галиции и Волыни. В его романе профкадры с востока и из центра Украины, а также из России, которых направляли в 1940–1950-х гг. в западные области Украины, ликвидировали именно псевдогруппы УПА и ни в коем случае не сами повстанцы.

Автор в изображении Лизы обратился к очень символической фигуре, к учительнице-восточнице, которая имела особый статус агитационно-идеологического агента власти. Именно они, молодые девушки-учительницы, станут после войны эмблемным знаком прихода «чужих», *гомо советикус*, что вскоре продемонстрирует как подпольная литература с репрезентациями учительниц как «перевоспитанных» единомышленниц УПА, так и советская пропаганда с ее широко растиражированным образом погибших молодых девушек и парней – героинь и героев в борьбе за установление советской власти[2].

Андрей Кокотюха, которого в первую очередь интересовало обыгрывание сюжета с точки зрения национальной парадигмы, нуждался в определенных образах и характерах, представляющих своими поступками и биографиями потенциальных героев и героинь. Списав факт убийств учительниц на советские спецслужбы, писатель поучаствовал в позитивной мемориализации украинских повстанцев, добавив в то же время еще одну возможность для эмоциональных дебатов об ОУН и УПА[3].

---

[2] Напр., произведение руководительницы женского провода ОУН во Львове и Львовской области Богданы Свитлык «Учительница». Машинописная копия произведения была найдена в 1976 г. в бункере УПА возле села Хороцева Ивано-Франковской области и сегодня находится в архиве Украинского канадского иследовательского и документационного центра в Торонто. Выборочно к советской историографии см.: Івасюта М. Нарис історії колективізації на Тернопільщині (1939–1950 рр.). Київ, 1958; Его же. Правду не здолати. Трудящі західних областей УРСР в боротьбі проти українських буржуазних націоналістів у роки соціалістичних перетворень. Львів, 1974; Богодист І. Соціалістичне будівництво в західних областях УРСР (1945–1950 рр.). Київ, 1961; Масловский В. В борьбе с врагами социализма: Очерки истории классовой борьбы на селе в период построения основ социализма в западных областях Украины. 1939–1950. Львов, 1984.

[3] Об ОУН и УПА см. напр.: Bruder F. „Den ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!" Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN) 1929–1948. Berlin, 2007; Кентій А. Нариси з історії Організації українських націоналістів (1929–1941). Киев, 1998; Он же. Українська повстанська армія в 1944–1945 роках. Киев, 1999; Motyka G. Ukraińska partyzantka 1942–1960. Warszawa, 2006; Statiev A. The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. Cambridge, 2010.

В связи с отсутствием иследований по этой тематике, комплексных интервью, а также работы с архивными документами судьбы профкадров с Востока остаются предметом политических дискуссий и, таким образом, инструментализируются в коммеморативной практике.

На основе документов НКВД–НКГБ, советских партийных органов, протоколов допросов СБ ОУН(Б), а также источников устной истории я хотела бы на примере приезжих учительниц очертить диспозиции рабочих профкадров с востока Украины и России, которые становились проводницами послевоенной советизации в Западной Украине и тем самым попадали в фокус внимания Службы безопасности ОУН(Б)[4].

Ветер с востока[5]

«Женщины – большая сила! Они поднимаются вверх, как поднимается пшеница после теплого и обильного майского дождя. Женщины западных областей Украины полны желанием быть такими же героинями работы, такими же передовыми и активными в гражданской и

---

[4] Результаты интервью с бывшими «восточницами» из Харьковской области были опубликованы онлайн на платформе historians in ua: См.: Три розповіді. Вчительки «зі сходу» та «бандерівський край». URL: http://historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/574-olena-petrenko-try-rozpovidi-vchytelky-zi-skhodu-ta-banderivskyi-krai Отдельная благодарность Ирине Склокиной (Харьков) за помощь в проведении опросов. Во время работы была использована техника нарративного интервью, основной целью которого не являлись обобщения объективных данных, касающихся образования, квалификации или проверки свидетельств, а скорее субъективная перспектива жизненного опыта респонденток. Нас интересовал монолог наблюдателя с другой культурной идентичностью, языком и жизненными ценностями. Рассматривая практику насилия СБ ОУН по отношению к кадровым специалистам с Востока следует выделить следующие группы источников: Документальное наследие НКВД–НКГБ, главным образом, докладные записки, информационные отчеты органов госбезопасности НКГБ–МГБ–КГБ, а также НКВД–МВД. Несомненно ценными в этой группе источников являются ежедневные статистические данные с фиксацией актов насильственного характера со стороны ОУН и УПА. Основной группой источников в этой статье, однако, стали протоколы допросов учительниц Службой безопасности ОУН(Б), а также документы советских спецслужб и партсобраний. Детальное описание источниковой базы и историографии см. в статье автора: Буденність насилля: долі вчительок-східнячок у Західній Україні в післявоєнний період // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2011. № 2 (37). С. 236–254.

[5] Название фильма, вышедшего в 1940 г. на советские экраны (режиссер Абрам Роом). Украинская учительница Ганна, которая выросла в монастыре, появляется в одном из сел Галиции накануне прихода советской власти. Увидев условия жизни крестьян, которые страдают под гнетом графини Прежинской, она становится борцом против социального неравенства и встречает вместе с другими жителями деревни новую власть с надеждой на «новый ветер».

политической жизни, как их сестры из восточных областей Украины, как русские женщины, как женщины Советского Союза», – уверял довольно известный советский публицист в Западной Украине, Кузьма Пелехатый, во время областного совещания женщин-активисток Львовской области в апреле 1949 г.[6] Пелехатый, как и ряд других писателей и журналистов, был включен в кампанию агитации в поддержку социалистическим идеям среди женщин в послевоенной Восточной Галиции и Волыни. Эта, по мнению советской власти, еще «неосвоенная» целевая группа нуждалась в особой медийной поддержке, т. к. одновременно за «женский ресурс» боролись и украинские повстанцы, у которых с наступлением советских военных частей возникали ощутимые потери в кадрах[7].

Советская власть, в свою очередь, усиливала работу среди женского контингента, прилагая усилия к привлечению женщин к «общественным работам». В середине 1940-х гг. образуются женские советы, куда вначале избирались в основном именно делегатки из восточных областей. Позже на их места приходили местные активистки, для которых в апрельский вечер 1949 г. Кузьма Пелехатый читал лекцию. «Помощь» от «восточниц» ожидалась также в наиболее опасной работе, а именно в «борьбе с остатками банд украинских националистов»[8]. Участие женщин рассматривалось под углом агентурной работы и публичной антипропаганды украинского национализма. Такая практика активно проводилась еще во время первой советизации в 1939–1941 гг. и сразу активизировалась после окончания войны.

Особое внимание отводилось системе образования, которое по сути исполняло воспитательно-пропагандисткую функцию. Учительницы, пребывающие в Западную Украину, брали на себя роль агитаторов, стимулирующих вступление в комсомол, партию и колхозы, а

---

[6] Івасюта М. Правду не здолати. Львів, 1974. С. 158.

[7] См.: Petrenko O. Zwischenpositionen. Frauen im ukrainischen bewaffneten Untergrund der 1940er-50er Jahre // Klaus Latzel K., Satjukow S., Maubach F. Soldatinnen. Gewalt und Geschlecht im Krieg vom Mittelalter bis heute, Paderborn, 2011. S. 257–278.

[8] Политику новой власти по отношению к мобилизации женщин для социалистических проектов проанализировала в диссертации Йоши Мицуоши. В своей работе она доказывает, что утверждение женотделов в Западной Украине было инициативой Коммунистической партии, а не самих женщин, как это было в 1920-х гг. в Советском Союзе. Особенностью проведения советизации как довоенной, так и послевоенной было вооруженное противостояние украинского националистического подполья, которое видело в новых приезжих кадрах угрозу для дальнейшей борьбы. См.: Mitsuyoshi Y. Gender, nationality, and socialism: Women in Soviet Western Ukraine, 1939–1950. ProQuest Dissertations and Theses*;* 2004; Mitsuyoshi Y. Public Representations of Women in Western Ukraine under Late Stalinism: Magazines, Literature, and Memoirs // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 54 (2006). 1. S. 20–36.

также внимательно наблюдающих за политическими настроениями в учительских кабинетах и классах:

«*Я должна была ощутить, симпатизирует ли молодежь бандеровцам, а если да – то кто. В моих выступлениях главным заданием являлось агитировать учеников против бандеровского движения, и приводить примеры из жизни великих советских людей. Я должна была завоевывать души молодежи*», – указывала во время допроса Службой безопасности ОУН(Б) Ольга Манич, учительница из Каменец-Подольского, которая была распределена в Тернопольскую область после 9-месячного курса пединститута[9]. В июне 1945 г. все однокурсницы Манич были направлены в школы Западной Украины[10].

Как впрочем и однокурсниц Марии Калашник, учительницы украинского языка и литературы из Харьковской области, которая получила распоряжение на отправление в Луцк еще в последние месяцы войны: «*Проработала я в Кислевке (Харьковская область. – О. П.) месяцев четыре-пять. Вызывают, значит, ехать в Западную. С Харькова ехало нас 150 учительниц. Одни девушки, женщины без детей. Ехали месяц в вагонах для скота. 1 мая 1945 года были уж на месте*»[11].

Оказавшись на новом месте, в условиях коммуникационного вакуума и недоверия локального населения, основными контактными персонами приезжих становился партактив и военные, что только усиливало враждебность и подозрения в «стукачестве» местному НКВД со стороны СБ ОУН(Б).

В представителях советской власти, а особенно в педагогах, украинское подполье видело двойную опасность: с одной стороны, они могли быть целенаправленно откомандированными агентками и агентами советских спецслужб, с другой стороны, в «кадрах с Востока» как в тех, кто родился и вырос в социалистическом обществе, виделся особый потенциал к «разложению» местного населения и перетягивания его на сторону советской власти.

СБ и «восточницы»

Но можно ли позиционировать однозначно новых «чужих» как врагов украинского подполья? Существующие документы и свидетельства скорее противоречивы, что связано в первую очередь с неунифицированной политикой ОУН по отношению к новоприбывшим.

---

[9] Боротьба з агентурою: Протоколи допитів Служби Безпеки ОУН в Тернопільщині 1946–1948, Кн.1. Літопис УПА. Торонто; Львів, 2006. Т. 43. С. 699.

[10] По данными советского историка Масловского, в период между 1945 и 1950 гг. в обще-образовательные школы и средние учебные заведения Западной Украины было направлено 34,5 тыс. учителей из восточных областей (Правду не здолати. С. 211).

[11] Интервью 14.08.2012 // Архив автора.

С одной стороны, между советской администрацией и украинским подпольем за «восточников» как за ценный агентурный и пропагандисткий «ресурс» велась, по сути, конкурентная борьба.

Не случайно в 1947 г. выходит известное подпольное произведение «Учительница» Богданы Свитлык, где комсомолка Таня из Харькова, получив распределение в Западную Украину, в процессе знакомства с «западенцами», ухода за раненым повстанцем, в которого она позже влюбляется, коренным образом изменяет свою идеологическую позицию. Таня, как комсомолка с негативной индентичностью, используя терминологию Эриксона, которая сформировалась за счет тотальной оппозиции негативно значимого другого (повстанцы), начинает активно поддерживать врагов ее «сообщества» – Украинскую повстанческую армию[12]. В случае Тани, писательница традиционно изображает юную девушку посредством ее (девушки) чувств. Именно эмоциональное (любовь к «настоящему» мужчине) влечет за собой изменения в отношении Тани к повстанцам. Финал произведения остается открытым, но главное послание Свитлык не оставляет сомнений: переубеждение, а не насилие должно быть основным оружием в борьбе за сердца новоприбывших в Западную Украину.

Микола Козак «Смок», руководитель референтуры СБ краевого провода на северно-западных землях, которому удалась одна из самых успешных спецопераций СБ ОУН(Б) против советских спецслужб и в которой ключевой фигурой выступала «восточница» – Людмила Фоя[13], в ряде внутренних, а также официальных документов подчеркивал бесперспективность недоверия к «восточнику» и призывал воспринимать людей из восточных областей не как «оккупантов»[14].

В документации ОУН и УПА также имеются свидетельства вербовки учительниц со стороны повстанцев. Один из случаев регистрируют в своих отчетах советские партизаны: *«Разоблаченными нами агентами “СБ” было установлено, что они вербовали не только из числа местных жителей, а также из числа лиц, прибывших в Западную Украину из восточных областей Украины и др. Так например:*

---

[12] В центре Таниного «перевоспитания» позиционирована история любви к «другому» «несоветскому» мужчине. Именно раненый боец УПА защитит Таню от изнасилования и будет представлен как «настоящий» мужчина, который в состоянии защитить женщину (URL: http://abetka.ukrlife.org/teacher.htm). К биографии Богданы Свитлык: Українська жінка у визвольній боротьбі. Львів, 2004. С. 123.

[13] См.: Бурдс Д. Советская агентура: Очерки военной истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М.; Н.-Й., 2006; Он же. “Gender and Policing in Soviet West Ukraine, 1944–1948” // Cahiers du Monde Russe. Volume 42. № 2–4 (April–December 2001). P. 279–320.

[14] См.: Антонюк Я. Агентура СБ ОУН(Б). С. 196. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/znmm/2008_14/R1/Antonjuk.pdf

29.1.1944 года в соединение прибыла Карагина Тамара Алексеевна, 1924 года, уроженка г. Кемерово, Западно-Сибирского края, которая изъявила желание быть в рядах партизан и сообщила о себе, что она прибыла в Западную Украину в 1943 году и работала учительницей в с. Мельницы и Колки: преследовалась украинскими националистами ввиду чего была вынуждена уйти оттуда.

Произведенной проверкой и следствием было установлено, что Карагина долгое время была учительницей в школе украинских националистов и располагала большими связями среди них. Карагина была арестована и при дальнейшем следствии созналась, что она долгое время имела деловую связь с СБ и УПА и была завербована с целью шпионажа и террора в пользу украинских националистов. Ей был установлен пароль "Сурж Стыр" и псевдоним, ее собственное имя "Тамара". Ей было дано задание, по приходу Красной Армии, оставаться на жительстве в любом из населенных пунктов Волынской области и вести шпионскую и террористическую деятельность против командно-политического состава Красной Армии, для этой цели Карагина должна была, используя свою прекрасную внешность, заводить знакомства с командирами и политработниками, заманивать их в темные места, где с помощью националистов физически уничтожать их. С целью того, чтобы использовать широкие связи Карагиной среди националистов и работников СБ для борьбы с ними или при возможности передать частям Красной Армии, она была освобождена из-под ареста и определена в одно из подразделений соединений под усиленным агентурным наблюдением, в результате которого установлено, что она является разложенной в моральном отношении, усиленно интересуется приобретением гранаты и отравляющихся веществ. На основании этих материалов Карагина снова была арестована и расстреляна»[15].

Кроме этого документа не удалось найти сведений о Карагиной. Насколько точны данные о работе учительницы из Сибири в СБ, установить практически невозможно. Документ интересен в первую очередь четкой интерпретацией «предательской деятельности» Карагиной, которая коннотирована прямым образом к ее «женским качествам» и позиционированию учительницы как сексуального объекта.

В то же время к «восточникам» и «восточницам», в том числе к тем, которые были в рядах подполья, отношение было крайне осторожным. Ряд записок районных СБ демонстрирует откровенную враждебность к ним, они как и женщины в УПА воспринимались как «неустойчивые элементы», подвергались частым проверкам, и именно в их присутствии искали причину провалов или расконспирации.

[15] ЦДАГОУ. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 252а(105).

То есть, несмотря на усилия таких высокопоставленных членов Провода, как «Смок», интегрировать «новые кадры» на местах удавалось крайне редко и сопровождалось недоверием, и даже сопротивлением окружения. Это могло касаться не только «вражеских» учительниц, но и, казалось бы уже доказавших свою самоотверженность, участников и участниц подполья с Востока Украины.

Идентичность врага ОУН еще в ранние годы их деятельности строилась на физическом устранении, что в первую очередь служило демонстрацией активности организации. Динамика насилия была связана как с фрустрационными настроениями в середине подполья, так и с ситуативными причинами. Именно профкадры, как и местное население, которые в отличии от работников НКВД, военных частей или партработников, были более доступной мишенью по западноукраинским селам.

Их физическое устранение поэтому часто не зависело от действительной деятельности учительниц. Открытие клуба, вывешивание звездочки на выборы, принятие в комсомольцы и многое другое являлось формальными причинами их убийств. Важна была демонстрация силы, вовлечение публики и информационное распространение их акций. Такие ликвидации носили часто демонстративный характер с дисциплинарными тонами. В сельской, отдаленной от районного центра местности, такое убийство надолго оставляло след, запугивало приезжих, большинство из которых пытались как можно быстрее покинуть небезопасную местность.

Постоянный страх, особенно в герметических условиях сельской местности, как показывают интервью с бывшими «восточницами», приводил к массовому возвращению, а то и прямому дезертирству с рабочих мест. Кадры, которые работали в городах, отказывались ехать в районы на собрания для проведения «политработы среди населения», особенно оставаться по ночам. Они часто ночевали в чужих домах и даже прятались по кладбищам[16].

Персоны, которые оказывались в «черных списках» СБ ОУН(Б), арестовывались и, как правило, уводились в лесные укрытия, где их держали во время допросов. Протоколы таких свидетельств являются уникальными источниками информации, которые долгое время не были доступны широкой публике.

В 2006 г. канадское издательство «Летопись УПА» (Літопис УПА) опубликовало первый том протоколов допросов Службой безопасности ОУН(Б), которые были найдены в селе Озерне, Тер-

[16] Там же. Ф. 1. Оп. 46. Спр. 833. А. 117; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 352. Л. 9.

нопольской области[17]. Большинство допрошенных, были арестованы НКВД–НКГБ и вскоре отпущены, что послужило основой для подозрений в их сотрудничестве с советскими спецслужбами. Несмотря на проблематичность большинства свидетельств, которые первично безусловно представляют собой нарратив страха в условиях повторного ареста, Озернянский архив является уникальным источником информации как по своим масштабам, так и географической плотности: среди опубликованных документов допросы как представителей местного населения, подпольщиков, красноармейцев, так и приезжих кадров, в частности учительниц.

Среди размещенных протоколов дело Марии Рудник, арестованной работниками СБ в начале марта 1948 г. в селе Бурканов Золотниковского района[18]. Закончив два курса пединститута, 20-летняя Мария, несмотря на работу в банке города Чернигова, была распределена сроком на четыре года учительницей русского языка и литературы в Западную Украину. Наиболее отягчающими обстоятельствами для Рудник были частые визиты работников МГБ, а так же облавы в деревне, где она преподавала. На основании этих данных Марии Рудник был подписан смертный приговор. 13 марта 1948 г. после недели допросов ее расстреляло СБ[19]. Домой не вернулись и сотни других: учительница Найденко, которая исчезла в апреле 1945 г. в селе Карачинов Львовской области[20], пионервожатая школы села Подгайцы Волынської области, Кудлай[21], заведущая школой села Мишев Порицкого района, Григоренко[22], Мария Вишневецкая, директор Бобруевской средней школы[23] и мн. др. Большинство из них были убиты в ранний послевоенный период.

Несмотря на существенную амбивалентность архивных документов и нарративов усной истории по поводу интеграции «восточников» и «восточниц» на новых местах работы, основной составной понимания их пребывания в Западной Украине все-таки стало выживание в условиях конфронтации украинских националистов и советской власти.

---

[17] Боротьба з агентурою... 1946–1948. Кн. 1, 2. Літопис УПА. Торонто; Львів, 2006. Т. 43, 44. В 2010 г. «Літопис УПА» напечатал еще два тома, посвященных Тернопольской области, которые частично базируются на Озернянском архиве: Тернопільщина: «Вісті з Терену» та «Вістки з Тернопільщини». 1943–1950. Кн. 1 (1943–1947); Кн. 2 (1948–1950). «Літопис УПА». Т. 49–50. Торонто; Львів, 2010.

[18] Сегодня Теребовлянский район.

[19] Боротьба з агентурою... Т. 43. С. 213.

[20] ГА РФ. Ф. 9478с. Оп. 1с. Д. 310. Л. 26.

[21] Там же.

[22] Там же. Д. 358. Л. 281.

[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 450. Л. 73.

Занавес

Фактически сразу после вхождения частей Красной армии на территорию Западной Украины в 1944 г. продолжилась приостановленная с началом войны советизация этих земель. Политические изменения на фоне индустриализации и введения колхозной системы встретили ощутимое сопротивление украинского националистического подполья (ОУН и УПА). Западная Украина становится ареной борьбы между Советской властью и сторонниками Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. Именно в этот период начинает особенно чувствоваться конфронтация насильственных практик: советская власть преследовала и репрессировала повстанцев и местное население, часть которого поддерживала украинских националистов. Повстанцы, в свою очередь, выстроив еще с 1930-х гг. идентичность врага на физическом уничтожении, выражали свой протест путем террористических актов против представителей Советской власти и местного населения, поддерживающего или заподозренного в поддержке советского строя. В этот период в Западную Украину были откомандированы десятки тысяч новых рабочих кадров. Большинство из них, врачи, учителя, агрономы и работники партийного аппарата, направлялись с востока или из центра Украины, России. Наиболее известными с обеих сторон (как советской пропаганды, так и повстанческой прозы и агитации) стали молодые девушки-учительницы. За ними укрепилось название «схиднячки»-«восточницы», которые стали по сути одним из медийных символов советизации Западной Украины. Сегодня коллективный образ «кадров с Востока» отличает жесткая политизированность с радикально разными оценками в схеме жертва – преступник. От идеализированной репрезентации как принесших знания и благо, и при этом погибнув от рук «украинских буржуазных националистов», до акцентирования внимания на бездоказательности убийств со стороны СБ ОУН(Б) или же фактически оправдания убийств – как пропагандистов советских идей[24].

[24] Бублик М. Так хто замучив Раїсу? Не кожен невинно вбитий луганець гідний звання жертви... // Україна молода. 29 мая 2010. См. интервью с Екатериной Скориной. URL: http://reporter.delfi.ua/news/reporter/ochevidec-banderovcy-ne-zhalelidazhe-detej.d?id=1020042c

А. Д. Эпштейн

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС» МЕЖДУ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЙ ПОЛИТИКОЙ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЕВ И ИЗРАИЛЯ В ПОСЛЕДНЕЕ СТАЛИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Настоящая статья построена на попытке наложить друг на друга два весьма значительных корпуса исследовательской литературы. В каждой из двух сфер *по отдельности* объем выполненной к настоящему времени работы выглядит очень впечатляюще. Однако, парадоксальным образом, *будучи соотнесенными друг с другом*, эти сферы предстают совершенно в ином свете, пронзительно зияя, казалось бы, немыслимыми лакунами.

Первый вектор – отношение И. В. Сталина к еврейству, о чем сказано и написано немало[1]. Мы не знаем, однако, как и под влиянием чего с годами менялась позиция Сталина по данному вопросу, а она, по всей видимости, менялась не один раз. Некоторые авторы считают, что значимую роль в изменении позиции Сталина по еврейскому вопросу сыграли романтические отношения его дочери Светланы с драматургом А. Я. Каплером в 1942–1943 гг. и ее зарегистрированный весной 1944 г. брак со студентом Института международных отношений Г. И. Морозовым (оба они были евреями)[2], другие ищут

[1] См., в частности: Ваксберг А. Сталин против евреев. Секреты страшной эпохи. Нью-Йорк: Liberty, 1995. С. 8–52 и далее; Костырченко Г. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. С. 36–43, 48–53 и далее; Ваксберг А. Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М.: Олимп, 2003. С. 134–174; Гур-Гуревич Б. В поисках себя между ассимиляцией и интеграцией. Российские евреи и власть в XX веке. Т. 1. Раанана: Открытый университет Израиля, 2007. С. 173–225; Rapoport L. Stalin's War Against the Jews: The Doctor's Plot and the Soviet Solution. New York: Free Press, 1990. P. 1–40; и др.

[2] См.: Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. М.: Права человека, 2003. С. 33–39. Отметим, что дочь Г. М. Маленкова Валя была замужем за Владимиром Шамбергом, внуком главы Совинформбюро и куратором Еврейского антифашистского комитета Соломона Лозовского. В 1949 г. Маленков вызвал Шамберга и заявил, что его

объяснения менее «семейного» характера. Очевидно, однако, что в 1920-е и 1930-е гг. советский режим не имел антисемитского характера, а, наоборот, боролся с проявлениями антисемитизма, а во время войны если и использовал «еврейскую карту», то в пропагандистских усилиях, направленных на зарубежных потребителей. Вместе с тем очевидно, что в 1940-е гг. вектор существенным образом изменился, хотя мы не знаем точно, когда именно это произошло.

Второй вектор – изучение советско-израильских отношений, которое имеет едва ли не более длинную историю, чем сами эти отношения, ибо дипломатические отношения между СССР и Израилем разрывались дважды (в сумме – на без малого четверть века), в то время, как изучение Израиля в СССР, равно как и изучение Советского Союза / России в Израиле не прекращалось ни на один год.

К сожалению, через призму опубликованных архивных документов можно проанализировать только первые два десятилетия отношений между Советским Союзом и Израилем до их разрыва в 1967 г., причем если период до 1953 г. отражен с известной полнотой в двухтомном издании, вышедшем в 2000 г.[3], то события 1953–1967 гг. отражены в опубликованных сборниках документов (прежде всего, в двухтомнике «Ближневосточный конфликт»)[4] лишь частично. Изначально предполагалось, что первый двухтомник станет началом широкомасштабного издательского проекта, однако, хотя с момента его появления прошло уже тринадцать лет, какой-либо двусторонний договор о рассекречивании и опубликовании документов последующего времени так и не был подписан, из-за чего работа была фактически прекращена. Несмотря на то, что от событий 1950–1970-х гг. нас отделяет сорок лет и более, многие документы, касающиеся выработ-

---

дочь якобы требует развода, который был оформлен в течение суток; см.: Рубинштейн Джошуа. Разгром Еврейского антифашистского комитета. СПб.: Академический проект, 2002. С. 59. Некоторые авторы считают, что развода дочери с мужем-евреем от Г. М. Маленкова потребовал лично И. В. Сталин. См.: Зянькович М. А., Зенькович Н. Самые секретные родственники. М.: Олма-пресс, 2005. С. 253.

[3] См.: Советско-израильские отношения. 1941–1953: Сборник документов в 2-х кн. М.: Международные отношения, 2000. Интересно, что начало советско-израильских отношений датируется, таким образом, 1941 г., хотя Государство Израиль было провозглашено только семь лет спустя.

[4] См.: Ближневосточный конфликт (Из документов Архива внешней политики Российской Федерации) / отв. ред. В. В. Наумкин. Т. 1: 1948–1956; Т. 2: 1957–1967. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. См. также вышедший на английском языке сборник: Yaacov Ro'i (ed.). From Encroachment to Involvement: A Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East, 1945–1973. New York and Jerusalem: John Wiley and Israel Universities Press, 1974, включавший преимущественно материалы из советской печати.

ки и реализации советской политики по отношению к Государству Израиль, остаются засекреченными до сих пор.

Главное же, что представляется огромной проблемой – отсутствие какого-либо удовлетворительного комплексного исследования, в котором был бы дан ответ на вопрос, в какой мере, когда и в чем существовала взаимосвязь между политикой советского руководства по отношению к Государству Израиль, с одной стороны, и к еврейскому населению собственной страны – с другой. Существуют лишь отдельные тематически весьма узко очерченные работы, в которых данная взаимосвязь является основным предметом исследования[5]. Не менее печально, что *нет и аналогичного исследования о том, в какой мере, когда и в чем существовала взаимосвязь между политикой израильского руководства по отношению к Советскому Союзу как государству, с одной стороны, и к его еврейскому населению – с другой.*

Что было важнее советским руководителям – обеспечить безусловную лояльность «своего» еврейского населения или же добиться превращения Государства Израиль в свой форпост на Ближнем Востоке – задача не сказать, чтобы заведомо неуместная, учитывая, что выходцы из Российской империи внесли огромный и разносторонний вклад в создание израильской государственности[6], почти все высшие руководители Государства Израиль на протяжении всего периода его существования – уроженцы территорий, входивших в состав Российской империи, а российская политическая культура оказала огромное

---

[5] См.: Шехтман Д. Советская Россия, сионизм и Израиль // Книга о русском еврействе, 1917–1967. Нью-Йорк, 1968; переизд.: М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2002. С. 325–353; Эпштейн Алек Д. Народная дипломатия и ее последствия: посланник Израиля Голда Меир в Московской хоральной синагоге в сентябре–октябре 1948 года // Московская хоральная синагога. 100 лет / под ред. А. Е. Локшина. М.: Дом еврейской книги, 2006. С. 177–203; Мицель М. Еврейство Украины в его связях с Государством Израиль в 1948–1958 годы // Евреи в России: История и культура / под ред. Д. А. Эльяшевича. СПб.: Петербургский еврейский университет, 1998. С. 253–262.

[6] См.: Свет Г. Русские евреи в сионизме и в строительстве Палестины и Израиля // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960; переизд.: М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2002. С. 239–275; Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека Алия, 1977 (пер. с иврита); Симонова А. «Русские» сионисты во всемирном сионистском движении // Judaica Rossica. 2001. № 1. С. 61–79; Ее же. Сионистское движение в Советской России в 20-е годы // Российский сионизм: история и культура. М.: Дом еврейской книги, 2002. С. 278–287; Цфасман А. Б. Евреи Палестины и Советский Союз в годы Второй мировой войны: становление сотрудничества // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Т. 1. М., 2002. С. 115–126; Идемте же отстроим стены Йерушалаима. Евреи из Российской империи, СССР/СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль. Т. 1 / под ред. Ю. Д. Систер, М. А. Пархомовского. Иерусалим, 2005; Т. 2 / под ред. Р. Пархомовской. Иерусалим, 2006.

влияние на сионистское движение и менталитет его лидеров[7]. Был ли ответ на этот вопрос о сравнительной важности данных задач одинаковым на всем протяжении более чем сорокалетней истории, когда на карте мира одновременно сосуществовали и Советский Союз, и Государство Израиль, или же в одни периоды (какие?) важнее казались задачи внеше-, а в другие – внутриполитические? Насколько разные советские руководители в разные периоды времени рассматривали эти вопросы как взаимосвязанные?

То, что советские руководители видели связь между проблематикой, касавшейся советского еврейства, и векторами, приведшими к формированию Государства Израиль, отчетливо проявилось, например, в меморандуме, с которым в октябре 1946 г. М. А. Суслов обратился в Секретариат ЦК ВКП(б) и лично к А. А. Жданову (документ был переслан также и И. В. Сталину, который изначально не был упомянут как его адресат). Предлагая закрыть Еврейский антифашистский комитет, Суслов уже тогда обвинил его в сионизме: «Основной порок в деятельности Еврейского антифашистского комитета в настоящее время состоит в том, что она приобретает все более националистический, сионистский характер и объективно способствует усилению еврейского реакционного буржуазно-националистического движения за границей и подогреванию националистических, сионистских настроений среди некоторой части еврейского населения в СССР»[8]. Упоминание сионизма крайне показательно: до решения ООН о создании Государства Израиль остается еще год с небольшим, а до самого провозглашения независимости этого государства – полтора года, однако руководителей советского идеологического аппарата уже волнует вопрос о том, насколько сионизм может привлечь «их» евреев.

II

Начнем анализ с проблемы увековечения памяти жертв Холокоста и реализации прав тех, кому удалось Холокост пережить. О том, как менялось в то время отношение к жертвам Холокоста, свидетельствуют воспоминания известного певца Михаила Александровича (1914–2002):

---

[7] См.: Галили З. Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину // Ab Imperio. 2003. № 4. С. 329–376.

[8] См.: Докладная записка Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) в Секретариат ЦК о работе ЕАК, от 19 ноября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 868. Л. 106–127; опубликована в сборнике документов: «Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история» / под ред. Ш. Редлиха, Г. Костырченко. М.: Международные отношения, 1996. С. 336–344.

«[В 1945 году] Сталин разрешил московским евреям организовать траурный молебен в синагоге. Меня пригласили петь “Эйл Молэ Рахамим” (Заупокойную) и некоторые другие псалмы. Богослужение носило вполне официальный характер и проходило чуть ли не как правительственное мероприятие. В синагогу явились представители военного руководства, пришла жена Молотова Полина Жемчужина, почтили своим присутствием представители ЦК партии и Совета Министров. Был представлен дипломатический корпус, присутствовали все иностранные корреспонденты, аккредитованные в Москве. ...Съехалась и вся еврейская элита Москвы, а также артисты Большого и других театров. ...Двадцать тысяч человек собралось на поминальную службу, синагога же вмещает не более тысячи шестисот. Остальные стояли на улице – служба транслировалась по радио. Движение транспорта в районе синагоги закрыли, дежурила конная милиция. Передать, что творилось в синагоге, каково было восприятие молящихся, я не берусь. Не хватает слов. Женщины падали в обморок, бились в истерике, многих выносили на улицу, где предусмотрительно поджидали машины скорой помощи. Не выдерживали и мужчины. Рыдания заглушали службу. Я сам закончил молитву почти без пения, задыхаясь от слез. Трагическая проникновенная музыка и горестные слова кадиша выражали ту безмерную скорбь, которой переполнены были сердца собравшихся. ...Мы оплакивали не только своих близких. Мы оплакивали свой народ».

Кадиш в синагоге был повторен и в 1946 г., но уже в 1947 г. его проведение было признано нецелесообразным и запрещено. «Я получил письмо из Комитета по делам искусств, гласившее, что мне, заслуженному артисту РСФСР, негоже выступать в синагоге, – с горечью завершал М. Д. Александрович свой рассказ. – Занавес опустился. Вместе с ним на мир опустилась холодная война... И зазвучали иные песни»[9].

Итак, в 1947 г. Кадиш по жертвам Холокоста в Московской хоральной синагоге был запрещен, «и зазвучали иные песни». Певец дает исчерпывающее, с его точки зрения, объяснение этому феномену: «на мир опустилась холодная война»; объяснение, очевидно, внешнеполитическое. Однако при всем уважении к выдающемуся певцу, за внешнюю политику в СССР все же отвечали другие люди, и уместно сравнить, что же говорили в 1947 г. на тему Холокоста официальные представители Советского Союза на главной международной трибуне – в Организации Объединенных Наций. Контраст выглядит более чем поразительным.

[9] Александрович М. Я помню. М.: Machlis Publications, 1985. С. 126–128.

Вот что говорил постпред СССР в ООН Андрей Громыко (1909–1989) на пленарном заседании Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи 14 мая 1947 г.:

«Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию... Общее число погибшего от рук фашистских палачей еврейского населения определяется приблизительно в шесть миллионов человек. Только около полутора миллионов евреев в Западной Европе пережили войну.

Но эти цифры, давая представление о жертвах, которые понес еврейский народ от фашистских агрессоров, не дают представления о том тяжелом положении, в котором очутились большие массы еврейского населения после войны. Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств существования. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств существования, в поисках убежища. Большая часть из них находится в лагерях перемещенных лиц и все продолжают терпеть большие лишения...

Позволительно спросить: могут ли Объединенные Нации, учитывая такое тяжелое положение сотен тысяч уцелевшего еврейского населения, не проявлять интереса к положению этих людей, оторванных от родины и от своих очагов?.. Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь... То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилий со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления...»

Громыко отмечал, что «необходимо принять во внимание тот бесспорный факт, что население Палестины состоит из двух народов – арабов и евреев. Каждый из них имеет исторические корни в Палестине. Палестина стала родиной обоих этих народов, каждый из которых занимает видное место в экономике и культурной жизни страны». Громыко перечислил четыре варианта решения вопроса: можно образовать единое государство с равными правами евреев и арабов; можно разделить Палестину на два государства; можно создать арабское государство, в котором евреи будут меньшинством, и можно создать еврейское государство, в котором арабы станут меньшинством. Громыко высказался за «создание независимого двуединого демократического арабо-еврейского государства». При этом он признал, что окончательное решение о будущем Палестины должно приниматься только после рассмотрения выводов Специальной ко-

миссии ООН. Однако еще до того, как эта Комиссия начала работу, постпред СССР предсказал ее выводы, отметив, что если Комиссия подтвердит, что отношения между евреями и арабами в Палестине испорчены настолько, что создание двуединого государства невозможно, то «тогда было бы необходимо рассмотреть второй вариант... предусматривающий раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское»[10].

Речь А. А. Громыко стала едва ли не самым заметным событием специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Будущий глава первого израильского правительства Давид Бен-Гурион так прокомментировал это выступление: «Уже давно мы не слышали из уст представителя великой державы (за исключением президента Трумэна) таких потрясающих и верных слов о страданиях еврейского народа, о мучениях и безвыходности положения сотен тысяч европейских евреев, тщетно ищущих пристанища после катастрофы, – слов, какие высказал Громыко от имени СССР». Бен-Гурион особо подчеркнул политическое значение заявления Громыко: «Впервые мир услышал подтверждение от представителя Советского Союза: еврейский народ полон решимости создать собственное государство»[11]. 16 мая «национальный поэт» сионистской общины Палестины / Эрец-Исраэль Натан Альтерман (1910–1970) писал в своей постоянной рубрике «Седьмая колонка» в газете «Давар» («Слово»): «Андрею Громыко. Ассамблея ООН. Спасибо. Нет слов. *Ишув* потрясен»[12].

III

Одним из наиболее загадочных решений, принятых И. В. Сталиным за все время его правления, является отданный им приказ об убийстве председателя Еврейского антифашистского комитета, художественного руководителя Государственного еврейского театра (ГОСЕТ), народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии

---

[10] Цит. по: Советско-израильские отношения, 1941–1953. Кн. 1. С. 217.

[11] Документ, разосланный от имени ЦК Партии Труда Эрец-Исраэль 29 мая 1947 г. и находящийся в Центральном сионистском архиве в Иерусалиме, был впервые опубликован в переводе с иврита на русский языке в книге: Советско-израильские отношения, 1941–1953. Кн. 1. С. 221–222.

[12] Цит. по: Вайц Й. Становление израильского парламентаризма. Политические и идеологические дискуссии. Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001. С. 150 (пер. с иврита).

Ишув [букв. – поселение (ивр.)] – еврейское население Палестины / Эрец Исраэль до создания Государства Израиль; принято различать «старый *ишув*», существовавший до начала первой волны репатриации в 1881 г., и «новый *ишув*», возникший в результате деятельности сионистского движения.

Соломона Михоэлса. Некоторые авторы отмечают, что, дескать, для Сталина отдать приказ об убийстве неугодных ему людей было делом обычным. Однако так ли это? Как наиболее компетентный специалист по взаимоотношениям в высших эшелонах советских руководителей Р. Г. Пихоя, так и наиболее сведущий эксперт по политике властей по «еврейскому вопросу» в годы сталинизма Г. В. Костырченко упоминают в связи с этим один-единственный прецедент – совершенное возле Кутаиси убийство в июле 1939 г. посла СССР в Китае И. Т. Бовкун-Луганца и его жены; им проломили головы молотком, а потом имитировали автокатастрофу[13]. В Мексике по распоряжению, отданному 21 августа 1940 г., был убит ударом ледоруба по голове виднейший деятель большевистской революции Лев Троцкий – но здесь у Сталина не было возможности расправиться со своим противником иначе, в далекой Мексике органы советской юстиции никакими правами не пользовались. Когда была такая возможность, Сталин отдавал указания похищать своих противников, тайно вывозя их в СССР для суда и последующей расправы, как это было, например, с председателем Русского общевойскового союза, известным белым генералом Е. К. Миллером (1867–1939), вывезенным агентами НКВД в 1937 г. из Парижа в Москву, где он два года содержался во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, после чего был расстрелян. Сталин практически всегда расправлялся с теми, с кем он хотел расправиться, следуя официальной процедуре ареста, следствия и суда, нередко – публичного.

До сих пор не дано внятного объяснения тому, почему в случае с С. М. Михоэлсом И. В. Сталин выбрал столь витиеватый путь: тайная расправа с последующими пышными официозными похоронами, некрологами в центральной печати и последующим спустя месяцы и даже годы переписыванием биографии, когда вместо слов о «замечательном художнике сцены, крупном общественном деятеле, активном строителе советской художественной культуры»[14] в «Правде» зазвучали слова об «известном буржуазном националисте Михоэлсе», якобы передававшем своему брату, известному врачу-терапевту «директиву об истреблении руководящих кадров СССР»[15].

---

[13] См.: Пихоя Р. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 82 (сноска 160); Костырченко Г. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. С. 154.

[14] Цит. по тексту некролога в «Правде» от 15 января 1948 г.; опубл. в: Еврейский антифашистский комитет в СССР. С. 351–353.

[15] См.: Арест группы врачей-вредителей // Правда. 13 января 1953; статья включена в сборник: Сталин и космополитизм, 1945–1953 / под ред. Д. Г. Наджафова. М.: МФ «Демократия», 2005. С. 651–652.

О том, как именно было совершенно убийство Михоэлса, доподлинно хорошо известно благодаря признательным показаниям лиц, замешанных в этом, данным ими после смерти Сталина. С. И. Огольцов (1900–1976), бывший в то время заместителем министра госбезопасности СССР и получивший за соучастие в убийстве Михоэлса орден Красного Знамени, находясь в 1953 г. в заключении, вспоминал: «В ноябре–декабре (точно не помню [дату несложно восстановить по журналу сталинских посетителей – это было 27 декабря[16]]) 1947 года [министр] Абакумов и я были вызваны в Кремль к товарищу Сталину, насколько я помню, по вопросу следственной работы МГБ. Во время беседы, в связи с чем, сейчас вспомнить затрудняюсь, товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса, и что для этой цели устроить "автомобильную катастрофу"»[17]. Однако о мотивах сталинского решения мы можем только догадываться. Приказ, отданный Сталиным, его сатрапы выполнили.

Дочь С. М. Михоэлса, Наталья, считает, что непосредственным поводом для принятия И. В. Сталиным решения об убийстве ее отца стали события, связанные с реакцией советских евреев на выступление А. А. Громыко в Организации Объединенных Наций в ноябре 1947 г. в пользу создания еврейского государства! Вот что она пишет:

«В конце 1947 года произошло одно серьезное событие, которому по недомыслию мы не придали должного значения. В Москве, в зале Политехнического музея, отмечалась юбилейная дата "дедушки еврейской литературы" Менделя Мойхер-Сфорима.

Свое выступление Михоэлс начал так: "Вениамин, отправившись на поиски Земли обетованной, спрашивает встреченного на пути крестьянина: «Куды дорога на Эрец Исроэл?» И вот недавно, с трибуны Организации Объединенных Наций, товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос!" Боже, что произошло с залом в ответ на этот неприкрытый призыв Михоэлса! Раздался буквально шквал рукоплесканий. Люди повскакивали со своих мест, отец же стоял бледный, неподвижный, потрясенный такой реакцией зала. Овации длились, наверное, минут десять.

---

[16] См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным, 1924–1953 / под ред. А. А. Чернобаева. М.: Новый хронограф, 2008. С. 496.

[17] С. И. Огольцов – Л. П. Берии о подготовке и осуществлении «спецоперации» по устранению С. М. Михоэлса, от 18 марта 1953 г. // Центральный архив ФСБ РФ; опубл. в сборнике документов: Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / под ред. Г. В. Костырченко. М.: МФ «Демократия», 2005. С. 110–112.

Но отец знал, что это выступление ему даром не пройдет. Через неделю он был командирован в Минск, откуда уже не вернулся...»[18]

В нашем распоряжении нет никаких доказательств в пользу этой версии, как нет и ее опровержения. Спустя считанные дни после убийства состоялись торжественные похороны С. М. Михоэлса, в ходе которых заместитель председателя Комитета по делам искусств В. Н. Сурин охарактеризовал покойного как «гражданина в лучшем и благородном значении этого слова». Среди других, с траурной речью выступил и А. А. Фадеев, отметивший, что «Михоэлс был человеком... с кристально чистой душой. Его авторитет в искусстве был непререкаем»[19]. Ничего подобного за все годы сталинского правления не было, ни до того, ни после: человек, убитый на даче министра госбезопасности Белоруссии по прямому приказу Сталина, удостаивается пышных похорон, в которых принимают участие представители высшего эшелона пропагандистско-идеологического руководства страны.

Однако невозможно пройти мимо того факта, что именно Советский Союз оказывал в то время наиболее значительную дипломатическую и военную поддержку создававшемуся Государству Израиль. Более того: буквально на следующий день после того, как был убит Михоэлс, 14 января 1948 г., министр иностранных дел Чехословакии Ян Масарик (1886–1948) подписал с посланником «Хаганы» Эхудом Авриэлем (1917–1980) соглашение о масштабных поставках оружия – вопреки введенному ООН эмбарго, и это было сделано с санкции – если не по поручению – советских руководителей. «Получилось так, что единственной страной, на официальную благосклонность которой могли полностью рассчитывать сионисты, оказался в ту пору Советский Союз, – справедливо констатирует Г. В. Костырченко. – Не случайно, поэтому, со второй половины декабря 1947 года они инициировали серию тайных встреч с советскими дипломатами в Нью-Йорке. В результате этих переговоров – сначала с временным поверенным в делах СССР в США С. К. Царапкиным, а потом с Громыко – зависимая от СССР Чехословакия совместно с Югославией создала нелегальный канал поставки трофейного немецкого вооружения евреям Палестины, со стороны которых за переправку вооружения из Чехословакии на Ближний Восток отвечал тайный эмиссар “Хаганы” Э. Авриэль, ставший потом первым послом

[18] См.: Вовси-Михоэлс Н. Мой отец Соломон Михоэлс. Тель-Авив: Яков-пресс, 1984. С. 242–243.

[19] Цит. по тексту сообщения ТАСС в «Правде» от 15 января 1948 г.; опубл. в: Еврейский антифашистский комитет в СССР. С. 353.

Израиля в Праге. По заданию Бен-Гуриона он тайно встретился в Париже с представителем чехословацкого правительства, в результате чего подписывается первый контракт на приобретение стрелкового оружия и патронов. ...Всего до мая Прага поставила сионистам 24 500 винтовок, более 5 000 легких пулеметов, 200 средних пулеметов, 54 млн патронов и 25 трофейных "Мессершмиттов"»[20]. Таким образом, мы должны как-то соотнести то, что в один и тот же день Сталин и убивает Михоэлса за излишние «сионистские сантименты», и снабжает сионистов значительной партией оружия, которым они, в итоге, и выигрывают Войну за независимость – и соотнести это, прямо скажем, непросто.

Нелишним будет отметить, что Еврейский антифашистский комитет был до мозга костей советской организацией, главные функции которой были именно внешнеполитические, вследствие чего этот Комитет плотно контролировался по линии Наркомата иностранных дел через Соломона Лозовского, заместителя наркома и руководителя Совинформбюро, которому ЕАК подчинялся напрямую. Еврейский антифашистский комитет продолжил существование на протяжении почти года после убийства своего руководителя; решение о его закрытии было принято Политбюро только 20 ноября 1948 г. Почему это решение было принято именно тогда, когда оно было принято – этого мы не знаем тоже...

IV

Взаимоотношения Советского Союза и Израиля представляют собой, в общем, уникальный случай в советской внешней политике. Дипломатическая и политическая поддержка Советского Союза в ключевой период определения судьбы и будущего Палестины / Эрец-Исраэль сыграла едва ли не центральную роль. СССР был одной из первых стран, признавшей Израиль и де-факто, и де-юре, и уже 17 мая 1948 г. установившей с ним дипломатические отношения. Военная поддержка СССР во время первой арабо-израильской войны, начавшейся сразу после завершения британского мандата, также сыграла огромную роль в становлении только что провозглашенного еврейского государства. Однако уже в феврале 1953 г., после взрыва в резиденции советского посла в Тель-Авиве, дипломатические отношения были разорваны. Причины разрыва Советским Союзом дипотношений с Израилем в последний месяц жизни Сталина так и не прояснены, и мы не знаем было ли это связано с планировавшимся

[20] Костырченко Г. Тайная политика Сталина... С. 401–402. В опубликованном тексте книги имя Э. Авриэля искажено; здесь дано в правильном написании.

показательным процессом над «врачами-убийцами» в Москве или нет. Восстановление контактов произошло уже после смерти вождя, в июле 1953 г.

Что было важнее для израильских руководителей – дипломатические, экономические, военные, культурные связи с Советским Союзом или же возможность еврейской эмиграции из этой страны? Насколько эти вопросы рассматривались как взаимосвязанные? Так исторически сложилось, и мы не знаем, почему, что все те годы, когда СССР и Израиль поддерживали дипломатические отношения, эмиграция из СССР в Израиль была фактически запрещена, и, напротив, существенную часть того периода, на протяжении которого дипломатических отношений не было, численность эмигрантов составляла тысячи, а то и десятки тысяч (а в 1990–1991 гг. – и сотни тысяч) человек в год. Как представляется, для израильских руководителей открытые ворота для эмиграции без дипломатических отношений (как это было в 1967–1980 гг.) были предпочтительнее, чем дипломатические отношения в условиях запрета еврейской эмиграции (как это было в 1948–1953 и 1954–1967 гг.).

Израильское руководство смотрело на СССР как на важнейший источник для изменения демографической ситуации в Палестине / Эрец-Исраэль, как на огромный резервуар для иммиграции. Израильские власти, которые от поисков «государства для народа» перешли к поискам «народа для государства»[21*], стремились добиться массовой еврейской иммиграции из Советского Союза, на что советские руководители совершенно не были готовы. Еще 21 сентября 1948 г. за подписью, пожалуй, самого знаменитого в те годы еврея страны – Ильи Эренбурга – в центральной «Правде» вышла большая статья под заголовком «По поводу одного письма», в которой, в частности, говорилось: «Каждый советский гражданин понимает, что дело не только в национальном характере государства, но и в его социальном строе. Гражданин социалистического общества смотрит на людей любой буржуазной страны, в том числе на людей государства Израиль, как на путников, еще не вырвавшихся из темного леса. Гражданина социалистического общества никогда не сможет прельстить судьба людей, влачащих ярмо капиталистической эксплуатации. ...Советские евреи вместе со всеми советскими людьми отстраивают свою социалистическую родину. Они смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в

[21] * Когда Государство Израиль только возникло, его первый глава правительства Д. Бен-Гурион затронул самую суть проблемы: вопрос, который на протяжении столетий звучал как «найдется ли государство для народа?», приобрел совершенно иной смысл – «найдется ли народ для государства?».

будущее»[22]. Этот подход советских властей оставался практически неизменным на протяжении двух десятилетий, и он, естественно, создавал непрерывный, хоть и редко упоминаемый в официальных переговорах, очаг напряженности в двусторонних отношениях даже и в относительно благоприятные годы[23]. Значимость миграционного фактора в двусторонних отношениях в полной мере осознается израильскими исследователями[24], однако в российской литературе эта тема пока не получила должного отражения. В целом, значимость «израильского фактора» во взаимоотношениях советских евреев с властями собственной страны лишь становится объектом научного изучения.

Израиль требовал для советских евреев права, которым власти не наделяли представителей никаких групп населения страны – права на свободу выезда. С течением времени это требование стало важным компонентом антисоветского инструментария американской дипломатии, что поставило советских евреев едва ли не в эпицентр противостояния двух великих держав в период «холодной войны». При этом не только Израиль, но и Советский Союз претендовал на то, чтобы представлять людей, не являющихся его жителями: *raison d'etre* Государства Израиль была (и во многом остается) претензия на представление всех евреев, вне зависимости от того, где они живут и какое гражданство имеют, а Советский Союз видел себя как государство всех трудящихся, как центр всемирной борьбы против капитализма и империализма. Экспансионистская идеология официальной Москвы, чем дальше тем больше не без оснований видевшая в Государстве Израиль союзника тех сил, борьба с которыми была стержнем ее устремлений, никоим образом не могла сочетаться с идеологией официального Иерусалима, бывшей по-своему не менее экспансионистской: если Советский Союз стремился «спасти» Палестину и весь Ближний Восток от «националистического безумия международного сионизма», представляющего собой «расизм под голубой звездой на службе антикоммунизма», то израильские руководители

[22] Эренбург И. Г. По поводу одного письма // Правда. 21 сентября 1948.

[23] См.: Krammer A. The Forgotten Friendship. Israel and the Soviet Bloc, 1947–1953. Urbana: University of Illinois Press, 1974. P. 151–164 («The Critical Question of Emigration»); Говрин Й. Израильско-советские отношения, 1953–1967. С. 78–80, 138–148.

[24] См., в частности: Yaacov Ro'i. The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Yaacov Ro'i. Soviet Policy towards Jewish Emigration: An Overview // Russian Jews on Three Continents: Migration and Resettlement / ed. by N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i and P. Ritterband. London: Frank Cass, 1997. P. 45–67.

видели свою задачу в том, чтобы «вызволить» живших в СССР евреев «из плена красного фараона». Объективные различия в подходах двух стран были столь значительны, что до момента расформирования Советского Союза дипломатические отношения с Израилем так и не были восстановлены.

Многовековые гонения, нашедшие свой апогей в Холокосте, привели евреев к постоянному ожиданию погромов со стороны народов, среди которых они проживали. Распространение государственного антисемитизма в СССР в послевоенные годы было столь масштабным, что среди советских евреев начали циркулировать слухи об их планируемой депортации на Дальний Восток, о сталинском «окончательном решении еврейского вопроса». Одним из наиболее тяжелых эпизодов кампании является коллективное письмо, под которым заставляли подписываться евреев-представителей научной и культурной элиты страны в январе–феврале 1953 г. Никто не сомневается, что черновиков этого письма было несколько; в последние годы были опубликованы два найденных в архивах варианта, датируемые, соответственно, 29 января и 20 февраля 1953 г.[25]

Одним из первых, кто сообщил о содержании этого документа, был известный писатель Вениамин Каверин (настоящая фамилия – Зильбер, 1902–1989), рассказавший в своих воспоминаниях о том, как к нему обратились с просьбой подписать его – и как он отказался это сделать. Свидетельство этого выдающегося писателя очень важно, оно было опубликовано задолго до того, как среди историков и публицистов вообще началась какая-либо дискуссия по этому поводу, поэтому его уместно привести полностью:

«Зимой 1952 года мне позвонил из редакции “Правды” журналист Маринин и пригласил приехать для разговора, имеющего, как он сказал, “серьезное общественное значение”. Я приехал и был встречен более чем любезно. Маринин (его настоящая фамилия была Хавинсон) провел меня в комнату, которая, как я понял, была приемной Давида Иосифовича Заславского, видного журналиста, одного из руководящих работников “Правды”...

Маринин предложил мне познакомиться с письмом, которое, как он мне сообщил, уже согласились подписать многие видные деятели культуры. И не только культуры; армии и флота.

Я прочитал письмо: это был приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на

[25] Проект обращения еврейской общественности в «Правду», первая и вторая редакции, от 29 января 1953 г. и 20 февраля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 159–168, 173–179; опубл. в: Государственный антисемитизм в СССР. С. 470–478.

Дальнем Востоке. Знаменитые деятели советской медицины обвинялись в чудовищных преступлениях, и подписывающие письмо требовали для них самого сурового наказания. Но это выглядело как нечто само собой разумеющееся – подобными требованиями были полны газеты. Вопрос ставился гораздо шире – он охватывал интересы всего еврейского населения в целом, и сущность его заключалась в другом. ...Евреи в своей массе, – говорилось в письме, заражены духом буржуазного воинствующего национализма, и к этому явлению мы, нижеподписавшиеся, не можем и не должны относиться равнодушно. ...Решительно отвергая наличие в СССР антисемитизма, мы заранее оправдывали новые массовые аресты, пытки, высылку в лагеря ни в чем не повинных людей. Мы не только заранее поддерживали эти злодеяния, мы как бы сами участвовали в них уже потому, что они совершались бы с нашего полного одобрения»[26].

В. А. Каверин рассказывал о том, как приехал к И. Г. Эренбургу, как обсуждал эту проблему с ним. К сожалению, сам Эренбург об этом в своих мемуарах не рассказал ничего, отметив: «Я пропускаю рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось и Сталин не успел сделать того, что хотел. Конечно, эта история – глава моей биографии, но я считаю, что не настало время об этом говорить», – написал И. Г. Эренбург в 1964 г.[27], так и не оставив более подробных воспоминаний. Публикатор воспоминаний И. Г. Эренбурга Б. Я. Фрезинский усматривает в этих словах намек на «задуманную Сталиным депортацию еврейского населения СССР на Дальний Восток в порядке “спасения” от “народного гнева”»[28], однако в самом тексте Эренбурга нет никаких доказательств в пользу этого утверждения. Фактически приведенный фрагмент воспоминаний Каверина – единственное обнародованное в печати свидетельство человека, лично державшего данное письмо в руках. Написанная им строка – «это был приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на Дальнем Востоке» – является весомым аргументом в пользу тех, кто придерживается версии о планируемой депортации.

---

[26] Каверин В. Эпилог. М.: Аграф, 1997. С. 333–334.

[27] Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. Кн. 6. М.: Текст, 2005. С. 277.

[28] См.: Ваксберг А. Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. С. 433–434; комментарий Бориса Фрезинского на с. 485–486 в указанной выше книге мемуаров И. Г. Эренбурга.

Проблема, однако, состоит в том, что версия В. А. Каверина не стыкуется ни с первой, ни со второй редакцией этого ныне опубликованного письма. Ни в первом, ни во втором письме не упоминается депортация евреев (всех или какой-либо их части) куда бы то ни было. Возможно, «давно ходившие слухи» побудили Каверина читать это письмо, что называется, «между строк». В самом же письме, повторим, ни о каких бараках и ни о каком Дальнем Востоке не говорилось вообще; единственный Восток, о котором говорилось – и много – это Восток Ближний. Фактически в этом письме отражены две идеи: во-первых, врачи-убийцы и их пособники – наймиты мирового сионизма и американской разведки, широкие массы евреев Советского Союза презирают и проклинают их; во-вторых, у советских евреев, счастливо живущих в социалистической стране, где торжествует дружба народов и нет капиталистической эксплуатации, нет ничего общего с Израилем, курс которого они всячески осуждают.

Приведем фрагмент первой редакции проекта «обращения» – наиболее драконовской: «Разоблачение шпионской банды врачей-убийц М. Вовси, В. Виноградова, М. Когана, П. Егорова, А. Фельдмана, Я. Этингера, А. Гринштейна, Г. Майорова раскрыло перед советским народом, перед всеми честными людьми мира чудовищное преступление этих врагов [обратим внимание: упомянуто пять еврейских и три русских фамилии]. Продавшиеся американо-английским поджигателям войны, эти выродки ставили перед собой цель путем вредительского лечения сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. ...Вместе со всем советским народом, со всеми передовыми людьми мира мы клеймим позором эту клику убийц, этих извергов рода человеческого».

От внутренней политики письмо быстро переходило к внешней: «Большинство из разоблаченных преступников – еврейские буржуазные националисты, завербованные международной сионистской организацией «Джойнт» – филиалом американской разведки. Не случайно англо-американские империалисты ухватились за еврейских буржуазных националистов – сионистов. Еврейские миллиардеры и миллионеры в США давно уже поставили созданную ими сеть сионистских буржуазно-националистических организаций на службу самым реакционным силам американского империализма, превратили сионистские организации в центры международного шпионажа и диверсий».

Дальше – тотальное отмежевание советских евреев от Израиля и США путем всяческого поношения этих государств и обвинения их в том, что именно там евреям живется хуже всего: «Пытаясь ввести в заблуждение общественное мнение, прикрывая свою шпионскую роль, главари сионизма изображают империалистическую Америку

“другом” евреев. Но кто же не знает, что в действительности США являются каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый разнузданный расизм и в том числе антисемитизм. Восхваляя своих американских хозяев, сионисты на деле с головой выдают трудящихся евреев американскому капиталу. ...У главарей сионизма нет иных целей, кроме целей, продиктованных агрессивным американским империализмом. Эти главари сионизма превратили государство Израиль в плацдарм американских агрессоров и навязали израильским трудящимся двойной гнет – американского и еврейского капитала».

Выразив скорбь по поводу тягот, выпадающих на долю еврейских трудящихся в Израиле и в США, авторы письма противопоставили положению в этих странах замечательное положение, в котором находятся евреи СССР: «Впервые в истории в Советском Союзе создали такой строй, который не знает национального гнета, основан на подлинном братстве народов, больших и малых. Вместо национальной ненависти и былой вражды между народами у нас в стране полностью восторжествовала справедливость и искренняя дружба между народами. Впервые в истории трудящиеся евреи обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества».

Письмо заканчивается не призывом к депортации евреев на Дальний Восток, а, напротив, воззванием в поддержку советского интернационализма: «Будем же и впредь вместе со всем советским народом с еще большей энергией и самоотверженностью укреплять нашу Советскую Родину, бороться за дружбу народов, за мир во всем мире против поджигателей войны».

Вторая редакция обращения повторяет те же идеи, но в значительно более сглаженной форме; скажем, если первый вариант начинался с «разоблачения шпионской банды врачей-убийц», то во втором варианте врачи впервые упомянуты лишь в середине письма, в девятом абзаце. По сути же в письме вновь проклинаются США и Израиль, а также Великобритания: «Правители Израиля навязали израильским трудящимся двойной гнет – еврейского и американского капитализма. ...Государство Израиль, как и любое буржуазное государство в любой части мира, – это царство эксплуатации народных масс, царство наживы для кучки богатеев. Выходит, что правящая клика Израиля представляет не еврейский народ, состоящий в своем большинстве из тружеников, а еврейских миллионеров, связанных с монополистами США. Это и определяет всю политику нынешних израильских главарей. Они превратили государство Израиль в орудие развязывания новой войны, в один из аванпостов лагеря поджигателей войны. ...Совершенно ясно, что главари государства Израиль, главари “Джойнта”

и других сионистских организаций выполняют волю зарвавшихся еврейских империалистов и тех, кто является их подлинными хозяевами. Ни для кого не секрет, что хозяева эти – американские и английские миллиардеры и миллионеры, жаждущие крови народов во имя новых прибылей».

Далее вновь констатируется, как счастливы евреи в СССР: «В Советском Союзе осуществлено подлинное братство народов, больших и малых. Впервые в истории трудящиеся евреи вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь. ...Не ясно ли также, что только заведомые клеветники могут отрицать прочность и нерушимость дружбы между народами СССР».

Ни о какой депортации нет ни слова, более того, предлагается издание пропагандистской еврейской газеты, которая бы распространялась не только в стране, но и за ее пределами – инициатива в высшей степени поразительная, если вспомнить, что в СССР существовала еврейская печать, но она была ликвидирована властями лишь за несколько лет до этого ими же инициированного обращения: «Учитывая важность сплочения всех прогрессивных сил еврейского народа, а также в целях правдивой информации о положении трудящихся евреев в разных странах, о борьбе народов за укрепление мира, мы считали бы целесообразным издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в СССР и за рубежом».

Обратим внимание на то, что в то самое время, в феврале 1953 г., когда известных советских граждан еврейского происхождения заставляли подписывать письмо о том, что «главари государства Израиль... выполняют волю зарвавшихся еврейских империалистов», навязав «израильским трудящимся двойной гнет – еврейского и американского капитализма», правительство СССР разорвало дипломатические отношения с Государством Израиль. Для нас остается загадкой, кто именно был инициатором этого разрыва. Лично Сталин? Кто-нибудь из его ближнего окружения? Мемуаров или дневников, позволяющих ответить на этот вопрос, в нашем распоряжении нет. Было ли это решение спонтанной реакцией на небольшой взрыв на территории советской дипломатической миссии в Тель-Авиве в феврале 1953 г., или же оно были тщательно и заранее продумано, а данное событие стало только поводом для реализации решения, которое, так или иначе, было бы реализовано в любом случае? К сожалению, мы не можем дать удовлетворительный ответ на этот вопрос.

Задачи, стоящие перед исследователями истории российско-израильских отношений, с одной стороны, и перед специалистами, занимающимися реконструкцией социально-политической истории советского еврейства – с другой, еще весьма велики. Представляется, однако, что их совместная работа над событиями одного и того же

периода времени имеет куда больше смысла, чем работа каждого – над своим аспектом темы. Советско-израильские межгосударственные связи всегда находились под сильным влиянием «национального фактора» – влиянием, подлинные масштабы которого не изучены, увы, до сих пор.

V. ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ЭТНОСЫ. АССИМИЛЯЦИЯ И КОНФЛИКТЫ

Г. Н. Яковлева

ТРАДИЦИОННЫЕ БЫТОВЫЕ ПРАКТИКИ И БОРЬБА ЗА НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ БЫТ. ВИТЕБЩИНА В 1920-е гг.

В 1920-е гг. происходили сложные процессы адаптации населения к новым политическим реалиям. Власть агрессивно вторгалась в традиционный уклад жизни людей, во многом обусловленный их религиозной и этнической принадлежностью. Изменения, происходившие на Витебщине, помогают понять то, как вытеснялись традиционные религиозно-бытовые практики в контексте борьбы за новый советский быт.

Витебская губерния до 1924 г. входила в состав РСФСР, в ней, кроме белорусов, проживало значительное количество русских, евреев, поляков и латышей. Многие местечки губернии были еврейскими по составу населения. Именно евреи и латыши сыграли огромную роль в становлении и укреплении советской власти в городе и губернии. Еврейская молодежь стояла у истоков местного комсомола. Много женщин-евреек было среди организаторов женского движения в губернии. Бывшие бундовцы составляли значительную часть местных ячеек РКП(б). В Витебске в 1925 г. насчитывалось 39 714 евреев, 26 418 белорусов, 17 791 русский[1]. Около 10 тысяч крестьян-латышей проживало в латышских колониях. Они занимались сельским хозяйством, сохранили свою социокультурную особость и повседневные практики. В начале 1920-х гг. большая часть местного крестьянства и местечкового еврейства сохраняла свою религиозную и социальную идентичность и не скрывала соблюдения религиозных обрядов. Основная масса еврейского населения не работала по субботам, неукоснительно отмечала иудейские праздники, соблюдались традиционные ограничения в еде и т. д. Однако местное еврейство было неоднородным. Те, кто стал частью новой власти, отрицали свою религиозность и все, что с нею связано. В «Письме в редакцию»

[1] Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 318. Л. 67.

«Известий Витгубисполкома» 17 июня 1923 г. такие евреи возмущались тем, что в новые паспорта граждан в графе «вероисповедание» витебские паспортисты самовольно ставили отметки «иудей» или «православный»: «Нас, многие годы не верящих ни в бога, ни в черта, причислили к верующим, без нашего на то согласия». В карикатуре и стихах высмеивались «совдураки», игравшие на руку попам и раввинам[2]. Именно такие евреи стали основой еврейской секции губкома РКП(б) и пыталась избавить своих соплеменников от обрядов и ритуалов, связанных с религией.

В контексте общей борьбы большевиков с религией начинается борьба с иудаизмом и бытовыми традициями, им обусловленными. С осени 1921 г. начинается кампания против субботнего отдыха. Еврейский подотдел при губотделе по делам национальностей, еврейская секция губкома РКП(б) вели борьбу «с клерикализмом путем выяснения вредного влияния субботнего отдыха на развитие местного хозяйства»[3]. Весной 1921 г. в Витебске разгорелся конфликт по поводу изъятия синагоги на ул. Володарского, в которой был размещен Еврейский коммунистический университет. Тогда прошли массовые акции протеста против закрытия синагог, а осенью в Заручеевской синагоге 500–600 верующих выступили против навязываемого евреям воскресного отдыха. Один из религиозных активистов призвал создать «Общество соблюдателей субботы» – «Шомрес-Шабос»[4]. Возникли местные инициативы по вовлечению еврейского населения именно в субботние дни и в еврейские праздники в различные формы труда. В апреле 1920 г. витебские партийцы пытались отвлечь пролетариев от празднования Пасхи и Песаха путем проведения «грандиозного субботника»[5]. А члены евсекции и клуба им. З. Хайкина 10 апреля еще приглашались и на «Пасхальный бал»[6]. Появились и такие формы антирелигиозного труда, как средники. Лидеры евсекции губкома РКП в период осеннего цикла еврейских «покаянных дней» 22 сентября 1920 г. проводили большой средник, поучаствовать в котором приглашался еврейский революционный пролетариат. «Участие в среднике безусловно обязательно для евреев – членов РКП, РКСМ и коммунистического Бунда. Не явившиеся будут привлекаться к ответственности в порядке строжайшей партийной дисциплины вплоть до исключения из организации»[7]. Средники прово-

[2] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 91. Л. 10 об.

[3] Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

[4] Там же. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 383. Л. 145.

[5] Там же. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 57. Л. 25.

[6] Там же.

[7] Там же. Д. 55. Л. 17.

дились в губернии и в 1921–1922 гг. Однако многие рабочие и менее зависимые от властей кустари в местечках, возмущались этими нововведениями. Лишь угроза лишиться работы и продовольственных карточек (с их введением), а также ужесточение трудовой дисциплины в начале 1930-х гг., вынудили евреев принять работу в субботу как данность.

Основная масса рядового еврейства приверженности традициям сначала не скрывала, а для коммунистов и комсомольцев соблюдение религиозных обрядов становилось все более проблематичным, ведь даже присутствие при их совершении могло вызвать неприятные последствия. В июне 1923 г. в здании бывшей хоральной синагоги слушалось уголовное дело по обвинению граждан А. и С. Хейф по 108 ст. УК за совершение, вопреки воле родителей, обряда обрезания над ребенком коммунистов тт. Вульфсон и Хейф[8]. Боясь осуждения, коммунисты-евреи стали проявлять элементы двойной морали: скрывали соблюдение обрядов в семье, убеждали товарищей по партии, что, например, если обрезание и сделано, то без их согласия. В 1928 г. рабочий-коммунист одного из заводов Витебска в присутствии руководства и гостей отпраздновал у себя дома официальный антирелигиозный обряд «красное обрезание», а затем, в отсутствие посторонних, ребенку сделали традиционное обрезание. Сослуживец донес об этом в партячейку. Попытки рабочего доказать, что это произошло без его согласия, не убедили партийцев, он был исключен из партии[9].

Повсеместно придерживалось религиозных обрядов и население, принадлежавшее к другим конфессиям. Высока была религиозность среди латышских колонистов. Бдительная коммунистка обратилась в губком РКП с фактическим доносом на однопартийца-поляка, который приблизился «для усердного моления» к костелу Св. Антония, а, встретив коллегу, стал виновато оправдываться. «Прошу проинструктировать этого товарища, и если можно, доказать всю пустоту того, во что он, по всей вероятности, свято верит, в противном случае, от него надо очистить наши ряды»[10]. Среди партийцев, особенно деревенских, участие в крещении, венчании, отпевании было повсеместным. Губернская КК квалифицировала участие в обрядах как одну из самых распространенных форм нарушения партийной дисциплины и признала, что по отношению к деревенским коммунистам

[8] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 91. Л. 8.

[9] Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М.: РОССПЭН, 2006. С. 271.

[10] ГАВО. Ф. 9-п. Оп. 5. Д. 11. Л. 145.

«приходилось иной раз делать исключение, ограничиваясь мерами воспитательными»[11].

Огромную роль в социализации подрастающего населения играла школа. В 1921 г. «борьба с хедерами, ешиботами и талмуд-торами – этим худшим наследием прошлого», определялась еврейской секцией губоно как одна из важнейших задач[12]. В конце 1920 г. в Витебске была создана «комиссия по борьбе с хедерами», а в январе в городском театре был организован публичный «суд над хедером», который длился 6 дней. «Для проведения суда приглашены были в качестве обвинителей, свидетелей и экспертов лучшие из местных педагогических и партийных сил. В качестве защитников хедера выступили представители религиозной организации «Совета молитвенных домов»[13]. Несмотря на протесты населения и раввинов, хедеры стали закрывать. В противовес им в Витебске и уездах стали создавать еврейские школы. Открытый в 1921 г. в Витебске еврейский педтехникум готовил «красных учителей». Однако явные и тайные хедеры продолжали действовать на Витебщине все 1920-е гг. Новая волна гонений на хедеры началась в 1929 г.

Учителя же оказались в ситуации, когда была поставлена под контроль их частная жизнь. Собственная, истинная или обыденная, религиозность учителей, бывшая до 1917 г. естественной нормой и частью их повседневной жизни, становилась объектом пристального внимания властей. Наиболее очевидно религиозность проявлялась во время религиозных праздников. Были уволены несколько витебских учительниц, не вышедших на работу на Сретение и в Пурим. Проблемы возникли у заведующего и учеников 7-й советской трудовой школы Витебска, замеченных в праздновании святок, а на масленицу 1923 г. три дня отсутствовавших в школе[14]. Тогда же уволили учителя Ц. за предупреждение учеников об отмене 15 февраля просмотра конспекта. Это расценили как скрытую пропаганду религиозного праздника, а затем признали, что идеологических мотивов у учителя не было[15].

Для большинства населения семейные обряды, проходившие с участием священников, являлись символическим свидетельством самых значимых вех жизненного пути человека. Поэтому становление

---

[11] Коммунистический Труд. Периодическое издание Витебского Губкома РКП(б) и Губпрофсовета. 1922. № 20. 10 декабря. С. 40.

[12] Вестник народного образования. Орган Витебского губернского отдела народного образования. 1921. Май. № 1. С. 29.

[13] Там же. С. 30.

[14] ГАВО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 146. Т. 1. Л. 98, 178.

[15] Там же. Л. 190.

советской семейной обрядности шло в борьбе с религиозным мировоззрением и религиозными обрядами. Облегчалась процедура развода, уравнивались в правах внебрачные дети, вводились книги актов гражданского состояния, начали распространяться браки без официальной регистрации отношений. Женщина получила большую свободу, были устранены некоторые черты ханжеской морали, калечившей жизнь, но и издержки перемен были высоки: возросло количество разводов, появилась масса матерей-одиночек и социальных сирот, милиция задерживала женщин, подкидывавших новорожденных детей в подъезды домов центральных улиц города[16]. Для подкидышей стали строиться дома младенца. Например, в Полоцке в 1921 г. такой дом был рассчитан на 30 детей: 1/3 мест для детей-подкидышей, а остальные – для детей матерей-одиночек из рабочих и крестьян[17].

Становление новой обрядности и утверждение светских браков быстрее проходило в городе и гораздо тяжелее в деревне. По-прежнему, среди рядовых партийцев и даже ответственных работников наблюдались случаи совершения религиозных обрядов. То открыто венчался командир местной воинской части, то в 1923 г. в один из райкомов Витебска член партии подает заявление о разрешении вступить в религиозный брак и райком дает разрешение на таковой. Партиец, оправдывая свое участие в венчании, пояснял, что он искал хозяйку (!) и, найдя такую, вынужден был согласиться на венчание, которого требовала невеста[18]. В 1928 г. в одной из партячеек на Полотчине пытались замять дело об участии местного партийца в сватанье, которое «происходило с выпивкой и исполнением старых обрядов»[19].

Крестьянство, как правило, не приветствовало браков без церковного сопровождения, однако новые веяния проникали и в его среду. Селькоры сообщали в местные газеты о примерах «свадеб без попов» в своих деревнях. Селькор М. Т-ский писал: «В деревне Мазолово новый быт постепенно завоевывает себе право. Не прошло еще года, как у нас была свадьба, трое октябрин и двое похорон и все без попа...»[20] В 1925 г. в «Крестьянской газете» некая Алена писала: «Не хочу венчальных колец, / Не пойду за мельника / Мой миленок комсомолец, / А сама я – ленинка. / Выйду замуж без иконы, / Без богомоления, / По советскому закону / За мое почтение»[21].

---

[16] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 20 об., 18 об.

[17] Там же. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 115. Л. 13 об.

[18] Витебская губерния. С. 270.

[19] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 115. Л. 3 об.

[20] Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 434. Л. 175 об.

[21] Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 434. Л. 143 об.

После отделения церкви от государства исчезли законодательные препятствия для вступления в межэтнический брак, но большинство браков заключалось в соответствии с традицией и в своей среде. В газетной заметке 1923 г. сообщалось о свадьбе дочери известного витебского раввина Медалье. Автор упоминал о приглашенных, «отчисливших» в пользу молодых 40 млрд руб., и иронизировал по поводу двух гостей, «плачущих от фининспекторов», но внесших по 2 млрд дочке раввина на приданое[22]. Постепенно стали появляться смешанные браки между евреями и представителями других национальностей. Все чаще евреи стали признавать за свадьбу поход в ЗАГС (прежде всего члены РКСМ и РКП(б)). Но даже в их среде случались конфликты в семье, т. к. старшее поколение отрицательно относилось к таким бракам. На фабрике «Профинтерн» в 1929 г. разразился скандал, когда активная комсомолка-еврейка, сославшись на сопротивление родителей, отказалась выйти замуж за коллегу-коммуниста из-за того, что тот не еврей[23]. Редко вступали в браки с белорусами и русскими и латыши. Если латышскому пастору сообщали о случаях участия местных латышей в советских нововведениях, то он отказывал им в венчании.

Большевики боролись с бытовыми практиками, обусловленными религией, вводя новые советские обряды и праздники-заместители: «красные свадьбы», «красные крестины» («октябрины»), «красные обрезания», «красные сейдеры» и др. Губком РКП(б) (с 1924 г. – окружком КПБ(б)) через партийные ячейки, губполитпросвет, женотделы, комсомол организовывал борьбу с церковными праздниками и религиозно-бытовыми обычаями и проводил работу по внедрению новых. Женотделы, бытовые комиссии предприятий рекомендовали родителям называть детей новыми советскими именами и придерживаться новых, пролетарских обрядов. В 1924 г. на витебской фабрике «Двина» состоялось собрание трудового коллектива в связи с проведением красных крестин. После доклада, осуждавшего старые обряды, исполнения «Интернационала», родителям новорожденной предложили назвать девочку «Лениной» в честь Ленских событий 1912 г., рекомендовали воспитывать дочку в коммунистическом духе и подарили подарки. Малышка была зачислена в члены профсоюза без уплаты членских взносов до поступления на работу, получила кусок ткани, ей была обещана материальная помощь на ближайшие шесть месяцев. Комсомольцы и пионеры зачислили малышку в свои ряды.

[22] Там же. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 91. Л. 8.

[23] Зельцер А. Указ. соч. С. 275.

Женотдел выписал молодой семье журнал «Женщина-работница»[24]. Бытовая комиссия очковой фабрики рассмотрела вопрос «Об октябринах» и постановила: организовать спектакль и оркестр, в клубе прочитать доклад о новом быте. Новорожденной выбрали имя «НИНЕЛ»[25]. В народном доме села Высочаны беспартийный крестьянин Г. «октябрил» своего ребенка. «Много народу собралось посмотреть, как по-советски “крестят” детей. Отвечая на приветствия партии, комсомола и других организаций, Г. сказал: “Отрекся я от богов и чертей, и к этому призываю всех граждан”»[26]. Подобием «красных крестин» у евреев стало «красное обрезание». В 1924 г. в Витебске таковое было устроено по случаю рождения сына у преподавателя еврейского педтехникума А. Розенцвайга, в котором приняли участие еврейские учителя, студенты, школьники, рабочие, было оглашено имя ребенка – Владимир. Новорожденному подарили портрет Ленина, подписку на его собрание сочинений, «Капитал» Маркса[27].

Новые формы бытовых практик воспринимались населением поразному. Осенью 1924 г. фабком пивоваренного завода решил устроить суд над рабочим, «обругавшим своего товарища за празднование октябрин»[28]. Неодобрительно оценивала нововведения молва на витебских базарах.

Важную роль в борьбе со старыми бытовыми практиками играли комсомольцы, в начале 20-х гг. проводившие шумные акции на улицах перед храмами и синагогами, намеренно оскорбляя чувства верующих. В 1922 г. комсомольцы Витебска провели перед Йом Кипуром «грандиозную антирелигиозную демонстрацию»[29]. В 1924 г. в Городке на тот же праздник прошло шествие актива с революционными песнями, а на следующий день, несмотря на пост, в доме профсоюзов был устроен «торжественный обед»[30].

В мае 1923 г. в губернии проводилось «празднование комсомольской пасхи». В городах она организовывалась еврейской молодежью. В деревнях была проведена «русская комсомольская пасха» (!). Первый вечер пасхи по губернии был ознаменован «красными сейдерами» (сатирой на Сейдер или седер – еврейский пасхальный вечер со строго определенной последовательностью трапезы). В Ви-

---

[24] Карпекін К. «...Даць нованароджанай імя Леніна!» // Народнае слова. 2009. 25 жніўня. С. 5.

[25] ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 178. Л. 16.

[26] Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 434. Л. 175 об.

[27] Зельцер А. Указ. соч. С. 249.

[28] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 2.

[29] Коммунистический труд. 25 ноября 1922. № 19. С. 17.

[30] Зельцер А. Указ. соч. С. 248.

тебске и Полоцке прошли суды над комсомольцами, выполнявшими религиозные обряды. В последующие дни проводились субботники по предприятиям и профшколам. Во время пасхи ученики профшкол не прекращали учебу. «Явно выраженных эксцессов со стороны обывательской массы и духовенства не было, если не считать брюзжание и перешептывание втихомолку. Наблюдался ряд фактов изгнания на время пасхи сопротивлявшихся комсомольцев из дому родителями»[31].

Много сказано о попытках большевиков изменить бытовые практики в семье. Вот как местному автору представлялся быт посоветски: дети накормлены бесплатно, снабжены всем, вплоть до игрушек, старик-отец все необходимое получает от соцобеспечения. «Жена освобождена от забот о кухне и равный мне товарищ, всецело увлеченный живой работой в одном из культпросветучреждений»[32]. Однако многие мужчины не хотели мириться с изменением социального статуса своих жен и с попытками власти оторвать их от «печи и кочерги». Стереотипы поведения и восприятие приемлемых в обществе ролей мужчины и женщины изменялись с трудом. Формируемая властью товарищеская модель отношений между мужчинами и женщинами приживалась сложно даже в партийно-комсомольской среде**.** Не раз витебские активистки жаловались, что мужчины местных предприятий не хотят видеть в женщине спутницу жизни, а привыкли видеть в ней рабу. С другой стороны, многие не хотели быть просто товарищами и забывать о том, что они мужчины и женщины. Так, руководство Витебского губоно было недовольно тем, что на губернских педагогических курсах летом 1923 г. не установились чисто товарищеские отношения между школьными работниками. По мнению руководства, взаимоотношения учителей и учительниц напоминали отношения «кавалеров к барышням»[33].

В деятельности большевиков по изменению бытовых практик были и полезные начинания, соответствовавшие требованиям времени. Принципы гигиены стали частью государственной политики в сфере охраны материнства и младенчества. Огромную роль в пропаганде культурного быта играла печать. «Известия Витебского губисполкома», «Крестьянская газета», «Заря Запада» публиковали статьи о необходимости прививок, правильном уходе за детьми. «На солнце, на воздух!», – звала «Заря Запада» в 1929 г.; рекомендовались загородные экскурсии на лодках, походы в деревню, проведение физкультурных праздников, работниц приглашали в кружки физкульту-

[31] ГАВО. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 383. Л. 237.

[32] Там же. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 74. Л. 9 об.

[33] Там же. Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 716. Л. 20.

ры, где можно оторваться от сутолоки ежедневной работы, от плена пеленок и кухни, осуждались тесные «модные» одежды[34].

Под влиянием западных теорий и практик возник гигиенический уклон в воспитании детей. Культивировались такие качества, как физическое здоровье, опрятность, решительность, трудолюбие. К. Келли отмечает: «Приезжающие в СССР журналисты, педагоги и медики, как ни тревожила их практиковавшаяся там, по их мнению, "индоктринация" детей, в целом горячо одобряли усилия Советского государства по преобразованию традиционной системы их воспитания. Критике подвергался не характер гигиенического идеала, а его неполное осуществление на практике»[35]. Наблюдалась тенденция к усилению «мальчишеских» черт в одежде и манерах советских девочек, проникавшая в детскую культуру под влиянием школы и пионерского движения. Однако многие девочки противились происходившей унификации. Раздельное обучение в дореволюционной России, строгие гендерные стереотипы поведения и внешнего вида в предшествующий период сдерживали быстрое насаждение новых бытовых практик и манер поведения. Так, в 1925 г. Витебский окроно беспокоился, что в школах сохраняется «отделяемость мальчиков и девочек». В «Плане проведения Международного дня работниц в школах семилетки» предлагалось провести с 4 по 7 марта 1925 г. конкурс на лучший класс школы, «больше всего изживший отделяемость мальчиков от девочек». В юмористической форме требовали осудить тех, кто придерживался «буржуазно-мещанских взглядов на женщину». «Лучшим классом считается тот, в котором меньше всего мальчиков и девочек, отделяющихся друг от друга. В котором больше всего девочек втянуто в общественную работу, в котором меньше всего девочек, сохранивших привычки барышень»[36].

В 1929 г. ЦК ЛКСМБ призвал пионеров БССР провести с 1 по 15 октября культпоход под лозунгом: «За учебу и грамотность», «За культурность в общественной и личной жизни». Местный активист разъяснял: «Такое дело, как открытие форточек, оборудование в школах умывальников, зубных щеток, физкультурные игры, разумное использование свободного времени, организация читок – небольшое дело. Однако если мы добьемся каждодневного их проведения, – это будет значить, что часть элементов культуры мы будем осуществлять

[34] ГАВО. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 30.

[35] Келли К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 399–400.

[36] ГАВО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 110. Л. 20.

на деле»[37]. Попытки общественных организаций и школы прививать правила гигиены, здорового образа жизни сталкивались с реалиями повседневности заводских районов и бытом крестьянских семей. Протоколы заседаний школьных Советов полны констатаций, что дети не просвещены в плане санитарии и гигиены, не снимают шапок в классах, курят в школе, матерятся[38].

В 1920-е гг. бытовое и идеологическое тесно переплеталось. Дети вовлекались в акции международной солидарности, слушали доклады о положении сверстников в странах Запада, но при этом проявляли нетерпимое отношение к своим соседям и одноклассникам. В регионе процветал бытовой антисемитизм. Заведующий 7-й школой-семилеткой на Марковщине в 1928 г. докладывал в окроно о многочисленных нападениях учеников школы водников на детей из третьего еврейского класса его школы[39]. Ученики школы водников умудрялись даже в школу приходить с ножами. Подростки безнаказанно терроризировали детей, и подчас, даже взрослых, о чем говорилось на собраниях рабочих организаций Марковщины. Комиссия констатировала, что в школе проводилось интернациональное воспитание, но уровень жизни в районе, антисемитские настроения родителей оказывали отрицательное влияние на детей[40]. Можно согласиться с А. Ю. Рожковым в том, что межэтнический дискурс школьников 20-х гг. содержал целый набор недружественных стереотипов[41]. Антисемитские шутки и высказывания позволяли себе многие рабочие витебских заводов, антисемитизм присутствовал и в партийной среде. В конце 20-х гг. на евреев начали сваливать неполадки или упрекать их в нежелании трудиться на тяжелых работах, но тогда еще о проявлениях антисемитизма писали и резко осуждали. Не очень толерантны были и сами евреи. В ответ на слово «жид», звучало: «русская свинья». Некоторые студенты говорили, что они воспринимают белорусов только как крестьян. Среди латышей были распространены устойчивые стереотипы о том, что белорусские крестьяне ленивы и неумелы, а поэтому плохо живут.

Власть пыталась изменить традиционные формы досуга рабочих и крестьян. До введения нэпа фактически каждая местная фабрика и завод, воинская часть, советское учреждение, политическая пар-

---

[37] Там же. Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95. Л. 23 об.

[38] Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 164. Т. 2. Л. 309 об.

[39] Там же. Л. 334.

[40] Там же. Л. 362.

[41] Рожков А. Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х годов: Повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Краснодар, 2003.

тия имели свои клубы с библиотеками, хоровыми и драматическими кружками. В Витебске и губернии действовали латышские, польские, еврейские клубы. Много здесь было интересного, живого, творческого. В деревнях и местечках появились избы-читальни, народные дома. Однако политизация развлечений вызывала отторжение у жителей деревень и местечек. Многие рабочие и крестьяне руководствовались прежними представлениями о труде и отдыхе. Часто мероприятия, проводимые в клубах, сопровождались пьянством, выяснениями отношений на кулаках. «Работницам фабрики "Двина" нужно поменьше уделять внимания танцулькам, которые в Марковщине особенно развиты... Вместо танцулек нужно устраивать вечера самодеятельности, гораздо лучше послушать лекцию или доклад, почитать газету, пойти на занятия того или иного кружка», – обращалась к женщинам активистка женского движения города в 1923 г.[42] Работницы витебских предприятий по призыву женотделов вступали в члены МОПР, собирали деньги для поддержки польских работниц и крестьянок в их борьбе с классовым врагом. Но одна из корреспонденток признавала, что для работниц предприятий Витебска «самое приятное времяпрепровождение – разговоры на любовную тему: кто с кем гуляет, кто за кем ухаживает, кто женится, кто разводится, кого нужно сосватать и так далее»[43]. На рабочих окраинах процветали преступность, хулиганство, алкоголизм, проституция.

Таким образом, утверждение нового советского быта было неотделимо от политической социализации. Бытовое поведение людей, регулируемое ранее сословными и религиозными требованиями и традициями, власти выстраивали по классово-идеологическому принципу. Религия и церковь, определявшие ритм и ритуал жизни, агрессивно вытеснялись из повседневных практик населения Витебщины всех конфессий. Внедрялись советские ритуалы и праздники-заместители. В школе формировалось представление о том, что если ученик ходит в церковь и носит нательный крест, значит, он человек с отсталым мировоззрением, «пережиток прошлого».

Важные изменения происходили в сфере брачно-семейных отношений. С одной стороны, уравнение в правах полов, новые формы заключения брака, облегчение практики разводов в определенной степени укладывались в русло процессов модернизации, происходивших в мире. С другой стороны, произошла примитивизация отношений между полами. Гражданская обрядность только вырабатывалась и сложно приживалась в местечках и деревнях. Межэтнические браки старшим поколением не приветствовались.

---

[42] ГАВО. Ф. 10050-п. Оп. 2. Д. 24. Л. 12.

[43] Там же. Л. 31.

Стремление власти разрушить привычный быт вызывало скрытое или явное сопротивление части населения. Традиции социальных отношений, психологические установки людей сопротивлялись навязываемым нормам, поэтому процветали двойные стандарты поведения: в публичной сфере демонстрировалась лояльность всему новому, а в частной жизни соблюдались бытовые практики, обусловленные традицией.

Значительную роль в формировании новой повседневности играла школа, способствуя внедрению в сознание детей новых нравственно-бытовых и поведенческих норм. Частично эти нововведения соответствовали мировым веяниям. Однако повседневные практики подростков из рабочих окраин мало походили на желаемый идеал. Традиции семьи часто оказывались сильнее цивилизующего влияния школы.

Решающую роль в борьбе с религией, трансформации быта, изменении отношений в семье играла РКП(б). В начале 20-х гг. именно евсекция губкома партии стала инициатором агрессивной по форме и антирелигиозной по содержанию борьбы с традиционными повседневными практиками местного еврейства. Партийно-комсомольский актив быстрее реагировал на новые установки в сфере быта и семьи. Именно в этой среде наблюдались процессы отказа от традиционной религиозной и этнической идентичности.

И все же о тотальном изменении бытовых практик у населения Витебщины в 20-х гг. еще говорить не приходится. В сфере жилищной политики и охраны материнства и детства не хватило материальных средств у государства. Многие черты в морально-бытовом поведении населения оставались традиционными. Жители деревень и местечек региона во многом еще сохраняли старый уклад жизни. Процессы его разрушения ускорились с началом «великого перелома» и известных событий 30-х гг.

Однако именно в 1920-е гг. формировалась психология вседозволенности по отношению к «социально-чуждым», которых часто определяли по социальному происхождению, участию в исполнении обрядов или неучастию в антирелигиозном карнавале. «Это внесло свою лепту в подготовку общественного правосознания к массовому участию советских граждан в борьбе с “врагами народа”»[44].

---

[44] Слезин А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 90.

А. К. Байбурин

СОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В 1920–1930-е гг.[1]

Речь пойдет об особенностях определения национальности в условиях, когда ее необходимо было определить по неким правилам, о которых можно только догадываться. Такая нетривиальная ситуация возникла в конце 30-х гг. и была особенно актуальна для тех, кто являлся гражданами СССР, однако в терминах НКВД принадлежал к «инонациональностям» (поляки, немцы, греки и др.). Но прежде – об истории введения самой категории «национальность»[2].

В последние два десятилетия, предшествующие революции, графа «национальность» все чаще появляется в различного рода документах. К их числу относились служебные аттестаты, врачебные карточки, документы воинского и полицейского учета[3]. Постепенное движение от сословно-религиозного к национальному государству объяснялось многими причинами, среди которых нельзя не указать на медленное, но верное разрушение сложившегося социального порядка, что, в конечном счете, и привело к уравнению в паспортных правах разных слоев российского общества (Указ 5 октября 1906 г. о введении одинаковых для всех «паспортных книжек»), а также де-

[1] Настоящая статья является переработанной версией статьи: Baiburin Albert. "The wrong nationality": ascribed identity in the 1930s Soviet Union // Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism / ed. by Albert Baiburin, Catriona Kelly and Nikolai Vakhtin. Routledge. London, 2012. P. 59–76.

[2] Для более полной картины см.: Steinwedel Charles. Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // Caplan Jane and Torpey John (eds.). Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World (Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 67–82; Hirsch Francine. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell Univ. Press. Ithaca and London, 2005; Cadiot Juliette. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of The Russian Empire (1897–1917) // The Russian Review. Vol. 64. № 3. 2005. P. 440–455; и др.

[3] Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. – 1917 г.) // Вестник архивиста. 1998–1999. № 46–50.

кларированию равенства всех конфессий империи (Указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г.). Вполне вероятно, что на этом фоне признак национальности стал рассматриваться как более показательный и стабильный, чем сословный и конфессиональный. Однако указание на национальную принадлежность пока еще не отменяло, а лишь дополняло, да и то сравнительно редко, сведения о вероисповедании и сословной принадлежности (в этом смысле показательно, что в первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. не было вопроса о национальности)[4].

«Национальность» понималась двояким образом: как подданство (гражданство) и как принадлежность тому или иному народу. Во втором случае она определялась, как правило, по вероисповеданию. Официальная практика была такова, что, например, лютеране считались немцами и наоборот, вчерашний немец автоматически становился русским после того как он принимал православие[5]. В последние десятилетия империи национальность все чаще определялась по «родному языку»[6].

Сразу после революции была упразднена прежняя сословная структура, а с 1918 г. были отменены всякие указания на вероисповедание в документах, удостоверяющих личность[7]. Новой власти требовались постоянные категории, с помощью которых можно было бы разделить население на определенные группы для более эффективного контроля и управления. «Национальность» казалась, вероятно,

---

[4] В случае необходимости «национальность» определялась по вероисповеданию и языку.

[5] Ср.: «Анализируя состав офицерского корпуса российской армии накануне первой мировой войны, видный знаток проблемы П. А. Зайончковский подчеркнул, что графа “национальность” в официальных документах того времени отсутствовала и заменялась графой “вероисповедание”. Но в “Военно-статистическом ежегоднике армии на 1912 год” графа “национальность” уже появилась. (...) и авторы “Ежегодника”, и Зайончковский посчитали всех лютеран немцами. Так же автоматически они посчитали всех православных русскими» (Меленберг А. А. Люди. События. Факты. Немцы в Российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 127).

[6] О языке как явлении, определяющем национальность заговорили уже на Международном статистическом конгрессе 1872 г. в С.-Петербурге. См. подробнее: Кадио Жюльет. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 43 и далее; Суни Р. Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 72.

[7] «Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан изымается» (Декрет СНК РСФСР 23 янв. 1918 г. Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1918 г. М., 1919. № 18. ст. 263).

нейтральной, к тому же не отягощенной царским прошлым категорией, а национальные различия – постоянными и почти очевидными.

В 20-е гг. графа «национальность» все чаще появляется в советских документах. Например, в выпущенных НКВД в 1923 г. образцах личных карточек членов исполнительных комитетов и членов съездов эта графа уже предусмотрена[8]. В разработанной НКВД в 1925 г. инструкции «О введении новой системы ознакомления с личностью заключенного и результатами его пребывания в месте заключения» требовалось сразу по прибытии нового заключенного завести на него опросный листок, в котором требовалось указание на родной язык. Личная карточка заключенного включала сведения о родном языке и национальности[9]. В «Инструкции о ведении и заполнении актовых книг и свидетельств по новым формам» (1926 г.) указывается, что в актовых книгах о рождении «подчеркивается национальность и социальное положение родителей со слов заявителей. В тех случаях, когда ответ не предусмотрен, записываются дополнительные слова: например, калмык, служитель культа и т. под.»[10]. В актовых книгах о смерти также предполагалось указание национальности умершего, но, например, в книгах о браке они не были предусмотрены. Разумеется, такая избирательность никак не мотивируется.

Реализация советского проекта «национальность» осложнялась тем, что значительная часть населения имела смутные представления о своей национальной принадлежности, да и устойчивого перечня «национальностей», проживающих в СССР не существовало. Как пишет В. А. Тишков в своей книге «Реквием по этносу», «население страны вообще не понимало смысл этого понятия [национальность], ибо пользовалось другими идентификационными категориями (православные, инородцы, местные самообозначения...)»[11].

Естественно, такая неопределенность не устраивала не только властные органы, но и специалистов – этнографов, демографов, статистиков. В середине 20-х гг. усиленно разрабатывались принципы определения национальной принадлежности по языку и вероисповеданию, которые учитывались в переписи 1897 г. При подготовке к первой советской переписи 1926 г. Комиссией по изучению племенного состава (КИПС) был разработан список национальностей и приемы их определения (использовалась двухступенчатая процедура: сперва задавались вопросы о роде, племени или народности, к которым при-

[8] Бюллетень НКВД. 1923. № 19.

[9] Там же. 1925. № 7.

[10] Там же. 1926. № 14.

[11] Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 193.

надлежали родители; затем о вероисповедании и родном языке в детстве и сейчас, а в конце все это сопоставлялось с официальным списком национальностей). В «инструкционных пояснениях по вопросу о народности» (так называлась будущая графа «национальность») в Переписи 1926 г. были даны такие указания:

«Здесь отмечается, к какой народности причисляет себя отвечающий. В случаях, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на вопрос 4-й не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о народности может и не совпадать с ответом на вопрос 5-й о "родном языке". ...Хотя термин "народность" и поставлен с целью подчеркнуть необходимость получения сведений о племенном (этнографическом) составе населения, все же определение народности предоставлено самому опрашиваемому, и при записи не следует переделывать показании опрашиваемого. Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят»[12].

По «Положению о паспортах», вышедшему в декабре 1932 г. графа «национальность» заполнялась (как и в Переписи) со слов владельцев паспортов. Другими словами, все получавшие паспорта могли указать национальность, руководствуясь своими представлениями о том, что это такое. Однако с середины 30-х гг. категория «национальность» из второстепенной (по сравнению с «социальным положением») выходит на первый план. В официальном дискурсе формируется образ страны, находящейся во враждебном окружении. Следуя этой логике, задачей органов НКВД становилась борьба со шпионами и диверсантами на своей территории.

Первыми почувствовали на себе это поляки[13]. В августе 1937 г. вышел так называемый «польский приказ». В нем речь шла об активизации шпионской деятельности Польши на территории СССР и мерах по «обезвреживанию» шпионских, диверсионных, вредительских и повстанческих элементов[14]. Разумеется, польскими или греческими

---

[12] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. С. III.

[13] Выселение некоторых этнических групп началось раньше, напр. финнов выселяли из Ленинградской области в 1935 г., но проводилось это в ходе кампании по раскулачиванию.

[14] Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. URL: http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/00485ART.htm

шпионами вовсе не обязательно должны быть поляки или греки, однако «зачистка» носила тотальный характер.

Сотрудники НКВД подозревали, что пользуясь свободой в определении национальности, многие поляки записались русскими и белорусами.

«Поскольку учетные данные 30-х годов не носили всеобъемлющего характера, у чекистов отсутствовали развернутые данные на нерусских граждан. Не было даже учета польских перебежчиков, поэтому на поиски "инонационалов" были мобилизованы крупные силы, причем не только из вспомогательных служб. Например, оперативник КРО УНКВД НСО Вацлав Гридюшко под видом электромонтера получал доступ к домовым книгам и выписывал ежедневно по 5–8 нерусских фамилий (планы то надо ведь выполнять! 100 тысяч шпионов без электромонтеров, выписывающих фамилии из книг никак не соберешь). Так же работали и в области (Мошковском районе), и в Барнауле, где, не мудрствуя лукаво, в поляки записывали всех с фамилиями, оканчивающимися на "-ский"» (АУФСБ по НСО. Д. П-4505. Л. 352)[15].

Как видим, в вопросе национальной принадлежности чекистам требовалась ясность, и она была введена с грифом «Совершенно секретно».

«Всем Начальникам ОАГС НКВД и УНКВД

Циркуляром НКВД СССР № 65 от 2 апр. 1938 г. (разосланный нач. УРКМ) установлен новый порядок указания национальности при выдаче или обмене паспортов, обязывающий при записи национальности владельца паспорта исходить исключительно из национальности по рождению (по родителям). В связи с этим существовавшее до настоящего времени положение, когда национальность граждан при регистрации актов гражданского состояния записывалась та, к которой причислял себя регистрирующийся – изменяется. Во всех случаях актовых записей национальность должна указываться на основании предъявленных при регистрации паспортов...»[16]

Разумеется, этот Циркуляр не стал фактом публичного права и о нем не знали даже те, кого он непосредственно касался. Здесь необходимо небольшое отступление. Речь идет о характерном для советского времени сосуществовании двух прав. Одно, условно говоря, –

---

[15] URL: http://corporatelie.livejournal.com/15053.html Подобного рода сюжеты рассмотрены в статье: Денингхаус В. Феномен перемены национальной идентичности накануне большого террора // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 294–304.

[16] Из истории «национального вопроса» в СССР // Мемориал-Аспект. Информационный бюллетень Общества «Мемориал». 1994. № 10–11. Сент. С. 12. Позже: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / сост. Е. А. Зайцев. М., 1993. С. 86–93.

публичное, открытое для всех, а другое – закрытое, представленное в виде всевозможных циркуляров, приказов, директив с грифами «Не для печати», «Не подлежит оглашению», «Секретно», «Для служебного пользования» и т. д. Разумеется, определяющим было второе право, в котором государственным органам предписывалось, как именно нужно трактовать то или иное установление и реализовывать его на практике. Закрытое право включало и документы, которые относились непосредственно к обязанностям граждан. О существовании этих документов граждане могли и не подозревать, но, тем не менее, требовалось их выполнение[17]. В этой ситуации возникало еще одно – уже третье право – результат своего рода реконструкции требуемой модели поведения на основе устных требований и инструкций, исходивших от официальных лиц.

В материалах фонда Верховного Совета Союза ССР в Гос. архиве Российской Федерации находится ряд писем, адресованных в Совет национальностей Верховного Совета СССР[18]. Они начали приходить в 1938 г. и продолжали поступать вплоть до начала 1950-х гг.[19] В них заявители пишут о том, что в их паспортах значится «неправильная» национальность и просят Верховный Совет исправить ошибку или установить «правильную» национальность (напомню, что по действующему «Положению о паспортах» графа национальность заполнялась со слов получателя паспорта). Письма интересны тем, что в них содержится двойное истолкование ситуации: как получилось, что им была приписана «чужая» национальность и как должно быть «на самом деле» с точки зрения авторов. Таким образом, мы можем получить некоторое представление о том, каковы были практики «вписывания» национальности и какими соображениями руководствовались авторы в своих рефлексиях по поводу своей национальной идентичности.

Приведу одно из таких писем (здесь и далее сохранена орфография оригинала)[20].

«От гр. Шуберт Юрия Иосифовича, проживающего БССР г. Жлобин типография газеты "Шлях социализма"

---

[17] Об этой особенности функционирования правовой системе в СССР см., напр.: Попов Валерий. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html

[18] ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 99. Д. 9. Некоторые из этих писем рассматривались Фрэнсин Хирш (Francine Hirsch. Empire of Nations... P. 297–302).

[19] Об этом говорится в ежегодных отчетных докладах о работе паспортного отдела ГУ милиции НКВД СССР. См., напр.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 11. Л. 15.

[20] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 99. Д. 9. Л. 37.

Заявление

Прошу разсмотреть мое заявление и помочь мне. 20 июня 1939 г. я пошел в Жлобинский паспортный стол менять свой паспорт. 21 июня я получил новый. Пом. начальника паспортного стола женщина (фамилия мне неизвестна) сделала мне в паспорте отметку следующего содержания: по матери русский, по отцу поляк. Когда я стал возражать, что отец мой поляком никогда не был, а был чех, она (должно быть не умеющая разбираться в иностранных именах) основываясь на том, что деда моего по отцу звали Франц категорично заявила: "Ставлю поляк и все. А иначе совсем не выдам паспорта". Прошу Верховный Совет разобрать мое заявление по возможности скоро и чутко и помочь мне. Кто дал право грубым бюрократам приписывать чужую нацию.

Я работник типографии газеты "Шлях социализма" ударник, комсомолец 1921 года нарождения полурусский получех и не желаю иметь чужое звание полуполяка.

И прошу это с меня снять.

6.III–39».

Чтобы немного расширить представление о характере обнаруженных заявлений, приведу по несколько строк из других писем.

«Просьба дать разъяснение правильно ли я определяю свою нацию. ...Мать моя украинка. Родился я в 1911 году. До 1930 года проживал на территории своей родины БССР. Общность языка и культуры безусловно белорусская. Значит и сибя я отношу к Белоруссам. А также я и мои братья и сестры пишимся по документам Белорусами. При приеме меня в кандидаты ВКП(б) всплыл вопрос почему я не поляк?» (Грушковский Н. В.)[21].

«Мой дед который умер еще задолго до моего рождения, к великому моему сожалению был по национальности грек. Эта национальность по наследству перешла к моему отцу, который фактически вырос и умер в России и ничего общего с греческой национальностью не имел. Я родился, учился и вырос в Советском Союзе, мать моя украинка. Имею паспорт гражданина Советского Союза, состою на Военном учете Красной Армии и кругом меня преследует клеймо (зачеркнуто. – А. Б.) – национальность – "грек". Желая чтобы в документах значилась национальность, которая бы соответствовала действительности – Русский...» (Магула Н. М.)[22].

Протест авторов был направлен, прежде всего, на то, что «неправильная национальность» была им навязана. В этом смысле показательны выражения вроде «меня записали», «мне поставили»,

[21] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 99. Д. 9. Л. 15.

[22] Там же. Л. 43.

подчеркивающие пассивную роль автора. Дело в том, что каждый получатель паспорта должен был заполнить форму № 1, но затем эти сведения сверялись работниками паспортной службы с данными домовой книги и другими документами и окончательный вариант принадлежит им, а не обладателю паспорта.

В письмах выбрана единственно возможная стратегия – обосновать свою «правильную» национальность по тем признакам, которые авторы считали убедительными в создавшейся ситуации. Чаще всего отнесение себя к национальности основывается на *«происхождении»*, причем это слово использовалось в двух смыслах: генеалогическом (кем считали себя предки, родители) и географическом / территориальном (родился в Белоруссии, Украине и т. д.).

Ссылки на родной *язык* явно не считаются самими заявителями достаточно серьезными и поэтому идут в связке с другими признаками, например, как в одном из писем говорится: «общность языка и культуры (у меня) безусловно белорусская»[23].

Встречается и указание на *вероисповедание*, но при этом подчеркивалось, что оно не может быть критерием при определении национальности. Некто Станислав Заливако в своем письме пишет: *«Дело обстоит так: Деды, мать, отец и я родились все в Белоруссии, но вероисповедания были римско-католического (по старому). Так вот, исходя из этого мне говорят, что я поляк; в то время, и родители и я все время писались и щитали себя белоруссами и никто никогда не говорил, что это неверно. Прошу дать ответ-справку какой я должен быть национальности, но по-моему бывшее вероисповедание не должно служить определением национальности. Тогда и француз выйдет поляком в силу того, что он католик»*[24].

Основной акцент правильности / неправильности приписанной национальности делается на воспитании, обычаях и шире – *культуре* (как это сформулировано, например, в письме гр-на Рамих: *«Формально по национальности я значусь немцем, но по существу ничего немецкого во мне нет. Я не знаю ни немецкого языка, ни немецких обычаев и нравов, все время общался и воспитывался среди русских»*[25]).

Как видим, авторы писем склонны понимать национальность главным образом как некий культурный конструкт. Они, конечно, не знали о Циркуляре НКВД, которым был изменен порядок определе-

---

[23] Это явная цитата из статьи Сталина «Марксизм и национальный вопрос»: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин И. В. Сочинения в 16 т. М., 1946. Т. 2. С. 293).

[24] ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 99. Д. 9. Л. 26.

[25] Там же. Оп. 12. Д. 87.

ния национальности, но прекрасно чувствовали, что быть поляком, немцем, греком и т. д. стало смертельно опасно.

Любопытно, что в юридическом отделе Верховного Совета не знали, что делать с этими письмами и почему их авторам «записывают национальность не ту, к которой они себя причисляют»[26]. Другими словами, Циркуляр НКВД был неизвестен даже Верховному Совету. В частности, непонятно было, что делать тем, у кого родители принадлежали разным национальностям. На запрос Верховного Совета из НКВД пришел ответ:

«На Ваш запрос от 5./II–39г. № 527/8 сообщаю:

Лицам, имеющим родителей разных национальностей, т. е. отец поляк (немец, итальянец и т. д.), а мать русская (украинка, грузинка и т. д.), – национальность в паспорт по оперативным соображениям, записывается по обоим родителям. Например: отец поляк, мать русская, отец белорусс, мать немка и т. д.»[27]

Новый порядок определения национальности был внесен в Инструкцию по применению Положения о паспортах 1940 г., но она (как и все паспортные инструкции) была с грифом «Секретно». Письма граждан и запросы от официальных органов продолжали поступать, но НКВД не торопился с открытой публикацией. Лишь в Положении о паспортах 1953 г., опубликованном мизерными тиражами и далеко не полностью, появились соответствующие разъяснения о заполнении графы «национальность». Таким образом, зазор между свободным определением национальности и предписанным («национальность по родителям») оказался не двадцать лет, как можно было бы понять из опубликованных документов, а всего лишь пять лет (с 1933 по 1938 г.) и вызвано это было соображениями «оперативного» (читай репрессивного) характера.

Этот случай прекрасно иллюстрирует функционирование правовой системы в СССР. Официально все эти двадцать лет действовали «Положения», согласно которым графа «национальность» заполнялась со слов владельцев паспортов. Однако советский человек верил не написанному, а реальным практикам. Можно сказать, что содержание «совершенно секретного» циркуляра было транслировано в массы действиями работников милиции и без труда усвоено этими

[26] И при подготовке к новой переписи в газете «Правда» от 13 янв. 1939 г. можно было прочитать: «Лишь в стране социализма национальный вопрос получил действительное разрешение, прочно и незыблимо закрепленное Сталинской Конституцией. На вопрос о национальности каждый гражданин СССР будет отвечать по свободному самоопределению. Национальность и родной язык записывается так, как укажет сам опрашиваемый».

[27] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 304. Л. 1.

массами, привыкшими к такой форме функционирования советского законодательства. Причем порядок определения национальности «по родителям» стал общим: не только для «сомнительных», но и для всех граждан СССР.

Итак, за весьма короткое время «национальность» из чего-то необязательного и малопонятного превратилось в нечто вполне определенное: свойство, которое каждый человек получает при рождении, наследуя его от родителей. Не случайно и сейчас подавляющее большинство населения России уверены в том, что «национальность» передается по наследству и является не культурным, а биологическим признаком.

Л. А. Максимова

НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СССР

Активная насильственная миграция на Европейский Северо-Восток началась в начале 1930-х гг. Основными субъектами этой миграции стали спецпереселенцы и заключенные. Многонациональное население из западных и южных регионов страны, с Поволжья, из Центра было депортировано на спецпоселение в Коми АССР. Очевидно, что депортация имела определенное влияние на этническую структуру региона.

Известно, что процесс ассимиляции включает две разновидности: ассимиляция как чисто этнический процесс, который свойственен на любом периоде развития этноса, и ассимиляция как продукт модернизационных процессов. Различие между ними состоит в том, что ассимиляция первого вида происходит неосознанно под влиянием объективных факторов, поэтому вмешиваться в нее не целесообразно. Здесь нет сильно выраженных факторов, влияющих на односторонность процесса[1].

Напротив, отмечает И. К. Калинин, ассимиляция в период модернизации отличается тем, что катализируется односторонне действующим фактором сознательного выбора, связанного с желанием демонстрации индивидуального перехода из традиционного («отсталого») состояния в современное. В этом случае использование русского языка даже в родной культурной среде уже в конце XIX в. должно было означать принадлежность к «высшему обществу». Примерно так же, как у русских дворян конца XVII–XIX в. говорить по-французски – значило демонстрировать свою «духовную общность с Европой».

Представляется необходимым рассмотреть вторую разновидность ассимиляции на примере этносоциальных процессов Коми края.

[1] Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. С. 76–77.

Процесс колонизации любой территории сопровождается «расселением представителей одних этнических групп среди других, численно преобладающих»[2]. Это утверждение было верно для Республики Коми примерно до 40-х гг. XX столетия, когда лица коми национальности составляли более половины всего населения.

По переписи населения 1926 г. на территории Коми проживало всего 225 тыс. человек, из них – городского населения только 10 тыс. человек. В 1939 г. – уже 319 тыс. человек, из них уже 29 тыс. проживало в городах. В 1959 г. перепись зафиксировала 815 тыс. человек населения в республике, в том числе 484 тыс. в городах[3].

Таблица 1

Распределение населения по национальности, в %[4]

Национальность	Годы					
	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Коми	86,9	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3
Русские	12,6	22,0	48,6	53,1	56,7	57,7
Украинцы	–	1,9	10,9	8,6	8,5	8,3
Белорусы	–	1,1	2,8	2,6	2,2	2,2
Немцы	–	0,2	1,0	1,2	1,6	2,1
Татары	–	0,2	1,0	1,2	1,6	2,1
Другие национальности	0,1	1,5	5,1	4,4	4,5	5,4

Как следует из таблицы 1, с 1926 г. наблюдалось постоянное снижение доли лиц коренной национальности. Доля представителей коми сократилась с 72,5 % в 1939 г. до 31,1 в 1959 и до 24 в 1989 г. Да и в целом прирост коми отставал от средних показателей по стране. Так, население СССР за 1939–1979 гг. выросло более чем на 34 %, а численность коми лишь на 21,2 %[5]. Тогда как прирост эскимосов США за 46 лет (1931–1977) был равен 133 %, канадских эскимосов – 300 %[6]. Влияние миграции на этническую структуру населения просматривается при ее рассмотрении в разрезе городов и районов республики. В северных районах, куда были направлены основные

[2] Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов // Социологические исследования. 1982. С. 27–34.

[3] Коми АССР 60 лет: Статистический сборник. Сыктывкар, 1981. С. 4–5.

[4] Фаузер В. В. Сколько нас? Какие мы? // Жизнь национальностей. 1994. № 4. С. 49.

[5] Коми АССР 60 лет... С. 4–5.

[6] Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 74–76.

потоки насильственной миграции, доля лиц коренной национальности коми существенно уменьшилась. В Печорском районе, например, с 60 % в 1939 г. до 23,4 % в 1959 г., в Троицко-Печорском с 66,3 до 29,2 % и т. д.[7]

Изменение этнического состава населения повлекло за собой и дальнейшие изменения в образе жизни, быте и культуре всех наций и народностей, заселяющих республику. Это проявилось в угрозе утраты национальной самобытности и, прежде всего, родного языка. Анализ материалов переписей позволяет утверждать, что прослеживается постоянная тенденция уменьшения числа лиц, которые считают родным язык своей национальности.

Следует учитывать то обстоятельство, что язык является не только средством общения, но и средством передачи культуры и самобытности будущим поколениям. Тенденцию снижения использования родного языка у населения республики отражает таблица 2.

Таблица 2

Распределение населения Республики Коми по национальности и языку, в %[8]

Национальность	Считают родным языком язык своей национальности			
	1959	1970	1979	1989
Все население	91,9	88,2	86,2	84,2
Коми	93,7	86,7	80,0	74,3
Русские	99,9	99,9	99,9	99,8
Украинцы	74,3	58,9	52,1	46,7
Белорусы	61,6	44,2	39,1	35,2
Татары	82,7	69,8	69,4	66,4
Чуваши	80,1	65,8	58,1	56,1
Немцы	62,1	40,3	27,7	20,6

Под влиянием миграции изменяется и брачно-национальный состав населения, проявляется это в росте числа семей, где супруги принадлежат к разным национальностям, и в уменьшении доли однонациональных семей, в том числе и у коренных жителей – коми. Так, в 1939 г. национально-смешанные браки составляли 23 %, в 1949 г. – 38,9, в 1959 г. – 41,5, в 1970 г. – 43,5, в 1979 г. – 45,8. У коми доля национально-смешанных браков с 1939 по 1979 г. возросла в 2,7 раза, т. е. больше, чем у всего населения. Как показывают исследования, рост числа смешанных браков приводил к отказу от использования

[7] Фаузер В. В. Влияние миграции на численность и состав населения республики коми. (Научные доклады КНЦ УрО РАН). Сыктывкар, 1992. С. 12.

[8] Там же. С. 13.

коми языка как основного. В 1989 г. русский язык являлся единственным языком общения между супругами в 72,6 % коми-русских сельских семей[9].

Наличие семей со сложным этническим составом создает предпосылки для распространения двойной этнической идентичности. Предпочтение отдавалось наиболее статусной форме идентичности – русской. Это способствовало развитию такого феномена, как «проблемная этничность», когда люди испытывают затруднения в этнической самоидентификации.

Миграционные процессы повлияли и на профессиональный состав рабочего класса. Результатом миграции стало то, что основным источником формирования промышленных и культурных кадров стали внешние трудовые ресурсы. Несмотря на то, что доля коми в составе всего населения республики в 1939 г. составляла 72,5 %, среди горняков их было всего лишь 19,6, среди металлистов – 41,8, среди деревообделочников – 35,3, среди рабочих, занятых на силовых установках и подземных механизмах – 39, среди транспортников – 46,8[10]. Среди рабочих перечисленных отраслей большинство составляли представители некоренной национальности. Нетрудно заметить, что эти специальности возникли лишь в 1930-е гг. с появлением лагерей, узники которых были заняты в новых создаваемых отраслях промышленности в северных районах республики. А после ликвидации лагерей в середине 1950-х гг. бывшие заключенные стали основой для формирования промышленного рабочего класса республики. Как показало обследование, даже в 1970–1971 г. лишь 30,2 % рабочих-лесозаготовителей республики родились и выросли в районе их нынешнего проживания[11], причем удельный вес молодых рабочих (до 30 лет) среди лесозаготовителей составлял менее 30 %[12]. Основную массу рабочих лесозаготовительной промышленности составляли люди, прибывшие на территорию республики в 1930–1940-е гг. – во времена массовых репрессий и депортаций.

В то же время в такой традиционной для республики в 1930-е гг. отрасли, как сельскохозяйственная – доля коми составляла 79,3 %[13].

---

[9] Рогачев М. Б. Межнациональные браки как фактор этнических процессов у коми (на примере языковой жизни молодых коми-русских сельских семей). Сыктывкар, 1985. С. 6–7.

[10] Подсчитано нами по данным: Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 167–168.

[11] Белорукова Г. П. Современные этнокультурные процессы в лесных рабочих поселках коми АССР. Сыктывкар, 1933. С. 6–7.

[12] Там же. С. 168.

[13] Подсчитано нами по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992 г. С. 167.

Велик был удельный вес коми среди полиграфистов – 76,2 %[14], разумеется «врагов народа» не могли допустить к материальному обеспечению единственного средства массовой информации в республике в то время – печатного слова.

Согласно официальной статистике, велика была доля представителей некоренной национальности среди интеллигенции, технического, медицинского персонала. В то же время надо иметь в виду политическую заданность представления результатов переписи для широкой общественности. Как теперь известно, результаты переписи 1939 г. были сфальсифицированы, особенно по северным автономиям РСФСР – по Коми и по Карелии[15] (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес коми среди представителей интеллигенции в Республике Коми (по данным переписи 1939 г.)[16]

Занятие	коми (%)
Работники искусств	61,2
Экономисты	41,3
Бухгалтеры	53,2
Инженеры	9,8
Конструкторы	16,7
Техники	33,7
Ветеринарные врачи	34,8
Врачи	20,0
Научные работники, профессора, преподаватели вузов	30,4

Урбанизационные процессы в крае также напрямую были связаны с деятельностью ГУЛАГа. Во второй половине 1930 – начале 1940-х гг. лагерные центры превращаются в рабочие поселки. Развитие промышленного производства и еще большая концентрация населения, создание производств и транспортной сферы привели к тому, что в 1940–1950-е гг. роль некоторых рабочих поселков в экономике республики становится ключевой. Поселки превращались в

[14] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992 г. С. 168.

[15] Жиромская В. Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сборник научных трудов. М.: Институт Российской истории, 1994. С. 42–47.

[16] Максимова Л. А. Влияние насильственной миграции 1930-х – 1950-х годов на местное население Республики Коми // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы международной научной конференции. (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г). Сыктывкар, 2000.

города. В 1920-е гг. в Коми существовал один город Усть-Сысольск (ныне – Сыктывкар) получивший статус города по Указу Екатерины II 1780 г. В 1930–1950-е гг. в республике появилось 6 новых городов, выросших из лагерных центров. Это были монопрофильные города: Воркута и Инта – центры добычи угля, Ухта – нефти и газа, Микунь – железнодорожный узел, Печора – центр водного транспорта и т. д.

Превращение Коми в результате насильственной миграции в многонациональную республику способствовало появлению проблемы взаимоотношений между мигрантами и коренным населением, что можно сделать предметом специального исследования.

Таким образом, национально-демографические последствия индустриализации региона не представляется возможным оценить однозначно. Эту общую для всех стран смену стадии поступательного развития СССР проходил со своей скоростью и со своими национальными особенностями. Северные территории в СССР начали осваивать раньше. И в отличие от зарубежного Севера, где при освоении доминировал вахтовый метод, в СССР применили всеобщую колонизацию, проведенную за счет массовой принудительной миграции репрессированного населения. Это и обусловило основные особенности демографических процессов и этносоциальной динамики как в теоретической, так и в практической плоскости.

Т. Г. Мухтаров

ВЛИЯНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРОЦЕСС АССИМИЛЯЦИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Во время войны всё делается скорее,
нежели в мирное время...
(Поговорка времен
Первой мировой войны)

В послевоенные десятилетия впервые значимо начали проявлять себя ассимиляционные процессы среди башкир. Однако предпосылки к ассимиляционным явлениям в башкирском обществе сложились намного раньше. Представляется, что основным толчком, послужившим причиной к нарастанию деэтнизации башкир в XX в., стала Октябрьская революция 1917 г. Последовавшая за ней Гражданская война, голод 1921–1922 гг., коллективизация и политические репрессии кардинальным образом изменили структуру башкирского общества, сильно подорвав генофонд и разрушив остатки традиционных внутриэтнических связей, доставшихся башкирам в наследство от родоплеменного строя. Кроме того, одним из важных ассимиляционных факторов, проявившихся в середине 30-х гг., стало создание в СССР регулярной армии, системы всеобщей воинской обязанности. Это острейшим образом поставило вопрос об обеспечении знания башкирами русского языка как единого языка командования.

Военные действия, которые Советский Союз вел в период Второй мировой войны, также нанесли тяжелейший демографический урон башкирскому народу. Не менее важным фактором ассимиляции, который породило массовое участие башкир в войне, стало резкое изменение менталитета башкирского этноса, формирование у него *ассимиляционного поведения*.

К числу факторов, способствующих этнической ассимиляции, армянский психолог Альберт Налчаджян[1] относит «*появление новых,*

[1] Налчаджян А. Этногенез и ассимиляция (психологические аспекты). М.: Когито-Центр, 2004. С. 161.

чужих и опасных этносов на той территории, на которой уже некоторое время живут *наши* взаимодействующие этнические группы». Он отмечает, что «таким образом, объединение против общего врага способствует сближению и взаимной ассимиляции этносов... Из недавней истории мы знаем, как сплотились народы СССР, такие разные по этногенезу, культуре, языку и религии, против немецких фашистов и их сателлитов...»

Также к числу факторов, способствующих этнической ассимиляции, по мнению Налчаджяна, относится соответствующая идеология и новое, переосмысленное изложение истории.

Несомненно, башкиры, находясь в течение целого ряда лет под началом советских командиров в составе воюющей Красной армии во время войны, усвоили уроки интернационального воинского братства. То обстоятельство, что в армии все отношения осуществлялись на русском языке, и господствовала русская культура, привело к широкому усвоению мужской половиной башкирского этноса культурных кодов, символов и языка русского народа.

Лишь небольшая часть башкирских мужчин участвовала в боях в составе военных формирований, созданных в Башкирии. Подавляющее же большинство призванных в действующую армию башкир, оказалось в составе всевозможных военных частей различных родов войск, многонациональных по своему составу и русскоязычных по культуре.

Совместные поражения и победы, почти религиозная вера в Сталина как воплощение величия советской державы, общее ожесточение в борьбе с врагом многократно увеличили уровень комплиментарности башкир, воюющих в Красной армии, по отношению к русскому народу. Успехи советской военной науки и техники представлялись в сознании башкир как успехи «русских советских» ученых, инженеров и командиров. Знакомство на фронте с великолепными произведениями профессиональной русской культуры рождало в душах башкирских солдат любовь и уважение к ней. Осознание того, что они участвуют в доселе невиданной войне двух величайших империй, двух цивилизаций, двух систем, побуждало в башкирских солдатах желание теснее ассоциироваться с той культурой, на стороне которой они воюют. В начале войны письма башкиры домой писали на родном языке, к концу все больше башкирских солдат использовало в написании писем русский язык.

Овладев русским языком и связавшись узами боевого братства с русским солдатами, башкирские солдаты становились для них своими, «почти русскими», включались в армейскую русскоязычную субкультуру. При этом психологическая ассимиляция происходила, как правило, в одну сторону: в русскую. Башкирские солдаты в армии зачастую получали от сослуживцев «второе имя», которое использо-

валось для упрощения обращения к ним в условиях русскоязычного окружения: башкир Гильмитдин получал кличку «Гришка», Мухамет – «Мишка», Шамсиахмет – «Максимка» и т. д. Этими именами башкиры в неформальном общении с русскими продолжали пользоваться и после войны.

По окончании войны башкирские солдаты принесли с собой домой чувство братства с русскими, подкрепленное гордостью за совместно добытую победу. Воспоминания о войне и друзьях другой национальности, романтика молодости и военной сплоченности, способствовали в видоизмененной форме к воспроизводству военной русскоязычной субкультуры у башкир дома, в мирное время, после войны.

Представляется, что молодые башкиры, фронтовики, у которых появился новый военный опыт и новый взгляд на национальный вопрос и отношения с другими народами, стремились дома реализовать свои ожидания, в том числе и в семейно-бытовой сфере. Для этого надо было разбить традицию, которая существовала на селе. Но это, по сути, приводило к глубоким переменам в ассимиляционном поведении. А традиция была связана с башкирской деревней, с существовавшими политическими отношениями, с родовым строем, и все это надо было разбить.

Так, вместо традиционных башкирских песен на праздниках в послевоенной Башкирии стало чаще практиковаться пение фронтовых песен на русском языке под гармонь. Нередко исполняли и просто русские песни, выученные в армии. Наибольшей популярностью пользовались песни «Три танкиста», «Синий платочек» и мн. др.

Тогда же большое распространение получила практика давать башкирским детям небашкирские имена. Причем, немало имен было западноевропейского происхождения. Манера давать детям звучные, услышанные в заграничных походах имена, была издавна свойственна коренным народам России, сохранившим пережитки архаичного сознания.

Башкирские ветераны после войны получили большую социальную мобильность благодаря знанию усвоенного в годы войны русского языка. Это становилось предпосылкой к увеличению миграции башкирского населения в города и за пределы республики. Расширение кругозора башкир в военный период (частые и тесные контакты с представителями самых разных народов, в том числе и урбанизированных народов Европы) привело к пониманию того, что хорошее образование, под которым подразумевалось в первую очередь владение в совершенстве русским языком, является огромной ценностью и открывает невиданные доселе перспективы. Башкир, овладевший русским языком, превращался из представителя угнетенной нации в полноценного гражданина великой державы, для которого были до-

ступны все блага цивилизации. При этом, как это было в массовом порядке усвоено башкирами на фронте в военные годы, нерусское происхождение больше не являлось непреодолимой помехой для вертикальной и горизонтальной мобильности в случае хорошего владения русским языком. Это являлось прямым следствием внедрения новой идеологии.

За годы войны башкиры оказались намного шире охвачены средствами массовой информации и советской пропаганды, чем прежде. Коммунистическая идеология в СССР проповедовала скорейшую ликвидацию национальных предрассудков и пророчила слияние всех наций в единый советский народ в обозримом будущем. Это вызывало большой энтузиазм у многих представителей тех нерусских народов, которые чувствовали себя до войны наиболее ущемленными и бесправными. Причины восприимчивости башкир к советской пропаганде кроются, прежде всего, в провозглашении гарантий равноправия всех граждан СССР, в независимости от социального и этнического происхождения. Реальность национального равноправия в советском обществе башкиры испытали, прежде всего, на фронте, вдали от Башкирии. При этом, хотя подобное равноправие на родине у башкир объективно не могло быть воспроизведено, ни у кого не оставалось сомнений, что это лишь временное явление.

Итак, инкультурация, т. е. массовое усвоение башкирами в годы войны других (отличных от традиционных башкирских) паттернов, в основном русских «советских» культурных форм поведения, послужило важнейшей предпосылкой, ускорившей ассимиляцию башкирского этноса в послевоенный период.

При этом изменения коснулись самых глубинных пластов сознания, сдвиги затронули даже такие консервативные культурные формы поведения как похоронный обряд, свадьба, семейный быт. У башкир широкое распространение после войны получили так называемые алкогольные традиции, заимствованные у русских. Впоследствии паттерны, связанные с употреблением алкоголя, стали восприниматься башкирами как свои собственные. Алкоголизация башкир к 1980-м гг. стала самостоятельным фактором, способствующим их ассимиляции.

В похоронном обряде изменения проявились, например, в том, что на мусульманских кладбищах Башкирии после войны все больше стали ставить надгробные памятники с красной пятиконечной звездой, которая являлась символом Советской армии.

С. А. Папков

СТАЛИНИЗМ В СУДЬБЕ МАЛЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Многообразие малых народов и национальных групп выражает важную особенность демографической структуры Сибири XX в. Культурно-этническая мозаика региона включала в себя автохтонные кочевые и полукочевые народы, сохранявшие родовые и родоплеменные отношения вследствие их естественной территориальной, хозяйственной и культурной самоизоляции. Другую ее часть составляли нацменьшинства европейского и азиатского происхождения (украинцы, немцы, татары, поляки, эстонцы, евреи и др.), социальное развитие которых мало отличалось от жизни большинства русского населения и лишь подчеркивало интенсивность процессов взаимной интеграции основных этносов в Сибири.

На протяжении 1920-х гг. коренные народы Севера и восточных окраин СССР вели патриархальное существование и фактически не испытывали сколь-нибудь заметного влияния со стороны советской власти. Несмотря на политику «советизации туземных народов», все изменения, вызванные большевистским режимом, носили либо декоративный характер, либо имели отношение лишь к системе внешнего управления. Создавая, например, новые институты местной власти – тузсоветы или тузРИКи, советское руководство могло использовать их лишь в качестве местных судебных органов. Но это не затрагивало повседневной жизни народов и их экономики; ничего не менялось и в системе внутренних взаимоотношений в общественной среде. Народы сохраняли традиционный образ жизни, пользуясь хозяйственными и социальными привилегиями примерно того же свойства, что и в царское время.

Положение резко изменилось с переходом к коллективизации и «наступлению на капиталистические элементы». 1929–1930 гг. стали важным рубежом в развитии советских окраин. С этого периода в судьбе малых народов началась полоса глубоких и драматических перемен, радикально изменившая их традиционный уклад, демографическое развитие и общую культуру. Как и другие категории населения СССР, автохтонные народы Сибири оказались вовлеченными

в процесс тотального разрушения сложившихся экономических и социальных структур, что и стало причиной их значительных материальных и людских потерь.

Аборигенное население начало активно втягиваться в орбиту сталинской политики с 1929 г. Это было продиктовано стремлением режима использовать материальные ресурсы тундровых, таежных и лесных обитателей в качестве источника для промышленного освоения новых территорий. Как и в других частях страны, в Сибири представителей центральной и региональной власти интересовали, прежде всего, «зажиточные элементы» – родовая и племенная знать и их имущество, которое могло быть использовано для нового строительства и удовлетворения продовольственных потребностей. Поэтому на просторах сибирской тундры, тайги и степей власть действовала по схеме, применявшейся в других частях страны: раскол местного населения на два враждующих лагеря, конфискация так называемых излишков и обобществление имущества в колхозах. В результате подобных действий в самых отдаленных районах Сибири вызревали конфликты такой силы и такого масштаба, что властям пришлось подавлять их с помощью вооруженных отрядов.

Один из характерных трагических эпизодов произошел на Крайнем Севере, в районе строительства Норильского горно-металлургического комбината. Начиная с 1929 г. местные власти и советские заготовительные организации проводили здесь систематическую реквизицию оленей и другого имущества жителей тундры – таймырских долган, эвенков и якутов, вводили «твердые задания», всевозможные сборы и налоги, и навязывали колхозное устройство. В 1931 г. они развернули попытки разрушения родовых связей и обособления слоя зажиточных кочевников. Для этой категории была введена серия дополнительных повинностей и ограничений, которая носила откровенно конфискационный и дискриминационный характер, делая хозяйственное развитие невозможным.

В конце концов, местное население – племена долган и якутов – было доведено до крайнего возмущения. В январе 1932 г. три района огромной территории Таймыра (Авамский, Вадеевский и Таймырский) подняли восстание и, по сути, ликвидировали у себя советскую власть[1]. Отражая атаки посланного против них вооруженного отряда, мятежники убили 23 советских работника. (Сколько было убито самих восставших остается неизвестным.) Они также успели подготовить обращение к европейским народам и правительствам с просьбой защитить их от произвола и попытались его распространить в между-

[1] См.: Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. С. 143–148.

народном эфире по радио в морском порту Дудинка. Но исполнить этот замысел не удалось. Не имея сил для дальнейшего сопротивления, повстанцы вынуждены были сдаться.

В конечном счете, восстание заставило власть смягчить многие аспекты своей политики. В сентябре 1932 г., после ликвидации мятежа долган, ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, в котором признал «преступные перегибы» в коллективизации на Севере. Наиболее обременительные налоги были отменены, возвращено отнятое имущество, распущен ряд колхозов, восстановлены права старейшин, отменена также принудительная отправка детей из тундры на обучение в школы. Коллективизацию в этом регионе удалось завершить только в конце 1930-х гг.

Коллективизация, конечно, вообще была основным стержнем всей национальной политики сталинизма. Это бедствие нанесло огромный ущерб большим и малым этносам, оставив самый глубокий след в общественной памяти. И тот национализм, который тлеет в сознании современных малых народов Сибири, питается также этой памятью, как несчастья и обиды, нанесенные русским правительством и русскими управленцами. Важно иметь в виду и тот факт, что потери малых народов (прежде всего – человеческие) ощутимы наиболее остро и влекут за собой очень глубокие последствия для этих народов именно в силу их малых размеров. Поэтому политические и демографические жертвы относительно малочисленных национальных групп должны учитываться специфическим образом.

Совокупность известных теперь источников позволяет утверждать, что Восточная Сибирь, где проживало наибольшее число аборигенных народов, в демографическом отношении оказалась одной из наиболее пострадавших территорий от советской политики 1930-х гг. Прямые и косвенные людские потери (в относительном выражении) в результате репрессий здесь были, по-видимому, самыми высокими в СССР. Дело в том, что главные политические и социальные процессы, как коллективизация и хозяйственное освоение края, протекали в этом регионе с некоторым запозданием и значительными издержками ввиду сложных природных условий и очень низкого уровня государственного управления. При этом население, в основном сельское и аборигенное, составлявшее всего 1,5 млн человек (в 5,5 раза меньше, чем в Западной Сибири), оказывало очень сильное (в ряде случаев вооруженное) сопротивление конфискационным мерам и вступлению в колхозы. Поэтому с 1930 по 1934 г. власти региона (крайком ВКП(б), крайисполком и ПП ОГПУ) вели здесь особенно интенсивную борьбу с кулаками, единоличниками и «националистами» с применением масштабных карательных мер. Массовые аресты и произвол, сопровождавшие введение обязательных зернопоставок для единоличников, депортации и изъятие имущества без

каких-либо судебных решений в этот период имели черты своего рода истребительной кампании в отношении тысяч крестьянских семей и семей скотоводов. Только прямые жертвы действий аппарата ОГПУ и ВКП(б) в ходе трех крупнейших операций – выселения кулачества, выселения по паспортизации и очистке пограничных территорий, а также «кампании по оперативной ликвидации контрреволюционного элемента в деревне» – составили 145 060 человек, или 10 % всего населения Восточно-Сибирского края[2].

Под воздействием коллективизации и вызванного ею голода в 1931–1933 гг. последовала также стихийная эмиграция в Монголию и Китай десятков тысяч жителей разных национальностей. В итоге Восточная Сибирь пережила процесс депопуляции, реальные масштабы которой не оценены до сих пор. Это были последствия общей трагедии больших и малых народов и трудно сказать, кто пострадал в большей степени.

Основные операции сталинского режима в национальных районах Сибири не имели особых этнических оттенков. Они носили исключительно политический характер и диктовались политическими расчетами партийного руководства. Лишь в одном случае проводимая советская политика стала причиной глубокого национально-государственного конфликта, при котором правительству Сталина пришлось прибегнуть к этнической чистке. Это был конфликт в отношениях с немецким анклавом. Эпизод относится к 1934–1935 гг. и подробно описан в научной литературе[3]. Поэтому стоит лишь кратко отметить, что он возник в связи с появлением эмигрантских настроений у немцев, их стремлением бежать от коллективизации на историческую родину. Однако в тех условиях, когда в Германии утвердилась власть Гитлера, это стремление, по мнению советских руководителей, существенно подрывало репутацию СССР в глазах остального мира, и поэтому было решено пресечь подобные замыслы и настроения. В ноябре 1934 г. секретной телеграммой ЦК ВКП(б) потребовал от Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и УНКВД организовать в районах расселения немцев широкую карательную операцию: «Произвести аресты и высылку антисоветских элементов, а злостных руководителей приговорить к расстрелу». В результате к

[2] ЦДНИ ИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 155. Л. 203.

[3] Советские немцы: у истоков трагедии (публикация В. И. Шишкина) // Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1994; Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М., 1995; Этноконфессия в советском государстве. Менониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии: Документы и материалы / сост. и редактор А. И. Савин. Новосибирск, 2009; Папков С. А. Обыкновенный террор. М.: РОССПЭН, 2012; и др.

началу 1935 г. были арестованы 577 человек и проведена масштабная чистка в органах местной власти, управления, в немецких колхозах и МТС, а также в армейских подразделениях СибВО.

В апреле 1935 г. в Новосибирске состоялся закрытый судебный процесс, на котором обвиняемыми предстали 33 руководителя автономного Немецкого района и председатели немецких колхозов как основные проводники «кулацко-националистической политики». Большинство из них приговорили к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет, семь человек – к расстрелу. В 1938 г. Немецкий район как административная единица прекратил свое существование.

Особую страницу в истории малых народов в сталинскую эпоху занимает судьба тюркских этнических групп Южной Сибири – алтайцев, хакасов и шорцев. Опыт их взаимоотношения с государством и создания автономии этих народов демонстрирует яркий пример того как большевистский пропагандистский лозунг национального самоопределения стал ловушкой для национальной интеллигенции, но отчасти также и для самой центральной власти.

Алтайцы, хакасы и шорцы – родственные народы, близкие по языку, обычаям и хозяйственному укладу – одними из первых обрели право на создание национальной автономии. В июне 1922 г. по решению ВЦИК была образована Ойротская автономная область в составе РСФСР, в рамках которой началось национальное возрождение алтайцев и формирование их собственных кадров в сфере управления и культуры. Этот шаг в развитии немногочисленного народа вдохновлял молодую национальную интеллигенцию, делая ее активным сторонником советской системы. Однако вскоре пришло первое разочарование. Для самостоятельного развития у Ойротии практически не было внутренних ресурсов, а уровень ее поддержки со стороны государства оказался столь незначительным, что само существование автономии было поставлено под вопрос. Объем бюджетных средств, выделявшихся области центральным правительством в условиях нэпа, не позволял ни содержать аппарат управления, ни развивать местную экономику[4]. Представители национальной интеллигенции

[4] В июне 1924 г. первый председатель Ойротского облисполкома Н. Ф. Меджит-Иванов сообщал президиуму ВЦИК, что автономная область с 82 тыс. жителей находится в «нелепом положении» и практически лишена каких-либо перспектив. «Эта комически мизерная Автономная Область с ее губернскими правами и со штатом и бюджетом уездным (а на самом деле даже и уездного масштаба не достигает), – писал он, – представляет из себя что-то похожее на карлика, разыгрывающего роль богатыря... Мы вынуждены будем расформировать весь областной аппарат, оставив область без административного аппарата, без школ, без больниц, без суда, без милиции». Чтобы избежать краха, Иванов и его сторонники предлагали расширить территорию автономии и преобразовать Ойротию «в такую административную единицу, которая

и управленцы (Н. Ф. Меджит-Иванов, Л. А. Сары-Сэп Канзычаков, Г. И. Итыгин, Г. М. Токмашев, Г. И. Чорос-Гуркин и др.) стали настаивать на расширении автономии путем объединения алтайцев (ойротов), хакасов и шорцев в единую Тюркскую Советскую Республику. Они вполне обоснованно полагали, что такое соединение увеличит политический вес и экономический потенциал территории, позволив ей легче решать свои внутренние проблемы. В записке, адресованной Президиуму ВЦИК в 1924 г., они выражали надежду, что «если этот единый в историческом, географическом и этнографическом отношении край получит возможность объединения, то его экономическое будущее должно быть блестящим»[5]. Однако советское руководство – центральное и региональное (Сибревком) – видело проблему в ином свете. Оно столь же обоснованно признавало, что подобные уступки могут завести слишком далеко и что бюджетные расходы на содержание государственной структуры такого рода станут неоправданно избыточными. Предложение об объединении тюркских народов отклонили как нереальное и ошибочное[6].

Конфликт интересов автономии и центра завершился тем, что был переведен на региональный уровень: в мае 1925 г. Ойротская область лишилась прямого вхождения в состав РСФСР; ее включили в границы Сибирского края, подчинив структуры управления общесибирскому руководству – Сибкрайкому ВКП(б) и крайисполкому. Этот административный маневр позволил достичь некоторого компромисса, но не устранил самих оснований для будущих разногласий, скрывавшихся в различном толковании сторонами значения местных интересов в хозяйственном и государственном строительстве.

Но пока в стране шло постепенное и сбалансированное экономическое восстановление, соблюдались разумные пропорции в распределении государственного бюджета, элитные группы национальных окраин сохраняли лояльность и поддерживали правительственный курс. Однако, когда разразился кризис 1930-х гг. и вся система межбюджетных отношений рухнула как жертва «темпов индустриализации», рухнули также согласие и мир в отношениях между элитами. Управленцы из национальных областей оказались отстраненными от руководства крупными хозяйственными проектами на своей терри-

---

действительно представляла бы из себя тот устойчивый мост, по которому идея Советского строя могла бы распространить свое влияние на Западную часть Монголии, в большинстве населенной ойротскими племенами (дербеты, торгоуты, алеуты, урянхаи и многие другие племена)... Все ойротские и хакасские племена объединить как родственные народы, ведущие одинаковый образ жизни, занимающие территории, прилегающие к Монгольской границе» (ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 406. Л. 5, 16).

[5] Там же. Л. 100.

[6] История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 287.

тории, получив роль технических исполнителей решений региональных (краевых) организаций и общесоюзных ведомств. Конфликт между национальными субъектами и краевыми властями – агентами центра – стал реальностью[7].

Кризисные явления в политике, экономике и культуре начала 1930-х гг., накладываясь друг на друга, изменили всю общественную атмосферу в стране. В условиях крепнущей диктатуры разговоры и мнения о национальных интересах малых народов, о специфике в развитии окраин получили новое звучание. Даже самые осторожные высказывания на этот счет расценивались теперь как посягательство на прерогативы центральной власти и на государственное устройство в целом. Прежних сторонников объединения тюрок Сибири обвинили в разжигании национализма и буржуазном реставраторстве. Их стали в полном смысле слова искоренять из органов власти, управления, просвещения и культуры.

Первые массовые разоблачения и аресты были проведены в январе–феврале 1934 г., затронув некоторых высокопоставленных коммунистов из областных организаций. А после XVII съезда ВКП(б), официально осудившего «национальные уклоны», в Сибири началась полномасштабная чистка, организатором которой выступало региональное партийное руководство во главе с Р. И. Эйхе. В Хакасии, Ойротии и Шории аппарат НКВД разоблачил два крупных «заговора», арестовав массу людей – в основном из числа национальной интеллигенции и управленцев. В ряде районов полностью сменили руководящий состав.

В августе 1934 г. часть арестованных – 37 человек – была выведена на показательный процесс в Новосибирске. Их обвиняли в создании националистической организации «Союз сибирских тюрок», в разжигании национализма, подготовке вооруженного восстания с целью образования «буржуазно-демократической тюркской республики на территории Хакасии, Горной Шории и Ойротии, с присоединением

[7] Характер межэлитных разногласий этого периода отчетливо выразился в показаниях председателя облисполкома Хакасии М. Г. Торосова, арестованного в октябре 1937 г. (Хакасская АО образована в 1930 г.). Отмеченные Торосовым детали и стиль его показаний не оставляют сомнения в том, что автор излагал свою оценку самостоятельно, а не под диктовку следствия НКВД. Торосов писал: «Да, я недоволен тем, что Хакасская автономия входит в край, а не непосредственно в РСФСР. ...Я считаю, что пребывание в крае сдерживает развитие Хакасии как в экономическом, так и в культурном плане. Почему? Потому что ни одну экономическую инициативу Хакасии край не поддержал, не поднял перед центром, наоборот, то, что Хакасия отвоевывает в Госплане, Наркомфине, других ведомствах, [он] урезает и не отдает ей полностью. ...Край несправедливо проводит и кадровую политику... по вопросам коренизации – одни разговоры, среди секретарей обкома... ни одного хакаса...» (цит. по: Тугужекова В. Н., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии. Абакан, 1998. С. 51–52).

к ней Танну-Тувинской республики»[8]. Поскольку судебный процесс проходил еще в состязательной форме и позволял подсудимым защищаться, несколько обвиняемых смогли получить оправдательный вердикт. Но большинство из них были приговорены к заключению на срок от 2 до 8 лет.

После судебного процесса 1934 г. разгром сторонников объединения тюркских народов Сибири принял характер универсальной чистки. Немногочисленная национальная интеллигенция из хакасов, алтайцев и шорцев подвергалась систематическим проверкам и обследованиям; изымались из оборота «вредные» учебники и литература, сменялись кадры газетных и школьных работников.

В 1936 г. руководители Западно-Сибирского края (Р. И. Эйхе, Ф. П. Грядинский) организовали еще одну крупную акцию на территории автономной области. Рассчитывая ликвидировать губительные последствия коллективизации, они добились разрешения ЦК ВКП(б) выселить из Ойротии в Караганду более 300 семей скотоводов. Одновременно была устранена и очередная группа местных «националистов-заговорщиков» во главе с председателем облисполкома Ойротии С. С. Сафроновым. Обвинительное заключение НКВД указывало на то, что возникновение этой мифической «контрреволюционной организации» отражало серьезный протест местных руководителей против колонизаторских методов и откровенного произвола со стороны краевых властей. Отмечалось, что участники «заговора» были «не согласны с проводимыми мероприятиями партии и правительства в Ойротской области», признавали, что «колхозы и совхозы в условиях Ойротии нежизненны, что материальная обеспеченность алтайцев могла быть улучшена только после свержения советской власти, изгнании из пределов Ойротии неалтайцев...»[9] В августе 1936 г. на закрытом заседании коллегии Запсибкрайсуда «инициаторов заговора» – алтайцев Сафронова, Папина, Ялбачева и Арбанакова – приговорили к расстрелу, остальных участников – к различным срокам заключения.

Но события 1937–1938 гг. по своим масштабам превзошли все предыдущие фазы чистки «тюркских националистов». Массовые операции НКВД довершили процесс ликвидации тенденций консолидации малых народов. Аресту подверглись все бывшие руководители Горного Алтая и Хакасии, многие представители шорского народа, в том числе и организатор автономии Н. Ф. Меджит-Иванов (в этот период – консул СССР в Кобдо). Осенью и замой 1937 г. значительная

[8] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 2. Д. 381. Л. 1.

[9] Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 227. Л. 121.

часть из них была заочно приговорена тройками УНКВД по ЗСК и Алтайскому краю к казни либо к длительному заключению[10].

Таким образом, советская государственная модель поведения в отношении малых народов в 1930-е гг. не предусматривала особого учета национальной специфики регионов и уровня исторического развития коренных групп населения. Режим лишь формально предоставлял малочисленным народам те или иные автономные права, но всякий раз прибегал к манипуляциям этими правами или просто игнорировал их, когда они вступали в противоречие с его собственными политическими интересами. Поэтому конфискационные и карательные акции центральной власти оказали столь же разрушительное воздействие на автохтонные народы, как и на остальную часть населения страны.

Сталинские методы хозяйственного и политического переустройства приводили также к обострению разногласий между различными уровнями власти, источником которых являлись неурегулированные отношения между центром и его агентами в регионах (крайкомами ВКП(б), крайисполкомами) – с одной стороны, и субъектами советской федерации – с другой. Эти разногласия превращались в скрытые аппаратные конфликты, порождая взаимную неприязнь сторон. Однако ни в культуре поведения элит, ни в традициях большевизма не было прочных основ для поиска компромиссов. Решением возникающих проблем становилось силовое подавление «верхами» «низов», физическое уничтожение национальных кадров под вымышленными предлогами.

[10] ОСД ГАС РА. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 576. Т. 3–4.

В. И. Исаев

ПЕРЕПЛАВКА: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СИБИРИ В ПЕРИОД ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1928–1939 гг.)

После присоединения Сибири в конце XVI в. к России дальнейшее ее заселение как колонизируемой окраины империи осуществлялось в основном русским народом. В то же время представители других народов также вносили свою лепту в освоение региона, особенно проявилась эта тенденция в период бурного индустриального развития Сибири в XX в. Форсированная индустриализация Сибири в годы первых пятилеток сопровождалась массовым вовлечением в промышленное производство новых рабочих, в том числе, представителей различных народов. В результате население Сибири складывалось на многонациональной основе при преобладании русского этноса. По данным Всесоюзной переписи 1939 г. основную массу населения Сибири (около 85 %) составляли русские. Значительна была доля украинцев (4,5 %) и белорусов (0,5 %). В совокупности на долю славянских этнических групп приходилось 90 % сибиряков. Из неславянских этносов в Сибири проживали такие крупные этнические общности, как буряты (1,5 %), татары (1,3), якуты (1,1), хакасы (0,3). На долю народностей Севера приходилось 0,3 % населения Сибири. Представители других, в основном некоренных этносов, составляли 5,7 %[1].

Отказ от нэпа и переход «к наступлению социализма по всему фронту» в конце 1920-х гг., включавший в себя индустриализацию народного хозяйства и коллективизацию крестьянства, сорвал с обжитых мест и привел в движение значительные массы населения СССР. В результате миграционных потоков на промышленных предприятиях Сибири формировались многонациональные трудовые

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 59.

коллективы. К сожалению, исчерпывающих данных о национальном составе рабочих Сибири за этот период источники не дают, так как при проведении массовых обследований, например, профсоюзных переписей 1929 и 1932–1933 гг., данный показатель не разрабатывался. Имеются лишь отдельные сведения по предприятиям и регионам. Но данные о национальном составе городского населения, большую часть которого составляли рабочие и служащие промышленных предприятий, позволяют судить о ведущих тенденциях в межнациональных отношениях в рабочей среде.

В миграционных потоках, наблюдавшихся в Сибири в годы форсированной индустриализации, выделяются два ведущих вектора. Основной вектор миграции определял движение населения из села в город, что создавало возможности для быстрого роста рабочего класса. В результате промышленного строительства происходила ускоренная урбанизация региона: если в 1926 г. горожане составляли только 12,8 % населения Сибири, то к началу 1940-х гг. их доля достигла 33,1 %[2].

Своеобразной базой урбанизации стала насильственная коллективизация крестьянства: значительная часть сельского населения Сибири именно в годы первых пятилеток переместилась в города. Только за период с 1929 по 1933 г. население городов Западной Сибири выросло в два раза, причем этот рост обеспечивался в подавляющей степени за счет притока сельских мигрантов. В общем пополнении населения городов Западной Сибири, прибывшем в течение 1926–1937 гг., мигранты из сельской местности составили 68,5 %[3].

За годы, прошедшие между двумя Всесоюзными переписями 1926 г. и 1939 г., городское население Сибири выросло более чем в три раза[4]. Значительно увеличился удельный вес русских в городском населении Сибири: с 87,5 до 90,5 %; украинцев вырос с 2,4 до 3,5 %[5].

По доле городского населения в составе этноса, народы, населявшие Сибирь, различались довольно существенно; движение миграционных потоков отчасти корректировало эту картину, но не меняло ее радикально. Значительной степенью урбанизированности отличалось русское население Сибири: по данным переписи 1926 г. в городах проживало 14,6 % от всего русского населения Сибири, а по переписи 1939 г. – уже 30,4 %. Высокий процент городского населе-

---

[2] Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 35.

[3] Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. С. 24.

[4] Население СССР (численность, состав и движение населения): Стат. сборник. М., 1975. С. 16, 18.

[5] Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939). Новосибирск, 1984. С. 117.

ния наблюдался у татар: в 1926 г. – 16 %, а в 1939–26,8. Существенно вырос уровень урбанизированности украинцев: в 1926 г. 3,9 % из них проживало в городах Сибири, а в 1939–24,5, такие же тенденции наблюдались среди белорусов: в 1926 г. в городах проживало 3,9 %, а в 1939 – 28[6].

Важной составляющей миграционных потоков в Сибирь было прибытие населения из центральной и западной части страны, а также из Казахстана и Средней Азии. В пополнении населения сибирских городов доля выходцев из несибирских территорий, среди которых определенную часть составляли и люди других, кроме русской, национальностей, достигала за годы первых пятилеток примерно 20 %. По данным за 1933–1937 гг., среди мигрантов, прибывших в сибирские города, выходцы из Казахстана и Средней Азии составили 3,4 %, с территории Поволжья – 2, Украины – 1,8, Северного Кавказа – 0,9, Белоруссии – 0,4, Закавказья – 0,1 %[7]. Таким образом, основным поставщиком для пополнения численности рабочих сибирской промышленности за счет иных, кроме русской, национальностей являлись, прежде всего, близкие в географическом отношении регионы Поволжья, Казахстана и Средней Азии, но в некоторой степени также и достаточно отдаленные Украина, Белоруссия и Кавказ.

Особенно много представителей различных национальностей приходило на вновь создаваемые промышленные предприятия Сибири, где еще не успели сложиться мононациональные коллективы из местного населения. Так, среди рабочих и строителей Кузнецкого металлургического комбината представители так называемых национальных меньшинств (к ним тогда относили и выходцев из Казахстана и Средней Азии) составляли по данным за 1933 г. около 27 %, общая численность их достигала более 9 тыс. человек, в том числе, почти половину из них – 4373 человек составляли казахи[8].

Культурно-технический уровень большинства рабочих, выходцев из национальных районов, во многом еще отставал от задач и потребностей индустриального производства. В основном они использовались на неквалифицированных работах. Начальник строительства КМК С. М. Франкфурт так отзывался о новых рабочих казахской национальности, приходивших на комбинат: «Казахам трудно было приспособиться к работе. Потребности их были чрезвычайно ограниченными. Они удовлетворялись немногим: только бы зарабатывать на хлеб и на столовую для себя и семьи. Они не интересовались заработком, а, значит, и выработкой. Многое, что делалось на стройке,

[6] Там же. С. 118.

[7] Там же. С. 66.

[8] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 77. Л. 175.

вначале просто не доходило до их сознания»[9]. Здесь стоит заметить, что процесс создания КМК инженер Франкфурт, воодушевленный грандиозностью поставленной задачи, и неграмотные чернорабочие-казахи, вынужденные бежать от голода и насильственной коллективизации из родных мест, воспринимали все-таки с разных позиций.

Постепенно новобранцы индустриального производства осваивали непривычные для них приемы труда, вживались в неблагоустроенный тяжелый быт сибирских городов. Значительное число рабочих – представителей других, кроме русской, национальностей было занято в угольной промышленности Сибири. Так, в 1933 г. на шахте «Журинка» Ленинского рудника трудилось более 200 казахов, многие из них показывали высокие результаты в добыче угля, добивались звания ударников труда[10]. На шахтах Анжеро-Судженского рудника в 1934 г. работало около 8 тыс. татар. По данным на 1935 г., на шахтах и стройках в Кемерово работало более 8 тыс. рабочих, относящихся к национальным меньшинствам. По далеко не полным сведениям к концу первой пятилетки общая численность представителей национальных меньшинств среди рабочих промышленности Западной Сибири составляла более 40 тыс. человек[11].

Перед администрацией предприятий, партийными и советскими органами сибирского региона в ходе индустриализации вставала задача обеспечения взаимодействия и сотрудничества рабочих различных национальностей, недопущения межнациональных конфликтов и розни. В годы первой пятилетки в партийных органах этой работой занимались отделы по работе с нацменьшинствами; при райкомах и окружкомах ВКП(б), где таких отделов не предусматривалось, были созданы постоянно действующие комиссии[12]. Например, очень разнообразно была поставлена работа по интернациональному воспитанию в Новосибирске в начале 1930-х гг. Коммунисты получали задания проводить политико-воспитательную работу среди рабочих других национальностей не только на предприятиях, но и по месту жительства: идти в квартиры, бараки, участвовать в клубных мероприятиях, организовывать библиотечную работу[13].

Значительное внимание интернациональному воспитанию рабочих уделялось в ходе ликвидации неграмотности, в системе поли-

---

[9] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 77. Л. 175.

[10] Советская Сибирь. 11 авг. 1933.

[11] Московский А. С. Рабочий класс Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск, 1964. С. 97.

[12] Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1930. № 1–2. С. 23.

[13] Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-3. Оп. 6. Д. 67. Л. 17.

тического просвещения. Так, Западно-Сибирский крайком ВКП(б) 14 октября 1931 г. принял постановление о проведении специального политчаса в школах для неграмотных и малограмотных[14]. С целью учета национальных особенностей для представителей нацменьшинств организовывались отдельные кружки и политшколы. Так, в Новосибирске на строительстве Сибкомбайна в 1931 г. 125 рабочих различных национальностей занимались в организованной для них политшколе[15].

Несмотря на воспеваемую пропагандой дружбу народов СССР, в повседневной жизни сибирских рабочих наблюдались проявления ксенофобии. Негативные последствия столкновения различных культур усугублялись тяжелыми условиями повседневного существования рабочих, которые сложились в годы первых пятилеток. Большинство рабочих, прибывавших на предприятия Сибири, вынуждены были селиться в бараках, землянках, в лучшем случае, в коммунальных квартирах. Жилищная проблема провоцировала бытовые конфликты, при которых национальная принадлежность легко становилась поводом для проявления агрессии и нетерпимости к людям иной культуры. В результате одного из таких конфликтов, происходившего в Ленинске-Кузнецком в 1933 г., рабочий шахты «Емельяновская» Маналей Гафитуллин вынужден был обратиться с письмом в газету «Советская Сибирь». В нем он жаловался на то, что его семья подвергается травле и издевательствам со стороны соседей по коммунальной квартире. При этом соседями были две семьи рабочих того же предприятия, один из которых даже являлся членом ВКП(б)[16].

Особенно трудным было положение рабочих на промышленных новостройках Сибири. Строительство начиналось, как правило, на необжитых местах, поэтому большинство рабочих размещались в бараках и землянках. Обстановка жилищ была минимальная: нары для сна, печь для обогрева, зачастую не хватало даже столов, не говоря уже о стульях. В бараках «Сибкомбайна» (Новосибирск), например, в 1930 г. на одного человека приходилось менее 2 м^2 жилья[17]. В первые годы строительства Кузнецкого комбината 95 % рабочих жили в бараках и землянках[18]. В бараках, рассчитанных на 30–40 человек, часто жили до 80 человек. Спали, не раздеваясь, на топчанах, зачастую отсутствовали даже матрацы, не говоря уже о постельном бе-

[14] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 71. Л. 8.

[15] Там же. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 263. Л. 7.

[16] Советская Сибирь. 11 авг. 1933.

[17] ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 542. Л. 25.

[18] Архив истории КМК (далее – АИКМК). Оп. 2. Д. 45. Л. 205.

лье. В 1932 г. у рабочих КМК на одного человека приходилось 1,27 м^2 жилплощади, при этом только 47,9 % рабочих были обеспечены хоть какой-то жилплощадью от предприятия, остальные проживали в частном секторе, близлежащих деревнях и т. п.[19]

В 1931 г. начинается строительство завода горного оборудования в Новосибирске, куда приехало много казахов и других представителей национальных меньшинств, доля нерусских рабочих на стройке достигала 45 %. Посетивший стройку зимой 1932 г. секретарь Новосибирского горкома ВКП(б) С. Шварц с удивлением и возмущением обнаружил, что рабочие живут в ужасающих условиях: бараки переполнены сверх всяких норм, повсюду царит грязь, антисанитария, начались эпидемии тифа и холеры. Озадаченный партийный секретарь, видимо, вспомнив догмы марксизма о революционном потенциале рабочего класса, даже воскликнул: «Странно, что рабочие не бузят»[20].

Однако требовать от властей какого-либо улучшения своего положения, а, тем более, оказывать организованное сопротивление собравшаяся на стройке людская масса была просто не в состоянии. Большинство русских рабочих бежали из разоренных коллективизацией сел, спорить с начальством они боялись. Казахи мигрировали в Новосибирск в связи с разразившимся в Казахстане голодом. Можно сказать, что главным смыслом существования прибывших на строительство завода было стремление к элементарному выживанию[21].

В тяжелых бытовых условиях, характерных для промышленных новостроек Сибири, конфликты на национальной основе возникали гораздо чаще, чем это наблюдалось на предприятиях со сложившимися коллективами. В 1932 г. в Кемерово среди рабочих Коксостроя распускались дикие слухи о том, что казахи воруют и едят русских детей, что привело к избиениям нерусских рабочих. В Новосибирске в Горстройтресте имелись факты выселения из бараков рабочих – представителей нацменьшинств под предлогом необходимости ремонта. Серьезные столкновения между рабочими на национальной почве происходили в 1932–1933 гг. на Тельбесском руднике, в Алексеевском леспромхозе и на других предприятиях[22].

---

[19] Новокузнецкий филиал госархива Кемеровской области. Ф. 143. Оп. 1. Д. 60. Л. 66–67, 72; АИКМК. Оп. 2. Д. 45. Л. 216.

[20] ГАНО. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 48. Л. 92.

[21] См.: Малышева М. П., Познанский В. С. Голод на юге Западной Сибири в начале 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1. С. 74–78.

[22] Советская Сибирь. 2 марта 1933; ГА РФ. Ф. 5472. Оп. 17. Д. 373. Л. 58–62; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1147. Л. 15.

Наблюдались случаи пренебрежительного отношения к нерусским рабочим и со стороны представителей администрации. Так, в Белово на строительстве цинкового завода десятник Лыбзиков избил землекопа-казаха, дело об этом «проявлении великодержавного шовинизма» было вынесено на рассмотрение товарищеского суда. На стройке были организованы митинги, на которых подобное отношение к нерусским рабочим получило резкое осуждение[23].

Многочисленные факты межнациональных трений и конфликтов, дискриминации рабочих неславянских национальностей заставили первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе 22 июня 1932 г. направить по этому вопросу письмо парторганизациям края о необходимости постоянной борьбы «против великодержавного шовинизма и местного национализма»[24].

Говоря о проявлениях ксенофобии, не следует забывать, что значительная часть рабочих Сибири в рассматриваемый период – это вчерашние крестьяне, неграмотные и малограмотные, с грузом крестьянского недоверия и даже вражды к «чужим» людям, отличавшимся по признакам иной веры, национальности и т. п. Как уже отмечалось, подавляющее большинство мигрантов, прибывавших на стройки новых индустриальных центров сибирской промышленности, были выходцами из сельской местности. Например, на строительстве Кузнецкого металлургического комбината доля крестьян в пополнении трудового коллектива достигала в годы первой пятилетки 90 %[25]. За годы первой пятилетки около 80 % пополнения рабочего класса являлись вчерашними крестьянами, в годы второй пятилетки этот показатель несколько снизился, составив около 60[26].

О межнациональных отношениях в рабочей среде некоторые сведения дают документы правоохранительных органов Сибири. В сложившихся условиях трения и конфликты на национальной основе могли быть ожесточенными, вплоть до применения физического насилия. В милицейских сводках встречаются описания межнациональных конфликтов, доходивших иногда до массовых драк. Подобные случаи немедленно докладывались органами милиции или ОГПУ в партийные комитеты, которые старались погасить конфликты, не всегда устраняя их причины[27].

---

[23] Кузбасс. 17 авг. 1932.

[24] ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 643. Л. 11.

[25] История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917–1937. Новосибирск, 1982. С. 235.

[26] Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968. С. 86–87.

[27] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 30. Л. 75.

Народные суды рассматривали дела о конфликтах и столкновениях на национальной основе, в таких случаях применялась часть 6 ст. 59 УК РСФСР, предусматривавшая уголовное преследование за возбуждение национальной вражды и розни. По этой статье народными судами Западно-Сибирского края в 1932 г. было осуждено 95 человек, в 1934 – 29, в 1935 – 10, в 1936 – только 1[28]. Таким образом, наметилась явная тенденция к значительному снижению подобных преступлений. Вместе с тем стоит отметить, что данная статья УК использовалась часто для осуждения проявлений злостного антисемитизма; а в случаях физического насилия или убийства, даже явно имевших национальную основу, суды могли применять другие соответствующие статьи УК. Поэтому в полном объеме выяснить долю преступлений, имевших национальную основу, приведенные данные не позволяют. Но они показывают тенденцию к снижению национальных конфликтов.

В 1933 г. партийные органы Сибири совместно с профсоюзными организациями существенно усилили внимание к работе по интернациональному воспитанию рабочих. 13 сентября Кемеровский и 23 сентября Сталинский горкомы ВКП(б) заслушали отчеты городских советов профсоюзов о работе по интернациональному воспитанию рабочих, наметили круг вопросов и задач по ее улучшению. Подобные же решения ранее были приняты Новосибирским (14 февраля 1933 г.) и Барнаульским (7 марта 1933 г.) горкомами партии[29].

Администрации предприятий совместно с партийными и профсоюзными комитетами проводили работу по преодолению межнациональных конфликтов и формированию дружеских равноправных отношений между рабочими. Например, вопросы взаимоотношений между рабочими различных национальностей обсуждались в 1933 г. на общих собраниях на большинстве промышленных предприятий Кемерово: Коксострое, Химзаводе, ТЭЦ и др. Были намечены конкретные меры по усилению воспитательной работы в коллективах[30].

В рабочих клубах создавались кружки по интернациональному воспитанию, проводились вечера дружбы народов. В крупных городах открывались национальные или интернациональные клубы. В Томске и Сталинске действовали татарские клубы, в Новосибирске – корейско-китайский, польский и интернациональный клубы, в Кемерово, Прокопьевске, Анжеро-Судженске, Барнауле при городских клубах работали национальные секции. В Омске с 1932 г. суще-

[28] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 120.

[29] Там же. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 128. Л. 146–147.

[30] Там же. Оп. 6. Д. 67. Л. 58.

ствовал интернациональный клуб, а при клубе имени С. Халтурина действовали латышско-эстонская и татаро-киргизская секции[31].

В индустриальных районах издавались газеты на татарском, казахском и других языках, выпускалась литература для читателей неславянских национальностей. На предприятиях вывешивались стенные газеты на языках национальных меньшинств, например в 1935–1936 гг. в Сталинске выпускалось 13 стенных газет на казахском языке[32].

В дело интернационального воспитания рабочих Сибири свой вклад вносило радио, являвшееся в те годы востребованным средством массовой информации. Тема пролетарской солидарности, братской дружбы народов постоянно звучала в лекциях, докладах и репортажах, передававшихся по радио. Было организовано и радиовещание на языках национальных меньшинств, что давало возможность рабочим этих национальностей чувствовать себя полноправными участниками происходивших в стране процессов. В 1935 г. Западно-Сибирский радиоцентр осуществлял вещание на эстонском, латышском, татарском, украинском, немецком и других языках, передачи имели продолжительность около часа и осуществлялись более 150 раз в году. Радиостудии вели диалог со своими слушателями, при составлении радиопрограмм учитывались их интересы и пожелания. В 1936 г. краевой комитет радиовещания Западной Сибири получил более 300 писем от представителей национальных меньшинств[33].

Отмечая значительный объем работы по установлению дружбы и равноправия между рабочими разных национальностей, было бы наивно утверждать, что на предприятиях Сибири воцарилась бесконфликтная идиллия в межнациональных отношениях. Жизнь в СССР, как известно, имела как бы две стороны: одна – официально-парадная, пропагандистская, а вторая – настоящая, подлинная. Источники не всегда позволяют нам в полной мере реконструировать реальность такой, какой она была. Но именно данные о повседневной жизни населения позволяют внести коррективы в наше понимание советской действительности.

Рабочие неславянских национальностей, приходившие на предприятия Сибири, как правило, старались по возможности интегрироваться в новую для них среду, иногда даже отказываясь от сложившихся национальных традиций и обычаев. В редакцию газеты «Кузбасс» летом 1934 г. поступило письмо от группы рабочих-казахов, в котором они подчеркивали желание перестроить свой тра-

[31] Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1152. Л. 26; Д. 2238. Л. 76.

[32] Там же. Ф. Р-860. Оп. 1. Д. 47. Л. 20, 64.

[33] Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2238. Л. 16.

диционный образ жизни. «Главные наши недостатки состоят в том, что у нас сохранились отсталые национальные привычки, – писали рабочие. – Многие наши женщины по старой привычке вместо стола собирают обед на полу... что приводит к распространению разных желудочных заболеваний»[34].

В городах Сибири возникали такие новые формы взаимодействия между представителями разных народов как шефство русских женщин-домохозяек над нерусскими семьями с целью «организации культурного быта», внедрения санитарно-гигиенических норм[35].

Как проявление доверия между людьми разных национальностей можно рассматривать возрастание доли межнациональных браков. В 1937 г. в городах Западной Сибири 12 % от всех заключаемых браков создавали пары разных национальностей. А у городского населения Восточной Сибири в 1936 г. доля таких браков достигала 22,6 %, в то время как в 1926 г. в Красноярском округе она составляла только 7,8, в Иркутском округе – 9,4[36].

Итак, приведенный фактический материал показывает, что в процессе индустриализации Сибири происходило тесное взаимодействие представителей различных национальностей, осуществлялся процесс своеобразной переплавки национальных укладов в единый индустриальный образ жизни. При этом необходимо отметить, что в условиях форсированной индустриализации, сопровождавшейся насильственной коллективизацией крестьянства, процесс нивелирования национальных различий также проходил ускоренно, в жестких формах вынужденного приспособления к реальности.

Приходя в качестве неквалифицированной рабочей силы на промышленные предприятия, попадая на жительство в бараки и коммуналки, представители национальных меньшинств зачастую просто не имели возможности культивировать прежние формы национального образа жизни. Они были вынуждены приспосабливаться к тем суровым условиям, в которые их поставило советское государство. Рассматривая индустриализацию в этом человеческом измерении, мы вынуждены констатировать, что значительные достижения в создании мощного индустриального комплекса в Сибири были оплачены жертвами, голодом и лишениями, выпавшими на долю людей всех национальностей, проживавших в СССР, и, прежде всего, русского народа.

---

[34] Кузбасс. 6 авг. 1934.

[35] Ленинский шахтер. 30 ноября 1933; Советская Сибирь. 22 июня 1936.

[36] Московский А. С. Исупов В. А. Указ. соч. С. 120.

А. Х. Рахманкулова

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1930–1940-е гг. ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В УЗБЕКИСТАН

Трагическим последствием национальной политики советского государства в 1930–1940-е гг. стала депортация народов. В эти годы были депортированы более чем 60 национальных групп населения, тотальной депортации были подвергнуты десять народов. Общая численность депортированных в те годы народов составила 3,5 млн человек[1]. Ареалами вселения депортированных народов были Европейский Север, Урал, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. До конца Второй мировой войны большое их количество было расселено в Казахстане и Узбекистане.

Следует сказать, что исследованию истории депортации народов в СССР первыми стали уделять внимание зарубежные ученые[2]. Данная проблематика на основе анализа официальных документов получила освещение в растущем количестве статей и научных трудов, которые опубликованы с конца 1980-х гг. до настоящего времени[3]. Авторы, широко освещая сам ход насильственного переселения, больше внимания уделили тем регионам, из которых проводилась депортация. Лишь частично исследовались последствия этих акций для регионов, куда переселялись люди. Проблема депортации народов в Узбеки-

---

[1] Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990–1992: Документы. Материалы. М., 1993. С. 35.

[2] Conquest R. The Soviet deportation of nationalities. London: MACMILLAN & CO LTD; New York: ST MARTIN'S PRESS, 1960; Nekrich A. M. The punished peoples. New York, 1978.

[3] Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» / сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992; Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006 и др.; Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005; Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ–Мемориал, 2001; Сталинские депортации. 1928–1953 / Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005; и др.

стан тоже является малоизученной. Рассмотрим основные этапы депортаций народов в Узбекистан.

Так, крупной волной принудительного переселения стала так называемая кулацкая ссылка, связанная с проведением насильственной коллективизации. Постановлением ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. были начаты массовые репрессии против крестьянства. К массовому раскулачиванию приступили в январе 1930 г. Если основными направлениями первой волны раскулачивания были Северный край, Урал и Западная Сибирь, то в 1931–1932 гг. центр переселения сместился в Казахстан, Среднюю Азию и Западную Сибирь. В 1932 г. на спецпоселение поступили 71 236 человек, причем большая их часть (39,4 %) была направлена в Среднюю Азию, в том числе и в Узбекистан[4].

Расселяли кулаков небольшими поселками в так называемые трудовые поселки. Для них существовал еще и филиал ГУЛАГа САЗЛаг. По состоянию на 1 января 1941 г. по Управлению исправительно-трудовых лагерей НКВД Узбекской ССР дислокация трудпоселков выглядела следующим образом: количество трудпоселков – 14, состояло семей – 3328, человек – 12 078, в том числе детей до 3 лет – 1215, от 3 до 8 лет – 1063, детей и подростков от 8 до 14 лет – 1952 человек[5]. Трудпоселенцы были 23 разных национальностей. Они были переданы для трудового использования Народному комиссариату совхозов, Народному комиссариату пищевой промышленности, Народному комиссариату земледелия и Народному комиссариату внутренних дел УзССР. Здесь следует упомянуть, что вследствие насильственной коллективизации и раскулачивания, также и из Узбекистана были высланы семьи местных баев и дехкан в другие регионы страны. О масштабах репрессий в Средней Азии в 1931 г. можно судить по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июня 1931 г.: «Принять предложение Баумана, согласованное с Косиором и Шеболдаевым о переселении из Средней Азии 6 тыс. кулацких хозяйств, из коих 3 тыс. на Украину и 3 тыс. на Северный Кавказ»[6]. Раскулачивание, выселение и переселение продолжались и в последующие годы. Лишь в 1930–1933 гг. в Узбекистане было раскулачено 40 тыс. дехканских семейств, 31,7 тыс. из них репрессированы[7].

---

[4] Полян П. М. Указ. соч. С. 77.

[5] ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 111.

[6] Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. С. 174–175.

[7] Алимова Д. А. История как история, история как наука: в 2 т. Ташкент, 2008. Т. 1. С. 156.

Одними из первых тотальной депортации подверглись в 1937 г. корейцы из Дальнего Востока России. Постановлением (№ 1428–326) СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» от 21 августа 1937 г. «в целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край» было решено выселить все корейское население 23 пограничных районов и переселить в Южно-Казахстанскую область, в районы Аральского моря, Балхаша и Узбекскую ССР[8]. Уже к 25 октября 1937 г. 124 эшелонами было выселено 36 442 корейских хозяйства, или 171 781 человек. На 13 ноября 1937 г. в Узбекистане было расселено 16 307 хозяйств (т. е. 74 500 корейцев)[9]. В то же самое время 9000 китайцев, немцев, поляков, прибалтов и харбинских репатриантов были переселены с Юга Дальнего Востока в Узбекскую и Казахскую ССР[10].

В 1937 г. была осуществлена частичная депортация курдов, она коснулась и курдов, которые проживали в Узбекистане. В 1937–1938 гг. «зачистка» проводилась на южных границах Союза, в частности с Турцией, Ираном и Афганистаном. В июле 1937 г. в Средней Азии и Закавказье на границах были организованы специальные запретные полосы, из которых отселялось население. К освобождению от «неблагонадежного элемента» предназначалось в общей сложности 40 приграничных районов Грузии, Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. В частности, в Киргизию и Казахстан было выселено 1325 «приграничных» курдов. В конце 1937 г. из Армении и Азербайджана в Казахстан (в Алма-Атинскую и Южноказахстанскую области) прибыла 1121 семья курдов и армян[11]. В 1938–1939 гг. в два этапа была осуществлена депортация иранцев. В сентябре 1939 г. Л. П. Берия утвердил «План выселения в Северный Казахстан иранопoдданных и членов их семей согласно решений Особого совещания при НКВД СССР от 11, 15 и 23 августа 1939 г.» Всего подлежали выселению в Северный Казахстан 2081 иранопoдданный, в том числе из Узбекской ССР – 16. Всего в 1938–1939 г. было выселено свыше 8 тыс. иранцев (из них 6,3 тыс. – из Азербайджана). Они были расселены в Казахстане и Киргизии на положении административно высланных, т. е. трудпоселенческий (спецпересе-

[8] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 497. Л. 27–28.

[9] Центральный госархив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф. 837. Оп. 32. Д. 593. Л. 130.

[10] Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 791.

[11] Полян П. М. Указ. соч. С. 93.

ленческий) статус на них был распространен, и они не учитывались в спецпоселенческой статистике[12].

Постановлением СНК СССР от 10 апреля 1940 г. (№ 497–177сс) «О выселении из западных областей Украинской и Белорусской ССР» из этих областей как административно-высланные были отправлены в Узбекистан около 1000 человек, относящихся к польским гражданам. В годы Второй мировой войны в Узбекистане было размещено 35 000 поляков, в основном из Пермской области и Марийской АССР, которые перед началом Второй мировой войны были депортированы в эти районы из Западной Украины и Белоруссии. На территории Узбекистана шло формирование польской армии генерала В. Андерса, насчитывавшей к 25 октября 1941 г. около 42 тыс. человек.

В годы Второй мировой войны продолжалась депортация народов. Тотальной депортации были подвергнуты немцы из Поволжья и из других районов СССР. По имеющимся данным, в годы войны на территорию Узбекистана немцы не были переселены. Но были высланные по решению правительства, мобилизованные, а после войны репатриированные немцы**.** В частности, ГКО было принято 14 февраля 1942 г. постановление № ГКО–1281 сс «О мобилизации немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках», в котором речь шла о мобилизации к физическому труду немцев и в Узбекской ССР. В частности, на 1 ноября 1943 г. на предприятиях нефтяной промышленности Узбекистана находилось 549 мобилизованных немцев[13].

Последующие операции затронули еще шесть народов – карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар. Они обвинялись в «предательстве, измене Родине», в «преступлениях против советского государства» в годы войны и т. д. Следует сказать, что в первые же месяцы войны большинство мужского населения вышеуказанных народов были мобилизованы на фронт. Среди Героев Советского Союза были представители и этих народов. Известно, что среди предателей и пособников врагу были представители всех народов СССР, но не все народы понесли наказания. Наказаны были только отдельные национальности. Несправедливость в том, что наказание было применено не против конкретных лиц, а против целого народа. Как подчеркивает П. М. Полян, «независимо от всякой статистики приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является

[12] Земсков В. Н. Указ. соч. С. 83.

[13] ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1сч. Д. 168. Л. 89.

серьезным и бесспорным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников и т. п.»[14]

Так, согласно постановлению СНК СССР от 14 октября 1943 г. (№ 1118–342сс) «Вопросы НКВД СССР» из Карачаевской Автономной области были выселены 69 267 карачаевцев; согласно постановлению СНК от 28 декабря 1943 г. (№ 1432/425сс) «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР» с декабря 1943 г. по июнь 1944 г. были высланы из Калмыкии – 93 000 человек, из других областей 4000 калмыков; согласно инструкции НКВД СССР от 29 января 1944 г. «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей» и постановления ГОКО от 31 января 1944 г. за № 5073сс, из Чечено-Ингушской, Дагестанской АССР и из других областей зимой–весной 1944 г. были высланы 493 269 человек; согласно постановлению ГОКО от 5 марта 1944 г. (№ 5309сс) «О выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР и из Клухорского района Грузинской ССР, было выселено более 38 000 балкарцев. В Узбекистане было размещено к началу 1945 г. калмыков – 538 человек, карачаевцев – 353, балкарцев – 419, чеченцев – 175, ингушей – 159[15].

Согласно постановлению ГОКО от 11 мая 1944 г. (№5859сс) «О крымских татарах» было установлено всех татар «выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР». До 20 мая из Крымской АССР было вывезено 191 044 лиц татарской национальности[16]. К 11 июня 1944 г. в Узбекистан прибыли и были расселены по республике 35 275 семей, 151 604 крымских татар, в том числе: 26 749 мужчин, 53 537 женщин, 71 318 детей. Вместе с крымскими татарами в Узбекистане было расселено 5–6 тыс. крымских цыган[17]. Народы из Крыма были расселены в 62 районах семи областей республики.

После крымских татар, согласно постановлению ГОКО от 2 июня 1944 г. (№ 5984) «О выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян» и постановлению ГОКО от 24 июня 1944 г. (№6100) «О выселении из Крыма в Узбекистан турецких, греческих, и иранских подданных с просроченными паспортами территории» из Крыма были выселены 41 854 человека греков, болгар, армян, немцев, итальянцев, румын, а также подданных иностранных государств. Небольшое количество из этого контингента попало в Узбекистан. То есть из Крыма в Узбекистан были выселены 3652 чело-

[14] Полян П. М. Указ. соч. С. 104.

[15] Бугай Н. Ф. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995. С. 107, 135, 177.

[16] Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». С. 217.

[17] ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1с. Д. 180. Л. 5, 7.

века иноподданных, из них были 3531 – греческого, 105 – турецкого и 16 человек – иранского подданства (местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках турецкие, греческие и иранские паспорта), которые были направлены в Ферганскую область Узбекистана. Таким образом, из Крыма всего было выселено 225 009 человек[18], из них в Узбекистане были расселены 155 256 человек.

Следующими были выселены народы Месхетии Грузинской ССР. Согласно постановлению ГОКО от 31 июля 1944 г. (№ 6279сс) «О переселении из пограничной полосы Грузинской ССР турок-месхетинцев, курдов и хемшилов»[19], в «целях улучшения условий охраны государственной границы Грузинской ССР» из пограничной полосы Грузинской ССР – Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского, Богдановского районов и Аджарской АССР было всего переселено 92 307 человек – турок-месхетинцев, курдов и хемшилов. Депортация этих народов началась утром 15 ноября 1944 г. Всего с 25 ноября по 13 декабря 1944 г. в Узбекскую ССР поступило и было разгружено 29 эшелонов из Грузии. Спецпереселенцы были расселены в 43 районах семи областей республики. К началу 1945 г. в Узбекистане были размещены 53 827 человек из Грузии[20].

После депортаций народов были разрушены их национально-государственные образования. Были ликвидированы Автономия Немцев Поволжья (28 августа 1941 г.), Карачаевская Автономная область (12 октября 1943 г.), Калмыцкая АССР (27 декабря 1943 г.), Чечено-Ингушская АССР (7 марта 1944 г.), а Кабардино-Балкарская ССР была переименована в Кабардинскую АССР (8 апреля 1944 г.). Была ликвидирована Крымская АССР (30 июня 1945 г.) и вместо нее создана Крымская Автономная область в составе РСФСР.

26 февраля 1944 г. вышла директива НКВД СССР «О снятии с общевоинского учета спецпереселенцев и об отобрании у них военных билетов», а 30 июля того же года – «О взятии на учет спецпоселений демобилизованных из Красной Армии калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, болгар, греков, армян, прибывающих к семьям в места поселений». По фронтам были изданы специальные приказы об увольнении из рядов Красной армии чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, калмыков и представителей других национальностей. Они направлялись на спецпоселение. Этой участи подверглись рядовой и сержантский состав, большинство младших офицеров. Любопытно, что старшие

[18] ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 180. Л. 67–67 об.

[19] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 285. Л. 22.

[20] ЦГА РУЗ. Ф. 314. Оп. 7. Д. 26. Л. 462.

офицеры, которые не являлись политработниками, как правило, не увольнялись из армии и продолжали воевать на фронте, а старшие офицеры – политработники были направлены на спецпоселение. Численность лиц, находившихся на спецпоселении и в ссылке на поселении по всей стране, во время войны неуклонно возрастала. Так, 1 апреля 1945 г. на учете Отдела спецпоселений НКВД СССР числились 2 212 126 спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев. География их расселения в республиках Центральной Азии выглядела следующим образом: Казахская ССР – 846 065, Узбекская ССР – 192 638, Киргизская ССР – 124 487, Таджикская ССР – 5595, Туркменская ССР – 1680 человек[21]. Узбекистан занимал второе место по размещению спецпоселенцев и ссылнопоселенцев в стране (после Казахстана). В послевоенный период были высланы так называемые власовцы, к середине 1949 г. выселенцы из Молдавии. Эти контингенты частично были направлены в Узбекистан. Так, на 1 июля 1952 г. в республике состояли на учете 186 310 спецпоселенцев, они были расселены по областям республики следующим образом: в Андижанской – 21 395, Бухарской – 7307, Самаркандской – 45 246, Кашкадарьинской – 6800, Наманганской – 11 960, Сурхандарьинской – 142, Ташкентской – 62 356, Ферганской – 29 967, Хорезмской области – 82 и в Каракалпакской АССР – 1046 спецпоселенцев. По состоянию на 1 января 1953 г. в Узбекской ССР количество спецпоселенцев составило 188 689 человек. Из них мужчин – 52 924, женщин – 73 139, детей до 16 лет – 58 996 человек.[22]

Вследствие депортационной политики в Узбекистане, как и в других регионах страны, был насильственно расширен ареал этнических меньшинств. В то время Узбекистан в социально-экономическом отношении не был готов к приему такого количества переселенцев. Республике предстояло решить массу трудновыполнимых задач. В середине 1930-х гг. Узбекистан по своему социально-экономическому развитию занимал одно из последних мест в стране и не в состоянии был обеспечить нормальные условия проживания не только переселенцам, но и своему населению. Не хватало жилья, продовольствия, поскольку стройматериалы, хлеб и мясо в Узбекистан завозили из других республик. Ощущался дефицит кадров медицинских работников, требовалось большое количество лекарств, т. к. в стране в те годы свирепствовала малярия. Так, по числу врачей на 10 тыс. человек приходилось всего 4,7 врача.

---

[21] ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 257. Л. 2.

[22] Депортация народов в СССР (1930–1950-е гг.). Материалы к серии «Народы и культура» / сост. О. Л. Милова. Вып. XII. Ч. 1. М.: РАН; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1992. С. 204.

С прибытием депортированных народов из Крыма и с Кавказа, возникли новые проблемы по их хозяйственному и трудовому устройству, а также решению социальных задач. Тем не менее, узбекское правительство, народ сделали максимум возможного в тех сложных условиях, чтобы принять, разместить и трудоустроить всех переселенцев. По признанию самих этих народов, местное население готово было им помочь и проявить дружественную поддержку. Но последствия депортации были очень тяжелыми. Насильственное переселение народов привело к разрыву многих семей, к огромным человеческим жертвам, демографическим изменениям среди депортированных народов и в тех регионах, где они были расселены. Так, если в Узбекистан с Дальнего Востока были переселены 74 500 корейцев, то по данным переписи населения 1939 г. их стало 72 944, т. е. их число уменьшилось на 2 556 человек. Согласно архивным данным, если в мае–июне 1944 г. на спецпоселение в Узбекскую ССР прибыли из Крыма 151 609 человек, то с момента прибытия их и до конца года умерли 16 052 (10,6 % к общему числу спецпереселенцев), а за весь 1945 г. умерли 13 183 человек (9,8 %)[23].

В общесоюзном масштабе правовое положение спецпереселенцев – депортированных народов, условия их проживания и трудоустройства в местах насильственного поселения были определены постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» и согласно «Положению о спецкомендатурах НКВД», принятого СНК СССР 8 января 1945 г. (№ 34–14 под грифом «секретно»)[24]. Согласно этим директивам, закреплялось принудительное трудовое устройство и ограничение прав спецпереселенцев на свободное передвижение. В условиях спецрежима права спецпереселенцев стали регулироваться в основном спецкомендатурами. И на местах были созданы отделения спецкомендатур при местных управлениях НКВД. Целью создания спецкомендатур, являлось обеспечение государственной безопасности, охрана общественного порядка и предотвращение побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроль за их хозяйственно-трудовым устройством. На 21 января 1947 г. 49 253 семей (179 368 человек) спецпереселенцев находились под надзором 120 спецкомендатур, которые были созданы в областях городах и районах Узбекистана[25]. Спецпереселенцы имели формальное право выбирать и быть избранными в советы депутатов трудящихся, но только до районного звена. Они могли на-

[23] ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 81, 84.

[24] Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 561–563.

[25] Рахманкулова А. Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х – 40-е годы // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 159.

граждаться орденами и медалями СССР. На бумаге были записаны и многие другие права. Однако в реальной жизни часто все было подругому. Судьба и жизнь многих спецпереселенцев зачастую зависела не от законов, а от личных качеств начальника районного отдела НКВД. Перемены в жизни спецпереселенцев по всей стране наступили с середины 1950-х гг.

Депортации, эвакуации и другие миграционные процессы повлияли на изменение национального состава населения республики. В целом за межпереписные годы национальный состав населения в 1959 г., в отличие от 1939 г. стал более представительным. В 1939 г. в Узбекистане уже проживали наряду с другими национальностями 72 944 корейца, а в 1959 г. – 138 453. Всесоюзной переписью населения 1959 г. в республике было зафиксировано немногим более 100 различных наций, переписью 1970 г. – около 120 и переписью 1989 г. – более 130 представителей различных наций. В 1989 г. в Узбекистане проживало крымских татар – 188 772, корейцев – 183 140, турок – 106 302, армян – 50537, немцев – 39 809, греков – 10 453 человек. В настоящее время география расселения бывших депортированных народов в Узбекистане и в других республиках Центральной Азии, очень изменилась. Большинство этих народов вернулись и до сих пор возвращаются в родные края или переселяются в другие регионы стран СНГ, а также частично мигрируют в зарубежные страны и на историческую родину. В связи с тем, что после 1989 г. никакой переписи не проходило, указать точное количество оставшихся в настоящее время в данных республиках представителей вышеуказанных народов не представляется возможным. Но следует сказать, что все они, как и остальные народы, переживают все социально-экономические перемены, которые происходят в Центральной Азии.

Таким образом, изучение политики депортаций народов позволяет сделать вывод, что политика тоталитарного режима была направлена на ограничение и ущемление личных, социальных, политических и гражданских прав насильственно выселенных народов. Насильственное переселение народов привело к огромным человеческим жертвам, моральным и политическим потерям. Существование в чуждом цивилизационном, этническом и конфессиональном окружении, оказало серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образовательный и культурный уровень, привело к утрате родного языка значительной частью депортированных. Но корейцы, крымские татары, турки-месхетинцы и представители других этнических меньшинств, оставаясь на местах расселения, затем уже ставшие гражданами Узбекистана, вносили и вносят свой вклад в преумножение экономического и духовного потенциала нашего государства.

Ж. Я. Рахаев

ИДЕОЛОГЕМА «НАРОД-ПРЕДАТЕЛЬ»: ПРЕОДОЛЕНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (На примере карачаевцев и балкарцев)[1]

Культурная память все увереннее становится одним из ключевых элементов, определяющих состояние современного российского Кавказа. По существу, она предопределяет динамику социокультурных процессов северокавказских этносов и, тем самым, существенно влияет на формирование трендов политического развития региона. Понимание механизмов воздействия и актуализации культурной памяти на этнос, конкретные социальные группы и отдельного индивида позволяет глубже понимать многомерную социальную реальность Северного Кавказа, специфику развития межэтнических отношений и конфессиональной обстановки. Следует подчеркнуть, что особенности протекания изучаемых процессов настоятельно требуют комплексного подхода, объединяющего наработки не только историков, но и этнографов, лингвистов, литературоведов, фольклористов, искусствоведов, социологов, психологов и антропологов.

Историческая политика Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. и ее реминисценция республиканскими бюрократическими элитами прямо способствовала политизации этничности Северного Кавказа. Реальная практика предоставляет нам многочисленные примеры того, как социальные группы с определенными целями, ценностями и мировоззренческими подходами соревнуются в создании и продвижении собственных версий прошлого, трансляции своего символического капитала, манипулировании историческим сознанием

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Образы прошлого в социально-политических и этнокультурных процессах у народов Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарии)» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

сограждан, что неминуемо ведет к обострению «конкуренции между жертвами» практически во всех северокавказских республиках.

Этническая мобилизация балкарцев и карачаевцев на рубеже XX–XXI вв. труднообъяснима без учета тесной, неразрывной взаимосвязи травматического опыта депортации с развитием национального самосознания и с самой идеей национального, в чем проявляется ее схожесть с этнополитическими процессами у других народов Северного Кавказа, в особенности, среди адыгов, вайнахов и ногайцев. Депортация, таким образом, выступает не как единовременное событие (*2 ноября 1943 г.* для карачаевцев, и *8 марта 1944 г.* для балкарцев), завершившееся с возвращением на историческую родину в 1957 г., а как процесс, который продолжает оказывать существенное воздействие на отношение репрессированных народов к своему прошлому, восприятию своего настоящего и будущего.

Трагедию депортации ни в коем случае нельзя считать пережитой. В современной России обнаруживаются все бытующие в сталинские времена мифологемы (архаичные идеи национальной солидарности, национального единства, национального превосходства), а также проистекающие из «образа врага» 1930–1950 гг. социальные фобии, искажающие восприятие «другой/чужой» культуры, межэтническое взаимодействие и самоидентификацию. Современный житель Северного Кавказа, в том числе балкарец и карачаевец, в большой степени несет в себе черты «советского человека»[2]: он обживает мир, предлагаемый ему обстоятельствами; его адаптивные способности, приводящие к пассивному конформизму, поистине безграничны; ему свойственно бороться за сохранение «нормальности» своей жизни, длить повседневность, игнорировать все, что выпадает за рамки понимания, даже если он становится участником/свидетелем травматического события.

30 декабря 1999 г. В. В. Путин обнародовал статью «Россия на рубеже тысячелетий», обозначившую коренной перелом в исторической политике государства. В ней премьер-министр предельно четко определил главную проблему современной России: «Глубокий идейный и политический раскол в обществе»[3]. Преодоление кризиса виделось в

---

[2] Согласно концепции Ю. А. Левады, советские идеологические практики, навязывавшие индивидам универсальную нормативноценностную систему, формировали «человека лукавого», соглашавшегося с предписываемыми установками – и одновременно искавшего способы их обойти. См.: Левада Ю. А. Человек лукавый: двоемыслие по-российски // Левада Ю. А. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. М., 2000. С. 508–529.

[3] Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999 г. 30 декабря. URL: http://www.ng.ru/politics/1999–12–30/4_millenium.html

реализации «новой российской идеи», «органически» соединяющей «общечеловеческие ценности с исконными российскими»[4].

Последовательный и жесткий курс Президента РФ (с марта 2000 г.) В. В. Путина во внутренней политике по восстановлению дееспособности государства (контртеррористическая операция в Чечне и приграничных регионах Северного Кавказа, реформы конституционно-политической системы, восстановление государственного контроля над СМИ и т. д.) сопровождался напряженным поиском символов национальной гражданской идентичности. Утверждение (с 2000 г.) новых государственных символов – гимна, герба и флага, восстановление Красного знамени и Красной звезды в качестве символов российской армии, лишь частично решало данную задачу. Коллективное сознание, и это подтверждают результаты многочисленных социологических исследований[5], реагирует на самые сильные стимулы. Крупнейшим событием XX в., активно присутствующим в массовом историческом сознании современных россиян, неизменно остается Победа в Великой Отечественной войне[6]. После волн демифологизации нации[7] с конца 1980-х гг. (в терминологии К. Хюбнера) праздник 9 мая остался фактически единственной позитивной опорной точкой общественного самосознания. Концентрируя вокруг себя социальную ностальгию о советском общественном строе, образе жизни, идеалах и т. п., он тем самым воссоздавал post factum сталинский патриотический миф о «превосходстве советской социалистической системы над капиталистической системой»[8], усилил легитимацию современной российской государственности – правопреемницы СССР. Данное обстоятельство, в конечном счете, предопределило идеологическое содержание правительственных мер по социальному конструированию. Вместе с тем, очевидная важность памяти о войне для построения новейшей российской идентичности, в силу своей амбивалент-

---

[4] Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999 г. 30 декабря. URL: http://www.ng.ru/politics/1999–12–30/4_millenium.html

[5] Бергер П., Лукман. Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

[6] Данные массовых опросов выступают одним из индикаторов этого. В 1989 г. победу в войне считали самым значимым событием для России XX в. 77 %, в 1994 г. – 73, а в 1999 г. – 85 %. См.: Гудков Л. Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Гудков Л. Д. Негативная идентичность. М., 2004. С. 21; См. также: Горшков М. К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. М., 2011; Дубин Б. В. Жить в России на рубеже столетий: Социологические очерки и разработки. М., 2007; Он же. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М., 2011. С. 48.

[7] Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 329.

[8] Сталин И. В. Вопрос о строительстве социализма в СССР. VII расширенный пленум ИККИ 22 ноября – 16 декабря 1926 г. // Сталин И. В. Собр. соч. Т. 9. С. 26.

ности, несет в себе колоссальный деструктивный потенциал. Победа, завоеванная такой дорогой ценой, не только освободила страну от нацистского нашествия, но также способствовала усилению сталинского режима.

Важным следствием разворачивающегося культа «Великой Победы» следует признать преломление взаимоотношений Российской Федерации с Западом: история Второй мировой войны несет возможность такой интерпретации, когда Советский Союз выступает в центре борьбы за подлинно европейские ценности против варварства, вышедшего из самого сердца европейского континента.

Это соответствующим образом отразилось во взаимоотношениях с бывшими союзными республиками: странами Балтии, Украиной и Грузией, а также со странами-участницами Варшавского договора, в первую очередь с Польшей, власти и национальная историография которых в совершенно новом свете представили жизнь в условиях немецкой оккупации во время Второй мировой войны и бремя повторной сталинизации.

Однако поток, прорвавший плотину, российским властям все сложнее и сложнее сдерживать. Так, несмотря на многократные акции протеста, продолжается снос советских памятников и попытки реабилитации руководителей и участников антисоветских восстаний: «Музей советской оккупации» открылся в Риге, Тбилиси, Киеве, «Дом террора» в Будапеште, «Музей Варшавского восстания» в Варшаве. В центре исторического нарратива вообще и музейных экспозиций в особенности оказывается мартирология и образ врага, который, как правило, ассоциируется с современной внутриполитической конфигурацией и международным положением. Подобные дискуссии уже сами по себе являются достаточным сигналом российскому руководству о необходимости попытаться обобщить изменившуюся идеологическую ситуацию, задать самим себе вопрос, не является ли подобный подход к изображению Второй мировой войны слишком односторонним. Но ничего подобного мы не наблюдаем. Наоборот, российско-грузинский конфликт августа 2008 г., достаточно свидетельствует о том, на какие коннотации к современным событиям способна российская проправительственная журналистика.

Речь вновь избранного Президента РФ В. В. Путина на военном параде, прошедшем на Красной площади 9 мая 2012 г., в предельно артикулированной форме отображает полную приверженность советскому идеологическому наследию. Вместе с тем внутри страны реабилитация сталинизма, обращение к мобилизационным символам советского тоталитаризма, неизбежно приводит, не может не приводить, к расширению дезинтеграционных процессов. Распад новейшей российской идентичности наглядно проявляется уже тем обстоятельством, что предпринимаются многочисленные попытки

подмены идеологического содержания крупнейшего национального праздника – Дня Победы символами этнической и региональной идентичности.

Массовое историческое сознание народов Северного Кавказа крайне медленно расстается с советскими стереотипами: в столицах и малых городах национальных республик до сих пор стоят памятники В. И. Ленину (в Нальчике памятник «вождю мирового пролетариата» восстановлен в 2002 г.[9], в Моздоке – в 2012 г.[10]), значительная часть населения, в том числе представители репрессированных народов, все еще воспринимают И. В. Сталина как выдающегося государственника и гениального полководца (в современной Северной Осетии мы наблюдаем неослабевающую популярность Сталина: только в постсоветский период «вождю народов» установлены памятники во Владикавказе, Моздоке, Беслане и других населенных пунктах[11], что во многом обусловлено широким распространением в осетинской среде предания об осетинском происхождении Сталина). Вместе с тем курируемая правительством новейшая российская историография до сих пор не в состоянии сделать конструктивных предложений для преодоления развернувшейся еще с начала 1990-х гг. «войны историографий» на Северном Кавказе: разнохарактерных этноцентристских обоснований взаимных территориальных претензий[12].

Среди значительной части молодежи Северного Кавказа разрешение травматического опыта депортации и освобождения от чувства вины происходит на основе осмысления советского прошлого в рамках салафитского мировоззрения.

С середины 2000-х гг. российские власти перешли к конкретным мерам в области исторической политики. Идеологический поворот российского правительства к сталинизму актуализировал в историческом сознании современных россиян образ «внутреннего врага», что самой собой, неизбежно реанимировало тему «предательства» репрессированных советским режимом горцев Северного Кавказа. Многочисленные публикации в СМИ и Рунете, затрагивающие вопросы Второй мировой войны, навязывают общественному мнению вопрос: «Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие?» На волне растущего в российском обществе расизма и ксенофобии обывателю подсказывается соответствующий

---

[9] URL: http://www.monulent.ru/monument.php?id=00000000089

[10] URL: http://skfonews.info/news/3174

[11] См., напр.: URL: http://hohag-lappu.livejournal.com/46813.html

[12] Подробнее см.: Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

ответ – «справедливое возмездие»[13]. Развивая идеологическое наступление, российские федеральные власти существенно модифицируют систему патриотического воспитания в школьной и вузовской среде. Изменения, главным образом, коснулись корректировки содержания действующих школьных учебников по российской истории XX в. в соответствии с идеологическим курсом российских властей.

Совершенно очевидно, что процесс формирования новейшей российской идентичности на основе идеологических символов советского тоталитарного наследия заведомо невозможен. По существу, это попытка построить катапульту по чертежам ракеты. Российские власти, фактически ведут арьергардные бои, когда пытаются законодательным путем закрыть всякую возможность иной, отличной от советской историографии, интерпретации событий Второй мировой войны (предложение С. Шойгу о необходимости принятия закона об уголовной ответственности за «неправильные» высказывания о Второй мировой войне и роли в ней СССР (2009), скандальный циркуляр директора Института этнологии и антропологии РАН В. Тишкова с требованием выявить историко-культурные фальсификации (2009), скоропостижная кончина инициированной Президентом РФ Д. А. Медведевым комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России).

Сакрализация Победы в путинской России, основанная на мифологемах сталинизма канонизации языка войны, публичное забвение преступлений советского тоталитарного государства, ведет к вытеснению травматических событий Второй мировой войны из коллективной памяти и неуклонному росту агрессивности в обществе. Последствия «непроработанного» и осмысленного травматического опыта, проявляются в вытеснении любых сложных представлений из общественного сознания, способности к гражданскому взаимодействию. Нормой современной России (и случай на Северном Кавказе иллюстрирует это особенно наглядно) становится неспособность к пониманию или даже к учету точки зрения «Другого». Сужение межэтнического диалога в северокавказском обществе, актуализации и политизация травматического опыта депортации в историческом сознании (незавершенный осетино-ингушский конфликт, вопросы территориальной реабилитации балкарцев и карачаевцев и т. д.) на фоне расширяющейся религиозной войны – прямое следствие «непроработанности» тяжелого наследия Второй мировой войны.

Период социалистического строительства на Северном Кавказе в предвоенные годы дает несколько ярких примеров того, как внешни-

[13] См., напр.: Пыхалов И. В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008.

ми усилиями может быть сконструирована новая этническая реальность, а традиционная культура сильнейшим образом детерминирована[14]. Национальная государственность народов региона в виде АО и АССР не только не способствовала развитию их этнической культуры, но и стала орудием ее разрушения. Репрессии, прокатившиеся по всей стране с установлением советской власти, на Северном Кавказе усугублялись в силу его так называемой национальной специфики и не прекращались вплоть до 1956 г.: дополнительные чрезвычайные меры, как правило, оправдывались борьбой с «политическим бандитизмом», «повстанчеством», «бело-зеленым движением», «крестьянскими и кулацко-крестьянскими восстаниями», «контрреволюционными мятежами» и «мелкобуржуазной контрреволюцией»[15].

Массовые стихийные антисоветские выступления вайнахов, адыгов, балкарцев и карачаевцев в 1920–1930-е гг. были жестко подавлены. Однако большевики не ограничивались расправой над повстанцами: волны репрессий практически полностью уничтожили сельскую интеллигенцию и мусульманское духовенство. Именно эти прослойки духовной элиты горцев больше, чем другие социальные группы способствовали сохранению их этнической культуры и этнического самосознания, а потому и являлись потенциальной духовной оппозицией правящему режиму. Последовавшая за этим насильственная коллективизация уничтожила зажиточное крестьянство – самодеятельную и наиболее трудолюбивую часть северокавказского общества, исповедовавшую высочайшую трудовую этику и самодисциплину[16]. «Ликвидация кулачества как класса» при-

---

[14] См., напр.: Алиев У. Карачай (Карачаевская автономная область): Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д., 1927; Алиев У., Городецкий Б. М., Сиюхов С. Адыгея (Адыгейская автономная область): Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-н/Д., 1927; Алиев У. Очерки революционного движения в Карачае. Ростов н/Д., 1927; Бугаев К. Борьба горцев за революцию (Беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922; Его же. Политическое и экономическое положение Горской республики. Владикавказ, 1921; Калмыков Б. Э. Кабардино-Балкарская автономная область и ее хозяйство. Нальчик, 1922; Северный Кавказ и Дагестанская АССР. М.; Л., 1928; и др.

[15] См., напр.: Алексеенко И. И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-х гг. XX века. Краснодар, 1993; Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. 1997. № 2; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927; Жупикова Е. Ф. Причины политического бандитизма на Северном Кавказе в конце Гражданской войны // Дон и Северный Кавказ в период строительства социализма. Ростов н/Д., 1988. С. 40–54; Лихницкий Н. Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д., 1931.

[16] См., напр.: Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994; Хубулова С. А. «Неудобный класс»: некоторые проблемы социально-экономического и этнографического развития доколхозного северокавказского крестьянства. Владикавказ, 2003; Власть и крестьянство: северокавказская деревня в 1917–1929 гг.:

вела к физическому уничтожению живых носителей традиционной социокультурной системы народов Северного Кавказа: связь времен, преемственность культур и поколений была разорвана, взамен горцы получили суррогаты «социалистической» культуры. Традиционная культура была сломлена, сведена до уровня семейного быта, свадебной и похоронной обрядности.

Вся идеологическая мощь советской тоталитарной системы: литература и средства массовой информации, монументальное искусство и живопись, всенародные праздники, демонстрации и фестивали была направлена на стирание этнических различий и формирование в общественном самосознании новой исторической общности – советского народа. Навязанные советским государством ценности входили в противоречие с морально-этическими критериями этнической культуры. Коммунистическая идеология закреплялась в самосознании горцев Северного Кавказа как средство выживания, привычка, которую следует приобрести, чтобы успешно выживать в новой социокультурной общности.

Для подавляющей массы людей нормальная жизнь стала означать принятие диктуемой сверху моральной деградации. Происходила смена содержания парадигм этнического сознания, модификация этнических традиций. Для этноса в целом, как и для каждого, отдельно взятого его представителя, этот процесс был стрессовым. Преобразование жизнедеятельности традиционного северокавказского общества привело к изменению этнического сознания, к искажению, до маргинального, его системы мироощущения и миропонимания. Северокавказские народы сумели советизироваться, сохранив вместе с тем важнейшие этнообразующие константы, стержень традиционных культурных ценностей, не позволивший полностью разрушить их этнокультурную идентичность. В этих условиях народы Северного Кавказа вступили во Вторую мировую войну.

Начальный этап войны выявил полную несостоятельность сталинского тоталитарного государства, Советский Союз стремительно терял наиболее развитые и населенные районы, осенью 1942 г. западные районы Северного Кавказа были оккупированы германскими войсками. Немцы установили там местные формы ограниченного самоуправления в виде национальных комитетов. В этих условиях Главное политуправление Красной армии проводит крупномасштабную агитационно-пропагандистскую работу среди населения региона: институализуется и тиражируется образ воина-горца противосто-

---

Сб. документов и материалов. Владикавказ, 2005; Чернопицкий П. Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов-н/Д., 1988; Осколков Е. Н. Голод 1932–1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 в Северо-Кавказком крае. Ростов-н/Д., 1991.

ящего «фашистским нелюдям»[17]. Начало эскалации милитаристских и национально-патриотических настроений горцев в советской пропаганде связано с обнародованием обращения старейшин Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии к народам Северного Кавказа по поводу событий в кабардинском селении Кызбурун-I (современное Атажукино)[18].

Мотив беспощадной мести захватчикам, адекватной степени их злодеяний, был одним из главных приводных ремней советской военной пропаганды. Однако ситуация Северного Кавказа качественно иная, здесь национал-социалисты проводили гораздо более продуманную политику, событий способных тронуть национальные чувства горца и вызвать в нем стремление к мести и самопожертвованию было не так много. Трагедия в Кызбуруне-I была использована пропагандистскими органами по максимуму. Механизмы нацистской пропаганды во многом идентичны советским, с той лишь разницей, что опирались на многочисленные примеры советского террора 1920–1930-х гг. Типичной, в этом отношении, является статья Измаил-бея «Замученная Родина»[19].

Однако коллаборационистов, готовых служить оккупационному режиму, было немного. Известно, что в годы Второй мировой войны в военных и вспомогательных формированиях вермахта, в других силовых структурах национал-социалистической Германии несли службу почти 1,2 млн советских граждан[20]. В немецких источниках содержится информация об их национальной принадлежности: русские – 300 тыс., украинцы – 250, белорусы – 70, казахи, узбеки, туркмены и другие народы Центральной Азии – около 70 тыс.; казаки – 70; латыши – 150; эстонцы – 90; литовцы – 50; азербайджанцы – 40; грузины – 25; армяне – 20; народы Северного Кавказа – до 30; волж-

---

[17] См.: Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги второй мировой войны. М., 1999; Малышев А. В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья). ДКН. Ростов-н/Д., 2001; Кринко Е. Ф. «Германская армия и ее союзники пришли к вам не как поработители, а как освободители всех кавказских народов»: нацистская пропаганда на Северном Кавказе // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. Вып. 5. Майкоп, 2002. С. 229–234; Гогун А. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. М., 2004; Хмельницкий Д. Нацистская пропаганда против СССР: Материалы и комментарии. 1941–1945. М., 2010.

[18] Встреча старейших представителей народов Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии // Красная звезда. 22 сентября 1942. № 223.

[19] Измаил-бей. Замученная Родина // Газават. 8 декабря 1943. № 43.

[20] Кирсанов Н. А., Дробязко С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 68.

ские татары – 12,5; крымские татары –10; калмыки – 7 тыс. человек[21]. Карачаевцев, к примеру, среди таковых оказалось лишь 270 человек[22]. Для сравнения укажем, что число активных участников партизанского движения на временно оккупированной территории СССР, также составило более 1 млн человек[23].

В конце декабря 1942 г. Красная армия перешла в контрнаступление, и уже в январе 1943 г. Северный Кавказ был полностью очищен от нацистов, а к весне 1943 г. подавлены выступления горцев-повстанцев. Между тем органы НКВД были осведомлены о том, что в период оккупации главы Карачаевского и Балкарского национальных комитетов подписали договор об объединении двух народов в едином административном образовании с центром в Кисловодске[24].

Не прошло и года после освобождения региона от нацистов, как советские руководители обвинили карачаевский и балкарский народы в измене родине. В ходе тщательно подготовленных операций, проведенных войсками НКВД, оба народа были депортированы. С карачаевцами это произошло 2 ноября 1943 г., а с балкарцами – 8 марта 1944 г., их автономные образования были ликвидированы, раздроблены на части и переданы в состав соседних республик и областей. Часть бывшей Карачаевской автономной области осталась в составе Ставропольского края, часть была передана Краснодарскому краю, а часть (под именем Клухорского района) – Грузинской ССР. Некоторые бывшие районы Балкарии были переданы Северо-Осетинской АССР и Грузинской ССР.

Этническое самосознание народов Северного Кавказа сфокусировано вокруг значимых для них символов. Превалирующим среди них считается особое, сакрализованное, отношение к территории своего традиционного обитания: сокращение этой территории, а тем более изгнание из Отечества вызывает состояние «культурной травмы». Соответственно, принудительная массовая миграция в Центральную Азию в этническом сознании карачаевцев и балкарцев отразилась как трагическое событие, связанное с попыткой их полного физического уничтожения.

---

[21] Там же.

[22] Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...» Депортация народов юга России. 20–50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 77–83

[23] Великая Отечественная война 1941–1945: Словарь-справочник. 2-е изд., доп. М., 1988. С. 351.

[24] Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002. С. 157–158.

Первые годы пребывания балкарцев и карачаевцев в Центральной Азии осложнялись и негативным отношением к ним со стороны местного населения, которое после соответствующей идейной обработки видело в них врагов советской власти. Клеймом предателей советская власть навязывала наказанным народам комплекс вины, ответственность за несовершенные преступления. Балкарцы и карачаевцы оказались вынужденными реагировать на дихотомию своего существования всем процессом жизнедеятельности. Адаптация этноса к социальному и культурно-политическому окружению бывает, как известно, как материально-организационной, так и психологической. Для депортированных народов Северного Кавказа, оказавшегося разбросанными на огромном пространстве и в непривычных для него природно-климатических условиях, в обстановке моральной подавленности, наиболее тяжелым был адаптационный период первых лет.

Конфискация всего имущества, в том числе продовольствия, вызвало у спецпереселенцев массовый голод. Чтобы выжить, женщины, по традиции выполнявшие различные домашние работы, и не достигшие физической зрелости дети разделяли с мужчинами все тяжелые работы. Ослабленные люди не выдерживали голода, климата, каторжного труда, бытовой неустроенности и раньше времени уходили из жизни. В первый же год ссылки погибли тысячи детей, оставшихся без родителей. От истощения умер великий балкарский поэт К. Б. Мечиев. Люди вымирали целыми семьями, обрывались генеалогические линии. В иных населенных пунктах умерли все переселенцы. В течение 1942–1948 гг. среди балкарцев и карачаевцев, как и у других репрессированных, смертность превышала рождаемость, причем довоенной численности они сумели достичь только во второй половине 1960-х гг. В 1949–1956 гг. материальное положение спецпереселенцев несколько улучшилось.

После смерти И. В. Сталина советское руководство сумело приступить к поэтапной реабилитации репрессированных народов. В 1957 г. части репрессированных народов, в том числе балкарцам и карачаевцам, предоставили право вернуться на их прежнее место жительства на Северном Кавказе. Возвращение балкарцев и карачаевцев на родину шло очень интенсивно. Так, к примеру, уже к апрелю 1958 г. возвратилось около 22 тыс. человек, к 1959 г. вернулось около 81 %, к 1970 г. – более 86 %, а к 1979 – около 90 % всех балкарцев. Однако дискриминационное положение репрессированных народов Северного Кавказа неоднократно проявлялось во второй половине 1950–1980-х гг., сказывалось традиционное недоверие партийных органов к «предателям» Родины. Так, в 1970– начале 1980-х гг. Ставропольский обком КПСС в рамках борьбы с национализмом актуализировал в общественном самосознании карачаевцев травматический опыт

депортации. В 1974 г. на IV пленуме Карачаево-Черкесского обкома партии карачаевцы были обвинены в национализме и высокомерном отношении к соседним народам. В 1977 г. Карачаево-Черкесский обком провел научно-теоретическую конференцию «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны», где карачаевцы обвинялись в массовом пособничестве гитлеровским оккупантам.

22 апреля 1981 г. вышло секретное постановление ЦК КПСС «О серьезных недостатках в постановке организационной и идейно-воспитательной работы и соблюдении правопорядка в Карачаево-Черкесской автономной области», в котором недостатки экономического и культурного развития области не просто ставились в вину карачаевцам, но объяснялись их «национальной психологией»[25]. Для скорейшей реализации данного постановления 17 июня 1981 г. Карачаево-Черкесский обком провел III внеочередной пленум, на котором вновь прозвучало обвинение карачаевцев в стремлении к национальной замкнутости и национальном чванстве; делались отсылки к случаям насилия против представителей других национальностей; напоминалось о бандитизме и массовом предательстве карачаевцев в годы Второй мировой войны. Например, выступление К.-А. Р. Кипкеева содержало обвинение карачаевцев в «национальном чванстве» и «кичливости», культивировании национализма теми, кто в прошлом показал себя «изменниками и предателями». Собравшимся предлагалось «неустанно» напоминать карачаевцам о печальном опыте коллаборационизма в годы войны, вскрывать имена изменников Родины[26]. Борьбу с карачаевским национализмом продолжили журналисты местных СМИ. Так, в газете «Правда» была опубликована статья, где «хороший народ» (черкесы) противопоставлялся «плохому» (карачаевцам): первый во время Великой Отечественной войны спасал детей-сирот, а представители второго якобы участвовали в их уничтожении[27], а областная газета «Ленинское знамя» опубликовала большую статью бывшего партизана Х. О. Лайпанова. В ней сообщалось не столько о героизме карачаевцев в войне с фашизмом, сколько об их массовом сотрудничестве с нацистами, приводились случаи массового истребления карачаевскими коллаборационистами совет-

[25] Карачаевцы. Выселение и возвращение. Черкесск, 1993. С. 28–29; Коркмазов А. Ю. Этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 1994. С. 114–117; Шаманов И. М., Тамбиева Б. А., Абрекова Л. О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999. С. 43.

[26] Организационную, идейно-воспитательную работу – на уровень требований XXVI съезда КПСС // Ленинское знамя (Черкесск). 23 июня 1981. С. 1–5.

[27] Панкратов В., Чертков В. Снято заклятие // Правда. 6 октября 1990.

ских воинов и больных детей[28]. Более того, 1 июня 1979 г. по решению Карачаево-Черкесского обкома КПСС и исполкома районного Совета народных депутатов на популярной туристической трассе у селения Нижняя Теберда был поставлен памятник 150 детям-сиротам, будто бы зверски убитым «карачаевскими бандитами» в августе 1942 г.[29] В 1980-х гг. вышло несколько литературно-художественных изданий, тенденциозно освещавших тему коллаборационизма на Центральном Кавказе, с акцентом на массовые военные преступления карачаевскими легионерами. Все это создавало у местного населения негативный образ карачаевцев и балкарцев, провоцировало нервозность в межэтнических отношениях и приводило к организации сходов с требованиями снова выселить эти народы[30].

Подобные примеры глумления над национальной памятью, во многом, обусловили активизацию этнического самосознания балкарцев и карачаевцев в конце XX – начале XXI в.

Социальная история Северного Кавказа начала XXI в. наглядно демонстрируют наличие гигантского разрыва между массовым идеологизированным восприятием истории Второй мировой войны и острым частным интересом к индивидуальному опыту ее современников. В условии тотального дефицита в большом российском нарративе достоверной информации о том, что же собственно происходило на Северном Кавказе в 1941–1944 гг., какие события спровоцировали репрессивную реакцию советского тоталитарного государства в отношении чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев, каким образом проводилось выселение, как складывалась повседневная жизнь спецпереселенцев в местах высылки, чем обусловлен затянувшийся на долгие десятилетия процесс возвращения исторической родины, травматический опыт депортации продолжит свое деструктивное воздействие на этническое самосознание наказанных народов. Стихийный (неуправляемый) протест против прошлого на Северном Кавказе проявляется и в актах вандализма салафитской молодежи, и в развитии этноцентристской идеологии, но прежде всего в разрыве с

---

[28] Лайпанов Х. О. Молчание – не всегда золото // Ленинское знамя. 25 августа 1981.

[29] Гарифуллина И. Тень вокруг памятника // Советская Россия. 2 сентября 1990; Она же. Отстоявшие честь // Там же. 14 октября 1990; Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области // Советская этнография. 1990. № 2. С. 23–29; и др.

[30] Так это было. Национальные репрессии в СССР, 1919–1952 годы. М., 1993. Т. 1–3; Тебуев Р. С. Депортация карачаевцев: причины и последствия // Депортация карачаевцев: документы рассказывают. Черкесск, 1997. С. 14–18; Койчуев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д., 1998. С. 6–8, 448–449; и др.

собственным прошлым, в его забвении. Сужение границ коллективной памяти, атрофия чувства социальной ответственности и актуализация в общественном самосознании образа внутреннего / внешнего врага – прямое следствие мифологизированного состояния памяти.

Советское тоталитарное наследие символически затребовано властными элитами современной России. Победа во Второй мировой войне стала отправной точкой национальной идентификации. Однако ренессанс сталинизма, популяризация образа великой и победоносной державы – СССР, настоятельно потребовал публичного забвения преступлений сталинского режима. И память о десятилетиях государственного террора отступила на периферию исторического сознания. Творческое осмысление российским обществом сталинизма по существу приостановлено[31]. Но, как видим, символическое приобщение к идеологии сталинизма, мобилизационные возможности которого исторически исчерпаны еще в конце 1980-х гг., оказалось не способным консолидировать общество. Случай Северного Кавказа хорошо иллюстрирует основной тренд социокультурного развития Российской Федерации: историческое сознание народов региона стремительно теряет образ общего прошлого. Широко пропагандируемая стабильность путинской России оказалась весьма уязвимой. Общество не готово консолидироваться на лжи.

Между тем опыт Германии и Франции показывает, что феномен «преодоления прошлого» в общественном самосознании возникает исключительно в условиях развитой демократии, в атмосфере взаимоотталкивания и взаимообогащения научных школ, в условиях разномыслия и свободного обмена мнениями, рождения научных гипотез, их подтверждения и опровержения. В результате подобного диалога историографическое сообщество сумело предъявить обществу выводы, которые базировались не на абстрактных декларациях, а на результатах многолетних дискуссий, выводы, в которых явственно слышался голос вины и совести, выводы, которые общество не могло не принять.

В конечном счете, для всех постсоциалистических государств опыт переосмысления тоталитарного прошлого – важная составная часть формирования демократической культуры.

---

[31] 1 февраля 2011 г. Рабочая группа по исторической памяти при Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека передала Президенту РФ Д. А. Медведеву Общенациональную государственно-общественную программу «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Программа вызвала резкую критику различных политических и общественных сил и вскоре была приостановлена.

О. В. Романько

КРЫМСКО-ТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ГИТЛЕРОМ

Деятельность национальных движений народов Советского Союза в период Второй мировой войны относится к наиболее противоречивым страницам их истории. Борьба со сталинским режимом и стремление любой ценой добиться независимости от России привели националистов к закономерному союзу с гитлеровской Германией. Не было, в данном случае, исключением и крымско-татарское национальное движение, сотрудничество которого с нацистским военно-политическим руководством с 1941 по 1945 г. представляет собой типичный образец такого союза. Одновременно это сотрудничество, как в капле воды отразило все противоречия «восточной политики» Третьего рейха, например по отношению к такому явлению, как коллаборационизм. Наконец, взаимоотношения гитлеровцев с национальным движением крымских татар показательно с точки зрения преемственности использования «исламского фактора» во внешней политике Германии.

В силу многих обстоятельств лидеры крымско-татарского национального движения изначально считали, что добиться независимости Крыма можно только в союзе с Германией. Тем не менее на пути к этой цели их главным врагом был не только сталинский режим и его «длинная рука» на полуострове – советские партизаны. Немецкое противодействие крымско-татарским планам, иногда намеренно, иногда нет, было также значительным. Целый ряд инстанций Третьего рейха претендовал на монополию в «восточной политике», поэтому нацистское военно-политическое руководство так и не выработало четкого плана относительно послевоенного статуса Крыма. В целом, существовало несколько проектов, которые предусматривали или присоединение полуострова к «вассальной Украине», или превращение его в часть «Великой Германии», но со специальным статусом «немецкого Гибралтара». В последнем случае Крым должен был быть полностью очищен от местного населения и заселен немцами из так называемой Транснистрии (румынская оккупационная зона на территории СССР), Тироля и Палестины. Эти планы утверждались и

снова менялись на протяжении всего периода оккупации, но так и не стали реальностью. Но даже в незаконченном состоянии они оказали огромное влияние на положение и развитие крымско-татарского национального движения в годы Второй мировой войны[1].

Крымско-татарское национальное движение начало свою активную деятельность практически сразу, как только на территории полуострова был установлен немецкий оккупационный режим. В конце декабря 1941 г. в Бахчисарае был создан так называемый Мусульманский комитет, который возглавил бывший член крымско-татарской партии «Милли Фирка» («Национальная партия»)[2] Джемиль Абдурешидов. Через несколько дней комитет переехал в Симферополь. По замыслу основателей, эта организация должна была представлять всех крымских татар и руководить всеми сферами их жизни. Организационно Симферопольский мусульманский комитет состоял из восемнадцати человек: президента, двух заместителей и пятнадцати членов, каждый из которых отвечал за определенную сферу деятельности. Члены комитета утверждались начальником полиции безопасности и СД генерального округа «Крым» (с 1942 г. – генерального округа «Таврия»)[3].

---

[1] Романько О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М., 2011. С. 8–25.

[2] «Милли Фирка» образована в июле 1917 г. группой молодых интеллигентов, получивших образование в Турции и Западной Европе. Основатели и члены Центрального комитета партии – Н. Челеби Джихан (Челебиев), Д. Сейдамет, Г. Айваз (редактор центрального органа партии газеты «Миллет»), Х. Чапчакчи, А. Озенбашлы и др. Партия придерживалась национал-демократической идеологии и выступала за построение светского общества. Некоторые члены находились под влиянием идей пантюркизма (Д. Сейдамет). В разные периоды политические цели партии варьировались от «национально-культурной автономии» крымских татар до создания «независимого Крымского ханства». В ноябре–декабре 1917 г. в Бахчисарае по инициативе партии был созван Курултай (конгресс) крымско-татарского народа, который избрал национальное правительство – Директорию. В январе 1918 г., после установления в Крыму советской власти, партия ушла в подполье. После захвата Крыма германскими войсками (весна 1918 г.) часть членов партии пошла на сотрудничество с ними (Д. Сейдамет и др.). Уход оккупантов из Крыма и установление власти пророссийского 2-го Крымского краевого правительства Соломона Крыма означал провал планов части членов партии по созданию на полуострове независимого Крымского ханства. С захватом Крыма Белой армией в партии произошел раскол: левое крыло выступило за поддержку большевиков и Советской России, а правое пошло на сотрудничество с белогвардейцами. После окончательного установления советской власти в Крыму (ноябрь 1920 г.) большинство членов левого крыла партии вступило в Коммунистическую партию, а сама «Милли Фирка» была запрещена. В дальнейшем многие из них подверглись репрессиям (1920-е гг.), другие были осуждены в 1930–1940-х гг. Часть же членов партии перешла с конца 1920-х гг. на нелегальное положение.

[3] РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 12. Л. 87 об.

Несмотря на то, что комитет был создан как крымско-татарская представительная организация, главной причиной, по которой немцы допустили его существование, было полное и безоговорочное участие националистов во всех мероприятиях оккупационных властей, которые те считали необходимыми в данный момент. А именно: борьба с партизанами и обработка в соответствующем духе крымскотатарского населения. Это были общие задачи для руководства комитета. Решением же конкретных вопросов занимались его соответствующие отделы:

- по борьбе с бандитизмом (так оккупанты называли советское партизанское движение);
- по комплектованию добровольческих формирований;
- по оказанию помощи семьям добровольцев;
- пропаганды и агитации;
- религии[4].

В январе–марте 1942 г. подобные комитеты (с подобной же структурой) были созданы в Алуште, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре (совр. Белогорск), Старом Крыму, Судаке и Ялте. Лидеры Симферопольского комитета имели определенные претензии на то, что их организация должна быть центральной и руководящей по отношению к местным комитетам. Однако оккупанты сразу пресекли всю деятельность в этом направлении. Правда, в дальнейшем, в своей повседневной работе провинциальные комитеты неофициально старались руководствоваться указаниями коллег из столицы[5].

Оккупационная администрация наложила строжайший запрет на какую-либо политическую активность мусульманских комитетов. Однако лидеры крымско-татарских националистов не оставляли надежды получить более широкие полномочия. Эта борьба за расширение полномочий имела два этапа, которые по месту действия можно условно назвать «крымским» и «немецким». Первый этап продолжался до апреля–мая 1944 г. Лето 1944 – весна 1945 г. – период борьбы за политические права за пределами Крыма.

В апреле 1942 г. Джемиль Абдурешидов, Ильми Керменчиклы, Гжик Аппаз и др. разработали новый устав и программу деятельности Симферопольского комитета, которые предусматривали в конечном счете создание Крымско-татарского государства под протекторатом Германии. Документы были поданы на рассмотрение в Министерство по делам оккупированных восточных областей (Восточное ми-

[4] Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (далее – BArch). RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/713, Statuten des Tatarischen Komitees Simferopol. S. 1–3.

[5] Романько О. В. Указ. соч. С. 137–138.

нистерство), тем не менее их утверждение не состоялось. После этого лидеры национального движения крымских татар разделились на две группировки: коллаборационистов, роль которых свелась к обычному пособничеству оккупантам, и сторонников так называемой третьей силы, считавших отныне своим врагом не только сталинизм, но и гитлеризм. Первых возглавил Абдурешидов[6].

Деятельность их оппонентов связана с именем одного из лидеров крымско-татарского национального движения 1917–1920 гг. Амета Озенбашлы. Свои взгляды на программу сотрудничества с Германией он изложил в меморандуме, написанном в ноябре 1942 г. Несмотря на то, что этот документ был даже более умеренным, чем предыдущий, оккупационные власти не послали его в Берлин. После этого борьба между группировками национального движения продолжалась с переменным успехом еще год. В ноябре 1943 г. сторонники «третьей силы» потерпели поражение, а Озенбашлы, опасаясь репрессий, выехал в Румынию, где в 1947 г. был задержан советскими спецслужбами[7].

После отъезда Озенбашлы мусульманские комитеты прекратили вмешиваться в политику и стали заниматься исключительно хозяйственными и благотворительными вопросами. Последние же два месяца перед освобождением Крыма большинство из них вообще не функционировало. Даже Симферопольский комитет состоял к марту 1944 г. фактически только из одного человека – председателя Абдурешидова. Хотя в комитете числилось еще одиннадцать членов, ни один из них участия в работе не принимал. По донесениям советских разведчиков на тот момент в Крыму уже не было таких лидеров, которые бы пользовались авторитетом среди крымских татар[8].

В январе 1944 г. командующий войсками Вермахта в Крыму генерал-полковник Эрвин Йенеке приказал начать подготовку к созданию на полуострове «местного земельного правительства» (Landesregierung), которое должно было функционировать при общем надзоре оккупационной администрации. По замыслу немецкого генерала в него следовало включить лучших представителей трех основных этнических групп, населяющих Крым – крымских татар, русских и украинцев, главным образом – из числа сотрудников органов местного самоуправления или членов соответствующих нацио-

---

[6] Государственный архив в Автономной Республике Крым. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 41. Л. 15.

[7] Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtung der Jahre 1917–1918. Emsdetten, 1952. S. 315.

[8] Романько О. В. Указ. соч. С. 149.

нальных комитетов. В дальнейшем в компетенцию данного правительства планировалось передать:

- руководство (только административное, но не политическое) органами гражданской власти, а также командование частями вспомогательной полиции;
- все вопросы, касающиеся религии и просвещения;
- благотворительность и судопроизводство.

На что в условиях полного окружения полуострова надеялся Йенеке, понять сложно. Скорее всего, пропаганды в этом приказе было больше, чем реального отражения сложившейся ситуации. Тем не менее к марту 1944 г. вся местная администрация была, в основном, переформатирована согласно этому плану. Известно, что «земельное правительство» так и не приступило к работе – в апреле–мае 1944 г. Крым был полностью освобожден частями Красной армии. Пронацистские структуры прекратили свое существование, а некоторым из их сотрудников даже удалось эвакуироваться с отступающими немецкими войсками[9].

Лето 1944 – весна 1945 г. – второй этап деятельности крымскотатарского национального движения и его борьбы за политические права. Этот этап прочно связан с именем Эдиге Кырымаля – эмигранта из СССР, который с 1932 г. проживал в Турции. В декабре 1941 г. он и другой эмигрант – Мустеджиб Улькюсаль – при поддержке немецкого посла в Турции Франца фон Папена прибыли в Берлин, где попытались вступить в переговоры с представителями нацистского политического руководства. В ходе встреч они высказали пожелание получить гарантии относительно будущей независимости Крыма и попросили допустить их в лагеря военнопленных, где содержались крымские татары. Разговоры о независимости Крыма немцы оставили без комментариев. В просьбе же посетить лагеря они, сославшись на карантин, отказали. Такое отношение со стороны руководства Третьего рейха к крымско-татарским эмигрантам можно объяснить следующим образом. В тот момент центром национального движения был Крым, и там находились организации, которые действительно имели авторитет у народа. Кырымаль и Улькюсаль же выступали по личной инициативе, без поддержки какой-либо серьезной силы. Наконец, известно, что нацисты крайне негативно относились к попыткам эмигрантов любой национальности проникнуть на оккупированные советские территории[10].

---

[9] BArch. RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/257. Bl. 108–110rs.

[10] Mühlen P. von zur. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1971. S. 123.

Тем не менее поездка Кырымаля и его спутника в Берлин имела определенные результаты. Им удалось остаться в Германии и заложить там основы для будущего крымско-татарского представительства, которое, со временем, станет центром национального движения. Весной 1942 г. с Кырымалем работало уже 12 человек. А в июле 1942 г. глава гражданской оккупационной администрации на Крымском полуострове генеральный комиссар Альфред Фрауэнфельд уведомил его, что правительство Германии признает этот берлинский «штаб, в качестве полномочного представительства крымских татар», но только в сфере экономических и гуманитарных проблем[11].

В ноябре 1942 г. Кырымаль, наконец, получил разрешение приехать в Крым. Целью его визита была встреча с представителями местной крымско-татарской общественности и установление прочной связи между двумя ветвями национального движения – в Германии и на родине. 16 декабря берлинская делегация провела совместное заседание с членами Симферопольского мусульманского комитета. Кырымаль проинформировал местный актив о работе своего представительства. Крымские националисты полностью одобрили деятельность берлинских националистов и признали их руководящую роль. После чего Кырымаль и его спутник Абдул-Халим Балич были избраны в состав комитета[12].

В январе 1943 г. Восточное министерство признало штаб Кырымаля единственным представителем крымско-татарского народа, после чего он стал официально именоваться Крымско-татарским национальным центром. Однако это еще не было полным признанием его самостоятельного политического статуса. В ноябре 1943 г. в составе Восточного министерства был создан крымско-татарский отдел, который должен был давать указания Кырымалю и его сотрудникам. Весной 1944 г. эта организация принимала активное участие в спасении членов крымских мусульманских комитетов. В целом, удалось эвакуировать 60 человек. Еще около 2 тыс. (в основном, бойцы полицейских формирований) были вывезены морем после начала боев за Крым[13].

Осенью 1944 г. Кырымаль остался единственным лидером крымско-татарского национального движения, которого признавала Гер-

---

[11] Ibid. S. 124.

[12] BArch. RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/713; Major Gesandter von Hentig an den Oberbefehlshaber der Krim General Mattenklodt. Berlin, den 5. November 1942. Bl. 1–2.

[13] BArch. RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/713, Befehlshaber Krim, Abt. VII, Tgb. Nr. 240/43, St. Qu., den 1. April 1943, Betr. “Besuch der tatarischen Emigranten Kirimal und Balitsch”. Bl. 1.

мания. Однако фактически он уже никого не представлял. Крым стал снова советским, а численность крымско-татарских военнослужащих в Вермахте и войсках СС и «восточных работников» на территории Германии измерялась несколькими тысячами. Тем не менее даже в таких условиях, ключевым пунктом программы Кырымаля было достижение независимости Крыма. Эта позиция привела его в ноябре 1944 г. к конфликту с движением генерала Андрея Власова, т. к. Крымско-татарский национальный центр отказался присоединяться к Комитету освобождения народов России[14].

Кырымал активно пропагандировал идею «тюркского единства». Крымские татары должны были не только получить независимость, но и почувствовать себя частицей «единого тюркского мира». С этими идеями он неоднократно выступал на страницах газеты «Kirim», первый номер которой вышел в Берлине 25 ноября 1944 г. Также Кырымаль и его организация оказывал активную помощь при создании боевой группы «Крым» Восточно-тюркского соединения войск СС. Эта помощь заключалась главным образом в подготовке офицерских кадров[15].

17 марта 1945 г. правительство Германии выступило с официальным заявлением, в котором Крымско-татарский национальный центр признавался «единственным представителем крымско-татарского народа». Его председателем оставался Кырымаль, однако состав центра полностью обновлялся. Новый центр начал свою деятельность в апреле 1945 г. Первым его шагом стало заявление о том, что его главной политической целью является борьба за национальное и политическое освобождение крымских татар. Однако в условиях военного поражения Германии это событие не имело никаких последствий[16].

* * *

Крымско-татарское национальное движение в годы Второй мировой войны нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, оно было типичным проявлением коллаборационизма. С другой – продолжением борьбы крымских татар за независимость, но в новых условиях. Советская пропаганда утверждала, что подобные движения не пользовались народной поддержкой, а их организации имели сервильный характер по отношению к оккупационному режиму. В ряде случаев

---

[14] BArch. MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung). MSg 149/7. Bl. 131.

[15] Там же. RS 3–39. Ostmuselmanische SS–Division. RS 3–39/1, Den persönlichen Bestand der Redaktionen der Zeitung die „Krim". Bl. 1.

[16] Kirimal E. Op. cit. S. 322.

так было и с крымско-татарским национальным движением, особенно после осени 1943 г.

Тем не менее нельзя отрицать, что до этого периода, например, деятельность мусульманских комитетов имела поддержку значительного количества взрослого татарского населения Крыма, благодаря чему оккупантам удалось завербовать в полицейские и военные формирования около 17 тыс. человек, и фактически поставить на грань уничтожения советское партизанское движение. Только коренной перелом на Восточном фронте и общее разочарование нацистской политикой привели к тому, что крымские татары опять стали поддерживать советскую власть.

Вся история взаимоотношений нацистского военно-политического руководства с национальным движением крымских татар свидетельствует о том, что оно не рассматривало их как равноправного союзника. И мусульманские комитеты на территории полуострова, и Крымско-татарский национальный центр на территории Германии были необходимы немцам, прежде всего, как инструмент оккупации и пропаганды, при помощи которого они собирались влиять на основную массу татарского (и нетатарского) населения. Сделав крымско-татарских националистов, в целом, опорой своего режима, нацисты противопоставили крымских татар остальным этническим группам, что не могло не отразиться в будущем на всей системе межнациональных отношений в Крыму. Естественно, что в такой ситуации все надежды лидеров крымско-татарского национального движения на создание независимого государства и таких его неотъемлемых атрибутов, как парламент, правительство, армия и т. д. оказались напрасными, а их деятельность стала оправданием для депортации крымских татар сталинским режимом.

К. Ю. Галушко

СЛИЯНИЕ И РАСТВОРЕНИЕ: ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ УЧЕБНОЙ КАРТОГРАФИИ (1928–1958 гг.)[1]

В контексте заявленной темы обращается внимание, прежде всего, на массовую учебную картографическую продукцию, которая воплощает политические, идеологические и исторические воззрения в СССР периода середины 1920 – середины 1950-х гг. Объектом анализа является характер и процесс изменений в отображении этнических объектов (народов, этнических групп, этнических ареалов) на исторических учебных картах – имевших сравнительно массовое распространение, т. е. относительно широкого потребителя визуальной продукции. Более широкие контексты этой проблематики рассматривались в работах Г. Орловой[2], но в данной статье обратимся к более специальному аспекту: отображению этнических объектов на фоне ретроспективы издания учебной исторической картографической продукции.

Революционные события и дальнейшие пертурбации с советской системой образования вновь сделали актуальным интерес к учебным историческим картам лишь в середине 1920-х гг., когда российская историография пережила заметные теоретико-методологические сдвиги. Первой попыткой предоставить новое советское видение прошлого в учебной картографической литературе стал «Русский исторический атлас» М. Кудряшова, изданный в 1928 г. (18 лито-

[1] Исследование осуществлялось при поддержке Канадского института украинских исследований.

[2] Орлова Г. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Уроки истории. XX век. URL: http://www.urokiistorii.ru/2010/20/karty-dlya-slepykh; Ее же. Советская картография в сталинскую эпоху: детская версия // Неприкосновенный запас. 2008. № 2 (58). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/or7.html; Ее же. «Заочное путешествие»: управление географическим воображением в сталинскую эпоху // Новое литературное обозрение. 2009. № 100; Ее же. Овладеть пространством: физическая география в советской школе (1930–1960 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 4. С. 163–185.

графских таблиц, 58 карт)[3]. С точки зрения развития российской исторической картографии мы можем оценивать этот атлас как этапную и фундаментальную работу, которая, впрочем, осталась малоизвестной и мало чем повлияла на общественные представления о прошлом. Прежде всего, он не мог стать доступным большому количеству учебных заведений или учащихся / студентов из-за малого тиража и «чрезмерного» (как для массового учебного издания) полиграфического качества и, соответственно, стоимости. И самое главное, способы внедрения в учебный процесс и распространение этой работы не были как-либо спланированы и определены. Поэтому атлас можно отнести к изданиям, которые имели учебную направленность, но не получили никакой обязательности в использовании. Атлас Кудряшова по сути остался академическим изданием. Причиной дальнейшего его «забвения» можно небезосновательно считать то, что он вышел под редакцией и с предисловием М. Покровского, и поэтому в конце разделил печальную судьбу его исторической школы.

Из предисловия и общего содержания атласа можно сделать вывод, что действительно, по сравнению с дореволюционными атласами здесь доминируют социально-экономические и колонизационные процессы, и каждый период истории России подается по возможности именно в подобном ключе. Военные конфликты и территориальные изменения фигурируют, но имеют отчетливо второстепенное значение. Это заметно даже по крайне слабой «насыщенности» цветов и линий политических границ.

Другим интересным аспектом содержания атласа является его действительно «национальный» русский характер, поскольку в нем полностью отсутствуют какие-либо сюжеты, связанные с «национальным вопросом» – вплоть до отсутствия имеющейся в дореволюционных атласах какой-то этнографической карты России, не говоря уже о национальных движения (революционные представлены).

Топонимы, ставшие впоследствии основой для национальных республик СССР – Белоруссия и Украина – фигурируют только на картах «Московское государство в эпоху Опричнины и к. XVI в.» и «Народные движения в Московском государстве и Польше в XVII в.» Уже на следующей карте «Россия XVIII в. Территориальные присоединения» топонимы «Белоруссия» и «Украина» исчезают. Вообще существование топонима «Украина» на исторических картах лишь в промежуток XVI–XVII вв. весьма характерен и выглядит вполне производным от российской дореволюционной традиции и исторической картографии XIX в. По мере вхождения в состав Российско-

[3] Кудряшов М. Русский исторический атлас / под ред. М. Покровского. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.

го государства своеобразные историко-культурные регионы (страны, политии с автономными статусом – как Войско Запорожское («Украина») или Курляндия), даже такие, которые имели собственную длительную государственность (например, Литва), перестают указываться, или заменяясь губернским делением, или исчезая. Эта закономерность сохранится и в дальнейшем.

Теперь имеет смысл уточнить имеющиеся факты составления исторических карт в это проблемное для историографии время. Идеологически-пропагандистская функция «социальной» картографии в этот период (как собственно и на протяжении всей советской эпохи) доминировала над информативной, т. е. дидактическая роль априори преобладала над познавательной. Поэтому можно видеть в области исторической картографии «периоды для отображения» более идеологически «безопасные» и «опасные» – недавнее прошлое, непосредственно актуальное для современности, что ощутимо уже в атласе М. Кудряшова.

Впрочем, марксистская картография этого времени подарила настоящий шедевр в области пропагандистской картографии – правда, произошло это не в СССР. Именно в это время был издан в Берлине и Вене «Атлас рабочего движения, экономической политики и империализма» венгерского коммуниста, картографа и советского агента Алекса (Шандора) Радо (1930 г.)[4]. Он давал такое визуальное воплощение новейшей истории, которое для поклонника географии, истории, политики и экономики (особенно – с эстетическим вкусом) могло стать толчком для мировоззренческих переоценок. Не зря это эстетически изысканное произведение графики и историки искусства называют «визуальной демагогией»[5].

Однако пока что советские картографы не могли себе такое позволить. Хотя некоторые попытки были, – возможно, и не слишком широко известные. Например, настенная карта «Царская Россия – тюрьма народов», изданная Парткабинетом Горьковского обкома ВКП(б) в 1936 г.[6] Парткабинет в данном случае опирался на материалы «Института ИЗОСТАТ, альбом диаграмм, карт, картограмм и схем к учению Ленина об империализме, 1936». Дизайн этого пропагандистского картографического произведения крайне напоминает дизайн атласа Ш. Радо, только здесь «национальный вопрос» вместо

[4] Rado A. Atlas fur Politik Wirtschaft Arbeiterbewegung; I der Imperialismus. Wien; Berlin: Verlag fur Literatur und Politik. 1930.

[5] Schneider U. Die Macht der Karten. Sonderausgabe: Eine Geschichte der Kartographie vom Mittelalter bis heute. Wien, 2008. P. 285.

[6] Царская Россия – тюрьма народов: Карта. Горький, 1936. Фонды Зала картографии Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (ЗК НБУВ).

европейского колониализма, изысканно нарисованного Ш. Радо, перенесен на карту Российской империи и ее экспансионистских посягательств перед 1914 г. в Евразии. Нас эта карта интересует как в контексте имеющихся мощных пропагандистских визуальных аргументов, так и с точки зрения национального вопроса. На ней в легенде выделены «районы преобладания великорусской национальности», «угнетенные национальности в царской России», «фактические колонии царской России, не входившие в состав империи», «сферы преимущественного влияния царского империализма», «объекты захватнических посягательств». Соответственно «украинцы» обозначены и отнесены должной штриховкой к «угнетенным национальностям», к которым причислены все национальности, кроме великороссов. Однако мы не можем считать эту карту проявлением каких-то тенденций в учебной исторической картографии СССР середины 1930-х гг., а, скорее, творческими выходками сотрудников московского Института изобразительной статистики советского строительства и хозяйства, существовавшего в 1931–1937 гг. (до новой переписи, которая сделала советскую демографическую статистику фикцией). Этот институт использовал идеи «изобразительного языка» ISOTYPE, изобретенного и внедряемого австрийским философом-марксистом и художником Отто Нейратом. К картографии «в узком смысле» мы эту концепцию отнести не можем, но к «информационной графике» и «визуальному языку» – вполне. Впрочем, топографическая основа графического произведения делает его одновременно и картографическим, и художественным актом визуального творчества[7].

В учебных картографических изданиях вне учебников основной стандарт актуальных политических карт (просуществовавший до 1991 г.) был создан в 1930 г., когда вышел «Малый географический атлас», рекомендованный Институтом методов школьной работы[8]. В последующих переизданиях он получил название «Малый атлас мира», и с начала 1950-х гг. переиздавался ежегодно. Учебники по географии в переиздании имели цикл не менее 5 лет, а МАМ был явно оперативнее. Соответственно, специализация картографической продукции позволила потенциально с 1930 г. выделить вне политической географии отдельное историческое направление, но только как отдельные карты, пока без формата атласа. Предпочтение по целому ряду причин отдавалось настенным картам. (Общие характеристики

[7] Кащеева Е. В. Отто Нейрат и Герд Арнц – прародители современной информационной графики // Молодой ученый. 2013. № 6. С. 764–766.

[8] Малый географический атлас. М.; Л., 1930.

и обстоятельства производства учебных карт 1930-х гг. проанализированы в статье Г. Орловой[9].)

Очевидная подвижка произошла в 1938 г., когда вышла серия настенных школьных исторических карт, которые были новым произведением, но фактически дублировали комплект и визуальное содержание нескольких дореволюционных учебных карт по истории России – теперь от «Древнерусского государства в 10–11 вв.» до «Расширение Российского государства в XVII–XVIII вв.»[10] «Расширение» по царствованиям было заменено «расширением» согласно нескольким хронологическим периодам. Характерно, что максимальное «расширение» Российского государства в XIX в. с вхождением Польши, завоеванием Кавказа и Центральной Азии не стало предметом отдельной учебной карты. Возможно, что территориальное расширение в противоречивой и длительной борьбе с «традиционными» историческими соперниками, такими как Речь Посполитая, Швеция или Османская империя, казалось более достойным визуальной репрезентации, чем овладение территориями, где у Российской империи не было достойного по мощности геополитического конкурента.

За пределами учебного направления социально-экономический характер общегеографических карт регионов, иностранных государств, административных регионов, национальных республик и исторических социально-политических карт недавнего исторического периода (того самого революционного движения в России) стал на конец 1920-х гг. доминирующим. Основным общественно значимым полем для распространения такой продукции стали новые справочные советские издания, прежде «Большая советская энциклопедия», издававшаяся с 1926 г., ее каждый том содержал 8–10 цветных карт, не считая двух десятков черно-белых картосхем. Однако исторические в их числе представляли собой скорее исключения, и изображали они, соответственно, события до 1914 г. Поэтому очевидной лакуной в качестве «исторической карты» осталась, например, Гражданская война, – однако карты из соответствующей статьи БСЭ[11] свидетельствуют, что как «историческое событие» этот конфликт еще не получил законченного визуального определения, оставаясь объектом актуального военно-стратегического и политического анализа, – это просто пока выводило ее за пределы определенного «жанра», т. е. за пределы прошлого/истории.

---

[9] Орлова Г. Советская картография в сталинскую эпоху...

[10] Древнерусское государство в IX–X вв. Настенная школьная учебная карта. М., 1938 и др. (Фонды ЗК НБУВ).

[11] Гражданская война в России // Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 18. М., 1930. Вклейка.

В 1948 г. наконец выходит «Атлас истории СССР для средних школ» под редакцией К. В. Базилевича, И. А. Голубцова, М. А. Зиновьева (I и II части – период до 1917)[12]. К. Базилевич (1892–1950) на тот момент был старшим научным сотрудником Института истории АН СССР и профессором Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Узкие интересы историка концентрировались на истории России XVII в. Одновременно он участвовал в написании учебников по истории СССР для средней и высшей школ, имел собственный «Курс лекций по истории СССР до конца XVII в.»[13] Карты из этого атласа стали привычными образами прошлого СССР на следующие сорок лет. Большая часть из них не подвергалась существенным изменениям, кроме некоторых систематических исключений, на которые мы и обратим внимание ниже[14].

Теперь стоит выйти из хронологического периода К. Базилевича в III часть «Атласа». Рассмотрим изменения в характере визуализации событий и их индоктринации, например, относительно периода Гражданской войны. Карты этого периода размещены в III части «Атласа», изданной под редакцией академика А. М. Панкратовой, которая была также редактором учебника К. Базилевича, С. Бахрушина и А. Фохта по истории СССР для 10 класса[15]. Характер индоктринации учебных карт определяется, во-первых, самим их наличием или отсутствием (некоторые темы, а соответственно и отдельные карты исчезают в последующих редакциях), информационной насыщенностью – количеством условных обозначений и показанных объектов, формулировками легенды и пространственным охватом. Карты, показывающие отдельные советские республики, не используются, а сами республики на картах войны вообще подписываются только в редакции 1958 г., но и тогда их пределы не обозначаются до карты «Образование Союза ССР. 1922». Если, начиная с начальных редакций таких карт, – из «Большого советского атласа мира» (1939–1940)[16] и «Атла-

[12] Атлас истории СССР для средних школ. М., 1948. Ч. 1–2.

[13] Базилевич К. В. История СССР. От древнейших времен до конца XVII века. 1950; Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Фохт А. История СССР: Учебник для 10 класса средней школы / под ред. М. Панкратовой. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1954.

[14] Изменения, внесенные при последующих редакциях атласа (1958, 1966–1967, 1990) выходят за хронолические рамки данной статьи, и будут проанализированы в другой работе.

[15] Атлас истории СССР для средней школы / под ред. А. М. Панкратовой, И. А. Голубцова, А. В. Фохт. М., 1948. Ч. 3.

[16] Большой советский атлас мира. М.: ГУГК при СНК СССР, 1940. С. 134–143.

са офицера» (1947)[17] – Гражданская война подавалась как арена действий выдающихся персоналий и обилием врагов советской власти, то в редакции для атласа 1948 г. количество героев и врагов сокращается. Арена действий Гражданской войны – это сплошное пространство бывшей Российской империи, которое просто занимает Красная армия. Национальный фактор по возможности игнорируется.

Теперь стоит вернуться к более ранним хронологическим периодам – I и II частям атласа, которые при последующем переходе к десятилетней школе станут атласами для 7–8 классов. В контексте анализа формирования стандартов советской картографической визуализации прошлого стоит сравнить карты из атласа К. Базилевича для школ 1948 г. и комплект карт университетского учебника для исторических факультетов «История СССР» под редакцией Б. Грекова, С. Бахрушина (также соавтора К. Базилевича по школьному учебнику), В. Лебедева того же 1948 г.[18] Несмотря на схожесть карт в обоих изданиях, они содержат и достаточно много познавательных различий на самих картах и в легенде. Весомой является сама тональность изложения этих довольно лапидарных (в силу жанра) сообщений. Если в издании Б. Грекова территориальные потери Московского государства XVII в. нейтрально обозначены как «территории отошедшие [к кому-то]», то у К. Базилевича – это более эмоционально окрашенные «русские земли, отошедшие». Относительно Украины различие также красноречиво и требует небольшой расшифровки процесса действий составителей. У Б. Грекова есть «Украинские и Запорожские земли, отошедшие к Москве по Андрусовскому договору 1667 и “вечному миру” 1686 г.»; у К. Базилевича – «Русские, украинские и белорусские земли, возвращенные Русскому государству по...»

Этот, на первый взгляд, незначительный нюанс для нас является идеологически интересным и красноречивым по формированию стереотипов видения прошлого. Этот подход будет присущ атласам для школ и в дальнейшем, и поэтому мы обращаем внимание на определенную логическую цепочку «переназывания» статуса территорий в легенде. Наблюдать процедуру сознательного или бессознательного манипулирования – всегда интересно. У Грекова есть «территория, отошедшая к Польше по Деулинскому перемирию 1618 и возвращенная Москве по Андрусовскому договору 1667». Здесь логика в «утрате – возвращении» понятна и вполне соответствует действительно-

[17] Атлас офицера. М.: Военно-Топографическое Управление Генерального Штаба, 1947.

[18] Греков Б. Д., Бахрушин С. В., Лебедев В. И. История СССР. М.: Госполитиздат, 1948 Т. 1 (приложения).

сти. Но у Базилевича на карте того же периода появляется отдельное обозначение «Русские земли, отошедшие к Польше по Деулинскому миру 1618», далее идет «Территория, возвращенная Русскому государству по Поляновскому миру 1634 (...)», а затем уже «прыжок» – «Русские, украинские и белорусские земли, возвращенные Русскому государству» по Андрусовскому перемирию и «вечному миру». Хотя здесь, как бы сказали сегодня, уже «политкорректно» указаны не только «русские» земли, но без уточнения причин предыдущего вхождения «украинских и белорусских» земель в состав Речи Посполитой, отчего возникает впечатление, что все они были прежде утрачены Российским государством, – но в реальности это касается только земель, утраченных по упомянутому Деулинскому перемирию; Левобережная Украина и Запорожье у нас никак не могут относиться к «прежде утраченным», а соответственно и не могут считаться «возвращенными». Время самой «потери» соответственно остается неясным. Вроде нюанс и незначительный, но правовой статус Гетманщины (которая в обоих этих комплектах карт Российского государства никак не показывается) и Запорожья (которое любят подписывать, но не упоминать в легенде) приобретает вполне эмоциональные черты – как некогда утраченные русские земли. Поскольку этот пункт легенды в школьных атласах не претерпел изменений до 1991 г., он сыграл большую роль в формировании стереотипных представлений советских школьников об исторической судьбе украинских земель, – как утраченных Россией и справедливо возвращенных.

Отметим отдельно, что в отличие от дореволюционных атласов, этнографической карты Российской империи или СССР в серии исторических карт по истории СССР нет. Этнические группы (народы), которые впоследствии войдут в состав Российского государства, указываются на картах лишь пока не «войдут» или же в процессе «вхождения», например, башкиры или украинцы. Продержаться на картах дольше было возможно в обстоятельствах длительного вхождения (частями) – например, опять же украинцы или белорусы. Те же, кто имел государственность в определенный промежуток времени, не указываются вообще как этноним.

Подытоживая анализ советских учебных исторических карт сталинского периода, мы можем говорить о том, что они, бесспорно, ощутили на себе те же идеологические и политические изменения, которые касались историографии советской эпохи вообще. Изменения полиграфических технологий и научных знаний делали их, бесспорно, информативнее карт дореволюционных времен, но процесс и обстоятельства их составления были противоречивыми. Если периоду 1917 – середины 1930-х гг. свойственна вообще пауза в издании такой продукции (за исключением атласа М. Кудряшова), то конец 1930 – конец 1940-х гг. мы можем назвать временем восста-

новления картографических изданий, посвященных «идеологически безопасным» историческим периодам (до XIX в.), и создания основы для карт исторических событий XX в. Наиболее проблемной была визуализация событий революции и Гражданской войны, на оценке которых мощно сказывался идеологический пропагандистский фактор. Иллюзии историков-марксистов, в частности М. Покровского, что социально-экономический (точнее – народно-хозяйственный) характер содержания карт станет альфой и омегой советских исторических карт в итоге не оправдались. Критикуемый им политический подход все же будет впоследствии доминировать, и территориальные «приобретения» Российского государства с новыми названиями и мотивациями все же вернут себе видное место в картографировании исторического процесса. В общем, несмотря на все сложности, некая общая канва способа визуализации событий древней и недавней истории сформировалась и фактически не изменялась до 1991 г. Учебные атласы по истории СССР, издававшиеся с 1948 г., визуально подавали прошлое СССР как прошлое, прежде всего, России и Российского государства, и несмотря на наличие исторических карт «национальных окраин», общий ход исторического процесса приводил их в атласе к вхождению в состав России, после чего они растворялись и в ее истории, и на карте, становясь необозначенными визуальными составляющими или великой державы, или ее определенных широких регионов (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). Это касалось как нерусских этнических групп, так и их государственных образований. Понимание их прошлого через визуальную информацию исторической карты безальтернативно приводило их в контекст русской истории как на конечную остановку маршрута. Относительно восточных славян подобное визуальное манипулирование осуществлялось через избегание создания между ними визуальных границ, формирование единого этнического массива «русских, украинских и белорусских земель», которые входят в состав Российского государства через «присоединение», «возврат» или «борьбу за... с кем-то другим». Условные обозначения и текстовая легенда формировали «исторический сюжет карты» с причинами, следствиями и дидактическим смыслом того, что произошло. Вполне характерными для этого являются сюжеты, связанные с вхождением украинских земель в состав Российского государства или СССР.

Д. Бранденбергер

СТАЛИНСКИЙ ОТВЕТ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ЗАГАДОЧНОЕ МОЛЧАНИЕ «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)» О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПОСЛЕ 1938 г.

Национальный вопрос и национальная политика в 1920-х гг. играли ключевую роль в большевистской пропаганде и в системе партобразования. Партийная пропаганда изображала Октябрьскую революцию не только как освободительницу пролетариата, но и как освободительницу всех угнетенных народов царской России. Большевистские лозунги по национальному вопросу опирались на так называемый национальный коммунизм и коренизацию в нерусских республиках, областях и районах СССР.

После того, как партийное руководство отошло от политики «национального коммунизма» и открытой коренизации в начале 1930-х гг., официальная мобилизационная пропаганда по национальному вопросу переориентировалась на государственное и партийное строительство в республиках и культурные достижения нерусских народов при советской власти. Лозунги о «дружбе народов» и об интернационалистическом характере советского патриотизма регулярно сопровождались сообщениями о перегибах национальной политики в союзных республиках, которые рассматривались как «буржуазно-националистическое вредительство».

Большой переворот в области партпросвещения произошел осенью 1938 г., когда были внезапно сняты с повестки дня достижения национальной политики. Одновременно исчезли и громкие разоблачения буржуазных националистов в республиках. После 1938 г. остались лишь казенные, «штампованные» сообщения в печати о «дружбе народов» и культурных мероприятиях нерусских национальностей. Эти изменения в системе партобразования совпадают с выходом в свет учебника «История ВКП(б): Краткий курс». И, по всей видимости, это не случайно. Настоящая статья объясняет это совпадение.

Хорошо известно, что решение о создании «Краткого курса» было принято особой резолюцией Политбюро ЦК ВКП(б) 15 апреля 1937 г. после того, как И. В. Сталин выразил свое недовольство

уровнем партийного образования в целом и в частности учебниками истории. Историкам В. Г. Кнорину, Ем. Ярославскому и П. Н. Поспелову было поручено подготовить новые учебники по истории партии для высших курсов партпросвещения. После ареста Кнорина, Ярославский и Поспелов сосредоточились на написании единого труда по истории партии. Им пришлось его переделывать коренным образом 4 раза перед тем как Сталин принял его на утверждение в конце апреля 1938 г.[1]

Учебник, представленный Ярославским и Поспеловым, трактовал национальный вопрос как одно из главных достижений большевиков. Авторы заявили, что позиция большевиков по этому вопросу в дореволюционный период обеспечила им поддержку в нерусских регионах. Это, в свою очередь, определило утверждение советской власти в 1917–1921 гг. После 1921 г. советское партийное и государственное строительство ориентировалось на защиту национальных интересов в такой же степени, как классовых. Эту национально-освободительную линию Ярославский и Поспелов успешно совместили с предупреждением об опасности буржуазных националистов в союзных республиках[2].

Никакие из тезисов Ярославского и Поспелова не были особенно оригинальны, т. к. авторы должны были выразить ту трактовку национального вопроса, которая давно утвердилась в прессе и массовой культуре. Однако Сталин, начавший читать работу в мае 1938 г., выразил неудовольствие целым рядом тезисов в «Кратком курсе» и решил непременно переписать учебник лично в течение лета[3]. В частности, он отказался от более ранней трактовки национального вопроса и фактически удалил этот устоявшийся приоритет из канона партийной истории.

Что же заставило Сталина совершить такой радикальный поворот в области партпросвещения в то время, как пресса и массовая культура продолжали обращать внимание на национальный вопрос? Почему он высказался против темы, которая долгие годы использовалась для восхваления революции и превосходства страны над противниками

---

[1] О подробностях процесса составления «Краткого курса истории ВКП(б)» см.: Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1927–1941. New Haven: Yale University Press, 2011. С. 142–154, 198–210. Данная глава базирована на развернутом исследовании, которое готовится к печати в журнале «Slavic Review» совместно с М. В. Зеленовым.

[2] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 383.

[3] Сталин также переписал тексты по другим темам, например, по участию в революции и социалистическом строительстве рядовых рабочих и крестьян, местных партийных организации, Комсомола, Коминтерна. Он также переписал нарратив о борьбе с оппозицией и ежовщине.

за рубежом? Почему «Краткий курс» как новый партийный канон отказался от лозунгов, считавшихся основами советского строя?[4]

Некоторые исправления Сталина в «Кратком курсе» по национальному вопросу, наверное, диктовались обычными редакторскими правилами. Когда Сталин рассказывал Ярославскому, Поспелову и другим членам его окружения об изменениях, внесенных в «Краткий курс» в августе 1938 г., он объяснил, что текст был слишком длинный, переполненный деталями и не выдвигал на первый план марксистско-ленинский подход к партийной истории[5]. Видимо, Сталин считал, что вычеркнутые и исправленные им части текста превратят учебник в систематизированный, теоретически выверенный нарратив.

Стоит добавить, что Сталин лукавил, когда объявил, что прототипу «Краткого курса» не доставало теоретической «красной нити». Несколько месяцев раньше, в марте 1938 г., Сталин сам поручил Ярославскому и Поспелову представить в «Кратком курсе» борьбу партии с оппозицией как главную тему в истории партии[6]. Теперь Сталин пересмотрел свой взгляд на этот вопрос и убрал большую часть материалов о вездесущем заговоре оппозиционеров. В данном случае уместно отметить, что Сталин удалил примерно одинаковое количество комментариев как относительно буржуазного национализма в республиках, так и относительно правой и левой оппозиции в основной партийной организации.

Одновременно с ослаблением внимания к борьбе с оппозицией, Сталин попытался переориентировать повествование в «Кратком курсе» на историю центрального партийного аппарата[7]. Это решение было предсказуемо, так как ежовщина нанесла такой серьезный

---

[4] Значение изменений по национальному вопросу в «Кратком курсе» видны в партийных решениях и дополнительных учебных материалах по партийной истории, где тема практически отсутствует. См., напр., Резолюцию ЦК от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» // Правда. 15 ноября 1938. С. 1–2; Материал к VII главе «Краткого курса истории ВКП(б)» (В помощь изучающим историю ВКП(б)). Воронеж: Воронежское обл. кн. изд-во, 1939.

[5] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1219. Л. 36–37.

[6] Анализ здесь базируется на детальном сравнении прототипа «Краткого курса ВКП(б)» (так называемого 4-го варианта Ярославского и Поспелова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 383)) с опубликованным текстом учебника (История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1938).

[7] Стоит сказать, что изменения, внесенные в текст, улучшили его лишь относительно. У Сталина не было исторического образования, поэтому в итоге получился примитивный нарратив, такой же безжизненный и схематичный, как и тот, который был в обращении в 1920-х гг. См.: Brandenberger. Propaganda State in Crisis. P. 205–206; и др.

удар по партийным кадрам, что построение традиционного нарратива вокруг известных партийных героев и конкретных партийных организаций стало невозможным. Примечательно, что данная перестройка партийной истории значительно уменьшила не только участие видных партийных деятелей в повествовании, но и роль самого Сталина в историческом процессе. В отношении национального вопроса, данная перестройка исключила много деталей об участии нерусских народов и парторганизаций в революции и советском строительстве.

Однако, если такие содержательные изменения более или менее случайно нанесли серьезный удар по национальному вопросу, то другие исправления носили явно целенаправленный характер. Это видно при анализе изъятых Сталиным материалов (например, о «дружбе народов» или о государственном строительстве в республиках), которые прекрасно сочетались бы с его учениями в «Кратком курсе» о единстве советского народа и строительстве социализма в отдельно взятой стране. Как объяснить их вычеркивание? Изменилось ли что-нибудь в политической обстановке конца 1930-х гг., что могло бы вызвать смещение акцента с национального вопроса, который долгое время являлся одним из ключевых аргументов партийного руководства в прославлении советского строя?

Например, считал ли Сталин, что национальный вопрос уже окончательно решен? Американский историк Ф. Хирш считает, что, с точки зрения партийного руководства, превращение нерусских народов в сталинские нации завершилось во второй половине 1930-х гг.[8] Может быть, это делало национальный вопрос менее значимым для новой истории партии? Скорее всего, нет. Отношение к национальному вопросу в прессе и массовой культуре в конце 1930-х гг. свидетельствует о том, что тема все еще служила поводом для торжества, а не молчания.

Могла ли национальная политика противоречить новой конституции? 25 лет назад немецкий ученый Г. Симон отметил, что Конституция 1936 г. ускорила процесс складывания республиканских территориальных объединений и исчезновение более мелких национальных автономий. Несколько позднее П. Блитстейн отметил, что конституция так же гарантировала всеобщее равенство и ликвидацию

[8] Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 12–14, 273–309, 310–317; 272–278; Его же. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // Slavic Review. 1997. T. 56. No. 2. P. 272–278.

особых категорий граждан[9]. Может быть, появление конституции объясняет упразднение особенности национального вопроса? Еще раз, скорее всего, нет. Национальный вопрос продолжал оставаться в центре внимания прессы и массовой культуры и после ратификации Конституции 1936 г.

Может быть, акцент на национальную политику был смещен официальным руссоцентризмом, который начал доминировать в советской массовой культуре в это время?[10] Было ли запрещено упоминание национального вопроса для того, чтобы расчистить дорогу всему русскому? Хотя такое заключение вполне логично, оно не находит подтверждения в самом «Кратком курсе», где никаких признаков сталинского руссоцентризма вообще не встречается[11].

Отказ от трех рассмотренных возможных причин оставляет только одно историческое условие, которое может объяснить изъятие национального вопроса из учебника, – ежовщина. Обстоятельный анализ показывает, что особые перегибы ежовщины в республиках заставили Сталина сомневаться в необходимости (и даже возможности) включить нерусские народы и парторганизации в историческое повествование. По всей вероятности, в республиках было достаточно беспорядка и хаоса в 1937–1938 гг., чтобы затмить положительное влияние национальной политики и достижений известных нерусских

---

[9] Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: von der totalitären Diktatur zur nachstalinschen Gesellschaft. Baden Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1986. S. 168–171; Blitstein P. Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1936–1953. Ph. D. diss. University of California at Berkeley, 1999. P. 11–12, 189–191. Оба рассматривают длительные изменения в национальной политике как центральную часть подготовки конституции, а не как ее результат.

[10] См.: Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1929. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 403–414; Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge: Harvard University Press, 2002. О связи снижения роли национальной политики и росте руссоцентристских настроений см., напр.: Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України, 2001; Hosking G. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union / by F. Hirsch // The Journal of Modern History. 2007. T. 79. № 2. P. 492.

[11] Поразительно, как мало внимания было уделено в «Кратком курсе» российской истории, русскому народу и более общим темам руссоцентризма как в первоначальном тексте Ярославского и Поспелова, так и в тысячах сталинских редакторских правок. Похоже, что Сталин рассматривал официальный руссоцентризм лишь как лозунг мобилизации масс, приемлемый в обществе только на уровне широких масс. Он отказался от использования этого лозунга в учебнике партийной истории, так как учебник был рассчитан на более образованную аудиторию, от которой ожидали, что она сможет усвоить основы истинного марксизма-ленинизма. От этих двойных стандартов отказались в 1941 г., заменив их единым совмещенным подходом. См. Brandenberger D. Propaganda State in Crisis... P. 210.

советских и партийных деятелей[12]. И если официальная пресса пыталась преодолеть эти трудности, фокусируя внимание на новых героях и успехах, достигнутых в республиках после 1938 г.[13], эти эфемерные описания текущих событий не могли полностью залатать дыры в историческом повествовании. Когда Сталин летом 1938 г. столкнулся с таким положением вещей и понял, как тяжело будет переписывать историю республик, он решил, что лучше полностью исключить ее из анналов партийной истории[14].

Когда Сталин попробовал объяснить свою перестройку партийной истории своим приближенным и ведущим партийным пропагандистам осенью 1938 г., он констатировал, что его редакция «Краткого курса» была направлена на то, чтобы продвигать только самые важные вехи партийной истории[15]. Защищая свое упрощенное представление об историческом опыте партии, Сталин утверждал, что его новый, целеустремленный нарратив лучше чем раздутое, беспорядочное и менее доступное изложение прошлого, которое ему было предложено сначала. Перечисляя целый список лишних тем, которые он изъял из учебника, Сталин отказался от расширенного значения национальной политики для партийной истории в целом. Как он сам рассказал:

«Мало, говорят, сказано о национальном вопросе. Основная резолюция партии на Апрельской конференции [1917 г.] изложена полностью. Чего вы еще хотите от нас? Нельзя же, чтобы от “Краткого курса истории ВКП(б)” требовали изложение в деталях статей Ленина и других теоретиков нашей партии! Это лишнее, по-моему»[16].

Неудивительно, что никто не возражал против мнения Сталина по национальному вопросу.

Подводя итог, можно сказать, что лучшим объяснением сталинского ответа на национальный вопрос является признание того, что в 1938 г. совпадение различных важных и второстепенных факторов привело к прекращению восхваления достижений национальной политики в партпросвещении. И, с точки зрения Сталина, наиболее важным было создать доступный для понимания нарратив, укрепить

---

[12] О смещении ведущих кадров в республиках, см. напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1193. Л. 2–5, 24, 55, 70, 72, 104, 109–110, 113, 140, 156; Д. 1194. Л. 91, 105, 107; Д. 1195. Л. 62–63, 71, 79, 125–126, 128–129, 156; Д. 1196. Л. 53, 67, 70–72, 119, 123, 166; Д. 1197. Л. 82, 108; и т. д. Вообще, см.: Simon. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. S. 180–194.

[13] См. напр.: 20 лет Белорусской ССР // Известия. 1 января 1939. С. 1; 15 лет Нахичеванской АССР // Известия. 8 февраля 1939. С. 4; и др.

[14] Такие же условия повлияли на судьбу Комсомола и Коминтерна в повествовании.

[15] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 37.

[16] Там же. Л. 30.

авторитет ЦК ВКП(б) и избежать новых проблем, связанных с написанием истории регионов и республик. Сталинский «Краткий курс» не был историей совместной борьбы разных национальных культур за создание справедливого общества, в котором все будут равны; вместо этого, сталинское «полезное прошлое»[17] концентрировало внимание на усилиях маленькой, монолитно сплоченной партии по свержению старого режима и строительству социализма в одной, отдельно взятой стране. Конечно, пресса и массовая культура продолжали освещать события, связанные с государственным строительством в национальных республиках и с дружбой народов, но они не были отражены в учебнике, который и определял партийный канон вплоть до середины 1950-х гг. Последствия этих сталинских решений, принятых роковым летом 1938 г., сложно переоценить. Хотя Сталин не зашел так далеко, чтобы окончательно исключить национальный вопрос из партийной пропаганды, его решение сместить акцент с этого центрального для партийного нарратива вопроса привело к сильному снижению его значимости в советском историческом повествовании.

[17] Commager H. The Search for a Usable Past and Other Essays in Historiography. New York: Knopf, 1967. P. 3–27.

Д. А. Аманжолова

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭТНИЧНОСТИ – УДАЛАСЬ ЛИ ПРИВИВКА СОВЕТСКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ?

Становление советской социально-политической системы сопровождалось глубокой трансформацией форм и способов гражданской активности широких слоев общества. Центральное место отводилось «пробуждению» мощной народной инициативы и самодеятельности, дабы при поддержке и под управлением самой власти сформировать представление о включенности каждого в создаваемое пространство социальной справедливости, неограниченных для «простого» человека возможностей участия во всех сферах общественной жизни. В новой системе социальных координат включенность в поликультурную общность стала играть одну из ключевых ролей.

В какой мере общественные организации, в большинстве своем для народов СССР как абсолютная инновация, способствовали включению этнических общностей в строящуюся социальную реальность с ее новой идеологией, новыми институтами власти, новыми критериями прогресса? Могло ли и при каких условиях втягивание в эти социальные сети заместить или вытеснить традиционные критерии определения социального статуса, успешности и престижности, культурные модели взаимоотношений в рамках социальной иерархии и между поколениями, в организации досуга и быта?

Разнообразие общественных сетей и их масштабы отражали особенности социального развития, превращались в поле реализации коллективных и индивидуальных гражданских и культурных потребностей людей. Но их становление происходило весьма противоречиво. Проблемами общественных организаций занималось Оргбюро ЦК РКП(б). В 1925 г. руководство ими поручено Агитпропотделу ЦК партии. Одновременно были признаны обременительность для бюджета и параллелизм в функционировании непомерно выросшего числа организаций. Многие оформлялись попутно к основным,

имели формальное членство[1]. Принцип выборности актива не соблюдался. Для привлечения коренного населения применялись освобождение от уплаты взносов или паев, рассрочки и т. п. Но реальные затраты людей на социально-культурные нужды не росли. В итоге многие из них были сокращены путем объединения. Все массовые кампании разрешалось проводить лишь с санкции ЦК РКП(б). Запрещалось вычитать взносы из жалованья, проводить денежные сборы и пожертвования среди рабочих и крестьян. Парторганизациям поручалось предотвращать акции по коллективному «добровольному» вступлению в массовые организации и не подменять их, особую осторожность проявлять в деревне, не вовлекать одних и тех же лиц в несколько разных обществ. Максимальный взнос во всех обществах не должен был превышать 0,5–1 рубль.

Власть подчеркивала, что в отличие от Запада культурные и общественные объединения «совершенно отграничены» от «тех, кои преследуют корыстные цели наживы» и содействуют «заданиям социалистической культуры», объединяя все группы людей. Административный контроль и права юридического лица для общественных организаций также предполагали подчинение интересам строительства социализма и «социального сотрудничества». Одновременно требовалось полное подчинение членов каждой организации ее уставу в любой деятельности. Органы НКВД выполняли надзорные функции, скрупулезно отслеживая малейшие нюансы уставной документации, проектов и планов, конкретных мероприятий на предмет строгого соответствия стратегическим и тактическим установкам власти[2].

С конца 1920-х гг. громоздкая сеть профсоюзных, комсомольских организаций, всевозможных добровольных обществ, союзов, объединений, охватывая практически все население страны, начала приводиться в более «регулярный» вид. Везде обеспечивалась строгая вертикаль, непрерывный и бдительный контроль партийных органов. Они назначали затем выбиравшихся руководителей общественных организаций всех уровней, сроки проведения их съездов, конференций и пленумов, обеспечивали идейно-политическую сторону подготовки кадров для них, контролировали печатную продук-

---

[1] А. И. Рыков констатировал: «Кооперация теперь страдает от того, что она, если можно так выразиться, недостаточно общественна... мы еще не сумели превратить ее в такого рода организацию, которая бы являлась выражением самодеятельности крестьянства и участия массы крестьянства в организации кооперации, контроля над ней, в обсуждении вопросов, связанных с ее деятельностью». См.: О снижении расходов низовой кооперации (Из опыта мест) // Власть Советов. 15 февраля 1925. № 7. С. 17.

[2] Португалов Гр. Общества и союзы // Там же. 1922. № 1–2. С. 10–12; Принцев Я. К проведению в жизнь декрета «Об обществах и союзах» // Там же. № 7–9. С. 16–17.

цию, репертуар, состав творческих коллективов и т. д. В 1929 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) возложило на Наркомат РКИ согласование и утверждение вопросов созыва съездов и совещаний всех массовых организаций. НКВД контролировал созыв их съездов и совещаний (в 1929 г. было зарегистрировано 120 обществ), согласовывая свои решения с соответствующими наркоматами, отчитывался об имеющих политическое и общественное значение мероприятиях общественных структур перед ЦК ВКП(б), давал разрешение на их проведение по согласованию с ОГПУ. Внутри добровольных организаций контрольные функции выполняли партийные фракции[3]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 января 1930 г. «О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли» подвело черту под периодом относительной самостоятельности и самодеятельности граждан. «Положение о добровольных обществах и союзах» ВЦИК и СНК РСФСР регламентировало условия и средства привлечения этих организаций «к активному участию в социалистическом строительстве». Организационные изменения усиливали огосударствление социокультурной сферы.

Общественные организации призывались всюду «проникать своими щупальцами», переплетались и как бы поддерживали друг друга, включаясь в режиме чрезвычайности в очередную «ударную» сверхзадачу[4]. Даже пионеры в этой системе – «тот инструмент, то орудие, та пушка, тот пулемет или та тихая сапа, которые подрывают устои старого быта...»[5] Каждая структура была посредником между властью и массами, обеспечивала их консолидацию на выполнение установок ВКП(б). В то же время именно эти организации формировали у рядовых граждан убежденность в превосходстве советского строя, невиданных ранее возможностях самореализации, даже если она происходила под контролем и в рамках, установленных властью. Власть всячески стимулировала массовый энтузиазм и социальный оптимизм строителей самого передового и справедливого в мире государства, но ведущими тенденциями общественной жизни стали централизация и формализация, строгая регламентация сверху, исключение самодеятельности в содержании и формах

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 561. Л. 1–12, 30–34.

[4] Подготовку профкадров поднять на уровень задач заключительного года пятилетки. Речь секретаря ВЦСПС тов. Перепечко на всесоюзном совещании по подготовке профкадров, 28 января 1932 года // За большевистскую подготовку профкадров. М.: Профиздат, 1932. С. 5.

[5] Бухарин Н. И. Учительство и комсомол. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М.: Работник просвещения, 1925. С. 5, 6, 13, 16.

работы, полное игнорирование демократической природы массовых добровольных обществ. Они стали одним из инструментов стандартизации социального пространства. Примечательна критика содержания культурно-просветительной работы М. П. Томским: «Вы все даете рабочему с тенденцией, с направлением: и театры с направлением, и лекции с направлением, и кружки с направлением. ...Нельзя человеку жить с теми направлениями, которые угодны правлению вашего клуба»[6].

Наиболее мобильной и бескомпромиссной силой выступал комсомол[7]. Особо поощрялась классовая бдительность. Во всеохватном контроле над голодающим народом комсомольцы играли заметную роль, одновременно для них очевидной становилась социальная престижность преданной службы власти, обеспечивая карьерный рост и определенное благополучие. Как свидетельствовал представитель Украины на 5 пленуме ЦК ВЛКСМ в 1927 г., «есть в комсомоле актив, который... можно назвать... атаманчиками партизанских отрядов, необученными генеральчиками в регулярной армии...»[8]

Выдвиженцы проходили в общественных организациях ускоренный политический ликбез. Слабость национальных парторганизаций зачастую превращала комсомольцев в невольных лидеров политической и социальной жизни в деревне. Меры стимулирования активности были стандартными: ударные кампании и смотры на лучшие ячейки, премии для коллективов и моральные поощрения, газетная и настенная пропаганда и агитация, самодеятельность, исключение из организации и лишение участия в коллективных мероприятиях, общественное осуждение пассивности и индивидуализма. Но многие вступали в комсомол, чтобы облегчить поступление на учебу или получение работы. Для актива из бедноты и батрачества немаловажное место занимала эксплуатация социальных обид и зависти, культивирование синдрома бескомпромиссности.

Неоднородность исходных условий и динамики преобразований в разных этнокультурных регионах СССР обусловили разные темпы и формы «прививки» новых социальных институтов. При этом

---

[6] К итогам IX съезда профсоюзов СССР. Передовая // Ударник. 6 марта 1932. С. 10.

[7] Г. Е. Зиновьев в 1924 г. выдвинул характерные «слоганы» для комсомольцев: нам предстоит соревнование с буржуазной молодежью; комсомольское хныканье; нам не нужно казенного благополучия; за горло политнеграмотность; научись говорить просто; будь дисциплинирован, как подлинный большевик; изучи до тонкости каждый предмет; из-за большевистской запятой дерись до последней капли крови; борись против культа сверхчеловека... (Зиновьев Г. Основные задачи Ленинского комсомола. Л.: ГИЗ, 1924. С. 48, 28–80).

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 264.

шло активное и целенаправленное переструктурирование как «старых», традиционных, общественных элементов, так и «новых», возникших в ходе модернизации. Так, у казахов дисциплина обычного права обращалась к выдвиженцам из национальной среды, которые сумели вписаться в новые правила игры, обрести административный и неформальный ресурс в партийно-советско-общественных организациях[9]. Делегирование полномочий по защите или представлению интересов рядовых граждан происходило внутри родственных и клановых сетей, хотя внешне имело иные атрибуты и символы.

Профсоюзная система оставалась надстроечной частью социального организма, отсюда бюрократический характер деятельности всех ее звеньев, неспособность самостоятельно влиять на производственную или культурную жизнь людей, реализовать заложенные в природу союзов демократические начала. Из Семипалатинской губернии докладывали: «Если на собраниях не обсуждается вопрос о мануфактуре, галошах, пайках и пр. вещах, их многие предпочитают не посещать». Проверяющие из ЦК партии признавали: МОПР, ОДВФ, Доброхим и ОДН создаются по инициативе сверху под известным нажимом[10].

Общественные организации пересекались не только в сферах действий, но и в индивидуальном социальном пространстве, умножая неразбериху в сознании и поведении человека. На среднем предприятии с 1 тыс. рабочих было от 60 до 68 организаций и должностей, рабочий день активиста составлял 14–15 час., некоторые по 5 дней не ходили домой, их настигали «физическое изнашивание, нервная напряженность» и пр., но массы оставались вне этих структур. В мае 1925 г. ЦК партии установил примерный перечень основных собраний и заседаний в организациях и обществах, их продолжительность и число поручений на одного работника[11].

На объединенной конференции профсоюзов Кзыл-Ординского, Актюбинского, Адаевского округов и Кара-Калпакской области в 1928 г. отмечалось: «В настоящее время каждый рабочий и служащий является участником целого ряда организаций... требующих от него чрезвычайно частых посещений различных заседаний, собраний, совещаний, часто не оставляющих... времени для практической работы и работы по самообразованию и т. д.» Из-за недостатка работников делегаты выступили за объединение технических аппаратов, чтобы

---

[9] См.: «Мнение без прикрас». Письмо члена КирВРК Т. И. Седельникова В. И. Ленину. 1920 г. // Исторический архив. М., 1994. № 4. С. 79–81.

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 327. Л. 34, 36; Д. 603. Л. 19; Степная правда (Семипалатинск). 6, 10 марта 1921.

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 18. Л. 19–23, 73–74; Д. 17. Л. 41, 19–23.

сократить расходы и рационально организовать дело в малочисленных профсоюзах[12]. Еще одну проблему составлял языковой барьер. В КАССР на собраниях вводилось чтение на двух языках. Моноэтничные форумы практиковались лишь как информационные.

Ключевые основы этносоциальной культуры сохранялись в латентном виде, выполняя миссию адаптации этносов к новым обстоятельствам. Итогом социального эксперимента стало создание квазиклассовой структуры общества, маргинализация общественного положения и поведенческих моделей[13]. В отношении широких масс устройство массовых организаций по административно-территориальному принципу, интернациональных по составу и престижных в новой социальной иерархии было важным инструментом снижения ценности и значимости этнокультурных стандартов поведения, социальной мобильности. Межэтнические коммуникации, опыт которых был у граждан СССР многопоколенным и выработал способность уживаться и адаптироваться в разных условиях, прирастали новыми практиками, продиктованными почти исключительно чрезвычайными факторами надэтнической политики ВКП(б).

Объединение рабочих в профсоюзы позволяло консолидировать маргинализированные группы людей, вброшенных в абсолютно новые для них производственные системы, обеспечить их управляемость, организованную профподготовку и адаптацию в качественно иных социально-бытовых условиях. Формировались стимулы к закреплению человека на производстве, усиливалась его зависимость не только от показателей труда, но и от расположения профбюрократии. Идейная лояльность и производственная дисциплина стали важнейшими условиями повседневного благополучия и даже личной безопасности.

Разнообразие общественных сетей и их масштабы служили реализации коллективных и индивидуальных гражданских и культурных потребностей людей. В то же время они играли важную роль в контроле производственной дисциплины, статусной иерархии, направлении амбиций граждан в подчиненное общим целям бюрократическое пространство. Новообращенным в коммунизм националам – управленцам приходилось решать множество сложных и острых задач социально-экономического, политико-правового и культурного характера. Но малопредсказуемая ситуация требовала огромных уси-

[12] ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 248. Л. 66–71.

[13] В среде активистов фиксировали пьянство, склоки, хулиганство. Именно комсомольский актив оказался наиболее подвержен «половой распущенности» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 140–144).

лий для тщательного анализа быстро меняющейся конъюнктуры, умения гибко и оперативно перестраиваться на ходу. Искренне настроенные на позитивный результат и улучшение качества жизни людей работники первыми попадали в число «проваливших» то или иное дело.

Маргинальные группы выдвиженцев «из народа» консолидировались в бюрократическое сословие, крепко связанное зависимостью от вышестоящих чиновников и структур, скороспелым и поверхностным образованием, стремлением сохранить и преумножить социальные привилегии, прилагавшиеся к должности, страхом и незащищенностью перед возможным в любой момент падением с достигнутой ступени в иерархии созданного советским государством острова престижного потребления в океан бесправия и полуголодной жизни. Многие ответработники в силу острого дефицита кадров совмещали несколько должностей, что во многом объясняло низкое качество управления и перманентные срывы в работе, слабую организацию, давая бесконечные поводы к обвинениям в различных прегрешениях.

Выдвиженцы-националы стремились не возвращаться в родные деревни и аулы. Руководители казахстанской и татарской парторганизаций Ф. И. Голощекин и М. М. Хатаевич дружно свидетельствовали: «Каждый коммунист, как только он немного научился грамоте, не идет на простую техническую работу, а только обязательно Заведующим Отделом»; «...они не желают быть рядовыми работниками, а желают иметь портфель». Казахские активисты неохотно шли на профсоюзную стезю из-за молодости движения, его неавторитетности и непопулярности («Любой степняк знает, – замечал Голощекин, – кто такой предсовета, начальник милиции и т. д., но редко – что такое профсоюз»). Характерным стало «рассмотрение комсомола как организации, которая дает хорошие посты и хорошее жалованье»[14]. Националы увлекались темпами «этнизации» без связи с интересами движения и практическим положением вещей, когда профсоюзы на 80 % пока состоят из «европейцев», которых тоже надо «обслуживать». В 1929 г. признавалось: «Имеется не естественный рост профактива, а “искусственная прививка”»[15].

Укрепление позиций местных элит определялось ее значением в конструировании «позитивной этничности» в регионах, которая выражалась в поддержке власти при сохранении собственной культу-

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1056. Л. 10–12.

[15] Там же. Оп. 68. Д. 262. Л. 97; Д. 152. Л. 89, 92–9; Д. 157. Л. 19, 26 об., 23; Ахметов А., Кузьмин-Закс М., Рахимов А. Профсоюзы Советского Казахстана. М., 1961. С. 51–53.

ры и местных традиций. Полиэтническая сложность состава новой элиты обусловила ментальные, культурно-психологические, поведенческие, межличностные и корпоративные противоречия в ее деятельности на всех этажах власти. Масштабные акции по коренизации становились во многом декоративными.

Одной из наиболее сложных задач советского социального инжиниринга было изменение социальных показателей консолидации, статусных приоритетов, карьерного потенциала. Существенную роль играла межродовая и межжузовая конкуренция за доступ к власти и ресурсам, наряду со стремлением части национальной бюрократии и интеллигенции взять реванш за русификацию. Характерной чертой политико-правовой культуры было подчинение авторитету традиционных лидеров, солидарно делегированных в посредники между этносом и бюрократией. Бюрократия от общественности стала значимым социальным актором, органично вписанным в номенклатурную сеть управления и дорожившим связанными с этим статусом бонусами и привилегиями. Для рядовых граждан сонм чиновников служил мощным идейно-организационным фильтром на пути к карьере, образованию и жизненному благополучию. Становится устойчивым навык работать на видимость, искусно подменять существо на знак, не замечать и игнорировать объективную реальность ради заданных параметров социального благополучия. Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности и лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды, здоровья и т. д. Внутриэтнические параметры социальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

Система массовых организаций имела колоссальное значение для формирования советской идентичности народов СССР и их скрепления в единое сложносоставное целое, включения национальных масс в социально активные формы общественной жизни. Но далеко не всегда происходила точная реализация властного проекта в практике разнообразных меж- и еще более внутриэтнических социально-культурных, межпоколенческих, гендерных отношений. Власть и ее представители опирались на традиционные приоритеты массового сознания, глубоко укорененные установки на патриархальный общинный уклад, авторитарный характер и патернализм власти, ее сакрализацию, терпение, правовой нигилизм, низкий общий уровень культуры. Они переплетались с внедрявшейся новой системой ценностей, трудовой мотивации, социальных установок, адекватных требованиям идеологии и политико-правовой практики. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий нередко вполне успешно вписывались в советскую систему или, наоборот,

также успешно обходили ее, сохраняя за собой многовековым опытом закрепленные функции и общественную ценность. Происходило пересечение и наложение разных культурных, психологических, поведенческих, бытовых практик. Советское совмещалось с этническим и становилось национальным в гражданском смысле.

VI. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЕССИИ

Ш. Фёльдвари

СОВЕТИЗАЦИЯ И БОРЬБА ПРОТИВ ЦЕРКВИ В ЗАКАРПАТЬЕ В 1940–1950-х гг.

В статье предлагается обзор обстоятельств, при которых в Закарпатье ликвидировались греко-католические священники, считавшие себя «русинами» либо венграми. Хотя при сталинизме преследовались и украинские и русские священники, и православные и греко-католические – национальные аспекты повлекли за собой некоторые особенности. Методологические проблемы следующие.

Венгры считались в то время в Советском Союзе коллаборантами фашистов, так как Венгрия оккупировала Закарпатье в 1938 г. еще до начала Второй мировой войны[1].

По состоянию на 1944 г. большинство населения Закарпатья – 460 тыс. верующих – принадлежало к Греко-католической церкви[2]. Греко-католическая церковь состояла частично из венгерских священников, а также из тех, кто использовал закарпатский украинский диалект, называемый русинским. На этом диалекте говорила своеобразная этническая группа – русины, которая до конца Первой мировой войны проживала на Австро-Венгерской территории, в 1920–1930-е гг. в Чехословакии. В 1938 г. территория их расселения частично вернулась к Венгрии, а в 1945 г. присоединилась к Советскому Союзу под названием Закарпатская область Украинской ССР[3].

Те, кто называют себя русинами, живут не только в Закарпатской области Украины, а в небольшом количестве в Румынии, в Восточной Словакии (культурный и научный центр г. Прешов), на юге Польши

---

[1] Botlik József. Egestas Subcarpathica. Adalékok az Északkelet-Felvidék és Kárpátalja XIX–XX. századi történetéhez. Hatodik Síp: Budapest, 2000.

[2] Закарпаття 1919–2009 років: історія, політіка, куьтара / под ред. Вегеш Микола, Фелинець Чілла. Поліграфцентр «Ліра»: Ужгород, 2010. С. 330–343.

[3] Myšanyč Oleksa V. From Subcarpathian Rusyns to Transcarpathian Ukrainians // The Persistence of Regional Cultures: Rusyns and Ukrainians in their Carpathian Homeland and Abroad / ed. by Magocsi Paul Robert. Columbia Univ. Press: New York, 1993. P. 7–52.

(местное название «лемко»), в Венгрии, значительное их число проживает в Сербии, в Соединенных Штатах и Канаде. История этого народа изучается в Университете г. Торонто на кафедре украинских исследований под руководством профессора Пола Роберта Магочия – крупнейшего специалиста по истории русинского народа, стремящегося к его культурному возрождению[4].

Закарпатские русины на протяжении столетий имели связь с Россией[5]. В частности они приобретали в России богослужебные книги, так как следовали византийской церковной традиции[6]. Кроме того, православные, проживавшие на территории Габсбургской империи, покупали книги также через русинов[7]. В XIX в. культурные связи с Россией еще более окрепли благодаря тому, что некоторые выдающиеся государственные деятели и ученые закарпатского происхождения находили поддержку царского двора. Среди них необходимо назвать Михаила Балудьянского, Ивана Орлая, Петра Лодого[8].

Вследствие этого после Второй мировой войны закарпатские греко-католические священники скорее признавали себя русинами, чем венграми, чтобы отгородиться от украинцев. Значительная

---

[4] Földvári Sándor. Rusyns in the aspect of security policies // Cultural Relations Quarterly Review. Vol. 1 (2014). No. 2 (Spring). P. 43–54; Földvári Sándor. Cross-cultural Contacts between the Serbs Lived in the Former Hungarian Kingdom and West-Ukrainian Territories – As Reflected in the Import of the Liturgical Books // The Carpathian Basin, the Hungarians and Byzantium / ed. by Olajos Terézia. Szeged, 2014. P. 43–59.

[5] Байцура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава; Пряшев, 1974; Ее же. Иван Семенович Орлай: жизнь и деятельность. Братислава; Пряшев, 1977.

[6] Ойтози Э. Фонды книг кирилловской печати XV–XVIII вв. нескольких библиотек Венгерской Народной Республики // Федоровские чтения 1980. М., 1984. С. 123–125; Фёльдвари Ш., Ойтози Эстер. Кириллические книги Веспремской Архиепископской библиотеки и южнославянская миграция в селе Шошкут // Studia Slavica Savariensia, г. Сомбатхель, Венгрия, 4.1995.1–2. С. 143–157; Фёльдвари Ш. Старопечатные книги кирилловского и глаголического шрифтов Эгерской архиепископской библиотеки // Slavica. Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis De Ludovico Kossuth Nominatae, г. Дебрецен, Венгрия, 2.7.1995. С. 83–96; Фйольдварі Ш. Стародруки кирилічного шріфту в рімо-католицьких бібліотеках Угорщини // Третій Міжнародний Конгрес Україністів 26–29 серпня, 1996 р. Літературознавство, Бібліографія, Інформатика; Доповіди та повідомлення / под ред. Олексы Мишанича. Харков, 1996. С. 188–192.

[7] Костић Міта. Рускосрпска књижарска трговина Терезијанског доба. Срем. Карловци, 1912; Фёльдвари Ш. Старопечатные книги... С. 83–96; Földvári Sándor. Cross-cultural Contacts between the Serbs Lived in the Former Hungarian Kingdom and West-Ukrainian Territories – As Reflected in the Import of the Liturgical Books. P. 43–59.

[8] Байцура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция...; Ее же Иван Семенович Орлай: жизнь и деятельност.

доля русинских священников состояла из лиц, бесспорно, венгерского происхождения. Сталинская власть считала их сепаратистами. Ведь это была политика «разделяй и властвуй». Так переплетались национальные вопросы с церковной политикой. Вследствие такой разделявшей политики (под небом советской «семьи народов», обладающей некоторыми противоречиями) до сих пор мало связей между историками закарпатской и украинской церквей. Даже частные документы закарпатских венгров хранились в секрете в советские времена. Благодаря личным связям и тому, что уже в то время я занимался историей закарпатской Греко-католической церкви XVIII–XIX вв., так как изучал культурные традиции русинов, в 1993 и 1996 гг. я получил доступ к архиву семьи Бендаса, где хранится множество источников из бывшего греко-католического архива, который пострадал в советские времена.

За последние двадцать лет появилась специальная литература по этим вопросам, но, к сожалению, в основном на венгерском языке, без резюме на русском или же другом иностранном языке. Мало того что эти работы недоступны для широкого круга специалистов, но даже некоторые венгерские авторы рассматривают Закарпатье только как часть Венгерского королевства, исключая международные, главным образом, славянские аспекты. Будучи венгром, я не разделяю подобного подхода. Изучение истории Закарпатья не является венгерской национальной привилегией. Наука – международное достояние.

В Закарпатской области существовали православная, греко-католическая, римско-католическая и протестантские церкви. Все пострадали во время сталинизма. Но так как наибольшее число верующих на этих территориях составляли греко-католики, ограничимся рассмотрением судьбы Греко-католической церкви.

Официальная политика была направлена, в первую очередь, на «православизацию», т. е. на переориентацию греко-католиков на православную веру. Это привело к тому, что до сих пор трудно объяснить закарпатским греко-католикам, что и Православная церковь пострадала. Чтобы оторвать католиков от Ватикана и Запада вообще, власти принуждали их к принятию православной веры. Можно было бы объяснить это глубокими культурными традициями, противостоянием православных и униатов, даже событиями, предшествующими Второй мировой войне. Но все-таки положение проще. Сталинисты хотели показать, что православные – коллаборанты советской власти, а католики – враги. Им это почти удалось сделать, но не полностью. В 1948 г. была запрещена деятельность Греко-католической церкви, но все другие конфессии продолжали существовать, хотя и под политическим контролем государства.

Еще до запрета осудили 35 греко-католических священников: одного на смертную казнь, шестерых на 25 лет, семерых на 10 лет, а других на 1–5 лет каторжной работы[9].

117 священников эмигрировали в Чехословакию еще до того, как там запретили Греко-католическую церковь, а лишь разными средствами препятствовали ее существованию. Многих из них потом посадили, но это будет предметом другой работы автора.

12 священников выехали в США, 4 – в Румынию, 10 – в Венгрию.

В 1948–1949 гг. были осуждены 94 греко-католических священника – большинство на 25 лет и только 6 из них на 10 лет каторжных работ.

45 священников остались на Закарпатье, но, конечно, не имели права продолжать церковную деятельность (все совершали богослужения подпольно).

24 сентября 1944 г. рукоположили епископа Теодора (Федора) Ромжу. Так как в это время еще не запретили Греко-католическую церковь официально, ему пока лишь настоятельно предлагали принять православную веру, но 1 ноября 1947 г. епископ Ромжа погиб от инъекции смертельного яда.

Потом тайным епископом был Шандор Хира, который жил в ссылке в Караганде (Казахстан) и всю жизнь скрывал свой сан.

Приняли православную веру 120 греко-католических священников, в 1970-е гг. часть из них вернулась в лоно Греко-католической церкви, остальные в 1993–1995 гг.

Пока еще остаются неопубликованные материалы, касающиеся этого вопроса[10] (автор данной работы пообещал частным хранителям не сообщать местонахождение источников до их опубликования). А те, кто пишет по данной теме только в Венгрии, не имеют доступа к источникам.

В будущем можно ожидать новых результатов.

---

[9] Bendász István. Öt év a szögesdrót mögött. Aggiornamento: Budapest, 1991; Bendász István, Bendász Dániel. Helytállás és tanúságtétel. Ужгород; Будапешт, 1994.

[10] Там же.

Н. А. Митрохин

РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1943–1985 гг.)[1]

Введение

То, что значительная часть священнослужителей и активных мирян Русской православной церкви (далее РПЦ) в течение XX в. поддерживали идеологию русского национализма, вряд ли вызывает удивление.

Церковь – тип социального союза, одна из функций которого в современном обществе – быть «тормозом» перемен. Она противостоит изменениям, предостерегая (порой небезосновательно) против возможных опасностей, грозящих со стороны нового. Она отстаивает интересы тех социальных групп (порой немалых), для которых перемены попросту невыгодны. Интересы традиционализма[2] против модернизма. В XX в. в России подобный традиционализм был тесно увязан с идеологией русского национализма.

Русский национализм в начале XX в. был органичной идеологией для России – европейского государства переживающего период догоняющей модернизации. Многим идеологическим течениям в разных странах, переживающих тот же период политической истории, была свойственна надежда увидеть свое государство во главе миро-

---

[1] Первые тезисы этой работы были представлены 14–15 июня 2006 г. на конференции «Современный русский национализм и ретроспективный взгляд на XX век», организованной Франко-Российским центром научных связей по общественным и гуманитарным наукам (Москва). Доклад был дополнен и переработан в статью в качестве части проекта реализуемого в рамках стипендии программы федерального канцлера (BUKA) Alexander von Humbold Stiftung в 2005–2006 гг., а также стипендии Gerda Henkel Stiftung в 2007 г. Автор также благодарен Борису Беленкину (члену правления Международного общества «Мемориал», Москва) за возможность обсудить с ним многие из сюжетов данного исследования.

[2] Понимаемого в данном случае не как политическая идеология, лежащая как раз в русле модерна, а как система устоявшихся социальных отношений, трудовых практик, этических и эстетических взглядов (например, традиционное сельское сообщество, как оппозиция современному урбанизированному).

вой системы; диктующим свой стиль жизни странам-конкурентам и цивилизующим «варварские» народы. Сторонники националистической модели предлагали свой язык в качестве международного языка общения; привычные им традиции, культурные модели и даже пищу в качестве международно-признанного универсума. В то же время они не желали ощущать любое «иностранное влияние» (реальное или мнимое) внутри своей страны. Ради этого они декларировали необходимость ликвидации «пережитков» прошлого (в политической, социальной, экономической и культурной сферах) как главного условия ускоренной модернизации; равенство социальных возможностей, всеобщей мобилизации, чистки от чужаков и «предателей» как необходимые для нее предпосылки[3].

В России за реализацию идей русского национализма (или, если угодно, русского мессианизма) в начале XX в. боролось множество общественно-политических движений и партий, но победили, как известно, большевики, которые отстаивали идею мобилизации и чисток по социальному признаку[4]. Сторонников чистки нации по этническому признаку, на основе принадлежности к русскому этносу, мы теперь именуем русскими националистами[5].

Этнизация мировоззрения приверженцев движения русских националистов – основной отличительный признак этого направления российской общественно-политической жизни. Другим подобным признаком стала идеология традиционализма – декларирующая, как говорилось выше, необходимость защиты интересов тех социальных групп и институтов, которые скорее проигрывали в эпоху модернизации. Идеалом для русских националистов был русский крестьянин, торговец, рабочий, придерживающийся монархических убеждений, соблюдающий православные обряды и не связанный с банковским капиталом.

---

[3] К чему это привело на практике в предреволюционный период см., напр.: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

[4] На уровне лозунгов. На практике, особенно в ходе Гражданской войны, большевики интегрировали в свои ряды большое количество националистов, представляющих более мелкие этнические группы. Этнические чистки и введение этнически мотивированных цензов проводились даже с санкции центральных органов партии, не говоря уж про инициативы республиканских и местных властей, уже в 1920-е гг., а в 1930–1940-е гг. стали общеизвестным массовым явлением. Однако все же этническое было для большевиков вторичным перед социальным.

[5] Русские националисты также были сторонниками и чистки по социальному признаку, борьбы с «разложившейся» и вестернизированной аристократией, однако для них это все-таки носило вторичный характер.

Именно поэтому РПЦ, как социальный институт, который до начала XX в. находился в оппозиции ко всем модернизаторским идеологическим течениям, терял свои позиции в обществе и последовательно отстаивал традиционалистские ценности, пошла на сотрудничество с русскими националистами. Они были единственными потенциальными партнерами в большой политической игре – все остальные идеологические движения выступали де-факто за ограничение влияния Церкви как института на общество.

Таким образом, говоря о деятельности русских националистов в РПЦ в 1943–1985 гг., следует помнить о следующем.

Десятки епископов и сотни, если не тысячи священников Православной Русской Церкви в предреволюционное время были не просто активистами русских националистических организаций, но входили в их руководство[6]. По подсчетам исследователя Михаила Бабкина среди депутатов III и IV Государственной думы Российской империи было около 10 % священников. В большинстве своем они принадлежали к созданным при поддержке черносотенных организаций «правой» и «националистической» фракциям, формируя от 25 до 30 % их состава[7].

Современный черносотенец – председатель Союза русского народа скульптор Вячеслав Клыков (1939–2006), – обозревая историю своего политического движения, в 2005 г. писал: «Все три Патриарха Русской Церкви были в рядах союзников. Святейший Тихон (Беллавин) во время своего служения на Ярославской кафедре был почет-

[6] В современной РПЦ принято умалчивать об участии православного духовенства в дореволюционных националистических организациях, включая искажение публикуемых биографий. На этом фоне появляются работы даже пытающиеся разрушить «черносотенный» образ духовенства, будто бы, сформированный исключительно усилиями большевиков (см.: Фирсов Сергей. «Еврейский вопрос» и святой Патриарх Тихон // Континент. 2002. № 111. URL: http://www.jcrelations.net/ru/?item=2781) или же даже приписать духовенству (вопреки приводимой самим же автором статистике) массовую поддержку левых партий (см.: Бабкин М. Духовенство и свержение монархии. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2007).

[7] В III Думе было 48 священников, 31 из которых входили во фракции правых и националистов (остальные преимущественно в буржуазные партии); в IV Думе было 50 священнослужителей, из которых только 9 не относились к правым и националистам. Представители епископата, ставшие депутатами, постоянно занимали руководящие посты во фракциях правых и националистов (Бабкин М. Духовенство и свержение монархии. С. 115–117). В отношении IV Думы этот вопрос более взвешенно рассматривается в: Орлов С. Б., Ивакин Г. А. Духовенство на думских выборах в начале XX века: избирательная компания духовенство в период выборов в третью и четвертую Государственную Думу Российской Империи // Журнал о выборах. 2006. № 1. С. 54–60. На ту же тему см.: Иванов А. А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006.

ным председателем Ярославского отдела Союза, Святейший Алексий (Симанский) в бытность ректором Тульской семинарии был председателем Тульского отдела Союза и даже Святейший Сергий (Страгородский), имевший репутацию завзятого либерала, лично освящал хоругвь и знамя Союза Русского Народа»[8].

Придерживающееся левых и либеральных воззрений движение за обновление Церкви, стартовавшее в ходе революции 1905 г., было направлено на корректировку ее позиции в соответствии с меняющейся общественно-политической ситуацией. Впрочем, пиррова победа «обновленцев» в 1922–1925 гг., когда им с помощью ВКП(б) и ОГПУ удалось на короткое время взять под контроль большую часть инфраструктуры Православной Российской Церкви, а также сомнительные моральные качества их лидеров дискредитировали это движение и во многом свели на нет его идеологическое влияние.

С середины 1920-х и до конца 1940-х гг. власти не дали Церкви легальной возможности подготовить ни единого православного священника. В других стратах социума в 1920–1940-е гг. шло интенсивное замещение старых «специалистов» новыми людьми, разделявшими в большей или меньшей степени советскую идеологию, получившими советское образование и привыкшими полагаться на советские источники информации. Я называю их «советскими людьми», не имевшими иного жизненного опыта, кроме как опыта выживания в рамках коммунистической диктатуры. Однако начавшая после 1943 г. новый этап институциализации Церковь использовала духовенство, которое получило образование либо в дореволюционный период, либо за границей или в подполье – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Зарубежная часть Русской Церкви, принадлежащая к разным юрисдикциям, связывала себя в первую очередь с той частью эмиграции, которая не могла или не хотела интегрироваться в новое (заграничное) общество[9]. В значительной части это были маргиналы (с точки зрения принимающих их обществ), самоутверждавшие себя за счет эстетизации и героизации своего российского прошлого и русской культуры. Многие из них эмигрировали и из небезосновательно-

[8] Клыков В. За Веру, Царя и Отечество. URL: http://www.rusnar.ru/index.php?categoryid=1&p2_articleid=150

[9] В первую очередь это касалось самой крупной православной религиозной организации Русской православной церкви за рубежом (далее – РПЦЗ) и тех приходов, что остались верны Московскому Патриархату, в несколько меньшей – приходам, подчиняющимся Константинопольскому патриархату, и в малой степени приходам, выделившимся в Американскую автокефальную православную церковь, которая с 1920-х гг. де-факто существовала самостоятельно и в 1970 г. получила формальную автономию от РПЦ.

ных опасений за свою судьбу, страшась быть уничтоженными, в том числе и по обвинению в поддержке националистических организаций в предреволюционный период. А потому значительная часть этих людей и их воспитанников (закончивших, в том числе, эмигрантские образовательные учреждения) разделяла идеологию русского национализма и видела православного священника в качестве медиума, поддерживающего и укрепляющего подобные настроения.

Поэтому в задачу автора данной статьи не входит рассмотрение вопроса о том, почему РПЦ стала средой сохраняющей идеи русского национализма и воспроизводящее их в благоприятных условиях. Предметом моего изучения станут конкретные пути интеграции русских националистов в РПЦ после 1945 г., особенности идеологических доктрин, которые они развивали, а также те сферы, в которых русский национализм внутри Церкви особенно ярко проявлял себя в этот период.

Кадровая политика патриарха Алексия I (Симанского)

После встречи руководства Патриаршего синода во главе с митрополитом Сергием (Страгородским) с Иосифом Сталиным 4 сентября 1943 г. был получен мандат на воссоздание в СССР единой православной Церкви[10]. В отличие от прежней Православной Российской Церкви и в духе откровенно этнонационалистической идеологии позднесталинского периода, – новая церковная организация получила название Русской Православной Церкви, под которым действует и в настоящее время. Последующее возвращение верующим нескольких сот храмов, открытие образовательных учреждений для подготовки священников, разрешение на исполнение необходимых

[10] К этому моменту на территории страны самой крупной православной церковной организацией был Патриарший синод (позже ставший известным как Московская Патриархия) или «сергиане» (по имени митрополита Сергия). Он оспаривал право руководить всей «патриаршей Церковью» с различными более правыми группировками, которые сами претендовали на звание «тихоновцев» (т. е. идейных наследников патриарха Тихона (Беллавина)). Впрочем, после массовых расстрелов всего православного епископата в 1937–1938 гг. эти группы были практически обезглавлены, но по всей территории СССР в подполье и полуподполье активно действовали их приходские и монастырские общины, именуемые «катакомбной церковью». Второй по величине легальной организацией была Обновленческая церковь, которой подчинялись приходы целых регионов, например на юге России. Кроме того, существовали автокефальные церкви в Украине, Белоруссии и Эстонии, приходы Румынского патриархата в Молдавии и Украине, статус которых менялся с легального на нелегитимный по мере продвижения советских войск на Запад. Приходы там продолжали свое существование, но общецерковная и епархиальная инфраструктура постепенно подавлялась и менялась на подконтрольную Московской Патриархии.

ритуалов за пределами церковной ограды (крестные ходы, отпевания), освобождение из заключения целого ряда епископов и священников и, конечно, выборы нового Патриарха были важными шагами со стороны властей для реализации этой задачи. Однако реальное воссоздание Церкви началось все же после смерти Патриарха Сергия 15 мая 1944 г., и последовавшего 22–23 ноября того же года избрания Патриарха Алексия (Симанского).

Среди православного сообщества в СССР (да и за его пределами) внук сенатора и сын камергера двора Алексий (Симанский) имел куда лучшую репутацию, чем запуганный и пассивный Сергий (Страгородский), которого значительная часть Церкви обвиняла помимо всего прочего и в узурпации власти. Именно Алексий (Симанский) стал той фигурой, которая позволила примириться с религиозной институцией, навязанной государством «православному народу», значительным группам верующих как внутри страны, так и в эмиграции[11].

Современный русский националист Анатолий Степанов, историк черносотенного движения и один из авторов огромного тома «Энциклопедии Русской цивилизации», не обошел своим вниманием и Алексия (Симанского), точнее ту часть его биографии, которую предпочитают игнорировать современные церковные историки:

«Обучение в Лицее Цесаревича Николая, своего рода кузнице монархических кадров... не пропало даром, в Туле [назначенный ректором семинарии] архим[андрит] Алексий принял активное участие в деятельности монархического движения, был избран председателем отдела СРН. Он поддерживал тесные связи со своим лицейским учителем, вождем московских монархистов В. А. Грингмутом, а когда тот скончался, специально приехал, чтобы отслужить заупокойную литургию в храме Скорбященского монастыря в 20-й день его кончины (служил он соборно с протоиереями И. И. Восторговым, И. И. Соловьевым и Х. К. Максимовым)»[12].

Но дело было не только в личной репутации Алексия (Симанского) или в усталости «катакомбных» православных от двух десятилетий непрекращающихся репрессий. Многие из оппозиционеров почувствовали, что Алексий начал воссоздавать Церковь, рассчитывающую пережить большевистское правление.

---

[11] Подробнее см.: Шкаровский М. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутиц. патриаршее подворье и др., 1999.

[12] Степанов А. Алексий (в миру Симанский Сергей Владимирович), Патриарх Московский И Всея Руси (27.10.1877–4[17].04.1970), Председатель Тульского отдела Союза Русского Народа (СРН). URL: http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=5442&tm=9

Наиболее очевидным образом это видно при анализе его кадровой политики. Именно по его инициативе (конечно, при согласовании с властями[13]) рукополагались и назначались епископы. В 1944–1958 гг. он делал это достаточно свободно, и лишь после 1960 г. он во многом утратил контроль за кадровой политикой Церкви. В 1944–1946 гг., как и патриарх Сергий, Алексий I рукополагал в епископат большое количество представителей Обновленческой церкви. Это было вызвано как давлением властей, имевших обязательства перед давними союзниками, так и насущной необходимостью интеграции в РПЦ немалой обновленческой инфраструктуры. За «перерукоположенными» епископами-«обновленцами» (16 человек) стояли реальные приходы, священники и прихожане. Другой большой группой (18 человек) были так называемые вдовые протоиереи – малообразованные, очень пожилые провинциальные священники, уцелевшие, не исключено что ценой сговора с НКВД, в репрессиях. Вскоре эта практика сошла на нет[14], зато около половины епископата было рукоположено из числа лиц, не являвшихся на 1 января 1939 г. гражданами СССР[15].

В их числе были:

– русские эмигранты, получившие дореволюционное или заграничное духовное образование и реэмигрировавшие в СССР после 1945 г. из Европы, США и Китая;

---

[13] Об этом свидетельствуют два типа внешне схожих, но принципиально различающихся по содержанию типов документов – записи бесед патриарха с Карповым, в которых реально обсуждалась кадровая политика, и гораздо менее интересная переписка этих двух персонажей, в которой официально передавались различные просьбы и пожелания. Фрагменты записей опубликованы частично М. Одинцовым (см.: Запись беседы председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова с патриархом Московским и всея Руси Сергием (Страгородским) [28.01.1944] // Достойный сын земли Нижегородской. Материалы к биографии патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 1901–1944 гг. // Исторический архив. 1999. № 6. С. 182–184; Запись беседы председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова с патриархом Московским и всея Руси Сергием (Страгородским) [5.05.1944] / Крестный путь Патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 75–78.), переписка опубликована полностью: Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Т. 1. 1945–1953 гг.; Т. 2. 1954–1970 гг. / под ред. Н. Кривовой. М.: РОССПЭН, 2009, 2010; электронная версия обоих томов доступна: URL: http://www.statearchive.ru/394

[14] После 1946 г. было хиротонисано 3 бывших «обновленцев», причем по рекомендации крайне консервативных епископов, что означало их полное «идейное разоружение». Из 18 «вдовых протоиереев» после 1946 г. было хиротонисано 5 (все до 1950 г.) Подсчеты автора.

[15] Рассчитано по таблице биографических данных на архиереев РПЦ: Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской церкви: 1917–1997. С. 717–769.

– такие же русские эмигранты, оказавшиеся на территориях, захваченных СССР в 1939–1940 гг. (Эстония, Молдова, Западная Украина и Западная Белоруссия), а также коренные жители этих районов, получившие в 1920–1930-е гг. высшее православное духовное образование (главным образом в Польше), и оставшиеся в послевоенный период в СССР;

– те же русские эмигранты, не желавшие возвращаться в СССР, но являющиеся священниками Московского Патриархата в Европе и США;

– украинское греко-католическое духовенство, согласившееся (вынужденное) войти в РПЦ;

– репатриировавшийся, как и принудительно перемещенный в СССР, епископат Русской Православной Церкви за границей, а также других русских церковных православных организаций, принятый «в сущем сане».

Из граждан СССР, переживших период гонений, в епископы в 1947–1958 гг. призывались в основном люди, принадлежавшие к сложившемуся еще в 1920-е гг. церковному клану. Это был клан самого Алексия (Симанского), который хотя в 1930 – первой половине 1940-х гг. и был вторым лицом в Церкви, очевидно, не вполне одобрял деятельность своего начальника. Он с сочувствием относился к тем деятелям Церкви, которые сохраняли верность Патриаршему синоду, но не любили его главу. Такие люди, как правило, находились на подпольном или полуподпольном положении, организовывали у себя на домах службы, но не поминали на них Сергия (Страгородского) и потому имели общее название «непоминающих».

В 1945–1959 гг. (отчасти и в последующие годы) мы видим целую череду рукоположений в епископы людей, связанных с двумя видными персонажами церковной истории – митрополитом Григорием (Чуковым) и митрополитом Гурием (Егоровым). Они, как и Алексий (Симанский) представляют собой ленинградское духовенство, активное в церковно-общественном отношении. Достигшие средних церковных постов в 1900–1910-е гг., в 1920-е, в эпоху начавшихся антицерковных репрессий, они активно занимались привлечением в Церковь мирян, особенно из числа интеллигенции. Однако, если протоиерей Николай Чуков (в монашестве ставший Григорием) делал это через систему церковных образовательных учреждений, которые по мере усиления репрессий переходили от легальных к подпольным формам деятельности, то архимандрит Гурий (Егоров) через практику «духовничества». Последняя представляла собой изложение монахом-«духовником» советов мирянам (или, используя церковный сленг, «духовным отцом» – «духовным детям») о том, как им организовать свою жизнь и какие приоритеты они должны в ней иметь.

Из наиболее активных и преимущественно молодых мирян близких к Александро-Невской лавре в Петрограде, насельником которой

и был Гурий (Егоров), в 1918 г. было сформировано Александро-Невское братство (АНБ), которое в 1920-е гг. было вынужденно уйти в подполье[16]. Особенно активные репрессии властей против монашествующих (например, родной брат Гурия, также бывший духовником в Александро-Невской лавре был расстрелян) заставили почти всех оставшихся на свободе духовников, связанных с Александро-Невской лаврой, и часть членов АНБ искать убежище в других регионах. Для многих из них с конца 1920-х гг. таковым стал Узбекистан и прилегавшие к нему области Казахстана, Киргизии и Таджикистана. В Ташкенте, Фергане и Самарканде постоянно служили священники, связанные с «непоминающими», действовали основанные ими нелегальные монашеские общины, находили себе приют и работу освободившиеся из заключения священники[17].

Со служащим в Ташкенте Гурием поддерживал контакт еще один видный представитель «интеллигентного» духовничества, выпускник Московской духовной академии, последний настоятель Киево-Печерской лавры (КПЛ) Ермоген (Голубев). Он контролировал часть сети «непоминающих», состоявшую из молодых интеллигентных киевлян, которые в начале 1920-х гг. стали монахами (или проходили послушание[18]) в КПЛ. В середине и второй половине 1920-х гг., часть из этих людей перебрались в Ленинград, на подворье[19] КПЛ или вошли в состав братии Александро-Невской лавры. Некоторые, из числа остававшихся в Киеве, были во время нацистской оккупации Украины в 1941–1943 гг. рукоположены в священный сан и навсегда оставили маскировавшую их при советской власти светскую работу.

В 1999 г. журнал РПЦЗ «Русский инок» опубликовал весьма подробное жизнеописание архиепископа Чилийского Леонтия (Филипповича), основанное на его дневнике и воспоминаниях. В них иерарх РПЦЗ, выходец из интеллигентной семьи, начавший свою церковную карьеру в КПЛ 1920-х гг. под духовным руководством и в качестве

---

[16] Шкаровский М. Александро-Невское братство: 1918–1932. СПб., 2003.

[17] Автор, по видимому, не имеющий информации о данной сети, отмечает как факт, что после фактического конкордата государства и РПЦ в 1943 г. первое с 1920-х гг. известное ему обращение к властям о передаче Церкви мощей святых, поступило в Московскую Патриархию от мирян Ферганы в сентябре 1945 г.: Семененко-Басин И. Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации. М.: РГГУ, 2010. С. 96.

[18] Послушание – практика жизни и работы в монастыре, которая может быть закончена постригом в монашество. Нередки случаи, когда глубоко верующие послушники после опыта жизни в монастыре возвращаются в «мир» и далее могут вполне законно жениться и рукополагаться в священнослужители.

[19] Подворье – филиал монастыря. Различаются подворья городские – фактически представительства монастыря, занимающиеся, как правило, сбором или зарабатыванием средств для своей «материнской» обители, и подворья сельские, занимающиеся заготовкой продовольствия или фуража.

келейника Ермогена (Голубева), довольно подробно описал и то, как он по приказу своего духовника (с которым он поддерживал переписку и будучи в эмиграции в 1950–1960-е гг.) переехал в Ленинград и учился в Богословском институте, руководимом будущим митрополитом Григорием; и свои визиты к заключенным священнослужителям; и годы пребывания в подполье в разгар репрессий. В 1941 г., с приходом немцев, он вышел из подполья и стал епископом в Житомире, однако в отличие от многих своих собратьев предпочел эмиграцию почти неминуемой гибели от рук вернувшегося НКВД[20].

И, наконец, третья сеть, связанная с будущими митрополитами Григорием и Гурием состояла из членов крупной московской интеллигентской общины «непоминающих», устроенных также на основах духовничества – «мечевцев». После уничтожения ядра общины в 1930-е гг. уцелевшие ее участники собрались к середине 1940-х в Узбекистане, фактически стали у руля Ташкентской епархии (в качестве ближайших помощников правящих архиереев – Гурия, а затем и Ермогена), и впоследствии некоторые из них были рукоположены в епископы[21].

Еще одну заметную группу епископов, рукоположенных в 1944–1959 гг., представляют московские «твердые тихоновцы», преимущественно из монашествующих, которые в 1930–1940-е гг. составляли аппарат Патриаршего синода, или были к нему близки. Они опирались на свою сеть подпольных и полуподпольных приходов[22], монашеских общин и учебных заведений и не имели очевидного

---

[20] Псарев А. В. Архиепископ Леонтий Чилийский (1904–1971 гг.). Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Российской. К 25-летию со дня кончины // Православная жизнь. Джорданвилль, США. Март–май 1996.

[21] Протоиерей Феодор Семененко (1902–1975), рукоположен в священный сан «непоминающим» епископом Афанасием (Сахаровым), один из последних клириков храма Николы в Кленниках переехал первым в Ташкент в 1946 г. и после 1956 г. стал секретарем епархиального управления. Будущий архимандрит (а тогда протоиерей) Борис (Холчев, 1895–1971), другой священник того же храма, выпускник историко-филологического факультета МГУ, начавший служение в 1948 г. с прихода в Фергане, в 1953 г. по распоряжению епископа Ермогена стал настоятелем кафедрального собора в Ташкенте. Иеромонах Стефан (Никитин, 1895–1963, х. 1960), выпускник медицинского факультета МГУ (1922), староста «мечевской» общины, тайно рукоположен в священный сан епископом Афанасием (Сахаровым) (1927), политзаключенный (1931–1933), по благословению епископа Гурия оставил врачебную деятельность во Владимирской области и переехал в Ташкентскую епархию в 1950 г., затем по распоряжению епископа Ермогена занял синекурную должность настоятеля собора в Самарканде, а в 1955 г. вслед за митрополитом Гурием переехал в Днепропетровск. Подробнее об этом: Епископ Стефан Никитин // Московский журнал. 1996. № 2. С. 40–49.

[22] Полуподпольная активность состояла в том, что человек мог находиться на легальном положении с точки зрения властей, но одновременно заниматься церковной деятельностью или даже быть тайным священнослужителем. Или же подпольная монашеская община могла участвовать в богослужении в легально действующем храме.

лидера[23]. Их можно идентифицировать как «московский клан», насчитывающий 9 человек. Многие из них имеют высшее светское образование (см. таблицу).

Анализ биографий епископата, хиротонисанного и принятого в сущем сане в штат РПЦ в 1944–1959 гг.[24]

Советские люди	*37*
вероятные кадровые сотрудники МГБ–КГБ*	3
обновленцы	16 (из них 2 приняты в сане епископов)
вдовые протоиереи	18
Подпольщики	*31*
Клан Алексия (Симанского): ученики и соратники митрополитов Варфоломея (Городцова), Григория (Чукова), Гурия (Егорова), архиепископов Ермогена (Голубева), Мануила (Лемешевского), в том числе члены АНБ	19 (из них 11 – имели «киевское» происхождение)
Московский клан	9
предполагаемые участники подпольных сетей	3
Зарубежные люди	*46*
не граждане СССР на начало 1939 г., но и не вернувшиеся в СССР архиереями	23
присоединившиеся к РПЦ в «сущем сане» зарубежные архиереи	18
бывшие греко-католики	5
*Не идентифицированы***	*4*
Всего	*118*

* Глубоко провинциальные малообразованные священники, стремительно становящиеся епископами и затем получающие направление на зарубежные кафедры. Про таких, как правило, отсутствует иная информация, кроме официальной краткой биографии.

** Чрезвычайно короткие (или с большими провалами) официальные биографии и отсутствие иных сведений, позволяющих проследить их жизненный путь.

Анализ биографий епископата, рукоположенного в 1944–1959 гг., позволяет сделать вывод о том, что Алексий (Симанский) формировал епископат из людей с определенными взглядами на церковную

[23] Впрочем, возможно он нам пока неизвестен.

[24] Для анализа использован биографический массив, находящийся на сайте «Русское православие» (URL: http://www.ortho-rus.ru/), дополненный поиском в сети Интернет. Использованы также списки, приведенные в работе: Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви: 1917–1997. М.: Изд-во Свято-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 717–769.

и политическую жизнь. Он брал людей, не замаранных сотрудничеством с властями – в первую очередь предательством интересов Церкви. Он хотел видеть епископами тех, кто был противником идеологии «обновленчества», либо (в очень редких случаях) сознательно от него отрекшихся и покаявшихся. Ему в качестве епископов были нужны те, кто имел высшее светское и духовное образование, желательно, хорошего происхождения, – своеобразные «аристократы духа».

Реализация стратегии хиротонии «тихоновцев», «непоминающих», реэмигрантов и других «несоветских» людей при отсеивании бывших «обновленцев» и «вдовых протоиереев», долгая жизнь епископа в должности[25] и возможности создания внутри Церкви интеллектуального ядра из высокообразованного духовенства позволила бы на десятилетия отложить вопрос о советизации, если не всего института Церкви, то его центральных управленческих органов. Отголосок подобной позиции (не оглашаемой, конечно, публично) передан нам в секретном докладе властям инспектора Ленинградской духовной академии и семинарии (ЛДАиС) профессора Александра Осипова (1911–1967), который писал: «(Секретарь Алексия I. – *Л. Н.*) Парийский из Москвы привез такое наставление Патриарха: «Пусть все кругом меняется – мы должны застыть такими, какими были сотни лет назад. Пусть наша неизменяемость, неподчиняемость духу времени символизирует вечность церкви. Нам радостно видеть, что нас и ныне окружает то же самое в церкви, что мы видели с детских лет, чем жили отцы, деды и прадеды. Нам должно научиться хранить прошлое вопреки настоящему. В этом наша сила, в этом наша правда»[26].

Еще нагляднее эта тенденция проявилась при формировании сети церковных учебных заведений. Властями в 1943–1947 гг. было разрешено открыть восемь семинарий[27] и два высших учебных заведения – духовные академии. Их руководство (довольно часто сменявшееся под влиянием властей или проблем, связанных с возрастом и здоровьем) и отчасти преподавательский состав подбиралось лично патриархом. В значительной мере он состоял из все тех же реэмигрантов, воспитанников польских православных семинарий межвоенного периода и представителей упомянутых мною выше трех сетей. Потенциал преподавательского состава до и пореволю-

---

[25] Значительная часть епископов уходила в мир иной, уже перевалив за 80-летний рубеж, но все еще занимая кафедры.

[26] Доклад секретного осведомителя, профессора протоиерея А. Осипова Ленинградскому уполномоченному А. И. Кушнареву о положении в Московской Патриархии // Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1970. СПб.: Воскресение, 1997. С. 923.

[27] В Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Луцке, Минске, Саратове, Ставрополе.

ционного периода был использован очень слабо (и то в основном в Ленинграде), хотя, несомненно, немало бывших преподавателей Московской, Казанской и Киевской академий в то же время еще излагали «русский язык и литературу» учащимся железнодорожных техникумов. Очевидно, что Патриарх собирался воспитывать новое поколение семинаристов усилиями максимально, «несоветских» по менталитету людей, пребывавших в подполье и эмиграции. Другой вопрос, что бдительные власти в этом вопросе оказывали ему серьезное сопротивление.

Хороший пример в этом отношении дает судьба бывшего киевлянина, протоиерея Всеволода Шпиллера, выпускника богословского факультета Софийского университета. Он был учеником одного из основателей РПЦЗ, крайне консервативного епископа Серафима (Соболева)[28], воссоединившегося с РПЦ в 1946 г. – автора труда «Русская идеология» (1939). В 1950 г., оставив свой приход в Софии, Шпиллер по личному приглашению патриарха переехал в СССР, чтобы стать инспектором (фактически – вторым человеком после ректора, ответственным за воспитание студентов) в Московской духовной академии и семинарии (далее МДАиС). Примечательно, что сразу после приезда он, защищая звание доцента МДА, прочел лекцию по теме: «Критика римско-католического догмата о главенстве папы в Церкви в русской богословской литературе позднейшего времени»[29], однозначно заявив тем самым о своей церковно-политической позиции. Однако вскоре столь яркий и безусловно «несоветский» персонаж был переведен с этой должности в Отдел внешних церковных сношений Московской Патриархии, получив при этом приход в Москве. Другим руководителем МДАиС в ранге инспектора стал архимандрит Вениамин (Милов), который в начале 1920-х гг. принадлежал к гиперконсервативной группировке епископа Феодора (Поздеевского), а затем много находился в заключении по политическим статьям, в перерыве служа (открыто и подпольно) в одном из идейных центров «тихоновцев» – Владимире. В 1949 г. он был вновь сослан в среднеазиатский Джамбул, после освобождения и реабилитации стал в 1955 г. епископом Саратовским[30]. В целом картина (заведомо неполная) кадровой политики Алексия I в сфере духовного образования в 1944–1959 гг. выглядела так (см. таблицу):

---

[28] URL: http://www.russia-talk.com/idea.htm

[29] ЦГА МО. Ф. 7383. Оп. 2. Д. 15. Л. 45.

[30] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 25. Вариант биографии Вениамина (Милова), не слишком отклоняющийся от материалов дела, см. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Milov/

	Высшие посты в системе образования: ректор, инспектор, председатель Учебного комитета МП	Преподаватели ДС и ДА
«Ленинградский клан», «мечевцы»	6	2
Русские реэмигранты	2	3
Граждане стран и население территорий, оккупированных СССР в 1939 г. (Польша, Эстония)	8	3
Всего	16	8
Из числа реэмигрантов и оккупированных выпускников:		
Свято-Сергиевского института в Париже		2
Богословских факультетов Варшавского и Виленского университетов	5	2
Дореволюционных российских духовных учебных заведений	3	1
Богословских факультетов Софийского и Тартуского университетов, колледжа Руссикум (Рим)	2	1

В кадровой политике и формировании системы образования для патриарха особенно важен был вопрос обновленчества, которое аристократ по происхождению, выпускник юридического факультета Московского университета и С.-Петербургской ДА Алексий (Симанский) категорически не переносил. Вопрос был, вероятно, даже не в позорных действиях обновленцев, которые в 1920-е гг. прямо призывали власти к репрессиям против Патриаршего синода как конкурирующей религиозной организации. Важнее было то, что обновленцы покусились на принцип всевластия епископата, настаивая на решении вопроса о власти в Церкви через выборы – епископов или патриарха. Алексий (Симанский) был сторонником управления Церкви элитарным высокообразованным слоем епископов, декларирующих принцип «апостольской преемственности» и выдвигающих на свободные места в епископате самых достойных. Именно этот принцип он и возвел в основу конструируемой им Церкви. Но это было уже во второй половине 1940-х гг., а в 1920-е гг. лишь одна социальная группа в РПЦ устойчиво поддерживала подобное мнение. Это были монашествующие крупных монастырей, тесно связанные с сообществом «духовников», а также некоторые интеллигентские общины и братства в крупных городах.

Именно поэтому среди епископов, рукоположенных в 1947–1958 гг. (за исключением единичных бывших «обновленцев»), мы почти не увидим представителей самых массовых категорий священнослужителей: рядового городского и сельского духовенства,

бывших насельников рядовых монастырей, преподавателей рядовых семинарий. Они не подходили на эту роль ни по критерию интеллигентности, ни по критерию потенциальной поддержки «антидемократической» линии Алексия (Симанского).

Черносотенцы в руководстве «тихоновской церкви» в 1920–1940-е гг.

Но, кто же были те интеллигенты, которые пошли в 1920-е гг. в монашествующие или начали активно участвовать в становящейся с каждым днем все более криминальной церковно-общественной деятельности, и потом, через двадцать лет стали епископами? Каковы были их общественно-политические взгляды и отношение к русскому национализму, что столь важно с точки зрения рассматриваемой нами темы?

Я не могу утверждать, что большинство этих людей были убежденными русскими националистами. Мы не так много знаем об их воззрениях на вопросы этничности. Но мы можем говорить о том, что эта среда была дружественна к русскому национализму. В том числе нейтрально, если не сказать спокойно, относилась к антисемитизму.

Много лет занимаясь проблемами национализма в советском обществе, прочитав десятки мемуаров на эту тему и сделав сотни интервью, я могу констатировать принципиальную разницу во внимании, проявляемом к этому явлению у сторонников разных политических взглядов. Люди, придерживающиеся либеральных и левых взглядов или потенциальные жертвы этнической ксенофобии (евреи, армяне, российские немцы) при характеристике в мемуарах встречавшихся им в жизни людей, как правило, отмечают открытых глашатаев этнонационализма. Иногда это важная тема для мемуаристов, иногда проходной сюжет, но сам факт выражения подобных взглядов фиксируется. Сами националисты, для которых действия и желания людей обоснованы их этничностью, в мемуарах и интервью, естественно, уделяют достаточно внимания подобной тематике. А вот представители тех страт, которые нейтрально-благожелательно относятся к выражению этнической ксенофобии – будь то военные или сотрудники аппарата ЦК КПСС, – вообще не затрагивают подобной темы в своих воспоминаниях. Мемуары и биографии-описания, касающиеся жизни Церкви в 1940–1980-е гг., – яркий тому пример. Темы этничности и, в частности, русского национализма в них практически не затрагиваются, хотя они, безусловно, обсуждались в этой среде. Однако дистанция между вербальными практиками и их фиксацией в письменном виде была огромна и была лишь отчасти компенсирована уже

следующим поколением духовенства и мирян, пришедшим в Церковь во второй половине 1940-х гг. О них мы поговорим позднее.

Пока же речь идет о поколении дореволюционных по духу (в том числе приехавших из эмиграции) людей, часть которых, безусловно, разделяли идеи русского национализма, хотя в отличие от политических активистов не выдвигали их на первый план. Вот, например, входивший в ленинградский клан митрополит Новосибирский Варфоломей (Городцов, 1866–1956). Он был образцово-показательным религиозным националистом своего времени. Его внук в апологетическом биографическом очерке рисует типичные карьеры его братьев и сестер – русских интеллигентов, детей протоиерея из Рязанской губернии, посвятивших свою жизнь народу и делящих свои интересы между политикой, религией, культурой и наукой:

«Павел Дмитриевич – протоиерей, доктор богословия, выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии, профессор в институте путей сообщения. Александр Дмитриевич – поначалу заметный оперный бас, певший на сценах Москвы и Петербурга; а впоследствии крупный музыкальный деятель, основатель и первый председатель Пермской филармонии; создатель сотен народных хоров в Пермской и Екатеринбургской губерниях. Мария Дмитриевна – путешественник-этнограф – в 1930–1940-х годах профессор кафедры русского языка в Сорбонне. Сергий Дмитриевич – митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей, доктор богословия, автор многих богословских трудов. Феодосия Дмитриевна, в замужестве Твердова, – основательница и первая начальница Михайловской женской гимназии [в Рязанской губернии]. Варвара Дмитриевна – знаменитый на весь Петербург хирург. И, наконец, наша бабушка Анна Дмитриевна, в замужестве Боголепова, основательница сети сельских библиотек в Михайловском уезде, участница литературно-драматических кружков в Михайлове»[31].

В конце 1880-х гг. будущий митрополит вместе с будущим патриархом Сергием «были увлечены внеакадемической деятельностью. Она сводилась к тому, что они по своему желанию проводили беседы в церквах, на фабриках и заводах, в народных клубах, где обучали народ молитвам, нередко руководя народными хорами»[32]. Такая народническая деятельность для иерея Сергия Городцова вполне логично закончилась председательством в совете Епархиально-миссионерского братства имени Архистратига Михаила в г. Тифлисе (нынешний Тбилиси), где он служил миссионером после распреде-

[31] Андреев Николай. Сибирский святитель. URL: http://www.orthedu.ru/nskeparh/mitr_varfolom/sib-cv/svyatitel.htm

[32] Там же.

ления из академии[33]. Братство выступало против «революции и сектантства». На его основе в 1905 г. был организован Союз союзников России, который возглавил общесоюзной известности правый радикал Владимир Пуришкевич (1870–1920). В мае 1905 г. Городцовым вместе с епархиальным миссионером протоиереем Иоанном Восторговым (в 1906 г. после переезда в Москву избран одним из трех членов «Главной управы Объединенного Русского Народа», пытавшегося играть роль руководящего органа «черной сотни»[34]) он был преобразован в локальной известности Партию сторонников порядка. В качестве председателя этой партии Сергий Городцов пережил покушение со стороны левого радикала, получив несколько пуль. Но выжил, в отличие от навещавшего его начальника – экзарха Кавказа, которого вскоре застрелили прямо в здании епархиального управления. Русские священники епархии после этого убийства подали официальную петицию властям об отказе в сослужении с грузинскими коллегами[35].

Почти двадцать лет проведенных в гонениях, тюрьмах и лагерях не изменили кардинально убеждений уже овдовевшего и принявшего монашество Варфоломея. В характеристике, написанной на него в 1945 г., возможно НКВД, ему единственному из мне известных архиереев 1940-х гг., вошедших в состав Московской патриархии, приписывается следующее: «По своим убеждениям в настоящее время является монархистом, настроенным профашистски». Требует от митрополита Сергия «более твердой позиции, по отношению к советской власти. ...На митрополита Сергия имеет отрицательное влияние и пользуется у него авторитетом. Опасный и способный на всякие каверзы»[36]. 1 января 1941 г. он был выслан из Московской области и поселился в примечательном месте – «селение Рабочий поселок

---

[33] Исключение им за несколько лет до того из Тбилисской семинарии за левые взгляды Иосифа Джугашвили осталось фактом семейной биографии.

[34] Именно с ним, как говорилось выше, сослужил над гробом черносотенца Гринмута службу будущий патриарх Алексий (Симанский). В 1981 г. Восторгов был прославлен РПЦЗ в качестве священномученика. Многие фундаменталистские общины в современной РПЦ также почитают его в таковом качестве. Среди них, например, Домовой храм мученицы Татьяны Московского государственного университета, газета которого выбрала Иоанна Восторгова своим «небесным покровителем». См. Светозарский Алексей. Священномученик Иоанн Восторгов – труды и дни. URL: http://www.st-tatiana.ru/text/32846.html

[35] Бочкарев Виталий, протоиерей, Шабунин Евгений. Почему отец Сергий Городцев уехал из Тифлиса. URL: http://www.orthedu.ru/nskeparh/mitr_varfolom/iz_tiflisa/1.htm Авторы ссылаются в основном на: Павлиашвили К. Грузинский Экзархат Русской Православной Церкви // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIII. С. 342.

[36] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 21. Л. 5.

Козловского сельсовета Завидовского района Калининской области, где жил на Первомайской улице, д. 16 в доме Филиповых»[37]. Именно в Завидово в конце 1930-х гг. собралась группа «мечевцев», там же до своего ареста жил окормлявший их, рукоположивший их и предавший их архиепископ Мануил (Лемешевский)[38]. В 1942 г. находящимся в эвакуации в Ульяновске митрополитом Сергием (Страгородским), он был возведен в сан епископа, получив титул правящего архиерея Ульяновской епархии. Фактически в этот период он вошел в число руководителей Церкви[39].

Церковный писатель Анатолий Краснов-Левитин, в своих мемуарах красноречиво описал службу в Ульяновске в 1943 г., которую проводил митрополит Сергий (Страгородский), с его заключительной речью в честь присутствовавшего юбиляра – архиепископа Варфоломея: «Вспоминал студенческие годы, потом сказал: “И хотя теперь недолго уже нам с тобой осталось здесь быть, будем, пока живы, служить по-старому”»[40]. А в марте 1949 г. уполномоченный Совета

---

[37] Там же. Л. 2–4.

[38] Мануил (Лемешевский) относился с С.-Петербургскому церковному ядру «тихоновцев», которое при всех внутренних противоречиях имело решающий голос в управлении церковью в 1920–1950-е гг. И был ярким и убежденным русским националистом, что, например, хорошо известно по деятельности его ближайшего ученика – митрополита С.-Петербургского Иоанна (Сычева, 1927–1995). Однако с 1920-х гг. Мануил сотрудничал с ОГПУ–НКВД и, в частности, раскрыл «мечевскую» общину, для которой сам же рукоположил несколько тайных священников. О нестойкости Мануила на допросах в принципе было известно в церкви (см.: Зайцев Виктор. О. Сергий Мечев и его «покаяльно-богослужебная семья» // Православная община. 1991. № 1. URL: http://www.krotov.info/history/20/1920/zayzev1991.htm), однако масштаб предательства был раскрыт только при изучении документов следственных дел комиссией РПЦ по канонизации. Как следствие митрополиту Мануилу было в ней отказано. Об этом неоднократно говорил в своих публичных выступлениях С.-Петербургский церковный историк и член комиссии РПЦ по канонизации протоиерей Георгий Митрофанов. Подробно об увлеченном и инициативном доносительстве Лемешевского сообщается и на его индивидуальной странице сайта «Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века», являющегося проектом ПСТБИ (прямая ссылка невозможна, необходимо искать через: http://www.pstbi.ru/). Можно предположить, что о виновнике расстрела группы тайно рукоположенных священников в какой-то момент узнал патриарх Алексий I. Иным трудно объяснить, что заслуженному борцу с «обновленцами» в 1920-е гг., который всю жизнь пытался вернуться на престижную кафедру в Ленинград или на худой конец получить кафедру в другом крупном городе, довелось служить только в дальней провинции, где он *постоянно страдал от «невнимания» патриарха. См.: Митрополит Мануил (Лемешевский). Божий виноградник*. СПб.: Царское дело, 1999.

[39] В Ульяновске кроме митрополита Сергия постоянно пребывали лишь один-два архиерея.

[40] Левитин (Краснов) Анатолий. Рук Твоих жар (1941–1956). Тель-Авив: Круг, 1979. С. 78.

по делам РПЦ по Новосибирской области написал на него довольно подробную и несомненно лестную с точки зрения современной церковной аудитории характеристику, которая в 1999 г. была с удовольствием опубликована в центральном церковном издании – «Журнале Московской патриархии». В ней, в частности, утверждалось:

«Архиепископ Варфоломей – фанатично религиозный человек, с глубоко консервативными взглядами, большой приверженец русской старины, благожелательно относится ко всему русскому и отрицательно – к немцам[41] и вообще к инаковерцам, особенно к баптистам и католикам, ревностный служитель Православной Церкви, стремящийся всеми силами и средствами расширить влияние Церкви, упрочить ее положение, уберечь духовенство и верующих от всякого прогрессивного влияния извне. В этих вопросах он неутомим, несмотря на свой возраст»[42].

Человек с подобными взглядами и жизненным опытом не только благополучно пробыл четырнадцать лет в сталинском СССР в качестве главы крупной епархии, но и провел в епископат как минимум двух близких к себе людей. Одним из них был прославившийся на всю Церковь гиперконсерватизмом, непримиримостью в отношениях с властью сын протоиерея, окончивший гимназию с золотой медалью, бывший колчаковский офицер и ветеран Второй мировой Венедикт (Пляскин, 1900–1976), хиротонисанный в архиереи в 1945 г.[43]

А вот ближайший сподвижник уже патриарха Алексия I – митрополит Григорий (Чуков, 1870–1955), который в 1945 г. перенял у Алексия Ленинградскую кафедру и стал руководителем Учебного комитета РПЦ, в 1922 г. был одним из подсудимых на процессе против руководства Петроградской епархией, сопротивлявшегося перехвату власти «обновленцами». Пожалуй, основной реальной причиной суда было создание мирянами с благословения митрополита Владимира (Богоявленского) Общества объединенных петроградских православных приходов, которое в свою очередь являлось частью одноименной общероссийской организации. Когда большевики начали первое серьезное наступление на Церковь, то они потре-

---

[41] «Подвергся он поруганию и в Германии, куда в 1914 году выезжал служить во Владимирскую церковь г. Мариенбада. Накануне первой мировой войны разбушевавшаяся толпа напала на него и его псаломщика, его оскорбляли, дважды отводили в полицейский участок» (Андреев Николай. Сибирский святитель...).

[42] Бочкарев Виталий. «По характеру человек прямой, свои мысли и желания высказывает прямо, не дипломатничает» // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 6. Цит. по электронной копии.

[43] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 23. Л. 3–14. Подробно о гиперконсервативных взглядах и участии в отпевании Городцова см. в официальной биографии на сайте Читинской епархии: http://www.chita-eparhia.ru/enapx/apxuepeu/plaskin/

бовали перерегистрации церквей общинами, состоящими из местных жителей, обещая закрыть те храмы, которые не будут нужны населению. Это общество занималось организацией подобных приходов, которые были верны митрополиту, что было с точки зрения властей, мечтающих разрушить структуру Церкви, да и по сути, «антисоветской» (точнее антикоммунистической) деятельностью. Четверо из подсудимых на этом процессе были расстреляны. Среди них был Серафим (Шеин), представитель старинного дворянского рода, депутат IV Государственной думы от фракции националистов, принявший монашество в 1920 г. и стремительно доросший до высокого церковного звания.

Выжившие подсудимые стали во главе дела церковного образования в послевоенные годы. Протоиерей Николай Чуков, как говорилось выше, в монашестве – Григорий, осужденный на процессе в числе немногих к расстрелу, а потом помилованный, стал руководителем Учебного комитета РПЦ; осужденный к трем годам протоиерей Сергий Бычков, в монашестве Симеон, в 1948–1952 гг. был ректором ЛДАиС, в сане епископа; Лев Николаевич Парийский (1892–1972), получивший на этом процессе пять лет, был инспектором ЛДАиС в 1950–1967 гг., а впоследствии был переведен в Москву и назначен на щепетильный пост секретаря Хозяйственного управления Московской Патриархии[44].

Другим, но уже уцелевшим в репрессиях, депутатом IV Государственной думы от фракции правых[45], был священник Тихон Попов (1876–1962). В 1906 г. в Воронеже он совершал молебен на учредительном собрании местного отдела Союза русского народа, позднее избирался при его содействии в Думу. В 1945 г., несмотря на то, что он успел побывать обновленческим епископом, был назначен ректором новооткрытого в Москве Богословского института, позднее преобразованного в МДАиС[46]. Правда, ни в одном варианте его официальной

---

[44] Л. Парийский, например, упоминается в дневниках Григория (Чукова). См.: Неугасимая лампада // Наш современник. 1994. № 4. С. 175–179.

[45] Правда, он был депутатом всего один год, покинув ее ради хлебного места профессора богословия в Сельскохозяйственной академии в Москве. Интересно, что он также был выпускником Киевской духовной академии (1900), после которой был назначен законоучителем Воронежской женской гимназии, одновременно был настоятелем Спасской церкви, благочинным церквей г. Воронежа и представителем духовенства на епархиальных съездах. См.: Четвертая Государственная дума. Портреты и биографии / издание Н. Ольшанского. СПб., 1913. С. 155.

[46] Рылов В. Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002. О беседе Т. Попова в бытность его ректором о своем депутатстве и причинах его вызвавших с вновь поступившим учащимся см.: Левитин-Краснов А. Э. Рук Твоих жар (1941–1956). С. 158.

церковной биографии нет упоминаний о его политическом прошлом. Зато сайт храма, в котором он когда-то служил, приводит такие «слова, сказанные им в 1906 г. с амвона церкви: “Если вы, братие, увидите вора, разбойника, мошенника, протяните этим несчастным руку, но если вы встретите социалиста или толстовца, то плюньте на них и бежите от них”»[47].

Еще один бывший депутат Государственной думы (II и III созывов), занимавший пост заместителя руководителя «русской национальной фракции»[48], а после Гражданской войны, создававший РПЗЦ, митрополит Евлогий (Георгиевский, 1868–1946) до СССР не доехал, но был с радостью принят в епископат РПЦ в 1945 г. Его ближайший помощник по предреволюционной социальной и церковной деятельности, вряд ли имевший иные, чем патрон, политические убеждения – архиепископ Сергий (Королев, 1881–1952) в 1950 г. перебрался из Чехословакии в СССР и занял Казанскую кафедру[49]. Младший брат депутата фракции националистов IV Государственной думы, основателя отделения Союза русского народа в Виленской губернии, священника Владимира Юзьвика (ставшего в послевоенной Польше заметным православным деятелем) – Николай, в 1942 г. стал в Литве епископом Московской Патриархии. В этом качестве в 1946 г. он вернулся в СССР, заняв кафедру в Белоруссии[50].

В 1950 г. был рукоположен в епископы подконтрольной МП Чехословацкой ПЦ еще один примечательный человек – недавно возвратившийся в СССР (1949) библиотекарь ТСЛ Алексий (Дехтерев, 1889–1959). Литератор, много лет был вожаком скаутского движения[51] и преподавателем русских эмигрантских школ, лауреатом премии конкурса Союза русских писателей и журналистов Королевства Югославии за стихотворение «Я Русь люблю» (1935). В 1934–1938 гг.

---

[47] Сайт Спасского храма г. Воронежа: URL: http://www.vob.ru/church/voronezh/spasskiy/spassk.htm

[48] Бабкин М. Духовенство и свержение монархии. С. 116.

[49] Сергий (Королев): URL: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_826

[50] О том, что братья были близки идеологически, свидетельствует не только общность судеб (как в профессиональном, так и в географическом отношении), но и тот факт, что Николай, по всей видимости, вслед за братом, избранным депутатом Думы, перебрался перед революцией в Петербург для получения юридического образования. Об о. Владимире Юзьвюке см.: Иванов А. *А*. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб, 2006. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_yu/yuzvyuk.html, об архиепископе Данииле см.: URL: http://zarubezhje.narod.ru/gi/d_031.htm

[51] В том числе был «старшим скаутом» на Дону и развивал эту деятельность при персональной поддержке руководителя Белого движения на Дону в этот период – атамана Краснова. Скауты повзрослее из этого движения активно помогали казакам в перевязке раненых, а к 1920 г. и как военная сила.

он был главным редактором периодических изданий главного издательского центра РПЦЗ в монастыре преподобного Иова Почаевского в Словакии, который продолжал традиции издательского центра Почаевской лавры – основного распространителя черносотенных изданий в Западной части Российской империи[52]. С 1955 г. он получает Виленскую кафедру уже в СССР.

Ленинград, Киев, Житомир: подпольная сеть Ермогена (Голубева) и монашества Киево-Печерской лавры

На связях Ермогена (Голубева) и его последователей в КПЛ с русскими националистами важно остановится поподробнее. Ермоген был сыном профессора Киевской ДА С. Т. Голубева, специализировавшегося на «борьбе с сектами». Он был братом инициатора «дела Бейлиса» (1912) студента-юриста Владимира Голубева, члена Союза русского народа, а с 1912 г. – председателя Киевского патриотического общества молодежи «Двуглавый орел». Именно студент-юрист Владимир Голубев был автором версии об убийстве мальчика Алеша Ющинского евреями в ритуальных целях. Именно он нашел «доказательства», легшие в основу обвинения подрядчика кирпичного завода Менделя Бейлиса. И именно члены его организации[53] пытались организовать еврейский погром, но были остановлены полицией, удовлетворившись нападением 14 мая 1912 г. на здания польской и либеральной газет[54]. Сейчас трудно установить принимал ли участие в этих событиях его младший брат, которому в тот момент было уже 16 лет и он заканчивал 3-ю Киевскую гимназию с золотой медалью[55]. Однако, окончив в 1919 г. МДА он был постри-

---

[52] Шкаровский В. Монастырь преподобного Иова Почаевского в Словакии // Диаспора: новые материалы. СПб.; Париж:Athenaeum-Феникс, 2007. Т. IX. С. 302.

[53] Одним из руководителей которой, к слову об участии духовенства в черносотенном движении, был выпускник историко-филологического факультета все того же Киевского университета священник Федор Синкевич.

[54] Голубев Владимир Степанович (28.08.1891–6.10.1914), активный участник монархического движения в Киеве, председатель патриотического общества молодежи «Двуглавый орел».

[55] Недавно был опубликован примечательный документ, найденный в фонде духовного наставника патриарха Алексия (Симанского) митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого) (об их отношениях см.: «Видно не испили мы до дна всю чашу положенных нам испытаний». Письма епископа Ямбургского Алексия (Симанского) митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому), 1921–1922 / публ. М. Одинцова // Исторический архив. 2000. № 1. С. 74, 84.). Это «Записка, составленная по постановлению объединенного собрания Советов и Комитетов Киевских Монархических партий и союзов “Об отношении Святейшего Правительствующего Синода к современной смуте”», датированная весной 1907 г. и распространявшаяся в Киеве в

жен в монашество и рукоположен в священный сан в гнезде самой консервативной группировки тогдашней РПЦ – в Даниловом монастыре непосредственно ее лидером – бывшим ректором МДА епископом Феодором (Поздеевским, 1876–1937). Затем им же Ермоген был послан в Киев с миссионерской целью[56]. В 1926 г. архимандрит Ермоген стал последним наместником КПЛ. В этом качестве он в конце 1920-х гг., оставаясь «тихоновцем», занял сторону «непоминающих», т. е. многочисленных представителей духовенства и епископата, кто не создавая параллельных иерархических структур, дефакто не подчинялся Патриаршему синоду во главе с митрополитом Сергием (Старгородским)[57]. А когда помещения Лавры были заняты «обновленцами» (а потом и вовсе конфискованы властями), руководил деятельностью общины КПЛ, действовавшей сначала в Китаевой пустыни, а потом в полуподпольных условиях до 1931 г. После ареста (по делу «Киевского филиала ИПЦ»)[58] и лагеря (вышел на свободу в 1939 г.), находился в подполье. Легализовался архимандрит Ермоген в 1945 г. в Астраханской епархии, затем стал настояте-

---

виде листовки. Ее подписали помимо киевских собраний и отделов Союза русского народа и Русского собрания и Общество молодежи «Двуглавый орел». И хотя в тот момент Владимир Голубев еще не был его официальным руководителем, вряд ли он не знал об этом документе. См.: Бабакин М. А. Монархисты Киева о политической позиции Святейшего Синода Русской православной церкви. 1905–1907 // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 139–145. В документе авторы, в частности, выступают в защиту Иоанна Кронштадтского, епископа Евлогия (Георгиевского), которого на каком-то заводе в С.-Петербурге оскорбили революционно настроенные рабочие, приводят еще ряд случаев нападений на священников и издевательств над святынями и ставят в итоге вопрос о способности Священного синода справится с подобными безобразиями и защитить монархию. Стилистически подобный документ является одним из предшественников обличительных по отношению к церковной власти открытых писем 1960 – начала 1970-х гг., о которых речь пойдет далее.

[56] Жесткость и консерватизм позиций Феодора (Поздеевского) видны, например, по тому, что он был инициатором «бунта» находившегося в Москве епископата против решения Патриарха Тихона (принятого под давлением властей) о переходе Церкви на новый (современный) календарь. В результате Патриарх был вынужден отменить свое решение. Патриарх также подвергался впоследствии шантажу со стороны епископата, рассматривавшего его как недостаточно «крепкого в вере», и грозившего сменить его на того же Феодора. См.: Крестный путь Патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины). С. 62.

[57] Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской православной церкви. СПб: Научно-информационный центр «Мемориал», 1999. С. 91. Примечательно, что Ермоген (Голубев) участвовал в первом собрании более радикального движения в РПЦ – «иосифлян» в Ленинграде в 1927 г., однако отказался присоединиться к этому движению, хотя немало номинально подчинявшихся ему монахов КПЛ вскоре примкнули к нему.

[58] Согласно списку осужденных по групповым делам ИПЦ: Осипова И. Сквозь огонь мучений и воды слез... Судьба движения «Истинно-православная церковь». М.: Серебренные нити, 1998. С. 302.

лем собора в Самарканде (1948–1953), в годы, когда епархией управлял все тот же Гурий (Егоров).

Юрист КПЛ в 1920-е гг. И. Н. Шумилин в своих воспоминаниях, опубликованных в 1960 г. в Германии, засвидетельствовал: «Тяга в монашество среди интеллигентных людей проявилась с особой силой в годы испытаний и гонений на Лавру. Так, когда Лавра была объявлена закрытой и монахи собрались вокруг своего настоятеля архимандрита Гермогена[59] в Китаевской пустыни, поступали прошения о постриге со стороны врачей или юристов. Эти интеллигентные, убежденные люди готовы были идти на страдания и смерть ради христианской идеи... в сложной обстановке умирающей Лавры о. Гермоген умел своей энергией, умом, а, главное, своей горячей верой задержать процесс ликвидации монастыря как общины, уже оторванной от своего исторического места»[60].

Сколько из них могло в 1910-е гг. принимать участие в «Двуглавом орле» и других подобных организациях, популярных у русской молодежи Киева – едва ли не самого поляризованного по этническому признаку крупного города России того времени, – Бог весть[61].

Именно этих людей, значительная часть которых в 1920-е гг. переселилась в Ленинград, мы видим среди епископата, рукоположенного во второй половине 1940–1950-е гг.[62] Они же участвовали в

---

[59] Разница в написании имени Ермогена (Гермогена) сопровождала его на протяжении всей жизни.

[60] Никодимов И. Н. (Иван Ник Шумилин). Воспоминания о Киево-Печерской лавре. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1960. С. 84, 132.

[61] «Общая численность крайне правых партий в Киевской губернии по состоянию на конец 1907–начало 1908 г. составляла 30 120 человек» (Бабкин М. А. Указ. соч. С. 54).

[62] Андрей (Сухенко, 1900–1973, х. 1948), сын агронома, окончил ту же 3-ю киевскую гимназию, что и Голубев, но на четыре года позже, студент Киевской ДА (после закрытия академии брал уроки частным образом у ее профессоров), также отучился четыре года в Киевском институте народного хозяйства, секретарь Киевского епископа, архимандрит (1933), политзаключенный; Владимир (Кобец, 1884–1960, х. 1948), насельник КПЛ (с 1905), настоятель подворья КПЛ в Ленинграде (с 1931), священник ленинградских храмов (1940-е); Евмений (Хорольский, 1886–1967, х. 1954), насельник киевских монастырей (с 1905?), в т. ч. ленинградского подворья КПЛ (1924–1930), политзаключенный (с 1930), насельник КПЛ (1946–1954); Илларион (Кочергин, ум. 1965, х. 1949), выпускник Киевской ДС и историко-филологического факультета Киевского университета, рукоположен в священный сан в Киеве в 1941 г. (т. е., скорее всего, уже при немецкой оккупации); Михаил (Воскресенский, 1897–1976, х. 1953), сын епископа, выпускник Смоленской ДС, студент С.-Петербургского и Киевского университетов (1915–1919), по окончании ВОВ был принят лично Патриархом и получил благословение на рукоположение в священный сан; Нестор (Тугай, 1900–1969, х. 1953), насельник КПЛ (1910–1933), в т. ч. регент подворья КПЛ в Ленинграде (1923–1933), политзаключенный (с 1933), участник ВОВ, насельник (с 1945) и настоятель КПЛ (1953–1961); Феодосий (Погорский, 1909–1975, х. 1958), уроженец

восстановлении монашества в КПЛ, в послевоенный период. В частности, регент, вероятно, главного «укрывища» братии КПЛ на рубеже 1920–1930-х гг., подворья КПЛ в Ленинграде – Нестор (Тугай), в 1953–1961 гг. будучи хиротонисанным в сан епископа, был настоятелем КПЛ (куда пришел сразу после окончания войны). А руководитель подворья КПЛ в Ленинграде – Владимир (Кобец) сразу после войны занял пост наместника Псково-Печерского монастыря и после хиротонии во епископа успел побывать и на значимой должности представителя РПЦ на Святой земле, и в должности епископа Житомирского.

В глубоко провинциальном Житомире, наряду с Ташкентом, Ленинградом, отдельными районами Владимирской и Тверской областей в 1920–1930-е гг. находился один из самых крупных опорных центров «тихоновского» православия. В основе этого лежало несколько факторов. Главным из них была деятельность Свято-Николаевского братства, созданного в 1918 г. протоиереем Аркадием Остальским (1888–1937) по благословению уже упоминавшегося заместителя руководителя «русской национальной фракции» Госдумы архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского)[63]. Аркадий Остальский имел очень плотные контакты с Киевом еще со времен своей учебы в КДА, которую окончил в 1910 г. В течение 1920-х гг. он неоднократно приводил в КПЛ из Житомира крестные ходы братства. К моменту рукоположения в сан епископа в 1926 г. он уже был опытным подпольщиком курсируя между Москвой, Киевом, Житомиром, а также проведя несколько месяцев в горах Абхазии, популярных у перешедших на подпольное положение и ставших членами ИПЦ православ-

---

Киевской области, псаломщик (1928–1930), советский служащий в Киеве, выпускник Московского планового института (1940), в условиях оккупации рукоположен в священника (1942). Безусловно, был близок к этому кругу и один из немногих уцелевших в репрессиях крупных богословов РПЦ Макарий (Оксиюк, 1884–1961, х. 1945), выпускник КДС (1911), профессор там же (1917–1922), далее научный работник в АН УССР, овдовел и рукоположен в Киеве в 1942 г. После 1945 г. и возвращения из «обновленческого раскола» к этому сообществу примкнул и Феодосий (Коверницкий, в других источниках Ковернинский, 1895–1980), сын священника Киевской епархии, выпускник КДС (1916) и бывший студент КДА, рукоположенный в 1945 г. в сан епископа Черновицкого. В этом качестве он активно привечал на священнические должности бывших политзаключенных и боролся с проникновением на них агентуры МГБ. В 1960-е гг. он был верным сторонником Ермогена и занимался распространением его воззваний, а также добивался открытия в Киеве церкви, где он, находившийся на покое, мог бы служить с бывшими насельниками КПЛ (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 116. Л. 4, 8; Д. 117. Л. 5–22).

[63] О братстве, наиболее подробно: Доненко Николай, протоиерей. Свято-Николаевское братство Священномученика Аркадия (Остальского) в Житомире // XVII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), 2007. Т. 1. С. 238–243.

ных монахов. Проведя 1928–1937 гг. в заключении на Соловках, по выходу из тюрьмы он получил от Патриаршего синода титул епископа Бежецкого все той же Тверской епархии, и вновь тайно посетил Киев и Житомир[64].

Другим организатором и вдохновителем братства (а с 1925 г. и его председателем) стала широко известная за пределами региона благотворительница, аристократка, вдова бывшего заместителя внутренних дел Российской империи, виленского генерал-губернатора Наталья Ивановна Оржевская (урожденная Шаховская, 1859 – после 1935[65]). К братству примкнула значительная группа представителей местного духовенства (в том числе бывшие члены Союза русского народа) и интеллигенции. Братство, начав с помощи жертвам Гражданской войны и бедным, быстро перешло к защите церкви от большевиков и обновленцев. И в этом отношении было братом-близнецом питерского Общества объединенных петроградских православных приходов. Однако было бы неправильно сводить деятельность братства исключительно к социальной мимикрии черносотенцев. Оржевская была одна из основательниц российского отделения чрезвычайно прогрессивной и экуменической организации своего времени – YMCA (Young Men's Christian Association), которая получила название Русского студенческого христианского движения (РСХД). РСХД сохраняло националистический настрой, однако было несомненным и крупным шагом вперед – к относительной европеизации и гуманизации русского национализма в сравнении с традиционным черносотенством. Позже Оржевская сумела убедить в полезности этой организации и Евлогия (Георгиевского), который уже в эмиграции активно сотрудничал с YMCA в деле организации Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Институт стал центром переосмысления, осовременивания и европеизации русского богословия, и со временем, политические и церковно-общественные взгляды его преподавателей и многих студентов потеряли связь с русским национализмом. Тем временем житомирское братство на протяжении 1920-х и части 1930-х гг. получало от YMCA (видимо, через Париж)

[64] Подробно о нем: Доненко Николай, протоиерей. Священномученик Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий: Жизнеописание, духовное наследие: беседы, руководство для пастырей, проповеди, акафисты. Феодосия: «Коктебель», 2008; Он же. Свято-Николаевское братство Священномученика Аркадия (Остальского) в Житомире...

[65] Александров И., Тимиряев Е. Жизнь, отданная отечеству и людям // Звягель (Новоград-Волынский). 17 июля 2009. URL: http://www.zvyagel.com.ua/?p=1952

средства на поддержку подвергавшегося репрессиям духовенства и монашествующих[66].

Поэтому братство, сконцентрированное, прежде всего, на спасении традиционного, тихоновского, православия, скорее, можно рассматривать как одну из институций трансформировавших откровенное «черносотенство» 1910-х гг. в очень рафинированный и аристократичный церковный русский национализм 1940–1950-х гг.

Вторым существенным фактором, оказавшим влияние на становление Житомира как центра церковного сопротивления, стала его близость к Киеву (130 км). Многочисленные киевские «тихоновцы», вынужденные бежать из города, где их слишком хорошо знали, оседали в Житомире, где члены подпольно действующего в 1930-е гг. братства предоставляли им инфраструктуру. Легальную и нелегальную. Помимо братства, там действовал и подпольный женский монастырь. В 1935–1937 гг. в городе на частной квартире легально жил яркий борец с обновленчеством епископ Максим (Руберовский, 1878–1937). Этот представитель владимирского духовенства еще до революции служил в Житомирской епархии и вместе с еще несколькими монахами был арестован в 1937 г. Он был ближайшим сотрудником епископа Аверкия (Кедрова, 1879–1937) – до революции председателя Житомирского отдела «Союза русского народа». Свято-Николаевское братство в свою очередь все 1920-е гг. активно сотрудничало с Аверкием и даже по словам церковного историка давило на него, чтобы он занимал более жесткую позицию по отношению к властям[67]. Руберовский и близкие к нему монахи, как и многие другие церковные деятели, не пережили «большого террора» и были расстреляны в самом Житомире.

После 1934 г. в Житомире и области легально, а в период «большого террора» и нелегально жила целая группа монахов КПЛ, в том числе трое иподиаконов Ермогена (Голубева)[68]. Очевидно, что члены

---

[66] См. ее максимально полную биографию, на основе нескольких источников: Жизнь Натальи Ивановны Оржевской. URL: http://ljwanderer.livejournal.com/281523.html

[67] Доненко Николай, протоиерей. Свято-Николаевское братство... С. 240.

[68] Избранный в 1926 г. настоятелем КПЛ Ермоген имел полномочия наместника ставропигиального монастыря. В частности, право службы по архиерейскому чину. Для этого настоятелю были нужны иподиаконы, которые по церковной традиции становились помощниками архиерея не только в богослужении, но и в церковно-административных делах и главными кандидатами на продвижение вверх по церковной лестнице. Ими стали четыре человека, рукоположенные двумя богослужебными парами. Это были упомянутые выше будущий епископ Леонтий (Филлиповича), Геронтий (Носенко, 1879–1937, выпускник духовной семинарии), а также Спиридон (Лукич, 1908–1991, сын инженера-строителя, киевлянин) и Никодим (Филиппов, позднее сосланный, а затем окончивший МГУ). Леонтий, Геронтий и Спиридон, по-

братства, монахи КПЛ и другой православный актив оставались в Житомире и в последующие десятилетия, а в лице отдельных представителей дожили и до 2000-х гг. С 1950 по 1967 г. Житомирская кафедра по-видимому не случайно контролировалась тремя, последовательно сменявшими друг друга церковными консерваторами, двое из которых (Владимир (Кобец), Евмений (Хорольский[69]) точно принадлежали к монашеской общине КПЛ 1920-х гг., а третий (епископ Нифонт (Сапожков)) был причастен к этому кругу с большой степенью вероятности[70].

Русский национализм у церковных реэмигрантов

Русский национализм дореволюционного периода проделал интересную эволюцию за рубежом и потом вернулся в СССР на волне репатриантов второй половины 1940-х гг. Довольно показательны в этом отношении письма упоминавшегося выше протоиерея Всеволода Шпиллера, родившегося в Киеве в 1902 г., выпускника Киевского кадетского корпуса (1919)[71], эвакуировавшегося из России в Болгарию в 1922 г. с ранениями, полученными в ходе Гражданской войны в боях с красными, а далее триумфально вернувшегося в СССР в 1950 г. по приглашению патриарха. Он принадлежал к той части духовенства, которая получив уже западное образование, придерживалась идейно более модифицированной по сравнению со временем

сле выселения из Киева в ходе чистки города в 1934 г. от неблагонадежных жили в Житомире и области. Леонтий просидел опасные годы в шкафу духовной дочери и стал епископом при немцах, Геронтий был пойман и расстрелян в 1937 г., Спиридон в том же году по процессу епископа Максима (Руберовского) получил 10 лет заключения в Вятлаге. После выхода на свободу из-за противодействия властей не смог устроиться в КПЛ, служил по разным приходам севера Украины, после выхода на пенсию вернулся в Житомир и дожил в нем до нового открытия КПЛ в 1989 г. В ней он стал духовником и источником знаний о традициях старой Лавры, которые пытались воспроизвести молодые насельники. В настоящее время в городе еще доживают свой век духовные дети о. Спиридона. См.: Спиридон Дионисий (Лукич Кирилл Николаевич). URL: http://kuz3.pstbi.ccas.ru; Живой источник лаврской традиции. Светлой памяти архимандрита Спиридона (Лукича), в схиме – Дионисия. URL: http://2010.orthodoxy.org.ua/node/68823

[69] По утверждениям архимандрита Поликарпом (Линенко) со ссылкой на Спиридона (Лукача) тот был благочинным (т. е. вторым по значимости человеком) в КПЛ в 1920-е г. См.: Интервью Н. Митрохина с архимандритом Поликарпом (Линенко). Киев, 01.10.2014. Электронная аудиозапись // Архив автора.

[70] Известно, что после окончания в 1906 г. Киевской ДА, он до революции был помощником инспектора в КДС, на этом в опубликованных вариантах его биографии сведения о нем обрываются. Известно, что епископом он стал в 1945 г. после хиротонии в Киеве.

[71] ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 2. Д. 17. Л. 3–4.

«черной сотни» версии русского национализма, в частности, уже впитавшего многое от правых идеологий, распространенных в Европе в 1920–1930-е гг., и ставших приемлемыми в церковной среде, в том числе через работы философствующего публициста Ивана Ильина. Десятки, если не сотни, таких священников на волне послевоенного патриотического порыва и вернулись в СССР, несмотря на грозящую им опасность оказаться в руках МГБ[72].

Свои взгляды он фиксирует в одном вполне показательном эпизоде. В 1949 г. повествуя в письме к матери в СССР о впечатлениях от выступления гастролировавшего в Софии хора Пятницкого пишет: «В иных местах выл [от восторга] и я (про себя), например, глядя на воронежскую “кадриль”, вслушиваясь в ритмы каких-то хороводов, подставляя себя вихрям породивших их стихий. ...Какая невероятная динамика и сколько в этой динамике не истощенных, как на Западе, а даже и не початых потенций жизни, и какой жизни! Сколько силы духовной, душевной, наконец, биологической!»[73]

Этот же романтически-биологический взгляд на мир, отсылающий нас к наследию расистских теорий 1930-х гг., существенно уточняется позже.

Можно только предполагать (за неимением в настоящее время письменных источников), что в узком кругу высказывал, например, бывший лидер русской общеевропейской националистической организации «младороссов» (1930-е гг.) Александр Львович Казем-Бек (1902–1977). Он вернулся в СССР в 1957 г. и по личному приглашению патриарха работал в том же ОВЦС[74]. Или, что думал о русском народе, не по своей воле оказавшийся в СССР, выпускник Русского православного (Свято-Сергиевского) богословского института в Париже (1928 г.) и духовник воинственно националистического и террористического Российского общевоинского союза (существовавшего в 1920–1940-е гг.) архимандрит Исаакий (Виноградов, 1895–1981). Он был арестован в Праге, и находился в 1945–1946 гг. в заключении, был освобожден по личному поручительству патриарха и с предложением стать преподавателем МДАиС[75]. А вот высказыва-

---

[72] Впрочем, судя по переписке Шпиллера, готовность вернуться, подстегивала и отсутствие в послевоенной Болгарии привычного кофе и шоколада, а также общее состояние бедности и неустроенности, в которых прибывала семья (Шпиллер Всеволод, протоиерей. Страницы жизни в сохранившихся письмах. М.: Реглант, 2004. С. 103, 107, 112–114).

[73] Там же. С. 118.

[74] См.: Мирей Массип. Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек – русский эмигрант. Женева, 1999.

[75] После трех месяцев его пребывания в ТСЛ власти окончательно отказали бывшему белогвардейскому офицеру в прописке и тот получил синекуру в виде долж-

ния, также оказавшегося не по своей воле в СССР, епископа Гавриила (Огородникова), унаследовавшего в 1956 г. у Ермогена (Голубева) Ташкентскую кафедру, зафиксировал бдительный уполномоченный. Этот епископ, бывший офицер Белой армии (ушедший в Китай, по мнению МГБ, в звании подполковника, что он сам впрочем отрицал[76]), ставший в эмиграции настоятелем Русской духовной миссии в Пекине (РПЦЗ), посетовал «в кругу церковнослужителей... что и в Китае нашлась партия "жидов проклятых", которая пыталась воспрепятствовать строительству православного храма»[77].

Имеется масса подобных свидетельств, зафиксированных в доставшейся нам переписке, в записках местных уполномоченных по делам религий. Вполне очевидна политическая позиция тех, кто был членами русских националистических организаций. Возьмем Нарвский епархиальный совет в Эстонии, созданный в годы Второй мировой при активной поддержке членов упоминавшейся выше РСХД. Он взял на себя представительство интересов русских по этническому составу приходов, фактически расколов по этому признаку единую Эстонскую апостольскую православную церковь, большинство приходов которой хотело независимости от Москвы с формальным подчинением Константинопольскому Патриарху. В послевоенный период из числа активистов Нарвского совета и эстонского РСХД и их детей было рукоположено не менее пяти епископов РПЦ, в том числе патриарх Алексий II, являющийся сыном одного из членов Совета и зятем (правда, недолгий период) – другого. А его старший товарищ молодости – митрополит Корнилий (Якобс, 1924 г. р.) – до сих пор возглавляет Таллиннскую епархию РПЦ.

Местный уполномоченный, подводя итоги 1948 г., описывал в записке «наверх» поведение епископа Исидора (Богоявленского, 1879–1949), немало проясняющее разразившийся в 1990-е гг. новый раскол эстонских приходов на эстоноязычное большинство и русскоязычное меньшинство: «Наблюдаются шовинистические взгляды по отношению к эстонским православным священникам и верующим. Не владея эстонским языком, он не желает объясняться со священниками-эстонцами, не знающими русского языка, даже через переводчика. На неоднократные приглашения эстонских священников, посетить их приходы в дни престольных праздников, епископ Исидор всегда от-

---

ности настоятеля собора в г. Елец Липецкой области, где обустроил полуподпольный женский монастырь и руководил им до своей смерти в 1981 г. (Офицер, монах и пастырь. Архимандрит Исаакий (Виноградов) / сост. Окунева. М.: Паломник, 2005. С. 156–160).

[76] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 33. Л. 32.

[77] Там же. Л. 11.

вечает отказом. Посещает он исключительно русские приходы. На что выражается большое недовольство среди православных эстонцев»[78].

Новоназначенный епископ – выпускник С.-Петербургской академии (успевший после Второй мировой войны вернуться в нее ненадолго в качестве ректора), провел в Эстонии к тому моменту уже почти три десятка лет в качестве священника. Патриарх Алексий (Ридигер) вспоминал об этом так: «С протоиереем Иоанном (имя до принятия монашества. – *Н. М.*) нас многое связывало. В русской школе, где я учился, он преподавал Закон Божий. Отец Иоанн был настоятелем Александро-Невского собора в Таллинне, и именно вокруг этого собора объединилась русская община. Под руководством отца Иоанна я прислуживал в храме, а после его епископской хиротонии был у него старшим иподиаконом»[79].

В послевоенной Ленинградской семинарии, где учился Алексей Ридигер, сложился целый кружок студентов с «несоветским» опытом, и практически все его участники в дальнейшем заняли в Церкви (или как минимум Ленинградской и Новгородской епархии) заметные посты. Сын протоиерея Софийского собора Александра Малинина пишет о годах учебы в той же семинарии своего отца так:

«Плодотворным было и общение с одноклассниками, среди них были будущий Святейший Патриарх Алексий (Ридигер), с которым он дружил, будущие протоиереи Евгений Ефимов, Василий Ермаков (ум. 2007), Игорь Ранне (ум. 1982), Владимир Сидров, священник Борис Кирьянов и другие. Их выпуск, 1949 года, запомнился батюшке редкостным единодушием (“как одна душа были все”, вспоминал он), теплым взаимным сочувствием и соучастием»[80].

Примечательно, что Александр Малинин и Евгений Ефимов, а также не упомянутый в тексте семинарист Алексей Никонов в 1942–1944 гг. учились на открытых в период немецкой оккупации в Вильнюсе богословских курсах, которые дали РПЦ с десяток заметных в 1960–1990-е гг. священников[81]. И их единодушие с Алексеем Ридигером можно понять. Интерес представляет и упомянутый Борис Кирьянов (1924 г. р., в настоящее время заштатный священник С.-Петербургской епархии). Кирьянов, до поступления в семинарию

---

[78] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 63. Л. 6–6 об.

[79] «Наиболее активно диалог «снизу» развивается у нас с зарубежными католиками» // Интервью Патриарха Алексия II журналу «30 Giorni». URL: http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=59755&type=view

[80] Малинин Тимофей, священник. Об отце. (1 часть). URL: http://prot-ioann.livejournal.com/

[81] См.: Обозный К. П. Богословские курсы в Вильно в 1942–1944 годах // Вестник церковной истории. М., 2008. № 1 (9). С. 169–178.

пусть и недолго, но был государственным чиновником – инспектором Крымского облисполкома[82]. В 1950 г., уже будучи студентом первого курса Ленинградской духовной академии и священником, Борис Кирьянов стал инициатором написания группой учащихся ЛДШ «Обращения...» к руководству школ с требованием больших прав в студенческом самоуправлении, в том числе с правом контроля денежных средств, в связи с «тяжелой обстановкой сложившейся в ЛДШ»[83]. Оно стало единственным, насколько мне известно, подобным документом в ЛДШ за весь период 1950–1960-х гг. и одним из трех случаев подобных студенческих инициатив в духовных школах СССР за 1940–1950-е гг. После семинарии он стал архивистом епархиального управления, а в конце 1950-х гг. (как и упомянутый выше его однокурсник Корнилий (Якобс)) оказался в политическом лагере, где стал лидером кружка русских националистов. Другой активный русский националист Виктор Поленов, попавший в лагерь за создание в Москве националистической группы и распространение листовок, вспоминает об этом так:

«Я вышел из ШИЗО (штрафного изолятора – карцера. – *Н. М.*), ко мне подошел [подельник Геннадий] Укуров и сказал, что нас тут затаскали приглашениями и верующие, и политические, спрашивают, предлагают свое. ...Компания состояла из нескольких человек, все боготворили Кирьянова. Расположившись на траве, Кирьянов развернул географический атлас и стал выражать восхищение наличием красного цвета на земном шарике. “Все наше”, – говорил он, водя рукой по карте»[84].

Согласно этим воспоминаниям (а также отдельно мною полученному свидетельству Г. Укурова), в группу Кирьянова, существовавшую в Мордовских лагерях в первой половине 1960-х гг., входили не менее семи человек[85]**.** Как минимум двое бывших участников группы (Борис (в монашестве Варсонофий) Хайбулин и Георгий Петухов) стали после выхода из лагеря священниками РПЦ и приняли в начале 1970-х гг. участие в самиздатской деятельности русских националистов[86].

---

[82] См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 40. Л. 206.

[83] См.: Там же. Д. 41. Л. 57–62.

[84] Поленов В. Воспоминания // Мемуары русских националистов. М.: ИИЦ «Панорама», 1995. С. 225, 228.

[85] Подробнее об о. Борисе Кирьянове и его группе см.: Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР: 1953–1985 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 434, 438.

[86] Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов... С. 504–510.

Однако в целом, националисты, рукоположенные в священный сан до революции или в 1920-е гг., были людьми относительно умеренными, пожилыми и уже не склонными к созданию подпольных организаций и активной пропаганде своих идей. Их непосредственные ученики с зарубежным опытом и воспитанием также отличались «несоветской» интеллигентностью, общей культурой и кругозором. Внутри Церкви им росла смена, которая была не только более активна, но и существенно менее образованна. Это были настоящие «советские люди». О них надо вести отдельный и подробный разговор.

А. Е. Лысенко

ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО: ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ УКРАИНЫ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1920–1940-е гг. оказались, пожалуй, самыми сложными и неоднозначными в истории Православной церкви. Судьбоносные катаклизмы революции, интервенции и Гражданской войны резко изменили не только общественно-политическую конфигурацию, но и моральные устои украинского социума. А масштабные социально-экономические эксперименты в сочетании с административно-репрессивными методами управления странной, практиковавшимися большевистским режимом, практически не оставляли места для полноценной религиозной жизни.

Указанный период для Православной церкви обозначен, прежде всего, действием такого фактора, как необходимость выбора. Собственно и вероисповедный императив христианства сконцентрирован вокруг проблемы выбора человека между добром и злом. Но когда речь заходит о такой сфере, как государственно-церковные отношения в 20–30-е гг., категоричные подходы и оценки не срабатывают или являются малопродуктивными.

Призыв митрополита Сергия (Страгородского), который в это время являлся местоблюстителем патриаршего престола, к сотрудничеству с большевистскими властями многими православными иереями, особенно в эмиграции, был воспринят почти как предательство Церкви.

Однако тот, кто внимательно изучал историю сталинизма и знаком с характером политики советского руководства и особенностями функционирования государственного механизма, должен согласиться, что другого выбора у тогдашнего первоиерарха РПЦ не было. Сокрушительный вал воинствующего атеизма быстро превратился из чисто идеологической в репрессивно-карательную кампанию, в которой лишь компромисс и демонстрация полной лояльности к «кремлевским мечтателям» давали какой-то шанс защитить церковную структуру от полного разгрома.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня и, применяя сослагательное наклонение, можно рассуждать и предполагать, каким образом развивались бы события, если бы первоиерарх РПЦ проявил непримиримое отношение к «диктатуре пролетариата». Зато известно, что даже после обращения митрополита Сергия политический курс на всемерное ограничение деятельности Православной церкви не претерпел коррекции. Более того, его стратегической целью открыто провозглашалось полное уничтожение Церкви и искоренение религиозного сознания. Убедительным доказательством этого являются решения политбюро ЦК КП(б)У о закрытии православных приходов (как и всех других конфессий) вплоть до самого начала агрессии Германии против СССР. Кроме того, духовенство стало одним из объектов «Большого террора» 30-х гг., что лишало Православную церковь руководящего звена, архиереев и значительной части рядового клира.

К началу Второй мировой войны в подсоветской Украине осталось на легальном положении около 100 православных священников, однако и им власть запрещала богослужения. В Винницкой, Сталинской, Донецкой, Кировоградской, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях были закрыты все православные храмы, на Луганщине, Полтавщине и Харьковщине действовало по одному приходу[1].

С 1918 до начала 1940-х гг. в Советском Союзе погибло почти 42 тыс. священнослужителей[2].

На украинских этнических землях в составе III Речи Посполитой во второй половине 20 – середине 30-х гг. осуществлялась политика ассимиляции. При этом осуществлялись дифференцированные региональные подходы. Так, глава Волынского воеводства, где Православная церковь имела прочные позиции, Г. Юзефский стремился «приобретать» украинское население для польской государственности путем ее изоляции от «сепаратистского движения со стороны Восточной Галиции из-за укрепления так называемой сокальской конфессиональной границы»[3]. Воевода придерживался линии «толерантности к украинскому движению в Православной церкви и решительного противодействия неоунийной акции»[4]. Но наряду с украинизацией православия (внедрением украинского языка в дела церковного управления и богослужебной практики, школьное рели-

[1] Беркхоф К. Чи було релігійне відродження в Україні під час нацистської окупації? // Укр. іст. журн. 2005. № 3. С. 17.

[2] Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 168.

[3] Chojnowski A. Koncepcja narodowosciowej polityki rzadow polskich w latach 1921–1939. Warszawa; Wroclaw; Krakow; Gdansk, 1979. S. 98.

[4] Там же.

гиозное образование) воеводская администрация пыталась усилить польские влияния, в частности в ходе катехизации учащихся школ с польским языком обучения, если этому не оказывало сопротивление местное украинское население[5].

В Люблинском воеводстве ассимиляционные тенденции приобрели еще более выразительной характер, что нашло проявление, в частности, в инфильтрационной кампании «очищения приходов от священников и других лиц, которые считались политиканствующими украинцами»[6].

В конце 30-х гг. дошло до ревиндикационно-полонизационных акций в самых грубых формах, которые можно квалифицировать как конфессиональный террор (даже при осторожном отношении автора к таким утверждениям). Владыка Волынский Алексий (Громадский), секретарь Волынской консистории И. Власовский и другие православные деятели, как и преобладающая часть паствы, негативно оценивали не только официальный курс Варшавы в отношении украинского православия, но и перспективы понимания в противоречивом конфессиональном поле между Православной церковью и радикальным польским политикумом[7].

Сочетая ревиндикационные и пацификационные меры, польские власти только в течение июня–июля на Подляшье и Холмщине уничтожили 112 храмов, в том числе 98 тех, которые были возведены еще до заключения Брестской унии[8].

«Пакт Молотова–Риббентропа» резко изменил ситуацию. В состав Генерального губернаторства отошли левобережный Надсянье, Лемковщина, Подляшье и Холмщина, а Волынь и Восточная Галиция «воссоединились» с УССР. Значительная часть из 500 тыс. украинцев, оставшихся в немецкой зоне оккупации, принадлежали к Варшавско-Холмской епархии во главе с первоиерархом Православной церкви на землях бывшей Польши митрополитом Дионисием (Валединским).

Волынская, Полесская, Виленская и Гродненская епархии попали в советскую зону. Сразу встал вопрос об организации управления в этих епархиях и Синод в составе архиепископов Полесского и Пин-

---

[5] Из печати. Нужды и задачи церковной жизни // Воскресное чтение. 1933. № 8. С. 125–126.

[6] Стоколос Н. Г. Конфесійно-етнічні трансформації в в Україні (XIX – перша половина XX ст.). Рівне, 2003. С. 213.

[7] Власовський І. Митрополит Олексій Громадський: 1943–1963 // Українське Православне Слово. 1963. № 8. С. 7.

[8] Пастернак Є. До 45-ліття руйнування українських православних церков на Холмщині та Підляшші // В обороні віри: Зб. статей. Присвячений 1000-літтю хрещення України в 988 р. Торонто, 1984. Ч. 5. С. 388.

ского Александра и Волынского и Кременецкого Алексея засвидетельствовал в конце 1939 г. свою приверженность статус-кво, т. е. подчинение митрополиту Дионисию.

В Москве должны были считаться с тем, что с территориальными приобретениями советская власть унаследовала и проблему функционирования более 3 тыс. православных приходов, 64 монастырей (19 – в Западной Украине), духовных учебных заведений, а также судьбу 7,5 млн верующих[9].

Не отказываясь от основных принципов антицерковной политики, сталинский режим был вынужден действовать в только что присоединенных регионах несколько сдержаннее. Впрочем, при этом шантаж, экономические санкции, фискальные меры, агентурные акции спецслужб как апробированные средства подавления инакомыслия превратились здесь в ежедневную практику. В сочетании с арестами, депортациями и физическим уничтожением духовенства и религиозного актива все это приобретало очертания террора.

Как вполне естественное явление в Кремле воспринималась необходимость решения чисто конфессиональных вопросов. Там и предположить не могли, чтобы огромная масса приходов и церковная иерархия подчинялась какому-то зарубежному центра. Летом 1940 г. всех иерархов западных областей Белоруссии и Украины вызвали в столицу, где заставили выполнить все формальности вхождения под омофор РПЦ. Архиепископы Алексий (Громадский) и Пантелеймон (Рожновский), епископы Антоний (Марченко) и Симон (Ивановский) приняли «молитвенно-каноническое единение с Матерью-Церковью Московской». Зато архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев) и епископ Луцкий Поликарп (Сикорский) выбрали другой путь – они ослушались власти и в Москву не прибыли. Александра (Иноземцева) сразу отправили за штат, а Поликарпа (Сикорского) просто проигнорировали, назначив на его место с титулом архиепископа Волынского и Луцкого Николая Ярушевича, на которого одновременно возлагались обязанности экзарха Украины. В марте 1941 г. последнего возвели в сан митрополита.

Этот шаг советской правящей верхушки являлся частью многоходовой комбинации, разыгрывая которую, она стремилась сначала усилить позиции РПЦ в регионе, после чего ее же руками уничтожить Греко-католическую и ослабить позиции Римско-католической церквей в Галиции и, наконец, ликвидировать саму Православную церковь.

---

[9] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М., 1992. С. 102.

Оказались ли готовы архиереи, клир и верующие к внешним и внутренним трансформациям, одним из проявлений которых стало изменение юрисдикции западно-украинских епархий? Совершенно очевидно, что это стало судьбоносным вызовом, а решение каждого из них часто вступало в противоречие с собственной совестью, чувством долга и достоинства и личными мировоззренческими и политическими ориентирами.

Однако судьба готовила Православной церкви еще одно испытание. Нападение Германии и ее союзников на СССР, быстрая оккупация огромной части территории, в том числе всей Украине, снова резко изменили общественно-политическую конфигурацию, при которой духовенство встало перед выбором, ценой которого могла стать жизнь.

Создание нескольких административно-территориальных единиц на захваченных немецкими войсками украинских землях в очередной раз актуализировало вопрос об управлении Православной церковью.

В Берлине не имели четкого представления о том, каким образом организовать жизнедеятельность религиозных объединений. Однако, осознавая потенциал Православной церкви, оттуда сначала присылали довольно умеренные директивы. Так, один из руководителей СД Гайдрих призвал «не предпринимать никаких действий против стремления Православной церкви к распространению своего влияния на массы. Напротив, следует это поощрять, настаивая по этому случаю на отделении Церкви от государства, но надо избежать создания унифицированной Церкви»[10].

В этом и других документах прослеживается расчет на то, что Православная церковь как единственная негосударственная структура, пользовавшаяся авторитетом у местного населения, станет послушным и эффективным инструментом его мобилизации на выполнение предписаний оккупационной администрации. На самом деле оккупационные власти явно переоценивали возможности Православной церкви. Атомизированная и деморализованная, она не могла сразу восстановить все свои структурные звенья и выполнять функции, которые на нее возлагались.

Основные принципы политики немецкой администрации конкретизировались в многочисленных директивах, циркулярах, инструкциях. К примеру, 18 ноября 1941 г. А. Розенберг направил рейхскомиссару Украины Е. Коху инструкцию, в которой содержалось указание о запрете церквям и сектам заниматься политикой и делать публичные заявления. Епископы должны были являться не предста-

[10] Цит. по: Осадчук П. Секретна справа рейху. ОУН–УПА в донесеннях німецької розвідки // Віче. 1992. № 4. С. 141.

вителями интересов украинского народа, а фактически чиновниками, назначаемыми министерством восточных территорий[11].

13 мая 1942 г. появилось распоряжение рейхсминистра восточных территорий, в котором отмечалось, что церковный организм должен был структурно соответствовать военно-административным единицам: границы епархии ограничивались территорией одного генерального округа. Предусматривалась возможность существования в округе двух епархий – Автономной и Автокефальной православной церквей. Появление двух православных иерархий стало воплощением существующих не только в среде духовенства, но и в обществе тенденций, связанных с украинизацией Церкви, получением ею независимости от РПЦ. Летом 1941 г. часть епископата, который перешел под омофор Московской патриархии, создала Автономную православную церковь, которую возглавил Алексей (Громадский). Те архиереи, которые отстаивали идею автокефалии украинского православия, в феврале 1942 г. на соборе в Пинске провозгласили создание УАПЦ, а также ее органическую связь с УАПЦ формации 1921 г. С целью решения вопроса внутреннего устройства и подчинения УАПЦ А. Розенберг санкционировал назначение епископа Поликарпа (Сикорского) «временным администратором Православной автокефальной церкви на освобожденных землях Украины», поскольку митрополит Дионисий не мог из Варшавы управлять делами в РКУ, а перемещение между различными зонами оккупации ограничивалось.

Разыгрывая сложную интригу в расчете на тотальный контроль за религиозной жизнью, немецкое руководство возвело в сан митрополита архиепископа Серафима (Ляде) и назначило его главой всех православных в III Рейхе и на захваченных территориях. По уже указанным причинам Серафим (Ляде) не имел возможности осуществлять такие функции, поэтому такая идея оказалась фикцией.

Сформировав правовое поле, в котором должны действовать православные институты, Берлин надеялся, что именно в нем и будут функционировать существующие православные объединения. Однако, декларируя лояльность к оккупационным властям, далеко не все архиереи оказались послушными исполнителями немецких предписаний. Движение за возрождение УАПЦ с патриаршим строем, самой яркой фигурой в котором являлся архиепископ Холмский и Подляшский Илларион, приобрел очертания, при которых выразительные политические компоненты, по убеждению немецких чиновников, представляли угрозу для интересов III Рейха. В подготовленном этим церковным и общественным деятелем «Мемориале о будущем

[11] Косик Володимир. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. С. 187.

устройстве Украинской Православной Церкви» (31 августа 1941 г.) отмечалось, что УАПЦ должна стать основой возрождения[12].

Между тем архиепископ Алексей (Громадский) вместе со своими сторонниками сформировал собственную концепцию, согласно которой Украинская православная церковь должна была развиваться на автономных началах под юрисдикцией Московской патриархии.

Автокефальное движение получило еще одно крыло в форме Всеукраинского православного церковного совета (ВПЦР). Один из руководителей этого учреждения П. Рыбачук так обозначил ее позицию: «Украинская церковь должна быть не только религиозным, но и политическим центром, задача которого – вести борьбу за независимую Украину и воспитывать украинцев в национальном духе»[13]. Благодаря ВПЦР, движение за украинизацию Православной церкви получило распространение в массах.

Разное видение перспектив развития православия в новых условиях привело к обострению противоречий между автономистскими и автокефальными архиереями, которые к весне 1942 г. вышли чуть ли не на личный уровень. В дело даже вмешался митрополит Грекокатолической церкви Андрей Шептицкий, который призвал православных владык к согласию. В Автокефальной церкви не хватало архиереев, поэтому единственно возможным способом решения этой проблемы считалось их рукоположение. На архиерейском соборе в Пинске 8–10 февраля 1942 г. состоялась хиротония трех епископов: Никанора (Абрамовича), Игоря (Губу) и Юрия (Коренистова). Сначала автономисты, а после возвращения советской власти и архиереи РПЦ называли вновь посвященных владык «самосвятами».

Почувствовав выразительную политизацию автокефального движения, немецкие власти 11 февраля 1942 г. распустили ВПЦР, а П. Рыбачука вскоре арестовали.

С июня 1942 г. в отношениях между руководителями АПЦ и УАПЦ наступили существенные изменения, вызванные обоюдным стремлением прекратить распри и сделать шаг навстречу. В результате консультаций, несмотря на запреты оккупационной администрации, 8 октября 1942 г. митрополит Алексей, архиепископ Никанор и епископы Мстислав в Почаеве подписали «Акт объединения» двух Церквей. Однако автономистский епископат оказал давление на Алексея, в результате чего он отозвал свою подпись под «Актом». Еще одной причиной такого шага стали действия немецких властей, потребовавших дезавуировать документ.

---

[12] Міненко Т. О. Православна Церква в Україні під час Другої світової війни 1939–1945: (Волинський період). Вінніпег, Львів, 2000. Т. 1. С. 229.

[13] ЦДАВО України. Ф. 3676. Оп. 4. Спр. 474. Арк. 329.

Заместитель рейхскомиссара Даргель вызвал поочередно Алексея и Мстислава и выразил резко негативную оценку решений Почаевского собрания. Мстиславу запретили покидать пределы своей епархии, а после арестовали и содержали в тюрьмах Киева, Житомира, Чернигова, Прилук, пока он письменно не пообещал отстраниться от политических дел[14].

Таким образом, в результате сочетания объективных и субъективных факторов шанс для формирования единой Православной церкви в Украине реализовать не удалось. Если сначала Берлин поддерживал УАПЦ за антибольшевистскую ориентацию, то впоследствии ее отчетливо «самостийницкая» позиция была воспринята как неизмеримо более реальная угроза гитлеровским планам, и для баланса сил оккупанты стали больше поддерживать автономистов, в то время как автокефалисты ощущали все возраставшее давление.

Кроме сложных отношений с оккупантами, деятели АПЦ и УАПЦ должны были считаться также с рядом других, причем разновекторных, факторов. Речь идет о советских партизанах и подпольщиках и украинском национально-освободительном движении. Нежелание священнослужителей сотрудничать с теми или иными нередко стоило им жизни. Поэтому каждый делал свой выбор сам.

Возвращение советской власти вновь поставило православное духовенство перед выбором. Те, кто сразу не попал в лапы спецслужб, должны были пройти процедуру учета и регистрации, отказа от принадлежности к обновленской или автокефальной иерархии, покаяться и перейти под омофор Московской патриархии. Некоторые выбрали эмиграцию, а кто-то вообще отказался от пастырской стези.

Подытоживая вышеизложенное, следует констатировать, что конфликтогенная зона между «большими» конфессиями и правящими режимами на территории Украины военной поры охватывала практически все сферы их функционирования.

Прежде всего, речь идет о ментальных и идеологических различиях в мировоззренческих принципах христианства, с одной стороны, и различных форм авторитаризма и тоталитаризма – с другой. Расовая идеология нацизма и классовая – большевизма вступали в противоречие с христианским вероучением в вопросах, определявших основы функционирования общества. Отказывая в праве на существование отдельным этническим, социальным и политическим группам, тоталитарные режимы тем самым ставили под сомнение равенство всех людей перед Богом. В случае с евреями речь шла об уничтожении нацистами огромной этноконфессиональной общности.

[14] ЦДАВО України. Ф. 3676. Оп. 4. Спр. 476. Арк. 970.

Тоталитарные режимы делали практически невозможными нелегальные формы социальной активности. А такие разветвленные структуры, как большие конфессиональные объединения со специфическим обрядовым форматом в условиях тотального контроля не могли избежать внимания со стороны спецслужб. В этих условиях «большие» церкви альтернативу исчезнуть или сосуществовать с властями решили в пользу последней, причем этот выбор следует оценивать, исходя не из моральных, а из канонических позиций, согласно которым Церковь обязана повиноваться любой власти.

Другое дело, что алгоритм этих отношений и их содержание диктовали власть имущие. Путем принуждения и шантажа они принуждали духовенство к действиям, которые трудно оценить однозначно вне четкого осознания того, что тоталитарные режимы пытаются превратить религиозные объединения в один из мобилизационных инструментов, – некое приложение к государственному механизму.

Война до предела кристаллизовала проблему выбора между жизнью и смертью не только на индивидуальном, но и на групповом, корпоративном уровне. При этом принадлежность к какой-то из социальных, мировоззренческих, политических когорт сопровождалась реальной угрозой для жизни. При таких обстоятельствах необходимо установить, насколько Церковь выполнила свою миссию стать прибежищем для гонимых и бесправных своих чад, обезопасить их от ударов судьбы, амортизировать последствия войны и пагубные действия властей и насколько последние помешали ей это сделать.

В связи с этим находится проблема характера отношений между религиозными организациями и властью. Ученым еще предстоит определить, насколько сотрудничество Православной церкви с оккупационным режимом превращалась в то, что подвергалось уголовной квалификации и предусматривало соответствующее наказание. Чрезвычайно важно очертить границы моральной ответственности духовенства, действовавшего в экзистенциальном «прокрустовом ложе» всевозможных ограничений и предостережений.

Война поставила перед необходимостью выбора не только Православную церковь, но и каждого священника и рядового верующего.

Вера во времена тотальных страданий и банализации смерти давала духовную опору и питательным бальзамом лечила раны болезненных потерь и разочарований, давала воодушевление в борьбе, стойкость и мужество.

Рядом и одновременно с этим существовали разочарование и страх, предательство и шкурничество, эгоизм и черствость, душевная слепота и глухота. Человечество еще раз – как никогда, во всей отталкивающей открытости, продемонстрировало иммунодефицит к насилию, подлости, соблазну сохранить собственную жизнь ценой жизни других.

Но разве Церковь виновата в этом?

Н. Н. Макарова

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (По материалам Магнитогорска 1930-х гг.)

При создании новых городов их ключевой особенностью и главным достоинством, по мнению идеологов культурной революции, было отсутствие исторической памяти, прошлого в любых его проявлениях, в том числе и в религиозном. Эта особенность должна была способствовать более активному формированию на территории города нового быта и нового типа человека – человека советского.

Строительство Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска началось в рамках индустриализации в 1929 г. в степях Южного Урала. Уже в 1932 г. на градообразующем предприятии был создан завершенный производственный цикл по производству металла. Н. Милютин давая характеристику Магнитогорску отмечал, что это «первый в СССР чисто советский город, где мы не связаны с прошлым, где мы всему миру демонстрируем волю пролетариата к новой общественной жизни»[1]. Процесс строительства Магнитогорска проходил под лозунгом коренной ломки старого быта. При этом в новом городе, как казалось, не было необходимости перестраивать существующие порядки и «ломать» традиции, казалось, их можно было создавать.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть жизнь населения нового индустриального центра сквозь призму религиозных проблем, а именно определить, какую роль религия играла в жизни магнитогорцев, выявить совершали ли горожане традиционные религиозные обряды, наконец, удалось ли властям искоренить религиозное сознание в Магнитогорске.

Источниковая база исследования опирается на комплекс архивных материалов, выявленных и отобранных в центральных, областных и городских архивах, а также на коллекцию интервью и фото-

[1] Милютин Н. Борьба за новый быт и советский урбанизм // Города социализма и социалистическая реконструкция быта. М., 1930. С. 116.

графий, собранных автором в течение 2007–2012 гг. В соответствии с видовой классификацией, нами были выделены следующие виды источников: законодательные акты, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного происхождения, среди которых – воспоминания, письма и интервью.

Обращаясь к проблеме выявления религиозных практик в городе, необходимо проанализировать состав населения города. Социальная структура населения Магнитогорска была довольно разнообразной. Среди жителей Магнитогорска были представители различных социальных групп и национальностей, заключенные и спецпереселенцы.

Пестрый этнический состав магнитогорцев сохранился на протяжении всего периода существования города. Основы национального состава были заложены именно в начале 1930-х гг. По данным А. Зверева, в 1930 г. в Магнитогорске проживали русские (83,7 %), украинцы (6,8), татары (2,7), белорусы (1,57), башкиры (1,37), киргизы (1,1), нагайбаки (0,5), мордва и «прочие национальности» (0,5)[2]. К 1 июня 1932 г. численность русского населения возросла и составила 91,7 %[3]. На протяжении рассматриваемого периода в Магнитогорске проживали иностранцы – рабочие из Германии, США, Польши, Литвы. В 1931 г. представители этих национальностей составляли не более 0,5 % от общего числа горожан. Подобный этнический состав в общем виде определил и соотношение конфессий на территории Магнитогорска. Большая часть верующих придерживалась православия. Второй конфессией по числу приверженцев являлся ислам. Однако гегемония названных религий не исключала наличия на территории города католицизма и протестантизма, привнесенных иностранцами[4], а также разнообразных сект[5]. Половозрастной состав населения Магнитогорска характеризовался преобладанием молодежи. Зверев, ссылаясь на материалы переписи населения Магнитогорска, отметил, что из общего числа рабочих молодежь в возрасте от 17 до 24 лет составляла 51,2 %[6]. Это нельзя назвать подавляющим

---

[2] Зверев А. На стройке гиганта. М., 1931. С. 70.

[3] ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 7.

[4] Иностранная колония на территории Магнитогорска существовала на протяжении 1930-х гг. Ее численность определить достаточно сложно, т. к. строгий учет отсутствовал. Однако в архиве Магнитогорска сохранился фонд личных дел иностранных специалистов и рабочих, в нем насчитывается 777 дел. При этом мы располагаем сведениями о том, что личные дела составлялись не на всех иностранных граждан, проживавших в Магнитогорске. Одним из таких исключений оказался американский рабочий Дж. Скотт.

[5] Архивы и свидетельства очевидцев сохранили сведения о наличии в городе баптистов и адвентистов седьмого дня.

[6] Зверев А. Указ. соч. С. 70.

большинством, однако среди магнитогорцев значительное число составляли люди в возрасте от 24 до 33 лет. Преобладание в городе рабочих на протяжении рассматриваемого периода являлось вполне закономерным явлением. Несмотря на снижение процента рабочих в городе с 1930 г. по 1935 г. на 7,29 %, данная социальная группа по-прежнему оставалась доминирующей. Ее сокращение от общего числа горожан объяснялось увеличением числа детей и подростков, а также сохранением необходимого числа служащих. Заключенные магнитогорской исправительно-трудовой колонии и спецпереселенцы составляли весомую часть населения Магнитогорска в рассматриваемый период. Тезис В. Н. Кучера о том, что «неприемлемо мнение об участие уголовников в строительстве Магнитки», абсолютно бездоказателен. Так, в 1932 г. население города составляло 205 тыс. человек, из них заключенных и спецпереселенцев – 50 тыс. человек, или 24,3 %[7]. Естественно, что эти данные носят довольно приблизительный характер, т. к. численность этих категорий населения колебалась довольно сильно. В частности, в ноябре 1932 г. в ИТК содержались 6000 человек, но в середине декабря 1932 г. их численность возросла примерно до 13 000[8].

Чаще всего религию связывали с женами и матерями рабочих, и со спецпереселенцами: «После раскулачивания, ликвидации кулака как класса, прислали к нам кулаков, спецпереселенцев. До этого было ничего. После этого началось брожение среди рабочих, т. к. приехала сюда часть попов и дьяконов. Они старались устраивать подпольные молебны, подпольные службы». Действительно, «спецкадры» на Магнитострое появились уже в 1930 г. Начиная с 1931 г. поток спецпереселенцев значительно усилился. В 1932 г. при Главном управлении Магнитостроя числились 40 000 человек[9]. Среди спецпереселенцев было значительное число верующих[10] и даже непосредственно священнослужители. Так, американский рабочий Дж. Скотт писал: «Однажды, возвращаясь домой с работы, я стал свидетелем любопытной сценки – передо мной была бригада, состоявшая из со-

---

[7] Рассчитано по: Архив ЗАГС г. Магнитогорска; МУ Магнитогорский «Городской архив» (далее – МУ МГА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

[8] Макарова Н. Н. Форсированная индустриализация: взгляд изнутри (из истории повседневной жизни Магнитогорска в 1929–1935 гг.). Берлин: LAP, 2011. С. 154; Она же. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) // Социум и власть. 2009. № 3. С. 96–100.

[9] Государственный архив Свердловской обл. (далее – ГАСО). Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 867. Л. 2, 8; Центр документации общественных организаций Свердловской обл. (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 157.

[10] Воспоминания Л. Г. Чернопятовой, О. В. Быстровой и др. Записано Н. Н. Макаровой в 2007–2012 гг.

рока или пятидесяти священников православной церкви, одетых в грязные, изодранные черные рясы...»[11] Воспоминания американца подтверждают данные архивов. В Магнитогорске были священнослужители, которые тайно проводили религиозные обряды. Так, отец Димитрий (Д. И. Герасенко) со своей семьей жил в Магнитогорске не регистрируясь официально, освоил мирские профессии, но тайно по просьбам местных жителей проводил обряды крещения, венчания и отпевания[12]. В магнитогорской исправительно-трудовой колонии отбывали заключение священнослужители различных конфессий. В частности, в городе отбывал ссылку с 1930 по 1937 г. имам-хатыб из с. Большая Цильна Буденовского района Лутфулла Туктамышев[13]. Однако сохранение религиозности в повседневной жизни магнитогорцев зависело не только от социальной или половой принадлежности. Существенное влияние оказывали общая духовная культура человека, традиции, существовавшие в конкретной семье, уровень грамотности, социальное происхождение. Потомственные рабочие легче отказывались от религиозных обычаев, чем недавние крестьяне. Большинство выходцев из деревни в первые месяцы пребывания на Магнитострое продолжали носить нательные кресты[14].

Таким образом, социальный и половозрастной состав населения Магнитогорска мог как способствовать искоренению религиозности в городе, так и противодействовать ему. Кроме того, необходимо учитывать тот религиозный субстрат, который существовал на месте строительства Магнитки до его начала. На территории Южного Урала существовали старообрядческие, православные церкви, мечети и часовни[15]. Большинство из них были закрыты и разрушены. Массовое закрытие храмов являлось одним из печальных результатов массированного давления на церковь. Игнорируя историю и культуру народов, их традиции, идеологическая борьба с религией подменялась борьбой с ее носителями и атрибутикой. Ликвидация церквей выставлялась как важный показатель падения религиозности. В районе города Магнитогорска не было значимых с точки зрения культурной ценности церквей, но вокруг города на расстоянии 26–30 км были

---

[11] Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Свердловск; М.: Изд-во Московского университета, Изд-во Уральского университета, 1991. С. 105.

[12] Старикова Г. И. Время войне и время миру // Наследие. Магнитогорск, 2012. С. 55.

[13] Миннулин И. Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 131.

[14] Скотт Дж. Указ. соч. С. 238.

[15] Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 274. Оп. 3. Д. 4414. Л. 49–50.

деревни с небольшими церквями. Хотя в Магнитогорске церквей не было, и власти рассматривали это как возможность формирования атеистической повседневности среди горожан, сами магнитогорцы продолжали посещать церковь. В станице Магнитной, основанной в 1743 г., преобладало православное население, было несколько семей мусульман, а также семьи староверов[16]. В январе 1930 г. церковь станицы и часовня были закрыты, а вскоре в связи с вводом в эксплуатацию второй плотины затоплены. Верующие начали посещать церковь в поселке Наваринский, который располагался в 26 км от города. В воспоминаниях организатора культурно-массовой работы в Магнитогорске Колбина отмечается, что некоторые горожане венчались и крестили детей[17]. Естественно, что подобные религиозные действа не получили в Магнитогорске массового распространения. Если обряды крещения и венчания удалось искоренить в большей степени, то похороны, по свидетельствам очевидцев, проводились строго в соответствии с церковными традициями[18].

Похороны считаются одним из самых консервативных обрядов. Это подтверждают и некоторые источники по истории Магнитогорска. В частности, семейная фотография, на которой запечатлены похороны Василия Скворцова. На ней видно, что в руку умершего вложена бумага с молитвой (один из обязательных элементов христианских похорон)[19]. По замечанию исследователя О. Р. Николаева, «с 1920–1930-х годов похоронные фотографии все чаще появляются в альбомах простых людей, хотя масштабы их распространения сдерживаются...»[20] Действительно возможности запечатлеть тот или иной момент жизни на фотографии в указанное время было сложно, прежде всего, по причине отсутствия профессиональных фотографов, технических сложностей, тотального дефицита и т. д. Ответить на вопрос, почему именно на рубеже 1920–1930-х гг. население стремится сохранить момент похорон на фотографии однозначно нельзя. Однако можно предположить, что в условиях слома традиционной культуры и обрядовой парадигмы, когда особое внимание приковывалось к новым советским похоронам (например, похороны пионера,

---

[16] Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 45–52.

[17] ГА РФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 44–45.

[18] Воспоминания Л. Г. Чернопятовой, 1937 г. р., записано Макаровой Н. Н. в 2008 г.

[19] Архив Рубан Ю. Фотография. Похороны В. Скворцова. 1935 г. В процессе работы нами собрана серия подобных фотографий.

[20] Николаев О. Р. Традиционные формы крестьянской культуры на сломе эпох: «похоронили хорошо» (к вопросу о фотографиях похорон) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 360.

коммуниста и т. п.), рядовые горожане стремились сохранить не только в памяти, но и на фотографии важные моменты семейной истории. Жанр похоронной фотографии возник как способ сохранения традиции в условиях угрозы разрушения традиционной обрядности. Это наблюдение подтверждают воспоминания поэтессы Н. Г. Кондратковской, в которых автор подробно описывает похороны своей матери[21]. Воспоминания старожилов города и иные источники личного происхождения указывают на то, что в Магнитогорске произошло переплетение традиционной обрядности с новыми советскими нормами. По тексту Н. Г. Кондратковской не сложно заметить, что наряду с обрядовыми действиями необходимо было строго соблюсти все нормы советского законодательства[22].

В целом религиозные практики в Магнитогорске отражали наиболее устойчивые представления населения о религиозной жизни. Учитывая, что церквей в городе не было, верующие магнитогорцы посещали близлежащие церкви в селах или устраивали «молельные дома» в землянках, а затем в своих квартирах. Так, баптисты Г. Шевчук, Сапиок, Салепко, Вогинков регулярно проводили в своих жилищах молитвенные собрания. В бараках проводить религиозные мероприятия было сложнее – слишком много было посторонних глаз. При этом говорить, что землянка было устроена особым образом, нельзя – фактических возможностей у населения для создания религиозного пространства не было. Чаще все горожане ограничивались укреплением икон в так называемом красном углу. Мусульманское население города, по свидетельствам культработника Колбина и по воспоминаниям старожилов Магнитогорска, не нуждалось в церквях, «они молились прямо на улице, на земле»[23]. В Магнитогорске в среде мусульман были избраны муллы, которые совершали необходимые обряды. Чтение священных книг было малодоступной религиозной практикой. С одной стороны, это было обусловлено отсутствием возможностей читать религиозную литературу (соседи, отсутствие освещения, нехватка свободного времени и т. п.), с другой стороны, в городе сами книги были в дефиците. В библиотеках города подобная литература была запрещена, а в частном порядке привезти книги было сложно. Все вновь прибывавшие в город проходили изоляционно-пропускной пункт, в котором и люди, и их вещи проходили санобработку. Следовательно, можно предположить, что если у рабочих и были какие-нибудь книги, их изымали.

---

[21] Кондратковская Н. Г. «Ах, если бы еще одну мне жизнь»: автобиографические рассказы. Философская проза. Воспоминания. Белорецк: ОНИКС, 2006. С. 121–124.

[22] Там же.

[23] Воспоминания Л. Г. Чернопятовой... ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 37–39.

Соблюдение постов как одна из важнейших религиозных практик в условиях латентного голода также было крайне затруднительно. Однако по большим праздникам, таким как Пасха или Ураза Байрам, горожане готовили традиционную пищу[24]. Даже обряд захоронения было невозможно соблюдать в первые годы строительства, т. к. вплоть до 1932 г. в Магнитогорске не было кладбища. Захоронения производили в общих могилах, не устанавливая ни памятников, ни тем более крестов.

В рассматриваемый период в Магнитогорске активно велась борьба с религиозным сознанием населения[25]. Духовное и культурное влияние религии на широкие массы не согласовывалось с планами властей, поэтому одну из важнейших задач большевики видели в изменении старой системы ценностей, сконцентрированной в значительной мере в религиозном вероучении. Наибольшую разрушающую силу в борьбе с религиозным сознанием населения имело советское образование, которое строилось на основе марксистской идеологии. Ее постулаты наиболее активно усваивались молодежью, преобладающей в городе. ГорОНО требовал от коллективов школ города «усилить антирелигиозное воспитание детей и их родителей»[26], «учебный программный антирелигиозный материал использовать шире и регулярнее»[27]. Ситуация на новостройках, по мнению руководства ВЦСПС, требовала особого внимания. Именно поэтому на новостройки, в том числе и в Магнитогорск, направили «40 антирелигиозников для развертывания массовой антирелигиозной пропаганды...»[28]

Отношение к религии часто разделяло в семье родителей и детей. Последние под воздействием школы отказывались от религиозного мировоззрения, что, в свою очередь, порождало конфликты с родителями. Судя по официальной статистике, на Урале в 1917–1921 гг. 90 % всех браков в рабочей среде были церковными, в 1934–1935 гг. это число сократилось до 2,4[29]. Однако разнообразные источники свидетельствуют и об иной тенденции: многие горожане, даже молодежь и дети, нелегко отказывались от веры. Процесс секуляризации быта охватил значительную часть населения страны и Магнитогорска, но следует отметить, что значительная часть магнитогорцев продолжала активно участвовать в религиозной жизни. Исполнение религиозных

---

[24] Воспоминания О. В. Быстровой, 1927 г. р., записано Макаровой Н. Н. в 2008 г.

[25] Культура и быт. 1932. № 8. С. 11.

[26] МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 107.

[27] Там же. Л. 106.

[28] ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 832. Л. 3.

[29] Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик... С. 257.

обрядов по-прежнему считалось одной из обязательных черт жизни. Трансляция религиозных ценностей и взглядов в семье не прекратилась, несмотря на антирелигиозную позицию государства[30].

Антирелигиозная работа была одним из основных и постоянных направлений деятельности комсомольских и партийных организаций. Последние очень часто действовали, не считаясь с чувствами верующих, что, в свою очередь, вызывало недовольство, а в некоторых случаях протест. Так, в Магнитогорске были случаи физической расправы с антирелигиозниками, которые приходили в барак для пропаганды атеистического мировоззрения[31]. Организацией, призванной нести в массы идеи атеизма, являлся Союз воинствующих безбожников. В Магнитогорске он проводил активную работу. В частности, организовывались антирелигиозные вечера коллективов цехов металлургического комбината, на которых религия подавалась слушателям как «кровавый кошмар в истории человечества», а главной задачей участников вечера было рассказать о том, как он стал безбожником[32]. В программу СВБ включались также беседы на следующие темы: «Можно ли верить Библии», «Учит ли добру священное писание», «Классовое содержание учения и классовая политика церкви», проводились инсценировки, озвучивался историко-революционный материал, собирали средства на строительство танка «Безбожник», подводной лодки «Воинствующий безбожник», самолета «Уральский безбожник» и т. п.[33] Активная работа магнитогорского Союза воинствующих безбожников была одобрена на заседание президиума Уралоблсовета 29 ноября 1931 г. Опыт магнитогорских безбожников рекомендовали распространить на Кузнецкстрое и по всему Уралу.

При анализе значительного массива источников, а именно воспоминаний магнитогорцев об их отказе от религии, следует отметить несколько типичных сюжетов. Среди причин, которые толкнули отказаться от веры в Бога и религии вообще, были, во-первых, чтение соответствующей литературы и понимание того, что «религия затуманивает мозги». Во-вторых, отсутствие ожидаемого чуда. Например, публичное вскрытие мощей, в которых оказывались воск, уголь, шелк, кости и т. д., а не нетленное тело святого или отсутствие чудотворной силы икон, или карающей руки Господней за расстрел священнослужителей, осквернение предметов культа и т. п.[34] В-третьих,

---

[30] Исаев В. И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2003. С. 220.

[31] Воспоминания А. И. Чесноковой, 1924 г. р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.

[32] ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 113. Л. 27.

[33] МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20. Л. 124.

[34] В источнике не ясно, о каком именно святом идет речь.

неблаговидное поведение духовенства (несоблюдение постов, бранная речь, побои женщин и детей)[35].

Религиозная обрядность прочно вошла в повседневную жизнь населения, она исполнялась веками. Именно поэтому большевики предлагали альтернативную атрибутику, предпринимали попытки внедрить новую советскую обрядность в жизнь. В частности, в Магнитогорске проводили «красную пасху» и «красные крестины». Процедура проведения таких торжеств уже описана в научной литературе и даже прекрасно проиллюстрирована в кинематографе. Однако организация подобного торжества по поводу рождения каждого ребенка была невозможна, поэтому рождение ребенка регистрировалось в ЗАГСе, после чего некоторая часть горожан крестила детей в церкви. Все это порождало некую двойную обрядность: исполняя и внешне принимая светские обряды, которые предлагались властями, населения параллельно совершало и традиционные религиозно окрашенные мероприятия. Одним из основных способов воздействия на быт горожан стало внедрение новых советских праздников и памятных дат. Зачастую новые праздники специально приурочивали к традиционным религиозным праздникам и противопоставляли последним. Широко известно, что гонениям подверглось празднование Нового года и Рождества, однако население упорно продолжало отмечать новогодние и рождественские праздники. В результате в канун Рождества решено было праздновать День ударника. В Магнитогорске этот праздник проходил с особым размахом. К празднованию Дня ударника были приурочены открытие зимнего катка и лыжных станций, организация зимних физкультурных праздников. В канун Рождества в городе устраивали массовые «лыжные вылазки»[36], однако спортивные мероприятия не мешали горожанам отмечать Рождество в семейном кругу. Респондент О. В. Быстрова рассказывает, что они с родителями всегда отмечали Рождество[37]. Городские власти боролись за рождение новых традиций в Магнитогорске, в частности прививали населению города культуру празднования первомайских праздников. В целом магнитогорцы, как и население страны, настроенные лояльно по отношению к советским праздникам не связывали отказ от религиозных праздников с введением новых, советских. Горожане адаптировали новые советские праздники в своем сознании, сравнивая их с прежними, религиозными. Возможно, поэтому, респондент

[35] ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 113. Л. 7.

[36] Магнитогорский рабочий. 29 декабря 1933.

[37] Воспоминания О. В. Быстровой...

Т. К. Пацина отметила, что ее мать всегда говорила: «Хороший был праздник, как Пасха»[38].

Итак, в новом индустриальном центре – Магнитогорске горожане продолжали совершать культовые действия не столько вопреки запретам со стороны властей, но чаще по привычке, не придавая особого религиозного характера своим действиям, опираясь, прежде всего, на многовековые традиции. Наличие на территории города пестрого этно-конфессионального состава консервировало религиозные традиции. В целом антирелигиозная политика в 1930-е гг. сыграла решающую роль в уничтожении религиозного сознания населения, духовенства и духовных организаций. Существование религии в обществе поддерживалось лишь на уровне некоторых обрядов. Новый образ жизни, привычки населения, сменный график работы, строгий контроль привели к тому, что религия стала уделом стариков, а молодежи и людям среднего возраста верить было просто неприлично. Со второй половины 1930-х гг. в архивных материалах практически отсутствуют сведения о работе Союза воинствующих безбожников в Магнитогорске, о сохранении религии в городе, об организации подпольных молебнов и пр. Думается, что подобная ситуация не была случайной. Религиозность населения и города определялись по чисто внешним признакам: наличие церквей и часовен, совершение религиозных обрядов, внешней атрибутики. Подобный подход обеспечивал сравнительно спокойное существование верующим в городе, которые сохраняли внутреннюю религиозность или исповедовали внецерковные исповедания. Отсутствие церквей в городе – «флагмане социалистической индустриализации» и образце нового «социалистического общежития» – оставляло Магнитогорск вне поля зрения партийных и советских органов, ответственных за антирелигиозную пропаганду, и потому, в некотором смысле, делало сохранявшиеся в нем религиозные практики – неуязвимыми.

[38] Воспоминания Т. К. Пацины 1946 г. р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.

Л. В. Сагитова

АВТОНОМИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ АТЕИЗМА (На примере татарского села Средняя Елюзань)

15 мая 1932 г. Декретом правительства за подписью И. Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», поставившая конкретную цель: к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на территории страны». Таким образом, политика советского атеизма выводила религию за рамки легитимной публичности. Но ислам не исчез, а переместился в сферу приватного пространства. В отличие от православия, ислам благодаря интенсивности обрядово-ритуальных практик мог поддерживаться и воспроизводиться на уровне семьи и локальной общины и, отчасти, в публичном, но нелегитимном пространстве частично сохранившихся духовных институтов.

Ситуация ухода ислама в приватность, или своеобразную автономию не была новой для российских мусульман. История автономизации ислама в российском государстве была связана со спецификой внутриполитической конъюнктуры. Так, поэтапное присвоение православию статуса государственной религии (Соборное уложение в 1649 г.; реформы Петра I, усилившие давление на мусульман) привело к замкнутости мусульманских общин, регламентация внутренней жизни которых строилась исключительно на нормах шариата[1].

Однако модели автономии мусульманских общин в царской и советской России принципиально различались. Так, легитимность религии на уровне государства в дореволюционной России обеспечивала полноту духовной инфрструктуры мусульман: от Уфимского муфтията, Духовного собрания, мечетей, мектебов, медресе и собственно самих мусульанских общин[2]. А их внутренняя автономия

[1] Дюдуаньон С. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII – нач. XX) // Ислам в татарском мире: история и современность. Материалы международного симпозиума. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. Казань, 1997. С. 58–59.

[2] Ноак К. От родословной к территории: пространственное измерение мусульманской идентичности в имперской России // AB Imperio. 2006.

усиливалась преимущественно анклавным характером расселения мусульман как в городах, так и в сельской местности и значительной культурной дистанцией с православными.

В советской России коммунистическая идеология и форсированная индустриализация привели не только к внутренней миграции, микшированию этнических групп и внедрению светской культуры с русским языком обучения, но и к сосуществованию двух взаимоисключающих идеологических систем – советской идеологии и ислама. Режимы их сосуществования различались в зависимости от политики власти, дрейфовавшей от воинствующего атеизма с репрессиями в эпоху Сталина – к более либеральному, или попустительскому отношению в поздние советские годы.

В связи с этим ряд факторов предопределил бытование исламской традиции в советской России:

– легитимность религиозных институтов;

– жесткость санкций против религиозных деятелей и религиозных отправлений;

– интенсивность атеистической идеологии;

– географическая и поселенческая специфика проживания мусульман;

– специфика преемственности традиции от поколения к поколению.

Кейс татарского села Средняя Елюзань Пензенской области представляет собой пример анклавного бытования исламской традиции. Собранные в ходе экспедиций[3] материалы демонстрируют, каким образом сохранялись духовные институты и практики на протяжении всего советского периода в условиях идеологического контроля и санкций; каким образом ценности, нормы и социальные стандарты рационализировались на коллективном и личностном уровнях и предопределяли поведенческие стратегии людей и оказывали влияние на консервацию ислама в Средней Елюзани[4].

---

[3] Лонгэтюдное исследование проводилось в рамках нескольких научных проектов: 1) плановой научно-исследовательской работы в отделе этнологии Института истории АН Татарстана по теме: «Этническая и религиозная идентификация локальных сообществ в условиях социальной трансформации. Кейс Средняя Елюзань» (2006 г.); 2) в рамках краткосрочного гранта Американского совета научных сообществ (ACLS) по теме: «Старый» и «новый» ислам: факторы гибридизации религиозного пространства в постсоветской России» (2009 г.); 3) в рамках международного проекта «From Kolkhoz to Jamaat. The Transformation of Rural Islamic-Background Communities in the Former USSR: An Interregional Comparative Study, 1960–2010», (2008–2011); Фонд Фольксвагена (2010, 2011 гг.)

[4] В исследовании в качестве источников были использованы: включенное наблюдение, биографические и экспертные интервью, документы Пензенского государственного архива; статистические материалы сельской администрации и школы.

Предваряя описание результатов исследования, следует сделать замечание, касающееся используемых понятий. Так, понятие «автономия» используется в кантовской трактовке – как форма и способ сохранения и воспроизводства личностной и групповой идентичности[5]. Религию можно рассматривать в качестве моральной автономии. Моральная автономия позволяет сохранять свободу независимо от социальных установлений в условиях диктата власти и не терять самообладания перед лицом стихии, недуга или угрозы смерти. Духовная автономия – глубоко социальное явление. Личность или группа формируют культурные границы для сохранения и укрепления ценностных структур и идентичности. К разряду влиятельных факторов относятся политическая и социально-экономическая конъюнктура конкретного исторического периода.

* * *

С установлением советской власти, в Средней Елюзани осталось 4 мечети. В сталинский период, несмотря на жесткость мер и репрессии против служителей культа, в селе продолжали работать все мечети, из которых лишь одна имела официальный статус. Такое положение дел не могло долго оставаться без внимания областной администрации. Исход очередной проверки в апреле 1946 г. получил отражение в письме уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР[6] по Пензенской области:

«В селе Ср. Елюзань мною зарегистрировано одно религиозное общество, каковому райисполкомом передано здание мечети под № 3. Между тем, из поступивших в мое распоряжение сведений видно, что фактически в селе Ср. Елюзань действуют все четыре мечети, в которых исполняют обязанности муллы <...>

Такое положение далее терпимо быть не может. Все незарегистрированные религиозные общества должны быть объединены в одно, а мечети под № 1, 2 и 4 должны быть закрыты и приняты Райисполкомом» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 3. Л. 17).

Пожалуй, этот период можно обозначить в качестве стартового в длительной истории борьбы жителей села за сохранение своей духовной автономии. Сохранившиеся письма сельчан, партийные рапорты и информационные отчеты помогают реконструировать события в течение последних пятидесяти лет советского правления.

Архивные данные свидетельствуют о слабой эффективности предпринимаемых советской бюрократией мер. Так, по прошествии трех лет, в 1949 г. уполномоченный по делам религии информировал,

---

[5] Кант И. Основы метафизики нравственности. URL: http://royallib.ru/read/kant_i/osnovi_metafiziki_nravstvennosti.html#10240

[6] Далее по тексту эта организация будет обозначаться аббревиатурой «СДРК».

что «в с. Ср. Елюзань Чаадаевского[7] района при наличии одной зарегистрированной мечети верующими проводятся молитвенные собрания в двух еще незарегистрированных мечетях» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Л. 190).

Продолжающаяся активность верующих привела к тому, что 16 марта 1950 г. Исполнительный комитет Пензенского областного Совета народных депутатов вынес решение в адрес районной администрации о прекращении деятельности трех неофициально действующих мечетей. Однако закрытие мечетей сопровождалось протестом местных жителей. Вот сохранившаяся история очевидца:

«Ну, потом уже религию начали запрещать все больше и больше... В тех мечетях хранили и удобрения. Но такие смелые люди были, днем удобрение привозят, загрузят в мечети, а народ ночью его оттуда выгружает в барак. Потом днем пришли милиционеры, чтобы заставить народ перевести это удобрение снова в мечеть. <...> Но, потом снова местные власти, свои руководители заставляли загружать удобрение обратно в мечеть. Но религия у нас в деревне все время была. Против течения не пойдешь». (Ильяс. 2010/05/13)

По всем правилам советского бюрократического габитуса елюзанцы продолжили попытки решить проблему теперь уже на высшем уровне правительственной иерархии. Первое письмо от имени 458 хозяйств за подписью 47 человек, преимущественно колхозников и нескольких единоличников, было послано 7 января 1950 г. на имя Н. М. Шверника (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 18). Второе заявление от имени 35 верующих от 450 хозяйств было послано 29 января 1951 г. тому же адресату (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 18(3)). Примечательно, что авторы письма апеллировали к букве закона:

«Мы, нижеподписавшиеся граждане-колхозники вторично вынуждены обратиться к Вам тов. Председатель, с нижесказанной просьбой, имея в виду, что на основании Сталинской Конституции мы не лишены и не лишались, лежащего на нас права религиозного убеждения, в силу которого мы все колхозники желаем продолжать завещанный нашими отцами и прадедами обычай моления» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 18(3)).

Третье письмо с просьбой об открытии второй мечети от 916 хозяйств и подписанное 62 верующими на имя Председателя Совета министров СССР Г. М. Маленкова (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 18(16)). Четвертое письмо было отправлено в первой половине апреля 1956 г. на имя Н. С. Хрущева и Председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 18(21)). Обращения не были удовлетворены под предлогом достаточности одного здания для нужд верующих.

[7] В разные годы советского периода село Средняя Елюзань переходило попеременно в юрисдикции Чаадаевского, или Городищенского районов.

Изучение архивных материалов, связанных с этими письмами, позволяет сделать вывод о самодостаточности и самостоятельности мусульманской общины села, поскольку и в ситуации ожидания ответа на просьбы, и в случаях отказов, колхозники не сидели сложа руки. Попытки ввести в действие вторую мечеть приобрели перманентный характер. В Информации о деятельности религиозных общин за 1958 г. отмечалось:

«В с. Средняя Елюзань имеется действующая мечеть. Однако верующие стали писать письменные ходатайства открыть в этом селе вторую мечеть. По этому вопросу представители верующих приезжали на прием в Облисполком.<...> Не дожидаясь рассмотрения этого вопроса в облисполкоме, верующие стали ремонтировать крышу в пустующем здании бывшей мечети в этом селе. Имелись косвенные сигналы, что такие самочинные действия верующих были якобы одобрены Мухтасибом Юсуповым Я. С.

В связи с таким явлением через райисполком были приняты меры к прекращению незаконного ремонта здания бывшей мечети» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 28(2)).

История с ходатайством об открытии второй мечети стала резонансной и отслеживалась на высшем уровне союзного руководства. Так, в 1973 г. в письме Председателю СДРК сообщалось:

«Поскольку некоторые верующие без соответствующего разрешения пытались проводить ремонт пустовавшего здания мечети и организовывать в нем групповые моления, за это были оштрафованы, а само здание мечети занято под склад минеральных удобрений» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 77(9)).

Несмотря на санкции, через некоторое время вновь были предприняты действия:

«Через некоторое время, в ноябре 1972 года неизвестные лица ночью, взломав запоры здания, выбросили в овраг некоторое количество минеральных удобрений. Виновники этих действий устанавливаются для привлечения их к уголовной ответственности» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 77(9)).

Спустя несколько лет история вновь продолжилась, но дополнилась другим составом участников: «Весной 1975 года по указанию руководства совхоза минеральные удобрения были вывезены на поля и мечетное здание вновь осталось пустым. Таким образом, вновь были созданы условия, побуждающие верующих ходатайствовать об открытии этой мечети.

Воспользовавшись этим обстоятельством, верующие быстро привели мечетное здание в надлежащий порядок и возбудили письменное ходатайство об его открытии.

В связи с этим, руководителям совхоза “Елюзанский” было предложено немедленно занять мечетное здание для хранения в нем совхозных материалов.

Секретарь парткома тов. Агишев Р. К. в декабре 1975 года информировал район и область о том, что в этом здании организован склад для хранения запчастей от сельхозмашин.

При выезде на место 30 января текущего года было установлено, что это сообщение тов. Агишева является ложным и мечетное здание до сих пор ничем не занято и пустует. Хуже того, верующие продолжают его дооборудовать, в частности провели в нем новую электропроводку» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 91а(2)).

Закономерным исходом стали санкции со стороны власти к «нарушителям» установленного порядка. Так, сообщалось, что «23 августа 1972 года на заседании административной комиссии при исполкоме Совета Ср. Елюзани рассмотрено дело граждан Ср. Елюзани (перечислены 4 человека), которые самовольно открыли не действующую мечеть и призвали граждан на проведение молитвы. Все четверо оштрафованы по 50 рублей, штраф взыскан полностью через судебного исполнителя» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 80(2)).

А год спустя был наказан директор школы: «За запущенность антирелигиозной работы в школе и сочувственное отношение к действиям верующих, добивавшихся открытия второй мечети. Городищенский РК КРСС освободил тов. Ибрагимова Х. Ч. от должности директора Средне-Елюзанской средней школы» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 77(9)).

В этой истории обращает на себя внимание отсутствие жестких репрессивных мер со стороны областной администрации, которая даже в поздний сталинский период предпринимает довольно мягкие меры по отношению к «нарушителям» – предупреждения, штрафы и т. п. Партийная переписка обнаруживает чувствительность к реакциям и настроениям общины: в информационных письмах часто звучит отсылка к тому, как могут отреагировать колхозники и как избежать волнений и возмущения.

Представляется, что важным ограничителем жесткости мер была величина общины: в разные годы от 4000 до 5000 человек в самой Средней Елюзани. А если принять во внимание мусульманское население расположенных рядом Верхней и Нижней Елюзани, то силы многократно увеличивались. Кроме того, этнически гомогенная среда с исключительно татарским языком коммуникации играла роль культурного барьера для представителей русского населения. Поэтому сельская администрация избиралась из своей, родной, общинной среды, что и предопределяло ее реагирование на сигналы «сверху» – совхозное руководство явно покрывало «противоправные» действия односельчан. В 1973 г. уполномоченный по делам религиозных культов докладывал в информационном письме:

«В течение ряда лет в некоторых населенных пунктах Городищенского (... и др.) районов действуют небольшие мусульманские и сектантские группы верующих, самозваные служители культов. Однако местные советские органы этих районов мирятся с их незаконной деятельностью» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 77(10)).

Ограничения, накладываемые внутригрупповой солидарностью общины, определяли поведение совхозной администрации. Так, уполномоченный по делам религий сообщал в очередном отчете:

«Временно исполняющий обязанности директора совхоза "Елюзанский" тов. Тугушев И. Ф. в беседе 30.01.1976 г. заявил, что они не могут занять под склад пустующее здание мечети из-за того, что "рабочие откажутся выполнять их распоряжения"» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 91а(3)).

Политика советского атеизма использовала в качестве альтернативы религиозному светские институты. В сельской местности ставка делалась на школу и клуб как на основные идеологические инструменты атеистической пропаганды. История села демонстрирует формы сопротивления внедрению светскости. Так, в 1966 г. в письме уполномоченного СДРК отмечалось:

«На наше замечание о том, что в селе еще нет хорошего клуба и в первую очередь нужно подумать о его строительстве, верующие говорили: "Зачем нам клуб? Кто туда ходит? У нас в селе народ верующий, и мы все ходим в мечеть, и наши дети будут ходить в мечеть. Мы без религии не можем. Она помогает людям, приучает их к дисциплине, к порядку. Вот в декабре начнется «рамазан» и все мужчины бросят курить и пить водку. Разве это плохо? Так что сначала дайте нам вторую мечеть, а потом уж можно и о клубе подумать"» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 49(2)).

Светские практики в селе вводила сельская интеллигенция. Учителя вместе со школьниками готовили вечера и концерты, на которые приглашались родители и родственники учеников. Но включенность в советские практики не исключала учителей и некоторых партийных работников из жизни общины:

«Беседуя с директором школы тов. Талиповым по вопросу о том, как проводит население праздники "рамазан", "курбан-байрам", "мавлюд" – он заявил, что эти праздники празднуются почти всем населением, не исключая детей. Почитание праздников имеет место и среди учителей. Если можно верить словам тов. Талипова, а не верить нельзя, так как он является коммунистом, который сказал, что мечеть посещают не только рядовые колхозники, но и отдельные коммунисты, но конкретно фамилий не назвал. Тов. Талипов рассказал и о том, как колхозники подвозили дрова для мечетей на своих коровах, тогда как дрова для школы подвезены не были» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1(2)).

О слабости ресурсной атеистической базы и светских институтов в селе свидетельствуют данные архивных документов:

«Религиозным обрядам недостаточно противопоставляются новые советские гражданские обряды. Почти не проводятся обряды в татарских селах. <...> В библиотеках и клубах татарских сел абсолютно нет никакой антирелигиозной литературы по исламу, что отрицательно сказывается на развертывании атеистической работы» (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 49(5)).

Приоритет в воспроизводстве и поддержании религиозных практик принадлежал институту семьи. Именно традиционная большая, двух-, или трехпоколенная семья становилась базой, которая давала представление о боге, религиозных нормах и ценностях. Тотальная занятость родителей в сельском хозяйстве компенсировалась участием в воспитании детей бабушек и дедушек, которые и становились первыми религиозными воспитателями внуков. Они же выполняли функцию проводников в публичное пространство – мечети. Праздничные моления на кладбище, в пустующих домах или широких улицах села, когда мечеть не вмещала верующих, приобретали функцию неформального социального института, также структурировавшего жизнь общины и участвующего в социализации детей:

«Народ посещал мечети. <...> Да, в праздники, тогда полно было народу, даже не умещались, тогда вся деревня ходила на кладбище на Гает намаз, в Кадер кич народ не умещалась в мечетях, тоже где-нибудь организовывали в пустых местах читать. Если это было летом, то ходили на кладбище, а в остальное время где-нибудь на открытых площадях. <...> Иногда вот дома ставили... большие площади, но хозяин еще там сам не живет, вот в таких домах читали. <...> Помню, когда мы были маленькими, мы ходили охранять обувь отца (во время службы в мечети. – *Л. С.*). Потом он приходил и нам денег давал» (Муслима. 2011/08/11).

Пожалуй, одним из важнейших событий, объединявших сельчан всех возрастов, а также представителей всех страт колхозной общины было проведение Рамазана:

«Ежегодно в татарских селах обычно отмечается массовое соблюдение населением религиозного поста “Рамазана” (Уразы) в том числе и некоторыми учениками старших (7–10) классов школ, которые не кушают в дневное время» (1966 г.) (Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 49(2)).

Устные истории всех информантов содержат воспоминания о том, как они с детства держали Уразу[8], о том, что соблюдение поста в условиях светского института (в нашем случае, школы) входило в конфликт с нормами и правилами учреждения. И тогда усвоенные в семье нормы и практики порождали сопротивление. Вот свидетельство молодой женщины, школьные годы которой пришлись на эпоху «зрелого социализма» – 1980-е гг.:

[8] Мусульманский пост.

«Когда младше была – уразу не держала. <...> Где-то с 6, 7 класса я стала соблюдать. <...> Мы были пионерами. Но в Рамазан не носили галстуки – грех. <...> Нас всем классом выгнали – из-за того, что мы сняли галстуки. <...> Взяли галстуки и в карманы положили. Нас стали ругать: почему? Мы говорим: грех, красный нельзя на шею одевать. <...>Из-за того, что коммунисты, там, из-за этого...<...> Пока кто-нибудь не поругает – снимешь, поругают, потом, может, оденешь. Парни не надевали. Мы (девочки. – *Л. С.*) боялись – надевали. Потом обратно (снимали. – *Л. С.*). <...>А еще у нас праздник был "Курбан байрам". В этот праздник мы учились. В школу не приходили. Где-то, 10–20 человек из класса не приходило» (Фания. 2006/08/10).

Смена политической парадигмы после 1989 г. привела к интенсивному расширению духовной инфраструктуры на селе[9]. С 1990-х гг. жители села стали организовывать сборы средств на строительство мечетей. За двадцать постсоветских лет было построено 9 мечетей и одно медресе. В 2011 г. в районе новой строящейся улицы заложен фундамент десятой мечети, которая планируется в качестве соборной. Открыты мусульманские детские сады. Один из них совмещает функцию женского мусульманского центра, где проходят образовательные курсы по арабскому языку для девушек и женщин, организуются пятничные вагазы[10]. В мусульманские праздники Ураза, Курбан-байрам в нем проводятся ифтары и таравихи[11]. Силами молодых имамов организован Мусульманский фонд «Радуга», который занимается социальными вопросами, организацией детского мусульманского лагеря и конкурсами чтецов «Корана».

Исторический экскурс в религиозную сферу сельских мусульман в период советской трансформации позволил выявить социологические основания жизнестойкости ислама: роль социальных институтов (мечети и семьи); формальных и неформальных духовных лидеров (имамов), формировавших скрепы мусульманской общины в эпоху идеологии атеизма. Детальное изучение исторических корней позволяет понять стимулы процесса ре-исламизации в новейший период развития российской истории.

---

[9] После нескольких обращений об открытии второй мечети «17 октября 1989 г. Пензенский облисполком принял решение считать возможным зарегистрировать вторую общину», а «25 декабря 1989 г. СДРК постановил ее зарегистрировать» (Л. 18, 21).

[10] Мусульманская проповедь.

[11] Разговение и ночные моления.

VII. СОВЕТСКАЯ ЭТНОНОМЕНКЛАТУРА. ФОРМИРОВАНИЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Ф. Ахмедова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И КОНФЛИКТЫ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТИЗАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

С первых дней советизации начались конфликты во внутривластной элите Азербайджана. В действительности же корни конфликтов были заложены еще в предыдущие годы. Так, первый опыт установления советской власти в Азербайджане был осуществлен в апреле 1918 г. в Бакинском районе. Ответственность за резню, совершенную весной 1918 г. против мусульманского населения в городе Баку и уездах Азербайджана, лежала на большевиках. Имея очень ограниченную социальную базу во всех губерниях Южного Кавказа, большевики хотели превратить Баку в форпост революции на Кавказе. Отличавшийся выгодным стратегическим и географическим положением, богатыми природными ресурсами, Баку считался одним из 4–5 революционных центров бывшей Российской империи. Хотя в период Российской империи значительный приток капитала в нефтяную промышленность превратили Баку в «пролетарский город», среди местного населения приверженность к революции отсутствовала. Перешедшие после ликвидации абсолютизма в России на легальную деятельность политические партии начали играть активную роль в общественно-политической жизни страны. Большевики, имевшие довольно широкую социальную базу среди немусульманских рабочих в нефтяной промышленности Баку, а также поддержку среди дислоцированных в городе солдат бывшей русской армии, не имели реальных шансов придти к власти цивилизованным путем. Как на выборах, проведенных в 1917 г. в Бакинскую городскую думу, так и на выборах в Бакинский совет и Всероссийское Учредительное собрание, большевики остались в меньшинстве.

Однако серьезные и решительные действия центральной советской власти в отношении быстро протекавших на Кавказе процессов не остались без последствий. В политике Москвы Баку имел статус революционного центра Кавказа и политического центра Ближнего

Востока[1]. Большевики стремились установить советскую власть на Кавказе. Не имея возможности сделать это мирным путем, большевики осуществили свою миссию силой оружия и путем насилия. В результате весной 1918 г. были совершены жестокие акты насилия в отношении азербайджанского населения Бакинской губернии. Горький опыт установления советской власти в Баку в 1918 г. породил среди азербайджанского населения чувство недоверия и отрицательного отношения к большевикам. По этой причине, когда в мае 1920 г. Н. Нариманов приехал в Баку, местные мусульмане толпами подходили к нему и говорили: «Веди нас, куда хочешь, делай что хочешь, мы тебе верим, мы вручаем тебе счастье нашей семьи, но чтобы не было событий 18 года»[2]. О резне, в течение трех дней продолжавшейся в Баку 31 марта – 2 апреля 1918 г., Нариманов писал в своем знаменитом докладе в ЦК РКП(б): «Но зачем нужно было после этой кошмарной истории, продолжать ее проделывать по уездам. Вот на этот вопрос должна ответить Советская власть 1918-го года в Баку»[3].

Учитывая, что среди создателей советской власти в Баку в 1920 г. был ряд большевиков, которые были связаны с Бакинской коммуной 1918 г., естественно, что их возвращение в Баку было воспринято среди азербайджанского населения неоднозначно: «слово “большевики” наводило ужас. Сразу же после оккупации Баку в городе начались бесчинства ЧК и политического бюро 11-й армии»[4]. Новая большевистская власть также опиралась на штыки. Первая неделя вступления XI Красной армии в Баку получила в истории название «грабнедели». «Террор продлился несколько месяцев, оставив после себя страшные следы опустошения. При этом большевики применяли методы, с успехом апробированные в городах Центральной России»[5].

Вновь появилось основание, как и в 1918 г., обвинять власти в связи с национальным вопросом. Народ, познавший два года назад большевистское правление, не хотел вновь пережить ту же трагедию. По этой причине, когда в мае 1920 г. Нариманов вернулся в Баку, его встретили со словами: «Может быть, будет конец тем безобразиям, которые происходили до Вас... Азербайджан грабят вовсю, расстреливали направо и налево»[6]. Таким образом, в первое время советская

---

[1] Ахмедова Ф. Ф. Нариман Нариманов – идеал и реальность. Баку, 1998. С. 16–17.

[2] Нариманов Н. К истории нашей революции в окраинах. Баку, 1990. С. 58.

[3] Там же. С. 60.

[4] Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе (История сталинизма). М., 2010. С. 249.

[5] Там же. С. 249.

[6] Нариманов Н. Указ. соч. С. 29–30.

власть в Азербайджане фактически держалась на штыках. Поэтому Нариманов подписал несколько декретов, которые запрещали без санкции Азревкома кого-либо расстреливать. Однако до февраля 1921 г. руководство XI Армии игнорировало все решения Азербайджанского правительства и не подчинялось решениям местных властей. Почему до февраля 1921 г.? Потому что, после советизации Армении и Грузии XI Армия больше не вернулась в Азербайджан. В основном разногласия существовали между военным командованием, особым отделом XI Армии, который возглавлял В. Панкратов и местными властями (Азревком, Совет народных комиссаров Азербайджанской ССР, возглавляемый Н. Нариманом).

Планы Нариманова об Азербайджанской советской республике, его видение решения национального вопроса не воспринимались положительно большевистской элитой еще до его возвращения в Баку. Имевшие длительное время решающее слово в управление Кавказом большевистские лидеры Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров, еще 4 мая 1920 г., т. е. за десять дней до возвращения Нариманова в Баку, телеграмму, направленную В. И. Ленину, завершали словами: «Опыт требует снабжения нас полномочиями Совнаркома для всего Кавказа и далее. Снабдите нас по радио или пришлите кого другого, но немедленно. Нариманову таких полномочий не давайте»[7]. Ленин на основании этой телеграммы дает широкие полномочия и поручает руководство всей внешней и внутренней политикой Азербайджана Орджоникидзе[8].

Начавшееся противостояние приобрело четкие программные черты уже после возвращения Н. Нариманова в середине мая 1920 г. в Баку. Последовавшие, говоря словами Нариманова, «за медовым месяцем кровавые события» в Азербайджане, нашли отражение в выдержанных в резких тонах его обращениях в Москву, неоднозначно воспринятые внутри большевистской элиты республики. Уже через месяц после возвращения в Азербайджан Нариманов пишет первое заявление Ленину об отставке: «не хочу быть ширмой»[9]. Это было единственным способом давления на центр. Нариманов ставит вопрос о своей отставке или требует обеспечить его сторонников реальной властью в Центральном комитете. Одновременно он требует , чтобы его противники были отозваны Центром. Чтобы укрепить советскую власть на окраинах центральное большевистское руководство вы-

[7] Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов. М., 1996. С. 123.

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. М., 1961. С. 226–227.

[9] Ахмедова Ф. Ф. Указ. соч. С. 35.

нуждено было пойти на некоторые уступки местным национальным коммунистическим элитам.

Однако противостояния на этом не прекратились. В их основе стояли различия во взглядах местной коммунистической элиты на попытки центральных властей построить в Азербайджане советскую государственную модель по подобию российской. В результате с первых месяцев установления советского режима в Азербайджане среди руководящих работников республики возникли две остро противостоящие друг другу группировки: «левых» и «национал-уклонистов». Последний ярлык закрепился за группой во главе с Н. Нариманов, которая считала, что республике должны быть предоставлены относительно широкие права, при осуществлении преобразований должны быть учтены местные условия, национальные обычаи и традиции, языковые и религиозные особенности, руководство республикой должны осуществлять, хотя и коммунисты, но представители коренной национальности. В группу Нариманова, получившую в партийных кругах название «правой», входили также М. Кадырлы, М. Дж. Багиров, С. М. Эфендиев, Д. Буниятзаде, М. Гаджиев и др. Ей противостояла «Бакинская» или «левая» группа, куда входили А. Микоян, Л. Мирзоян, В. Егоров, М. Д. Гусейнов, Р. Ахундов, А. Караев и др. Именовавшаяся «национал-уклонистами», «правая» группа в основном имела поддержку в партийных организациях уездов, тогда как «левая» группа (руководство Бакинского комитета и его сторонники) имела поддержку среди трудившихся в Баку немусульманских рабочих. Бакинский комитет имел сильное влияние не только среди немусульман, но и большинства прибывших из Ирана азербайджанских рабочих. На протяжении 1920-х гг. в этом противостоянии наблюдалось превосходство Бакинского комитета. В городском комитете партии Баку был представлен весь полиэтничный состав населения этого крупного промышленного центра на Каспии. В Президиуме Бакинского комитета преобладали русские и армяне. Армянские коммунисты А. Микоян, С. Саркис и Л. Мирзоян были его председателями в период с 1920 по 1928 г.[10]

В начале 1920-х гг. Бакинский комитет АКП(б) вел самостоятельную политику, не подчинялся решениям центрального комитета, парализовав работу Центрального комитета КП(б) Азербайджана, препятствовал превращению его в правящий орган власти республики. Для того чтобы держать азербайджанское руководство под контролем, Центр или направлял против друг друга и ослаблял тех, кто нарушал диктуемые им правила, или полностью уничтожал их. Таким

[10] Баберовски Й. Указ. соч. С. 132.

образом, Центр добивался создания выгодного для себя баланса в политической жизни республики: «В этом вопросе он (Орджоникидзе Ф. А. – *Ф. А.*) делил ЦК на две группы: якобы настоящих коммунистов и национал-уклонистов, якобы правых» (Н. Нариманов)[11].

Уверенный в том, что в «национальных окраинах национальный уклон создается Центром и его работниками», Нариманов советовал Центру: «Ведите строительство Окраин так, чтобы они могли развиваться правильно для естественного слияния с Центром»[12].

Некоторые проблемы в национальном вопросе, вызывавшие конфликты, из-за особого мнения Н. Нариманова стали предметом обсуждения. Вопрос о независимости Азербайджана был одним из первоочередных тем обсуждения. На фоне согласия Центра на создание правительства, состоявшего из мусульман-гумметистов, вопрос о вхождении Азербайджана в состав Советской России не ограничивался только желанием Г. Орджоникидзе или А. Микояна. Поддержка данной идеи со стороны таких ведущих мусульманских коммунистов, как М. Д. Гусейнов и А. Караев, являлась ярким свидетельством того, что конфликт уже велся не только с Центром, но и между коммунистами на местном уровне.

В 1921–1922 гг. Ленин был основной опорой в Центре лидера национал-уклонистов Азербайджана Н. Нариманова. Среди азербайджанских коммунистов не было единства мнений в отношении изменений происходивших в Азербайджане. Начиная с первых лет советской власти Центр запрещал самостоятельное ведение торговых связей между республиками. До конца своей жизни Нариманов не мог смириться с мизерными расходами доходов от нефти на медицину, образование Азербайджана, так и не добившись желаемого он писал: «Я целый год воевал с тов. Серебровским по поводу процентного отчисления нефтяных продуктов в пользу Азербайджана, дело довел до Политбюро, которое постановлением обязало тов. Серебровского делать это отчисление. Почему тов. Серебровский до сих пор не выполняет этого так, как следует»[13]. Он говорил, что этот вопрос не без основания приобрел национальное содержание: «Когда азербайджанский крестьянин, не имея керосина, зажигает лучину, когда азербайджанский гражданин видит, что в Тифлисе керосин продается дешевле, чем в Гяндже, то поневоле приходится слышать по адресу тех, кто все это делает, упреки, обвинения в колонизаторстве и т. д.», «Азербайджан в первый год не только давал нефть, но платил из сво-

[11] АПДУДПАР . Ф. 609. Оп. 1. Д. 15. Л. 24.

[12] Нариманов Н. Указ. соч. С. 70.

[13] Там же. С. 67.

ей государственной кассы жалованье рабочим»[14]. Нариманов считал эти шаги истинно интернационалистскими: «Что может быть интернациональнее этого»[15].

Являясь по своей природе интеллигентом, Н. Нариманов выступал с платформой, отличавший его от революционеров, познавших тяготы Гражданской войны. В основном вопросы, которые стали причинами конфликтов в руководстве Азербайджана в начале 1920-х гг. были связаны с факторами учета местных национальных интересов. Назначаемые Центральным советским руководством в Азербайджан руководящие кадры, не зная и не учитывая местные обычаи, национальные и религиозные особенности, психологию народа, пытались в точности проводить большевистские мероприятия по подобию России. Представители «левых», в основном коммунисты некоренной национальности, в большинстве своем эмиссары Москвы, считали, что единственным верным путем во внутренней политике является беспощадная борьба с классовыми врагами, насаждение политики военного коммунизма по опыту и образцу России. «Левая» группа в лице В. Ломинадзе, который считал себя самым подготовленным марксистом, требовала: в деревнях Азербайджана необходимо произвести революцию, т. е. сжечь все бекские усадьбы и этим дать возможность почувствовать крестьянам, что произошла революция[16]. На вопрос председателя правительства Азербайджанской ССР Н. Нариманова В. Ломинадзе ответил: «Потому что так сделано в России»[17]. Старые испытанные товарищи со стажем – 1906 и 1911 гг. и рабочие-мусульмане поддерживали Нариманова. Но такие старые кадры, как Мухтар Гаджиев, Кадирли и др. не попали в ЦК АКП(б).

«Левая» группа требовала полной реквизиции без деления на крупную и мелкую буржуазную. «Правая» группа предлагала предварительно составить список и точные адреса буржуазии и по этим данным произвести реквизицию. В соседних государствах персидские и турецкие газеты писали, что большевики отбирали юбки женщин-мусульманок, передавали их из рук в руки.

«Правые» считали, что руководящие кадры, в том числе С. Киров, подпали под влияние «левых». Вопрос национального состава служащих руководящих органов и основных предприятий также был в списке обвинений против «левых». Состав Нефтекома и Баксовета в основном состоял из некоренного населения. Из 46 тыс. рабочих

[14] Там же. С. 66.

[15] Там же. С. 65.

[16] АПДУДПАР. Ф. 1. С. 1. Д. 8. Л. 170.

[17] Ахмедова Ф. Ф. Указ. соч. С. 72.

Азнефтекома только 7 тыс. были азербайджанцами[18]. По национальному составу коммунистическая партия Азербайджана была многонациональной. В первой половине 20-х гг. азербайджанцы составляли чуть более 40 % среди коммунистов республики[19]. Причину этого обычно связывают с отсталостью мусульманских масс. Однако среди мусульман было немало образованных людей, получивших высшее образование в европейских и российских вузах. В период независимой Азербайджанской Республики они занимали различные посты в государственных органах власти. После апрельского переворота те из них, кто отказался от сотрудничества с советской властью, были уничтожены, другие же эмигрировали. Однако были и те, кто стал сотрудничать с советской властью. По уровню грамотности рабочие-мусульмане уступали рабочим армянам, грузинам и русским. Учитывая это, Нариманов предложил поднять уровень мусульман на уровень русских рабочих, чтобы потом они могли участвовать в государственном строительстве: «Я требовал этого потому, что большинство пролетариев в Баку рабочие-мусульмане. Между тем, вследствие неподготовленности и низкого уровня развития, эти настоящие пролетарии не принимали участия в строительстве государства так, как русские, армяне – рабочие...

Я имел три цели:

1. Подготовить кадры работников из мусульман для Персии.

2. Чтобы посредством подготовленных рабочих-тюрок, мы могли бы скорее и лучше связаться с деревней.

3. Чтобы не было впоследствии того антагонизма среди рабочих тюрок и русских, какой существует сейчас»[20].

В 1920-х гг. центр тяжести во внешней политике большевиков постепенно переходит на Восток. Чтобы добиться мировой социалистической революции и создать мировую социалистическую республику большевики хотели сделать Баку форпостом и плацдармом для революционной экспансии в восточные страны. С этой целью в сентябре 1920 г. в Баку был созван I съезд народов Востока. Учитывая внешнюю политику Центра, Нариманов хотел создать в Азербайджане образцовую республику, которая послужила бы своеобразной моделью при советском государственном строительстве для народов Востока. На пути к достижению этой цели Нариманов первоочередной задачей считал освобождение восточных народов от европейского ига.

---

[18] XIII Общебакинская партийная конференция: Стенографический отчет. Баку, 1924. С. 35.

[19] Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах: Статистический сборник. Баку, 1970. С. 44.

[20] Нариманов Н. Указ. соч. С. 33, 36.

«Левые» же предлагали добиться этого путем коммунистической революции. Для этого, они по российскому подобию, предлагали отнять землю у помещиков и отдать крестьянам. Однако эта тактика не имела успеха, вызвав негативную реакцию со стороны крестьян-мусульман. Поскольку по шариату (кодекс законов в Исламе) отнять чужое считается грехом. Если даже эти земли передавались крестьянам, они не хотели их брать. Неслучайно Ленин говорил: «Если мы научим мусульманских крестьян брать землю у помещиков, мы мир перевернем»[21]. «Левые» же говорили: «Давайте костюмы буржуазии снимем, наденем на рабочих, а их испачканные в мазуте рваные наденем на эту буржуазию»[22]. Та же самая негативная реакция последовала со стороны рабочих-мусульман. Разногласия были также на почве сокращения уроков тюркского языка, по поводу объединения железных дорог, внешней политики Закавказья и т. д.

Борьба между группировками завершилась победой «левой» группы. Назначением Н. Нариманова одним из председателей правительства ЗСФСР, а позже ЦИК СССР, «левые», поддерживаемые руководством центральной власти, добились его отдаления от Азербайджана. В период нахождения в Москве лидер «правой» группы Н. Нариманов до последних дней жизни постоянно держал в центре своего внимания события на Кавказе, особенно в Азербайджане и Баку. В своем письме, отправленном в июле 1923 г. в ЦК РКП(б), он на конкретных примерах раскрыл платформу группы «национал-уклонистов». Поскольку углубление разногласий расшатывало устои центральной власти на окраинах, его руководящие кадры вынуждены были вмешиваться в конфликты. После проверки Центральной контрольной комиссии РКП(б), прибывшей в Баку под предлогом обсуждения на месте вопросов, поднятых в докладе Н. Нариманова, «правая группа» официально потерпела крах. Таким образом, в длинном перечне ярлыков, означавших на партийном языке национальный уклон, появился новый – «нариманoвщина», который словно «дамоклов меч» повис над национальными номенклатурными кадрами и выражался в постоянном присутствии у центрального руководства по отношению к ним элемента сомнения в лояльности и преданности. Обвинение в «нариманoвщине», а значит в национализме, позже, в годы «Большого террора» 30-х гг., будет присутствовать в судебных обвинениях против партийных и государственных деятелей Азербайджана. Трагичность ситуации состояла в том, что

[21] Воспоминания Азербайджанских коммунистов о В. И. Ленине. Баку, 1958. С. 76.

[22] АПДУДПАР. Ф. 609. С. 1. Д. 189. Л. 15.

жертвами подобных обвинений в ходе этих процессов станут недавние противники Нариманова.

Одержав победу над «нариманoвщиной», Центр стал проводить политику раскола и ослабления другой группировки – «левых». Это было неслучайно. Поскольку факторы, обуславливавшие ранее значимость «левой» группировки позже нашли свое решение в пользу Центра (завершилась иностранная интервенция и Гражданская война, большевистская власть в Центре и на окраинах достаточно окрепла, образовался Советский Союз), потребность в дальнейшей деятельности данной группы отпала.

Однако конфликты в большевистской элите Азербайджана на этом не прекратились, а лишь вступили на новый этап. Эта борьба продолжала сохранять актуальность в плоскости национального вопроса. Имевшие место в национальном вопросе перегибы и негативные явления по-прежнему создавали условия для внутривластных конфликтов. Даже, иногда в ходе борьбы на руководящем уровне национальный вопрос превращался в предмет политической спекуляции.

Национальный уклон в Азербайджане после «нариманoвщины» вступил в свой новый этап под названием «ханбудаговщины». Несмотря на сходство форм и содержания, по сути «национальный уклон» превратился в борьбу за возможности и обеспечения власти.

Являвшийся активным членом «правой» группы, а позже расстрелянный Ахмед Ахмедов писал, что «выступления Эюба Ханбудагова в 1924 году и Габиба Джабиева в 1927 году дали определенный толчок к возрождению уклона»[23]. В условиях, когда после смерти В. И. Ленина, стремившийся к всеобъемлющей власти И. В. Сталин одного за другим стал убирать своих основных противников, «оппозиционные коммунисты» также должны были сделать свой выбор. В большевистской элите Азербайджана стали возникать новые группировки. «Национал-коммунизм теперь стал возрождаться под троцкистской оболочкой»[24]. После краха поддерживавшей троцкизм «ханбудаговщины» борьба во внутриполитической элите Азербайджана в основном шла между секретарем ЦК АКП(б) С. М. Кировым и секретарем Бакинского Комитета АКП(б) Л. Мирзояном. Хотя С. М. Киров имел поддержку в лице И. В. Сталина и Г. К. Орджоникидзе, однако преимуществом Л. Мирзояна была социальная опора на местах. Так, основная часть рабочего класса была сосредоточена в Бакинском промышленном районе, находившемся под контролем Бакинского комитета АКП(б).

[23] АПДУДПАР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 152. Л. 23.

[24] Там же.

С целью ослабления позиций друг друга, стороны пытались использовать кадры по принципу национальной принадлежности. Даже противостоящие лидеры пытались сделать процесс развития «национал-уклонизма» управляемым. Для этого они старались выдвигать лидеров «уклонистов» из своих людей. Основное недовольство «национал-уклонистов» вызывала малочисленность азербайджанских коммунистов в Бакинском комитете АКП(б). Ситуация в Азербайджане характеризовалась даже как «зеркальное отражение положения, созданного русским империализмом и правящим национал-шовинизмом». В представленной в официальный партийный орган статье «К улучшению колонизированной среды» Г. Джабиев заострил внимание на национальном составе партийной организации Азербайджана: в АКП(б) азербайджанцы составляют 45 %, в Бакинской организации – 32[25].

В 1920–1930-х гг. С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе играли основную роль в «урегулировании» на Кавказе, в том числе и, особенно в Азербайджане, внутривластных конфликтов, а также разногласий, имевших место в основном вокруг национального вопроса. Орджоникидзе внимательно прослеживал процесс подготовки резолюций по национальному вопросу, все основные пункты которого согласовывались с ним. В середине 1920-х гг. признанным лидером «национального уклона» в Азербайджане стал Г. Джабиев. Джабиев, ранее писавший и говоривший о тяжелом положении тюркских (азербайджанских) рабочих, противоречиях между азербайджанскими крестьянами, о малочисленности тюркских рабочих по сравнению с представителями других национальностей, через короткое время начал выступать не как «националист», а как «интернационалист». Сам Джабиев следующим образом мотивировал этот перелом: «Я в своей статье защитил точку зрения руководства ЦК КП(б) Азербайджана, Закавказского краевого комитета партии... товарищей Орджоникидзе и Кирова»[26]. Превратившегося в жертву своих покровителей Г. Джабиева сменил Э. Ханбудагов. Данная смена лидера в «национальном уклоне» планировалась Орджоникидзе и Кировым. Однако теперь лидерство определялось не по авторитету, играемой роли внутри элиты и управленческим качествам, а с точки зрения потребности в проведении необходимого тактического хода для вышестоящих «патронов». Это, в свою очередь, стало одним из основных отличий позднего «национал-уклонизма» от «наримановщины». В отличие от «наримановщины» поздний «национал-уклонизм» больше основывался не на общенациональных принципах, а формировался и действовал

[25] Там же. Ф. 1. Оп. 74. Д. 135. Л. 17.

[26] Там же. Оп. 122. Д. 223. Л. 213.

в связи с личностными проблемами. Не существовало полной по составу мононациональной, региональной и конфессиональной группировки. Быть признанным лидером «национал-уклонизма» означало крах для данной личности. Так, использованный ранее против «наримановщины» местный тюркско-мусульманский кадр Э. Ханбудагов, отныне как политическая фигура потерял свою актуальность, поскольку превратился для руководства в нежелательную фигуру, претензии которой не соответствовали его властным полномочиям. В борьбе против «национал-уклонистов» использовался национальный фактор. В этом противостоянии применялся метод раскола между азербайджанскими и неазербайджанскими рабочими, бакинскими мусульманскими рабочими и рабочими, прибывшими из Ирана. В тот период имелись острые проблемы в вопросе противоречий между городом Баку и уездами, в вопросе национального состава рабочих, о политическом и экономическом суверенитете республики, о национализации государственных структур. Лица, которые в свое время были членами «правых» и «левых» групп, теперь объединились в составе нового «национального уклона», а силы, которые вели борьбу с ними, создавали условия для их взаимного разоблачения.

Споры вокруг национального вопроса приобрели в борьбе за власть спекулятивный смысл. Обвинявшие друг друга в национализме большевистские лидеры, значительно отошли от позиций, содержания борьбы, имевших место в первые годы советизации Азербайджана. Политика превращения национального вопроса в инструмент личных интриг перешла в разряд методов регулирования Центром кадровой политики на Кавказе. Конец первой половины 1920-х гг. может быть охарактеризован как период «дебатов вокруг национального вопроса».

Политический процесс, объединявший в себе большинство национальной правящей элиты Азербайджанской республики, был обусловлен борьбой с «национальным уклоном». «Требованиями» же «национал-уклонистов» были вопросы, превратившиеся в острые социальные проблемы, давно ожидавшие своего решения (слабое развитие процесса тюркизации в Азербайджане, важное значение изучения азербайджанского (тюркского) языка, привлечение рабочих извне на промышленные предприятия республики, вывоз в Центр под предлогом продуктового налога всех продуктов из уездов и т. д.).

В целом причины национального характера конфликтов в большевистской элите в первые годы советизации Азербайджана можно охарактеризовать следующим образом:

1) Социальная опора большевистской идеологии в Азербайджане частично ограничивалась городом Баку. Основную часть электората, поддерживающего большевистскую идеологию, в основном пред-

ставляли немусульмане. После захвата власти в апреле 1920 г. они же составляли большинство среди руководящих кадров.

2) В Азербайджане существовала мусульманская большевистская партия «Гуммет», и ее члены в годы советской власти даже неформально имели особый взгляд на государственное строительство. Они были сторонниками учета национальных обычаев, местных особенностей, религиозного фактора и хотели даже приспособить исламскую идеологию к социалистическому строительству.

3) Большинство мусульманских коммунистов, в отличие от российских большевистских деятелей, не участвовали с оружием в руках в Гражданской войне. Поэтому позже при решении важных вопросов в жизни республики они занимали более умеренную позицию, за что обвинялись своими оппонентами в либерализме, национализме и в отсутствии революционного характера.

4) Часть представителей центральной советской власти, в том числе И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, были тесно связаны с революционным движением в Баку и на Кавказе. Поэтому после советизации они активно вмешивались в вопросы, связанные с управлением Кавказа, назначением кадров.

В целом, в первые годы советской власти национальный вопрос в Азербайджанской ССР в сравнение с другими союзными республиками имел как общие, так и особые черты.

В. А. Юрчёнков

КОРЕНИЗАЦИЯ АППАРАТА В МОРДОВСКОЙ АССР КАК СОЗДАНИЕ И НАСАЖДЕНИЕ НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ (1928–1938 гг.)

Провозглашаемый в годы Гражданской войны большевиками лозунг о праве наций на самоопределение был направлен на то, как указывалось на VIII съезде РКП(б), чтобы «натравить как можно больше всяких угнетенных наций на империалистических волков» (Д. Б. Рязанов)[1]. Как отмечал Э. Карр, «безоговорочное признание права на отделение не только не дало советской власти несравнимую ни с чем прежним возможность обуздать разрушительный национализм, но и поднять его престиж много выше престижа “белых” генералов»[2]. Большевики создавали себе союзников и им это удалось. Именно национальная политика большевистского руководства привела к переходу в лагерь коммунистов большинства мордовских крестьян, породила активную пробольшевистскую деятельность некоторой части небольшой мордовской интеллигенции.

Однако после окончания Гражданской войны проблемы мордовского народа встали с особой остротой в связи с его большой территориальной рассеянностью. Не случайно финский этнодемограф С. Лаллукка называл мордву одним из наиболее разбросанных народов России[3]. Она попадала в число национальных меньшинств, проблема которых, по словам Т. Мартина, «так и оставалась неразрешенной»[4]. Оформление Мордовской АССР как «государственности» мордовского народа затянулось и произошло позднее, чем аналогичные процессы у других этносов Поволжья: в июне 1928 г. в ходе общей

[1] Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 69.

[2] Карр Э. История Советской России. Большевистская революция. 1917–1923. М.: Прогресс, 1990. С. 212.

[3] Lallukka S. The East Finnic Minorities in the Soveit Union. An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki, 1990. P. 97.

[4] Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 22.

административно-территориальной реорганизации Среднего Поволжья был учрежден Саранский (позднее Мордовской) автономный округ, в январе 1930 г. он был преобразован в Мордовскую автономную область, и 20 декабря 1934 г. процесс завершился образованием Мордовской АССР. При этом надо иметь в виду, что, как отмечал Р. Пайпс, «правительства автономных областей и республик... имеют больше общего, с точки зрения прав и обязанностей, с дореволюционными российскими органами самоуправления, так называемыми провинциальными земствами, чем с правительствами подлинно федеральных государств»[5].

Кроме того, в начале XX в. оформилась немногочисленная мордовская интеллигенция, которая использовала поддержку российских имперских структур, преимущества образования и знание русского языка для артикуляции этнических интересов и для развития этнического сознания. По своей сути она была религиозной, причем признание православия потребовало от нее не только отказа от многих национальных обычаев, перемены образа жизни, но и признания русского духовного превосходства. Однако ее нельзя рассматривать как пассивный объект русификаторской политики. Ее представители выбрали, по терминологии профессора П. Верта, «оговоренную ассимиляцию» (negotiated assimilation) – форму интеграции в русский мир, предусматривающую возможность сочетания православия и русского «просвещения» с национальными традициями, с сохранением этнического своеобразия. Мордовская интеллигенция восприняла значительную часть идей Н. И. Ильминского и пыталась реализовать их в жизнь. Она стремилась создать культуру национальную по форме и православную по содержанию. При этом оформлялись объективно элементы, ведущие к нивелировке культурных различий, определялся процесс аккультурации мордовского этноса[6]. При подобных установках и воззрениях мордовская интеллигенция с трудом встраивалась в пробольшевистскую национальную элиту, создаваемую и насаждаемую в ходе коренизации.

Все это наложилось на политику коренизации в Мордовии, создало ей определенные условия и фон, породив некоторые региональные особенности, позволяя говорить о некотором своеобразии происходивших в республике процессов.

Одним из основных показателей коренизации являлось этническое представительство в партийных и государственных структурах.

---

[5] Pipes R. The Formation of the Soviet Union. New York, 1968. P. 248.

[6] Подробнее см.: Юрченков В. А. Мордовский этнос в имперском социуме: XVIII – начало XX вв. // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Slavic Research Center. Hokkaido University. Sapporo, 2003. P. 168.

В 1920-е гг. представительство мордовского народа в партийных и управленческих органах не соответствовало его доле в общей численности населения. Так, в 1926 г. в Пензенской губернии, где доля мордвы превышала 19 %, большевики мордовской национальности составляли 7,9 % от списка. В партийной организации Мордовского округа в 1928 г. 14,7 % ее членов являлись представителями мордвы, доля мордвы в среде населения округа составляла 32,1 %[7]. Еще большим было расхождение в государственном аппарате, на управленческих должностях. В Пензенской губернии только шесть из почти 1,6 тыс. служащих губернских учреждений в 1924 г. являлись представителями мордовской национальности, только двое из 58 членов губкома РКП(б) и губисполкома[8]. В отчете уполномоченного Пензенского губисполкома по делам нацменьшинств С. С. Шишканова во ВЦИК от 25 ноября 1927 г. отмечалось: «Вовлечение мордвы и татар в практическую руководящую работу в уездных и губернских учреждениях идет довольно туго вследствие недостаточной их подготовленности к такой работе»[9].

Политика коренизации кадров в системе управления, образования и культуры получила распространение с первых шагов создания и функционирования Мордовского автономного округа, затем – автономной области, позднее – республики. В 1929 г. мордва составляла 33,1 % среди депутатов сельских советов, 31,1 % – председателей сельских советов, 36,9 – членов райисполкомов, 43,5 – председателей райисполкомов, 49,0 – членов пленума облисполкома, 55,5 – президиума облисполкома[10]. II съезд Советов Мордовского округа в мае 1929 г. принял решение в течение года провести укомплектование окружных органов ответственными работниками из мордвы до 40 %, техническими – до 20 %[11].

Коренизация логично вписывалось в процесс социального конструирования по национальному вопросу, осуществляемого большевиками после окончания Гражданской войны. В 1930 г. объединенный пленум Мордовского обкома и ОКК ВКП(б) предложил

---

[7] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967. С. 191; Мордовская партийная организация в документах и цифрах. Саранск, 1975. С. 176; Козлов В. И. Расселение мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Института этнографии АН СССР. М., 1961. Т. 63. С. 58; Букин М. С. Становление мордовской советской национальной государственности. Саранск, 1990. С. 72.

[8] Яшкин И. А. Мордовская социалистическая нация – детище Октября. Саранск, 1978. С. 79.

[9] ЦГА РМ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 130. Л. 20.

[10] Образование Мордовской АССР: Документы и материалы. Саранск, 1981. С. 161.

[11] Там же. С. 129.

понимать под политикой коренизации мероприятия, направленные на «подтягивание хозяйственного и национального уровня национальных меньшинств» Мордовии[12]. Один из идеологов коренизации в регионе председатель Мордовского окружного суда Т. В. Васильев писал: «Под коренизацией аппарата следует понимать сумму мероприятий, направленных к всемерному использованию языка "коренной" для данной местности национальности в государственном и общественном аппарате на базе вовлечения в советское, хозяйственное и культурное строительство трудящихся коренной национальности»[13]. При этом всемерно подчеркивалось субъективное воздействие коренизации. Как отмечал Т. Мартин, «благодаря ей советская власть должна была стать "родной", "близкой", "народной" и "понятной". Она должна была отвечать позитивным психологическим потребностям национализма... Родные языки сделают советскую власть понятной, а местные кадры, знающие "нравы, обычаи, быт" местного населения, будут способствовать тому, чтобы советская власть казалась своей, коренной, а не навязанной извне имперской властью русских»[14].

В ходе проведения политики коренизации в Мордовии предпочтение отдавалось представителям мордвы. При этом создавались условия для переезда представителей мордовского народа из других регионов страны и замены ими русских, которые в начале XX в., как правило, занимали господствующее положение в региональной элите. Фактически коренизация превратилась в «мордвинизацию»[15]. 10 августа 1931 г. Мордовский ОК и ОКК ВКП(б) подтвердил необходимость ускоренных шагов в этом направлении и решил «обязать всех ответработников приступить к немедленному изучению мордовского языка»[16].

Коренизация в форме мордвинизации набирала обороты, в официальных документах, статьях и программных выступлениях партийных и советских работников она называлась главным пунктом советской национальной политики в регионе[17]. При реорганизации

---

[12] ЦГА РМ. Ф. 269–П. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

[13] Васильев Т. В. Мордовия. Изд. 2-е. Саранск, 2007. С. 137.

[14] Мартин Т. Указ. соч. С. 24.

[15] Стоит отметить соотносимость «мордвинизации» с политикой «украинизации», «узбекизации», «ойратизации» и т. п. См.: Мартин Т. Указ. соч. С. 23.

[16] ЦГА РМ. Ф. 269–П. Оп. 1. Д. 385. Л. 1.

[17] См.: Бак Б. С мордовского окружного съезда Советов (Факты и наблюдения) // Путь Советов. Самара, 1929. № 9. С. 15–16; Васильев Т. В. Коренизация судебного аппарата (Мордовский округ) // Там же. № 8. С. 10–11; Илларионов И. И. Коренизация аппарата и перевод делопроизводства на родной язык // Там же. № 24. С. 15–16; Мартынов В. Д. Советское и культурно-хозяйственное строительство Мордовской авто-

Мордовского автономного округа в автономную область в 1930 г. доля мордвы в общей численности населения выросла с 32,1 до 38,4 %[18]. На начало мая 1930 г. из 49 человек высшего управленческого и административного персонала области 27 (55,1 %) были представителями мордовской национальности[19]. К началу 1931 г. руководящий состав областных работников был укомплектован на 45,4 % кадрами из мордвы, районного аппарата – на 46 %[20]. Т. В. Васильев расценил это как несомненный успех[21]. Несмотря на это 20 апреля 1931 г. Президиум ВЦИК принимает решение «решительно продвигать вперед дело коренизации»: к 1 января 1932 г. закончить перевод делопроизводства на мордовский (мокшанский и эрзянский) язык в мордовских сельсоветах и райисполкомах и введение параллельного делопроизводства на мордовском и русском языках в областном аппарате[22].

Однако процесс коренизации аппарата шел не так гладко, как того хотели региональные партийные и государственные органы. В декабре 1932 г. IV пленум Мордовского обкома ВКП(б) подверг резкой критике одного из основателей мордовской государственности С. С. Шишканова, который заявил о естественном характере культурной ассимиляции мордвы: «Мордва в силу исторических условий находится под влиянием русских. Это влияние тем благотворнее в наше время, чем скорее мордва ассимилируется, тем понятнее будут ей задачи пролетариата и тем скорее мордва приобщится к пролетарской культуре»[23]. Его позицию расценили как проявление великодержавного шовинизма и стремление развенчать политику партии по национализации аппарата, прессы, школы, государственных и общественных организаций[24]. Однако подобная оценка вряд ли соответствовала истине, Шишканов выразил настроения части регионального государственного аппарата, которая считала аккуль-

---

номной области. М., 1930; Родневич Б. Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР // Революция и национальности. 1931. № 12. С. 12–21; Сурдин Н. Организационно-массовая работа Советов МАССР // Власть Советов. 1935. № 15; Он же. Национальное строительство Мордовии // Революция и национальности. 1936. № 2; Вождаев Н. Н. Национально-культурное строительство МАССР и родной язык // Третья Мордовская языковая научная конференция. Саранск, 1936. С. 5–14; и др.

[18] Букин М. С. Указ. соч. С. 110.

[19] ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 10. Д. 6. Л. 384.

[20] Васильев Т. В. Указ. соч. С. 142.

[21] Там же.

[22] Образование Мордовской АССР... С. 154.

[23] ЦГА РМ. Ф. 328–П. Оп. 1. Д. 482. Л. 6.

[24] Там же. Л. 7.

турацию и последующую ассимиляцию мордвы закономерным процессом, но не выступала против коренизации органов власти.

С образованием Мордовской АССР в 1934 г. доля мордвы в общей численности населения сократилась с 38,4 до 37,7 %[25]. К этому времени коренизация аппарата управления на уровне области составила по руководящему составу 42,8 %, ответисполнителям – 24,6, техническим исполнителям – 17,5. На районном уровне по руководящему составу 35,8 %, ответисполнителям – 32,3, техническим исполнителям – 28,4. Среди депутатов сельсоветов мордва составила 36,9[26]. Это были достаточно высокие показатели. Не случайно в письме Мордовского облисполкома и ОК ВКП(б) в Средне-Волжский крайисполком и КК ВКП(б) с просьбой о возбуждении ходатайства о преобразовании МАО в МАССР подчеркивалось: «Аппарат области коренизирован в размере удельного веса мордовской национальности в составе области примерно 35–40 %»[27].

Коренизация аппарата управления шла за счет выдвиженцев из среды мордовского крестьянства, что отразилось на качестве вновь формируемой и насаждаемой элиты. Исследователи отмечают ее маргинальный характер. Так, А. П. Солдаткин пишет: «Учитывая сведения о крестьянском происхождении большинства управленцев Мордовии, необходимо констатировать – социалистическая идея усваивалась выходцами из примитивно коллективного мира общины. Иначе, как маргиналами, управленцев 30-х гг. считать нельзя. Уход из мира крестьянской культуры и неосвоенность новой приводили к опоре управленцами в своей жизнедеятельности на сокращенный культурный базис, что порождало агрессию в отношении народной и особенно профессиональной культуры и их носителей»[28]. Он попытался нарисовать социально-психологический портрета управленца 1930-х гг. в Мордовии. По его мнению, «если задуматься о внутреннем мире и состоянии людей, занимающихся управленческой деятельностью в переломные 1930-е гг., то предстает довольно безрадостная и тяжелая картина. Жизнь заставляла ежедневно принимать непопулярные решения, идущие вразрез с традиционно сложившимися нравственными ценностями. Нередко исполнение решений отягощалось злодеяниями... в силу чего повседневность наполнялась отрицательными эмоциями, постоянной борьбой с на-

[25] Букин М. С. Указ. соч. С. 165.

[26] Образование Мордовской АССР... С. 176, 178–179.

[27] Там же. С. 198.

[28] Солдаткин А. П. Органы исполнительной власти Мордовии в 1928–1937 гг. (структура, функции, кадровый состав): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1998. С. 22.

родом ради его светлого будущего. Возможно, и распространение пьянства в руководящей среде являлось способом снятия психологических перегрузок»[29].

В ходе коренизации наметилась весьма негативная тенденция подбора кадров исходя из узкоклановых и местнических интересов. Причем многие участники процесса это понимали. В июне 1937 г. на V Мордовской областной партконференции секретарь Темниковского РК ВКП(б) Тихонов говорил: «Вместо выдвижения новых кадров и их воспитания занимались перетасовкой людей, причем такой перетасовкой, когда проворовавшиеся, спившиеся перебрасывались на другую работу, но не с понижением, а с повышением»[30]. Очень типичными являются откровения председателя ЦИК Мордовии Н. Г. Сурдина: «Как мы подбирали кадры? Взять хотя бы назначение управделами Совнаркома Огина. Многие работники облсткома знали, что Огин развалил Ковылкинский район, сочинил там такие художества, допустил там такие возмутительные действия, за которые многих расстреляли. После этого Огин работал в Мордгизе, пьянствовал, разлагал аппарат. После всего этого Огина посадили управляющим делами в Совнарком. Разве это не келейный подход?» И далее: «Если бы не играли некоторую роль личные отношения, разве мы не могли бы в некоторых случаях поднимать вопросы так, как полагается»[31].

Национальная политическая элита Мордовии заболела снобизмом, семейственностью, в ее среде процветала круговая порука. Стоит привести очень показательный в этом смысле документ. Официальная аттестация наркома образования Н. Н. Важдаева на 1 февраля 1937 г.: «По всем имеющимся данным и по состоянию работы поставить дело народного образования по-настоящему, по-большевистски не может, больше заботится о том, чтобы показать себя, любит почет, а в погоне за этим не занимается черновой работой и многого не знает. Работает под барабанный бой и аплодисменты и, кроме того, допускает антипартийные поступки, выражающиеся в растранжиривании государственных средств – в организации банкетов в кабинете»[32]. 10 января 1936 г. резолюция V пленума Куйбышевского крайкома ВКП(б) констатировала большую «засоренность Мордовской об-

[29] Солдаткин А. П. Духовный мир руководящей элиты советской эпохи // Истоки православного сознания и самосознания народов Поволжья (на примере Республики Мордовия). Материалы VI Масловских региональных образовательных чтений. Саранск, 2006. С. 146.

[30] ЦГА РМ. Ф. 269–П. Оп. 2. Д. 289. Л. 184.

[31] Там же. Л. 95, 98.

[32] Там же. Д. 448. Л. 2.

ластной парторганизации аферистическими группами»[33]. 25 октября 1936 г. Куйбышевский крайком ВКП(б) осудил такое распространенное в Мордовии средство укрепления корпоративных связей, как «собутыльничество» в среде управленческой элиты[34].

Коренизация и идущее параллельно создание национальных советов породили резкий скачок национализма. В 1934 г. в Мордовии возникла группа во главе с И. В. Сухоруковым, была предпринята попытка реализовать на практике принцип «Мордовия – для мордвы»[35]. В марте 1936 г. на VII пленуме Мордовского ОК ВКП(б) было отмечено, что в мокшанских поселениях процветают антирусские настроения. В Краснослободском районе звучали требования: «Русских нужно обязательно отделить от мордвы, русские не могут работать вместе с мордвой, русским нужно дать худшие земли»[36]. Возникла и соответствующая обратная реакция. Слушатели Мордовского рабфака в 1935 г. возмущались: «Напрасно в учебную программу вводят мордовский язык, т. к. он нужен только на территории Мордовской области»[37]. Особенно острым было недовольство госслужащих немордовской национальности, которое зафиксировали органы госбезопасности: «Что я вам подрядился учить ваших мордвов... Нагнали мордвов-дураков, а за них работай, потому что они ни черта не понимают, а им будут выдавать ответ. пайки»[38].

Замена кадров по квотам с учетом интересов национально-корпоративных групп властной элиты Мордовии стала инструментом борьбы за власть и перераспределения властных полномочий между вождями регионального масштаба. Особенно острой была борьба за власть между эрзянской и мокшанской ветвями мордовской элиты. Данные приводимой ниже таблицы свидетельствуют о преобладании эрзи над мокшей в наркоматах, государственных учреждениях, хозяйственных и кооперативных организациях. По мнению профессора В. К. Абрамова, такая резкая дифференциация мокшан и эрзян свидетельствовала о начавшихся межсубэтнических трениях[39].

Борьба сопровождалась негативными оценками центральной власти, мордовская элита фактически потворствовала распространению нелестных отзывов о И. В. Сталине, позволяла себе высказывать критические замечания в его адрес. Агенты НКВД фиксировали, что се-

---

[33] Там же. Д. 3. Л. 2.

[34] Там же. Д. 13. Л. 51.

[35] Там же. Д. 290. Л. 120.

[36] Там же. Д. 13. Л. 138.

[37] Там же. Оп. 1. Д. 860. Л. 22.

[38] Там же. Д. 633. Л. 5.

[39] Абрамов В. К. Мордовский народ (1897–1939). Саранск, 1996. С. 276.

кретарь Мордовского ОК ВКП(б) Н. Г. Уморин, первый секретарь Дубенского РК ВКП(б) К. А. Нуянзин, другие ответработники, часто собиравшиеся у П. В. Галаева, злословили по адресу Сталина и Кагановича[40]. Органы госбезопасности фиксировали типичные высказывания: «Сталин управлять страной не может, если бы его убили, народ стал молиться за то, что убили»[41]. Неслучайно И. В. Сталин делает пометку на докладных записках НКВД, предлагая Н. Ежову по Мордовии «пройтись метлой»[42].

Учреждения	Год	Всего работников	Из них мордвы		Общий % коренизации
			мокша %	эрзя %	
Наркоматы	1935	335	6,8	23,2	30,0
	1937	481	10,4	19,3	29,7
Государственные учреждения	1935	258	14,3	24,4	38,7
	1937	444	9,2	19,4	28,6
Хозяйственные и кооперативные организации	1935	236	5,9	15,2	21,1
	1937	235	7,2	12,8	20,0
Всего по республике	1935	829	8,9	21,3	30,2
	1937	1160	9,3	18,0	27,3

Таблица составлена на основе: ЦГА РМ. Ф. Р-175. Оп. 5. Д. 174. Л. 40–41.

Таким образом, коренизация кадров, проводившаяся в Мордовии в форме «мордвинизации», имела двойственные последствия. С точки зрения мордовского этноса она формировала национальную элиту, хотя и невысокого качества. С точки зрения региона от управления были отстранены наиболее обученные и имеющие опыт работы кадры, что вызвало их миграцию за пределы республики. Качество системы управления упало по ряду направлений достаточно низко, что, в конечном счете, сказалось на региональном развитии.

[40] ЦГА РМ. Ф. 269–П. Оп. 2. Д. 339. Л. 23.

[41] Там же. Оп. 1. Д. 860. Л. 23.

[42] Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 300.

Е. Ю. Борисёнок

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В УССР В ПЕРИОД КОРЕНИЗАЦИИ

В 1920-е гг. общественная жизнь в Украинской ССР отличалась большой активностью и напряженностью, обусловленной как социально-экономическими реформами большевиков, так и их практикой национального строительства в рамках проводившейся политики коренизации/украинизации. Советская государственная система интегрировала в себя этнонациональный фактор: союзные республики рассматривались как государственные образования определенной нации со всеми присущими ей особенностями. На практике это выразилось в привлечении украинских кадров на работу в советские и партийные органы, введение обучения на украинском языке, создание системы национальных научных институтов, издание на украинском языке газет и журналов, поощрение развития украинской литературы и искусства.

Политика коренизации вынуждала пересмотреть категорию лиц, осуществлявших управление обществом на основе национального подхода к подбору партийных и советских кадров. Теперь, чтобы занять определенную должность или положение, следовало знать национальный язык, а еще лучше, быть «представителем коренной национальности». Кроме того, на руководящие должности активно выдвигались представители социально надежных групп – рабочих и крестьян. Таким образом, большевики, стремясь обрести опору в национальной среде, создали представителям «коренной национальности» преимущественные условия для карьерного роста в управленческих структурах.

Однако сразу выполнить все обязательства по украинизации партийного и советского аппарата было трудно: не хватало грамотных украинцев из рабочих и крестьян. Для Украины это составляло существенную проблему, поскольку чиновники были почти поголовно русскоязычными. В итоге, в результате проведенной в апреле 1925 г. проверки работников советского аппарата высшего уровня выяснилось, что только 32 % из них были готовы работать на украинском

языке, а 68 % абсолютно не владели украинским языком[1]. На 1 января 1926 г. только 22,2 % сотрудников наркоматов хорошо знали украинский язык, при этом совершенно не знали – 41,8 %. В округах в совaппарате хорошо знали язык 22,4 %, не знали – 31,8 %. Плохо знали украинский язык и сотрудники центрального аппарата хозяйственных органов – только 9,6 % (не знали – 43,8 %)[2].

Основные постановления, определявшие механизмы коренизации, предусматривали жесткие меры в отношении чиновников, не желавших изучать украинский язык. Ограничения по языковому признаку при приеме на работу предусматривались и постановлением от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», и от 30 апреля 1925 г. «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», и от 6 июля 1927 г. «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». В этих документах речь шла о запрете принимать на работу в государственные организации служащих, не знающих украинского языка. В отношении лиц, замеченных в «отрицательном отношении к украинизации», т. е. не выучивших за положенный срок украинский язык, должны были приниматься строгие меры – они должны были быть уволены[3].

Впрочем, в 1923–1924 гг. руководство УССР предпочитало осторожный подход, рассчитывая на «естественный ход событий», и не торопилось реализовывать объявленные жесткие меры по отношению к чиновникам. Однако после того, как генеральным секретарем ЦК КП(б)У стал Л. Каганович, за украинизацию чиновничьего аппарата принялись весьма активно. В Харькове была проведена проверка знаний украинского языка у чиновников. Соответствующая заметка была напечатана в газете «Комуніст» 10 апреля 1926 г. В результате проверки 12 наркоматов выяснилось, что «из 2549 человек служащих, хорошо владеющих языком – 484, удовлетворительно – 1134 и совершенно не знакомых с языком – 931 человек. ...Лица, не знающие украинского языка без уважительной причины, из наркоматов увольняются. В настоящее время из пяти наркоматов уволено уже 27 работников». В трестах и торгово-промышленных предприятиях «дело с украинизацией обстоит хуже»: «...из 2913 работников в 37 трестах и предприятиях хорошо знают украинский язык 255 человек, сред-

[1] Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 77.

[2] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 7.

[3] См. подробнее: Борисёнок Е. Ю. «Могут быть... уволены без выдачи выходного пособия»: о том, как срочно проводили полную украинизацию // Родина. 2013. № 8. С. 110–113.

не – 1077 и совершенно не знают 1581 чел.»[4] Проверки периодически повторялись. В ноябре 1926 г. известный украинский общественный деятель, литературовед, академик С. Ефремов записал в своем дневнике: «За украинизацию берутся не на шутку. Как раз теперь проводится в учреждениях проверка, и кто не знает украинского языка, тех выгоняют со службы»[5]. Конечно, усилия по украинизации советского аппарата не могли не вызывать недовольства у сотрудников многочисленных учреждений. Впрочем, помешать украинизационным планам партийного и советского руководства мог лишь массовый отъезд из УССР квалифицированных специалистов, заменить которых было гораздо сложнее, нежели рядовых служащих. Признаки такой угрозы ощущались: в переписке между Центральной комиссией по украинизации при СНК и Комиссией Политбюро по украинизации в 1926 г. достаточно часто поднимался вопрос об «эмиграции спецов» из Украины в Москву[6].

20 декабря 1926 г. Комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации приняла решение, касающееся «украинизации ответственных работников советских учреждений УССР». Комиссия констатировала, что «неусвоение украинского языка ответственными работниками и квалифицированными работниками негативно влияет на украинизацию в целом. Комиссия Политбюро обращала внимание Центральной всеукраинской комиссии по украинизации соваппарата при СНК на то, «что ею мало уволено квалифицированных работников за то, что они не выучили украинский язык», и предлагала ей «через окркомиссии украинизации соваппарата уволить ответственных и квалифицированных работников учреждений, которые до этого времени не овладели украинским языком и вообще невнимательно относятся к украинизации, согласовав увольнение с окружкомами КП(б)У». В ряды советского аппарата, особенно на ответственные должности, следовало привлекать украинцев[7]. Однако жестко применять намеченный курс не получалось. Количественные показатели украинизации не всегда приводили к качественному улучшению работы учреждений и организаций. 24 июля 1928 г. Всеукраинская центральная комиссия по украинизации вынуждена была смягчить требование в отношении квалифицированных специалистов. В принятом постановлении говорилось: «Учитывая то, что трудно подобрать высококвалифицированных сотрудников, знающих украинский язык, для работы в государственных учреждениях и предприятиях СССР, ко-

[4] Украинизация наркоматов и трестов // Комуніст. 10 апреля 1926.

[5] Єфремов С. О. Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 431.

[6] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 82.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Л. 216.

торые действуют на территории УССР, допускается временно вести делопроизводство и счетоводство в означенных учреждениях и предприятиях вместе с украинским и на русском языке. Чтобы облегчить прием на работу в государственные учреждения и предприятия высококвалифицированных специалистов, допустить прием на работу в государственные учреждения и предприятия лиц, не владеющих украинским языком... Для отдельных лиц и категорий лиц Всеукраинская центральная комиссия украинизации при СНК УССР может устанавливать специальные сроки для усвоения украинского языка либо языка большинства местного населения»[8]. Таким образом, руководство УССР пыталось действовать не только «кнутом», но и «пряником». С одной стороны, чиновников заставляли бояться увольнения, но с другой – сроки завершения аппаратной украинизации были перенесены сначала на 1 января 1927 г., а потом на 1 июня 1929 г.[9]

Большевистское руководство использовало несколько источников пополнения украинских кадров. Чтобы повысить процент украинцев в управленческих структурах, на первоначальном этапе использовались различные «подозрительные элементы». На Украине к их числу следует отнести представителей национал-коммунистических партий: ЦК КП(б)У добился их самороспуска и включил их членов в КП(б)У на индивидуальной основе. На 1 января 1926 г. в КП(б)У состояли 5100 выходцев из других партий, что составляло 3,4 % от ее общей численности[10]. Однако в дальнейшем они оказывались первыми кандидатами на исключение из партийных рядов при проведении «чисток», и к 1938 г. в КП(б)У не осталось ни одного из них.

Другим источником пополнения украинских кадров в середине 1920-х гг. стали представители «старой» украинской интеллигенции, продемонстрировавшие лояльное отношение к советской власти. В УССР довольно активно привлекались выходцы из Галиции. В одном из писем известный украинский историк и политический деятель М. Грушевский писал, что в УССР из Галиции переехало около 50 тыс. человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины. Много галичан работало в аппарате Наркомпроса Украины. В Укрнауке работали М. Яворский, К. Коник, М. Баран; ученым секретарем Наркомпроса были А. Бадан-Яворенко, а затем И. Зозуляк; личным секретарем украинского наркома просвещения Н. Скрыпника был галичанин Н. Ерстенюк. Немало галичан было среди писателей, художников, артистов. Активно работал Союз рево-

[8] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 5.

[9] «Українізація» 1920–30-х років... С. 83.

[10] Бриндак О. Б. Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопарійної системи в Україні в 20-ті роки XX століття. Одеса, 1998. С. 135.

люционных писателей «Западная Украина», объединивший около 50 литераторов и художников, выходцев из Западной Украины[11].

Однако использование «старых» кадров было вопросом времени. Основные усилия партийного руководства были направлены на «выращивание» новой – советской – украинской элиты за счет выдвижения украинцев на руководящие посты в советском, партийном, административно-хозяйственном аппарате и подготовки молодого поколения украинских специалистов в учебных заведениях. Среднее и низшее звено партийных и советских кадров готовили совпартшколы. В УССР в 1928 г. их было 524. На подготовку руководителей высшего звена был ориентирован созданный в 1922 г. Коммунистический университет им. Артема. После провозглашения курса на коренизацию, 27 июля 1923 г. было принято решение об украинизации совпартшкол по всей Украине. Украинский язык вводился и в Коммунистическом университете им. Артема[12]. Одновременно значительно изменился и социальный состав студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом увеличивалось число украинцев среди студентов за счет сокращения евреев и русских. Если в 1923/1924 уч. г. студентов-украинцев был только 31 %[13], то к 1928 г. их число достигло 54 %, техникумов – 63 %[14]. А к следующему учебному году показатель для вузов был еще выше – 62,8 %, в 1930 г. – свыше 70 %[15].

Постепенно усилия большевистского руководства стали приносить плоды. Если в 1920 г. численность украинцев среди коммунистов была невелика и достигала всего 20,1 %, то в 1927 г. – уже 52 %, в 1933 г. – 60 %[16]. При этом партийный аппарат значительно обновился. Так, если в 1926 г. среди секретарей окружных партийных комитетов было только 26 % украинцев, то в 1927 г. их было уже 46 %, а в 1928 г. – 55 %; среди секретарей районных партийных комитетов в 1927 г. было 48 % украинцев, а через год – уже 60 %[17]. Обновлялся не только партийный, но и советский, и хозяйственный аппараты. Уже к началу 1927 г., т. е. спустя четыре года после XII съезда пар-

---

[11] Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки XX ст. Київ, 1994. С. 28–42.

[12] «Українізація» 1920–30-х років... С. 64–65.

[13] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 196.

[14] «Українізація» 1920–30-х років... С. 94, 96.

[15] Там же. С. 102.

[16] Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 135, 195.

[17] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 160.

тии, принявшего курс на коренизацию, украинизация кадров по отдельным отраслям работы достигла определенных успехов. Согласно данным Организационно-распределительного отдела ЦК КП(б)У, процент украинцев по отдельным отраслям работы[18] был следующим: в культурно-просветительной сфере достигал 50 % (русских – 17,1, евреев – 23,0); в советском административном аппарате – 44,3 % (русских – 28,4, евреев – 18,7); в кооперативной отрасли – 43,5 % (русских – 29,2, евреев – 19,0); в планово-регулировочной – 43,2 % (русских – 29,2, евреев – 21,5); в профессиональной – 39,6 % (русских – 27,3, евреев – 26,2); в промышленной – 28,3 % (русских – 47,9, евреев – 15,3); в финансово-банковской – 26,4 % (русских – 37,0, евреев – 29,5); в торговой – 20,3 % (русских – 35,1, евреев – 41,9); в области транспорта и связи – 26,3 % (русских – 60,6, евреев – 2,6)[19].

Кадровая политика в условиях коренизации способствовала формированию украинской советской элиты. При этом последняя стремилась укрепить свое положение, пытаясь расширить свои полномочия в рамках советской системы. Предметом спора было распределение ресурсов, фондов, кадров. Украинские руководители были заинтересованы в увеличении капиталовложений, тогда как центр выступал за минимальные объемы капиталовложений при максимальных темпах производства. Такие настроения противоречили сталинскому стремлению к полному контролю за происходившими в нарождающейся советской украинской элите процессами. Чтобы создать послушную элиту и не допустить формирование в ее среде каких-либо ведомственных групп, сталинское руководство использовало жесткие методы: периодические «чистки» партийных рядов и репрессии.

Первый удар был нанесен по остаткам старой украинской интеллигенции: с появлением нового – советского – ее поколения необходимость в использовании «буржуазных» специалистов отпала. В ноябре 1929 г. председатель ГПУ Украины В. Балицкий доложил Политбюро ЦК КП(б)У о раскрытии и ликвидации контрреволюционной организации Союз освобождения Украины. В 1931 г. появилось новое «дело» – Украинского национального центра, и первоначально роль «главаря» этой организации отводилась М. Грушевскому.

Следующий удар был направлен на местное партийно-советское руководство. Сталин был заинтересован в установлении строгой вертикали власти и создании такой же вертикали послушных испол-

[18] Перечень отраслей дан в соответствии с документом.

[19] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2455. Л. 110.

нителей, т. е. в формировании «гомогенной и послушной элиты»[20]. Жесткая установка на усиление централизации сопровождалась разворачиванием широкой кампании против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Искоренить «контрреволюционные элементы» должны были многочисленные «чистки» партии – могучее орудие «укрепления боеспособности украинской партийной организации в ее борьбе за проведение генеральной линии партии против остатков кулачества, против оппортунизма и национализма»[21]. Например, в течение мая–декабря 1933 г. в результате чистки в четырех областях УССР из прошедших «чистку» 267 907 коммунистов отсев составил 84 653 человек[22].

Пополнение рядов партийного и государственного аппарата, «обескровленного» чистками, проходило за счет выдвижения новых украинских кадров. 26 февраля 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О выдвижении украинских кадров». Украинское партийное руководство предлагало отделу руководящих парторганов вместе с обкомами выдвинуть не менее 120–150 украинцев на посты секретарей районных партийных комитетов, и 120 человек – на посты председателей райисполкомов. Одновременно из состава руководителей райкомов и райисполкомов, украинцев по национальности, предлагалось выдвинуть кандидатов на областную и центральную партийную и советскую работу[23]. Через несколько месяцев, 5 июля 1935 г., вышло еще одно постановление ЦК КП(б)У, в соответствии с которым руководители разных наркоматов в ближайшее время должны были представить свои планы увеличения процента украинцев в своем составе[24]. 29 августа 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло резолюцию «Об украинизации в областях» и поручило главе отдела пропаганды и агитации ЦК З. Ашрафяну организовать обследование Донецкой, Днепропетровской и Одесской областей[25]. В докладных записках комиссий по проверке областей критиковалось состояние украинизации, и в том числе отмечалось, что недостаточно внимания

---

[20] Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 265.

[21] Постановление политбюро ЦК КП(б)У от 26 мая 1933 года «О чистке партии» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 78.

[22] Національне питання в Україні XX – початку XXI ст. Історичні нариси. Київ, 2012. С. 229.

[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4675. Л. 101–102.

[24] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 84, 93; Д. 385. Л. 19, 20, 27, 75; Д. 421. Л. 166; Д. 422. Л. 39–40, 58.

[25] Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 92.

отводится выдвижению украинских кадров[26]. Ашрафян докладывал С. Косиору и П. Постышеву, что обкомы не осуществили надлежащего перелома в кадрах партийных и советских работников, недооценили политического значения указаний ЦК по украинизации[27]. Примерно через год, 29 октября 1936 г., секретариат ЦК КП(б)У принял постановления об итогах чистки Харьковской и Днепропетровской областных парторганизаций. В этих постановлениях подчеркивалось, что парторганизации не выполнили указания о выдвижении на партийную работу украинских большевистских кадров, и указывалось на недопустимость снижения процента украинцев[28]. Одновременно продолжалась подготовка квалифицированных украинских кадров в учебных заведениях республики: на 1 января 1936 г. украинцев среди студентов вузов было 53,7 %, техникумов – 75,3, рабфаков – 65. Русских студентов было в вузах – 15,4 %, в техникумах – 10,3, на рабфаках – 16,2; евреев среди студенчества насчитывалось соответственно 26,1, 9,6, 15,2 %[29].

Таким образом, кадровая политика большевиков в период коренизации была направлена на повышение численности украинцев в партийном и государственном аппаратах. «Старая» украинская интеллигенция, использовавшаяся большевиками на первоначальном этапе советского строительства, была устранена в процессе политических «чисток» и репрессий. Рекрутирование в состав создающейся этнополитической элиты шло в республике за счет представителей «коренной национальности», причем определенных социальных слоев (рабочего класса и крестьянства). Применение карательных мер и бесконечные кадровые перестановки создавали условия для постоянного пополнения извне правящего слоя, что препятствовало процессам внутренней консолидации и в значительной степени облегчало верховной власти контроль за протекавшими в элитной среде процессами. В то же время жесткая централизация, особенно усилившаяся в 1930-е гг., создавала условия для продвижения вверх и обуславливала вхождение «верхов» республиканской элиты в состав центральной союзной элиты.

---

[26] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 38, 93.

[27] Там же. Л. 125.

[28] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 209, 210.

[29] Єфіменко Г. Г. Указ. соч. С. 187.

А. Г. Тепляков

ШОВИНИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ В ОРГАНАХ ВЧК–МГБ–МВД СССР (1918–1953 гг.)

Национальные аспекты советских политических репрессий разрабатываются очень активно, однако пока нет подробных исследований, которые бы позволили оценить распространенность шовинистических и националистических настроений внутри чекистской корпорации и влияние данных субъективных факторов на проведение репрессивной политики. Между тем многонациональный состав советской карательной системы оборачивался как масштабным уничтожением целых слоев работников НКВД, национально связанных с государствами, враждебными СССР, так и созданием национально окрашенных кланов вокруг известных чекистов неславянского происхождения.

Все изменения в национальной политике государства отражались в деятельности карательных органов. Постоянные слежка и репрессии против «националов» провоцировали, особенно в момент массовых карательных ударов, шовинистические настроения в ВЧК–МГБ. Широкие проявления бытового и идеологического шовинизма и национализма, распространенные во всех слоях общества, активно проникали в органы тайной полиции. Часть русских чекистов, действовавших в республиках как типичные колониальные чиновники, высказывала агрессивно-шовинистические настроения в отношении «инородцев».

Внутри советской тайной полиции видны разные степени шовинизма – от снисходительно-покровительственного отношения к «отсталым азиатам» или «еврейчикам» до брезгливой враждебности и крайней ненависти. Самая известная агентурная разработка разведчиков Приморья 1920–1930-х гг. поначалу носила название «Макаки»[1], поскольку именно так партизаны и чекисты со времен Гражданской войны называли японцев. Но среди чекистов было много и сторонни-

[1] См.: Николаев С. «Маки-мираж». Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000.

ков широких этнических чисток. В период советско-польской войны фиксируются многочисленные аресты поляков и фабрикация «заговоров» с их участием. В годы Гражданской войны массовым террором были отмечены подавления национальных движений в Казахстане и Калмыкии, Горном Алтае и Якутии, Средней Азии и Азербайджане, в связи с чем, например, калмыки, алтайцы, якуты потеряли значительную часть населения. В марте 1922 г. чекисты отмечали, что внутренние войска, подавлявшие мятеж в Якутии, «трудно удерживать от поголовного истребления якутов»[2].

Среди чекистов середины 1920-х гг. отмечалось спокойное отношение к убийствам представителей северных народов (и высокопоставленные чекисты, защищая подчиненных-убийц, оправдывали их, например, «условиями работы и обстановки Туруханского края»)[3], а также казахов в Западной Сибири. Сын Троцкого отмечал в 1928 г.: «Гепеуры... презрительно говорят о киргизах: “татары”, “азиаты”. И каким тоном!» В 1932 г. за игнорирование бессудных убийств казахов был снят с должности райуполномоченный полпредства ОГПУ Запсибкрая по Борисовскому району И. М. Селивёрстов[4].

Истребление национальных меньшинств в 1937–1938 гг. резко подстегнуло шовинистические настроения. Сам Сталин указал секретарю Красноярского крайкома ВКП(б) С. М. Соболеву, что «продажные» поляки, немцы и пр. полежат уничтожению: «Всех инонационалов ставить на колени и истреблять как бешеных собак»[5]. Нарком внутренних дел Украины А. И. Успенский в 1938 г. заявил подчиненному, что «все немцы и поляки, которые проживают на территории УССР, являются шпионами и диверсантами», а «75–80 % украинцев являются буржуазными националистами»[6]. Начальником УНКВД по Южно-Сахалинской области В. М. Дрековым был объявлен лозунг: «Все нивхи и эвенки – японские шпионы и повстанцы»[7]. Начальник Пермского горотдела УНКВД по Свердловской области В. Я. Левоцкий говорил своим подчиненным: «Пермь надо сделать

---

[2] ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 297. Л. 28.

[3] Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 244.

[4] Троцкий Л. Д. Дневники и письма / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 1994; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 375. Д. 107, 120.

[5] Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008. С. 114.

[6] Золотарьов В. А. Олександр Успеньский: особа, час, оточення. Харьків, 2004. С. 240.

[7] Войнилович М. Дело № СУ–3246 (Жизнь и смерть комбрига Дрекова). Южно-Сахалинск, 1991. С. 14–37.

русской, а тут есть много татар, евреев»[8]. Алтайский чекист Т. У. Баранов в 1939 г., адресуясь Сталину, прямо относил сибирских немцев и поляков к контрреволюционной «сволочи», заявляя: «Эмиграция немцев за границу... явилась результатом ненависти к Сов. власти. Тех, кого освободили, они и не думают быть советскими... хотя и по соцположению середняки или бедняки. Они обозлены, что закрылись их национальные школы – рассадник... фашизма»[9]. Также для чекистов было характерно и сугубо прагматичное жонглирование национальностями осужденных во время массовых операций по «национальным линиям». Один из руководителей УНКВД по Московской области требовал от подчиненного использовать передовой опыт коллег: «Учись у Сорокина как надо из евреев делать поляков и их сажать в тюрьмы...»[10]

Население национальных республик и округов после войны попрежнему оставалось объектом усиленной агентурно-оперативной работы и бесчисленных провокаций. Например, омскими и тюменскими чекистами в годы войны с помощью агентуры было спровоцировано и затем жестоко подавлено выступление ненцев против колхозов, представленное как большое национальное восстание «Мандала»[11]. В 1951–1953 гг. крупные провокации против местного партийно-советского аппарата и специалистов были отмечены в МГБ Тувы, где, как сообщал в мае 1953 г. ответственный контролер КПК при ЦК КПСС Кириллов, за последние два года «в 8 районах области из 16 было вскрыто и оперативно ликвидировано 11 антисоветских националистических групп. Арестовано и осуждено по этим делам более 70 чел. наиболее активных участников»[12].

Поиски «националистов» приводили к неизбежному недоверию и к чекистам из нацменьшинств. В период «Большого террора» наименьшие шансы выжить были у чекистов неславянского происхождения – немцев, поляков, прибалтов, венгров. Эта прослойка в НКВД была уничтожена по обвинениям в шпионаже почти начисто, но присоединение Прибалтики в 1940 г. привело к тому, что переведенные в

---

[8] Лейбович О. Л. «Кулацкая операция» на территории Прикамья в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 604.

[9] Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 241. Л. 14.

[10] Новоселов Д. С. О судьбе чекиста Мартина Лациса (1921–1938) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2008. Т. 4. С. 150.

[11] Петрушин А. А. Мандала-43 // Красный Север. 1990. № 43. С. 8–9.

[12] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 147. Л. 149.

лагерную систему немногие уцелевшие латыши и эстонцы оказались востребованы и продолжили карьеру в органах госбезопасности.

После войны шовинизм проявлялся в МГБ–МВД постоянно. Министр госбезопасности Бурят-Монгольской АССР Д. М. Смирнов в 1949 г. в письме в МГБ СССР выразил полное недоверие чекистам-бурятам, заявив, что все они «связаны между собой семейственностью и круговой порукой». В 1950 г. Смирнов, исходя из не подтвердившихся агентурных материалов, организовал 8-дневную слежку за вновь назначенным завотделом Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) Модогоевым, причем эта слежка велась даже в здании обкома. Подчиненным Семёнов заявлял: «Пока я буду министром, ни один бурят не будет в министерстве на руководящей работе» и «берите на фотопленку каждого прилично одетого бурята, так как рано или поздно мы с ним столкнемся»[13]. В итоге Смирнов получил выговор за «неправильные методы работы». Среди наказанных за шовинизм в 1952 г. был начальник Ново-Ивановского отделения Сиблага МВД СССР (Кемеровская обл.) украинец А. И. Корниенко, ударивший подчиненного-азербайджанца за плохое знание русского языка: его исключили из партии и уволили из МВД[14]. В послевоенное время национальные проблемы в госаппарате искусственно обострялись в ходе политических интриг, в результате чего МГБ к 1953 г. было очищено от руководящих и почти всех рядовых чекистов-евреев.

Среди чекистов был весьма распространен антисемитизм – и как почтенная традиция, разделявшаяся отнюдь не только русскими, и как реакция на обилие евреев во властных структурах. Уже осенью 1918 г. во время расследования убийства председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого наблюдалась попытка следователей-латышей представить его убийцу Л. И. Канегисера агентом сионистских кругов. Дзержинский, активно опиравшийся на евреев, для себя мог использовать термин «жид» и в черновых заметках по материалам инспекции Всетатарской ЧК в 1921 г., выявившей массовые репрессии, отметить, что в Казани не осталось «ни одн.[ого] жида – [все] расстреляны»[15]. С 1937 г. отношение к чекистам еврейского происхождения резко изменилось, и они оказались под ударом как люди неподходящего социального происхождения, имеющие родственников за границей, связанные с иностранцами и нэпманами. Группировавшиеся вокруг Г. Г. Ягоды были скомпрометированы как «заговор-

[13] Там же. Д. 29. Л. 72–84; Д. 330. Л. 30.

[14] Там же. Д. 345. Л. 5, 43.

[15] Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2008. С. 103; Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 363.

щики»; аналогичная участь постигла и евреев, выдвинутых Ежовым. Вряд ли можно сомневаться, что кампанию по искоренению евреев в руководстве НКВД инициировал Сталин. С конца 1937 г. в НКВД УССР стали искать «сионистских заговорщиков», а с весны 1938 г. новый нарком внутренних дел Украины А. И. Успенский, привезший наказ Ежова выровнять национальный состав украинского НКВД, где две трети верхнего руководящего состава составляли евреи[16], начал широкую национальную чистку.

В письме начальника 6-го отдела НКВД УССР В. С. Грабаря Хрущёву от 22 ноября 1938 г. приводились яркие примеры непрерывного поиска новым наркомом явных и неявных евреев, которых, вслед за Успенским, издевательски называли в аппарате «иерусалимскими казаками», именуя также «Менделями», «Ребе» и «Чарли Чаплиными»[17]. Вызванный в июне 1938 г. к Успенскому «ариец» Грабарь получил неожиданные обвинения в тайном еврействе: «Не успел я перейти порог, как он набросился на меня с криком: “вы еврей, почему скрываетесь, как вас правильно звать?” На мой ответ, что для меня не понятен вопрос, мой отец украинец, мать русская, УСПЕНСКИЙ рассвирепев выставил меня из кабинета. <...> Через две недели ко мне в Киев приехал мой отец, 75 лет, колхозник, из м. Кодыма, узнать, что я натворил, так как его неоднократно спрашивают, где я родился и т. п.

Думал, что после этого история с моей национальностью закончена. Захожу однажды в кабинет к УСПЕНСКОМУ с докладом и... он на меня напал, оскорбляя самыми похабными словами и в заключение говорит: “вы ерусалимец, вашу мать... сгруппировали вокруг себя ерусалимцев и думаете меня отвести [от должности]” и еще целый ряд диких садистских выражений.

Ходил я сам не свой, ожидая своей участи.

3 или 5 октября у него в кабинете... он снова напал на меня с моей матерью и моей еврейской национальностью». Позднее нарком опять набросился на Грабаря с криком: «Вы заговорщик против чл.[ена] политбюро, окружили себя бандой “ерусалимцев” и думаете меня прорабатывать...»[18]

---

[16] Шаповал Ю., Золотарев В. Евреи в руководстве органов ГПУ–НКВД УССР в 1920–1930-х гг. // Из архивов ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2010. № 1. С. 53–93 (на укр. яз.).

[17] Смирнова И. Е. Борьба с сионистским подпольем в НКВД Донецкой области в 1938 г. // Одиннадцатые Запорожские еврейские чтения. 17–18 мая 2007 г.: Сб. науч. тр. Запорожье, 2007. С. 143–146; Золотарев В. А., Степкин В. П. ЧК–ГПУ–НКВД в Донбассе: Люди и документы 1919–1941. Донецк, 2010. С. 486.

[18] Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ОГА СБУ). Д. 43626. Т. 3. Л. 35, 40.

Бывший заместитель начальника УНКВД по Черниговской области А. И. Геплер жаловался, что избивавшие его в марте 1938 г. московские чекисты, приехавшие в Киев с Успенским, приговаривали: «Кончилась ваша украинская лавочка, всех еврейчиков и украинцев разгоним». Начальник отдела кадров Одесского управления НКВД И. С. Дубров свидетельствовал: «Мне Успенский заявил: “Не смейте брать на работу в райотделения евреев, если возьмете, то я вам покажу”»[19]. В других регионах, где евреев было гораздо меньше, антисемитизм тоже проявлялся: в 1938 г. начальник УНКВД по Ивановской области В. П. Журавлев говорил одному из арестованных чекистов о его коллегах-евреях: «Вообще это продажная нация, у меня в аппарате евреев нет и быть не может. Какие были, я уже арестовал». По поводу застрелившегося в 1937 г. заместителя начальника новосибирской Межкраевой школы НКВД С. С. Мадорского-Удалова один из чекистов публично заявил на партийном собрании: «Раз он польский еврей, то, значит, шпион»[20].

Уже после окончания «Большого террора» отмечались факты фабрикации «сионистских заговоров», куда включали и чекистов центрального аппарата НКВД СССР. Так, начальник отдела кадров Наркомата машиностроения СССР С. В. Локшин был арестован 24 января 1939 г. и в конце того же года осужден на 8 лет лагерей за то, что он, вместе с другими лицами, по указанию бывшего начальника отделения 8-го отдела 1-го управления НКВД СССР И. Р. Лермана в 1938 г. организовал в Наркомате машиностроения антисоветскую еврейскую националистическую группу с задачей преследовать русских, «чтобы мстить советской власти за якобы существующее преследование евреев»[21].

После активизации кампании борьбы с космополитизмом в 1949 г. из МГБ стали увольнять самых заслуженных работников-евреев. Начальник отделения по борьбе с националистическими элементами УМГБ по Гомельской области С. Е. Розовский в августе 1949 г. был исключен из партии и уволен за провал в работе и антипартийные разговоры: за период пребывания в должности с 1946 по 1949 г. не разоблачил ни одного еврейского националиста, тогда как другие подразделения УМГБ, «не занимающиеся непосредственно этим во-

[19] Золотарьов В. А. Олександр Успеньский... С. 196–199; Тумшис М. А., Золотарёв В. А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. Самара, 2012. С. 10.

[20] Тумшис М. А. ВЧК. Война кланов. М., 2004. С. 385; Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 469.

[21] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 530. Л. 67.

просом, за 1948–1949 гг. арестовали за антисоветскую деятельность 24 еврейских националиста»[22].

Начальник 5-го отдела УМГБ по Ярославской области Г. К. Барон был исключен в ноябре 1949 г. из партии как политически неблагонадежный и злоупотреблявший служебным положением: «В отдел, который он возглавлял, в течение 1949 г. поступило несколько анонимных писем, в них указывалось о наличии на автозаводе группировки лиц еврейской национальности, занимающихся антисоветской деятельностью. Вместо того, чтобы немедленно пустить все письма в оперативную разработку, Барон часть писем скрывал у себя в сейфе в течение нескольких месяцев»[23]. Чистка закончилась почти полным увольнением евреев из МГБ к 1953 г., причем традиция недоверия к ним была в полной мере унаследована и КГБ.

Для чекистов-нацменов преобладало интернационалистское поведение, хотя бывали и исключения: так, один из приехавших в Тифлис чекистов в 1921 г. отметил резкий национализм секретаря коллегии Грузинской ЧК Яшвили[24]. Следует отметить, что первый год существования ВЧК был отмечен огромным поступлением латышей на руководящие и следовательские должности. Мощный латышский клан, созданный в 1918 г. заместителем председателя ВЧК Я. Х. Петерсом и некоторое время контролировавший кадровую политику, был быстро ослаблен самим Дзержинским, который в 1919 г. в основном ликвидировал данный национальный перекос[25]. Существовавший в ЧК–ОГПУ польский клан был достаточно слаб, несмотря на польское происхождение Дзержинского, В. Р. Менжинского и родственника Сталина С. Ф. Реденса. Латыш Л. М. Заковский в Сибири собрал вокруг себя заметное число латышей, но в Ленинград и Москву на пике своей карьеры в 1935–1938 гг. смог перетащить сравнительно небольшую часть земляков. Характерно, что руководители ОГПУ–НКВД в национальных республиках опирались преимущественно на русских, евреев, латышей, поляков, венгров, а не на местные кадры. Титульное население воспринимало такое положение крайне негативно. Так, в Узбекистане в 1928 г. возмущались, что в ГПУ служат только русские[26].

---

[22] Там же. Оп. 2. Д. 1602. Л. 152; Д. 1857. Л. 79–79 об.

[23] Там же. Д. 1584. Л. 28.

[24] Шрейдер М. П. Воспоминания чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101. Л. 144, 152.

[25] Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М., 2005. С. 271–290.

[26] ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 / сост. Л. Гатагова, Л. Кошелева, Л. Роговая. М., 2005. С. 576. Под русскими в массах подразумевались все чекисты не титульной национальности.

Типичным для чекистов-евреев является поведение М. П. Шрейдера, который в 1923 г. в ответ на упрек патриарха Тихона в незнании иврита (патриарх, обратив внимание на семитскую внешность чекиста, осведомился, еврей ли он, и, после утвердительного ответа, произнес непонятую Шрейдером фразу на иврите), заявил, что он живет в России и не нуждается в иных языках, кроме русского[27]. Говорить о национальной сплоченности так называемого еврейского клана при Г. Г. Ягоде нет оснований: чекисты-евреи группировались вокруг конкретных патронов, реагируя в первую очередь не на национальность, а могущество своего покровителя. Поэтому многочисленные евреи работали как вокруг Ягоды, Я. С. Агранова, М. А. Трилиссера, М. Д. Бермана и Л. Н. Миронова, так и рядом с Е. Г. Евдокимовым, С. Ф. Реденсом, Л. М. Заковским, Т. Д. Дерибасом, а затем – Н. И. Ежовым, М. П. Фриновским, Л. П. Берией. Сталин до 1937 г. не считал обилие евреев в НКВД угрозой, но с началом национальных операций угроза «сионизма» была выдвинута властями и транслирована в карательные структуры, где, наряду с прочими «инонационалами», были атакованы и евреи – прежде всего по мотивам родственных и клановых связей. Резкое падение с 1938 г. удельного века руководящих работников НКВД еврейского происхождения говорит о национальных пристрастиях сталинского руководства, постаравшегося «ославянить» национальный лик своей спецслужбы. При Берии в НКВД сложился не очень многочисленный, но прочный кавказский клан, санкционированный Сталиным.

Разумеется, чекисты из нацменьшинств позволяли себе некорректные высказывания и действия, но какого-то явного национального обособления, насколько известно, не наблюдалось. Националистические выпады отслеживались и пресекались. Замначальника оперативного отделения Осинниковского ГО УМГБ по Кемеровской области, татарин Г. Ф. Еникеев в 1949 г. был обвинен в пьянстве, разглашении секретных сведений, высказывании националистических взглядов и неприязни к русским, утверждениях, что «основную тяжесть войны перенесли татары, они отстояли Москву, Ленинград и Сталинград», за что был исключен из ВКП(б) и осужден трибуналом на 10 лет ИТЛ[28].

Среди руководящих работников госбезопасности и внутренних дел из нацменов нередко проявлялся вульгарный пьяный протест. Якут И. П. Яковлев, замначальника отдела кадров МГБ Якутской АССР, 1 мая 1946 г. в гостях у местного министра просвещения на-

[27] Шрейдер М. П. Указ. соч. С. 253–254.

[28] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1534. Л. 43; Государственный архив Кемеровской обл. (далее – ГАКО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 82. Л. 57.

пился «до бесчувственного состояния», учинил дебош и кричал: «Русские – сволочи, их всех надо перебить, кто их только завез сюда, они грабят Якутию и разоряют якутов». Яковлев анекдотично оправдывался: «Ночью шел я куда-то, помню только удар в правый глаз и в затылок... очнулся лежащим на земле, помню, дали мне по голове несколько пинков ногой... По вопросу моих националистических выкриков... отрицать мне не приходится, т. к. я на улице был дважды избит кем-то... на эти избиения я должен был как-то логически реагировать...» Яковлев вскоре был исключен из ВКП(б) за «антипартийное поведение»[29]. Министр внутренних дел, а с 1944 г. – начальник УМВД Тувы Н. Ч. Товаришстай летом 1947 г., гуляя на свадьбе дочери начальника УМГБ Н. Н. Петрова и как следует выпив, заявил одному из видных чекистов: «Здесь все русские, один я тувинец, понаехало сюда много русских, их надо перестрелять». Товаришстай был исключен из партии и назначен директором леспромхоза, но затем восстановлен, поскольку допустил свои высказывания в нетрезвом виде[30].

Таким образом, среди основной массы чекистских руководителей и рядовых работников уже с первых лет существования ВЧК нередко проявлялось подозрительное и пренебрежительное отношение к «инонационалам», которые считались базой для шпионской деятельности зарубежных разведок. В свою очередь, реакцией последних на действия русских чекистов, поступавших по образцу типичных колониальных чиновников, подчас был вульгарный антирусский протест бытового характера. Изучение шовинистических и националистических проявлений в органах политической полиции СССР позволяет видеть в практиках ВЧК–МГБ–МВД отражение изгибов советской политики в отношении национальных меньшинств, что добавляет объемности в изучение деятельности советских спецслужб.

---

[29] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1116. Л. 87–87 об.

[30] Там же. Д. 1717. Л. 110; Д. 1362. Л. 60.

В. А. Крупына

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Кадровая политика в Советском Союзе находилась под особым контролем Коммунистической партии. Руководящие посты партийных, советских и хозяйственных организаций входили в особый перечень, в номенклатуру, кандидатуры на которые предварительно обсуждались и утверждались (и освобождались) в вышестоящих партийных инстанциях. С помощью такого номенклатурного механизма достигался полный контроль над составом руководящих кадров. Рассмотрим национальный аспект кадровой политики на примере таких должностей, как секретари местных и региональных комитетов КП(б)У–КПУ, председатели местных и региональных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся Украинской ССР. Согласование и назначение кандидатур на эти должности происходило в ЦК КПСС и КПУ.

В годы войны национальная политика не претерпела принципиальных изменений, тогда как произошедшая коррекция лозунгов и мировоззренческих ориентиров была связана с необходимостью использования в мобилизационных целях национального фактора. Новые идеологемы, например, «дружбы народов» служили инструментом консолидации общества, формировавшегося на многонациональной основе[1].

После войны кадровый вопрос был одним из сложнейших. Предстояло не только заполнить вакансии в восстановленных аппаратах парткомов, исполкомов, заводов и фабрик, но и обеспечить «чистоту» рядов. Под «чистотой» имеется в виду соответствие состава высших должностных лиц актуальным политическим установкам. Заниматься кадровой работой после войны было непросто в силу значительного

[1] Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси / ред. рада: В. М. Литвин (голова), Г. В. Боряк, В. М. Даниленко та ін.; відп. ред. В. А. Смолій; авт. кол.: О. Г. Аркуша, В. Ф. Верстюк, С. В. Віднянський та ін. Київ: Ніка-Центр, 2012. С. 352–357.

размера географической мобильности. Демобилизация, возвращение к родным местам, компромат и другие факторы лишали кадровиков возможности строго придерживаться критериев селекции, направленных на улучшение качественных характеристик управленцев.

Внедрение номенклатурной системы в СССР в начале 1920-х гг. сопровождалось вытеснением «эксплуататорских классов» из главных отраслей жизни и в будущем кадровые службы ограничивали доступ их представителей к руководящим постам. Кроме социального происхождения, другие качественные критерии не были постоянными. Согласно исследованиям российского историка В. Нефедова, в 1920-х гг. при вхождении в номенклатуру преимущество отдавалось «подпольщикам», т. е. большевикам с дореволюционным партийным стажем, выходцам из рабочих и крестьян; в действиях руководителей – революционному размаху и американской деловитости. В 1930-е гг. главными качествами руководителей были безграничная преданность вождю, отсутствие компрометирующих материалов, «хорошая» родословная и безукоризненная исполнительность[2].

Какие критерии отбора на ключевые должности были актуальными для послевоенного периода? По мнению украинских исследователей В. Иваненко и О. Бойко, послевоенное восстановление страны выдвинуло принципиально новые требования к профессиональным управленцам – высокий образовательный и профессиональный уровень[3]. П. Киридон дополняет их требованием «политической надежности»[4]. По нашим наблюдениям, в позднесталинский период актуальными критериями для кооптации в номенклатуру и успешной служебной мобильности стали местопребывание и род занятий кандидата (а также его ближайших родственников) в годы войны; в деловом отношении – способность добиваться выполнения и перевыполнения планов. Фактор социального происхождения свою актуальность потерял.

За 1946–1954 гг. в Украине увеличился удельный вес украинцев среди местных и региональных партийных и советских руководителей (см. таблицу). Собственно, эта тенденция была характерна и для Политбюро ЦК КП(б)У–КПУ, где количество коренных кадров выросло с 60 до 84 %. В правительстве Советской Украины укра-

---

[2] Нефедов В. Н. Номенклатура империи: исследование кризиса. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1994. С. 50.

[3] Іваненко В. В., Бойко О. В. Політико-адміністративна система управління у повоєнний час (1946–1955 рр.) // Історія державної служби в Україні: у 5 т. / відп. ред. Т. В. Мотренко, В. А. Смолій; редкол.: С. В. Кульчицький та ін.; Голов. упр. держ. служби України, Ін-т історії НАН України. Київ: Ніка-Центр, 2009. Т. 2. С. 387.

[4] Киридон П. В. Правляча номенклатура Української РСР (1945–1964 рр.). Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012. С. 381.

инцев было около 70 %[5]. После смерти Сталина должности первого секретаря ЦК КПУ, председателя Совета министров УССР и председателя президиума Верховного Совета УССР заняли украинцы по национальности (А. Кириченко, Н. Кальченко, Д. Коротченко). Собственно, к этому времени уже выросло поколение коренных кадров с «советской» идентичностью, в политической лояльности которых можно было быть уверенным. Значительно меньшее представительство коренных кадров насчитывалось среди директоров заводов союзного и республиканского подчинения – в начале 1953 г. среди 1309 человек насчитывалось 54,5 % украинцев, 35,2 % русских, 6,5 % евреев, 1,5 % белорусов и др.[6] Для хозяйственных руководителей профессиональная пригодность определялась по деловым характеристикам, итогам выполнения годовых производственных планов. Напомним, что согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Украине проживало 76,8 % украинцев, русских – 16,9 , евреев – 2, поляков – 0,9, белоруссов – 0,7, молдаван – 0,6 и др.[7]

Национальный состав руководящих партийных и советских кадров УССР (1946–1954 гг.)

	Национальности	На 1 января 1946 г. По штату 2735 должн.; замещено 2693 должн.		На 1 января 1953 г. По штату 3667 должн.; замещено 3640 должн.		На 1 января 1954 г. По штату 3667 должн.; замещено 3661 должн.	
		абс. данные	%	абс. данные	%	абс. данные	%
Местное партийное и советское руководство	украинцы	1974	73,3	2815	77,3	2849	77,8
	русские	620	23,0	753	20,7	744	20,3
	белорусы	71	2,6	40	1,1	38	1,0
	молдаване	3	0,1	2	0,05	4	0,1
	евреи	5	0,2	3	0,08	1	0,02
	латыши	1	0,03	0	0	0	0
	карело-финны	0	0	1	0,02	1	0,02
	армяне	1	0,03	2	0,05	2	0,05
	прочие национальности	18	0,7	24	0,7	22	0,6

[5] Штейнле О. Ф. Номенклатурна еліта Української РСР у 1945–1953 рр.: особливості формування та функціонування: Дисс. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2010. С. 100.

[6] Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 67. Д. 459. Л. 1; Д. 460. Л. 1.

[7] Даниленко В. Динаміка змін етнічної структури українського суспільства в 1950–1960-х рр. // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика: Збірник статей / відп. ред. В. М. Даниленко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2012. Вип. 17. С. 78–79.

В том числе	Председатели местных исполкомов		По штату 905 должн.; замещено 898 должн.		По штату 917 должн.; замещено 910 должн.		По штату 917 должн.; замещено 916 должн.	
			абс. данные	%	абс. данные	%	абс. данные	%
		украинцы	732	81,5	766	84,2	771	84,2
		русские	143	15,9	125	13,7	130	14,2
		белорусы	11	1,2	9	1,0	8	0,9
		молдаване	2	0,2	1	0,1	1	0,1
		евреи	4	0,4	2	0,2	1	0,1
		армяне	0	0	1	0,1	1	0,1
		прочие национальности	6	0,7	6	0,7	4	0,4
	Все секретари местных партийных комитетов		По штату 1830 должн.; замещено 1795 должн.		По штату 2750 должн.; замещено 2730 должн.		По штату 2750 должн.; замещено 2745 должн.	
			абс. данные	%	абс. данные	%	абс. данные	%
		украинцы	1242	69,2	2049	75,1	2078	75,7
		русские	477	26,6	628	23,0	614	22,4
		белорусы	60	3,3	31	1,1	30	1,1
		армяне	1	0,05	1	0,03	1	0,03
		евреи	1	0,05	1	0,03	0	0
		молдаване	1	0,05	1	0,03	3	0,1
		латыши	1	0,05	0	0	0	0
		карело-финны	0	0	1	0,03	1	0,03
		прочие национальности	12	0,7	18	0,7	18	0,7
В том числе	Первые секретари местных партийных комитетов		По штату 903 должн.; замещено 894 должн.		По штату 917 должн.; замещено 913 должн.		По штату 917 должн.; замещено 917 должн.	
			абс. данные	%	абс. данные	%	абс. данные	%
		украинцы	641	71,7	730	80,0	737	80,4
		русские	232	26,0	170	18,6	167	18,2
		белорусы	11	1,2	6	0,6	7	0,8
		молдаване	0	0	0	0	1	0,1
		карело-финны	0	0	1	0,1	0	0
		латыши	1	0,1	0	0	0	0
		евреи	1	0,1	0	0	0	0
		прочие национальности	8	0,9	6	0,7	5	0,5
Региональное партийное и советское руководство			По штату 146 должн.; замещено 138 должн.		По штату 100 должн.; замещено 99 должн.		По штату 100 должн.; замещено 99 должн.	
			абс. данные	%	абс. данные	%	абс. данные	%
		украинцы	104	75,4	82	82,8	83	83,8
		русские	34	24,6	16	16,1	15	15,2
		белорусы	0	0	1	1,0	1	1,0

Подсчитано по: Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 67. Д. 29. Л. 7, 21, 33, 52; Д. 405. Л. 1; Д. 416. Л. 1; Д. 419. Л. 1; Д. 432. Л. 1; Д. 433. Л. 1; Д. 475. Л. 1; Д. 482. Л. 1; Д. 491. Л. 1; Д. 494. Л. 1; Д. 504. Л. 1; Д. 505. Л. 1.

Отдельное место в национальной политике относительно руководящих кадров занимали западные области Украины[8]*. Их присоединение в 1939–1940 гг. сопровождалось унификацией социально-экономического и политического уклада жизни относительно союзного образца, проводившейся насильственными методами. После войны ситуация повторилась. Непопулярность советской власти предопределила ограниченное число лояльных сторонников, поэтому для управления регионом использовались приезжие кадры – из восточных областей Украины и Российской Федерации.

Постановление ЦК КП(б)У от 10 июля 1945 г. «О подборе и воспитании кадров из актива местного населения западных областей УССР» указывало на необходимость более широкого привлечения местного населения к хозяйственному и культурному строительству. На июнь 1946 г. в западных областях более 53 тыс. местных кадров были выдвинуты на руководящую работу в партийной, хозяйственной и культурно-образовательной отраслях. Из восточной Украины и других регионов СРСР сюда прибыло 86 тыс. специалистов[9].

В чем состояла проблема засилья приезжих кадров? Присланные в западные области кадры, как правило, не отличались высоким образовательным уровнем или профессиональной компетенцией, да и моральный облик их был не лучшим. Несмотря на то, что сюда приезжало много украинцев по национальности, часть из них не владела украинским языком. Не понимая местных особенностей и настроений населения, они провоцировали конфликты и непонимание с местными жителями. Необходимость советизации западных областей Украины требовала беспрекословного воплощения в жизнь политических и социально-экономических мероприятий, поэтому на незначительное присутствие местных кадров в партийных, советских и хозяйственных органах закрывали глаза, пока приезжие обеспечивали более или менее эффективное управление. В результате советизация замедлялась, а население склонялось к поддержке ОУН и УПА.

Решить эту проблему в западных областях было достаточно проблематично. В докладной записке от 1 ноября 1947 г. секретаря ЦК КП(б)У по кадрам А. Епишева первому секретарю ЦК КП(б)У Л. Кагановичу указывалось, что по состоянию на 1 сентября 1947 г. из «местных» работали 2 секретаря обкома, 2 председателя облисполкома, 10 первых секретарей окружкомов (Закарпатье), 4 вторых секретаря райкома, 114 председателей райисполкомов. Если взять

---

[8] * Львовская, Дрогобычская, Тернопольская, Станиславская, Ровенская, Закарпатская, Измаильская, Черновицкая.

[9] Комуністична партія – організатор здійснення ленінської національної політики на Україні. Київ: Вид-во політичної літератури України, 1972. С. 176.

аппарат в целом (в том числе и хозяйственные организации), то на должностях номенклатуры ЦК и обкомов работало 14,7 % (2154 человек) из местного населения[10]. Это был один из первых тревожных сигналов о засилье приезжих кадров на руководящих должностях в западных областях, однако решительных мер предпринято не было – давал знать о себе кадровый дефицит по всей республике. 12 августа 1949 г. постановление ЦК КП(б)У отмечало, что «в работе партийных, советских и хозяйственных органов западных областей Украины по подбору, расстановке, выдвижению и воспитанию кадров имеют место серьезные недостатки». Они проявлялись в недостаточном внимании к воспитанию и выдвижению кадров из местного населения, в чем было виновно региональное руководство, не занимавшееся этим вопросом[11]. Таким образом, проблема недостаточного представительства местных кадров в западных областях была характерна для всего позднесталинского периода. Власти знали об этой проблеме, но необходимых мер не принималось – местных лояльных и квалифицированных кадров попросту не было.

На национальном вопросе, в частности, его кадровой составляющей, попытался сыграть Л. Берия, когда после смерти И. Сталина в союзном руководстве началась борьба за власть. Подготовленная им записка и последовавшее вслед постановление ЦК КПСС «Вопросы западных областей Украинской ССР» (26 мая 1953 г.) привели к освобождению Л. Мельникова с должности первого секретаря украинской парторганизации. Он обвинялся в нарушении ленинско-сталинской национальной политики в западных областях, вождизме, администрировании и т. д.

Пленум ЦК КП Украины отреагировал 4 июня 1953 г. постановлением «О постановлении ЦК КПСС от 26 мая 1953 г. “Вопросы западных областей Украинской ССР” и докладную записку Л. Берия в Президиум ЦК КПСС», в котором подтвердил правильность обвинений в адрес Л. Мельникова и его увольнение. Пленум обязывал бюро ЦК КП Украины обеспечить «присутствие в руководящем составе ЦК КП Украины и правительстве Украинской ССР работников из западных украинцев». В постановлении отмечалось, что «в осуществлении ленинско-сталинской национальной политики допускаются недостатки и в ряде восточных областей Украинской ССР», поэтому пленум обязывал все обкомы, горкомы и райкомы КП Украины «сделать необходимые выводы по постановлению ЦК КПСС от 26 мая 1953 г. и решительно исправить эти недостатки». Через полгода об-

[10] Історія державної служби в Україні. Т. 5. Кн. 1. С. 511.

[11] Баран В. Україна: новітня історія (1945–1991 рр.). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2003. С. 499.

комам западных областей надлежало отчитаться о ходе выполнения этих двух постановлений[12].

Интересно, что после расправы над Л. Берией принятые вслед за его запиской постановления были отменены как способствующие «активизации буржуазно-националистических элементов». Фактически они продолжали выполняться, хотя медленно и непоследовательно. В конце 1953 г. в ЦК КП Украины было подготовлено письмо Н. Хрущёву о выполнении постановления ЦК КПСС от 26 мая 1953 г., т. е. уже отмененного. В нем указывалось на повышение удельного веса местных кадров среди секретарей обкомов, горкомов и райкомов с 8,4 до 15,6 % (с 67 до 124 человек из 794). Частично увеличилось количество местных кадров и в аппаратах советских органов и хозяйственных организаций[13]. Двукратное увеличение присутствия коренных кадров, тем не менее, проблему недоверия к ним не решали.

Но если вернуться к общей картине национального состава руководящих кадров партийных и советских органов, то мы увидим, что за 1953 г. существенных изменений в республике не произошло, увеличение доли, по крайней мере, украинцев на исследуемых должностях составляло меньше одного процента при возможностях существенно увеличить ее с помощью номенклатурного механизма. Например, как и раньше, среди двух вторых секретарей горкомов Львовской области пребывали русский и белорус[14]. Неизменным остался и состав 5 секретарей горрайкомов Львовской области (3 украинца, 1 русский, 1 белорус)[15]. Отмененное, но фактически действующее постановление ЦК КПСС от 26 мая 1953 г. не повлияло на соотношение коренных и некоренных кадров, имеющиеся изменения общего положения не изменили.

Если сравнивать национальный состав кадров в хрущевский период, то на примере некоторых должностей окажется, что идет обратный процесс – уменьшение удельного веса коренных кадров. В частности, среди первых секретарей местных партийных комитетов в начале 1964 г. украинцев насчитывалось 70 %, русских – 28,3, среди председателей местных исполкомов – украинцев 72,5, русских – 26.

Насколько существенную роль в карьере играла национальность? Национальность не была решающим критерием, который давал воз-

---

[12] Національні відносини в Україні у XX ст. Збірник документів і матеріалів. Київ: Наукова думка, 1994. С. 322, 323.

[13] Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прозуменщиков, В. Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т. Ю. Жукова, В. В. Кондрашин, Л. П. Кошелева, Р. А. Подкур, Е. В. Шевелева. М.: РОССПЭН, 2009. С. 30–32.

[14] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 67. Д. 404. Л. 27; Д. 483. Л. 27.

[15] Там же. Д. 418. Л. 11; Д. 493. Л. 11.

можность попасть на руководящую должность. Хотя этот показатель и учитывался, он не был ключевым. Предпочтение отдавалось политическим и деловым качествам, т. е. лояльности и дисциплинированности. В то же время национальность могла помешать карьере – как было с евреями после «дела врачей». Они постепенно вытеснялись с руководящих должностей, а с начала 1956 г. национальность «еврей» исчезла с учетного перечня в разделе «национальность» годовых статистических отчетов о составе и сменяемости руководящих кадров.

Возможна ли была идеальная национальная политика в советской Украине (и какова она могла бы быть?), т. е. пропорциональное соотношение национального состава населения и руководящих кадров? Скорее всего, нет. По состоянию на 1959 г. в Украине проживали представители более ста национальностей, и если расставлять кадры пропорционально, то были неизбежны проблемы. Кроме того, руководящие должности в партийных и советских органах могли занимать исключительно члены партии, т. е. возникает проблема соотношения национального состава населения и партии. Согласовать эти параметры было сложно. Национальный состав руководящих партийных и советских кадров был близок к национальному составу населения, но исходя из недосягаемости их идеального соотношения, такое представительство разных национальностей на республиканском уровне можно считать сбалансированным.

А. Ф. Штейнле

ИДЕНТИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ УКРАИНЫ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ (1945–1953 гг.)

Жизненный мир советской элиты всех уровней – от общесоюзного до местного – малоизученная, но крайне важная составляющая истории СССР. В нем скрываются ключи к пониманию ее взглядов, ценностей, поведения. Национальную политику эпохи сталинизма – безусловно, один из наиболее противоречивых и непростых вопросов советской эпохи – невозможно корректно проанализировать и оценить без знаний о понимании национального вопроса внутри правящих элит в центре и на периферии, без данных об идентичностях самих руководителей.

В данной публикации внимание концентрируется на одной из советских элит – руководстве Украинской ССР послевоенных лет. Вопрос о его национальной и социальной принадлежности первыми начали задавать зарубежные исследователи Джон Армстронг и Богдан Кравченко, которые на основе советской периодики и опубликованной партийной статистики пытались сформировать общий портрет украинских руководителей[1]. Историки современной Украины затрагивали эту проблему в контексте отношений Украины и России, а также в ходе комплексного изучения истории государственной службы[2]. За последние годы на фоне общего роста интереса к советской номенклатуре появились специаль-

[1] Armstrong John A. The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus. London, 1959. 174 p.; Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. / пер. з англ. В. Івашка, В. Корнієнка. Київ, 1997.

[2] Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси в 3-х томах / відп. ред. акад. НАН України В. А. Смолій. Т. 2: Радянський проект для України. Київ, 2004; Іваненко В. В., Бойко О. В. Політико-адміністративна система управління у повоєнний час (1946–1955 рр.) // Історія державної служби в Україні: у 5 т. Київ: Ніка-Центр, 2009. Т. 2. С. 367–402.

ные исследования: Тамары Першиной, Петра Кырыдона, Виктора Крупины[3].

Однако вопрос, поставленный пионером изучения этой темы – Дж. Армстронгом, остается открытым. Можно ли считать статистические материалы о составе республиканского руководства достоверно отражающими его реальную национальную принадлежность? И означает ли анкетная запись «украинец», «русский», «еврей» и т. п. соответствующую национальную идентичность, – т. е. представления о Родине, набор этнических мифов, культуру?

О неоднозначности вопроса свидетельствуют известные примеры деформации / размытости идентичностей среди номенклатурных работников. Никита Хрущёв в своих мемуарах приводил пример секретаря Днепропетровского и Сталинского обкомов КП(б)У Семена Задионченко (Шимона Зайончика) – еврея, который выдавал себя за украинца[4]. «Путался» с своим происхождением и будущий генсек, а в послевоенные годы – первый секретарь Запорожского и Днепропетровского обкомов партии, Леонид Брежнев. Во время работы в Украине в его личных документах фигурировала запись «украинец», после направления за пределы УССР – «русский»[5]. Алексей Федоров – первый секретарь Херсонского (1944–1949 гг.), Измаильского (1950–1952 гг.) и Житомирского (1952–1957 гг.) обкомов – вспоминал, что в ответ на вопрос о своей национальности отвечал «русский» и разговаривал по-русски, хотя на самом деле считал себя украинцем[6].

Не менее сложная ситуация и с социальной составляющей идентификации руководителей позднесталинской Украины. В кадровых документах 1920-х гг. представители новых революционных элит часто откровенно писали видение собственного социального статуса – к примеру, Дмитрий Мануильский (первый секретарь ЦК КП(б) Украины 1921–1923 гг., в дальнейшем секретарь Исполкома Комин-

---

[3] Першина Т. С. Партійно-радянська номенклатура в Україні, 1945–1948 рр.: деякі аспекти проблеми // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя: ЗНУ, 2008. Вип. XXIII. С. 263–277; Крупина В. О. Партійно-державна номенклатура повоєнної України // Повоєнна Україна: нариси соціальної історії (Друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.): кол. моногр.: у 3 ч. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2010. Ч. 1, 2. С. 139–176; Киридон П. В. Правляча номенклатура Української РСР (1945–1964 рр.). Полтава: АСМІ, 2012.

[4] Хрущёв Н. С. Время. Люди. Власть: Воспоминания в 4-х кн. М., 1999. Кн. 1. С. 164–165.

[5] Волкогонов Д. А. Семь вождей: в 2-х книгах. Кн. 2. М., 1996. С. 12; Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 46. Д. 4788. Л. 20.

[6] Федоров А. Ф. Подпольный обком действует. М., 1955. С. 252.

терна, нарком-министр МИД УССР 1944–1953 гг.) указывал себя как «профессионального революционера»[7]. В послевоенные годы партийная статистика уже однозначно базируется на четком шаблоне с категориями «крестьянин», «рабочий», «служащий» / «интеллигенция». В них без труда можно узнать сталинскую схему деления советского общества «2+1»: 2 дружественных класса рабочих и крестьян плюс прослойка интеллигенции[8]. Схема настолько общая, что в ней растворяются очертания реального социального деления советского общества. К тому же, под социальным положением имелось в виду классовое происхождение, а не реальный социальный статус. Относил ли себя к рабочим секретарь ЦК КПУ, который стоял у станка 20 лет назад? Ответ на этот вопрос невозможно найти лишь на основе статистических отчетов и анкет. Необходим целый комплекс источников, в частности личного происхождения.

В статье предпринимается попытка выявить национальные и социальные очертания идентичностей правящего слоя послевоенной Украины. Основой для этого служат, прежде всего, нарративные источники, принадлежащие как самим руководителям, так и их окружению.

Значительный отпечаток на идентификацию руководителей УССР наложили особенности их попадания на политический Олимп республики. Политическая элита рекрутировалась из 3 основных источников, каждому из которых соответствовали свой «социальный лифт» и культурные особенности.

Большинство среди номенклатурной верхушки составляли представители партийно-государственной бюрократии – профессиональные управленцы, для которых путь наверх был последовательным карьерным ростом внутри партийного, советского, комсомольского аппарата, силовых органов. На совещаниях руководства УССР послевоенных лет для обозначения себя и своих коллег они чаще всего использовали выражения «руководитель», «руководящие или ответственные работники»[9].

Контент-анализ воспоминаний Никиты Хрущёва, освещающих его работу в Украине (до 1949 г.), показывает, что более чем в 90 % случа-

---

[7] Ибрагимова Д. Х. Отношение политической элиты к аграрному развитию при переходе к НЭПу (потенциал приложения факторного анализа к «плохо» структурированной информации нарративного источника) // Источник. Метод. Компьютер. Традиционное и компьютерное источниковедение / ред. С. В. Цыб и В. Н. Владимиров. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. С. 181–182.

[8] Критику этой схемы см.: Восленский М. С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. С. 25–27.

[9] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 45. Д. 590. Л. 220; Ф. 7. Оп. 2. Д. 414. Л. 368.

ев он использует названия «руководитель», «партиец», «верхушка»[10]. «Люди, – характеризовал он себя и свое окружение, – кому выпала доля близко стоять у руля, который направлял весь огромный корабль на перестройку общественно-политической жизни нашей страны и тем самым оказывал огромное влияние на мировое развитие»[11]. Что интересно, свою национальность («русский», «безнадежный русак») он подчеркивал в мемуарах значительно реже.

Схожую картину дает анализ воспоминаний Лазаря Кагановича. Начиная с описания своей деятельности с 1911 г., он прекращает употреблять название «рабочий», а пользуется словами «большевик», «работник аппарата», «ленинец». В характеристиках собственного положения послевоенных лет появляются выражения «члены Политбюро ЦК» и «члены Президиума»[12]. Квинтэссенцией самоидентификации Кагановича можно считать название его мемуаров – «Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника». Национальную принадлежность Лазарь Моисеевич акцентирует лишь в описании детских и юношеских лет, неизменно дополняя ее упоминаниями о пролетарском интернационализме. Преобладание социального аспекта над национальным четко можно увидеть во время работы Кагановича первым секретарем ЦК КП(б) Украины (март–декабрь 1947 г.). «Мы, – акцентировал он во время обсуждения обращения к Сталину от имени украинского народа, – должны бить, прежде всего, на душу людей, не от национального, а от социального». Существенно и другое его замечание: «Любовь к нации и прибавилась еще мощная, качественная сила – любовь к социалистическому отечеству. Это есть советский патриотизм и это надо выразить»[13].

Замечания Л. Кагановича вместе с приведенными выше наблюдениями позволяют выделить несколько важных черт идентичностей профессиональных управленцев в номенклатурной элите УССР. Первая особенность – определение своего социального статуса играло весомую роль для большинства руководителей, тогда как национальные отличия воспринимались значительно слабее и были на заднем плане. Вторая – сами национальные идентичности руководителей Украины (как и всех советских элит) были сложными психическими образованиями. В случае сочетания этнической составля-

[10] Хрущёв Н. С. Указ. соч. Кн. 1. С. 1–294; Кн. 2. С. 3–21.

[11] Там же. Кн. 1. С. 12.

[12] Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 2003.

[13] Политическое руководство Украины. 1938–1989 / сост.: В. Ю. Васильев. М.: РОССПЭН, 2006. С. 138, 140.

ющей (для украинцев – украинский язык как родной, материнский; крестьянские или казацкие традиции; усвоенная в детстве «простая» народная культура) с политической ориентацией на советскую государственность (советский патриотизм, идея коммунизма, «высокая» советская культура, русский язык как ключ к ней) можно вести речь о «двойной лояльности» человека (например, украинец – советский гражданин, «советский украинец»). В случае вытеснения этнического компонента его советскими заменителями (русский язык как родной, советская историческая память, преобладание советского культурного наследия) можно констатировать формирование более или менее целостной советской идентичности. «Это люди, – попытался описать ее ключевые признаки философ Петр Кралюк, – для которых родиной был Советский Союз. Они могли прижиться в любой точке "от Москвы до самых до окраин". Их мировосприятию соответствовали слова одной популярной песенки – "мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз". Для них национальность не имела какого-то принципиального значения, а национальные территории были некой непринципиальной экзотикой в однородном советском пространстве. Языком общения этих людей, разумеется, был язык русский. Культурный мир их также был преимущественно русским, правда, в уже скорректированном советском варианте»[14].

Отдельную нишу в украинском истеблишменте занимали интеллектуалы – выдающиеся деятели искусства и науки. В 1943–1953 гг. ответственные должности в правительстве и Верховном Совете УССР занимали драматург Александр Корнейчук, поэт Павел Тычина, поэт и писатель Мыкола Бажан, «светила медицины» Александр Богомолец и Лев Медведь, агрохимик Василий Старченко и др. Большинство из них получило свои посты во время «национального нэпа» 1943–1945 гг., когда центральная власть пыталась сыграть на национальных чувствах народов СССР. От украинских дел был отстранен Н. Хрущёв с мотивацией, что он русский, а не украинец. Тогда же для придания более привлекательного вида республиканской верхушке в нее включили известных представителей украинской интеллигенции.

Последние резко контрастировали с коллегами-бюрократами. В социальном плане для них был наиболее существенен профессиональный признак: «драматург», «писатель» (А. Корнейчук), «поэт» (М. Бажан), «врач» (Л. Медведь) и др. Выражения о своем высоком положении в обществе были достаточно резкими. Так, М. Бажан в письмах, написанных во время пребывания на должности замести-

[14] Кралюк П. «Антисоветский» советский человек // День. 22 марта 2003.

теля Председателя Совета народных комиссаров-министров УССР (1943–1949 гг.), иногда скептически называет себя «клерком»[15].

В плане национальном интеллектуалы четко демонстрировали свою принадлежность. А. Корнейчук, прочно обосновавшись в номенклатурной верхушке послевоенной Украины, способствовал превращению Союза писателей УССР в «департамент казенной культуры», принимал участие в кампаниях против украинской и еврейской интеллигенции, стал «идеологическим хозяином украинской литературы»[16]. Но его отношение к Украине и ее народу не изменилось. В своих «Щодэнныках»[17] Олесь Гончар оставил воспоминания о последних днях жизни драматурга. «Умирает Корнейчук. – Записано 6 мая 1972 г., – оглядываясь на свою жизнь, признал, что, может, и не все так было, но как одну из самых больших заслуг своих считает выступление на пленуме Союза в 1944 году. Когда Леонид Соболев погнал шовинистическую пену, мол, народ, попавший под оккупацию, уже неполноценен, его надо лечить»[18]. В ответ Корнейчук выступил с резкой критикой. В 1953 г. он активно поддерживал линию Берии, пытавшегося использовать национальный вопрос в борьбе за власть. На пленуме ЦК КПУ «красный Шекспир»[19] горячо одобрил речь министра внутренних дел УССР Павла Мешика на украинском языке и призвал всех присутствующих последовать его примеру[20].

М. Бажан принимал участие в кампании преследования «украинского буржуазного национализма», написав критические статьи о литераторах и историках УССР (потом, по мнению его близких, он считал это одной из крупнейших ошибок в жизни)[21]. Но о своем украинском происхождении никогда не забывал и не скрывал его. «Какой замечательный народ, как я горд и счастлив, что называюсь сыном этого народа», – писал Мыкола Платонович в письме 1939 г. по поводу воссоединения Западной Украины с УССР. «Тяжко мне... – писал он 2 годами позже, во время эвакуации из Киева. – Завтра я покидаю

---

[15] Карбованих слів володар. Спогади про Миколу Бажана. Київ: Дніпро, 1988. С. 47.

[16] Гуменна Д. Дар Евдотеї. Іспит пам'яті. Київ, 2004. С. 437.

[17] Щоденник (укр.) – дневник.

[18] Гончар О. Т. Щоденники: у 3 т. / В. Д. Гончар (упоряд., підгот. текстів, передм.). Т. 2: 1968–1983. Київ, 2002. С. 113.

[19] «Красный Шекспир» – прозвище А. Корнейчука.

[20] Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 552–553.

[21] Бажан М. До кінця розгромити і викорінити рештки буржуазно-націоналістичної ідеології // Вітчизна. 1946. № 9; Его же. До кінця викорчувати буржуазно-націоналістичні погляди в питаннях історії та літератури України // Радянська Україна. 1946. 17, 19 листопада; Его же. Против националистических извращений в современной науке об истории Украины // Правда Украины. 17 декабря 1947.

украинскую землю. Родной земли не будет под ногами. В сердце я ее несу и буду нести, сколько буду жить. Верю – Украина моя и будет моей»[22]. Четкая национальная идентичность Бажана подтверждалась его деятельностью на должности заместителя по вопросам культуры главы Совнаркома–Совмина УССР в 1943–1949 гг.: участие в создании правописания литературного украинского языка, отстаивание интересов украинского образования, науки и театра, развитие музейного дела в республике, в частности формирование «шевченковских фондов»[23].

Первый заместитель наркома (1945–1947 гг.), а затем министр здравоохранения УССР (1947–1952 гг.) – Лев Иванович Медведь – выделялся среди коллег-министров знанием и использованием украинского языка. Он принципиально говорил по-украински как в личном общении, так и на работе[24].

Таким образом, идентичности представителей творческой и научной элиты в номенклатурной верхушке послевоенной Украины отличались более значимой ролью национальной составляющей на фоне своих коллег-выходцев из управленческого аппарата.

Представители третьего источника пополнения рядов номенклатурной верхушки Украины – «рабоче-крестьянской аристократии» – включались в состав республиканских органов за трудовые подвиги. Такие люди, как Паша Ангелина (женщина-трактористка из Донбасса), Макар Посмитный (глава передового колхоза Одесской области), Елена Гончаренко (горный инженер из Донбасса), Матрена Рябец (врач из Запорожья) должны были приносить идеологические дивиденды власти, служа доказательством ее «народного характера». Их социальные идентичности, как у интеллектуалов, также основывались на профессиональном признаке: «трактористка», «колхозник», «врач»[25]. Особый статус подчеркивался в названиях «стахановец», «передовик», «ударник», носивших символический характер. В номенклатурной среде от «рабочей знати» требовалось участие в представительских органах власти (Верховном Совете, ЦК КП(б) У, Украинском Совете профсоюзов) без допуска к решению материальных и кадровых вопросов. Между тем «владеет и руководит тот, – констатировал Н. Хрущёв в общении с украинской интеллигенцией в

[22] Карбованих слів володар. Спогади про Миколу Бажана. Київ, 1988. С. 40, 44.

[23] Теличко А. М. Громадсько-політична та науково-організаційна діяльність Миколи Бажана: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2009. С. 10–11.

[24] Медведь Л. Спогади сучасників / під заг. ред. Ю. І. Кундієва, І. М. Трахтенберга. Київ, 2005. С. 113; Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 2605. Оп. 8. Д. 3. Л. 112–116.

[25] Ангелина П. Н. Люди колхозных полей / лит. запись А. Славутского. М.: Гос. изд-во детской литературы, 1954; Посмітний М. О. Торжество Серпа і Молота / літ. запис С. І. Швеця. Київ, 1967.

1943 г., – кто ордер выписывает, а не тот, кто речи говорит»[26]. Поэтому перечисленные выше варианты самоназвания достаточно верно определяли социальный вес выходцев трудовых масс в политической элите УССР.

Национальная идентичность «рабоче-крестьянской аристократии», скорее всего, была достаточно размытой, как и у профессиональных управленцев. Они не акцентировали значительного внимания на своем этническом происхождении. Воспоминания П. Ангелиной не содержат упоминаний о ее появлении на свет в греческой семье. По свидетельству ее дочери Светланы, окружающие сильно удивлялись, узнав, что она – гречанка[27]. Это же характерно для опубликованных мемуаров М. Посмитного. Написанные с помощью профессиональных журналистов, они подчеркивают социальное положение передовика, его трудовые достижения и не обращают особенного внимания на национальный фактор.

Этому способствовало, как минимум, два фактора. Во-первых, большинство представителей «рабочей знати» были выходцами из этнически инертных групп крестьян и рабочих Центральной и Юго-Восточной Украины, для которых вопрос национальности (за редкими исключениями) не имел принципиального значения. Во-вторых, включение в когорту избранных представителей трудовых масс подразумевало наличие у них положительного отношения к советской власти. Это объективно вело к формированию либо «двойной лояльности», либо целостной советской идентичности. Поэтому с большей долей вероятности можно утверждать о размытости / сложности их национальной идентичности.

* * *

Социальные и национальные очертания идентичностей руководителей послевоенной Украины не совпадали с официальными схемами социального и национального состава СССР. Большинство из них определяло себя либо как «руководящих работников», либо по узкой профессиональной принадлежности. Номенклатурной верхушке была присуща деформированная и непростая национальная идентичность в виде двойной лояльности или более целостного представления о себе как «советском человеке». Достаточно четко можно выделить преобладание социальной шкалы идентификации над национальной, что, безусловно, требует дальнейшего изучения и объяснения.

---

[26] Довженко А. П. Дневниковые записи: 1939–1956 / сост.: В. В. Забродин, Е. Я. Марголит. Харьков: Фолио, 2013. С. 265.

[27] Орел Т. А вместо сердца – пламенный мотор [интервью с дочерью П. Ангелиной Светланой] // Бульвар Гордона. 2007. № 44.

В. Н. Хаустов

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В АРХИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛАХ НА ПАРТИЙНО–СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК

Архивные следственные дела 1920–1930-х гг. на руководящих партийных и советских работников союзных и автономных республик позволяют в определенной мере раскрыть существенные аспекты национальной политики советского государства. В качестве исторического источника протоколы допросов позволяют выявить проблемы, которые рассматривались в качестве мнимых или реальных угроз для существования многонационального государства.

Национальная политика была тесно взаимосвязана с политическими проблемами. Руководители многих национальных республик обвинялось в том, что в дореволюционный период или в первые годы установления советской власти состояли в различных национальных партиях и движениях буржуазно-демократического или демократического направлений. Действительно, после февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. национальные партии и объединения вышли из подполья и приняли активное участие в формировании своей национальной государственности. К ним относились движение Алаш в Казахстане, Муссават в Азербайджане, Дашнакцутюн в Армении, Милли-фирка в Крыму, Милли-иттихад в Узбекистане и др. Для них было характерно стремление оформить свою национальную самостоятельность. В подавляющем большинстве отстаивались требования построения государства на принципах федерализма. В некоторых случаях, представители этих партий вели борьбу с большевиками.

Программы национальных партий и движений в целом были несовместимы с радикальными установками пришедшей к власти большевистской партии. Например, в первой половине 1920-х гг. в Якутии сформировалось общественное движение Саха-омук (Якутская нация). Это было культурно-просветительское общество, которое представило свои предложения в Наркомат национальностей

РСФСР. Эти предложения ни в коей мере не соответствовали установкам правящей большевистской партии.

Программа общества предусматривала регулярные съезды якутского населения с постоянным действующим национальным бюро, с которым парткомы большевистской партии должны были согласовывать свои решения. Так же подлежали согласованию с бюро и декреты, принимаемые органами советской власти. Избирательные права должны были быть предоставлены всем слоям населения, с отказом от тезиса о классовом расслоении и непременной амнистии всем, кто участвовал в борьбе против установления советской власти. Представители общества, т. е. руководство советских и партийных органов Якутии, выступали за более широкое привлечение якутской интеллигенции к работе в различных учреждениях. Безусловно, это была программа национального примирения в Якутии. Выборы должны происходить без всякого политического давления со стороны правящей большевистской партии. Центральному руководству предусматривалось предоставление исключительных прав только в вопросах обороны и внешней политики. Однако такая программа встретила резкую реакцию со стороны лидеров большевистской партии. Е. Ярославский в мае 1923 г. в журнале «Красная Якутия» заявил, что эти требования являются лицом района, требующим изменения советской конституции[1].

В 1926 г. руководство Якутии на заседании Якутобкома приняло решение о том, что все руководящие работники должны состоять в обществе Саха-омук. Однако военная опасность 1927 г., когда советское руководство ожидало новую интервенцию после резкого обострения отношений с Англией, самым негативным образом повлияла на развитие Якутии. Недовольство населения экономической политикой соввласти привела к восстанию части местного населения. По указанию Сталина 22 декабря 1927 г. ответственность за подавление восстания была возложена на ОГПУ. Руководитель частей Красной армии Строд вступил в переговоры с восставшими об условиях прекращения вооруженного противостояния. В ответ последовало еще более жесткое решение. 26 января 1928 г. Политбюро дало указание: «Правительству Якутии никаких разговоров с прибывшими в Якутск представителями бандитов не вести и передать это целиком ОГПУ»[2]. Репрессивными мерами восстание было подавлено. Из 83 арестованных 55 человек были расстреляны, остальные приговорены к различным срокам заключения. В мае 1928 г. на заседании бюро Якутобко-

[1] Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ) Архивно-следственное дело (далее – АСД). Ф Р–10756. Т. 1. Л. 38.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 17.

ма руководство республики было обвинено в вовлечении в советское строительство кулацко-националистической интеллигенции. Движение Соха-омук было запрещено.

Если первоначально в 1928 г. из Якутии были отозваны и направлены для работы в Москву руководители партийных и советских органов, то в период массовых репрессий большинство из них были арестованы и репрессированы.

В годы массовых репрессий 1937–1938 гг. руководящие работники среднеазиатских республик, Казахстана, Киргизии, Татарии, Башкирии, Крыма обвинялись в создании так называемой пантюркистской антисоветской организации. В 1930 г., по мнению следователей Главного управления государственной безопасности, был организационно оформлен Объединенный центр пантюркистской националистической организации. В руководящий состав якобы входили руководители указанных выше союзных и автономных республик. Им приписывались воззрения на будущее национально-государственное устройство, которые были характерны для представителей небольшевистских организаций и движений периода буржуазно-демократических преобразований и Гражданской войны 1917–1920 гг.

В ходе допросов уполномоченного Комиссии советского контроля по Узбекской ССР С. Х. Ходжанова он становился сторонником Алашской и Кокандской автономий[3]. Бывший председатель СНК Узбекистана Ф. У. Ходжаев якобы стремился к созданию независимого самостоятельного узбекского государства на принципах буржуазно-демократического развития[4].

В циркуляре ГУГБ НКВД СССР об агентурно-оперативной работе по тюрко-татарским антисоветским националистическим организациям от 8 июня 1937 г. был сделан вывод, что в республиках Средней Азии, восточных национальных республиках, краях и областях руководящий состав разработал план создания единого тюрко-татарского государства[5]. Руководителем организации был назначен Рыскулов Т. Р., заместитель председателя СНК РСФСР. Сталин внимательно изучал все протоколы и давал указания о расширении количества арестованных. В протокол допроса Рыскулова следователи Главного управления госбезопасности включили в качестве участников организации как уже арестованных, так и намеченных к аресту председателя СНК Туркмении К. С. Атабаева, бывшего председателя СНК Татарии, на момент ареста начальника Управления Наркома-

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 316. Л. 198.

[4] Там же. Д. 365. Л. 99.

[5] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 413. Л. 377–384.

та просвещения РСФСР Х. З. Габидуллина, бывшего председателя СНК Киргизии Ю. А. Абдрахманова, председателя СНК Башкирии З. Г. Булашева, председателя ЦИК Казахстана У. Д. Кулумбетова и десятки других. Аресты проводились на основе указаний, отмеченных в упомянутом выше циркуляре, поскольку в нем говорилось, что представители националистических организаций якобы осуществляют захват руководящих постов в партийно-советском аппарате в целях расширения фронта борьбы с ВКП(б) и советской властью. В итоге в течение июня–августа 1937 г. были сняты с должностей и арестованы руководители большинства национальных республик.

В автономных республиках в составе РСФСР аресты были связаны с обвинениями в поддержке ранее арестованных или находившихся в эмиграции участников националистических организаций, выступавших за большие права союзных и автономных республик в решении политических, экономических, социальных вопросов.

Первый секретарь обкома ВКП(б) Татарской АССР А. К. Лепа был обвинен в том, что якобы он выдвинул на руководящие посты заместителя СНК Магдеева, председателя ЦИК Татарии Г. Г. Байчурина, которые являлись бывшими сторонниками М. Х. Султан-Галиева, основателя Российской мусульманской коммунистической партии[6]. Причем председатель ЦИК Байчурин якобы устроил на работу значительное количество националистов из Крыма.

Разгром национальных кадров на Украине был с точки зрения политической связан и с реанимацией бывшей партийной принадлежности части руководящих работников. Им ставилось в вину то, что до вступления в ряды Компартии Украины они были членами партии боротьбистов, представлявших левое крыло Украинской партии социалистов-революционеров. В программе этой партии содержались требования укрепления национальной армии, самостоятельного управления национальным хозяйством, форсированной украинизации. В дальнейшем став членами компартии Украины, они якобы продолжали подрывную работу. Важно отметить, что до 1938 г. некоторые положения этой программы были воплощены в практику. На Украине были сформированы пять национальных территориальных дивизий. Такие же дивизии были созданы в Белоруссии, в закавказских республиках.

После применения физических мер воздействия арестованный заместитель Верховного суда УССР Войцеховский Ю. А. на допросе 30–31 июля 1937 г. утверждал, что П. П. Любченко, председатель СНК Украины, А. А. Хвыля, начальник Управления по делам ис-

[6] Там же. АСД. Ф. Р-2303. Т. 1. Л. 21 об.

кусств при СНК УССР и другие руководящие работники по своим взглядам и убеждениям продолжали оставаться боротьбистами и вели подпольную борьбу против компартии[7].

Таким образом, борьба правящей коммунистической партии с различными оппозиционными течениями в национальных республиках дополнялась повсеместным поиском «контрреволюционных националистических организаций».

Не менее важным фактором, влиявшим на обострение национальных отношений, стала чрезмерная централизация управления, жесткое планирование экономического развития. Складывался стиль управления, который исключал полный и всесторонний учет мнений управленческих структур национальных республик. Фактически любые попытки защиты национальных интересов рассматривались как проявление местного национализма. Это касалось и Российской Федерации. Сулимов председатель СНК РСФСР в доверительных беседах с будущим секретарем Челябинского обкома К. В. Рындиным делился своим мнением об атмосфере в аппарате правительства и отмечал: «Бесправная работа в бесправном учреждении»[8]. Он имел в виду, что председатели совнаркомов национальных республик, наркомы при обсуждении вопросов развития своих ведомств, различных отраслей промышленности и сельского хозяйства не имели возможности последовательно отстаивать свои интересы. Например, ежегодные народнохозяйственные планы в мельчайших подробностях составлялись в СНК СССР, а спорить с председателем союзного Совнаркома В. М. Молотовым было практически бесполезно. При предоставлении помощи какой-либо области, когда речь шла о дополнительных капиталовложениях, республиканские наркоматы не могли без согласования с СНК СССР решить данную проблему. Существовали гигантские диспропорции в выделении материальных средств республикам и крупным промышленным предприятиям, что являлось свидетельством приоритетов в экономическом строительстве. Нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько отмечал, что весь резервный фонд СНК РСФСР в 1937 г. составлял 80 млн руб., а фонды директоров крупных промышленных предприятий – более 1 млрд.

Такие взаимоотношения метко охарактеризовал Н. И. Бухарин, который в 1933 г. посетил Узбекистан. В ходе беседы с председателем СНК Узбекистана Ф. У. Ходжаевым он говорил, что права республикам даны только по форме, но ничего по существу. По его словам важнейшие вопросы решаются по шаблону[9].

---

[7] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 316. Л. 132.

[8] ЦА ФСБ России АСД. Ф. Р-23391. Л. 12.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 318. Л. 35.

Первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А. И. Икрамов отмечал колониальный характер взаимоотношений между Центром и республикой. Значительные посевы хлопка приводили к продовольственным трудностям, когда республика не получала необходимого количества зерна для того, чтобы накормить население. Осуждалась практика сокращения посевов хлопка и увеличения площадей под зерновые культуры[10].

Объективная информация руководства Украины о тяжелейшем продовольственном положении в 1930–1933 гг., приведшая в итоге к голодомору, оценивалась в Центре как сгущение красок украинским руководством[11].

На заседании в Госплане РСФСР один из руководителей Башкирии обвинил СНК РСФСР в том, что республика продолжает оставаться, как и до революции, страной веревок и лаптей. Это было расценено как пропаганда националистических взглядов. Хотя данное выступление можно рассматривать и в качестве доказательства сохранения диспропорций в экономическом строительстве.

Не допускались никакие отклонения от выработанной генеральной линии в идеологической области. Арестованные руководители Башкирии первый секретарь Башкирского обкома ВКП(б) А. Р. Исанчурин, председатель Госплана Ш. Даутов обвинялись в том, что отрицали классовую борьбу и заявляли об особенностях развития республики, называя ее «счастливым островом», на котором не существует классовых противоречий. В своих программных выступлениях они подчеркивали, что в республике достигнута победа в борьбе с буржуазным национализмом.

В числе арестованных в Башкирии оказались и ряд работников, переведенных из Украины в Башкирию. Это тоже была практика в отношении национальных кадров – перебрасывать их в отдаленные районы для своеобразного перевоспитания. Заместитель председателя Госплана Башкирии Я. Н. Дубенский был в 1931 г. направлен на работу в этот регион после того, как решением ЦК КП(б)У ему был объявлен строгий выговор с предупреждением за правооппортунистические колебания. Он также был назван сторонником теории о затухании классовой борьбы в Башкирии. В ходе следствия было выяснено, что украинские работники постоянно интересовались событиями на Украине и не верили развернувшейся в 1936–1937 гг. борьбе с так называемыми троцкистами и правыми[12].

---

[10] Там же. Д. 365. Л. 107–108.

[11] Там же. Д. 365. Л. 141.

[12] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 4. Д. 755. Л. 180–182.

В автономных республиках РСФСР происходили события, которые объективно рассматривались в качестве проявлений сепаратизма. Башкирское руководство было против того, чтобы в качестве государственного языка наряду с башкирским был признан татарский. Только после вмешательства Москвы официальными языками были признаны русский, башкирский и татарский[13].

Экономические проблемы порождали недовольство среди населения, например среди народов Севера РСФСР. В 1936 г. северный завоз был сорван и приходилось принимать срочные меры для доставки продовольствия. Первоначальный план был выполнен только по завозу водки, что привело к распространению лозунга «Русские, вон из тундры».

Тенденция, характерная для обвинений руководителей союзных и автономных республик, заключалась в том, что из двух опасностей – великодержавный шовинизм и местный национализм – Сталин считал главной вторую.

Отсутствие достаточной свободы в решении разнообразных проблем национальными правительствами союзных и автономных республик способствовало нарастанию противоречий внутри союзного государства.

Серьезный фактор дестабилизации межнациональных отношений объективно заключался в том, что многонациональное советское государство состояло из республик, имевших существенные различия по уровню предшествующего политического, экономического и социального развития. С одной стороны, национальные республики, располагавшиеся по границам СССР, могли вполне стать самостоятельными государствами, что в дальнейшем и случится. С другой стороны, что было маловероятным, могло произойти их объединение с другим государством.

Учитывая сложную международную обстановку, нарастание опасности новой мировой войны, советское руководство встало на путь жесткого подавления такой возможной угрозы в национальных отношениях. Это нашло свое воплощение в проведении массовых репрессий по национальному признаку.

В отношении партийно-советской номенклатуры следователи применяли определенный шаблон, который использовался для характеристики националистической организации. Во-первых, руководители союзных республик, как правило, ставили своей задачей создание независимого самостоятельного государства с выходом из состава СССР. Например, нарком внутренних дел Украины И. И. Ле-

[13] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 4. Д. 755. Л. 195.

плевский постоянно направлял наркому НКВД СССР Н. И. Ежову сообщения о вскрытых якобы националистических организациях. В подготовленных сотрудниками показаниях содержались стандартные положения. Так, участник такой вымышленной организации на Украине, ректор Киевского ветеринарного института А. П. Любченко указывал: «Отделение Украины от СССР остается программой действий для нас. При объединении УССР с Западной Европой, мы многое бы выиграли. Мы были бы тем государством, с которым бы считались. Конечно, организация такого государства будет кое-что стоить, конечно, полякам надо будет дать немного за помощь, но все это будет значительно меньше того, что вывозят из Украины в Россию». Во-вторых, обязательно проводилась линия о связи «заговорщиков» с иностранными государствами. На Любченко была возложена задача установления связей с Польшей и Германией, которые якобы окажут Украине содействие в ее отделении от СССР и создании независимой «Соборной Украины». Прочитав данное сообщение, Сталин воспринял его вполне серьезно и дал указание арестовать несколько руководящих работников[14].

Аналогичные сообщения поступали из Белоруссии, где члены вымышленной националистической организации под руководством председателя СНК Белоруссии Н. М. Голодеда и председателя ЦИК А. Г. Червякова стремились к образованию так называемой буферной Белорусской буржуазно-демократической республики под протекторатом Польши.

В Якутии, Бурят-Монголии, Коми-Пермяцком крае руководители пытались якобы образовать независимые государства или под эгидой Японии или для создания Великой Финляндии.

Таким образом, национальный вопрос в СССР в период правления Сталина решался в значительной мере методами насилия в отношении политических оппонентов, истребления национальных кадров, декларативными заявлениями о самостоятельном решении союзными и автономными республиками различных проблем внутренней жизни при сохранении жесткой централизованной вертикали власти. Такая политика способствовала тому, что насущные и злободневные проблемы не получали своего разрешения и могли способствовать распаду советской империи.

---

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 317. Л. 64, 74.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 5

Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) 6

Суни Р. Г. Советское и национальное: единство противоречий 17

Костырченко Г. Доктрина «старшего брата» и формирование государственного антисемитизма в СССР в свете идеологической и этнополитической трансформации сталинского режима в 1930-е гг. 41

I. «ИМПЕРИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ». КОРЕНИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АВТОНОМИИ 1920-х гг. 53

Шаповал Ю. И. Александр Шумский: судьба наркома в империи «позитивного действия» 54

Красовицкая Т. Ю. От столыпинской к сталинской модернизации образовательного пространства России (1905 – конец 1920-х гг.) 65

Якубова Л. Д. Национальные районы: опыт осуществления политики коренизации в УССР 76

Дроздов К. С. Политика украинизации в РСФСР в 1922–1932 гг. и развитие национального самосознания украинцев России 86

Борисёнок Ю. А. Особенности ускоренной белорусизации в Полоцком регионе и польский фактор (1923–1928 гг.) 96

Дмитрик И. А. Украинизация Донбасса в 1923–1938 гг.: общественное мнение 105

Дённингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) 115

Воронцов В. С. «Империя положительной деятельности» на примере коренизации в Удмуртии 126

Варданян-Айвазян Т. Р. Об особенностях политики коренизации в Закавказье в 1920–1930-е гг. 137

Пичуков В. П. Национальные немецкие сельсоветы БССР в 1920–1930-е гг.: между национальным и классовым 147

Ефименко Г. Г. Форма и реальное содержание «положительной деятельности» советской власти в сфере национальной политики (1919–1938 гг.) 157

II. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1930-х гг. КРИЗИСЫ И РЕПРЕССИИ 165

Жангуттин Б. О. «Ваше мнение по этому поводу помогло бы нам...» Коллективизация, голод и национальное развитие Казахстана 166

Васильев В. Ю. Национальные моменты в политике руководства СССР в Украине (1932–1933 гг.) 175

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. – общая трагедия народов СССР: национально-региональный аспект 187

Никольский В. Н. Национальные аспекты политических репрессий 1937–1938 гг. на Донеччине 202

Папакин Г. В. Режим «черной доски» в сталинских репрессиях 1932–1933 гг. против наций и народностей в регионах товарного земледелия СССР 212

Батырбаева Ш. Д. Голод 1930-х гг. в Кыргызстане: новые материалы, новые подходы 222

III. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 231

Петренко А. М. Национальная интеллигенция Молдавской АССР. Формирование и судьба 232

Тихонов В. В. Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие 238

Ясь А. В. «Покаянные» и «обличительные» тексты украинских историков первой половины 1930-х гг. как способ организации культурного пространства тоталитарного общества 247

Марусик Т. В. Национальная политика сталинского режима и западноукраинская интеллигенция 256

Аккиева С. И. Формирование новой системы образования на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. 265

Галлямова А. Г. Советская национальная политика и кризис этносоциальной самоидентификации татар в 1940–1980-е гг. 273

Чепайтене Р. Национальная форма сталинского города 282

IV. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА». 1940–1950-е гг. 293

Бердинских В. А. Этнические депортации в Советском Союзе в 1940–1941 гг.: исследовательские проблемы 294

Ильмярв М. Идеологическая мотивировка в СССР в 1940–1941 и 1945–1950 гг. «событий» 1940 г. в Эстонии, Латвии и Литве 304

Коростелина К. В. Притеснения гражданских лиц на родине: положение крымских татар и калифорнийцев азиатского происхождения в годы Второй мировой войны 316

Кадио Ж. Правовые практики и межнациональные отношения в послевоенном СССР 338

Веденеев Д. В. Оперативно-войсковые механизмы обеспечения советизации Западной Украины в 1945–1954 гг. (По документальным материалам советских органов госбезопасности) 348

Люкс Л. Поздний сталинизм и еврейский вопрос (1941–1953 гг.) 357

Кантор Ю. З. Ресоветизация Прибалтики: национальные кадры и национальный вопрос (1944–1953 гг.) 373

Зброжко О. М. Репрессивная политика коммунистического режима против национально-освободительного движения на западноукраинских землях в 1940–1950-х гг. (На основе архивных документов партийных и государственных органов УССР) 386

Примаченко Я. Л. Эволюция национального вопроса в идеологии ОУН(б) в годы Второй мировой войны 396

Орлов И. Б. Национальный и интернациональный компоненты советской военной пропаганды 406

Петренко О. Зоны противостояния. Жизнь и смерть «восточниц» в послевоенной Западной Украине 416

Эпштейн А. Д. «Национальный вопрос» между внутренней и внешней политикой: проблемы изучения курса властей в отношении евреев и Израиля в последнее сталинское десятилетие 426

V. ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ЭТНОСЫ. АССИМИЛЯЦИЯ И КОНФЛИКТЫ 445

Яковлева Г. Н. Традиционные бытовые практики и борьба за новый советский быт. Витебщина в 1920-е гг. 446

Байбурин А. К. Советские практики определения национальности в 1920–1930-е гг. 458

Максимова Л. А. Национально-демографические последствия индустриализации на Европейском Северо-Востоке СССР 468

Мухтаров Т. Г. Влияние Второй мировой войны на процесс ассимиляции башкирского народа 474

Папков С. А. Сталинизм в судьбе малых народов Сибири 478

Исаев В. И. Переплавка: межнациональные отношения на промышленных предприятиях Сибири в период форсированной индустриализации (1928–1939 гг.) 487

Рахманкулова А. Х. Национальная политика Советского государства в 1930–1940-е гг. Депортация народов в Узбекистан 497

Рахаев Ж. Я. Идеологема «народ-предатель»: преодоление и переживание в массовом сознании и социальной практике репрессированных народов Северного Кавказа (На примере карачаевцев и балкарцев) 506

Романько О. В. Крымско-татарское национальное движение: между Сталиным и Гитлером 520

Галушко К. Ю. Слияние и растворение: этнические объекты в советской исторической учебной картографии (1928–1958 гг.) 528

Бранденбергер Д. Сталинский ответ на национальный вопрос: загадочное молчание «Краткого курса истории ВКП(б)» о национальной политике после 1938 г. 537

Аманжолова Д. А. Общественные организации в социально-культурном пространстве этничности – удалась ли прививка советской гражданственности? 544

VI. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЕССИИ 553

Фёльдвари Ш. Советизация и борьба против церкви в Закарпатье в 1940–1950-х гг. 554

Митрохин Н. А. Русские националисты в Русской православной церкви (1943–1985 гг.) 558

Лысенко А. Е. Искусство возможного: Православная церковь Украины в период Второй мировой войны 591

Макарова Н. Н. Религиозность и советский образ жизни в условиях индустриализации (По материалам Магнитогорска 1930-х гг.) 600

Сагитова Л. В. Автономизация мусульманских общин в условиях советской политики атеизма (на примере татарского села Средняя Елюзань) 610

VII. СОВЕТСКАЯ ЭТНОНОМЕНКЛАТУРА. ФОРМИРОВАНИЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ 619

Ахмедова Ф. Национальный вопрос и конфликты в большевистской элите в первые годы советизации Азербайджана 620

Юрчёнков В. А. Коренизация аппарата в Мордовской АССР как создание и насаждение новой национальной элиты (1928–1938 гг.) 632

Борисёнок Е. Ю. Кадровая политика большевиков в УССР в период коренизации 641

Тепляков А. Г. Шовинизм и национализм в органах ВЧК–МГБ–МВД СССР (1918–1953 гг.) 649

Крупына В. А. Кадровая политика в советской Украине в период позднего сталинизма: национальный аспект 658

Штейнле А. Ф. Идентичности руководителей Украины: национальный и социальный компоненты (1945–1953 гг.) . . . 666

Хаустов В. Н. Проблемы национальной политики в СССР в архивных и следственных делах на партийно-советских руководителей союзных и автономных республик 674

Научное издание

История сталинизма. Дебаты

СОВЕТСКИЕ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА в 1920–1950-е годы

Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г.

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *М. А. Айламазян*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *М. А. Богданова*
Корректор *Т. В. Федоркова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.10.2014.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 43.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)